

МИНУВШЕЕ

20

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

20

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Редакционная коллегия: Николай Богомолов, Жан Бонамур, Эльда Гарэтто, Александр Добкин, Джон Мальмстад, Ричард Пайпс, Марк Раев, Дмитрий Сегал, Анатолий Смелянский

Главный редактор: Владимир Аллой

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

20

ATHENEUM — ФЕНИКС
МОСКВА — С.-ПЕТЕРБУРГ
1996

ББК 63. 3(2)
М-62

М-62 **МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. 20.** — М.;
СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. — 662 с., ил.

ISBN 5-85042-001-0
ISBN 5-85042-025-8

В настоящем выпуске читатель найдет: исследование американского историка Р.Пайпса о русской революции, воспоминания о троцкистском подполье 1920-х, дневники В.А.Амфитеатрова-Кадашева о революции и гражданской войне, переписку М.А.Кузмина и В.Э.Мейерхольда, материалы из архива М.Горького, очерк Э.Голлербаха о М.Волошине и др. Все публикуемые тексты подробно откомментированы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественным прошлым.

М $\frac{4702010206-009}{Д 20 (03) - 96}$ 95 без объявл.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-85042-001-0 (Феникс)
ISBN 5-85042-025-8

© «Феникс», 1996
World © «Atheneum», 1996

ВОСПОМИНАНИЯ

Е.Л.Мельцер
· КОММЕНТАРИИ К ЖИЗНИ

Публикация С.В.Шумихина

Левая троцкистская оппозиция, именовавшая себя «большеви́стско-ленинской», была физически уничтожена в своей массе к началу 1937. Следователям тех лет не было дела до возможности или невозможности построения социализма «в одной, отдельно взятой стране». Они выполняли спущенные сверху директивы, планы и разверстки. Для них на одно лицо были правые и левые, децисты и бухаринцы, троцкисты и зиновьевцы, а также те, кто сделав ставку на Сталина, соскользнул в общий поток. Все эти люди именовались труднопредставимым гибридом: *«право-левые уроды»*.

Среди немногих выживших и решивших на склоне лет разобраться в своей судьбе — Евгения Леопольдовна Мельцер. Уникальность ее мемуаров в том, что, не подверженная конъюнктурным мотивам (воспоминания писались десятилетиями, и трудно предположить, что в лагере или в последующие годы автора могли заботить опасения за «проходимость» текста в печать) — а значит, совершенно искренне, — она полностью оправдывает власть, так жестоко изломавшую ее жизнь, судьбы ее семьи и детей. Порой оторопь берет от чтения иных страниц: например, когда ссыльная троцкистка, зайдя в библиотеку глухого городишки, тут же указывает библиотекаря на две-три книги, «которым не место в советской библиотеке», и т.п. Но *обобщить* происшедшее для Мельцер значило зачеркнуть всю свою нелепую и невероятную жизнь, признать, что она свои незаурядные качества: ум, целеустремленность, силу воли, честность, трудолюбие, даже невероятные живучесть и выносливость — всегда использовала только во вред себе и окружающим. «Комментарии» были начаты еще в воркутинском лагере, где Мельцер работала и в конторе шахты счетоводом, и почти на всех видах «обших» — ламповщицей при шахте, на лесоповале, на изготовлении торфяно-перегнойных горшочков, на сборе по лагерю золы для удобрения, на уборке овощей, на остеклении теплиц; когда она длинными зимними

ночами топила печурку в картофелехранилище... В лагере же начатое и пропало у начальника секретно-оперативной части, вместе с письмами детей, которые тоже хранить не полагалось. Потом пришлось еще несколько раз начинать весь труд сначала. Погибли и ранние дневники мемуаристки, сберегавшиеся почти четыре десятилетия (дневники она вела всю жизнь, ибо потребность в самоанализе у нее была очень большой). В «Комментариях» она так вспоминала об этом:

В новый [1914] год в своем дневнике, как наилучшее пожелание самой себе, я записала клятву отдать всю жизнь до последней капли крови «на служение народу». Дневник с этой клятвой каким-то чудом сохранился до 13 апреля 1951 года, когда он был сожжен вместе с другими дневниками и рукописями следователями Владимирского МГБ — Калямовым и Усановым, и мне преподнесли акт о сожжении и предложили расписаться, что я ничего не имею против. Мне показалось, что они одновременно сожгли и всю жизнь мою.

Труд жизни Е.Л.Мельтцер представляет собой пять толстых папок, всего более 4,5 тысячи машинописных страниц, на разномастных листах бумаги. Он изобилует повторами, отступлениями, экскурсами в прошлое или будущее в ущерб последовательному изложению — всем тем, что свойственно неопытному мемуаристу. Слог достаточно выразителен, но переполнен книжными и газетными штампами; нередко путаются имена и даты, а дальше исправляются, но найти в массе текста и исправить первоначальную ошибку автору было уже, вероятно, не под силу. Пять папок — пять книг мемуаров. 1-я «За синей птицей. 1895-1915», 2-я «На гребне революции. 1916-1919», 3-я «Грани жизни. 1920-1926», 4-я «Не той стороной. 1927-1935» и 5-я «Искушение (Освоение Воркуты). 1936-1941». Ко времени завершения последней книги (1965) были задуманы и, возможно, писались еще две: «Долг. 1941-1951» и «Кэмпер (Испытание верности). 1951-1962». «Кэмпер» по-казахски (в Казахстане Мельтцер отбывала послевоенную ссылку) означает старуху, но не уважаемую мать семейства, которую зовут почтительно «ата», а беспутную нищенку, без семьи и дома. По приложенной к рукописи записке видно, что был написан эпилог (который мог служить и предисловием) «До свидания, товарищи!» и сдан вместе с законченными томами в редакцию «Нового мира». Возможно, эти «Комментарии» были даже прочитаны редактором (упоминается фамилия Н.Л.Майкапар). Впрочем, столь же возможно, что в эти папки никто не заглянул, либо ограничился перелистыванием оглавления. Оставшись в новомирской архиве в 1965, «Комментарии к жизни» через пару десятилетий были списаны в макулатуру, откуда с трудом, по стечению случайных обстоятельств, выужены автором этих строк. В обработанном архиве «Нового мира» тех лет, за которые он поступил на хранение в РГАЛИ, обнаружить какие-либо сведения об этой рукописи пока не удалось.

Родилась Е.Л.Мельтцер в 1895 в семье немецкого подданного, переселенца, служившего управляющим крупным имением под Полтавой.

Отец умер, когда она была девочкой, и у матери, Цецилии Карловны, остались пять дочерей на руках. Немецкое подданство сыграло свою роль в 1914, когда началась война с Германией. Как раз в этот год Женя окончила гимназию, но ни паспорта, ни свидетельства о политической благонадежности ей не выдали. Все подруги тем временем уезжали в Москву и Петербург продолжать образование. Первый авантюрный шаг девушки — фиктивный брак с неким Георгием Федорцом, которого больше в своей жизни Женя не встречала. Венчание происходило в церкви полтавской тюрьмы: священники обычных приходов регистрировать подозрительных молодоженов отказались.

В Москве Мельтцер поступила в Народный университет Шанявского. Там же легко и быстро сошлась с левыми кругами — преимущественно эсеровскими. Здесь появился ее первый муж Вениамин Тверитин (невенчанный, ибо в своем эмансипаторском пылу замужество она принципиально отвергала). С ним вместе она уехала после Октябрьской революции в Сибирь «углублять революцию» (Тверитин был родом из Омска). У них родился сын Юрий. В Екатеринбурге, где при Колчаке Тверитин и Мельтцер вели подпольную работу, Тверитин был выдан, схвачен и расстрелян. Провела свыше двух месяцев с грудным ребенком в тюрьме и Женя, чудом оставшись в живых.

В 1920 она возвращается в Москву, войдя сначала в круг молодежи факультета общественных наук (ФОНа) при Первом МГУ, а затем и знаменитой «Свердловки» (Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова). Описанный на страницах «Комментариев» ее революционный ригоризм — не только исповедуемый теоретически, но и в полной мере практикуемый в быту — если это слово подходит к абсолютно безытной Жене, — может показаться диким человеку более поздней исторической эпохи, да и у современников Жени вызывал некоторое недоумение. Ее первенец умер. После ряда неудачных поисков среди товарищей-студентов того, кто мог бы стать отцом ее нового ребенка (эти сюжеты в публикацию не включены, но достаточно сказать, что в ходе «отбора кандидатов» Женя заразилась венерической болезнью и год лечилась), она сходится со студентом МВТУ, ставшим отцом ее двух детей — Лели и Вирочки (имя взято под впечатлением от романа Л.Р.Сейфулиной «Виринья»).

Огромное место уделяется в «Комментариях» формированию Женей из сына и дочери «новых людей», с привлечением всех моднейших педагогических теорий того времени (в частности, педологии); ведению многолетних дневников наблюдений о развитии детей (также сожженных во Владимирском МГБ). Имелся даже такой хищнический замысел, как написание для сына с воспитательной целью романа, который был бы увлекательно-приключенческим и одновременно советски-назидательным (писать его Мельтцер пришлось бы, естественно, в лагере), и т.д. и т.п. Все эти коммунистические эксперименты развертывались на фоне тягостной нищеты — но собственной нищеты Женья не тяготилась, да, кажется, так и не замечала ее до конца жизни...

Наследственная глуховатость и близорукость, когда Женя видела без очков страницу книги перед собой, но лица людей чуть поодаль предста-

влялись туманными пятнами, также способствовали формированию существа «не от мира сего». Когда «щепкой по волнам», как названа одна из глав в «Комментариях», советская власть пошла швырять убежденную «большевичку-ленинку» по ссылкам, дети и вызванная на подмогу Женей мать последовали за ней. Для того, чтобы не расставаться с детьми в ссылке, Мельтцер устроила голодовку. Кажется, что даже начальники лагерей и лагерные «оперы» побаивались этой странной лагерницы, — «большей католички, чем римский папа».

С чем же подошла Евгения Мельтцер к пределу жизни? Ни дома, ни — по сути — семьи, разрушенное здоровье и одно страстное желание: понять, осознать, проанализировать, почему же все так получилось? Может быть, на бумаге это будет легче...

Хотя любимой моей поговоркой было «Всяк человек своему счастью кузнец», и я была уверена, что уж свою-то жизнь я строго сознательно направляю, однако жизнь оказалась прожитой так, что в 60 лет, с седой головой, больно и стыдно ее вспоминать, и не знаешь, выкинуть ли ее бесследно на свалку или попытаться хотя бы проанализировать объективно причины и ход своего жизненного банкротства.

Если эти «комментарии» не окажутся пригодны как уроки жизни для следующего поколения, то будут бесполезны как сырой конкретный материал для писателей исторического жанра, когда надо будет заняться художественным показом этой великой эпохи; писателям придется рыться в архивной пыли в поисках штрихов ее, деталей для обрисовки и положительных, и отрицательных типов. Стоило ли прожить такую долгую жизнь только для каких-то сомнительных «комментариев», которые неизвестно еще сохраняются ли и в какие руки попадут, и достаточно ли они удобочитаемы, и насколько это действительно комментарии? /.../ «Кому нужна и может быть интересна история одной оппозиционерки?» — с искренним недоумением спросил меня в 1952 году мой следователь, ровесник моего младшего сына, ставя вопрос о сожжении всех рукописей и дневников.

И все же мне думается, что если бы эти (а, в особенности те, уже погибшие) рукописи сохранились [ранние дневники во время одной из ссылок сожгла старшая сестра Мельтцер Рита. — *С. III.*], то со временем какой-нибудь одаренный писатель, задумавший дать образ идеалистки в эпоху диктатуры пролетариата, или писатель большого исторического диапазона, замысливший «Войну и мир», — все же нашли бы в трудах моей писанины кое-какой сырой материал, кое-какие крупинки, «заготовки» для своих произведений: штрихи, детали, отзвуки, дуновения для задуманного костяка.

Так писала она, преодолевая сомнения в хоть мало-мальском значении и важности своего труда. Но узнать, как воспримут ее мемуары читатели и прочтет ли их хоть один человек, ей уже не было дано.

«Комментарии к жизни» написаны от третьего лица (за исключением 1-й книги, посвященной детству и девичеству). Мельтцер избрала такую форму сознательно:

Уж если писать, так писать чистую правду. Я решила преодолеть стыд и боль и писать честно. Но, опасаясь, как бы моя рукопись не попала случайно в руки сторонних праздно-любопытствующих людей еще при моей жизни, я решила писать о себе в третьем лице, тем более, что мне никогда не приходилось жить в отдельной комнате, писать не на глазах у людей, иметь возможность запирать свои рукописи... И это метод более объективного самоанализа, именно комментариев, а не просто воспоминаний, ведь дневник, воспоминания и комментарии — совершенно разные вещи.

Фрагменты, отобранные нами для публикации из 3-й — 5-й книг, для смысловой связи соединены кратким пересказом пропущенных кусков (выделено более мелким шрифтом). Текст подвергся незначительной стилистической правке.

1920

Приехав в 1920 в Москву вместе с сыном Юрочкой, Женя остановилась вначале у своей младшей сестры Оли, работавшей машинисткой в конторе типографии. При помощи знакомого ей по Уралу журналиста Л.Сосновского, с женой которого Женя дружила, был получен ордер, и Женя вселилась в пустующую комнату; сын был устроен в ясли. Сама она поступила в Первый МГУ на первый курс факультета общественных наук, сокращенно именуемого ФОНом. Как член партии революционного коммунизма, слившейся с РКП(б), Женя получила партийный билет. В память о расстрелянном колчаковцами муже она написала очерк и прочла товарищам. Эта «проба пера» имела неожиданные для автора последствия.

Женя часто заходила в университет попутно, с Юркой на руках, и там на него обратила внимание одна студентка, которую и Женя заприметила в среде студентов. Это была красивая, молодая, со вкусом, но и с траурным штрихом одетая дама, с умным и серьезным выражением лица. Услышав, что ее фамилия Коган-Бернштейн, Женя поинтересовалась, не жена ли она известного эсера, знакомого Жене по Февральской революции. «Да, вдова Матвея Львовича¹, — ответила она с гордостью. — А ваша фамилия как?» Женя назвала свою теперешнюю фамилию, упустив из

виду, что в феврале 1917-го она была Федорец. Впрочем, Коган-Бернштейн не могла знать ни той, ни другой фамилии, однако, улыбнувшись мило, она сказала: «Как же, знаю... Вы писательница...» Женя была поражена, тем более, что не могло быть у нее однофамилиц. «С чего вы взяли?» — «Как же, я видела в витрине книжного магазина брошюру с вашей фамилией — Е.Мельтцер». — «Какой-то бред, — пробормотала недоумевающая Женя, — никакой брошюры никогда не писала...» — «Неужели однофамилец? Брошюра называется "Один из многих"». Тут Женя догадалась, что речь идет о ее воспоминаниях о Тверитине. «Но я ничего не сдавала в печать», — удивилась она. «Значит, все же ваше произведение?» — Женя даже не уловила тонкую иронию в вопросе Коган-Бернштейн, она была слишком озадачена. «В каком магазине вы ее видели?» Коган-Бернштейн объяснила, и Женя убедилась собственными глазами, что в окне магазина действительно выставлена тонюсенькая брошюрка, на заглавном листе которой написано черным по белому: «Е.Мельтцер. Один из многих (Тверитин)».

«Кто же мог напечатать мою рукопись даже без моего ведома? Очевидно, или сестра Оля, работавшая в типографии, устроила мне сюрприз, или Сосновский², как журналист, имевший дела с издательством». Дело в том, что Женя попросила сестру перепечатать рукопись о Тверитине на машинке, — ей это ничего не стоило, так быстро она печатала и имела возможность пользоваться машинкой в любое время. «Только один экземпляр ты подаришь мне», — согласилась Оля. — «Пожалуйста, — обрадовалась Женя, — если ты напечатаешь два. Впрочем, тебе все равно — напечатать три, — я хочу еще Ольге Сосновской подарить». — «Это, конечно, сложнее, потому что надо выискать бумаги в три раза больше, но ладно, сделаю...» /.../ Ольга Сосновская была тронута подарком Жени, а, прочитав рукопись, нашла, что написана она хорошо. /.../

Когда Женя спросила сестру, не она ли устроила ей напечатание рукописи, Оля только рассмеялась: «Что бы это было, если бы каждая машинистка подсовывала свою писанину к изданию... И тираж-то немалый». Тогда Женя побежала к Сосновским, и Ольга, радостно сияя, подтвердила, что Сосновский порекомендовал издательству напечатать очерк о погибшем большевике и что предполагается издать серию таких очерков о борцах за рабоче-крестьянское дело. «И ты можешь даже деньги, и немалые, получить за эту брошюру». Для Жени была велика уж честь, что напечатали биографию ее близкого человека, что имя Тверитина вошло в историю, что она хоть частично выполнила свой долг перед

памятью его и своим сыном. Даже странно было, что за это ей еще и заплатят. Женя тут же поведала Ольге, что у нее есть еще, примерно такого же типа и объема, повесть о Стивке и Петьке. Ольга сообщила Жене, что к 4-летней годовщине Октября готовится выпуск сборника «Памятник борцам революции» и посоветовала сдать эту повесть в редакцию сборника. /.../

Сборник «Памятник борцам революции»³ вышел через полгода, если не позже, и очень порадовал Женю не только тем, что там была помещена повесть о Стиве Дорониной и Петре Хотеевкове, но и перепечатан ее биографический очерк о Тверитине; помимо ее заметок о ее знакомых товарищах, там были обстоятельные статьи и о Карле Ильмере и некоторых других. Сосновский, узнав о выходе сборника, послал Женю получить авторские экземпляры и гонорар.

Ей выдали три экземпляра авторских, а по поводу гонорара сказали, что сборник издан со сбором в пользу семей погибших, и все авторы писали бесплатно. В большом, светлом и теплом кабинете заведующий отделом беседовал с нею сухо, недоумевая ее притязаниям. Как раз секретарь принесла ему на подпись расчет Демьяну Бедному на какую-то очень крупную сумму и предупредила его, что Демьян Бедный очень сердится на задержку. Заведующий подписал, не вникая в расчет, и взялся за другие бумаги. Женя молча стояла, понимая, что ей следует уйти. Наконец она сообразила и вымолвила: «Так ведь я и есть жена погибшего большевика Тверитина, а это его сын». Тут только заведующий оглядел ее внимательно: перед ним стояла женщина явно интеллигентного типа, в очках, но нищенского вида — в выцветшем сатиновом платье, босая, с большим ребенком на руках. Он покраснел, сказал коротко, уже мягким тоном: «Сделаем исключение...» — и дал распоряжение выписать ей 50 миллионов рублей (если не ошибаюсь, стакан семечек, урожайных в то лето, стоил 1 миллион). Женя так обрадовалась такой крупной сумме, что не догадалась справиться, не причитается ли ей получить еще сколько-нибудь из самого фонда.

Так из-за брошюрки о Тверитине Женя познакомилась с Коган-Бернштейн, которая, несмотря на свой оригинальный дамский вид — шляпа у нее была кокошником, подкупала ее своим интересом к Юрке. Она говорила, что очень любит детей, что работает по исследованию детской психики... «У меня тоже такой же сынок, — сказала она, заигрывая с Юрой. — Зовут его Левоу в честь дедушки». Женя знала, что дедушка был повешен на каторге большим прямо с носилок, причем дважды рвалась веревка; он оставил сыну очень трогательное письмо. О муже Коган-Бернштейн

рассказала нечто весьма расплывчатое, из чего Женя поняла, что умер он в заключении, однако советским человеком. Женя не допытывалась особенно об отошедшем, но заинтересовалась, как эта дама умудряется работать, учиться и растить такого маленького ребенка.

Коган-Бернштейн пригласила ее зайти к ней на дом познакомиться с сыном, посмотреть, как они живут. Она жила в большой, темноватой, загроможденной множеством вещей комнате с буржуйкой посередине. Ее мать, старая седая еврейка со следами былой красоты, очень пристально опекала своего внука, белобрысенького, русского типа мальчика лет трех. Худенький, но здоровый и подвижный, он был несравнимо более развитым, чем Юра, который не испытывал желания не только говорить и бегать, но и с рук сходить. Маленький Лева тут же спел про серенького козлика, рассказал про курочку-рябу, показывал картинки, игрушки... Мать и бабушка наперебой расхваливали его при нем же. Как ни пыталась Коган-Бернштейн вовлечь Юру в общие игры и разговоры, он так и оставался болванчиком, прячась за юбку матери, — хотя Лева воспитывался за юбкой бабушки, а Юра ходил в детский сад. «Он у вас, очевидно, несколько отсталый ребенок, — сказала Коган-Бернштейн. — Если хотите, это можно уточнить и тогда посоветовать вам кое-какие приемы для его развития. Я работаю в кабинете известного психолога и невропатолога Россоломо, где производится психотехническое обследование людей для производственных целей, — например, вагоновожатые должны обладать определенными данными. Вы принесите ко мне на работу Юру, и я попытаюсь выяснить, действительно ли он отсталый и почему».

Жене такое приглашение пришлось очень по душе, хотя она и без всякого обследования понимала, что за всю свою короткую жизнь Юра не жил никогда в нормальной обстановке. Леву не только нежно и осторожно развивали две любящие женщины, но Женя видела, что при всей типичности московской обстановки Лева в тепле, обут, одет и не просто сыт, а питается отлично, очевидно, всю свою жизнь, несмотря на окружающий голод. «Как же вы умудряетесь добывать для Левы питание?» — не удержалась от любопытства Женя. Коган-Бернштейн принялась обстоятельно и с претензией на остроумие, но для Жени весьма невнятно, объяснять, как она устраивается сверх причитающихся им на общих основаниях карточек. Оказывается, она каким-то образом получает за мужа, бывшего активным правым эсером, персональный паек даже из кремлевского распределителя. Женя постеснялась спросить, как это возможно по советским установкам, когда даже

за Тверитина-большевика она ничего не получает на Юру. Кроме того, она получала сухой паек из детсада, куда Лева был зачислен, но куда его ни мать, ни бабушка не решались отпускать. Жене было непонятно, как можно передоверить ребенка бабушке, когда есть возможность воспитывать в детском саду. Коган-Бернштейн рассказывала, потешаясь, также о разных мелких махинациях, к которым успешно прибегала. Например, получала ордера на приданное новорожденному, так как Леву регистрировали не то 2, не то 3 раза. Женя не догадалась получить ни разу. Коган-Бернштейн получала ордера на мануфактуру и по случаю неоднократной регистрации фиктивных браков. Кроме того, у нее было множество вещей, которые она выменивала на продукты. Жене стала противной такая спекулятивная ловкость в образованной и претендующей на идейность особе. Коган-Бернштейн считала, что благородная цель растить ребенка оправдывает все средства. Впрочем, Женя почувствовала, что в этой обстановке принципиальные разговоры бессмысленны.

Женя обратила внимание, что Лева не похож ни на мать, ни на отца. Коган-Бернштейн переглянулась с матерью и игриво подтвердила: «Ни в мать, ни в отца, а в прохожего молодца». Но когда она пошла провожать Женю, то объяснила ей, что она вовсе не родная мать Левы, что Лева был прижит Коганом-Бернштейном от простой русской сибирячки, которую он привез из ссылки в Февральскую революцию, но скоро разошелся с нею, так как она не разделяла его революционных устремлений; что она взяла Леву у матери после того, как Коган-Бернштейн умер... «Но как же мать могла отдать вам сына погибшего любимого человека!» — воскликнула Женя, потрясенная не столько предательством родной матери, сколько предприимчивостью этой женщины, ловко организовавшей себе материнство. «Очень просто. Эта Лиза, портниха, едва в силах сама просуществовать; я же ее убедила, что у меня Лева будет прекрасно обеспечен и прекрасно воспитан, из любви к Леве она и отдала его мне...» — «Но ведь вы могли материально поддерживать Лизу, помогать ей воспитывать ребенка... Как же вы решились отнять ребенка у матери?» — «Ну, вы уж очень сложно все воспринимаете, — это мы с вами никогда не пошли бы на такое дело, а она рассуждала очень просто, — ей его не поднять, у меня же ему будет отлично». /.../

Довелось Жене мельком заглянуть на дом и к большим вождем рабочего класса. В университете на Моховой возникла идея устроить лотерею в пользу особо нуждающихся студентов. Один из инициаторов сделал вкладом в лотерею два имевшихся у него автографа знаменитых личностей. Женя тут же сообразила, что с

помощью Сосновского она сумеет увеличить коллекцию автографов советских вождей. Ольга обрадовалась возможности блеснуть своими связями и удобным предложением визита, например, к Троцкому, который охотно вручил ей письменное пожелание студентам, начинавшееся словами «Грызите гранит науки...»

А к Радеку она захватила с собой и Женю. «Ты не стесняйся! Это не Троцкий, к которому я сама робела обратиться. Радек очень простой, а тебе любопытно на него дома взглянуть».

Радек действительно встретил их запросто и с шутками. «А я и писать не умею, — засмеялся он и, видя недоумение на лице Жени, пояснил: — Разучился писать. Я все говорю вслух, а Роза на машинке выстукивает, стенографирует. Я только подписываю».

— Ах, нам важно получить не только подпись, — уговаривала его Ольга. — Вот нам Лев Давидович написал...

Радек изорвал две-три бумажки, пока не накарякал свое изречение: «Не верьте Троцкому и не грызите гранит, потому что испортите зубы».

Жил Радек во дворце по коридору, в двух смежных комнатах дворцовой обстановки, с которой контрастировали большой письменный стол, заваленный газетами и журналами, преимущественно иностранными, и небольшая детская кровать. Возможно, что и нарядная двуспальная кровать, видневшаяся во второй комнате, осталась от прежней обстановки. Жена Радека, Роза, полная красивая молодая дама, стучала на машинке. Девочка лет пяти с любопытством вертелась подле отца. Радек говорил по-русски не только с акцентом, но и забавно коверкая многие слова. Женя высказала вслух предположение, что и дочка его плохо говорит по-русски. «Э, нет, — живо возразил Радек, — Сонечка у меня отлично говорит на русский язык. Ну-ка, Сонечка, расскажи нам, как ты говоришь!» Но девочка застеснялась и не стала говорить.

Луначарского пришлось долго ждать в его огромном приемном зале также во дворце. Он вышел к ним в халате и домашних туфлях, в квартиру к себе не пригласил, с Ольгой, лично ему знакомой, разговаривал сухо любезно, немало смутив ее, но все же черкнул что-то на листке блокнота.

Демьяна Бедного они не застали было дома, а когда еще раз направились к нему, то он грубовато и прямо сказал, что затея эта ему не нравится и автографа он принципиально не даст. И сам Сосновский автографа не дал, мотивируя тем, что он личность слишком скромная по сравнению с такими львами и вообще непримечательная.

— Да хватит и этих, — сказала Женя, — а то, если станет вопрос о принципе, то могут и полученные отобрать.

Автографы расхватала буржуазная часть студенчества до потерей, не пожалев отвалить крупные суммы денег. Ребята же отнеслись к автографам равнодушно. /.../

— А что это ты сама, как загнанная лошадь, выглядишь? — обратила Ольга внимание на внешний вид Жени. — В такой холод и грязь до сих пор босиком! Тебя даже нельзя попросить снять калоши, приходится с грязными ногами пускаться на паркет...

В самом деле, хотя Женя еще внизу тщательно обтерла босые ноги о половик, ей было страшно ступить на сверкающий паркет, и она переминалась на пороге из прихожей в комнату. Ольга принесла ей старую газету, которой Женя еще раз насухо вытерла ноги. Ольга предложила было Жене помыть ноги в ванной, но Женя ужаснулась такого внимания, да еще в присутствии самого Сосновского, и беспечно отмахнулась:

— Да что ты! Ведь через полчаса опять в грязь лезть... Какой смысл!

Сосновский ушел к себе в кабинет, а когда Женя уходила, вручил ей заклеенный конверт.

— Это записка лично Винокурову⁴, наркому собеса (социального обеспечения). Сходите к нему, он сделает все, что нужно. Это просто безобразие, что жена погибшего товарища с ребенком находится в таком ужасном положении.

— Да что вы, Лев Семенович! — испуганно воскликнула Женя. — Беспokoить наркома из-за пары башмаков!

— Тут дело не в одних башмаках... Идите лично к нему и объясните, что вам нужно. Я написал, что вы лишнего не попросите.

Седой, солидный и красивый нарком покачал головой, читая письмо Сосновского, и оглядел Женю с Юркой, стоявших перед ним в таком живописном виде, что Женя покраснела под его взглядом. Он написал бумажку и сказал мягко:

— Пройдите в комнату номер четыре, там для вас сделают все возможное.

Женя осторожно, чтобы не запачкать ковер, выбралась из кабинета и уже смело вошла в кабинет заведующего отделом. При чтении бумажки, которую Женя не догадалась посмотреть, на лице этого сотрудника проступило недоумение. Не говоря ни слова, он вылез из-за своего громадного стола и вышел из кабинета, оставив ее одну; слышно было, что он прошел к Винокурову. Минуты через три он вернулся, уселся за стол и спросил Женю с плохо скрытым раздражением (ему влетело от наркома):

— Так что же вы хотите?

— Башмаки и пеленки! — ответила Женя, выпалив залпом самое насущное. Он стал писать.

— Сколько на пеленки?

— Десять метров, — не моргнув глазом ответила Женя. Она сознавала, что это наглость — провоцировать республику на такое расточительство, но если у нее была несбыточная мечта в отношении Юрки, так это предоставить ему такие же белоснежные простынки, как у Володи Сосновского, как у Икара Виноградова.

— Многовато... — призадумался заведующий.

— Так ведь ребенок, — взмолилась Женя, — а у меня ни одной тряпки.

— Ладно. А еще что?

— Если возможно, — заторопилась Женя, взбодренная удачей в самом главном, — зимнее пальто, одно платье, две рубашки, два трико, два полотенца, две пары чулок, одну простыню.

— Все? — спросил зав., записав.

— Как будто все... Да! На голову еще что-нибудь... шапку зимнюю.

— Теперь все?

— Все! — подтвердила удовлетворенно Женя, не заикаясь о том, что у нее нет куса мыла, катушки ниток... Не вспомнив о том, что она заработала пять кубометров дров, не подозревая о возможности попросить продуктов, а, главное, не сообразив, что она имела право на пенсию за погибшего мужа, конечно, пайковую, так как денежная не могла улучшить ее положения.

Сосновский не знал, в чем нуждается эта уникальная студентка, не учитывал, что она не получает ни стипендии, ни пайка, как рабфаковцы или свердловцы.

Винокуров также не спросил, получает ли она пенсию, паек, как у нее с жильем, с дровами. Он не привык предлагать, у него всегда просили. Какой еще более щедрый жест мог сделать нарком, написав: «Удовлетворить все заявки подательницы»?

Заведующему тоже не было смысла разбазаривать то, о чем не просят. А Жене казалось, что она и так запросила лишку. Она, как в сказке, оказалась обладательницей несметных богатств, в той сказке, где волшебник обещал старику выполнить любое его желание, и обрадованный бедняк попросил... горшок каши.

Женя осталась премного довольна тем, что написал зав., и разочаровалась уже только на складе, где ей предложили солдатские бутсы, бушлат, лохматую ушанку, бумазейное платье невероятной расцветки и бумажные чулки *красного* цвета... Ведь надо же было додуматься кому-то до производства красных чулок!

Может быть, прошлой осенью Женя беспрекословно забрала бы предложенное ей добро. Но теперь! да еще со свежей раной отвергнутой любви... Она принялась доказывать завскладом, что

она — ЖЕНЩИНА, и даже еще не старая — ей 26 лет. Но завскладом с этим соглашаться не хотел, потому что у него «номенклатурный» учет, и Жене пришлось снова по грязи и босой вернуться к заводу и просить его, чтобы он приписал, где надо, «дамское» — хотя Женя не считала себя «дамой», — а в отношении платья — «шерстяное, темно-синее», какое она высмотрела на складе. Чулок на складе не было, кроме красных и шелковых; шелковые ей были ни к чему, а о красных горевать она не стала: до зимы на босу ногу проходит, а в валенках и красные сгодятся.

На этот раз ей выдали пальто, покрытое темно-синей шерстяной материей с воротником под котика и дамскую шапочку такого же меха. Женя сама была потрясена своим шикарным видом и долго конфузилась, приводя в изумление всех своих товарищей столь необычным для нее одеянием. Свой нищенский вид она ощущала прежде в исключительных случаях, к нормальному же виду своему никак не могла привыкнуть, опасаясь, что выглядит расфуфыренной барыней. О чулках она горько пожалела: в таком наряде нельзя было ходить ни на босу ногу, ни в красных чулках; выручила ее Ольга, отдав свои чулки и попутно отругав, что она не сумела воспользоваться *такой* запиской. Сосновский хотел позвонить по телефону заводу, но Женя категорически заявила, что она ни за что больше не пойдет к нему, не знает фамилии его и телефона, — и Сосновский махнул рукой.

1923

/.../ Сообщение, что Ленин поправляется, несколько взбодрило Женю, ей стало про себя стыдно, что в такое время она не вылезает из личных интимных переживаний. «Надо все же избавиться от этого наваждения! Пойду к невропатологу...»

— Надя, а что это у тебя за брошюрки? Вот эти, в рыжих обложках?

Надя тотчас же прочла ей целую лекцию о фрейдизме, проиллюстрировав ее язвительными анекдотами. — «Возьми, почитай! Очень любопытно...»

— Это кто же — профессор Ермаков¹, редактор серии? Разве у нас есть приверженцы фрейдизма?

— Сам Радек признает фрейдизм как учение о подсознательном! А Ермаков — это наша московская знаменитость, лечит психоанализом. Он заведует невропатологическим диспансером на Кудринке...

Женя уже слышала кое-что о психоанализе в каких-то лекциях, не то Залкина, не то Россоломо. В тот же вечер она проглотила

одну из принесенных книг и была опалена утверждением, что в основе жизни человека лежит сексуальное. Поскольку ей предстояло уничтожить эту подосознательно вспыхнувшую неудачную любовь, она тотчас же решила обратиться именно к Ермакову.

На следующее утро Женя уже входила в обширный двор с остатками парка за чугунной оградой и взирала на старый облупленный дом с колоннами. До революции здесь был «Вдовый дом», или попросту богадельня для благородных вдов. Сейчас в саду гуляли бледные голенастые дети, все в одинаковых ситцевых платьях. В одном крыле помещался детдом, в другом — психоневрологический диспансер.

В приемной было только три человека. Женя узнала, что и сам Ермаков ведет прием, но не более двух-трех новых в день, потому что остальное время он принимает только назначенных на «сеансы». Что за «сеансы», она не получила объяснения. Она была озабочена тем, что же сказать Ермакову — чем больна? На что жалуюсь?

Постепенно собрались пациенты Ермакова: молодой человек с синяками под глазами; немолодая девушка, неврастенически самоуглубленная; грузный мужчина с тупым выражением лица пришел в сопровождении жены; явилась еще какая-то мадам. Все они были неразговорчивы; кроме тупого мужчины ходили сюда давно и оставались в кабинете не менее получаса.

Наконец, истомившись, вошла Женя, так и не решив, на что жаловаться профессору.

В мрачной комнате в толстых каменных стенах со сводчатыми окнами, за массивным письменным столом сидел пожилой мужчина и сосредоточенно читал книгу. Массивное кожаное низкое кресло стояло у письменного стола напротив профессора, но вплотную к столу *спинкой*.

— Здравствуйте, — сказала Женя, отметив непривычную для амбулатории обстановку. Человек оторвался от книги, посмотрел на нее внимательно и сделал небрежный приглашающий жест рукой:

— Садитесь!

В комнате не было больше ни одного стула, и Женя попыталась сдвинуть кресло, чтобы повернуть его к столу нормально. Но кресло было громоздкое, а Ермаков приказал ей сухо:

— Оставьте кресло, как оно есть, и садитесь!

Женя вытаращилась на него:

— Да как же я буду сидеть спиной к вам?!

— Так вот и будете сидеть спиной ко мне, — холодно подтвердил Ермаков.

Женя погрузилась в кресло; только голова ее возвышалась над столом.

— Ну, рассказывайте... — небрежно-сухо бросил ей профессор.

— Что рассказывать? — опять удивилась Женя, стремясь повернуться лицом к этому чудаку.

— Сидите спокойно, не вертитеесь и рассказывайте, что хотите...

Рассказывать Жене было что, но ее смущало, что это не имеет отношения к медицине, а врачи всегда торопятся выслушать, но что жалуется больной. Женя растерялась от такого приема, не сразу собралась с мыслями, и вместо того, чтобы жаловаться на нервное расстройство, стала угрюмо жаловаться на свою жизнь, как несчастливо она у нее сложилась: муж расстрелян колчаковцами, сама прошла с ребенком этапы и тюрьмы, вздумала учиться в самое голодное время, ребенок погиб, сошлась со студентом, который заразил ее, лечилась целый год и снова влюбилась, а он ее не любит, даже на связь не идет...

Ей совестно было рассказывать такие интимные вещи, к медицине не относящиеся, и, опасаясь, что он оборвет ее бормотание, она останавливалась, прислушивалась: казалось, и не слушает ее никто... но за спиной раздавалось сухим равнодушным тоном: «Продолжайте!»

Женя стала чувствовать страшную тяжесть в затылке и все увеличивающуюся вязкость мыслей и слов... Перебарывая какое-то непонятное насилие, Женя продолжала рассказывать. Наконец она дошла до того, что сейчас она потеряла смысл жизни и думает о самоубийстве: ничто не удерживает ее в жизни: ребенок погиб, любимый не любит, в людях она разочаровалась, ученье ей ничего не дало и ни к какой работе она фактически не способна...

— Что же мне делать? — и она замолчала, ожидая ответа на свою предельно искреннюю исповедь.

— Продолжайте! — раздалось опять сзади. Ее возмутила сухость тона: может быть, за ее спиной он читает интересную для него книгу и не вникает в ее признания?

— Я уже окончила, — не скрывая недоумения, сказала она; ужасно ломило в затылке и хотелось плюнуть на всю эту трагикомедию.

— Все равно продолжайте...

Превозмогая какое-то разбегание мыслей, с трудом сосредоточиваясь на том, что с ней что-то творится, Женя упорно возразила:

— Я уже все рассказала!

— Говорите все, что взбредет вам в голову! — последовал сухой приказ. И в самом деле, в голову полезла всякая ерунда: хотелось признаться, что ничего ей так не хотелось бы, как чтобы Зямка ласкал ее... Она испугалась: а вдруг он ее мысли читает? Усилием воли отогнала лезущие так некстати представления и желания болтать чужаку интимности, настроилась на деловой тон:

— Так вот, я решила, что если уж жить, так надо взять себя в руки... укрепить нервную систему... Я пришла, чтобы вы назначили мне лечение... — с трудом выдавливала Женя эти слова.

Позади что-то щелкнуло, отодвинулся стул... Женя сразу почувствовала освобождение из-под какого-то гнета и облегченно вздохнула. Профессор подошел к ней. Жене стало неудобно сидеть перед стоящим над ней человеком, и она мгновенно встала.

— Вы совершенно здоровы, и никакого лечения вам не надо! — категорически, полным голосом, сказал Ермаков.

— Но как же быть? — растерянно возразила Женя. — На меня навалилось столько несчастий, я не в силах перебороть эти факты...

Ермаков жестко усмехнулся. «Исключительно невыразительное лицо для такого всемогущего мага, как невропатолог», — мелькнуло у Жени.

— Факты — не живые субъекты, и наваливаться на вас не могут. Вы сами выбираете их и сами устраиваете события, распоряжаетесь своей жизнью по своему усмотрению.

— Но я не могу вернуть ребенка, не могу заставить его любить меня... — лепетала Женя.

— И любить будете, и ребенок будет, и у вас достаточно сил, чтобы устроить свою жизнь, как хотите. Вы только тщательно проанализируйте свое состояние и устраните то, что тормозит вашу жизнь. Приходите ко мне через неделю, — он подошел к столу, посмотрел в откидной календарь, — в пятницу, ровно в 12 часов, прямо ко мне в кабинет. До свидания.

Совершенно обалдевая, Женя вышла из этих мрачных стен, как из подвалов инквизиции, в яркий солнечный день. Ей не хотелось сейчас включаться в уличную суету, хотелось осознать все только что происшедшее. Как сомнамбула, она прошла мимо людей, ожидавших очереди во дворе, и углубилась в пыльный, неяршливый парк этой богадельни.

«Хиромантия какая-то! — размышляла она. — И я так поддалась, наболтала лишнего. Вела себя глупо... Факты нападают на меня... А что фактам до меня? Это я должна приспособить их к себе, устраивать их по-своему. Что я так растерялась перед фактами, когда мне надлежит быть хозяйкой положения. Он прав.

Но главного он мне не сказал: пытаться ли мне завоевывать любовь Зямки и как перебороть это влечение... Но что этот чужой дядя, видевший меня первый раз в жизни и не имеющий представления о Зямке, может назначить мне, если я сама не выясню, что мне делать. Даже Надя ничего не могла посоветовать. Может, это только неудовлетворенная половая потребность, которую можно растратить с другим или переключить на более эффективное занятие? Но ведь я еще приду к Ермакову и обязательно спрошу его. С ним не стыдно говорить, и, наверное, затем и кресло стоит спиной к столу».

Тотчас же принялась Женя за изучение трудов Фрейда и всей литературы, какая нашлась на русском языке. Попадались кое-какие статьи даже в журналах советского периода. В некоторых лекциях, которые она по-прежнему охотно посещала, она улавливала сочувственный отклик фрейдизму. Женю, конечно, возмущало, как наука может утверждать, что в основе поведения человека лежит сексуальность, но после пережитого за последние два года вынуждена была признать, что вовсе сбросить сексуальность со счетов жизни невозможно. Ведь недаром еще Энгельс сказал: «Любовь и голод правят миром». И, как ни облагораживалась тысячелетиями любовь, как инстинкт размножения, в основе ее лежит сексуальность. И не лучше ли, чем открещиваться от нее, загонять в подсознательное и рассеивать во все жизненное поведение свое, быть в самом деле честной с собой, овладеть своим подсознательным и переключить эту низменную потребность на более высокие растраты энергии. Научен или ненаучен Фрейд, а сублимация — единственный выход из-под власти сексуальности. /.../

Несмотря на овладение новой наукой и практикой психоанализа, Жене не сразу раскрылась суть проходимого ею лечения в психоневрологическом диспансере. Хотя Ермаков признал ее совершенно здоровой, он назначал ей каждый раз «свиданье», правда, все с большими перерывами, и Женя ходила к нему несколько месяцев, пока, наконец, не позабыла однажды явиться на «сеанс»...

Женя удивлялась, что так долго тянется курс лечения, но ходила в диспансер с острым любопытством. Ей удалось вызвать на откровенность некоторых постоянных «клиентов» Ермакова. Оказалось, что немолодая девушка ходит к Ермакову уже второй год и держится только на том, что влюблена в него: побеседует он с ней раз в декаду или в месяц, и она живет бодро до следующего свидания... Хотя Ермакову было около сорока пяти лет и был он невыразительной внешности, все его пациентки в него влюбля-

лись, тем и жили. Возможно, и Женя влюбилась бы, если бы не отвлекли ее внешние события. Может, и мужчины в него влюблялись... Одни лечились от онанизма, другие — от однополой любви. Преждевременно увядший юноша с синяками под глазами тоже откровенно рассказал Жене свою трагедию: злоупотреблял онанизмом, а когда женился на девушке, не может ею овладеть...

Опять Женя попала в совершенно непредполагаемую ею сферу жизни, обнажающую чувствования, коллизии все той же сексуальности. Из огня да в полымя! Наверное, потому и выдерживала психика профессора все эти натуралистические исповеди, грязные сексуальные неурядицы, что читал во время «сеансов» книги, фиксируя только материал, необходимый для его очередного научного труда. Кстати, и жена его, акушерка, могла поставить ему материал.

Позднее Женя стала догадываться о методе его лечения. В первом сеансе Ермаков, очевидно, пытался загипнотизировать ее (фонариком, направленным в затылок), чтобы из бессвязной болтовни выявить истинную причину ее томления. И хотя Женя не поддавалась ему, из ее сознательного рассказа нетрудно было понять, что томит ее избыток нерастраченной энергии и что воли у нее недостаточно, чтобы найти выход из положения. Направить этот избыток сил у большевички в нужное русло было, конечно, не в возможностях буржуазного лжеученого или авантюриста-гипнотизера. Это мог сделать только невропатолог-марксист и даже просто настоящий зрелый большевик, которому Женя могла бы доверить свои интимности.

Женя понимала, что это не лечение и не воспитание, а оригинальное времяпровождение, знакомство с новым типом людей. Женя проходила в кабинет диспансера, садилась спиной к Ермакову и начинала откровенно рассуждать сама с собой на свою тему. Тяжесть в затылке не ощущалась, и мысли текли как будто здраво. Судя по тому, что Ермаков не сразу или невпопад отзывался на задаваемые ему вопросы, у Жени позднее возникло подозрение, что он преспокойно читает книгу, вполуха слушая сексуальный бред своих клиентов: пусть-де, мол, самооблегчаются; и гипнотизировал он механическим приспособлением.

1926

/.../ Оказалось, что суть партийных заблуждений Жени, приведших ее к полной катастрофе на всю жизнь, даже не в спорности теоретических положений, а именно во фракционности, в неумолимой логике фракционной борьбы, тогда еще и не предвиденной.

/.../ Фракционность крепилась не столько принципиальностью в отстаивании теоретических положений, сколько упрямством, установлением личных симпатий и вызревaniem новых авторитетов, прочностью старой дружбы, запросто понимаемым чувством товарищества, долга, товарищеской круговой порукой и в какой-то мере даже боязнью не выдержать героической марки борца, показаться своим друзьям не стойкой, попросту — трусом.

Когда пришла возможность действительно глубоко поразмыслить, оказалось, что стоит только отбросить фракционность, преубежденность; проанализировать, на чем зиждилась товарищеская солидарность; перечесть еще раз статьи Ленина и Сталина с выученными наизусть цитатами из них, как эти же знакомые фразы приобретают в контексте иное звучание и смысл. Правда, очень многое оказалось вовсе нечитанным, а главное разъяснено было значительно позднее, как, например, в письме Сталина Иванову или в его речи, в отступлении о государстве, на XVIII съезде⁶, — но в пылу полемики не это даже казалось главным.

А самым удивительным оказалось это — возможно, что это характерно было только для Жени с путаной головой и горячим сердцем, — что еще через некоторое время Женя не могла даже вспомнить, из-за чего шла такая бешеная полемика, не могла вспомнить даже платформу троцкистскую, которую неоднократно читала, подписала, обсуждала, не могла вспомнить всех расхождений с генеральной линией партии. Она вспоминала живо обстановку споров, поведение товарищей, свои переживания, — но восстановить в памяти — далеко не четко — свои взгляды, политические позиции троцкистов она смогла, только изучая подряд все тома Ленина, Сталина (закончив на 13 томе) и «Краткий курс истории ВКП(б)», опять же отнесясь с таким же доверием к этому курсу, как в свое время к троцкистской платформе. /.../ И осталась только память сердца — эмоции, впечатления, факты и догадки, а не память ума. /.../

Когда окончился карантин из-за коклюша, Женя опять повадилась ходить к Шуре⁷, которая так удобно жила у нее под боком. Однажды Шура как-то между прочим сказала: «Чуешь, Женя, денег у нас нет, а ведь вот как они нужны — одни ребята без работы, других в ссылку отправляют, а помочь нечем... Взносы бы какие, что ли, делать...» — «Так в чем же дело?» — отозвалась Женя, хватаясь за портмоне, но денег там не было. Женя давно взяла манеру в получку делать все платежи и существенные покупки, раздавать всем долги, а все остальные дни занимать — у кого трехку, у кого пятерку на каждодневные потребности. «В получку

отдай Глану⁸, — спокойно заключила немую сцену Шура, — рублей пять или сколько сможешь».

Но Женя встречалась с Гланом только на кустовых партсобраниях; где живет — не интересовалась, да и не выбраться ей было к нему. Она позвонила Глану по телефону, как бы это ему получить с нее 5 рублей. Он ответил, что завтра ему по пути будет заглянуть к ней... Женя отдала ему 5 рублей в Нефтесиндикате и тотчас же позабыла об этом... Кто бы мог подумать, что из этого получится целая история! Наверное, через месяц ей сказали в ячейке, что звонили из МКК и назначили ей придти сегодня в 5 часов. «Зачем?» — крайне удивилась Женя. «Не знаю, — ответил равнодушно кто-то из намернувшихся к телефону и не успевших еще уйти, — сказали, чтобы пришла в комнату №... в пять часов... и все!» Никто больше не знал об этом вызове. Женя взволновалась: «Что бы это могло быть? Ведь не станет МКК по пустякам вызывать... И уж если МКК, то определенно за провинность». Но Женя не чувствовала за собой ничего, к чему бы можно было придраться. Разве что о каком-нибудь оппозиционере станут спрашивать — в общем, какая-нибудь неприятность.

Отправилась, нашла по коридору нужный номер двери, вошла. Комната небольшая, темноватая, человек сидит за письменным столом обыкновенный, не строгий. «Меня вызывали сюда на пять часов...» — «Фамилия? А!.. Садитесь, сейчас поговорим». Позвонил по телефону, вошел еще какой-то товарищ. Женя внутренне оробела. «Так вот, товарищ Мельтцер, к нам поступили сведения, что вы делаете членские взносы не только в ячейку, но и во фракционную кассу...» — «Что за вздор! — мгновенно и произвольно вырвалось у Жени совершенно искренно, и даже все страхи отпали, потому что в тот момент она и не вспомнила о 5 рублях, отданных Глану. Этот возглас был так убедителен, что лица товарищей просветлели. — Никаких фракционных взносов я не могла делать!» — «Но мы точно знаем, — сказал первый товарищ уже без прежней строгости, — что такого-то числа вы уплатили Глану членский взнос в пять рублей». «Так вот оно что! — промелькнуло в голове у Жени. — Да как же они узнали... В библиотеке тогда никого не было. И ведь чепуха какая!» — «Ну, верно, я отдала примерно тогда Глану пять рублей», — заговорила Женя медленно, все еще недоумевая. — «Вот-вот, об этих пяти рублях мы и говорим...» Тут Женя ужасно рассердилась, собственноручно говоря, на такую систему сыска в партии, что уж и плюнуть нельзя, чтобы в МКК не стало известно, — но получилось, что она взбешена подобным подозрением. «А с чего вы взяли, что это взнос во фракционную кассу?» — спросила она, задыхнувшись от

злости. — «А что же это было? Ведь вы с ним по телефону сговаривались», — сказал партследователь, в упор глядя ей в глаза. Женя возмутилась еще больше — телефонные разговорчики подслушивают! «Да просто я занимала у него пять рублей и задержалась с отдачей. Я всегда от получки до получки в долгах, а ему деньги понадобились...» — «Так вы утверждаете, что отдали Глану долг — пять рублей?» — все еще выдерживая недоверчивый тон, спросил партследователь. — «Конечно. Да вы спросите его самого...» — «А мы уже спросили», — спокойно ответил второй товарищ. — «Ну, вот и прекрасно», — сказала Женя. Помолчали все минуту. — «Ну, идите! Да смотрите, не поддавайтесь на такие фракционные удочки...»

Женя вышла в смятении чувств и дум. Кончилось все благополучно, но, подумать только, из-за каких-то пяти рублей могли из партии выкинуть... И как это могло дойти до МКК. В библиотеке никого не было, да и особого разговора с Гланом быть не могло. /.../

И в дальнейшем все сошло благополучно. В ячейке никто не спросил, зачем ее в МКК вызывали, и от МКК не справлялись... Позднее оказалось, что даже в материалы ГПУ не попало это происшествие с 5-ю рублями. /.../ Женя не вспоминала больше об этом эпизоде лет десять, тем более, что никаких взносов делать ей больше не приходилось — до той самой переоценки ценностей, когда эти пять рублей представились первым ее партийным грехопадением. И только в «Комментариях» ей пришлось в голову, вернее, вспомнилось, что при разговоре по телефону был как раз Цвелев — ее сосед, библиотекарь. Если даже в разговоре по телефону не было ничего, особо обращающего на себя внимание, то на следующий день, когда Цвелев через стеклянную перегородку видел, что Женя отдает деньги сотруднику Нефтесиндиката и слышал более откровенный разговор, по совокупности эти разговоры показались ему подозрительными. Беспартийные тогда жадно любопытствовали «партийным раздором» и кое-что по-своему понимали в этих делах: со стороны многое было даже виднее, чем самим распоясавшимся спорщикам. Возможно, что и не будучи сотрудником ГПУ, не имея задания по наблюдению за соседкой, Цвелев по собственной инициативе решил сообщить о замеченном по партийной линии. Действовал ли он по внутреннему долгу гражданина или из желания отличиться, или «подсадить» Женю, эпизод этот прошел бесследно /.../.

Как-то Женя спросила Шуру: «Ну, а как быть на собраниях? Ты говоришь, сейчас не время активно выступать на собраниях. Пусть уж, мол, ругаются, прорабатывают, — перетерпим... /.../

И от реплик воздержаться можно. Ну, а голосовать-то ведь надо... Как же голосовать, если никто нашей точки зрения не высказывает, а все только на все корки ругают? Если я голосую против, то и мотивы к тому должна привести». — «А ты совсем не голосуй», — посоветовала Шура. «Ну, знаешь, положение воздержавшегося в таком споре — вовсе глупое. Сами кричим о "болоте" и сами же воздерживаться будем...» — «Обычно поднимают руки "за" и "против", а воздержавшихся не выкликают... Ну, покурить выйди к тому времени, как голосовать». — «К счастью, я курящая, — опять засмеялась Женя, — а некурящим как? Расстройством заболеть?» — «Ну, уж каждую мелочь не подкажешь, — не принимая шутки, серьезно сказала Шура. — По ходу обстоятельств соображай. А только голосовать нам сейчас ни к чему... не будем голосовать, пока дискуссия не откроется. Чуешь?»

И так и сяк приноравливалась Женя, а получалось паршиво, прямо-таки позорно. /.../ Приходилось или воровато выбирать укромный уголок в зале, или во время голосования вдруг беспечной непоседой спросить у соседа время, смешливо перешептываться, или заторопиться из зала, будто живот подвело, или курить папиросу за папиросой, просчитав минуты до голосования... Что это мерзостно — ощущалось, но не осознавалось еще как давление внутрифракционной дисциплины.

/.../ И к Сосновским не было времени заглядывать. Если Женя и заставала самого Сосновского дома, он обычно не выходил теперь из своего кабинета, изолированной от квартиры комнаты. Ольга была занята большим хозяйством в большой квартире, с тремя детьми, с домашней работницей. Она стала теперь как-то деловитее, скромнее и мягче, не кокетничала уже так, глаза ее в черных длинных ресницах светились изнутри, и улыбалась она тихо, горделиво. «Научилась на машинке печатать, Леве помогаю...» Жене бросилось в глаза, что у Сосновского уже 2 пишущие машинки, но она не сопоставила обилие письменной работы с жалобами Ольги на ничтожный заработок мужа. Ольга казалась все такой же непринужденно откровенной, и только много позднее Женя догадалась, что она не рассказывала ей все, о чем знала. Впрочем, Ольга с большим возбуждением рассказала Жене о публичном скандале, который она устроила, кажется, в Малом театре. Очень талантливый и популярный публицист Михаил Кольцов, моложе Сосновского лет на 10, вел в прессе резкую атаку против троцкистов; на каком-то довольно широком собрании он сделал личный грубый выпад против Сосновского, хотя ранее бывал по-приятельски у Сосновского дома и любезничал с Ольгой. Встретив его в фойе театра разговаривающим с какими-то дамами,

Ольга внезапно раздражилась его самодовольным видом, подошла к нему и размахнулась так, что потом у нее ладонь горела. «Это вам за клевету!» — крикнула она вне себя. «И нисколько не жалею, — пояснила Ольга, — так ему и надо!» — «А он что?» — спросила Женя, пораженная такою нелепостью в наше время. — «А он схватился за щеку и сказал сквозь зубы: "Если бы вы не были женщиной, я бы дал вам сдачи!"» /.../

Как-то в начале уже 1927 года Женя застала Сосновского в постели. «Заболел», — объяснила Ольга в ответ на испуганные взоры Жени, но о том, чем именно, отозвалась неопределенно: «По-видимому, ишиас... сердце...» Сам Сосновский лежал на постели, как раздувшийся вол, с грустными глазами, помалкивал. Уже провожая Женю, в передней, Ольга шепнула многозначительно: «Ему предложили выехать из Москвы... да вот, заболел...» /.../

Семейная жизнь Жени катилась мирно, без сучка, без задоринки, может быть, именно потому, что не была семейной. Володя⁹ по-прежнему приходил по субботам, как добрый гость, и на этот вечер Женя избегала заседаний и собраний, а со временем и всем своим друзьям заказала являться по субботам и воскресеньям. «У меня посторонние бывают», — пояснила она. Володя знал, конечно, что Женя настроена оппозиционно, они не раз спорили над каким-нибудь абзацем или оборотом фразы Ленина и Сталина; он видел на кустовых собраниях, что Женя голосует за оппозицию, но о ее товарищеском окружении он не имел представления, полагая, что Женя по-прежнему не желает вводить его в свой круг как мужа. Он не подозревал, что у Жени такое множество друзей и что все они сейчас оппозиционеры; не знал, что Женя носит каждый день по товарищам, собирая, где что слышно. Не то, чтобы Женя имела желание скрывать *свою* «кипучую деятельность», но деятельность эта касалась не ее одной, а других, о которых Женя не считала возможным болтать. /.../

Каждый раз Володя приносил что-нибудь своему Лелику и радовался подарку больше, чем сам Лелик, который был уже пресыщен игрушками и жаждал все новых и новых, а маме и бабушке не было времени, чтобы отрабатывать с ребенком каждую игрушку и чередовать их. Но всерьез Женя рассердилась на Володю, когда тот к первому дню рождения купил Лелику синее суконное пальтецо. И не за самое пальтецо, которое было очень подходящим, а за то, что Володя истратил на него из своей стипендии (70 рублей) огромную сумму — 17 руб.; и вообще, это уже не подарок, а материальная поддержка, вклад в ее кошелек, который Женя держала независимо, и возмущала ее не столько брешь в

Володином бюджете, сколько его посягательство на материальное соучастие. /.../

Володя еле умолил Женю принять это злополучное пальтишко в подарок — не нести же его обратно в магазин или на толкучку. А Жене было не по бюджету выбросить ему 17 руб., выплачивать же в рассрочку — глупо. «Ладно уж! — смягчилась всерьез расстроенная Женья, — но только, чтобы в последний раз!» — «Конечно, конечно!» — пообещал Володя, просяив, как прощенный школьник. /.../

Однажды Шура сказала ей, что Глан собирает у себя на квартире товарищей для громкой читки платформы, и спросила, нет ли у Жени еще кого желающего послушать. Когда Женья сказала, что у них в ячейке, кроме Зины и Стратоновича, уже читавших платформу, нет подходящих товарищей, Шура не стала настаивать, но прибавила: «Сама-то сходи, все же...» Ну, как бы это Женья не пошла! Ей интересна была не самая платформа, а то, как товарищи отнесутся к ней. Глан — сам красивый парень, художник по натуре и по профессии, и Жене показалось диким, что живет он в сараеобразной полупустой комнате с ободранными обоями на дощатых стенах. Как выглядит мастерская художника, ей не доводилось видеть, но если даже предположить, что он вынес часть мебелировки, все же неуютно. Или, может быть, это не его комната?

Народу собралось до тесноты, человек 15, все Жене незнакомые, больше рабочего обличья, но кто и откуда, Женья, конечно, не стала интересоваться. Всем распоряжался Глан, как естественный председатель собрания. Он же и начал читать платформу, изредка переспрашивая: «Понятно?» Отвечали хором: «Понятно!», а если кто хотел задать вопрос, Глан останавливал его: «Поговорим после читки...» Сначала все слушали с живым интересом, но минут через 40 внимание ослабело, стоявшие усаживались на пол, а затем началась утечка слушателей. А до конца чтения было еще далеко.

Тогда Глан поставил вопрос так: чтения за один раз все равно, очевидно, не окончить, а товарищи собрались сюда для того, чтобы подписаться под платформой, и подписи надо собрать как можно скорее, чтобы доказать, что оппозиция — большая сила. «Большинство, как мне известно, уже читали эту платформу, остальные потом дочитают... Я думаю, — заключил Глан, — что можно бы присутствующим прямо начать расписываться». По комнате прошел разнобойный гомон. «Товарищи! — сказал Глан, — поднимите руки, кто еще не читал платформы». Руки взлетели вверх у большинства. Одни говорили — продолжать чтение, дру-

гие — размножить и дать на руки. «В таком количестве размножить невозможно, — перебил Глан, — читать дальше — вы разбежитесь. Каждый из вас, очевидно, имел и раньше представление об основных положениях нашей платформы, и этого достаточно, чтобы подписать ее. Кто за то, чтобы читку сейчас закончить?»

Опять подняло руки большинство, и сразу все в комнате зашумело. Жене было неловко и стыдно за Глана за то, что он предлагает подписывать платформу не дочитавшим, но не выступать же ей было против Глана, тем более, что она не могла предложить лучшего решения — подписи-то действительно надо было собрать срочно, а людей второй раз и не соберешь. Глан подписался первым, и Женя подписалась одной из первых, но ей стало совестно и за тех, кто подписывал платформу, не дочитав ее. Расстроенная и рассеянная, она постояла несколько минут в толкучке и, не дождавшись конца, ушла. А вечером она не могла ответить на вопрос Шуры точно: сколько присутствовало, сколько подписалось, сколько «увернулось». «По-моему, лучше уж затянуть сбор подписей, чем собирать так... походя; не то, что не продумали, но даже не дочитали до конца», — заметила Женя. «Пустяки! — ответила Шура. — Каждый имеет представление о сути разногласий, а прочесть всегда успеет. Самое главное — создать значительное дружное единогласие...» — «Настроение, в общем, у слушателей было одобрительное», — подтвердила Женя. — «Вот это как раз и нужно — чуешь? А за ними пойдут другие. А чем больше подписей, тем легче их собрать... Чуешь?» /.../

В оппозиционных кругах царило оживление: готовились к предсъездовской дискуссии. Надя Штерн рассказала, что на Трехгорке на «негласном» собрании выступал «сам» Каменев. И Зиновьев где-то выступал... Жене не терпелось самой послушать вождей оппозиции.

Однажды Шура сказала ей: «Чуешь? Завтра на собрании в МВТУ будут выступать все три кита. Троцкий, Зиновьев и Каменев». — «Да ведь им не позволят и рта открыть, подобьют студентов устроить обструкцию!» — изумилась Женя. — «Еще не все студенты съехались, а на собрании будут только приглашенные, — пояснила Шура. — Можешь и ты кого-нибудь привести». — «Будто ты не знаешь, что за публика в Нефтесиндикате...» — «Ладно, там народу будет достаточно». — «А как попасть туда?» — «Ты в МВТУ была?» — «Была!» — радостно подхватила Женя. — «Ну, так приходи завтра к 11 часам дня к самому МВТУ, к подъезду с левой стороны, а там тебя встретят и проведут в аудиторию. Иди смело, открыто, непринужденно».

С утра Женя нервничала, потому что было воскресенье, и у нее ночевал Володя. Она с вечера еще предупредила его, что в 10 часов пойдет в Нефтесиндикат по неотложным делам. «Какие могут быть в учреждении дела в воскресенье? — возмущался Володя. — Всякие собрания и заседания по выходным дням отменены». — «Да понимаешь, это воскресник по детскому саду, его только в воскресенье и можно провести, — с натугой соврала Женя, вдруг присев на корточки перед кухонным столиком и усиленно шаря рукой по полкам. — Наверное, на кухне...» — поднялась она красная и сердитая и стремительно вышла из комнаты. — «Да ты что ищешь?» — крикнул ей вслед Володя, провожая ее недоуменным взглядом. Торопясь выбраться из дому, она избегала глядеть ему в глаза, а он, поймав ее у двери, обняв и заглядывая в ее смущенные глаза, сказал огорченно: «Эх, и воскресенье пропадает! Ты уж там как-нибудь поскорее освободись».

С волнением подходила Женя к МВТУ. Уж очень интересно было поглядеть, как это вчерашние враги перед лицом партийной аудитории будут отстаивать общую платформу. Да и то сказать, удастся ли организовать такое собрание тайно — посреди бела дня, на самом видном месте. И усмехнулась: Володя, студент МВТУ, сидит у нее в комнате, а она тайно от него к МВТУ подбирается. Значит, их ячейка ни о чем не подозревает.

День был солнечный и пыльный. Потому ли, что было воскресенье, или что не начался еще учебный год, на прилегающих к зданию улицах было тихо и пустынно. Редкие прохожие тянулись к тому же подъезду, что и Женя. У подъезда никого не было. Женя оглянулась — вокруг ничего примечательного. Едва она вошла в подъезд, как ей навстречу попался Лев Столовский. «Ты куда?» — спросила его несколько удивленная Женя. — «Да вот тебя встретить и проводить...» — скупое усмехнулся Лев и в самом деле, взяв ее под локоть, вывел в большой и сумрачный вестибюль — «холл», что называется. «Вон в ту дверь», — махнул он рукой и вернулся в тамбур. У той двери какой-то незнакомый товарищ молча показал ей на одну из дверей в коридоре. Женя потянула на себя высокую тяжелую дверь и хотела уже прикрыть ее, так как за нею стояла черная темнота, как из тьмы негромкий голос сказал: «Проходите, проходите!» — и тут же закрыл за нею дверь. Женя стояла в темноте, не понимая, что делать дальше. Кто-то взял ее за локоть уверенной рукой и направил: «Налево по ступенькам вверх». Женя, спотыкаясь, шагала, пока ее не толкнули — левое плечо вперед, — сказавши: «Садитесь и продвигайтесь поглубже...» Когда ее глаза освоились с темнотой — при свете, попадающем от приотворяющейся двери, — она сообразила, что

сидит в большой, амфитеатром, аудитории и что в зале сидит смиренно много народу; чувствовались соседи и слева, и снизу, и сверху, но не доносилось ни шепота, ни движения. Сидеть молчаливо в потемках пришлось довольно долго. Потом внизу зашелетели шепоты и шорохи, зачиркали спички, как будто все разом решились закурить, и вдруг в разных местах аудитории заколыхались огоньки свечей и над ними проступили освещенные лица, большей частью мужские, в надвинутых кепках, — все еще сосредоточенные и неподвижные. Народ заполнял почти всю аудиторию, но сидели разрозненно и ближе к краю. Еще несколько минут держалась напряженная тишина. Затем зажглось сразу много свечей на огромном аудиторском столе и на кафедре, и в яркое освещение из той же двери вошли друг за другом хорошо знакомые фигуры — Троцкий и Каменев. Они вошли оживленные, улыбающиеся, как актеры у рампы, и с артистической непринужденностью жестами приветствовали сразу зашумевшую аудиторию. Кое-где сорвались хлопки. Распорядители делали знаки, призывающие к тишине, конспирации. Троцкий и Каменев прошли за стол, сняли пиджаки (кажется, Каменев был в светло-сером костюме) и неторопливо повесили их на спинки стульев. Затем прошли вдоль стола друг другу навстречу, подтягивая рукава белоснежных рубашек, как бы готовясь к кулачному бою.

На какое-то мгновение Жене стало смешно и стыдно, но желание все увидеть и услышать — она сидела высоко в аудитории — заставило ее целиком сосредоточиться на столь необычном зрелище без всяких критических помыслов. Ораторы пока отпустили шуточки, быть может, вызываемые вопросами внизу. «Бывает, бывает такое, товарищи, — сказал бодро Каменев, — что сначала друг друга поколотят, а от этого дружба еще крепче становится...» Все шло, как в диковинном сне. Первым выступил Троцкий, говорил он замечательно. Женя слушала, не переводя дыхание, не сводя глаз. Все было абсолютно непреложно и убедительно, но о чем он говорил — очень скоро забылось и не вспоминалось. Но говорил Троцкий очень недолго, начал говорить Каменев. К этому времени дверь в аудиторию стала все чаще открываться, а затем у двери образовалась какая-то шумиха, все больше мешавшая слушать оратора. У двери уже начиналась драка: кто-то не пускали, кто-то силой прорвали; начались выкрики и сади, с мест, куда поднялись прорвавшиеся. Наконец слушать стало невозможно. Каменев прервал свою речь с шутками и остротами насчет внутривнутрипартийной демократии, стал распоряжаться аудиторией: «Как видите, товарищи, нам сегодня не удастся поговорить...»

Лидеры как бы сами вмешались в драку у дверей, затем они вытолкнулись из аудитории, а в двери врывались уже с криками и треском струи взбулгаченных парней, которые, разбегаюсь по аудитории, стали сгонять слушателей с мест. Свечи тушились и вновь зажигались, плясали в мелькающих руках; непрерывно вспыхивали и гасли огоньки спичек, раздавались злобные выкрики. Началась потасовка с упирающимися, не желающими двигаться к выходу, а другие двери аудитории никто не догадывался открыть; электричество не горело во всем корпусе, так как заговорщики перерезали провода еще до начала собрания. Женя оказалась вытолкнутой в коридор, в котором уже стоял народ, по видимому, в большинстве комсомольцы, которые поносили вылетавших из аудитории самыми оскорбительными словами.

Но окончательно растерялась Женя, и сердце сжалось стыдом и непоправимостью беды, когда ее вынесло из здания уже каким-то другим ходом, и она увидела при солнечном свете огромную беснующуюся в ярости толпу на площади. «И откуда столько народу набралось?.. Зачем выносить этот позор на улицу, где могут быть беспартийные?» Однако по облику толпы она сообразила, что здесь не случайный народ, а очевидно, студенты всех ближайших общежитий и комсомольцы, коммунисты предприятий района... Люди стояли такой тесной толпой, что, казалось бы, выходящим подпольщикам никогда бы и не пробиться сквозь сплошную стену, но людская волна не принимала отщепенцев и, как перед инородным телом, толпа расступалась сама собой, открывая узкую длинную дорогу вперед, и подпольщики тянулись гуськом друг за другом, сквозь строй негодующих, презирающих взглядов, осыпаемые ворохами жестких и злобных слов: «Позор! Троцкисты! Фракционеры! Обманщики! Демагоги! Заговорщики! Где ваша партийная совесть!»

Женя пыталась поднять голову и упрямо смотреть в глаза этим беснующимся людям, но только взгляд ее упал на какую-то чернокудрую девушку, как та, сверкнув угольными глазами на Женю, закричала ей в лицо: «Предатели!» И не было мгновения принять или оспорить это страшное клеймо. Женя опустила глаза и пошла дальше, покорно и молча, и очень долго шла под эти хлещущие выкрики, пока не увидела у своих ног, что шпалеры ног, теснивших ее, поределли, а вот и крики стихли.

Она подняла голову и увидела, что толпа шумит уже далеко позади, что она у края площади, где замедляют шаг прохожие, приглядываясь, что там, вдали, и некоторые с любопытством смотрят на ее странный вид, а одна женщина добродушно спросила: «Что там происходит?» — «Не знаю», — буркнула Женя.

Она увидела остановку трамвая, но стоять здесь было невыносимо стыдно, и Женя почти бегом бросилась к следующей трамвайной остановке. Она все еще не могла опомниться от ужасного шествия сквозь строй, и, хотя она утешала себя тем, что «согнали со всех районов активистов и велели кричать», — все-таки самый настоящий стыд жег ей сердце.

Что же дала ей, да и другим, эта масонская мистерия, этот балаган, чтобы стоило пройти такую голгофу? Пусть даже согнали их сюда по тревоге, в порядке партийной дисциплины, и велели кричать эти ужасные слова, — эмоционально они искренно разгневаны, презирают и ненавидят нас, и теперь их не переубедишь никакими доводами от платформы, как бы ни была она правильной. В аудитории сидели, конечно, в большинстве те, кого уж и не надо агитировать за троцкизм, а если из собравшихся для obstruction были и такие, которых можно было переубедить исподволь, то теперь они — яростные враги оппозиции. И даже многих сочувствующих оппозиции, пришедших на тайное собрание, наверняка оттолкнет эта попытка богов перенести свой Олимп на кафедру МВТУ. Это их паясничанье некрасиво для вождей... И эта свалка... и это «сквозь строй»! Многие любопытствующие, верно, испугались... Ах, какой ужасный скандал получился!

Женя сошла с трамвая на Страстной. Ох, как много времени, Володя заждался ее... Но меньше всего хотела бы она провести этот день с ним. Как ни скрывайся, он почувствует ее душевное состояние. И к Шуре не хочется — только растревать сердце. Женя посидела в раздумье на бульваре. «Нет, надо все же рассказать Шуре, что произошло...» И она решительно направилась к 4-му дому Моссовета.

Но у Шуры было уже сборище участников собрания, жаждущих поделиться впечатлениями. Одни были в восторге, что собрание было так ловко организовано, другие от того, что удалось запросто повидать и послушать вождей, третьи со вкусом пересказывали острые словечки и блестящие обороты речи ораторов, четвертые возмущались бандитским налетом согнанной молодежи. Поговорить по душам не было возможности, и Женя поторопилась уйти. /.../

Женя очень любила праздники 7 ноября и 1 мая. Они были веками жизни страны, ее стремительного бега, веками ее личной жизни, ей казалось, что каждый такой день она переживает и помнит по-особому. И затем это ни с чем не сравнимое чувство растворения в воодушевленной победным торжеством массе, многотысячной массе людей, когда все на одном дыхании, на одной мысли, в одном порыве. Ей казалось, что тот холодок к ней, кото-

рый она ощущала нарастающим от членов ячейки, комсомольцев, да и беспартийных, — в такой торжественный день, в рядах ликующего коллектива, растает. Какая тяжесть легла вдруг ей на сердце, когда 5 ноября, в субботу, Зина Васильева вдруг ей сказала: «Зайди ко мне после работы, поможешь оформить знамя». — «Какое знамя?» — удивилась Женя. — «Мы выставим свои лозунги на демонстрации. И один такой транспарант понесем мы с тобой». Женя представила на мгновение, как они с Зиной возглавят нефтесиндикатскую колонну с таким транспарантом. Она ужаснулась: «Как же перед беспартийными со своим лозунгом? Да ведь наши большевики и комсомольцы просто не дадут нам возможности развернуть его — получится потасовка, на глазах у злорадных спецов». — «Никакой потасовки не будет. Соберутся все оппозиционеры нашего района, и пойдем отдельной колонной, под своим лозунгом».

Жене очень трудно было представить себе, как же это она в такой день не будет в рядах своей ячейки, и что они о ней подумают, если вдруг ее не окажется, как всегда, в первых рядах, с песнями и плясками. Но ведь это личное ее самочувствие, а ведь для дела, как видно, необходимо выступить оппозиции со своими лозунгами, которые до сих пор нигде не пропускали. Ведь не сама же Зина придумала выступить на демонстрации отдельной колонной...

«А по другим районам будут такие выступления?» — спросила она Зину, размалевывая у нее в комнате на полу транспарант. — «И по другим районам, и по крупным предприятиям... У нас не так мало сторонников, как они думают...» — «А еще какие лозунги?»

Лозунги, по мнению Жени, были правильные, чисто партийные. Но она вздохнула: «Не нравится мне все это... Ничего, кроме скандала, не получится». — «Мне тоже не нравится, — созналась Зина. — Но что поделаешь? Когда же и выступить, как не перед съездом...»

В тот же вечер Женя разговаривала о предстоящем выступлении с Шурой. «Я не понимаю, что тебя смущает? — говорила Шура. — Лозунги наши партийные, в них нет упоминания, что они от оппозиции. Беспартийные их не отличат в массе прочих лозунгов, а до широкой массы коммунистов они дойдут. Это единственная возможность продемонстрировать, чего мы хотим, показать, что мы — не единицы, что нас много. В таком массовом выступлении к нам присоединятся многие рабочие-коммунисты. Конечно, безнадежно пронести такие лозунги в своей ячейке, но мы соберемся отдельными колоннами в условных местах и, пока

на наши лозунги обратят внимание церберы, мы обростем такой массой, что они не посмеют разделаться с нами на глазах у всех».

Какие лозунги были тогда намечены и какой она сама писала, Женя потом не могла вспомнить, но все это было очень убедительно. Однако душа Жени не лежала к такому выступлению, в которое могла вмешаться улица. Но взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Так дико было наутро явиться не в свою организацию, в привычные ряды, а фланировать по переулку позади Нефтесиндиката, наблюдая, как по тротуару напротив прогуливается Зина. Какой-нибудь запоздавший сотрудник наткнется и удивится: «Что вы тут прохлаждаетесь. Идемте скорее... Опоздаем». К Зине уже подошли поодиночке несколько человек, и тоже начали неопределенно прохаживаться или топтаться на месте. Уже с Мясницкой доносился шум толпы, воздух наливался ликующими песнями. Зина пошла в свой подъезд — тут же на переулке, — и вынесла свернутый на палках транспарант. Она прошла к следующему углу переулка, параллельного Мясницкой. За нею потянулись гуськом несколько унылых фигур. «Товарищи, сюда! На мостовую! — приглашала Зина. — Становитесь по четыре». Видно было, что Зина волнуется, нервничает, устанавливая каждую фигуру за плечи. Не набралось и 3-х рядов. Никого из присутствующих Женя не знала. Все были мужчины. Стратоновича не было. «Струсил, наверное», — подумала Женя, и ей доставило удовлетворение, что у нее все же хватило смелости участвовать в этой, хотя и жалкой, процессии. Кто-то сказал: «Как же мы пойдем? Нас так мало...» — «Ничего, ничего, товарищи, к нам еще присоединятся», — успокаивала Зина, избегая, однако, глядеть в глаза выстраивающимся. Но едва только они развернули транспарант, как из-за угла выскочили какие-то парни, тоже не знакомые Жене, и стали вырывать палки транспаранта из рук Жени и Зины с криками: «Негодяи! Как вам не стыдно? Антисоветские демонстрации устраиваете!» Женя обеими руками стиснула древко, но парень мгновенно и сильно выкрутил его из рук. Зина успела передать свое древко рядом стоявшему мужчине, древко затрещало, материя сорвалась. Зина кричала: «Как вы смеете! Безобразие!» Проходившие прохожие сбегались к месту драки. Жене стало стыдно до слез, — так и есть, скандал перед беспартийными, — и она двинулась за угол, в переулок, а оттуда куда глаза глядят, и ходила по пустынным улицам, пока не освободились главные магистрали. К Шуре не хотелось идти пересказывать этот гадкий фарс. Дома ее, наверное, ждет Володя. Она решила пойти к Сосновскому. Но там, у 4-го дома Советов, бурлила толпа, и она не скоро добралась до подъезда.

Сосновский был дома, но из кабинета не выходил, а Ольга с возмущением рассказывала, какое безобразие творилось у 4-го дома Советов еще пару часов назад. Тут проходила главная магистраль. Напротив было здание ЦК партии.

Позднее в голове у Жени спуталось все, что ей рассказывали Ольга, Шура, Надя, но в общем получалось отвратительное зрелище. Кажется, с балкона 4-го дома Советов пытались выступить лидеры оппозиции, выступал и Сосновский. Их голоса покрывал рев рассвирепевшей толпы; в ораторов бросали тухлые яйца, гнилые яблоки. «Значит, заранее были припасены, — удивлялась Женя, — значит, им было известно о предстоящих выступлениях оппозиции...» Транспаранты с троцкистскими лозунгами нигде не пропустили; завязывались драки, транспаранты уничтожались.

Женя возмущалась вместе с Ольгой, потом и другими товарищами, считая, что сталинцы пошли на публичную расправу, вынесли внутривнутрипартийные разногласия на суд толпы, дискредитируя партию в целом. Однако, кто бы ни был виноват, трудно было подавить в себе чувство еще большего стыда, чем после собрания оппозиционеров в МВТУ. И все же упрек друзей в трусости, как в адрес Стратоновича и других невышедших, был бы еще стыднее, злее, чем голоса партийной совести.

В конце концов пришлось вернуться домой. По счастью, Володя лично не попал ни в одну из потасовок, но слышал об одной из попыток троцкистов их училища, и не удержался, чтобы не высказать Жене: «А наши-то троцкисты, оказывается, пытались со своими лозунгами в демонстрации участвовать, но ребята их здорово отколотили... Может, и у вас нашлись такие рьяные?» В иной ситуации такое задержание могло бы окончиться трагично для Володи, но в сегодняшнем настроении Женя не нашлась даже, как возразить — кулаками, де, мол, правоту доказываете...

Она ответила сухо: «Кажется, я говорила тебе, что в Нефте-синдикате я — единственная оппозиционерка. И не настолько я авторитетна, чтобы со мной партийные парни дрались...» — и ушла на кухню, якобы посмотреть, готов ли обед.

Женя не считала возможным «выдавать» Володе оппозиционеров своей ячейки, к тому же Зина была из Азнефти, а Стратонович — вообще «пустое место». Да и как можно было дать повод к насмешкам над нею. Было счастье, что никто из сотрудников не видел ее в переулке, и когда после праздников ее спросили, как это случилось, что ее не было на демонстрации, она объяснила, что внезапно заболел сынишка, пришлось вызывать врача...

Хочешь не хочешь, а приходится все чаще изворачиваться, учиться врать, глядя прямо в глаза собеседнику — доверчивому

ли, сомневающемуся ли, себе на уме. И все чаще ясные глаза Жени принимали отсутствующее выражение, при котором не мог установливаться душевный контакт. /.../

И еще Женя попала на одно достопримечательное собрание. «Знаешь, сегодня Троцкий будет выступать», — сказала Зина. — «Где?» — загорелась Женя. — «У меня на квартире...» — и засмеялась Жениному изумлению. — «Ну, и отчаянная ты!» — представила Женя разгром в квартире Зины. — «Да ведь будут только свои — приглашенные, проверенные. Комната у меня большая...» — «Но ведь у тебя в квартире еще две семьи, разве от них скроешь?» — «Все тщательно обдумано... Не беспокойся! Ты придешь? В девять часов». — «Конечно! А как же!»

В девять часов вечера, тяжело дыша, так как пренебрегла лифтом, Женя поднялась на 6-й этаж. У двери Зининой квартиры стоял в своем вековечном осеннем пальто и ушанке Лев Столовский. «Ты? — засмеялась Женя, — без тебя ни одно собрание не обходится». — «Беременным на такие собрания ходить не рекомендуется», — важно сказал Лев, скользнув по массивной, в длинном зимнем пальто, фигуре Жени. — «Ничего, пока не опасно!» — отшутилась Женя, но червячок тревоги шевельнулся при воспоминаниях о предшествующих потасовках.

Она тихонько открыла незапертую дверь. В коридоре никого не было. Чуть дыша, неслышно двигаясь, она дошла до Зининой двери. За дверью тихо. Она осторожно открыла ее и, войдя, тотчас же осторожно закрыла за собой.

В просторной комнате, ярко освещенной электричеством, было уже много народа. Мебель была вынесена, но убранством стен и окон комната сохраняла свой уютно-семейный вид. Большинство людей сидело на полу на ковре и все молчали в серьезном ожидании; никто не курил. Женя сняла пальто и села на него, как на подушку, недалеко от двери. Поодиночке вошло еще несколько человек.

Через некоторое время дверь распахнулась под хозяйской рукой и вошел Троцкий, улыбающийся и самоуверенный. По комнате прошло движение, как бы предвещающее аплодисменты. Троцкий сделал предостерегающий жест, и не сорвалось ни одного хлопка; затем, шагая меж поспешно раздвигающихся на полу, прошел в противоположный угол, где стояла тумбочка. Женя подсадовала, что не так уж хорошо разглядывать его близорукими глазами. Впрочем, еще никогда не видела она его так близко. Он был уже старик для 32-летней Жени, с сивой шевелюрой, хищным носом, выдающимся подбородком, с застывшей улыбкой. Глаза поблескивали очками. «А ведь считался красавцем»,

— подумала Женя, вспомнив его статную фигуру в Екатеринбургском театре. Сейчас он был в светло-сером костюме.

Речь Троцкого была краткой, не более получаса, и сжатой. Казалось, что он вкладывает в нее всю силу своей убежденности, и в то же время сознает свою неотразимость. После его доклада ему задали несколько вопросов, в том числе 2-3 весьма коварных. «Ведь он уже исключен из партии... Кто же будет отстаивать нашу линию на съезде? Какие шансы провести на съезд своих представителей, хотя бы даже в меньшинстве? Самоотверженная борьба большевиков-ленинцев приведет только к изоляции от партии...»

(Может быть, это были вопросы, которые больше всего мучили Женю, за точность воспоминаний нельзя ручаться, особенно, если это было после съезда).

Некоторые вопросы, очевидно, раздражили Троцкого, и он отпустил несколько резких упреков активистам. Жене показалось, что и на этом «закрытом собрании» он не рискует быть по-товарищески откровенным и увертывается, как старый еврей, сбывающий на базаре залежавшийся товар. Но ему удалось поднять дух своих последователей и еще не померкшим авторитетом, и блестящей речью, и острыми репликами... Кто решился бы дискутировать с Троцким? И то уж удача, что повидали, послушали его. Не было бы счастья, да несчастье помогло. «Я бы побеседовал, друзья, с вами еще, — сказал Троцкий, — но...» — он вынул часы, взглянул на них, потом на настороженную Зину, стоявшую в двух шагах у окна.

«Товарищи! — тотчас же негромко произнесла Зина. — Придется сейчас закончить. Попрошу всех соблюдать абсолютную тишину, пока я не вернусь».

Она прошла к двери, бесцеремонно продираясь меж сидящими на полу. За нею двинулся Троцкий, балансируя и как бы несколько конфузясь под пристальными взглядами десятков молчаливых людей. Зина выглянула в щелку двери в коридор, простежки махнула рукой сделавшему стойку Троцкому, и они вышли.

В полной тишине затаившим дыханием людям было слышно, как хлопнула негромко соседняя дверь, еще глубже по коридору. «Одевается в комнате Зининой мамы...», — догадалась Женя. Через 2-3 минуты послышались шаги по коридору, затем все как бы разом вздохнули, зашевелились. Кто вытаскивал пачку папирос, кто вставал, осторожно разминаясь, кто одевался. Перешептывались.

Вернулась Зина. «Товарищи, выходите по двое через каждые 2-3 минуты, тихо, без разговоров». Люди долго расходились,

без всяких осложнений, а Женя осталась еще у Зины на правах доброй знакомой, обсудить событие. Обе были очень довольны, что все так кончилось. Женя радовалась, что увидела Троцкого. Зина, смеясь, рассказывала, как все ловко было организовано: когда он шел к лифту и по коридору, воротник поднял, кепку надунил, носовым платком прикрыл лицо, будто сморкался. «Пока вы там собирались, он в этой комнате сидел, я его чаем угощала...» — «Конечно, — говорила Женя, — у него такое характерное лицо, всякий встречный узнал бы его сразу. А как он до переулочка добрался?» — «Он на машине, шофер у него верный...» — «Следят за ним, наверно...» — «Кружат, наверно... машина меняет номера». — «Как это еще машину ему казенную дают», — удивилась Женя. — «Ну, если он будет пешком ходить по улицам, за ним такие толпы образуются, трамваи не выдержат...» — «А пятак-то, пятак на веревочке!» — вдруг расхохоталась Женя. Зина поняла и тоже засмеялась. «Какая уж там веревочка! Я грудку пятаков припасла и трепетала от страха, — вдруг мы с ним меж этажами застрянем...» Лифт в доме Зины был автоматический, платный. Каждый раз надо было опускать пятак. Мальчишки верхних этажей, которые носились целый день взад и вперед по лестницам, придумали продеть пробитый пятак на веревочку и, опустив его в автомат для приведения лифта в движение, тотчас же за веревочку вытаскивали его обратно. Зина накрыла их как-то на этой махинации и со всей строгостью пуританки отобрала «вечный пятак». Но ее мать-старушка, которой с Юриком и без Юрика приходилось подниматься несколько раз в день, — высчитала, что это экономия не менее 10 руб. в месяц, и пустила «вечный пятак» в употребление. Пятак в доме был во многих экземплярах, и от этого лифт постоянно портился. Женя представила, как «вождь», ссутулившись и прикрыв лицо платком, с удивлением наблюдает, как тащат пятак за веревочку. Так болтали они о всякой ерунде, пока Женя в хорошем настроении не отправилась домой.

1927-1919

Далее Мельтцер описывает разрыв с мужем; поводом (но не причиной, ибо Женя шла к этому давно) послужил «Дискуссионный листок» в «Правде»; исключение Жени 6 января 1928 из партии после XV съезда, постановившего считать принадлежность к троцкистской оппозиции несовместимой с пребыванием в ВКП(б); ее визит к Сосновским, где Лев Сосновский сказал ей: «...я в партии 25 лет, и во всяком другом случае я не мог бы пережить исключения из партии. Это вопрос жизни и смерти... Но в данном случае я горжусь тем, что я имею мужество отстаивать свои

убеждения, несмотря на катастрофу, как члена партии”, — и он привел уже крепко запавшие в душу слова Ленина во время брестского спора о том, что если он не добьется большинства, то пойдет к матросам. Позднее эти слова Жене нигде в сочинениях Ленина и др. документах не попадались». Арестовывают Жениных друзей-троцкистов, и она становится свидетельницей обыска у Льва Столовского, попав в засаду у него на квартире. Несмотря на протесты Жени, что ее дома ждет маленький ребенок, а сама она на последних месяцах беременности, ее не отпускают, а отправляют на Лубянку.

По притихшим улицам проехали к Лубянке, вошли через главный вход с площади, куда Женя уже входила однажды по делу Файн-Перельман¹⁰, но поднялись в коридор другого крыла корпуса. Стояла подавляющая тишина. Ожидание казалось очень длительным, хотя Женя все время мысленно репетировала предстоящий разговор. Наконец открылась высокая тяжелая дверь, и ее пригласили войти. Комната была очень большая, пустынная, слабо освещенная лампой на письменном столе, стоявшем в глубине комнаты. Женя волновалась, грузно проходя длинный путь от двери к столу, очевидно, под внимательным взглядом человека, сидевшего за столом. Он был высокий, худой, средних лет; серые волосы ежиком, холодное выражение утомленного бледного лица.

«Работают такие глубокой ночью», — отметила себе Женя. Он пригласил ее сесть, и она тяжело опустилась в одно из двух кресел, стоявших боком к тяжелому письменному столу.

Опускается описание допроса (вернее, в те годы это была скорее беседа со следователем о сути партийных разногласий).

«Идите! — вдруг раздраженно сказал следователь, — и продумайте хорошенько свои взгляды и свое поведение». И он нажал кнопку звонка на столе. Увидев в дверях военного в ожидающей позе, Женя поднялась и направилась к двери.

Она думала, что провожающий выведет ее на улицу тем же путем, но в нижнем коридоре он отворил дверь не направо, а налево и ввел ее в какую-то мрачную каменную пустую комнату. Сказав: «Подождите здесь!», вышел, а через минуту в комнату вошла немолодая, чернявая, ширококостная с грубым лицом женщина. «Раздевайтесь!» — сказала она Жене неприязненно. Женя опешила: личный обыск! Что могут искать у нее? И с какой стати? Она ведь не арестована. Нерешительно стала раздеваться, — отвратительное состояние, ни при каких арестах в жизни ей не приходилось подвергаться личному обыску — даже при Колчаке. Она

опустила чулки, но не сняла их, потому что пол был каменный, и осталась в рубашке. «Снимите рубашку!» — приказала женщина. — «Как вы смеете издеваться надо мной! — возмутилась Женя. — Я беременна... Я замерзла». Женщина сама завернула рубашку и тут же сказала: «Одевайтесь!» Но она отобрала у Жени все тесемки и резинки. «Что за безобразие! — закричала Женя, — ведь одежда не будет держаться!» — «Ничего, — сказала неприятная женщина, — здесь недалеко». «Неужели в тюрьму, во внутреннюю тюрьму, которая при ГПУ, — содрогнулась Женя, — как настоящую контрреволюционерку. Какая гнусность!» Она растерялась, не знала, что и думать, но старалась сохранять внешнее спокойствие. «А дрожу я от холода», — оправдывалась она перед собой, перед этой дубовой женщиной. «Какой идиотизм — отобрать тесемки», — подумала она, прикрепляя кое-как на себя части туалета. «Ступайте!» — приказала женщина. «Тон-то какой властный... Привыкла контриками распоряжаться и не подозревает, что я большевичка...»

В коридоре женщина передала ее красноармейцу в помятой шинели и с винтовкой в руках. Он приказал ей идти вперед. «Но я не знаю, куда идти!» — возмутилась Женя. «Идите вперед. Идите прямо... Открывайте двери...» Женя едва оторвала одну за другой тяжелые двери тамбура. Неожиданно для нее они очутились во дворе, глубоко, как колодец, от сомкнувшихся многэтажных зданий. Многочисленные окна всех этажей были забраны железными совками. Колодец был прикрыт куском черного неба, и в нем диковинно и ярко, неожиданно приветливо, опрокинулась Большая Медведица. Но и со звездами надо проститься...

«Чего голову дерешь?» — закричал конвоир, когда Женя споткнулась. В это время позади кто-то зычно крикнул: «Эй-эй! Сидоров!» — «Чего?» — обернулся красноармеец. — «Веди обратно!» Женя стояла недоуменно, пока красноармеец не сказал ей: «Слышь, обратно иди!» В коридоре ее встретил военный, сопровождавший ее вверх и вниз, и сказал: «Вот вам пропуск. Можете быть свободны!»

Сбитая совсем с толку, Женя не могла понять, в какую же дверь ей толкнуться на свободу. «Сюда, сюда», — направил ее военный, и с каким облегчением, открыв дверь, увидела Женя просторный, уютный вестибюль главного входа.

Сколько раз она проходила по этому тротуару и могла ли предположить, что изведает здесь через десяток шагов позорную неволю, и что выйти из этого дома — такое счастье. Только десяток шагов, только одна дверь — и уже совершенно другой мир, другая планета.

Далее рассказывается, как товарищи Мельцер по оппозиции один за другим отправляются в ссылки; некоторые подают заявления об отказе от троцкизма и признании генеральной линии партии. Был выслан и Соновский, оставив молодую жену с тремя маленькими сыновьями и без всяких средств к существованию. Примерно в это время Троцкого выслали в Алма-Ату.

По поводу этого в троцкистском кругу было большое волнение. Предполагалось устроить демонстрацию торжественных проводов. Женю очень пугала перспектива нового скандала, аналогичного тому, что был в Октябрьскую годовщину, и она очень внутренне обрадовалась, когда Шура ей сказала: «Ты лучше не ходи, а то еще родишь до времени... Тем более, что его ночью увезут». Стало известно во всех красочных подробностях, как Троцкий отказался добровольно выйти из квартиры, заявил, что вынужден подчиниться грубому насилию, когда его потащили, как пьяного, по лестнице. Оказалось, что толпа троцкистов собралась на одном вокзале, в то время как отправили его с другого вокзала. Потом последовали слухи о том, как поживает Троцкий в Алма-Ате, и что местные власти не знают, как с ним держаться, а по улице за ним ходит толпа зевак.

В апреле 1928 у Жени рождается дочь Вириная. А в январе 1929 ее арестовывают и после трехмесячного пребывания во внутренней тюрьме ГПУ и в Бутырьках высылают. Для того, чтобы ей позволили ехать в ссылку с детьми, Мельцер объявляла голодовку. С двумя малышами ее перебрасывали с места на место, не давая мало-мальски прижиться, обзавестись хозяйством: Свердловск, Шадринск, уральская глухая деревня Ольховка, Оренбург, Кузнецк, Йошкар-Ола, марийское село Сернур, Казань. В Кузнецке ссыльной троцкистке, по протекции начальника местного ГПУ, удается устроиться экономистом в Окрторготдел.

1930-1932

/.../ работа у нее была сугубо кропотливая и нервная. Вскоре и вовсе позабыли о том, как это торговать товарами, все сводилось к распределению, к выдаче, и надо было учитывать буквально каждый килограмм хлеба, чтобы каждому жителю достались положенные ему граммы. Работа была трудоемкой уже потому, что сначала каждый квартал, а потом и каждый месяц надо было планировать с очень большой точностью выдачу продовольствия и промтоваров. Женя считалась старшим экономистом, ведала нераздельно снабжением всего города и района. /.../ Но в основном ее экономическая функция сводилась к очень ограниченной и

схематичной сфере действий. Ей сообщали размеры фондов продовольствия и товаров, и она крутила их на арифмометре, сначала делила их на количество едоков по категориям, чтобы сбалансировать размер пайка, количество снабжаемых и общий фонд, приходящийся на каждое предприятие, на каждую группу населения. /.../ Как никто, она ощущала значимость каждых ста граммов хлеба, каждых ста граммов сахара или манной крупы и относилась к своей работе сугубо серьезно и ответственно, дралась с представителями соответствующих организаций за каждые сто граммов. Промтовары не приходилось, можно сказать, накручивать на арифмометр, потому что их приходило так мало, что они каждый раз доставались какому-нибудь ведущему предприятию, какой-нибудь особо выдающейся группе, и до многих категорий очередь большей частью не доходила.

По мере расширения ассортимента товаров, подлежащих плановому распределению, Женю все больше и чаще одолевали разные просители — «написать записочку, отпустить суший пустячок». Но Женя вскоре отучила всех любителей пользоваться привилегиями или сорвать, что можно. Всех индивидуальных просителей, «невзирая на лица», Женя беспощадно гнала, не слушая никаких объяснений. А уж если кто был очень настойчивый или ответственный, то направляла его к председателю райисполкома. Но беспокоить самого председателя по такому «пустячку» редко кто решался, и вскоре все усвоили, что получить по записке у этой неподступной стриженной большевички — дело совершенно безнадежное. Предприятия и учреждения тоже никогда не могли добиться от нее ни единого лишнего пайка, ни единой поблажки. Были такие, которые удивлялись: «И чего жадничаете, не свое ведь даете, а государственное». /.../

Женя даже не подозревала, насколько она властная персона в городе, как все люди — каждый в отдельности — зависят от нее в своих поползновениях получить что-нибудь сверх нормы, и как многие бы заискивали перед ней, стремились бы ее использовать, если бы только к ней действительно был какой-нибудь подступ вне ее служебного кабинета. Но у Жени не было ни родных, ни друзей, ни знакомых, и круг ее общения с людьми был крайне ограничен — сотрудниками райисполкома, которые, узнав ее нрав, обходились без ее записок, и подчиненными ей и контролируемые ею работниками прилавка, которым тоже не нужны были записки. Женя не подозревала и того, насколько она известна в этом маленьком городе, насколько на виду у всех вся ее будничная и даже интимная жизнь. Только к концу своего пребывания в Кузнецке она как-то из случайно услышанной фразы уловила, что она в

некоторой степени является феноменом в городе. Толстая буфетчица райисполкома Мотя как-то сказала кому-то: «У нас в городе только два человека таких неподкупных: Женя да прокурор (тоже женщина): только они двое и не получают пайка из закрытого распределителя».

Женя жила одиноко и скромно, совершенно не думая, что людям известно, что и как она ест, что люди дивятся, видя ее все годы в одном и том же платье и худой обуви, что им известно, что в ее комнате нет никакой обстановки, кроме двух детских кроваток. Они видели, как домывая полы в квартире, она тщательно скоблила крыльцо, выходящее на людную улицу, как она мимо райисполкома издалека на коромысле таскает домой воду, развешивает изношенное белье на веревках. Они видели, как ее старая мать смиренно стоит в очереди в столовой с кастрюльками, куда наливают, как и всем, мутную воду, именуемую супом, в которой «крупинка за крупинкой гоняется с дубинкой», и никогда не видели, чтобы Женя несла что-нибудь из какого-нибудь магазина, а тем более, чтобы она тащила увесистый паек из закрытого распределителя. Женя получала все время паек, точнее, печеный ржаной хлеб, по карточкам для служащей и ее иждивенцев. Первое время, пока кое-что можно было купить на базаре, мать ее готовила дома, а потом стала ходить в столовую за супом, к которому сначала давали по сто грамм хлеба, а потом, «по распоряжению» Жени и их не стали давать. Жить было очень голодно, тем более, что и булочку, которую давали к чаю в райисполкомовском буфете, Женя приносила домой ребятишкам.

Правда, дети города получали по детским карточкам сахар, крупу, а иногда и еще кое-какие продукты, но этого было для детей все же недостаточно. Из-за снабжения по детским карточкам Жене приходилось выдерживать баталии. Фонды приходили на детей, а ее подбивали пустить их на общее снабжение; иногда какой-нибудь незначительный фонд, который невозможно было разделить какой-нибудь группе, Женя тоже пускала на детское снабжение. Бездетные возмущались: «Хоть детей заводи, только тогда получишь манку, сливочное масло...» Скептики доказывали ей, что в детных семьях все равно отдельно не готовят и едят манную кашу из общего горшка и взрослые, и что даже сахар, конфеты взрослые едят, не считаясь с тем, чей паек. Но Женя не хотела верить, что матери, какие бы они ни были отсталые, способны пожирать причитающееся детям. /.../

Лето 1931 года выдалось очень засушливое. Живя в городе и не вылезая из райисполкома, Женя трепетно следила за погодой, волнуясь при каждой тучке. То лето она особенно сблизилась с

работниками Райзо на почве обсуждения прогнозов погоды. Когда появились как-то тучи на небе, всех как живой водой сбрызнуло; но дождя так и не было, и Женя утешалась тем, что даже простое увлажнение воздуха уже на пользу урожаю. До самого сева усиленно ликвидировали кулачество: иногда, уходя с работы в первом часу ночи, Женя видела в райисполкоме единственное освещенное окно: то председатель райисполкома Артищев все еще проверял списки ликвидируемых. Ничего Жене об этой кампании не было известно — ее дело вовсе было сторона, — но глухие отзвуки массовых выселений, скрежета зубов ликвидируемых доходили и до нее. Как беспартийную, да еще ссыльную, ее ни во что не посвящали, и что делается на селе — она не имели понятия.

В порядке мобилизации служащих на сельхозработы она попала как-то в деревню на сеноуборку. Она ухватилась за эту вылазку, как за загородную прогулку, и взяла с собою обоих ребят. Она оказалась связана ими, и ребята, хотя и довольные необычностью путешествия, только переутомились и наглотались пыли — и в телеге, и при сгребании сена. Лель захватил с собой игрушечные грабли и все время бегал в ажиотаже по лугу, а Вира спокойно играла под той или другой копной. Зашла Женя в одну избу попить, детей умыть, а в ней одни ребяташки — мал мала меньше. «Где же мама? Или старший кто?» После долгого нечленораздельного мямленья выяснилось, что папа и мама в Сибирь уехали, а они будто бы совсем одни живут. Женя огляделась: изба большая, добротная, просторная, по стенам только лавки широкие, полати вверху, в углу под божницей стол, русская печь, конечно. Никакого намека на какое-либо имущество, кроме кухонной утвари. «Раскулаченные, что ли?» — подумала Женя. «Так что же тятка с мамкой вас с собой не взяли?» Мнут-ся. Потом старшенькая, лет десяти, прошептала: «Отправят и нас туда». /.../

Засуха, видимо, прошла широкой полосой. Официальные объяснения снижения пайков сводились к ошибкам планирования, к перерасходу фондов — о неурожае, о социальных процессах в сельском хозяйстве не поминалось ни в газетах, ни в выступлениях на собраниях по предприятиям. Женя не задумывалась над тем, как это ее — ссыльную — все чаще и чаще посылают на собрания рабочих, кустарей и служащих с докладами о положении снабжения. Это была очень неприятная миссия, но Жене казалось, что именно она — ответственное лицо за положение со снабжением, и она добросовестно объясняла, как делит фонды и выкраивает пайки. А весной 1932 года пришлось снять со снабжения всех служащих и кустарей. Положение создавалось отчаянное: организо-

ванные кустари мало чем отличались от рабочих, да и служащие давно уж оголодали. Но уменьшили паек и рабочим. Женя засиживалась до поздней ночи над своим арифмометром и ломала голову, как выкроить хотя бы сотню пайков.

Она сократила вдвое паек заключенным, но ГПУ воспротивилось. Жене было очень странно в беседе с комендантом тюрьмы, что они как бы поменялись ролями. «Как я могу кормить заключенных, — возмущалась Женя, — когда некоторые категории рабочих остались без хлеба: временные, чернорабочие?..» А суровый комендант хмуро защищал тех, кого ненавидел как врагов и преступников: «Поймите же, что они в заключении и мы обязаны их содержать. Ведь они не на воле, чтобы иметь возможность как-нибудь извернуться с питанием. Каждый день мы обязаны дать им кусок хлеба и варено». — «Пусть голодают, они это заслужили, — горячилась Женя. — Как же мы будем кормить врагов и преступников, когда рабочих не кормим?» — «Да ведь они бунт нам устроят, — уже растерянно говорил комендант. — Это ведь политическая дискредитация. Рабочие скорей поймут, чем заключенные».

Пришлось ему уступить.

Женя сняла со снабжения, конечно, и всех служащих райисполкома, в том числе и себя с матерью, хотя не представляла, как же возможно просуществовать без хлеба хотя бы месяц. Она считала необходимым лишить продовольственных карточек и всех ответственных работников, тем более, что ей было известно, что они получают, кроме того, паек из закрытого распределителя. И, хотя она имела постановление президиума райисполкома снять со снабжения всех служащих и взрослых иждивенцев, она все же пошла доложить председателю райисполкома о том, что лишает карточек его самого и других ответственных работников. Была поздняя ночь, когда Женя вошла в кабинет, где, массивно опершись о стол, углубился в бумаги кудлатый коренастый человек, вырванный настольной лампой из полумглы.

— Товарищ Артищев, я снимаю со снабжения все категории, указанные вами. Обращаю ваше внимание, что и члены президиума исполкома, и еще ряд ответственных работников с первого числа не получают карточек.

Артищев поднял на нее недоумевающие глаза.

— Ведь вы все получаете из закрытого распределения, — уже теряясь, продолжала Женя, — и, таким образом, освобождается изрядное количество пайков.

— Но ведь я получаю по карточке только шестьсот грамм ржаного хлеба (это была категория рабочего), — уже раздражен-

но-недоумевающе возразил Артищев. — Больше я ничего не получаю по этой карточке.

— Но ведь и другие больше ничего не получают. Кустари и служащие получают только по четыреста грамм, однако мы их снимаем, — уже совсем безнадежно поясняла Женя.

— Нет, нет! — решительно сказал Артищев. — Эти карточки оставьте, все равно это капля в море!

И Женя тихонько выскользнула из смутно освещенного кабинета. «Вот ведь что делает положение с человеком, — расстроено думала она. — И скромный человек, и не так уж нужны ему эти шестьсот грамм черного хлеба, раз он получает пуд белой муки, — а вот просто не понимает, что за их счет десятки людей останутся вовсе без куска хлеба...» «Я ведь ничего не получаю по этой карточке!» — снова вспомнила она неподражаемое изумление как бы взрослого ребенка. Сколько людей не смеют и мечтать о таком куске хлеба, который достается тебе помимо пайка. Может, ты куски хлеба даже собаке или птице бросаешь... И Женя с острой досадой вспомнила, что у нее самой собаки состоят на снабжении — собаки уголовного розыска.

Женя не сразу узнала, что для ответственных работников создали закрытый распределитель, а узнавши случайно, из выкриков какого-то инвалида гражданской войны, которому она отказала в записке, не поверила и пошла проверять. Оказалось, этот спецфонд легализован помимо нее, и список составляется треугольником района. Жене это очень не понравилось, но она к этому не имела никакого отношения.

Однажды обратился к ней возбужденный Катрухин. «Послушай, ты знаешь, я добился записки для нас с тобой на этот месяц на паек из закрытого распределителя. Я не я буду, если не добьюсь постоянного для нас». — «Нет, ты уж, пожалуйста, обо мне не хлопочи, — хмуро сказала Женя. — Если я паек этот буду получать, то мне тогда с людьми разговаривать невозможно». Катрухин дико на нее посмотрел, однако ничего не сказал. Самоллично доставил он ей на квартиру половину пайка — у матери даже руки тряслись от волнения, когда она принимала от него пакеты, ребяташки скакали кругом и кричали: «Посылка! Посылка!» А Женя даже глядеть не стала на все это богатство и хмуро проводила Катрухина, не сказав ему ни слова. Если бы это было не при матери и детях, она не взяла бы от него это добро, которым можно было поддержать с десятков ребятешек. Больше Катрухин не заговаривал с ней об ответпайке.

Вдруг у них появился зав. райснабом — молодой, самоуверенно-разбитной, кудрявый парень. Он сидел отдельно в кабинете, и

теперь свои планы Женя носила ему на утверждение. Он подписывал, не вникая в тонкости, к которым приходилось прибегать Жене. И вообще он не мешал им работать. Впрочем, ему и некогда было работать: у него все время толпился клянчащий народ, и с каждым он обстоятельно толковал. Беда была только в том, что он изрядно злоупотреблял своим правом на записки. Как-то предложил он Жене ответпак: «Лошадку, которая везет, кормить надо...» — «Да нет уж, мне неудобно», — пробормотала Женя, чувствуя, что мотива по существу он не поймет. И он как бы обрадовался.

Катрухин старался, как члена партии, подзадорить зава на командировки по району, а Женя — на контроль по городским торговым точкам, на что он — Женя считала, что по подвижности и живости характера — охотно шел. Женя же терпеть не могла контролировать торговые точки, потому что ее коробило подобострастное отношение завмагов и продавцов и их неуловимое жульничество. Кроме того, Женя убедилась, что ей одной просто невозможно ходить по точкам. Ее сразу же заводили в заднее отделение магазина и с наивным нахальством предлагали отвесить ей сахару, крупы и прочих драгоценных продуктов или предлагали чулки, материю, что-нибудь для ребятишек взять. С тех пор Женя стала ходить только с представителем РКИ и общественности. Чем дальше, тем неустаннее приходилось Жене крутить арифмометр, а ведь надо было еще и конъюнктурные обзоры составлять, готовить материалы к пленумам, докладам. И хотя наличие зава освобождало ее от части заседаний и собраний, все же она физически не в состоянии была справиться с работой. /.../

Однако кудрявый Майоркин почему-то недолго прозаведовал, и опять на собрания с докладами стали посылать Женю. Особенно трепетала Женя, когда ей пришлось весной 1932 года выступить с объявлением о снятии со снабжения хлебом на собрании 600 кустарей. У этих плохо одетых людей с истощенными бледными лицами и черными руками был такой ммуро-злой вид и так они раздраженно гудели до открытия собрания, что Женя опасалась, как бы на все ее разглагольствования не стащили бы ее с трибуны и не избили. Особенно у нее обрывалось сердце, когда раздавались истерические выкрики женщин: «А дети-то наши — дети как? Что же, удавить их теперь, что ли?» И Женя, сама поражаясь холодному и властному звучанию своего голоса, обрывала эти выкрики: «Детей не снимают со снабжения, не съедали бы вы только их паек, а на то вы и матери! И нечего насчет детей демагогию разводить! При таком голоде дети у нас достаточно обеспечены!» «А что бы сказали мои товарищи, услышав меня с

этой трибуны, — мелькало у нее иной раз в голове, — нет ли тут ошибки генеральной линии, что дошли до такого состояния? Принципиальна ли я как троцкистка? Но как бы то ни было, я как работник РИКа разделяю эту ответственность в том, что оставляю этих тружеников без хлеба... что бы я еще могла сделать для них? Во всяком случае, ведь не разжигать их недовольство».

Собрание все же прошло вполне благополучно. То ли Женя вложила всю искренность своей убежденности, то ли кустари соznавали общую безвыходность положения в стране и верили, что это временные затруднения, но после собрания никаких дезорганизационных выступлений не было, и лишение карточек кустари приняли безропотно. /.../ А вездесущая и всезнающая буфетчица Мотя — она все разговоры сотрудинок в буфете и в кабинетах мотала на ус — объясняла все по-своему:

— Как Женя-то наша в театре выступала смело — ажно я за нее дрожала! Небось секретарь райкома не выступил — ряшку такую наел, что могли свободно и по ряшке надавать, разве народ не знает, что у него кладовая от продуктов ломится. Только Женю на народ и посылают, ей никто попрека не бросит! /.../

Во время отпуска, который Женя с детьми проводила в доме отдыха РИКа, ее на машине увозят в Кузнецк, где объявляют о «препровождении в распоряжение Горьковского краевого управления ОГПУ» — для изменения места ссылки. Женя добилась того, что вместе с нею отправляют мать и детей. Наскоро раздала и распродала по дешевке имущество — дрова купил за 100 руб. присутствовавший миллионер; на базаре Кузнецка их нельзя было купить и за тысячу: «сговорившись с Женей о цене, он вовсе позабыл, что он здесь для наблюдения за арестованной, и откровенно заявил, что отлучится на минутку позвонить, в отношении транспорта для дров. Женя воспользовалась этой отлучкой, чтобы вытащить из поленицы дров, находившейся в сених у дворового крыльца, пачку копий разных троцкистских документов и бросить ее в уборную». В Горьком, куда их доставил кузнецкий конвой, мать Жени Цецилия Карловна с детьми была устроена, при помощи начальника местного ГПУ, на квартире одного из ссыльных троцкистов, Женю же поместили в камеру еще с тремя женщинами.

Оказалось, что эти три женщины были «валютчицами». Были тогда в краевых городах магазины Торгсина, торговали с иностранцами, которым продавали все товары за валюту. Однако иностранцев было очень мало, а основную массу посетителей этих магазинов, как выяснила Женя из разговоров меж собой заключенных, составляли советские граждане, которые покупали в ненормированном порядке любые продукты питания, сдавая золотые, серебряные вещи и прочие драгоценности. Оказывается, у населе-

ния, особенно из бывших буржуазных слоев, этого добра было достаточно. Когда подавали столовое серебро, колечки, браслетки и медальончики и убедились, что это не влечет за собой никаких осложнений, а наоборот, представляет чрезвычайно удобную, четкую и выгодную операцию, по сравнению со спекулянтским рынком, то многие повытаскивали потайно запрятанные уже пятнадцать лет значительные драгоценности, а то и золотые монеты. Некоторые и стали жить шикарно, как настоящие буржуазные иностранцы, так и втянулись жить на свои драгоценности. Женщины, попавшие в заключение, обвиняли в предательстве сотрудников Торгсина — они-де, мол, сидели и подавали списки в ГПУ на сдающих драгоценности. Женя усмехалась: дураки были бы сотрудники Торгсина, если бы не обращали внимания на неисчерпаемые источники некоторых посетителей. А потом из их болтовни и перебранок Женя уяснила, что торгсиновцы могли быть только наводчиками, а в остальном они сами себя выдавали или выдавали их ближайшие приятельницы. Иначе чем объяснить, что едва приходили с обыском, так сразу же толкались туда, где был спрятан склад сокровищ? И даже находясь уже здесь, в камере, уже проученные на опыте, недоверчивые друг к другу, они невольно выдавали себя человеку с иной психологией. Женя держалась в стороне от них. Особенно ее нервировало, что, получая богатые передачи, они были очень назойливы с угощением, которое она считала недопустимым принимать от антисоветских людей. /.../

Новым местом ссылки определен поселок Сернур в 100 км от Йошкар-Олы. Здесь Женя работала то секретарем Всероссийского общества слепых (поводырем при приехавшем в Сернур уполномоченном общества), то счетоводом сельпо. Мать и дети жили при ней. По окончании срока ссылки с большим трудом удалось добиться у местных властей (которые ценили Женю как хорошего работника и не желали ее отпускать) проездных документов до Александрова, города, находившегося в ста с лишним километрах от Москвы. Поселившись там, она была вновь арестована 16 января 1936. На следствии, пораженная приведенными следователем «материалами» о террористических замыслах И.Н.Смирнова и его жены А.Сафоновой (старой подруги Жени), объявила о своем отходе от троцкизма. Ее привезли во внутреннюю тюрьму НКВД в Москву, где объявили приговор: ст.58, КРТД, 5 лет лагерей.

1936

Дни проходили за днями размеренно и однообразно, и тем не менее внутренне очень насыщено. К концу двое выбыло, а новых не поступало, и Женя перебралась из дальнего угла ближе к свету.

С воли до них не доходило ни единого отзвука жизни. По коридору не слышно никакого движения: надзиратели ходили в туфлях по мягким дорожкам, двери неслышно действовали, щиты на окнах доверху. Даже в уборной выдавались обрезки *белой* бумаги. Ни продовольственные, ни вещевые передачи не принимались. Но, на оценку Жени, питание во внутренней тюрьме ОГПУ было очень хорошее, а так как всегда несколько человек не притрагивались к своей порции, то она съедала по 2-3 порции, чувствовала себя всегда сытой и даже заметно поправилась. /.../ Она и на Лубянке старалась вести правильный образ жизни. На прогулке, на крыше 7-го этажа, неуютной, как голая, выжженная степь, и без панорамы Москвы — за неимением очков, — она делала физкультурзарядку, днем спала мертвый час, ела до отвала, много читала.

Но суть жизни начиналась поздно вечером, и редкая ночь проходила без потрясений. Отбой был в 10 часов вечера. Все не раздеваясь ложились на койки под одеяла. В противоположность Ивановской тюрьме, электролампочка гасилась (из коридора). Но едва она гасилась, как снова зажигалась. Все, как по команде, вскакивали и подбегали к двери, в которую входил надзиратель. Надзиратель, сделав знак, чтобы отступили, глядел в записку, которую держал в руке, как игрок карту, и начинал спрашивать: «Кто тут на "Пе"»? Если оказывалась какая-нибудь Попова или Панкратова, то она выступала вперед и надзиратель ее спрашивал: «Как фамилия?» Если ему эта фамилия не подходила, он обращался к другой заключенной и, еще раз сверив фамилию, отрывисто бросал: «Приготовиться к допросу», — и уходил. В камере начиналась паника: та, которой надо было идти на допрос, переодевалась в свой лучший костюм, она не попадала в рукава кофты, надевала юбку наизнанку, ей помогали, ее оправляли, напоминали припудриться, поправляли прическу, кто-то ободрял, наставлял... Через 2-3 минуты входил опять надзиратель, уводил обреченную и гасил свет. Иногда он еще за кем-нибудь приходил, но даже из-за одной в темной камере никто не спал, чуть слышно перешептываясь в ожидании. До возвращения, которое всегда было внезапным, иногда можно было бы успеть и выспаться, но через каждые полчаса и чаще лампочка включалась в камере для проверки: всё ли в порядке, все ли по местам, — и каждый раз все приподнимались, ожидая или возвращения или затребования к другому следователю. Возвратившаяся с допроса обычно тишайшим шепотом еще долго делилась своими впечатлениями, ее спрашивали.

Только после 2-3-х часов ночи переставал действовать рефлекс лампочки, и обитатели камеры наконец засыпали. Женя находи-

ла, что горящая всю ночь яркая лампочка меньше действует на нервы, чем это постоянное щелканье выключателя и мгновенное озарение. /.../

Неожиданно, после единственного допроса, на котором Женя утвердилась в мысли идейно отойти от троцкизма, ее перевозят в общую камеру Бутырьской тюрьмы. Там она знакомится с Терезой Соломоновой, студенткой университета, уже закончившей один факультет — физико-математический — и заканчивавшей перед арестом второй — медицинский. По 58-й статье Тереза получила 5 лет ИТЛ на Воркуте. Такую же бумажку вручают в конторе тюрьмы и Жене. Перед отправкой ей дают свидание с матерью и детьми.

Она вошла в ту канцелярскую комнату, в которой она свиделась с детьми 7 лет назад. Она сразу узнала ее и остановилась, глядя на дверь, представляя, что сейчас войдет вся ее семья. Но сопровождающий сделал ей знак войти в дверь прямо напротив той, на пороге которой она остановилась. Дверь отворилась, и ее ошеломил нестройный крик отчаянных голосов, шум и плач. Она оказалась в большой, длинной, мрачной камере, по всей длине которой от прилавка до потолка была натянута металлическая сетка. И на эту сетку арестанты налипли, как пчелы на соты: почти сплошным роем они вцепились пальцами в сетку, припадали искаженными лицами, так что отпечаток сетки оставался на лбу, целовали или кусали сетку и кричали высокими голосами, как будто родные были за полкилометра. Женя даже не сразу поняла, что это за торжище. Но надзиратель указал ей место у сетки, где было посвободнее, и сквозь довольно мелкую сетку она с ужасом увидела, что метра через два тянется параллельно такая же сетка, а за этой сеткой смутно проступает толпа людей, притянутых к сетке, множество разных лиц с одним общим горестным устремлением глаз и открытых кричащих ртов. Она тотчас же отчаялась — на таком расстоянии увидеть своих, если даже они отыщут ее в этой зарешеченной галерее лиц. И в тот же миг острого отчаяния, готовности зарыдать на весь зал — а рыдания, плач так и рвались с обеих сторон, — она увидела, что из толпы к сетке напротив нее продирается Рита. «Рита!» — отчаянно закричала она, еще не веря, что Рита видит ее. Глаза у Риты были тоже безумные. Она расталкивала стоявших у сетки, и тут Женя, опустив взор пониже, увидела, что Рита толкает впереди себя Лелика — ее бленького мальчишечку, который здорово вытянулся за эти месяцы. «Лель!» — опять закричала не своим голосом мать, будто перед нею был не Лель, а труп Лелика. «Вира!» — все так же крикнула она, пугаясь, что не видит Виры. «Мама, Вира тут, Вира

тут!» — бойко откликнулся Лель, пытаясь вертеть головой, притиснутой Ритой к сетке. Над плечом у Риты возникли большие, бесконечно скорбные глаза матери, такие молчаливо скорбные, что Женя притихла, не в силах даже губами шевельнуть. «Мама...» Все эти месяцы она думала только о детях, только попутно, так сказать, теоретически ассоциируя, что матери будет очень трудно, что сестра — не воспитательница... И впервые ей опалило душу — расстаться с мамой и, кто знает, может быть, навсегда. Казалось, и взор матери так и говорил: «Смотри, дочка, смотри на меня хорошенько, я ведь стара, может быть, последний раз смотришь». Но в следующее мгновение Женя увидела меж маминим скорбным и Ритиним паническим лицами пушистую белую головенку Виры. Она тотчас забыла о матери, закричала: «Вирочка!» уже полным выдохом; в ее окрике уже проступили интонации удовлетворенности, что вся семья в сборе, все живы, здоровы, она видит их. Но проклятая сетка мешала. Женя бессознательно втикнулась в нее так, как будто она могла просочиться сквозь нее или хотя бы подвинуть ее, приблизиться хоть на пару сантиметров. А стоявший вокруг шум заставлял кричать в страхе, что не будешь услышан. Она знала, что свиданье кратко, и приготовилась сказать самое существенное, необходимое и, между прочим, она хотела утешить семью, оправдаться перед ней, сказать, что она отошла от троцкизма. Но она представляла себе свиданье по примеру 1929 года, что сможет не только шепнуть неположенное, но и обнять, приласкать детей. Сейчас она стояла перед двойным непроницаемым барьером, когда даже руки нельзя протянуть к далеким, ни интонацией, ни мимикой отразить свои чувства. Она стояла в ряду арестантов, как на выставке, перед множеством чужих людей, и хотя в подсознании ее проступало, что никто не слушает и не видит ее, кроме родных, — все же невозможно было в такой обстановке чувствовать себя наедине с родными. К тому же, между сетками прохаживался взад-вперед тюремный надзиратель, и хотя он навряд ли мог что разобрать в этом хаосе криков, все же его присутствие тоже невольно сковывало Женю. /.../

Женя представляла, что этап должен быть большой, хотя бы по рассказам других, не сразу отправившихся на Воркуту. Но когда она вступила под высокие мрачные цементные своды так называемого Бутырского вокзала, ее обуял дикий страх. Огромный серый, чуть освещенный зал был переполнен народом, серыми, смутно качавшимися их тенями, и в нем гулко отдавался слитный гул нервных выкриков, приглушенных рыданий.

Ей показалось, что здесь было не менее тысячи человек. И все они стояли как будто рядами и как будто тихо, но словно стонало

и бормотало какое-то одно огромное раненое чудовище — тысячеголовое, тысячерукое, и у тысячи ног на полу лежали, громоздились бесформенные вещи. И сами люди были какие-то бесформенные, серые, понурые, арестантски одетые, опустившиеся. Почти все были мужчины, но в лицах не было ничего мужского, хотя они и были в большинстве небриты. Лица бледные, глаза мутные, бегающие, рты полуоткрыты, углы губ опущены, тяжелое дыхание. /.../ Женя долго не могла опомниться от грандиозности этой картины. Ну, десятки людей, ну, сотня, но это же несколько сот людей, целый эшелон. И если два раза в неделю отправляют такие эшелоны — откуда такое множество контрреволюционеров? Она не вглядывалась в стоявших людей, не искала знакомых лиц, но уже по внешнему облику ближайших мужчин судила, что это, конечно, не партия троцкистов, бывших членов партии, и не сознательных активных врагов. Она впервые была в мужской арестантской массе, и ей бросилась в глаза разница между женской и мужской партией. Женщины индивидуально одеты, они экспансивны, шумливы, контрастны — одна плачет, другая смеется; они сохраняют блеск глаз, цвет лица. Сосед закурил, и руки у него дрожали. Женю тоже потянуло закурить — оказывается, руки у нее тоже дрожали, она едва свернула козью ножку, в рот попала махорка, она затянулась, поперхнулась, больше для порядка затянулась пару раз и бросила курить, во рту была горечь, горло болело, першило. Она смутно понимала, что происходит на этом вокзале: как будто ходили тюремные служащие, считали, отбирали людей; ходили они тоже неслышно, как серые тени, говорили негромко, и вообще гул стоял негромкий, иногда только всплескивался отчаянный крик, ругань. Но вот в одном углу вспыхнула истерика, мужская. Это было жутко. И где-то поблизости тоже кто-то дико закричал, упал; туда прошла медсестра; женщина рядом громко заплакала. /.../

Постепенно толпа убывала, оказывается, людей грузили в «черные вороны» и увозили на вокзал. Многие устали стоять. Присела и Женя на свой чемодан. Она уже освоилась с обстановкой, но все же не могла поверить, что еще несколько минут, полчаса, час — и ее тоже погрузят, и эшелон двинется на Воркуту — на 5 лет. Какой страшно огромный срок! Пять лет — это, может быть, до конца жизни. /.../ И вот выкликают Терезу, ее, женщин, сбившихся сейчас в кучу... всех вместе. Страшная мука раздирает сердце Жени. Она идет, стараясь владеть собой, идет со всеми, как манекен; они выходят к «черному ворону». В темноте их сдают конвою, помогают им влезть в этот огромный черный гроб... Дверца захлопнулась, автомобиль тронулся. Хорошо, что

в кромешной тьме не видать, как искажено ее лицо, как она, сжимаемая конвульсивно руки, покачивается, как раненая. «Везут на вокзал. Ясно. Все кончено!» Душная июльская ночь обдает свежестью после отравленного дыханием сотен арестантов бетонного ящика. Спотыкаясь, бредут в темноте по путям к темному длинному составу, им помогают взобраться. Женя всхлипывает храпом, взбираясь по ступенькам вагона. Зарешеченное купе направо, в два яруса нары. Машинально, за Терезой, она взбирается на верхние нары и припадает недвижно к доскам рядом с суетящейся Терезой. Им забрасывают их вещи, от которых сразу становится тесно, задвигают решетку, гремит запор. Всё! Захлопнулся ящик Пандоры, не осталось в нем надежды. Их везут на Воркуту. Начисто отрезана прошлая жизнь, начинается новая, жуткая в своей неизвестности, в тоске обреченности. И больше ничего Женя не в состоянии осмыслить в раздавивших ее переживаниях.

Далее в «Комментариях» описывается длительный этап — эшелонном, потом пароходами — через Архангельск, потом Нарьян-Мар на Воркуту. Женя встречается со своей старой знакомой Идой Шумской, узнает от нее, что всех троцкистов — из политизоляторов, из ссылки, из «минусов», настоящих и отошедших, — всех, без исключения, отправляют в лагерь на Воркуту. Женя признается ей, что отошла от троцкизма, после чего подвергается бойкоту в среде троцкистов, среди которых находится и ее подруга детства — Надя Штерн, окончившая срок политизолятора, но не освобожденная, а так же, как и «отошедшая» Женя, отправленная в воркутинские лагеря. В кругу троцкистов отношение к Жене устанавливается, как к ренегатке. Описываются первые шахты, открытые на Воркуте, довольно примитивного типа, работа сначала счетоводом в конторе, в плановом отделе, потом, когда все осужденные по статье КРТД были сняты с конторских должностей, — ламповщицей при шахте и в бригаде сельскохозяйственных рабочих. Тем временем троцкисты начали голодовку, требуя для себя, как для политических заключенных, возвращения привилегий.

1938

/.../ Голодовка в лагере вспыхнула для Жени, как и для основной массы заключенных, внезапно. /.../ Троцкисты воспользовались как поводом для нее тем, что их сняли с теплых конторских местечек и в бытовом отношении поставили в общелагерные условия.

Но обнаружилось, что голодовка тщательно подготовлялась, началась высокоорганизованно и дисциплинированно, причем удивительнее всего для Жени было то, что троцкисты подстрекнули

и организованно вовлекли в голодовку большое число заключенных вовсе не троцкистов. Начали голодовку по всем правилам искусства около 100 человек сразу. О голодовке на руднике сразу заговорили, но без всякого сочувствия и даже с большой враждебностью. Подробности ее Женя узнала от всезнающей Терезы, с которой иногда встречалась. /.../ Лена Данилова, Галя Вульф, Маруся были освобождены от голодовки как матери; кое-кто даже из мужчин был освобожден по состоянию здоровья, и даже Виктор Элькин был освобожден «по семейному положению», т.е. из-за Лены с грудным ребенком. III часть¹¹ сначала всполошилась, стала их уговаривать, а потом перевела всех голодающих в один барак. Оказалось, что голодовка началась и на ближних командировках, и через несколько дней вывезли всех голодающих с рудника и других командировок на кирпичный завод. Предположение, что и Надя и Ефим вступили в голодовку, подтвердилось, а Женя все еще только собиралась «обрабатывать» их. Теперь задача передачи им писем еще больше усложнилась; с другой стороны, ей казалось чрезвычайно срочным, — пока они еще не умерли от голодовки, — отвлечь их от окончательного скатыванья по ту сторону советской власти. По тому, как III часть солидно устраивала голодающих, можно было судить, что она не намерена им потакать. Женя настолько знала характеры Нади и Ефима, чтобы быть уверенной, что они скорее умрут, чем отступят. /.../

Большой маневренности стоило Жене выкроить время, когда она могла в полном уединении написать эти письма, но ей повезло, когда случайно ее сожители оба попали в ночное дежурство, и она всю ночь напролет горела в страстном подъеме убеждения спасти своих друзей. /.../ Она вложила в письма не только всю свою силу личного чувства дружбы и товарищества, нашла самые проникновенные, чуткие слова. Перечитав письма, она сама нашла их неотразимыми; не может быть, чтобы они не воздействовали на коммунистов, хотя и заблуждающихся, но беззаветно преданных идее, лишенных какой-нибудь личной корысти, честолюбивого политиканства. /.../

Но как теперь передать эти письма? У нее не было совершенно никого, кому бы она могла их доверить, ни из троцкистов, ни из обслуживающего голодающих персонала. И дело было не в том, что письма не могли бы пройти цензуру или попасть в руки тайных агентов. III часть, конечно, пропустит их по назначению. Можно было бы даже свободно переслать их незапечатанными по почте. Но ей было ясно, что, получив эти письма по почте или через легальные каналы, ни Ефим, ни Надя не стали бы их даже и читать, просто разорвали бы, не читая. /.../ Совершенно никого

не было у Жени, если не считать Терезы, которая могла взяться за любое поручение, но такое тонкое дело доверить контрреволюционерке-сплетнице она никогда бы не решилась.

Такое дело можно было поручить только коммунисту. А членами партии на руднике были только Барабанов и начальник III части. И Барабанов все равно передал бы для исполнения в III часть. Так уж лучше самой сходить и объяснить самому начальнику III части план действия с этими письмами. Она не сомневалась в том, что из слывших убежденными троцкистами и даже принимавших участие в голодовке были заключенные, которые работали информаторами по заданию III части. На крайний случай можно было передать через обслуживающий медицинский персонал, состоявший из заключенных и обязанный относиться к голодающим лояльно.

Женя переломила в себе огромное нравственное сопротивление и отправилась в III часть. /.../ На ее счастье, на приеме у начальника никого не было, и не пришлось ничего никому пояснять, зачем она сюда попала. Начальник сразу же принял ее очень любезно, предложил даже сесть. Она села и, волнуясь, стала объяснять ему, как важно передать эти письма адресатам так, чтобы они попали к ним как бы по конспиративной линии. «Понимаете, если они получают эти письма через цензуру по почте или от администрации барака, они просто не станут и читать, сразу же изорвут с негодованием, как провокацию. Я думаю, у вас есть такие возможности, чтобы передать эти письма в запечатанном виде, как бы тайно от администрации, через сочувствующее им лицо». Начальник, до тех пор слушавший очень внимательно, но довольно непроницаемо, согласно закивал головой: «Я вас понял, мы это, конечно, устроим... Но почему вы так уверены, что ваши письма произведут впечатление на них, смогут переубедить их? Это же совершенно отчаявшиеся люди...» — «Потому что они хорошо знают меня и не могут не верить мне, не верить моей искренности. Мы думали одинаково, работали вместе и, однако, я отошла. И кто бы другой мог бы меня заподозрить в слабости или шкурничестве, но только не они, так как они слишком хорошо знают меня, верят мне и потому могут понять мои мотивы. А если они могут понять, то смогут и переломить себя...»

Начальник с сомнением вертел в руках письма, однако, не собираясь читать их — всего 10 страничек мелким, убористым почерком. «Что ж, посмотрим, возымеете ли вы такое действие, на которое рассчитываете», — сказал он, поглядывая на разволновавшуюся Женю. И, еще раз прочитав, прищурившись, адрес на конверте, вдруг спросил ее лукаво: «А в каких вы

взаимоотношениях с этим... Ефимом В.?) И вышел из-за стола, подходя к ней.

Она удивилась: толковала ему, толковала, а он вроде бы как опять сначала. — «Я была с ним в очень хороших отношениях до тех пор, пока он не счел меня ренегаткой и не стал поддерживать никаких взаимоотношений». — «Ну, ну... — как бы предлагая отбросить условности, прервал ее начальник. — Кто он вам?» Женя поняла эту поганую улыбку и покраснела от злости. Даже здесь, даже коммунист не в состоянии мыслить себе нормально взаимоотношения мужчины и женщины. «Товарищ, который уважает меня», — ответила она, глядя прямо ему в глаза со снисходительным презрением: тебе ли понять? Он стоял напротив нее, низенький и плотный, и тоже снисходительно обнимал ее взглядом: знаем-де, мол, какой товарищ! — «Ну, ну...» — и вот-вот по плечу похлопает. Она рассердилась и, как бы освобождаясь от его взгляда, повела плечами и сделала поворот к двери. — «Так я могу быть уверенной, что это будет сделано чутко?» — «Да, да, конечно! — перешел он на деловой тон. — Скажите, а вы не работали ранее в органах ГПУ?» — «Нет... — удивилась она неожиданной ассоциации шефа, — не работала». — «Так, так... — сказал он раздумчиво. — Ну, что ж, идите. Сделаем все, как надо». /.../

Голодовка тянулась еще более месяца. Говорили о том, что есть уже жертвы, потом стали появляться некоторые, кто сепаратно кончал голодовку, не выдержав характера или убедившись в ее бесцельности; но таких, кто заявлял бы о переоценке своих ценностей за время голодовки, не было. Наоборот, отставшие от голодовки были не троцкисты и были очень озлоблены против троцкистов, вовлекших их в голодовку, обвиняли их в подстрекательстве, в то время, как они вовсе не разделяли политических взглядов троцкистов, они-де, мол, просто хотели добиться лучших условий в лагере. Несмотря на то, что их возвращали в лагерь уже оправившихся, вид у них был ужасен — старческое лицо, потускневшие, несмотря на возмущение, глаза и мертвенная кожа. Не верилось, что они когда-нибудь станут вновь людьми. А ведь десятки людей еще продолжали голодать уже третий месяц, и если они оставались живы, то только потому, что их кормили, так сказать, насильственно. Женя думала, что как-нибудь искусственно — клизмами, что ли. Но Тереза объяснила, что самым обыкновенным образом — из поильничков, причем с язвительностью добавляла, что многие голодали от кормежки до кормежки, с трудом дожидаясь, пока их изнасилюют. Конечно, при таком методе кормления приходилось их пичкать самыми питательными концентратами в мизерных порциях. Но Тереза уверяла, что на

барак голодающих идет чуть ли не весь запас сахара, какао, сливок, драгоценных овощей. При случае заключенные в столовой покрикивали: «Дохлах паразитов кормите там, лучше бы нам питание улучшили. Голодающие — а все сожрали...» /.../

Наконец, когда уже осталась, может быть, третья часть голодающих, — они прекратили голодовку, так и не произведя никакого впечатления на общественность страны и заграницы, на что они рассчитывали, но чего ГПУ, конечно, не допустило за пределы лагеря. Лагерники их встретили ожесточенно и с насмешливым презрением, а вскоре и слух пошел, что их будут судить. Ефима Женя больше никогда не увидела и не узнала о нем — вынес ли он голодовку, судили ли его и к чему присудили... Если бы он отошел, то это могло дойти до нее, а раз исчез бесследно — значит, упрямылся до конца. /.../

Примерно через полгода всех голодающих вызвали на Воркуту для суда за подстрекательство, дезорганизацию... И в начале апреля 1938 по баракам был зачитан приказ о расстреле за бандитизм, посредничество, дезорганизацию большой группы заключенных и оглашен список. В этом списке знакомой была только фамилия Иды... Но в лагере были слухи, что расстреляны все вызванные тогда на суд. Приказ вывесили в клубе, и Женя обратила внимание — приговор был приведен в исполнение 3 апреля — как раз в день рождения Нади, когда ей исполнилось 40 лет. /.../

Вскоре женщин увозят с Воркуты в поселок Кочмес, где устраиваются в тундре большие поля по выращиванию картофеля и овощей, строятся теплицы, чтобы снабжать Воркуту. Многих, в том числе и Женю, эта переброска разлучила со своими «лагерными мужьями». Год спустя в Кочмесе на несколько дней высадили этап, отправляемый из Воркуты на инвалидную командировку.

Как-то раз стелили они раму. А день был чудесный, солнышко пригревало, сгоняя последние блики снега. Парниковая площадь кипела народом. Ремонтировали гнезда парников и набивали их навозом и землей.

— Ты замечаешь, — спросила Фаина Женю, — как много сегодня людей на парниках, и причем новых уже?

— Как новых? — удивилась Женя. — Откуда же они взялись?

— Как! Ты не знаешь, что вчера пароход сверху с Воркуты пришел? Инвалидов привезли, смотри, сколько мужчин!

Женя огляделась: действительно, непривычно глазу было наличие мужских фигур, правда, понурых, пожилых и бледных.

— А что же им и отдохнуть не дают? — спросила Женя с невольной жалостью.

— Весна! — иронически вздохнула Фаина. — Спешка! Торопятся мужской силой воспользоваться.

— Да, уж сила, — в тон ей ответила Женя, все еще вглядываясь в людность парникового поля. Вдруг выделилась в ее кругозоре одна сутулая фигура, в ватном черном городском, с котиковым воротником, пальто, повисшем расстегнутыми полами, в ушанке с повисшими ушами. Фигура показалась Жене знакомой, и у нее забилось сердце. В это время человек, передыхавший, опершись на лопату, повернулся к ней лицом и стал выбрасывать старое содержимое из парника. Смуглое, худое горбоносое лицо измученного человека. «Да ведь это Виктор!» — мелькнуло у Жени в мозгу, и ее как ветром сдуло к тому парнику.

— Виктор! — воскликнула она, содрогаясь от радости и от жалости, такой неприспособленной казалась эта фигура над непочатым полем работы. Он поднял голову, лицо его просияло, бросив лопату и шагнув к ней, он воскликнул радостно:

— Женя!

— Как ты попал сюда? — не зная, что сказать, спросила она и протянула ему обе руки. Он схватил ее руки, но тут она заметила, что одна рука в крови. — Ты натер себе руку! Как же ты работаешь без рукавиц!? — воскликнула она, ужасаясь. Он взглянул на свои грязные натертые руки и тут же опустил их, конфузясь.

— Да, знаешь, тепло. Я не думал... Даже жарко в этом «дипломате». В общем, пустяки...

— Нет, так нельзя... — разволновалась Женя, — подожди одну минутку.

Она подбежала к своему подрамнику, выхватила оттуда бутылку с водой.

— Постой, я тебе промою... — она тщательно промыла ладонь и перевязала руку своим носовым платком. — Я могу дать тебе свои рукавицы, без рукавиц все равно не сможешь работать...

— Нет, не надо, — воспротивился он, — в бараке есть у меня, я после обеда захвачу.

— Но ведь ты нормы не выполнишь! — ужасалась Женя.

— Шут с ней, с нормой, — отмахнулся Виктор, — мы тут недолго, лед пройдет, нас дальше повезут... На инвалидную командировку, — горько усмехнулся он.

— Там, говорят, очень хорошо, — поспешила она утешить его, — кормят хорошо, работа легкая, день короче...

— Говорят... — уныло подтвердил Виктор.

— Так что же, ты хворал, что ли, на Воркуте? — с состраданием спрашивала она. — А говорили, теперь на руднике лучше живется, — сколько овощей вы от нас получили.

— Да их только на диетическое хватает... Из столовой меня перевели опять на шахтную работу — ты-де, мол, отъелся уже. Там я хворать стал, сил не стало совсем, вот и списали меня...

— Однако и у тебя, и у меня норма стоит, — спохватилась Женя. — Ты в каком бараке?

Оказалось, в конюшне же, только в пустовавшем ранее крыле.

— И я там же, сегодня же зайду за тобой, поговорим, как следует. /.../

После работы на столовой, не заходя в свой барак, она направилась к южным воротам конюшни. Она еще не ослепла, но ее смущало, что внутри барака она запутается, не найдет сразу Виктора. Не в том дело, что в мужской барак запрещено женщинам входить, а в том, что не хотелось стать центром всеобщего внимания в огромном мужском помещении. Но Виктор стоял у двери и тут же подошел к ней. «Пройдемся, или заглянешь в мою берлогу?» — спросил Виктор, несколько ободрившийся или отдохнувший. И верно, он, только вернувшийся с работы, воодушевился состоявшимся неожиданно свиданием. Насколько лагерник вообще может предполагать, он предвидел возможность встречи с Женей. /.../ Но он уже давно чувствовал себя больным, был вял и апатичен, больше лежал и мечтал о родном доме, о жене, о детях, о том, как долго еще жить и сколько еще надо перетерпеть. Единственно активным у него было желание выдержать, выжить до конца срока. Женя уже отошла в сторону, как нечто, независимо от их воли, убранный из судьбы. Осталось только теплое благодарное воспоминание, которое сейчас, после встречи, ожило притоком грустной нежности — если только уместно такое сравнение в мужском этапе.

Гулять по поселку на виду с неизвестным этапником, да еще неизбежно под руку из-за куриной слепоты, Женю не устраивало. «Где твое место?» — спросила она, в надежде отсидеться в темном углу. Оказалось, близко, на нижней полке, и она решительно юркнула туда. /.../ О том, как выглядит Виктор, Женя тактично не высказывалась, стараясь скрыть одолевающую ее острую жалость, так худ и желт был Виктор без верхней одежды. /.../ Виктор вздохнул и спросил:

— А что пишут тебе дети?

Она невольно опечалилась: ее тревожило поведение Леля и здоровье Виры. Виктор снова переменял разговор:

— А у нас троцкистов судили и, говорят, всех расстреляли. Женю снова ударило в сердце. Значит, и Надя погибла.

— У нас приказы по баракам читали, — сказал Виктор, уже жалея, что поднял этот разговор.

— У нас только один читали, — с трудом выговорила Женя, — от третьего апреля. Там из троцкистов я нашла только одну знакомую фамилию — Шумская... Ты говоришь, были еще списки?.. Ты не обратил внимания — Штерн там была?

— Не помню, — ответил Виктор небрежно. — Туда им всем и дорога — меньше смутьянов стало.

Жене захотелось сбросить подступившее тягостное чувство, и она, помолчав, спросила:

— А ты читал ответ Сталина Иванову? В «Правде», кажется, от 12 февраля было?

— Читал, — сказал Виктор, припоминая, что же там было замечательного.

— Понимаешь, Виктор, на меня это письмо произвело очень сильное впечатление.

Виктор неопределенно выжидал.

— Что же там нового ты нашла?

— Вот в том-то и вся особенность, что ничего нового там как будто нет, а для меня прозвучало, как открытие Америки. Как же это я столько лет и так часто читала об этом и никогда до моего сознания не доходила именно вот эта разница между построением социализма и гарантированностью окончательной победы...

— А я с тех пор, как ты уехала, потерял отчетливое представление о ходе событий, так, иногда дойдет кое-что и, по правде сказать, плохо понимаю все это круговращение в нашем аппарате. Есть слухи, что снизу ждут больших партий — Ежов с ягодицами расправляется...

/.../ На следующий день на Кочмесе оказался редкостный обед: во второе были котлеты. Женя прибежала в столовую прямо с парников, Виктора еще не было, она словчилась пообедать вне очереди и стала ждать. Между тем, по поселку быстро разнеслась весть, что дают котлеты, и образовалась большая очередь. Женю это не угнетало, но, когда подошел и стал в хвост Виктор, она мысленно отругала себя, что не заняла ему очередь, — он был очень утомлен и голоден, и печально двигался в очереди, рассуждая о плохом питании. И только он получил свой обед, как в темноте кто-то его подтолкнул, и вожденная котлета свалилась на пол.

Женя замерла в отчаянии — ведь она уже свою съела, она бы бросилась поднимать с пола, но не знала, как будет реагировать на это Виктор, может быть, он побрезгует. Но он сам, не спеша, наклонился и, подняв злополучную котлетку, положил ее обратно на перевернутую на мисочке крышку. Потом вытер пальцы полю своего ватного городского пальто с котиковым воротником.

Женя исполнилась горькой жалостью перед этим жалким зрелищем, но, чтоб не выдать невольной брезгливости, сказала:

— Ты что же о пальто вытираешь — возьми платок...

— Какая разница, — равнодушно сказал Виктор.

— Но ведь пальто же нельзя выстирать, — уже поучительно сказала она.

— А что можно выстирать? — безнадежно сказал Виктор. — И на что мне беречь это пальто? А на лагерные годы его хватит.

Они осторожно выбрались из столовой, — Виктор явно хотел поесть в своем углу, и Женя не стала напоминать ему, как подолгу они просиживали в воркутинской столовой. Медленно и молча они побрели до конюшни. Виктор на этот раз бережно и сосредоточенно нес «хлеб свой насущный». У Жени душа переворачивалась от жалости и горечи, и она с облегчением вздохнула, расставшись. /.../

Дня через два, часов около 12-ти, когда Фаина с Женей разрабатывались вовсю, вдруг Фаина сказала: «Слышишь гудок парохода? Это мужской этап уходит». — «Что ты! — воскликнула Женя и побледнела. — Вчера Виктор ничего не говорил...» — «А в нашем бараке сегодня нарядчик помянул, что уйдет пароход». Женя растерялась: неужели они расстанутся не простившись? «Знаешь, я сбегая на берег», — вдруг решила она и, не глядя на пожавшую плечами Фаину: попытайся, мол! — бросилась бежать через парниковое поле к улице.

Только она побежала улицей, ведущей к берегу, как навстречу ей показалась одинокая черная фигура. Это был Виктор — оба сошлись, запыхавшись. «Ты уезжаешь?» — крикнула она, хватая его за обе руки. «Я шел на парники проститься с тобой», — взволнованно ответил Виктор и сжал крепко ее руки. «Но ты опоздаешь на пароход, уже был гудок», — она рванула было Виктора к берегу. — «Нет, нам только объявили, еще укладываются, и я поспешил к тебе. Я еще в конюшню вернусь». — «А я с работы убежала, — вдруг спохватилась Женя, — хотела тебя проводить, думала, пароход уже отходит». — «Я должен сейчас же вернуться, а тебе нет смысла томиться еще, может быть, с час. Простимся здесь и разойдемся...» — Заметив влажность глаз и дрожание губ, прибавил: «Долгие проводы — лишние слезы». Вдруг он притянул ее к себе и крепко поцеловал в губы. Она сморщилась, зажмурилась и слабо оттолкнула Виктора. «Что ты! Посреди улицы! Днем!» — «У меня острое зрение, — сказал успокаивающе Виктор, — я вижу, что за километр нет ни одной души. До свидания, Женичка, мы еще свидимся». Видя ее растерянность, повернул Женю за плечи к плетню и сам зашагал обратно. У плетня она

оглянулась и тотчас же оглянулся Виктор, но лица его она не смогла разглядеть. /.../

— Что ж так скоро? — удивилась Фаина.

— Встретился он мне, — с отвлеченным видом отозвалась Женя. Фаина больше не стала спрашивать. Женя и не заметила, что весь остальной день они проработали молча. Она все еще перебирала в памяти картины их сближения, снова и снова переживала короткое и острое их расставание. Но она не думала, что это была последняя их встреча, что это был последний в ее жизни мужской поцелуй.

Первый пароход снизу привез огромную партию заключенных — около 400 женщин. Их разместили в конюшне, сняв ненужную теперь перегородку, и по всем баракам уплотнили и, до отправки на остров, где снова строились землянки, часть оставили в клубе-столовой. Прибытие их нарушило налаженную жизнь поселка и взбудоражило все население. Пока они три дня отдыхали, их непрерывно интервьюировали. Но оказалось, что с воли они уже давно, и зимовали они в каком-то лагере на севере Вятской области. Никаких новостей они не могли передавать и потому, что все они были осуждены как члены семей изменников родины и, как правило, политикой не интересовались и ничего в ней не понимали. На заключенных они не ходили, т.к. все были в своей одежде. Снова Кочмес запестрел модными нарядными пальто и шляпками; большинство были женами ответработников. В прежнем лагере они занимались швейными и рукодельными работами и первое время поражали кочмесовский демократический люд образцами своего необычного искусства. Некоторые женщины покупали и выменивали разные вышитые кофточки, полотенца, салфетки, кружева, хотя совершенно непонятно было, как это все использовать в кочмесовском быту. Некоторые спешно принялись обучаться вышиванию и вязанию, хотя предпосевная была в разгаре и рабочий день все удлинялся.

В разгаре было и строительство. Строилось несколько новых барakov, т.к. предстояло, наконец, предоставить конюшни их законным обитателям — лошадям, а с окончанием уборочной разместить всю массу заключенных исключительно в бараках. Стучали топоры, шуршали пилы, взлетали бревна наверх, похлопывали штукатурши лопатками; водовозы, навозники, торфяники создавали уличное движение; как в муравейнике, копошились женщины на парниках, корпели в теплицах, за поселком сдирали мох;

и уже далеко отодвинулся лес, куда продолжали ходить лесорубы. Словом, жизнь кипела ключом, и с каждым прибавляющимся световым часом все набирала темпы. И если толпы нарядных, изящных, с интеллигентными лицами женщин казались кочмесовским бурбонским женщинам чем-то встающим из далекого сладкого прошлого, то прибывшие в большинстве чувствовали себя попавшими на ведьмину свадьбу на Лысой горе. Возможно, что этой партии Кочмес представился еще хуже, чем партии 36-го года — Воркута, но это был смирный народ, который все больше плакал и охал, готовясь раствориться в этой арестантской массе женщин в брюках, в грязных телогрейках, с обмотанными головами, с грубыми, набрякшими, обгорелыми на весеннем солнце лицами, в рукавицах, — с лопатами, метлами, топорами, ковыряющихся в навозе, поливающих парники разведенными фекалиями, с огрубевшими, крикливыми голосами, резкими манерами и, в конечном счете, все как бы на одно лицо. А вечерами шум в бараках, теснота, духота, мышьяная возня при свете семилинейных керосиновых лампочек. /.../

Было несколько женщин с «громкими именами». Из них особенно поражала воображение заключенных жена Куусинена¹², на этот раз не изменника родины, а того самого вождя финского народа, о котором Жене было известно с первых дней революции. Он оставался на посту, а жена его заключена по подозрению в шпионаже. Независимо от ее собственной персоны, Жене было непостижимо, как жена выдающегося партийного деятеля могла оказаться шпионкой? И дело было даже не в том, что она украдкой от мужа могла выдать какие-то государственные тайны, которые она как член партии, работник Коминтерна, могла выпытать у близкого ей человека, а в том, что этому должны были быть предпосылки во всем ее морально-политическом облике. Как мог вообще Куусинен воспитать такого человека!

Женя не верила, конечно, ходившей сплетне, что сам муж упек ее в лагерь, но столь же невероятно было, что такой большевик мог поддаться на удочку шпионки. И, наконец, если уж это действительный факт, то каково же должно было быть самочувствие самого Куусинена, не чувствовал ли он и себя виноватым, хотя бы даже и он сам разоблачил ее (что оставалось неизвестным, т.к. она о себе не рассказывала, оставаясь замкнутой).

Жене приходило в голову, что, может быть, это сплетня, что она — жена Куусинена. Может быть, просто однофамилица? Ничего в ее облике не наводило на мысль о соблазнительнице мужских сердец, профессиональной шпионке или морально неустойчивом существе. Маленькая, худенькая, до стертости скромная и

бледная, она с первого взгляда была совершенно неприметна. И только после того, как глаз приучался вылавливать ее неяркою фигурку, поражали ее внутреннее изящество, ее необычайной правильности, как из мрамора точеное, личико, ее заложенные коронной косы соломенного цвета, полные внутреннего огня серо-голубые глаза, упрямо сжатые бледные губы. Айно спала через пролет рядом с Женей на верхней полке, и Женя подолгу, затаив дыхание, любовалась тем, как в этой изящной мраморной статуэтке нежным дыханием пробивалась измученная жизнь. Казалось, через спокойную, прозрачную мраморность проступает живое человеческое страдание, крайнее утомление. С первого же дня Айно горячо взялась за работу. Ей предложили быть дневальной. Это считалось блатной работой, но по отношению к этой хрупкой изящной женщине казалось издевательством. Кому, как не Жене, лепившей горшки из навоза и поливавшей растения фекалиями, было привычно, что нет унижительной работы, но с невольной жалостью глядела она, как ползала по полу в разводах черной жижи эта хрупкая женщина, бессильно шоркая венником затоптанные доски, как изнемогала она под грузом хлебных пайков, как беспомощно металась, не поспевая обслужить множество грубых женщин. Через несколько дней ее сняли с работы дневальной как несправляющуюся, хотя она из кожи лезла вон, чтобы всем угодить. Не справилась она и с работой на кухне, тоже возделенной для очень многих, и в конце концов ее устроили метельщицей поселка, попросту дворником. И, вероятно, потому, что работала она одна и никто ее не дергал, она так и осталась на этой работе.

Над нею посмеивались, что жена, мол, Куусинена обрела, наконец, свое призвание, вооружившись метлой, но Женя заметила, как Айно сияла, орудуя своим инструментом, и, возвращаясь на нары, засыпала одухотворенно. А ведь в ее руках были большие дела Коминтерна, она знала несколько языков, и не всякий мог бы справиться с объемом ее работы на воле.

Освободилась Евгения Мельтцер, отбыв свое пятилетнее заключение «от звонка до звонка», но без столь обычных для ее статьи — КРТД — задержек и новых сроков, полученных уже в лагере. Весной 1941 она была освобождена, с огромными трудностями добралась до «материка» и остановилась во Владимире. Не дожидаясь ровно 200 дней до освобождения дочери ее мать Цецилия Карловна. Умерла от туберкулеза младшая сестра Оля. Дети жили в Москве у других сестер Жени, и видется они могли лишь изредка. Здесь, во Владимире, застало Мельтцер известие о начале войны с Германией.

На этом кончается текст «Комментариев к жизни», которым мы располагаем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *М.Л.Коган-Бернштейн* (1886-1918) — эсер, сын народовольца Л.М.Когана-Бернштейна, казненного на каторге в 1889 за вооруженное выступление политических ссыльных против произвола администрации (так называемая Якутская трагедия). Был избран членом Учредительного собрания от партии эсеров. Избирался членом ВЦИК 3-го и 4-го созывов; постановлением ВЦИК от 14 июня 1918 лишен депутатского мандата. В августе 1918 перешел Восточный фронт возле Саратова, перебравшись на территорию Комуча, в сентябре решил возвратиться в Советскую Россию, при переходе фронта близ Сызрани был задержан и расстрелян как член Учредительного собрания.

² *Сосновский Лев Семенович* (1886-1937) — политический деятель, журналист, член президиума ВЦИК. Е.Л.Мельтцер была знакома с ним и с его второй женой Ольгой еще со времени пребывания в Сибири, где Сосновский занимал ряд руководящих постов в Областном совете и Областном комитете РКП(б) Урала. В 1927 был исключен из партии и сослан; отошел от троцкизма и добился своего восстановления в партии в 1935, но год спустя был вновь исключен, а затем расстрелян.

³ Речь идет о книге «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917-1921 гг.», вышедшей двумя изданиями — в 1921 и, дополненным, — в 1925.

⁴ *Винокуров Александр Николаевич* (1869-1944) — партийный и государственный деятель, в 1918-1921 нарком социального обеспечения РСФСР и зам. наркома труда.

⁵ *Ермаков Иван Дмитриевич* (1875-1942) — создатель и редактор выпусков серии «Психологическая и психоаналитическая библиотека», врач-психоаналитик, автор работ о творчестве (с точки зрения психоаналитика) Гоголя, Пушкина, Достоевского. Краткую библиографию статей и публикаций об И.Д.Ермакове, появившихся с конца 1980-х, см.: Новое литературное обозрение. 1995. №11. С.56.

⁶ Речь идет об утверждении Сталина об *усилении* роли государства при социализме, в отличие от ортодоксальных тезисов Энгельса об *отмирании* государства.

⁷ Александра Сафонова, жена И.Н.Смирнова (1881-1936), приговоренного к расстрелу по делу «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра». Зачитанные следователем Мальгиным показания Сафоновой о том, что вместе со Смирновым они намеревались убить Сталина, стали причиной того, что Евгения Мельтцер написала заявление о своем отходе от троцкизма.

⁸ Сотрудник Нефтесиндиката, троцкист. Отошел от оппозиции в 1932, но все равно был отправлен на Воркуту, где Мельтцер его случайно встретила: Глан устроился художником, выглядел вполне благополучно.

⁹ В.Мандельбаум, впоследствии сотрудник Азербайджанского треста электростанций, обвиненный в 1937 в шпионаже и вредительстве и расстрелянный. О смерти отца своих детей Мельтцер узнала лишь в 1957.

¹⁰ Речь идет об описанном в предыдущем томе рукописи инциденте, когда Мельтцер привлекли к опознанию работницы Коминтерна некой Перельман, которую ошибочно приняли за учившуюся вместе с Мельтцер в университете Шаняевского активную эсерку Соню Файн.

¹¹ Оперативно-секретный отдел в лагере.

¹² *Куусинен Айно* (урожд. Туртиайнен) — вторая жена О.Куусинена. Выполняла задания Коминтерна в США в 1931-1933 и шефа военной разведки НКВД Я.Берзина в Японии в 1934-1937 (где по работе познакомилась с Рихардом Зорге). С Отто Куусиненом к тому времени разошлась. 1 января 1938 арестована; провела год в следственных тюрьмах, после чего приговорена ОСО к 8 годам воркутинских лагерей. «Это были мрачайшие годы моей жизни. И лишь благодаря здоровью, а также, возможно, каким-то неведомым покровителям, да еще, как говорят финны, своему финскому упорству, я вышла», — писала она позже. После войны еще раз арестовывалась и отбывала срок в Потьминских лагерях; окончательно освободилась только в 1955. В 1965, после смерти О.Куусинена, ей удалось вернуться в Финляндию. Там написала на немецком языке воспоминания «Бог низвергает своих ангелов», которые были опубликованы, по воле автора, после ее смерти: в 1971 в ФРГ и в 1972 в Финляндии. Русский перевод — в петрозаводском журнале «Север» (1989. №10-11). В воспоминаниях говорится, что в Кочмес Айно Куусинен прибыла в середине августа 1939. «Нас поместили в большом погребе, в котором обычно хранят овощи, вдоль стен там тянулись нары в два этажа».

***К ИСТОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПАРТИЙ***

Ричард Пайпс
ТРИ «ПОЧЕМУ» РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Вступление

История русской революции оставалась главной темой профессиональных занятий на протяжении всей моей жизни: я посвятил ей и самую первую книгу, и самую последнюю, изданную через сорок лет после первой. Многочисленные работы, опубликованные в промежутке, также главным образом посвящены революции или же непосредственно предшествующим ей периодам. Мой интерес к данной теме в значительной мере объясняется тем, что я родился сразу же после революции, причем в Польше, непосредственно граничащей с Россией, и жил с тех пор в мире, ощущавшем на себе существенное воздействие послереволюционного развития событий.

Моими главными историческими трудами, посвященными данной теме, являются книги «Русская революция» (1990) и «Россия под властью большевиков», вышедшая четыре года спустя. Суммарный объем двух книг — 1350 страниц текста, освещающего в достаточно детализированной форме русскую историю за период с 1899 по 1924. Там представлена доказательная сторона обобщений, сделанных в настоящей работе, основанной на курсе лекций, прочитанных мною в январе 1995 в венском Институте гуманитарных наук. В этих лекциях я обратился к тому, что представляется мне тремя центральными проблемами или тремя «почему» русской революции: а именно к причинам крушения царизма, триумфа большевиков и прихода к власти Сталина. Мои ответы на эти вопросы во многих аспектах отличаются от тех, что дают представители так называемой ревизионистской школы историографии, которая появилась на Западе в шестидесятые годы и достигла на сегодняшний день академической респектабель-

ности. Там, где ревизионисты, подобно прежним советским историкам, подчеркивают социальную составляющую происходящего, я уделяю главное внимание политической. Методически разнятся подходами обусловлено и очевидное расхождение истолкований: на взгляд ревизионистов, приводным ремнем истории являются безудержные и анонимные силы, тогда как, на мой взгляд, решающим фактором выступает человеческая воля.

По мере того, как продвигалась работа, у меня появилась возможность получать доступ к советским архивам. В настоящей статье учтена информация, полученная мною уже по завершении работы над «Россией под властью большевиков», включая и ту, что почерпнута из секретного ленинского фонда в Центральном партийном архиве в Москве.

Глава первая ПОЧЕМУ ПАЛ ЦАРИЗМ?

Моей темой является русская революция, самое главное (правда, не бесспорно) событие двадцатого века. Я пришел к тщательно продуманному выводу: если бы не произошла русская революция, в истории, скорее всего, не нашлось бы места национал-социализму и, возможно, Второй мировой войне, а также деколонизации, и уж определенно — холодной войне, ставшей доминирующим фактором нашей жизни в послевоенные десятилетия. В настоящей работе я предпринимаю попытку извлечь квинтэссенцию из моих книг «Русская революция» (Нью-Йорк и Торонто, Винтэйдж-Рэндом-хаус, 1991; М.: Росспэн, 1994. Т.1,2) и «Россия под властью большевиков» (Нью-Йорк и Торонто, Винтэйдж-Рэндом-хаус, 1994; М.: Росспэн. В печати под названием: «Русская революция». Т.3), подняв три центральных вопроса, подразумеваемые в данных томах, а именно: Почему пал царизм? Почему большевики захватили власть? Почему на смену Ленину пришел Сталин?

Некоторые аспекты русской революции до сих пор окутаны покровом тайны, в значительной мере потому, что на протяжении семидесяти с лишним лет руководство советских архивов перекрывало доступ к ним как для иностранцев, так и для независимых русских исследователей. Доступ к архивам был предоставлен лишь тем специалистам, которые получили своего рода лицензию у коммунистического руководства и были готовы строго придерживаться партийной версии событий, базирующейся на предположении неизбежности революции, равно как и неизбежности победы большевиков. Эти архивные депозитарии, с некоторыми исклю-

чениями (существенным среди которых является так называемый Президентский архив), ныне открыты для всех заинтересованных сторон, что впервые создает возможность восстановить свободную от требований политической конъюнктуры картину событий. Я нанес несколько визитов в самый значительный из этих архивных депозитариев, ранее известный как Центральный партийный архив при институте Маркса—Энгельса—Ленина, а теперь переименованный в Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. В нем хранятся подлинники бумаг, принадлежащих перу всех вождей движения, некогда называвшегося марксистско-ленинским, равно как и производных от него типа Коммунистического Интернационала. Хотя мне не удалось сделать каких-либо сенсационных открытий, — в конечном счете подлинные намерения советского режима точно так же, как любого другого, раскрываются в его действиях, — эти лишь совсем недавно ставшие общедоступными документы проливают свет на образ мышления и характер взаимоотношений вождей, тогда как ранее и то, и другое считалось государственной тайной.

Недопущение к архивам независимых исследователей было, однако же, не единственной причиной во многом сохраняющего свою силу и поныне непонимания русской революции. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что советский режим, в самооценке, находил истоки своей политической легитимности в истории и поэтому придавал истории высокое политическое значение. Присягая на словах в верности наиболее совершенным идеалам демократии, он на деле ни разу не решился на общенародные выборы. Конечно, большевики приняли участие в выборах в Учредительное собрание, состоявшихся в ноябре 1917, но после того, как партия Ленина, уже находившаяся у власти, получила на этих выборах менее четверти голосов, Ленин распорядился Учредительное собрание разогнать. Соответственно, и в дальнейшем в стране Советов за весь период ее существования ни разу не прошло выборов, которые можно было бы признать таковыми в общеупотребительном смысле слова. Коммунисты утверждали, будто они избраны самой Историей для того, чтобы стремительно перенести все человечество из общества, базирующегося на классовый основе, в общество бесклассовое. По этой причине манера изложения и преподавания российской истории была для них куда важнее, чем для обществ, власть в которых легитимизирована мандатом народного доверия. Изучение всей российской истории и в особенности ее последнего периода проходило под тотальным контролем идеологических органов партии, искажавших и перекраивавших факты и их интерпретацию

таким образом, чтобы это на любой данный момент совпадало с линией партии. Таким образом, историческая наука стала отраслью пропаганды. Советская историческая литература мало интересовалась тем, что происходило в действительности, отражая вместо этого лишь такие представления о случившемся, какие власть хотела внушить народу. Со временем хитросплетения полуправды, четверть-правды и откровенной лжи превратились в столь непроходимые дебри, что независимому исследователю приходится прорубаться сквозь них, как если бы он вдруг очутился в первозданном тропическом лесу. Нет ничего удивительного в том, что поприще исследователя современной российской истории едва ли могло привлечь к себе в Советском Союзе по-настоящему одаренных людей и уж подавно — никого, обладающего достаточной шириной кругозора, потому что сам кругозор оставался прерогативой КПСС.

К сожалению, начиная с шестидесятых годов и далее размышления примерно того же порядка посетили и западную науку, дав изначальный толчок школе так называемого ревизионизма, приверженцы которой в Соединенных Штатах, Англии и Германии по различным причинам как интеллектуального, так и личного свойства начали по собственной воле и свободному выбору вторить истолкованиям русской революции, являвшимся на тот момент в СССР сугубо обязательными. Их ревизионизм заключался в попытке вытеснить открытия независимых ученых из числа русских эмигрантов и их западных последователей (представлявших собой по отношению к «ревизионистам» непосредственно предшествующее поколение ученых), принимая — с незначительными изменениями — темы и интерпретации исторической псевдонауки СССР постсталинского периода, которая, как и раньше, находилась под властью и под контролем партии. В некоторых случаях выступление с позиций ревизионизма было обусловлено искренними сомнениями в справедливости и правомерности традиционных западных подходов с их упором на политические аспекты. Отчасти находясь под влиянием марксизма, а отчасти вдохновляясь французской школой «Анналов», такие ученые настаивали на необходимости изучения истории «снизу» или исходили из предположения, что историей движут исключительно социальные конфликты. Другие вступали на тот же путь, руководствуясь куда менее похвальными личными мотивами: приятие — в самом широком смысле слова — той версии истории, которая была одобрена советской властью, открывало для них доступ во второстепенные архивные фонды в СССР и обеспечивало другими преимуществами и выгодами, которые была в состоянии

предоставить Москва. Важен и тот факт, что ревизионизм оказался встроен в современную интеллектуальную жизнь, всемерно поощряющую изобретения и открытия любого рода. Амбициозным молодым ученым не хотелось становиться на сторону старших — ибо, если бы они всего лишь соглашались с выводами предшественников, то как им было доказать собственную значимость? В подобной обстановке, когда она становится преобладающей, сказать или сделать что-нибудь новое оказывается куда более выгодным, чем быть или остаться правым.

Все эти факторы играют свою роль, и я не в состоянии вычленил один из них как решающий. Но факт остается фактом: если все, за редкими исключениями, ученые Запада, публикующие работы по истории третьего рейха, не скрывали и не скрывают однозначной враждебности к нацизму, то большинство западных авторов, выступивших за последние тридцать лет с работами о коммунизме и о Советском Союзе, в большей или меньшей степени обоим этим явлениям сочувствуют. В прошлом они имели тенденцию подчеркивать положительный опыт и достижения России после 1917 и объяснять ее провалы или тяжелым наследием царизма, или враждебностью окружения; если не удавалось ни то, ни другое, — естественными трудностями, которыми сопровождается попытка построения принципиально нового общества, основанного на равенстве и социальной справедливости. Как мне кажется, немецкие историки особенно старательно избегают критики коммунистического прошлого и определенно пасуют перед любыми попытками провести какие бы то ни было параллели между национал-социализмом и коммунизмом. Их страстный отказ даже от рассмотрения совпадений такого рода, их преследование всякого, кому вздумается обратить их внимание на эти связи и сходства, заставляют предположить, что они испытывают психологическую необходимость дезидентификации с нацизмом: а поскольку нацисты были антикоммунистами, антикоммунизм как таковой окрашивается в их сознании в нацистские тона. Англоязычные ученые, не страдающие комплексом вины в связи с нацизмом, испытывают меньшие трудности (если они, конечно, не настроены прокоммунистически).

Каковы бы ни были причины, за последние три десятилетия произошла конвергенция подходов со стороны советской и западной историографии применительно к теме революции и первых послереволюционных лет. Господствующей в среде западных историков стала точка зрения, согласно которой падение царизма, равно как и торжество большевизма были предопределены, тогда как насущная необходимость сделать преемником Ленина именно

Сталина была своего рода исторической случайностью. Однако вплоть до настоящего времени такие историки не способны объяснить главного: почему же подобная случайность имела место.

Центральным полем, на котором школа ревизионистов бросила вызов историкам, придерживающимся ортодоксальной версии, являются события октября 1917. Вопрос (на время начала спора) стоял так: был ли захват власти, осуществленный большевиками, народной революцией или заурядным переворотом; вынесла ли большевиков на гребень власти волна широкой поддержки со стороны масс или же они украли власть, как тать в ночи. Западные историки — особенно представители младшего поколения — все сильнее и сильнее склоняются к советскому взгляду на вещи, согласно которому в октябре 1917 и впрямь произошла народная революция, в ходе которой действия большевиков определялись давлением широких масс. Мой тезис полностью противоположен тому, который выдвинули и пропагандируют ревизионисты и который к настоящему времени стал в университетах западного мира в буквальном смысле слова обязательным. Я постулирую и подкреплю доказательствами тот тезис, согласно которому ни в падении царизма, ни в захвате власти большевиками не было ничего заранее предопределенного. Строго говоря, мне кажется, что захват власти большевиками был своего рода аномалией, однако, поскольку он произошел и машина тоталитаризма оказалась запущена, подъем к вершинам власти Сталина стал неизбежным последствием этой аномалии.

Проблемы, постановка которых начинается с вопросительного слова «почему», представляют собой наиболее сложный аспект исторического исследования, потому что такие проблемы самореализуются сразу на нескольких — и разнящихся по своей природе — уровнях. Приводимую ниже аналогию мне уже доводилось использовать ранее, но, поскольку она точна, я повторюсь, чтобы проиллюстрировать свою мысль. Когда вы трясете яблоню и яблоки с нее каскадом обрушиваются наземь, то по какой причине они падают? Из-за того, что вы трясете дерево? Или из-за того, что плоды перезрели и, следовательно, раньше или позже упали бы и сами, без вашей помощи? Или дело заключается в законе тяготения, заставляющем предметы падать непременно в сторону земли? Обращаясь к человеческой деятельности, мы усматриваем сходные уровни объяснения, от наиболее специфических до самых общих, и уяснить, какой из них решающим образом предопределяет окончательный результат, представляется едва ли возможным. Как правило — и как это видно на примере с яблоней, — удастся обнаружить связку причин, существующих на трех разных

уровнях — на общем, на промежуточном и на конкретном, причем на последнем уровне важную роль играют случайные обстоятельства.

Общий уровень соответствует тенденциям, которые не удастся поставить под свой контроль ни отдельному человеку, ни каким бы то ни было группам; это не столько события, сколько процессы, они развиваются сами по себе, они оползают, как снежные лавины. Упадок Рима, чтобы не ходить далеко за примерами, был одним из таких процессов-событий, предотвратить его не мог никто: распад был встроен в саму систему, гниение протекало вяло до того момента, пока она не рухнула вся. Далее, кое-что происходит и на промежуточном уровне, здесь действуют люди и группы людей и их действия вносят существенную разницу в окончательный результат; позвольте проиллюстрировать это американской революцией и родившимся из нее конституционным строем. И наконец, уровень, на котором действует фактор случайности. В канун большевистского переворота, вечером 24 октября 1917, Ленин покинул одну из конспиративных квартир, на которых он с начала июля скрывался от полиции, имевшей ордер на его арест. Он отправился в Смольный, штаб-квартиру большевистского командования, обмотав лицо так, словно шел к зубному врачу. Говорят, его остановил конный патруль. Услышав, что у него требуют предъявить документы, Ленин притворился пьяным, и его отпустили. А если бы арестовали, то, возможно, никакого большевистского переворота никогда бы не произошло, потому что Ленин был душой переворота и, к тому же, единственным, у кого имелся определенный план действий. Аналогичным образом, если бы Фанни Каплан — террористка из эсеров, стрелявшая в Ленина в августе 1918, — не страдала дефектом зрения и взяла бы, прицеливаясь, на миллиметр левее или правее, он был бы убит, а большевистский режим, уже находившийся на грани гибели, скорее всего рухнул бы.

Мой почти полувековой научный опыт, подкрепленный двухлетней службой в Вашингтоне, убеждает меня в том, что попытка найти одно-единственное объяснение случившемуся событию представляет собой в большинстве случаев занятие совершенно бесплодное. Подобно хирургу, историк должен искусно использовать инструменты во всем их многообразии, если он стремится вскрыть причины общих событий. Любое однозначное объяснение непременно окажется ошибочным.

Психологически вполне естественно предположить: то, что произошло, непременно должно было случиться. Люди, исповедующие подобный подход, часто «переводят» его на язык науч-

ной терминологии, на деле же он базируется на весьма примитивной психологии. Для большинства людей трудно представить себе, что происшедшие события могли и не случиться или же случиться по-другому, потому что, приняв эту предпосылку, неизбежно сталкиваясь с вопросом: «Если это могло произойти по-другому, то почему не произошло?» Подобный фатализм присущ историкам ревизионистской школы в их отношении к крушению царизма. Историки левого толка немало потрудились над тем, чтобы доказать, что крушение царизма было неизбежно вне зависимости от того, ввяжется Россия в Первую мировую войну или нет, но подобные суждения выдерживают критику, только будучи сделаны задним числом. Было бы славно, если бы эти историки обладали способностью предсказывать будущее с такой же точностью, с какой они «предсказывают» прошлое, но никто из адептов исторической неизбежности применительно к падению царизма не смог предвидеть распада СССР. И если почитать русскую и иностранную прессу до 1917 или воспоминания, написанные в тот же период, станет ясно, что и тогда практически никто не ожидал падения царизма. Напротив, люди полагали, что царизм сохранит свою власть еще надолго. Одна из причин, по которой русские радикальные революционеры и даже либералы выступали против режима с такой безоглядной отвагой, заключалась в их убеждении в исторической безнаказанности, поскольку сам режим несокрушим. И правда: разве не справился царизм со всеми бедами и напастьями, разве не преодолел все кризисы, разве не вышел из них целым и невредимым? Особенно справедливо это по отношению к революции 1905, которая в своей высшей точке, казалось, вот-вот сметет правящий режим. И все же за два года, пойдя на определенные политические уступки в Октябрьском манифесте, режим установил порядок в стране и вновь прочно уселся в седле. Вдобавок к этому, следует сказать, что еще в январе 1917, находясь в эмиграции в Швейцарии, Ленин пророчествовал, что ни ему самому, ни его поколению не дожить до революции в России. И пророчествовал он так за семь недель до падения царизма. Если и был в Европе человек, понимавший всю слабость царской России, то этим человеком был Ленин, и все-таки даже он оказался не в состоянии предвидеть ее близкой гибели, которая кажется ныне — задним числом — столь очевидной историкам-ревизионистам.

Другим доказательством того факта, что современники верили в несокрушимость царизма, являются крупные иностранные капиталовложения в экономику России периода позднего самодержавия, делавшиеся главным образом французами, хотя и

не только ими. Миллиарды долларов были вложены в русские займы и страховые полисы — и практически все эти деньги были потеряны в 1918 после того, как большевики отказались от государственного долга и национализировали предприятия частного сектора.

Некоторые историки из числа отстаивающих неизбежность крушения царизма ссылаются в подтверждение своего тезиса на огромное число промышленных забастовок, прокатившихся по всей России в канун Первой мировой войны. Но и этот аргумент не выдерживает критики. Действительно, число забастовок, имевших место в России в тот период, было беспрецедентным, но с тем же самым феноменом мы сталкиваемся в Англии и Соединенных Штатах. Непосредственно в канун августа 1914 в обеих этих странах имели место массовые остановки производства, а революции, однако же, не произошло. Действия, предпринимаемые трудящимися, редко имеют политическую мотивировку и, соответственно, едва ли могут рассматриваться как серьезный симптом скорого крушения режима. В России забастовки являлись, в первую очередь и главным образом, проявлением нарастающей силы рабочих организаций. До 1905 царизм считал профсоюзы нелегальными и безжалостно подавлял забастовки. После событий 1905-1906 профсоюзы были легализованы, а забастовки разрешены. Начиная с этого момента, остановки производства развивались с нарастающей интенсивностью: рабочие организации боролись за лучшие условия и более высокую оплату труда.

Исключительно важным фактором сохраняющейся (по меньшей мере, до поры до времени) стабильности было отсутствие беспорядков в российской деревне. Три четверти подданных империи зарабатывали на жизнь сельскохозяйственным трудом. В России перед Первой мировой войной насчитывалось приблизительно сто миллионов крестьян и только два-три миллиона рабочих, причем треть из числа последних составляли сезонные работники из крестьян, используемые на строительстве и ремонте железных дорог, которых едва ли можно назвать рабочими в общепринятом смысле слова. С точки зрения царской полиции, даже вспыхивавшие время от времени рабочие беспорядки не мешали держать ситуацию под контролем, — пока деревня оставалась спокойной, — а она оставалась таковой и непосредственно перед войной и в военные годы благодаря хорошим урожаям и высоким закупочным ценам на сельскохозяйственную продукцию.

Я показал, почему царский режим вовсе не обязательно должен был рухнуть. Остается, однако же, вопрос, почему он, тем не менее, рухнул? Чтобы ответить на него, нам необходимо изба-

виться от марксистского представления о том, что все исторические события детерминированы общественными конфликтами — или, как сказано в «Коммунистическом манифесте», история представляет собой историю классовой борьбы. Этот тезис просто ничем не подтвержден. Конечно, в истории мы встречаемся со многими классовыми конфликтами, но нам известны и события, имеющие совершенно иные причины: идеологические, религиозные и так далее. Как я уже говорил выше, любое однолинейное объяснение того или иного исторического феномена (а объяснения марксистов именно таковы) непременно оказывается ложным и может быть обосновано лишь путем исключения из рассмотрения событий, не поддающихся классовой интерпретации, или же путем подгонки их на прокрустовом ложе экономического детерминизма с тем, чтобы они такой интерпретации поддались. Позвольте напомнить о недавней русской революции в августе 1991. Крушение Советского Союза — державы, казавшейся нам столь же незыблемой, как и тем, кто жил до нас, царская Россия, — не было инициировано социальными беспорядками: отсутствовали волны забастовок, массовые демонстрации, широкомасштабные вспышки насилия. СССР распался в результате политических решений, принятых руководством. Меня не удивляет тот факт, что историки-ревизионисты, усматривающие причину краха царизма в якобы массовых общественных беспорядках, отказываются применить тот же шаблон к причинам распада СССР: поступив так, они неизбежно столкнулись бы с пустотой. А это перевернуло бы всю картину, созданную ими применительно к событиям 1917.

В обоих случаях — и при крушении царизма в марте 1917, и при крушении Советского Союза в августе 1991 — мир оказался застигнут врасплох. За одним-единственным исключением, никто на Западе, насколько мне известно, не предсказал распада СССР. И этим пророком оказался английский журналист Бернард Левин, в 1979 предсказавший, что через десять лет Берлинская стена падет. Он гордится точностью своего предсказания — и у него есть все основания этим гордиться. Но он не предложил никакого объяснения тому, почему так должно было произойти, или, уже теперь, задним числом, почему так произошло, поэтому я подозреваю, что его удача носит характер выигрыша в лотерею.

Я отношусь в высшей мере скептически ко всем марксистско-социалистическим подходам к истории, особенно — к истории революций, поскольку убежден: когда так называемые массы устраивают беспорядки, причиной последних являются какие-то конкретные тяготы, вполне подлежащие устранению или смягче-

нию в рамках существующего строя. Только тяготы, испытываемые интеллектуалами, носят всеобъемлющий характер, только интеллектуалы убеждены в том, что ничего нельзя изменить, пока не изменишь всего. Подобные представления не свойственны широким слоям народа, независимо крестьяне это или рабочие. Весной 1905 самодержавие предложило народу отправлять письменные жалобы правительству. Сотни таких жалоб и впрямь были посланы. Согласно проделанному анализу, ни в одной из жалоб не выдвигалось требования о фундаментальной ломке режима, то есть об отмене самодержавия. Крестьяне просили о снижении налогов и об увеличении земельных наделов; рабочим хотелось получить восьмичасовой рабочий день и право организовывать профсоюзы; национальные меньшинства добивались большей автономии. Все эти требования вполне можно было удовлетворить в рамках существующего режима, если бы у его руководителей хватило смелости на это пойти, а у интеллигенции — здравого смысла этому помочь.

Исследователи революций подметили тот факт, что, как правило, повод для недовольства люди относят не столько к будущему, сколько к прошлому. Вместо требования для себя новых прав, они чаще жалуются на то, что их несправедливо лишили прежних, — как подлинных, так и существующих лишь в их воображении. Это справедливо и по отношению к России, в особенности применительно к вопросу о земле — единственной по-настоящему взрывоопасной социальной проблеме. Крестьяне твердо веровали в то, что Бог сотворил землю (точно так же, как Он сотворил воздух и воду) для всеобщего пользования и благоденствия. Землей можно пользоваться, но владеть ею нельзя. Они добивались отказа от частной собственности на землю не в качестве революционного шага, прокладывающего дорогу социализму (как ошибочно толковали их чаяния многие революционеры), но в качестве восстановления традиции, восстановления порядка вещей, который, как они были убеждены, существовал с незапамятных времен. Один из исследователей России писал, что для мужика смена режима была столь же непредставима, как смена климата: и самого царя, и все, что было связано с монархией, он рассматривал как ниспосланное свыше.

И лишь радикальная интеллигенция сознательно канализировала конкретные проявления общественного недовольства, направляя их в сторону полного отрицания политической и общественной системы. Такова была тактика, принятая в 1905 Союзом Союзов, тон в котором задавали либералы; стратегия же заключалась в том, чтобы заставить каждый связанный с ним профес-

сиональный или трудовой союз политизировать собственные требования. Например, когда профсоюз требовал сокращения рабочего дня или повышения оплаты труда, интеллектуалы из Союза Союзов принимались убеждать, что и столь скромные требования не могут быть удовлетворены до тех пор, пока не окажется уничтоженной вся политическая система, существующая в стране, а на смену самодержавию не придут парламентская демократия и конституция. Рабочие могли оставаться совершенно равнодушными и к парламенту, и к конституции, но такие требования включались в их петиции либеральной интеллигенцией. Именно так и случилось в ходе знаменитой процессии в Кровавое воскресенье (9 января 1905), закончившейся бойней, которая, в свою очередь, послужила детонатором первой русской революции.

Прежде чем перейти к вопросу об интеллигенции, обсудим органическую слабость царского государства, делавшую его уязвимым перед такими атаками, какие предпринимались в начале столетия и внесли существенную лепту в его окончательное крушение. Изучая русскую историю с позиций истории европейской, сразу же подмечаешь, что российское государство с самого начала «строилось» сверху куда в большей мере, чем «вырастало» снизу. Народ был всего лишь объектом приложения власти. В этом отношении Россия весьма походила на восточные государства. Империей традиционно правили чиновничество и дворянство, после 1880 на помощь им пришла тайная полиция. Это было русским изобретением: Россия оказалась первой страной, заведшей у себя две полицейские системы — одну для защиты государства от граждан, а другую — для защиты граждан друг от друга. Впоследствии подобная двойная структура стала фундаментальной чертой тоталитарных государств.

Изучая историю России с западноевропейской точки зрения, осознаешь последствия для нее отсутствия подлинного феодализма. Феодализм создал на Западе разветвленную систему экономических и политических институций, которые смогли пригодиться централизованному государству, едва оно пришло на смену феодальной системе, — как источник общественной поддержки и относительной стабильности. Россия же не знала феодализма в подлинном смысле слова, поскольку, после возникновения Московского царства в пятнадцатом и шестнадцатом веках, все землевладельцы оказались на положении подданных престола, а вассальные связи низшего порядка так и остались неизвестными. В результате вся власть оказалась сосредоточена в руках монарха. Линии власти шли с самого верха вниз; линий горизонтальных практически не было. То обстоятельство, что бразды прав-

ления оказались в руках монарха и его непосредственного окружения, означало, что в период кризиса государство непременно должно было дезинтегрироваться: в отсутствие монарха бразды правления бессильно провисали, а больше держать страну было нечем.

Так случилось в 1917 и повторилось в 1991: когда линии власти, контролировавшиеся исключительно Политбюро и Центральным Комитетом, оказались порваны в результате разногласий, возникших в руководящих органах партии, Россия распалась, причем столь же стремительно, как царская Россия за семьдесят четыре года до того.

Мне представляется в высшей степени примечательным то, как, в сопоставлении с этими событиями, быстро встала на ноги в политическом смысле Германия после беспорядков 1918. Император бежал в Голландию, повсюду появились Советы, но всего три или четыре месяца спустя — в стране избрали Национальное собрание и восстановили демократическое правление. В России такого не произошло. В германском обществе силы со сравнительно низших уровней подались вверх, чтобы заполнить временно образовавшуюся пустоту, тогда как в России, стоило пустоте образоваться на самом верху, ничего не осталось и на сравнительно низших уровнях управления. Лишь новый авторитарный режим, навязанный сверху, смог воссоздать нечто, более или менее похожее на порядок.

Таким образом, мы находим в начале века скорее механически, нежели органически структурированное государство, не дающее народу участвовать в управлении страной и, тем не менее, одновременно претендующее на статус мировой державы. Стремление к этому статусу вынуждает государство форсировать промышленное развитие и поднимать уровень образования, что неизбежно приводит к большей разноголосице мнений и к пробуждению воли у частных лиц к принятию самостоятельных решений. Царская Россия в канун 1905 страдала от неразрешимого противоречия. Уже не столь малочисленная, чтобы ею можно было пренебречь, часть населения получила среднее и высшее образование, приобретает и западные взгляды на жизнь, а государство обращалось с этими людьми так, словно они по-прежнему оставались на уровне безграмотного крестьянства и были неспособны участвовать в решении вопросов государственной важности. Предприниматели и банкиры принимали большую часть решений, которыми обуславливались экономическое развитие страны и вопросы занятости, и все же не имели голоса в политической жизни, ибо политика оставалась монопольной прерогативой чи-

новничества. Здесь уместно напомнить, что в императорской России (равно как и в Советской России) для того, чтобы претендовать на участие в управлении страной, надо было обладать официальным рангом («чином») или быть членом номенклатуры. Подобная практика не давала возможности рядовым гражданам участвовать в управлении страной, что общепринято в демократиях западного типа, отдавая всю сферу политики в руки профессиональных чиновников. А эти чиновники присягали на верность лично царю, а вовсе не народу или стране в целом, и считали себя слугами царя, а не общества.

В результате сложилась ситуация, которая, как совершенно справедливо предсказывал Маркс, неизбежно складывается каждый раз, когда политическая форма — в данном случае жестко централизованная и инертная — перестает соответствовать общественно-экономическому содержанию — все более динамическому и многообразному. Такая ситуация самым естественным образом становится взрывоопасной. В 1982, когда я работал в Совете по национальной безопасности, меня попросили подготовить несколько тезисов важной речи, которую президент Рейган должен был произнести в Лондоне. Мой вклад в эту речь заключался в ссылке на слова Маркса, согласно которым существенный разрыв между политической формой и общественно-экономическим содержанием приводит к возникновению революционной ситуации. Однако подобный разрыв возник в то время в Советском Союзе, а вовсе не на капиталистическом Западе. Президент Рейган включил этот пассаж в свое выступление, реакцией на что стал взрыв ярости из Москвы: разумеется, этот язык там слишком хорошо знали и умели правильно интерпретировать, чтобы понять, что речь шла об объявлении политической войны всему коммунистическому лагерю. И гнев оказался только сильнее из-за того, что в Москве понимали: данное заявление было верным; советский стиль правления не соответствовал ни экономическому развитию страны, ни образовательному уровню ее населения.

Во многом аналогичная картина сложилась и в предреволюционной России. В октябре 1905, вслед за поражением в войне с Японией и прокатившимися по всей стране беспорядками, которыми это поражение сопровождалось, царское правительство почувствовало себя вынужденным дать стране конституцию и парламент. Разумеется, это было шагом в правильном направлении, позволившим сократить пропасть, уже образовавшуюся между политической формой правления и общественно-экономическим и культурным содержанием. Но, по ряду причин, реформы, даро-

ванные в 1905 и 1906, вскоре оказались выхолощенными. Царская власть, опираясь на реакционные группы поддержки, отказалась от своих уступок, потому что они были навязаны ей под дулом пистолета, тогда как либеральная и радикальная интеллигенция, восприняв эти уступки лишь как прелюдию к наступлению подлинной демократии, отказывалась оставаться в определенных ими границах. Таким образом, каждая из сторон, на свой собственный лад, саботировала конституционные перемены 1905-1906, в результате чего прежняя напряженность сохранялась. Что, однако же, не означает, будто Россия была одержима революционной лихорадкой. Я не нахожу доказательств этому. Нахожу лишь специфические и вполне конкретные поводы для общественного недовольства, в большей или меньшей степени присущие любому обществу, но в случае России находившиеся неадекватные способы решения. В истинных демократиях накопившиеся подобные поводы для недовольства устраняются в ходе мягких революций, именуемых выборами. В ноябре 1994 распределение голосов на выборах в Конгресс Соединенных Штатов безошибочно сигнализировало о неудовлетворенности существующими условиями: поражение потерпели буквально все кандидаты от правящей Демократической партии. В результате изменилась расстановка сил в Конгрессе и произошла поразительно быстрая смена поведения Белого дома, в котором по-прежнему восседал демократ. Однако в царской России подобных возможностей не существовало. Недовольство накапливалось — и, к зиме 1916-1917, в результате инфляции и перебоев в снабжении, население крупных городов оказалось настроено агрессивно и решительно.

Наконец мне хотелось бы привлечь ваше внимание к проблеме крестьянства, которая кромешной тучей нависала над Россией со дня ликвидации крепостного права в 1861 и которую советская власть «решила» на свой лад, упразднив общинное землевладение и уничтожив при этом миллионы крестьян. Я сошлюсь на уже упомянутое выше нежелание со стороны русского мужика признать право частной собственности на землю. Такой подход выглядит анахронизмом и присущ многим примитивным народам. В случае с Россией он коренится в своего рода коллективных воспоминаниях о Золотом веке, когда земля была доступна любому, потому что малочисленное население страны было рассеяно по воистину бескрайней территории. Еще на рубеже двадцатого века большинство русских людей, как малограмотных, так и образованных, было убеждено в том, что стоит отменить право частной собственности на землю — и пригодной для обработки почвы с лихвой хватит каждому. Фактически же земли не хватало.

Народонаселение увеличивалось с поразительной стремительностью: ежегодный прирост составлял от пятнадцати до восемнадцати человек на тысячу жителей. Премьер-министр Петр Столыпин произвел расчеты необходимой площади пахотных земель, которая могла бы прокормить ежегодный прирост населения, и пришел к выводу, что такого количества земли в стране просто нет, даже если встать на путь тотальной конфискации помещицкой. Единственным способом разрешить проблему перенаселения в сельской местности было повышение урожайности и индустриализации страны. Но деньги на существенное повышение урожайности отсутствовали, тогда как промышленность, хоть и разрастаясь, развивалась недостаточными темпами для того, чтобы обеспечить работой то количество рук, которое ежегодно высвобождалось на селе. В результате возникла взрывоопасная ситуация, которую многочисленные программы, инициированные Столыпиным (такие, как переселение или раздача крестьянам государственной собственности), могли бы ослабить, если бы на их реализацию имелось достаточно времени, а радикальная интеллигенция не толкала крестьян на установление собственных порядков.

В итоге императорская Россия на поздней стадии ее существования сохраняла серьезное внутреннее напряжение, обусловленное отчасти нежеланием царизма встать на путь демократических перемен, а отчасти — длительными и взрывоопасными настроениями русской деревни, которой не хватало пахотной земли, чтобы обеспечить работой всех ее обитателей. Однако действительно критическим фактором, тем фактором, который превратил частные и конкретные выражения недовольства во всеобъемлющее отрицание существующего политического, экономического и общественного порядка, — была интеллигенция. Русская интеллигенция, как радикальная, так и либеральная, придерживалась куда более левых взглядов по сравнению с западными интеллектуалами, она исповедовала утопические идеи, вычитанные из западной литературы, не имея возможности опробовать их на практике. Люди, приходящие к власти с готовыми планами великих преобразований, пытаются реализовать эти планы, как правило, достаточно быстро осознают границы реформ, определенные укорененными обычаями и законными интересами людей. Например, администрация президента Клинтона взялась за дело, руководствуясь, скорее, радикальными планами, зародившимися в атмосфере теоретизирования шестидесятых годов, но буквально сразу же осознала, что, при всем благородстве намерений, замечательно выглядящее на бумаге не поддается воплощению в жизнь. Од-

нако если амбициозным кандидатам в реформаторы не представляется шанса извлечь урок из претворения идеалов в жизнь, они не только продолжают исповедовать прежние утопические взгляды, но становятся их фанатическими приверженцами, преисполняясь уверенностью в том, что стоит проявить необходимые решимость и силу, утопия непременно обернется явью.

Русские радикалы, до известной степени поддержанные в этом плане и либералами, противились реформам, потому что успех последних мог бы предотвратить революцию, а именно революцию они и рассматривали в качестве конечной цели. В 1906-1907 было предпринято несколько попыток ввести либералов в правительство, но каждый раз они отказывались из страха быть обвиненными в сговоре с властью. Радикальная интеллигенция постоянно призывала сограждан подвергнуть правительство бойкоту и не иметь с ним ничего общего. Когда правительство ничего не предпринимало, интеллигенция обвиняла его в пассивности; когда делало уступки, интеллигенция считала их вырванными у чиновничества и требовала большего.

Так, выиграв выборы в Первую думу в 1906, либералы сразу же решили, что новая конституция ни на что не годна и стране необходим созыв Учредительного собрания, которое провозгласило бы Россию республикой. Такой подход сразу же породил резкие разногласия внутри первого в России представительного органа законодательной власти. Причем возможности для компромисса любого рода просто-напросто отсутствовали. Позднее, уже в годы войны, царское правительство попыталось заключить мир с оппозицией, предоставив Думе на деле, хоть и не на словах, большую часть того, что та требовала, в частности, власть, пусть и неформальную, утверждать назначения членов кабинета министров. Дума же постоянно от этого отказывалась. Интеллигенция рассматривала любой примирительный шаг со стороны правительства как очередное свидетельство его слабости и возможность выдвижения новых требований.

Таковы долгосрочные и промежуточные факторы, обусловившие крушение царизма. Теперь обратимся к краткосрочным. Они тесно связаны с Первой мировой войной. Как известно, война привела к огромному перенапряжению сил всех стран-участниц. Вопреки широко распространенному убеждению в том, что мировой конфликт должен продлиться три или, самое большее, шесть месяцев, он в действительности растянулся на четыре года с лишним. И странами, справившимися с этим беспрецедентным перенапряжением, оказались те, которым удалось создать правительство национального единства, где государственная власть и политики

независимо от партийной принадлежности отказались от существовавших между ними противоречий и объединили силы в совместной работе для победы. В России такое сотрудничество было просто невозможным: слишком глубоко зашла взаимная подозрительность. Правительство страшилось того, что любые уступки политикам из интеллигенции, на какие оно пошло бы во время войны, скажем, предоставление Думе формального права назначать министров (то есть ответственное министерство), позволят интеллигенции уже по окончании войны захватить власть в стране, сведя прерогативы царской власти к чисто церемониальным функциям. Интеллигенция же, в свою очередь, полагала, что любая победа правительства — как на военном, так и на политическом поприще — приведет к усилению монархии и опирающегося на нее чиновничества, ухудшив тем самым перспективы демократии и социализма. В России слишком слабо было развито чувство национального единения, чтобы патриотизм мог добиться какого-либо серьезного успеха, кроме сиюминутного, главным образом, в форме ксенофобии.

Мне не известна никакая другая европейская страна из числа принявших участие в Первой мировой войне, где существовала бы столь сильная напряженность между правительством и образованной частью общества, как в России, где две силы, в чьих руках находилась судьба страны, не сотрудничали, а занимались бесконечными распрями. Такая враждебность в годы войны, тем более войны на взаимное истощение, оказалась, разумеется, роковой. В правительстве России имелись люди, всерьез утверждавшие, что подлинными врагами Отечества являются не немцы и австрийцы, а доморожденные либералы и радикалы. А наряду с этим имелись социалисты и либералы (в их числе депутат Думы Александр Керенский), утверждавшие, что подлинными врагами Отечества являются не немцы, не австрийцы, а царские чиновники. Когда читаешь безответственные речи, которые произносили депутаты в Думе, пользуясь правом личной неприкосновенности, в 1915 и 1916, то есть в самый разгар войны, удивляешься разве тому, как России удалось продержаться столько, сколько она продержалась. Мне кажется, что неизбывная враждебность между правительством и политической оппозицией была первой из непосредственных причин крушения всего режима. Правительство, загнанное в угол, шло на одну уступку за другой, но этого оказывалось мало, потому что либералы и радикалы уже точили ножи, намереваясь окончательно добить его.

Другим фактором было широко распространенное убеждение, согласно которому государственные изменники сумели проник-

нуть на самый верх. В 1915 русская армия потерпела унижительное поражение от немецкой, в результате чего Россия потеряла Польшу, только что завоеванную Галицию и большую часть территорий на побережье Балтийского моря — это были богатые и густо заселенные области. Русским было трудно смириться с мыслью, что их разбили в честном бою превосходящие силы противника; истоки поражения следовало искать в предательстве. А по несчастному стечению обстоятельств, царица была немкой. Патриотка, всей душой преданная России, она, тем не менее, была обвинена молвой в том, что она немецкая шпионка, выдающая своим соплеменникам военные тайны благоприобретенного отечества и подбивающая царя на заключение сепаратного мира. Подозрения в государственной измене на самом верху только усилились, когда в конце 1916 премьер-министром был назначен Борис Штюрмер, происходивший из обрусевших немцев. В нашем распоряжении имеются полицейские рапорты той поры, в которых суммируются сведения и настроения, почерпнутые из писем, отправляемых на родину с передовой, равно как и писем, получаемых солдатами из дома; и там, и тут отводится много места передаче подобных слухов. Ни одно из обвинений, выдвигаемых общественным мнением против царицы или премьер-министра, не имело под собой никакой почвы; строго говоря, речь шла об измышлениях со стороны политиков, не брезговавших никакими средствами в попытке свалить правительство. Ненависть к престолу позволила образовать беспрецедентный союз радикалов и либералов, ненавидящих царизм по принципиальным соображениям, с консервативными националистами, которых подстрекала к отчаянным действиям вера в мнимое предательство русских интересов во имя немецких. Существование подобной коалиции лишило правительство союзников с обоих флангов и делало его практически беззащитным.

Ошибочно связывать Февральскую революцию с усталостью от войны. Верно нечто прямо противоположное. Русским хотелось вести войну более эффективно, но они чувствовали, что существующее правительство не способно на это, что политические структуры нуждаются в коренной ломке: необходимо было удалить ставшую изменницей царицу и передать Думе право назначать министров, после и в результате чего Россия окажется в состоянии сражаться по-настоящему и, соответственно, одержать победу. Усталость от войны началась только после неудачного наступления в июне 1917, осуществленного Временным Правительством для повышения собственного престижа и ради подъема национального духа. До тех пор даже большевики не осме-

ливались открыто призывать к миру, поскольку такие призывы были бы крайне непопулярны.

Царь, разумеется, мог бы спасти корону, если бы именно это представлялось ему самой главной задачей. Единственным, что для этого требовалось, было заключение сепаратного мира — точь-в-точь по тому рецепту, к которому прибег Ленин в марте 1918. Заключи он такой мир с немцами и австрийцами — а они откликнулись бы на подобное предложение с великой охотой, потому что обеим империям не терпелось положить конец боевым действиям на Восточном фронте с тем, чтобы перенести всю их тяжесть на Западный, — тогда Первая мировая война, возможно, принесла бы прямо противоположные результаты. Пойди он на сепаратный мир, допустим, в конце 1916, вернув домой в боевых порядках миллионы солдат, способных положить конец гражданской смуте, немцы, возможно, разбили бы силы Антанты во Франции и Бельгии, а русской революции не случилось бы. Но, будучи страстным патриотом и верным союзником, царь даже не взвешивал подобную возможность. А когда генералы внушили ему, что враждебность по отношению к нему и к царице достигла такой остроты, что для дальнейшего ведения войны Россией необходимо его отречение, он отрекся от престола. И поступил так исключительно из патриотических побуждений. Тщательно проанализировав огромный объем информации, связанной с событиями, приведшими к отречению Николая Второго, я не имею ни малейших сомнений в том, что царь уступал вовсе не всенародному натиску; единственный нажим осуществлялся политиками и генералами, которым устранение монарха представлялось существенным фактором достижения победы. И то обстоятельство, что отречение царя повлекло за собой в военном плане результаты, прямо противоположные ожидаемым, ничего не изменяет в мотивах, которыми Николай Второй, отрекаясь от престола, руководствовался.

У меня нет иллюзий, будто мне удалось перечислить все факторы, сыгравшие роль в крушении царизма. Были и другие, и кое-какие из них я сейчас вкратце перечислю. Одним из достойных упоминания факторов такого рода является потеря престижа царской власти в результате целой серии военных и дипломатических унижений, которые Россия претерпевала, начиная с Крымской войны. В восемнадцатом и первой половине девятнадцатого столетия Россия шла от победы к победе; начиная с Крымской войны, она неожиданно стала терпеть одно поражение за другим. И это крайне отрицательно сказалось на популярности правящего режима в глазах общества. Воздвигнутый на силе и на силу по-

стоянно опирающийся, царизм должен был сокрушать внешних врагов, а если этого не происходило, значит, в самой его природе коренился какой-то изъян. Разгром в Польше в 1915, о котором я уже упоминал, оказался для многих в России последней каплей, переполнившей чашу. Он наглядно продемонстрировал, что царизм или, по крайней мере, ныне правящий царь не способен выполнить возложенную на него свыше миссию, которая заключается в приращении российских земель и в защите их от вражеского вторжения. Кто знает, возможно когда-нибудь, когда откроются все архивы, мы обнаружим, что исход Советской армии из Афганистана сыграл аналогичную роль в падении коммунизма.

Разлад транспорта в годы Первой мировой войны умножил лишения, испытываемые населением крупных городов, особенно на Севере, где началось перебои с доставкой продовольствия и горячего, что привело к так называемым хлебным бунтам. В городах также сыграла роль инфляция.

Надеюсь, мне удалось набросать в общих чертах образ власти, которая — сколь бы головокружителен ни был ее внешний блеск, внутренне была и слаба и не способна эффективно преодолеть напряженность — политическую, экономическую, психологическую, — принесенную войной. На мой взгляд, принципиальными причинами падения режима в 1917 (равно как и в 1991) были обстоятельства политические, а не экономические или социальные. Разница между давнишними и недавними событиями заключается в том, что тогда, в 1917, интеллигенция сформировала политические партии с четко сформулированными программами, нацеленными на кардинальную ломку, тогда как в наши дни политики оказались заинтересованы всего лишь в захвате власти, не имея отчетливых соображений относительно того, куда повести страну, кроме как назад.

Глава вторая

ПОЧЕМУ ВОСТОРЖЕСТВОВАЛИ БОЛЬШЕВИКИ?

Второй загадкой русской революции является вопрос о причине победы большевиков. Октябрьские события 1917 в момент их совершения и сразу же после воспринимались большинством скорее как классический дворцовый переворот, нежели как всенародная революция, а победу большевиков объясняли не поддержкой народных масс, а лучшей, чем у их соперников, организованностью и большей беспощадностью. Такая интерпретация событий, сформулированная их непосредственными участниками и сви-

детелями, доминировала в историографии Запада на протяжении полувека.

Довольно интересно, что подобное истолкование событий получило молчаливую поддержку как со стороны Ленина, так и со стороны Троцкого, ни один из которых никогда не утверждал (насколько я в силах вывести это из пространных и многочисленных писаний), что большевики одержали окончательную победу, поскольку опирались на широкие массы. Троцкий писал в своей «Истории русской революции» (Т. II, полутом 2. Берлин, 1933. С. 319), что в петроградских событиях в октябре 1917 приняли участие от двадцати пяти до, максимум, тридцати тысяч человек; и это в городе с двухмиллионным населением и в стране со стапятьюдесятьюмиллионным! Ленин, в свою очередь, не переставал жаловаться на пассивность масс и на их неспособность предпринять хоть что-нибудь, выходящее за пределы простого выживания. Я не знаю, читал ли Ленин Вилфредо Парето или Гаэтано Моску, но он определенно разделял их веру в политическую элиту. Вот цитата из ленинской работы, датированной 1917 годом:

*./.../ в революционное время недостаточно выявить «волю большинства», — нет, — надо *оказаться сильнее* в решающий момент в решающем месте, надо *победить*. Начиная с средневековой «крестьянской войны» в Германии ./.../ вплоть до 1905 года мы видим бесчисленные примеры того, как более организованное, более сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывало свою волю большинству, побеждало его.*

Ленин В. И. ПСС. Т. XXXIV. С. 70.

Примечательные слова для революционера-марксиста. Звучат они вполне здраво, с учетом того, что большевистские организации были на тот момент малочисленны даже в рабочей среде. Известно, что в конце 1917 лишь чуть более 5% промышленных рабочих России принадлежали к коммунистической партии — и это в стране, где промышленные рабочие составляли лишь 1-1,5% от общего числа населения.

Таким образом, негласное мнение вождей большевизма и практически единое мнение историков раннего поколения сводилось к тому, что в октябре 1917 произошла вовсе не революция, а переворот, то есть действие, предпринятое «более организованным, более сознательным, лучше вооруженным меньшинством», которое навязало «свою волю большинству», победило его. Другими словами, государственный переворот. В тридцатые годы, стремясь упрочить свою роль в октябрьских событиях, Сталин начал все больше говорить о роли партии в торжестве Октябрьской

революции и навязал данную точку зрения советской исторической науке. Но после его смерти с последующей «деканонизацией», когда партии захотелось дистанцироваться от Сталина, главный упор стали постепенно переносить на весь народ. К 60-м годам коммунистические историки начали открыто подчеркивать ведущую роль «народных масс» в триумфе большевиков. Эту тему подхватили западные историки младшего поколения в 1960-е (эпоха разрядки), которые, по различным причинам, часть из них я уже упоминал (включая отвращение к роли, сыгранной США во Вьетнаме, и якобы нагнетанию Вашингтоном холодной войны), пошли в ногу с профессионалами советской историографии. И вслед за ними начали подчеркивать вовлеченность широких народных масс в октябрьские события и утверждать, будто большевики вовсе не навязывали свою волю народу, а, напротив, действовали под давлением масс. Если отвлечься от менее благоговейного отношения к классикам марксизма-ленинизма и от следования правилам приличия, присущим научному миру Запада (впрочем, и эти правила соблюдались далеко не всегда), ревизионисты в своих трудах вторят советским коллегам почти буквально.

Позвольте мне теперь перейти к возникновению и природе партии большевиков. Вопреки своему названию, происходящему от соответствующего русского слова, в котором наличествуют смысловые оттенки как количественного, так и качественного преобладания, большевики до 1917 были самой малочисленной из трех главных партий русского радикализма: на протяжении почти всего времени у них было меньше приверженцев, чем у их соперников из социал-демократического лагеря меньшевиков, и уж гораздо меньше, чем у эсеров. Подавляющее большинство членов партии обитали в Великороссии. Статистические данные Пятого съезда социал-демократической партии, состоявшегося в 1907, когда большевики и меньшевики оставались еще партнерами, доказывают, что 78,3% большевистских делегатов съезда прибыли на него из великорусских губерний. Среди меньшевиков менее половины делегатов прибыло на съезд из великорусских губерний (точнее, 34%); большинство здесь составляли грузины, евреи и представители других национальных меньшинств. Большевистская партия поддерживала свое «великорусское лицо» на протяжении всей истории своего существования. Так, на выборах в Учредительное собрание, проведенных в ноябре 1917, основное число голосов, поданных за большевиков, было отдано им в великорусских губерниях. И во время гражданской войны именно великорусские центральные губернии поставляли в Красную армию основное число бойцов. Обращая внимание на эти факты, русский

эмигрантский историк Н.Н.Головин пишет, что наибольшую поддержку большевикам оказали регионы, в которых до 1861 проживало максимальное количество крепостных крестьян.

Теоретическим фундаментом партии большевиков был ленинский тезис — сам по себе совсем не марксистский, — согласно которому рабочий класс как таковой вовсе не является революционным. Ленин пришел к такому выводу на основе личного общения с рабочими в Санкт-Петербурге в середине девяностых годов прошлого столетия, то есть в единственный период его жизни, когда он имел непосредственные контакты с так называемым пролетариатом. Наблюдая за поведением и образом жизни как русских, так и западноевропейских рабочих, Ленин пришел к выводу о том, что рабочие, будучи предоставлены сами себе, оказываются неспособными выйти за рамки тред-юнионизма, то есть создания организации, призванной выбить у класса капиталистов максимальные экономические уступки, не покушаясь на капиталистическую систему в целом.

Из подобного умозаключения можно было вывести два практических следствия. Первое заключалось в том, что революция является нереальной целью и социалистам надо сосредоточиться на том, чтобы помочь рабочим добиться лучших экономических условий, уповая на приход к власти в неопределенном будущем скорее через выборы, нежели посредством баррикадных боев. Именно эта тенденция возобладала в европейском социалистическом движении в конце XIX столетия вслед за появлением бернштейнства — реформистского движения немецкой социал-демократии. Но Ленин, для которого революция была самоцелью, никак не мог удовольствоваться этим. И он пришел к иному выводу: если сами рабочие не являются революционерами, то революцию необходимо принести им извне. Такая необходимость подразумевала, что носителями революции станут не реально трудящиеся в цехах фабрик и заводов рабочие, зараженные бациллой приспособленчества, а профессиональные и ничем другим не занятые революционеры. Вот соображения Ленина по данному вопросу, имеющие, на современный слух, отчетливо «фашистское» звучание:

Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им, /.../ надо готовить людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю жизнь.

Ленин В.И. ПСС. Т.IV. С.373.

Эта доктрина имеет множество разветвлений. Но прежде всего она означает, что люди, призванные возглавить революцию, не могут быть рабочими, потому что рабочие не в состоянии посвятить «всю жизнь» революционной деятельности; в конце концов, им надо зарабатывать себе на хлеб насущный. Таким образом, даже если они изначально были рабочими, то, примкнув к движению, они обязаны превратиться в партаппаратчиков.

В 1900, пережив тяжелый психологический кризис, обусловленный широким распространением идей Бернштейна в российском социал-демократическом движении, Ленин объявляет, что «оторванное от социал-демократии рабочее движение /.../ необходимо впадает в буржуазность /.../» (ПСС. Т.IV. С.375-376). Это высказывание переворачивает самый смысл марксизма, в верности которому Ленин не устал клясться. По Марксу, эволюция капитализма должна неизбежно привести к пауперизации пролетариата, а затем, столь же неизбежно, — к его радикализации.

Интересно, что десятью годами позже точно к такому же выводу пришел и Бенито Муссолини. Перед началом Первой мировой войны Муссолини играл в европейском социалистическом движении роль, чрезвычайно сходную с ленинской, будучи таким же, как Ленин, революционером и противником эволюции. Да он и был Лениным в итальянской социалистической партии, с той только разницей, что там, где Муссолини удалось повести за собой революционное большинство и избавиться от сторонников эволюции, Ленин, оказавшись в сходном положении у себя в России, обнаружил, что возглавляет всего лишь меньшинство, и был поэтому вынужден порвать с социал-демократическим истеблишментом. К сожалению, невозможно установить, пришел ли Муссолини к этому самостоятельно или под влиянием Ленина. Мы не можем со всей уверенностью судить о том, встречался ли он с Лениным в то время, когда оба они находились в эмиграции в Швейцарии; Муссолини лишь однажды загадочно обронил: «Ленин знал меня лучше, чем я его». Мне представляется, что идеи политической элитарности, вождизма, равно как и истребления по национальному или классовому признакам, настолько носились в европейском воздухе перед Первой мировой войной, что нет необходимости каждый раз искать конкретные источники.

В первые годы XX века Ленин решил, что ему надо создать политическую партию нового типа, которая привнесет дух революционного социализма в рабочие массы и одновременно будет готовиться к захвату власти в удобный момент. Этот момент связывался в его сознании с общеевропейской войной. В письме к своей возлюбленной Инессе Арманд, отправленном в июле 1914,

за несколько дней, а может быть и часов до объявления войны, он написал на своем неуклюжем английском: «Best greetings for the commencing revolution in Russia». Судя по всему, он на опыте русско-японской войны пришел к выводу о том, что бойня радикализирует массы, особенно в его стране, и делает революцию более возможной, если не вовсе неизбежной. (Кстати говоря, грядущие итальянские фашисты питали аналогичные надежды: Муссолини, подобно Ленину, верил, что рабочие, будучи предоставлены сами себе, настроены пацифистски и склонны к компромиссам, поэтому он придавал огромное значение войне как катализатору революции).

В большевизме присутствует особый антидемократический, реакционный элемент, заставлявший кое-кого отрицать социалистическую природу большевизма, даже если вопрос о самой этой природе остается непроясненным. Концепция тоталитаризма тогда еще не была разработана и никто не мог предположить, что партия Ленина станет провозвестницей политических организаций нового типа, которые появятся уже вскоре и будут представлять собой вождистские диктатуры с опорой на массы, причем как интернационалистического («левого»), так и националистического («правого») толка. Партия, которую Ленин выковал и возглавил, не была на самом деле партией в общепринятом значении слова. Это был, скорее, орден, в том смысле, в каком называл «орденом» свою национал-социалистическую рабочую партию Гитлер, орден, основанный на неколебимой верности его членов своему вождю и друг другу, но не руководствующийся никакими другими принципами и не придерживающийся никаких обязательств перед любыми другими институтами. Подлинные политические партии стремятся увеличить число своих членов, тогда как такие псевдопартии — большевики оказались из них самыми первыми, итальянские фашисты и немецкие нацисты пришли позже — исповедовали эксклюзивную веру в то, что членство в «ордене» является своего рода привилегией и может предоставляться лишь тому, кто отвечает определенным идеологическим, классовым или расовым критериям. Тех, кого признавали недостойными, безжалостно изгоняли.

Назначение тоталитарной партии, прообразом которой стала партия большевиков, заключается не в том, чтобы составить правительство, но в том, чтобы манипулировать им из-за кулис. Братство партийцев должно было оставаться вне государственных институций, даже когда партия и дирижировала в политике всем. Придя к власти, новые правители создали «дуалистическое государство», в рамках которого традиционные органы

управления — такие как министерства или органы юстиции — служат всего лишь фасадом, за которым скрывается подлинная власть, принадлежащая партии. Муссолини остроумно назвал созданную им фашистскую партию «капиллярной системой». Прототипом и в этом отношении была большевистская организация, созданная Лениным. Характерно, что партии тоталитарного типа не соперничают с традиционными политическими партиями, а уничтожают их.

В июле 1992 мне довелось быть в Москве и работать в архивах, только что ставших доступными для иностранцев; в то время проходил суд над КПСС. Конституционный суд РФ попросил меня высказаться на тему, была ли КПСС политической партией в общепринятом смысле слова; вопрос был задан в связи с обвинениями против КПСС, которые заставили президента Ельцина почти за год до суда объявить ее вне закона. Отвечая на вопрос, я отметил, что КПСС и впрямь не была ни на момент ее запрещения, ни когда-либо ранее политической партией в общепринятом смысле слова, но скорее, как и утверждало обвинение, специальным «механизмом» контроля за государством. Суд подтвердил президентский указ, хотя и уклонился от того, чтобы сделать из собственного подтверждения соответствующие выводы.

В начале 1917 партия большевиков была малочисленной, отчасти из-за того, что многие отошли от нее в период сравнительного порядка и процветания столыпинского правления, отчасти из-за сильных гонений политической полиции, разразившихся с началом Первой мировой войны, против которой партия выступала. Полиция внедрила в ряды партии изрядное число своих агентов. Достаточно в этом плане упомянуть о том, что главный думский оратор фракции большевиков работал на охранку. Так же поступал и издатель газеты «Правда», главного печатного органа ленинской партии; все статьи Ленина, опубликованные в «Правде» до ее закрытия в июле 1914, предварительно просматривались полицией.

Невзирая на малочисленность партии и внедрение в ее ряды полицейских осведомителей, большевики обладали по сравнению со своими соперниками и некоторыми серьезными преимуществами.

Ленин приравнивал политику к ведению войны. Разумеется, все марксисты в определенном смысле вели себя точно так же: ведь с точки зрения марксизма, политика представляет собой войну между классами. Но другие марксисты не руководствовались этим так буквально, как Ленин. Там, где его соратники были склонны усматривать заурядный политический конфликт, Ленин

(и только он) видел цель любого конфликта в захвате власти и ликвидации соперников. Под ликвидацией он подразумевал не просто устранение их с поля политической борьбы, но физическое уничтожение. Такой подход к политике, разумеется, предоставлял Ленину серьезные преимущества в борьбе за власть. Однако, когда власть была захвачена, а противник «побежден», такой взгляд не давал понимания, как руководить обществом.

Большевики без колебаний прибегали к «беспощадному» террору (это определение часто употреблял Ленин, считая русских людей «чересчур мягкими», чтобы действовать с необходимой жестокостью). Официальная коммунистическая историография и те из западных ученых, кто разделяет с нею общий взгляд на вещи, утверждают, будто ранний большевистский террор был хотя и достойным сожаления, но неизбежным ответом на «контрреволюционную» деятельность противников режима. Этот аргумент никогда не выглядел убедительным, если учесть, что ЧК или тайная полиция, главный инструмент и проводник «красного террора», была учреждена в декабре 1917, прежде чем возникло хоть сколько-нибудь организованное сопротивление новому режиму. Таким образом, «красный террор» не был вынужденной реакцией на враждебные действия, но скорее представлял собой профилактическую меру, призванную пресечь в зародыше даже мысль о сопротивлении диктатуре. И Ленин, и Дзержинский позднее утверждали, что ЧК и развязанный ею террор «спасли революцию». Это справедливо, но только если подразумевать под «революцией» ленинскую партию.

Ленин видел себя главнокомандующим армии, ведущей перманентную политическую войну. И в разрешении этой частной задачи он, вне всякого сомнения, преуспел. В заключительной главе книги «Россия под властью большевиков» я утверждаю, что он не был выдающимся государственным деятелем — у него было мало конструктивных идей, — но был одним из величайших завоевателей во всемирной истории, человеком, покорившим родную страну таким способом, каким никто до него даже не пытался это сделать. Партии-соперницы — социалисты и отчасти либералы — были популистскими, базируясь на вере в мудрость, органически присущую русскому народу. Они не готовились заранее к битве и проиграли политику, для которого борьба была обычным занятием, а мир означал всего лишь передышку между двумя войнами.

Ленин стремился к власти. Подобное утверждение, казалось бы, не требует доказательств: в конце концов, властолюбие — неотъемлемая черта любого политика. Но в самой глубине души

соперники Ленина власти не хотели. В 1917 эсерам и меньшевикам в какой-то мере нравилось то обстоятельство, что власть осуществляло «буржуазное» Временное Правительство, тогда как им самим оставалась роль разоблачителей и критиков режима. Но Ленину хотелось куда большего. В апреле 1917 произошел знаменитый инцидент, сыгравший большую роль в советской агиографии. Ленин только что вернулся в Россию из Швейцарии. Его последователи сошлись с меньшевиками на том, что и те, и другие удовлетворены постановкой дела, при которой социалисты через Советы контролируют «буржуазию» и не дают ей сойти с пути демократизации, а сами при этом не берут на себя ответственность за руководство страной. На Всероссийском съезде Советов в апреле меньшевик Ираклий Церетели заявил: «В настоящее время в России нет партии, желающей взять на себя ответственность за управление страной». На что Ленин со своего места в зале воскликнул: «Есть!» И правда, никакая другая партия не была готова выставить подобные претензии. Эта жажда власти более чем компенсировала сравнительную малочисленность большевиков.

Еще одно преимущество, которым обладал Ленин, заключалось в том, что ему была безразлична судьба России. Ему не были безразличны Германия и Англия в том смысле, что для него как для революционера это были ключевые страны. Россию же он рассматривал лишь как точку опоры для всемирного переворота: отсталая страна, населенная, главным образом, ненавистой деревенской «мелкой буржуазией» в двух ипостасях — самообеспечивающихся крестьян-середняков и так называемых кулаков. Такая страна не может совершить всемирную революцию; максимальное, на что она способна, — стать искрой, которая подожжет пороховой погреб за границей. На его взгляд, Россия была слабым звеном в цепи мирового империализма, порвав которое, можно было положить начало серии переворотов в самом сердце Европы. Для него стало глубокой личной трагедией то обстоятельство, что его ожидания в этом плане не сбылись, а революция так и осталась уделом России и ее колоний.

Поскольку ему были безразличны судьбы родины, Ленин без малейшей заботы о будущем готов был пообещать каждому все, что угодно. Крестьянам хотелось получить помещичью землю в общинное владение? Пусть берут ее: рано или поздно всю землю в любом случае отберет и коллективизирует государство. А пока суд да дело, раздача земельных паев по жребию завоюет или по меньшей мере нейтрализует крестьянство. Рабочие требуют, чтобы им передали управление заводами? Хотя «рабочий контроль» — это лозунг презренных анархо-синдикалистов, ничто

не мешает пойти навстречу и этим требованиям — до поры до времени. Как только промышленность окажется национализирована и подчинена общегосударственному плану развития производства, «рабочий контроль» исчезнет, как будто его никогда и не было. Солдаты кричат о мире? Предоставим им мир; а когда «пролетарская диктатура» прочно возьмет власть в свои руки, их в обязательном порядке призовут на военную службу для участия в гражданской войне, которая должна охватить весь земной шар. Национальные меньшинства хотят получить независимость? Ради всего святого: им достаточно только попросить ее. «Право на национальное самоопределение», включая создание собственной государственности, гарантировано — правда, с негласной уверенностью в том, что его всегда можно будет пересилить правом более высокого порядка — на «пролетарское самоопределение». Такой чисто тактический подход ко всем политическим проблемам означал для большевиков существенную фору, потому что никакая другая партия из числа существовавших в России не была способна на подобную демагогию. Разумеется, когда пришла пора платить по счетам, связанным с такими посулами, Ленин отказался, оттолкнув всех тех, кто — пассивно или активно — помог ему прийти к власти, и создал тоталитарный режим, что якобы не входило в его намерения.

Наконец, Ленин был в уникальной мере лишен шепетильности: он был готов сотрудничать и заключать тактические союзы с кем угодно, если только это могло послужить его интересам, причем как в родной стране, так и за границей. К настоящему времени уже отпали последние сомнения в том, что он брал деньги у императорской Германии, хотя та и находилась в состоянии войны с Россией; у нас имеется множество документов, датированных 1917-1918, которые доказывают этот факт. Немцы пытались найти таких же предателей во Франции и в Англии, но безуспешно. Так или иначе, в России их ожидал успех, который им и не снился. А для них это было делом первостепенной важности, потому что с тех пор, как план Шлифена потерпел неудачу, Германии было совершенно необходимо вывести Россию из войны с тем, чтобы получить возможность сосредоточить все свои силы на Западном фронте. В этом заключалась ее последняя надежда на победу против огромной коалиции демократических государств, совокупные человеческие и материальные ресурсы которых решающим образом превосходили ее собственные. Ленин, единственный из вождей европейского социализма открыто призывавший к поражению собственной страны, счел сотрудничество с немцами при определенном повороте событий для себя выгод-

ным. После своего возвращения в Россию он принял от немцев значительные суммы денег, чтобы восстановить практически распавшуюся партийную организацию и воскресить уничтоженную партийную печать. Ни одна другая партия или организация в России не была готова пойти на союз с внешним врагом и, соответственно, ни одна не смогла достаточно эффективно конкурировать с ленинцами, когда началась борьба за власть.

Немецкие субсидии не прекратились в октябре 1917. Они продолжали поступать и в 1918 — чуть ли не до самого момента капитуляции Германии. В июне 1918 из немецкого посольства в Москве в Берлин была послана телеграмма, согласно которой для удержания большевиков у власти им требовалась помощь в размере трех миллионов марок ежемесячно; эти деньги поступили и были использованы на подкуп латышей и других настроенных пробольшевицки или нейтрально сил. В бывшем Центральном партийном архиве мне удалось найти разоблачительный документ, который тщательно прятали от посторонних глаз на протяжении семидесяти с лишним лет. Это телеграмма, посланная Лениным своему послу в Берне Якову Берзину. Датированная августом 1918, она требует не скупиться на траты для распространения коммунистической пропаганды на Западе. «Берлинцы вышлют еще денег, — заверял Ленин своего посла. — Если промедлят эти сволочи, жалуйтесь мне *формально*» (РЦХИДНИ. Ф.2. Оп.1. Д.24310).

Временное Правительство продержалось недолго, как и предсказывал Николай Второй. Царь отказался передать большею полномочия Думе не потому, что любил власть, — весь церемониал был ему ненавистен, — но потому, что он был убежден: управлявшие в Думе политики были неспособны на руководство страной; они были интеллектуалами, искушенными в спорах и законодательной процедуре, но начисто лишены административного опыта. И правда, как сразу же выяснилось, политические шаги Временного Правительства и его партнера — Петроградского Совета оказались полны противоречий. Так, например, Совет объявил продолжающуюся войну империалистической и, не переводя духа, призвал к ее продолжению до победного конца. Даже безграмотному рабочему или солдату было ясно, что это нелепость. И, призывая страну к продолжению боевых действий, Совет издавал всевозможные указы, сводящие на нет саму возможность военного успеха, как, в частности, знаменитый Приказ №1, вполне эффективно выведший солдатскую массу из подчинения у офицерства и политизировавший вооруженные силы.

На исходе весны 1917 в России воцарился хаос. Ленин, со своей интуицией завоевателя, ощутил неисцелимую слабость Вре-

менного Правительства и преисполнился уверенности в том, что малейший толчок способен это правительство скинуть. Как выяснилось несколько позже, он недооценил если не силу Временного Правительства, то его популярность. Трижды — в апреле, июне и июле — он пытался свергнуть его методом уличных беспорядков. В июле он чуть было не добился своего, но в критический момент самым загадочным образом утратил самоуверенность. Правительство уже готово было броситься в бегство, парализованное и неспособное на какие бы то ни было действия; за властью оставалось лишь протянуть руку, но тут Ленин дрогнул. Эта промашка едва не привела к гибели партию большевиков, потому что министр юстиции предал гласности некоторые документы из числа попавших в его распоряжение, доказывавшие связь Ленина с немцами. Когда информация об этом была доведена до сведения петроградского гарнизона, солдаты, придя в ярость, рассеяли толпы большевиков и сочувствующих им. Ленину пришлось перейти на нелегальное положение: три с половиной месяца — а это были решающие месяцы, непосредственно предшествовавшие октябрьскому перевороту, — он прожил на явочных квартирах — сперва в России, потом в Финляндии, потом вновь в России. Таким образом, подготовкой к октябрьскому перевороту и его осуществлением занимались сподвижники Ленина (включая Троцкого), которые избрали более осторожную тактику, заключающуюся в подготовке вооруженного восстания за дымовой завесой псевдозаконной деятельности Совета.

У Ленина имелось обыкновение приписывать оппонентам свои собственные качества: то есть он ожидал от них действий, на которые сам решился бы, попав в аналогичные обстоятельства. После провала июльского путча он был убежден в том, что Керенский распорядится арестовать и расстрелять его самого и его сообщников, потому что он, Ленин, на месте Керенского поступил бы именно так. И хотя ему удалось ускользнуть от полиции Временного Правительства, Ленин смирился с тем, что его разгромили и тем самым с большевистским экспериментом покончили раз и навсегда. Отнесся к этому он с удивительным безразличием. Поселившись в шалаше за финской границей вдвоем со своим верным учеником Зиновьевым, он коротал праздные летние дни за сочинением трактата «Государство и революция», в котором подводил итоги несостоявшейся революции и извлекал из них уроки на пользу грядущим поколениям революционеров.

Но как раз тогда, внезапно и непредсказуемо, события начали принимать выгодный ему оборот. И к сентябрю ситуация дозрела до того, чтобы попытаться совершить еще один путч.

Совпадение трех обстоятельств помогло переломить ситуацию в пользу большевиков. Первым из них был провал начатого в июне 1917 наступления. Керенский, ставший в июле военным министром, полагал, что лучшим средством укрепить власть его правительства в стране станет воскрешение ура-патриотических настроений, чего можно будет добиться впечатляющей победой на фронте, — точь-в-точь такой, какую одержали генералы французской революционной армии в 1792. Уроки Французской революции тщательно изучались российскими радикалами типа Керенского и в определенной мере доминировали в их сознании: они рассматривали разворачивавшиеся в России события через призму революционной Франции, как правило, — с самыми разрушительными последствиями. Июньское наступление моментально заглохло, и русская армия начала стремительно разлагаться.

Вторым фактором, пошедшим на пользу большевикам, оказалась неспособность Временного Правительства созвать Учредительное собрание, что оно торжественно обещало сделать, принимая власть в марте. Только Учредительное собрание могло придать статус легитимности новой российской государственности. Вне всякого сомнения, если бы выборы в Учредительное собрание удалось провести, пока Временное Правительство оставалось у власти, большинство в нем досталось бы соперникам большевиков эсерам. И если бы такое случилось, большевики едва ли смогли бы утверждать, будто они и только они являются подлинными представителями народа. Но правительство замешкалось с проведением выборов, потому что у него вечно находились более срочные дела, и это дало в руки большевикам бесценное оружие, позволив им утверждать, что правительство страшится выборов, и только передача власти Советам, осуществленная большевиками, сможет гарантировать своевременные выборы в Учредительное собрание.

Третьим фактором, самым непосредственным образом повлиявшим на успех октябрьского переворота, — был так называемый мятеж Корнилова. Это крайне сложный эпизод революции, и в исторической литературе он находит, главным образом, совершенно неправильную оценку. Корнилова, как правило, изображают генералом-контрреволюционером, вознамерившимся свергнуть демократическое правительство и установить собственную диктатуру. Такая версия неверна, а своим широким распространением она обязана тому, скорее нехарактерному, обстоятельству, что она служила интересам обоих заклятых врагов — и Временного Правительства, и большевиков. В рамках данной работы у меня нет возможности обсудить этот инцидент во всех деталях. Доста-

точно упомянуть, что все произошло в результате сложной интриги, затеянной Керенским, который, чувствуя, как почва уходит у него из-под ног, захотел заручиться поддержкой Советов и в то же самое время избавиться от генерала, которого стал рассматривать в качестве опасного соперника. Корнилов, которого Керенский назначил главнокомандующим после провала июльского путча, являлся скорее простодушным военачальником, пользовался широкой популярностью в армии, был страстным патриотом, однако искусства политика ему не хватало. Его ужасал распад и самого государства, и его любимой армии. Убеденный, что Корнилов является наиболее подходящим кандидатом в диктаторы со стороны всех консервативно настроенных сил, стремящихся к военному перевороту, Керенский обманным путем заставил его послать войска в Петроград, якобы для помощи в подавлении очередного большевистского путча. После того, как Корнилов выполнил этот приказ, Керенский обвинил его в том, будто он хочет захватить столицу, свергнуть правительство и взять власть в свои руки. Доказательства какого бы то ни было заговора со стороны Корнилова отсутствуют; зато имеется множество доказательств того, что Керенский вел двойную игру. Однако, к несчастью для премьер-министра, его конфликт с главнокомандующим не помог ему укрепить собственные политические позиции. Наоборот: этот конфликт снабдил большевиков доказательством того, что контрреволюция и впрямь надвигается, и настроил враждебно по отношению к Керенскому вооруженные силы, которые только и могли спасти его от очередного покушения на власть со стороны большевиков, как они уже поступили в июле. В октябре же, когда Керенскому вновь понадобилась помощь войск в борьбе с путчистами, они предпочли не расслышать его страстных заклинаний.

Хотя в сентябре 1917 ситуация самым драматическим образом переломилась в пользу большевиков, большинство из них, памятуя об июльском провале, по-прежнему не решалось действовать. Они добились успеха на сентябрьских выборах в Советы, выступая под лозунгом «Вся власть Советам». Но если говорить о стране в целом, они оставались в меньшинстве. В особенности в армии, которая уже не хотела сражаться на фронте, большевиков не любили, считая их партией национальной измены. Крестьянство голосовало за эсеров. Тем не менее, интуиция подсказывала Ленину, что время нанести новый удар быстро приближается. Из своего тайного убежища он настоятельно торопил единомышленников действовать. Временное Правительство слабо, внушал он, у него отсутствует воля к сопротивлению. Однажды он написал, что если большевики пообещают солдатам безотлага-

тельный мир, а крестьянам — землю, то они привлекут их на свою сторону и «составят такое правительство, которое *никто* не свергнет». Когда читаешь эти письма Ленина — все четыре (они не предназначались для публикации и были преданы гласности лишь спустя годы), — то начинаешь осознать, насколько не доверял Ленин движущим силам истории. Если большевики не нанесут удар немедленно, победа ускользнет от них, «промедление смерти подобно», — писал он. На взгляд историка, не ослепленного верой в «историческую неизбежность», ленинские высказывания являются доказательством того, в какой степени события в октябре 1917 были вопросом хорошо рассчитанного риска. Потому что если революция и впрямь была неизбежной, то какое значение могло иметь, когда нанести удар — немедленно или позже? Однако это имело огромное значение. Ленин боялся того, что война может закончиться или что Временное Правительство сдаст Петроград немцам. Боялся он также того, что Временное Правительство успеет провести выборы в Учредительное собрание, вырвав у него из рук главное оружие. И действительно, правительство объявило в августе, что выборы в Учредительное собрание состоятся в ноябре, а Ленин, прекрасно понимая, что не сможет одержать на них победу, стремился захватить власть, прежде чем народ выразит свою волю.

Его соратники колебались. Они чувствовали, что время работает на большевиков, тогда как очередное фиаско типа провала июльского путча может покончить с ними раз и навсегда. Они предпочитали действовать в псевдолегальной манере, уповая на передачу власти съезду Советов — но только таких Советов, большинство в которых принадлежало бы самим большевикам. Я говорю о «псевдолегальности», потому что у большевиков, как и у любой другой партии, не было законного права созвать Всероссийский съезд Советов: это было исключительной прерогативой Центрального исполнительного комитета, а в нем доминировали эсеры и меньшевики. Но русские никогда не были склонны вдаваться в юридические и процедурные тонкости, и менее всего — в смутное время революции и назревающей гражданской войны. Ленин же отвергал подобную стратегию. Он не верил даже тому, что незаконно созданный и укомплектованный главным образом его собственными сторонниками съезд Советов передаст власть его партии. Дождаться такого съезда — или идиотизм, или предательство, — писал он. Революция не дожидается, пока на ее сторону встанет большинство. Созывайте ваш съезд, раз уж вам так этого хочется, но сперва захватите власть и поставьте съезд перед свершившимся фактом.

Ночью 10 октября, когда состоялось тайное заседание Центрального комитета партии, Ленин нелегально прибыл в город, чтобы участвовать в принятии решений. Он наставлял на немедленном проведении восстания. С наибольшей решительностью этому противостояли Каменев и Зиновьев, но и у других членов ЦК имелись сомнения. В результате Каменев дал интервью меньшевистской газете, в котором упомянул о возникших разногласиях. Ленин, впад в ярость, назвал его и Зиновьева предателями революции. И этими словами доказал, что замышляемое им самим революцией не является. Потому что как можно «предать» революцию? Можно ли себе представить, чтобы кого-нибудь обвинили, что он предал Французскую революцию? Другое дело — государственный переворот, применительно к нему речь и впрямь может идти о предательстве.

Протоколы заседания ЦК, проведенного 10 октября, опубликованные коммунистами в 1927, не содержат упоминаний о решении по перевороту, который произошел двумя неделями позже. Хотя отчет о спорах по другим вопросам носит аутентичный характер, любые упоминания о главном пункте просто-напросто отсутствуют. В свое время я предполагал, что издатели сознательно изъяли соответствующие части стенограммы, чтобы подкрепить ложную версию, согласно которой октябрьские события были народной революцией, и написал об этом в книге «Русская революция». Но в 1992 я получил возможность увидеть рукописный подлинник протоколов заседания в ночь с десятого на одиннадцатое октября. Интересующая меня информация отсутствовала и там. Единственной причиной подобного умолчания могла быть только присущая Ленину одержимость конспирацией и страх перед тем, что, будучи занесена в протокол, информация немедленно просочится, поставив под угрозу срыва и без того рискованное предприятие. Разумеется, мы можем обойтись без письменных свидетельств о принятых резолюциях, потому что нам известны последующие события. Тактика большевиков заключалась в том, чтобы всевозможными провокациями вынудить правительство пойти на активные действия против них — и тем провозгласить наступление контрреволюции. И тогда, якобы встав на защиту революции от ее предполагаемых врагов в лице Временного Правительства, большевики смогли бы захватить власть, для чего они собирались взять под свой контроль стратегически важные точки столицы. Это должно было произойти ночью накануне первой сессии Второго съезда Советов, назначенной на 25 октября. На следующий день съезд должен был ратифицировать роспуск Временного Правительства и передачу всей

власти Советам. Принятый план боевых действий представлял собой компромисс между ленинским предложением о немедленном прямом захвате власти и мнением его соратников, склонявшихся к псевдозаконному камуфляжу.

Методы, при помощи которых была реализована эта стратегия, представляют значительный интерес, потому что комбинация прямого обмана, точно направленного насилия и стыдливой законности образуют в совокупности модель, которой впоследствии воспользовались другие вожди тоталитарного типа. Событием, которое помогло большевикам запустить их план в действие, стало ожидаемое наступление немцев на Петроград. На второй неделе октября немцы отбили у русских несколько островов в Рижском заливе. И все сразу же уверовали, что эта военно-морская операция представляет собой первый этап генерального наступления на Петроград. Керенский, прислушиваясь к советам военачальников, начал подумывать о переносе столицы в Москву. Социалисты в Советах отреагировали на происходящее со всегдашней смесью мании преследования и истерии. Обвиняя правительство в стремлении сдать «красный Петроград» врагу, Советы предложили создать подчиненные им воинские части, которые смогли бы защитить город от предполагаемого немецкого наступления. Большевики поначалу отнеслись к подобным планам отрицательно, поскольку им казалось, будто это усилит Временное Правительство, однако затем изменили свою позицию на сто семьдесят градусов, сообразив, что единственной силой, на которую смогут опереться Советы, станут их собственные вооруженные отряды под их собственным командованием — таким образом сами Советы предлагают идеальный фиговый листок для задуманного большевиками переворота. Согласившись с предложением о создании вооруженных сил, первоначально исходившим от меньшевиков, они добавили в резолюцию пункт, согласно которому Военно-революционный комитет Советов защищает Петроград не только от немцев, но и от доморощенных «контрреволюционеров», под которыми понималось, разумеется, Временное Правительство. Таким образом, с помощью меньшевиков и эсеров им удалось выковать механизм для захвата власти, поскольку Военно-революционный комитет, или ВРК, представлял собой лишь вывеску их собственной военной организации. И, должно быть, не было случайным совпадением то обстоятельство, что заседание ЦК большевиков, на котором было принято решение о вооруженном восстании, состоялось на другой день после того, как Советы проголосовали за создание Военно-революционного комитета.

На протяжении двух недель, которые непосредственно предшествовали перевороту, действуя с молчаливого согласия Советов, большевики рассылали комиссаров во все воинские части, расквартированные в Петрограде и его окрестностях, а комиссары убеждали военных игнорировать все приказы правительства, если они не завирированы и Военно-революционным комитетом. Судя по всему, никто не воспротивился этому маневру, подорвавшему власть правительства над воинскими частями и передавшему последние в руки приспешников Ленина. Таким образом, удалось нейтрализовать петроградский гарнизон, насчитывавший 240 000 человек и представлявший собой единственную силу, способную сорвать замыслы большевиков.

Потрясшие мир события в ночь с 24 на 25 октября никак нельзя назвать грандиозными; сколь часто так называемые поворотные пункты истории представляют собой на поверку выхолощенные и сугубо формальные действия, тогда как истинно важные события, затрагивающие и предопределяющие судьбу миллионов, не привлекают к себе — в момент, когда они происходят, — практически никакого внимания! Пока предпринимались решающие меры, Ленин по-прежнему оставался на явочной квартире. Неизлечимый трус, он спешил спрятаться при возникновении малейшей опасности для него лично, даже в те часы, когда призывал соратников вступить в вооруженную борьбу. Троцкий обладал куда большей личной смелостью и проявил себя в эти решающие дни гораздо активней — будоража толпы, издеваясь над Временным Правительством и другими способами готовя переворот. Активно действовали также Подвойский, Невский и другие. Ночью 24 октября, без труда преодолевая вялое сопротивление сторонников Временного Правительства, вооруженные отряды ВРК овладели ключевыми точками столицы — почтой, телеграфом, центральным телефонным узлом, штабом правительственного гарнизона. Переворот был бескровным. Петроград спал — и не сознавал, что, собственно, происходит. Правительственные караулы, охранявшие подлежащие захвату учреждения, распустили, а их лично-му составу предложили разойтись по домам. Аналогичным способом была захвачена и комендатура: командиры большевистских отрядов вошли в неохраемый Михайловский замок и заступили на место находившихся там офицеров. Сопrotивления им не оказали. Как позднее выразился Ленин, взять власть в Петрограде оказалось так же просто, как смахнуть пушинку.

На следующий день в руках у правительства оставалось лишь одно здание — а именно Зимний дворец. Здесь скрывались министры, уповая на защиту со стороны женского батальона, ин-

валидного взвода, самокатной роты и некоторого числа юнкеров. Это здание так и не подверглось штурму: широко распространенная фотография, на которой колонна рабочих и красногвардейцев идет на приступ дворца, представляет собой подделку: это кадр из фильма Эйзенштейна «Октябрь», снятого в 1927, с использованием массовки. Несколько попыток пойти на приступ были и впрямь предприняты, но каждый раз, попадая под огонь, штурмующие отступали. В конце концов женщины, инвалиды и самокатчики покинули Зимний дворец, потому что нигде не показывался Керенский, убывший в одолженной американской автомашине на фронт за поддержкой. Когда большая часть защитников дворца его уже оставила, нападающие проникли через открытые окна и задний вход. Им не оказывали сопротивления, потому что министры сказали юнкерам, оставшимся до конца и выразившим готовность сражаться, что они не хотят кровопролития. Министры безвольно сдались, и путч на этом закончился.

И все же Ленин как всегда осторожничал. Он взял власть не по требованию партии большевиков — выражение «партия большевиков» нигде в ранних документах не фигурирует, — но по воле Совета. И он объявил, что желает создать переходное демократическое правительство; слово «социализм» отсутствует в декларации, извещающей о свержении Временного Правительства, которую он набросал ранним утром 25 октября. Сперва он написал: «Да здравствует социализм!», но потом, передумав, вычеркнул эти слова, чтобы никого не переполошить. Поэтому никто и не заподозрил, что произошло нечто важное: казалось, будто состоялся всего лишь переход от двоевластия к единовластию, в результате которого более сильный партнер — Советы — взял всю ответственность на себя. На следующий день рестораны были полны народу, в оперном театре состоялся спектакль, жизнь вернулась в обычную колею. Казалось, что произошел и миновал всего лишь еще один правительственный кризис, которые резко участились с тех пор, как отрекся от престола царь. Большевики упростили это ощущение, назвав свое правительство также временным. Широко распространилось убеждение в том, что как только Учредительное собрание будет создано, большевики благородно передадут ему власть. И новые хозяева ничего не предпринимали, чтобы развеять эти иллюзии. Большевики действительно провели выборы в Учредительное собрание, но как только стало ясно, что они получили всего 24% голосов и, соответственно, новое правительство предстоит формировать эсерам, они поторопились «Учредилку» распустить. После этого они удалили из названия своего правительства определение «временное» и начали насаждать одно-

партийный режим, при котором (за вычетом нескольких месяцев 1918, когда часть министерских портфелей была отдана левым эсерам, отколовшимся от основной массы партии) путь к власти был открыт только членам партии большевиков.

В осуществлении всего этого большевикам бесконечно помогли страхи и иллюзии социалистов демократического толка, за которых в совокупности проголосовали почти три четверти населения страны и которые, следовательно, могли бы опереться на широкую поддержку народных масс, вздумай они действовать решительно. Они прекрасно понимали, к чему в действительности стремятся большевики, понимали, что те, вопреки своей демократической риторике, собираются ввести однопартийную диктатуру. Но активно действовать им мешало опасение, что любая попытка ликвидировать последствия большевистского переворота приведет к гибели социалистического движения как такового и к торжеству контрреволюции. Вот что писала на следующий день после захвата власти большевиками меньшевистская «Новая Жизнь»:

Необходимо считаться прежде всего с тем трагическим фактом, что всякая насильственная ликвидация большевистского переворота неизбежно явится вместе с тем ликвидацией всех завоеваний русской революции.

Новая Жизнь. №164. 27 октября. 1917. С.1.

На протяжении революции и последовавшей за нею гражданской войны меньшевики и эсеры критиковали большевиков, но во всех решающих обстоятельствах поддерживали их в борьбе с политическими и военными противниками. С особой наглядностью это проявилось в 1919, когда они выступили рука об руку с красными в борьбе против белых и подорвали тем самым вооруженное сопротивление большевизму. Не раз возникали ситуации, в которых рабочие и солдаты обращались к меньшевикам и эсерам с предложением совместной борьбы против большевиков, но социалисты демократических партий неизменно отказывались по той причине, что подобная борьба укрепила бы силы реакции. Далее, они оправдывали собственное нежелание противостоять новой власти на любом уровне, кроме чисто словесного, тем, что время работает на демократию, поскольку оставаясь партией заведомого меньшинства и столкнувшись с беспрецедентной по сложности проблемой построения социалистического общества, большевики рано или поздно окажутся вынужденными пригласить демократов в правительство. Подобная мотивация заставила их держаться крайне пассивно. И в конце концов все они — за исключением тех, кто эмигрировал, — оказались уничтожены.

Данный краткий очерк наводит на мысль о том, что события, имевшие место в октябре 1917, были классическим — применительно к ситуации нашего столетия — государственным переворотом, осуществленным без опоры на массы. Это был с ювелирной точностью нанесенный удар — удар по нервным центрам современного государства, осуществленный под лживыми лозунгами, призванными нейтрализовать народные массы, удар, подлинными целями которого стали явными, только когда новые претенденты на власть прочно уселись в седло. Курцио Малапарте в своей книге «Переворот: Техника революции» (Нью-Йорк, 1932), говоря о технологии насильственного захвата власти в современных условиях, в значительной мере строит свой анализ на событиях русской революции; оказавшись свидетелем аналогичных процессов в Италии при Муссолини, он провел необходимые параллели.

Население оказало новому режиму слабое сопротивление в тот период, когда такое сопротивление могло стать решающим фактором, потому что им казалось, что эта власть долго не продержится. В так называемом советском правительстве были склонны видеть горстку спятивших утопистов, которые будут сметены с политической сцены столь же стремительно, как они на ней появились. Когда политика, проводимая большевиками, стала ущемлять интересы рабочих и крестьян (первых в результате ликвидации «рабочего контроля» и независимых профсоюзов, а вторых — безжалостной продрозверсткой), — и те и другие взбунтовались. 1920 и 1921 стали годами массового сопротивления новому режиму. Как показал историк Владимир Бровкин, подлинная гражданская война началась после того, как армии белых были уже разгромлены. Война вылилась в столкновение миллионов крестьян с миллионами красноармейцев — и счет потерь в этой войне шел на сотни тысяч. Но было уже слишком поздно. У восставших моряков Кронштадта, рабочих Петрограда, мятежных крестьян Тамбова или Сибири было не больше шансов на победу, чем при царях у повстанческих армий Степана Разина и Емельяна Пугачева.

И все же захвату власти, осуществляемому подобным образом, присуща собственная логика, о наличии которой большевики имели лишь туманное представление. Навязав стране правление меньшинства и отказавшись даже от размышлений об уступке или хотя бы разделе власти, они тем самым заложили фундамент тоталитаризма. Ленин искренне верил в то, что стоит подавить «контрреволюцию», как в стране восторжествует народная демократия. Но когда «контрреволюция» обернулась не только

сравнительно тонкой прослойкой помещиков, у которых экспроприировали их землю, буржуев и чиновников, но и подавляющим большинством населения страны, а власть ему отдавать не хотелось, он оказался вынужден создать в высшей степени репрессивный режим. Его несколько нелепое и путаное поведение в 1921 и 1922 может в общем и целом быть объяснено отчаянием, овладевшим им, когда он почувствовал, сколь многое пошло кривь и вкось, или, как он сам сформулировал это однажды, водитель направил машину в одну сторону, а та почему-то поехала Бог весть куда. Отказываясь выпустить из рук руль, он волей-неволей создал условия, сделавшие неизбежным приход к власти единоличного диктатора, который оказался еще решительней и безжалостней, чем сам Ленин.

Глава третья

ПОЧЕМУ НА СМЕНУ ЛЕНИНУ ПРИШЕЛ СТАЛИН?

Как уже отмечено выше, падение царизма было хоть и возможным, но никак не неизбежным. Что касается победы большевиков в октябре 1917, то, как и предвидел Ленин, дело здесь зависело от воли случая: для того, чтобы большевики взяли власть и сумели ее удержать в своих руках, их противники должны были совершить целый ряд ошибок. На тот момент казалось куда более вероятным, что власть в России после падения царизма перейдет к коалиции консервативных генералов и политиков, чем к коммунистам. Что же касается третьего «почему» русской революции — почему на смену Ленину пришел Сталин? — то здесь возвращение к понятию исторической неизбежности представляется мне более уместным. На мой взгляд, после того как большевистская диктатура была установлена и Ленин принялся проводить в жизнь свою химерическую программу без малейшей оглядки на почти повсеместную оппозицию ей, — аппарат, созданный им, самым естественным образом при тяжелой болезни вождя перешел на сторону Сталина, наиболее компетентного и популярного из большевистских лидеров. Такой вывод полностью противоречит взглядам представителей школы ревизионизма, которые, считая крушение царизма и торжество большевиков исторически неизбежными, рассматривают восхождение Сталина к вершинам власти как не поддающийся разумному объяснению факт. Хотелось бы мне услышать удовлетворительное марксистское объяснение того обстоятельства, что после смерти Ленина история в продолжение тридцати лет наделяла тем, что сам Ленин называл «необъятной

властью», деспота, которого те же ревизионисты считают предателем дела Ленина. В частности, они не осмеливаются задать вопрос: почему, если Ленин, как они утверждают, пользовался в 1917 широкой народной поддержкой, созданный им режим оказался вынужден с самого начала прибегнуть к методу диктатуры, и почему этот метод, который сперва оправдывался как система чрезвычайных мер, стал впоследствии перманентным признаком коммунистической системы.

Часто приходится слышать, будто Сталин похитил революцию, и при нормальном развитии событий власть должна была перейти к Троцкому или, возможно, к Бухарину. У каждого из двух вышеназванных имеются приверженцы среди историков, однако ни у одного из них не было ни малейшего шанса стать «законным наследником» по собственному выбору Ленина: мы узнали из архивных источников, что Ленин забраковал Троцкого: «Он в аппарат влюблен, а в политике ни бе — ни ме» (РЦХИДНИ. Ф.2. Оп.1. Д.24510) и настойчиво требовал, чтобы Бухарина держали «вне» политики (РЦХИДНИ. Ф.2. Оп.1. Д.24747). Изучая документы этого периода, неизбежно приходишь к выводу о том, что Сталин заметно опережал соперников в борьбе за ленинский пост, возможно, уже в 1920-м и со всей определенностью — в 1922-м. Возникновение сталинизма имеет три главные причины: 1) провал попыток большевиков в 1919-1920 экспортировать революцию на промышленно развитый Запад; 2) огромная ответственность, связанная с необходимостью управлять каждым аспектом жизни в стране Советов и принятая на себя компартией, следствием чего стало возникновение столь же огромной партийной бюрократии; и 3) рост оппозиции правлению интеллигентов, которая охватила рабочие круги — то есть основную избирательную базу компартии. Но, как я покажу ниже, вопрос о личностях тоже сыграл свою роль.

Начнем с провала попыток экспортировать революцию. Как я уже объяснял выше, большевики пришли к власти в России лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств. Сложилось так, что власть в России оказалась слаба и неспособна (не всегда по своей вине) справиться с тяготами долгой войны на истощение. Эта власть пала в разгар войны, тогда как правительствам всех остальных стран — участниц войны удалось удержаться у власти. Большевики захватили власть в России, потому что это оказалось возможным именно в России. Имейся у них выбор, они предпочли бы Германию или Англию. Но раз уж судьба распорядилась так, что они стали хозяевами России, им надо было экспортировать революцию на промышленно развитый Запад. Они считали Рос-

сию отсталой крестьянской страной с малочисленным и недостаточно сознательным рабочим классом. Они боялись — и не раз говорили об этом сами, — что если им не удастся перенести революцию в Западную Европу, их детище погибнет, а коммунизм увязнет в трясине мелкобуржуазной крестьянской культуры.

По этой причине жизненно необходимо было как можно быстрее перенести пожар на Запад, где, как полагали сами большевики, имелся многочисленный и воистину классово-сознательный пролетариат. При всей своей приверженности реализму, они были поразительно наивны в вопросе о революционном потенциале рабочего класса Западной Европы. Они не понимали — и отказывались прислушаться к мнению на сей счет иностранных коммунистов, — что европейские рабочие чтут право частной собственности и, получая выгоду от крупных социальных программ, вовсе не заинтересованы в свержении существующего строя. Большевики отмахивались от подобных рассуждений, считая их отговорками, призванными оправдать бездеятельность. Они были настолько одержимы манией принимать желаемое за действительное, что истолковывали любые волнения на Западе как начало революции. Большевицкая пресса 1918-1920 полна заголовками, извещающими о «революции в Финляндии», «революции во Франции», «революции в Италии». Каждая забастовка, каждая демонстрация протеста, каждый правительственный кризис рассматривался ими как верный признак полного крушения существующего строя. Ленин надеялся развязать всеевропейскую гражданскую войну еще до окончания мировой. Обладая крайне скудными кадровыми и финансовыми возможностями, он провоцировал мятеж войск и рабочие забастовки как в странах Антанты, так и у ее противников. Но успех ускользал от него, поскольку западные правительства достаточно внимательно следили за такой подрывной деятельностью. Когда война завершилась, перед ним, как ему показалось, открылись воистину безграничные перспективы, особенно в Центральных державах, потерпевших поражение и деморализованных. Зимой 1918-1919, сразу же после падения императорской власти в Германии, Москва толкнула прокоммунистическую группу «Спартак» к открытому мятежу. В марте 1919 — основала Коммунистический Интернационал для организации всемирного революционного движения. Агенты Коминтерна активно действовали повсюду: то в Иране и в Турции, то в Венгрии и Австрии, и многократно в Германии. Но вновь и вновь успех ускользал. Ни в одной европейской стране не удалось разжечь революции. Коммунизм пришел в Европу — по меньшей мере, в ее во-

сточную половину — лишь как отзвук Второй мировой войны, он въехал в нее на советских танках.

Надежды на европейскую революцию достигли пика летом 1920, во время войны с Польшей. Причины и ход этой войны — по праву слышущей одной из самых судьбоносных в истории — даже на сегодняшний день остаются не вполне проясненными. Изучив всю совокупность доступных на данный момент документов по интересующей нас теме, я пришел к выводу, что обе противоборствующие стороны — поляки и русские — готовились напасть друг на друга, не осознавая того, что и будущий противник ведет аналогичные приготовления. Йозеф Пилсудский, глава нового польского государства, который в октябре 1919, то есть в решающий период гражданской войны в России, помог красным разгромить белых, потому что первые представлялись ему меньшей опасностью для Польши, разработал долгосрочную стратегию. Он был убежден в том, что неизбежно настанет день, когда Германия и Россия вновь поднимутся и протянут друг другу руки, чтобы раздавить Польшу. Для предупреждения такой катастрофы он решил создать цепь буферных государств, отделяющих Польшу от России. Звеньями этой цепи должны были, на его взгляд, стать прибалтийские государства, Белоруссия и даже республики Кавказа, а замком, на котором держится цепь, он представлял себе Украину. Пилсудский заключил союз с лидером украинских националистов Симоном Петлюрой, с тем чтобы помочь ему изгнать коммунистов с уже захваченной ими Украины и образовать союзную Польше независимую украинскую республику. Вторгшись на территорию советской Украины в апреле 1920, Пилсудский вовсе не хотел свергать советский режим в России, он преследовал ограниченную цель, а именно помочь возникновению независимого украинского государства пропольской направленности.

Существуют, однако же, фрагментарные и разрозненные доказательства того, что большевики, руководствуясь собственными соображениями, планировали примерно в то же время напасть на Польшу. Я не верю в то, что руководству Красной армии было известно о польских планах вторжения, равно как и в то, что поляки знали о приготовлениях со стороны Красной армии. Большая часть информации о подготовке к такому нападению по-прежнему таится в российских архивах. Но шифрограмма, посланная в феврале 1920 Лениным Сталину, который тогда был членом реввоенсовета Южного фронта, приоткрывает завесу. В ней Ленин спрашивает о том, какие меры предпринял Сталин для формирования «ударного кулака», нацеленного на польскую Галицию. Есть и

другие факты, свидетельствующие о наступательных планах. Они связаны с общим развитием событий в Западной и Южной Европе, где Ленину, с его воспаленным воображением, чудились мощные революционные движения, готовые к вооруженному восстанию и нуждающиеся в поддержке Красной армии. Как я покажу ниже, Ленин воспринял победу, одержанную над белыми, как сигнал к победоносному маршу Красной армии на Запад.

Поляки ударили первыми. Они пошли на Киев, заняли его в начале мая 1920, но вскоре их наступление захлебнулось, а затем они повернули обратно. Украинское общенациональное восстание, на которое они рассчитывали, так и не вспыхнуло; напротив, множество русских, особенно консервативные и националистические элементы, встали на сторону коммунистического режима, рассматривая его отныне как защитника Отечества. Поляков быстро прогнали — и тут встал вопрос, следует ли Красной армии вторгаться на территорию собственно Польши? Троцкий был против этого: англичане предупредили Москву, что если Красная армия пресечет так называемую линию Керзона, отделяющую территории, заселенные этническими русскими и украинцами, от земель, на которых проживают этнические поляки, то Великобритания выступит на защиту Польши. Однако Ленин решил пойти на этот риск. Он был убежден в том, что пришла пора начать победоносный марш на Запад. Российские архивы недавно рассекретили его доклад в сентябре 1920, после поражения Красной армии в Польше, проливающий свет на эти события. Изю всех рассекреченных архивных документов, относящихся к тому времени, этот, возможно, наиболее впечатляющий. В крайне бессвязной речи — даже для человека, которому свойственна была беспорядочность в изложении мыслей, — Ленин утверждает, что после разгрома белых армий, которые, на его взгляд, были всего лишь наймитами Антанты, Политбюро решило, что оборонительная фаза конфликта с капитализмом завершена — коммунизм одержал в ней победу. Настало время перейти в наступление. И Германия, и Англия охвачены социальными беспорядками. Особое значение он придавал появлению в Англии Совета Действия — организации, созданной в августе 1920 конгрессом трудюнионов и лейбористской партией для проведения всеобщей забастовки в том случае, если английское правительство решит оказать военную помощь Польше. Не понимая английских реалий, Ленин был и впрямь убежден в том, что британский Совет Действия был аналогом российских Советов и что, соответственно, летом 1920 Англия оказалась в том же положении, в каком Россия была в феврале 1917. Он говорил о «сотнях тысяч» немецких ком-

мунистов, готовых выступить навстречу Красной армии, вторгшейся в Польшу. Ему виделся неизбежный революционный взрыв в Южной Европе. В другой шифрограмме Сталину, датированной июлем 1920, он писал, что пришла пора «поощрить революцию в Италии», а по пути советизировать Венгрию, Чехословакию и Румынию (РЦХИДНИ. Ф.2. Оп.2. Д.348).

Разгром Красной армии на полях Польши явился, судя по всему, результатом чрезмерной уверенности большевиков в собственных силах. Троцкий настойчиво возлагал ответственность за него на Сталина, утверждая, что тот, будучи политическим комиссаром Южной армии, вторгшейся в Галицию, нарушил приказ, согласно которому эта армия должна была соединиться с силами Тухачевского, осадившего Варшаву. Но судя по тексту ленинской телеграммы, можно предположить, что подлинная миссия Сталина заключалась во вторжении в южные области Центральной Европы и в Италию. Мне представляется, что Ленин решил, будто Варшава и так никуда не уйдет, и армия должна развивать более широкие стратегические цели. Это ошибочное убеждение заставило его совершить еще одну роковую ошибку. Он приказал Тухачевскому выделить из войск, осаждавших Варшаву, сильную ударную группу, включая кавалерийский корпус, и перебросить ее в Померанию. Судя по всему, ему хотелось решить тем самым две задачи: воссоединиться с воображаемыми толпами немецких коммунистов, якобы устремившимися на восток, и заручиться поддержкой немецких националистов, уступив им Польский коридор и тем самым воссоединив Восточную Пруссию с остальной Германией. Оставив Сталина на юге и заставив Тухачевского идти на Померанию еще до того, как Польша была сокрушена окончательно, Ленин создал необходимые предпосылки для так называемого чуда на Висле. Кстати говоря, вопреки широко распространенному мнению, поляки обязаны своей победой вовсе не французам, военную миссию которых они изолировали, а стратегические рекомендации игнорировали.

Поражение в Польше потрясло Ленина. Полагаясь на свои революционные интуиции и опыт, он приказал Красной армии и так называемому Полревкому (Польскому революционному комитету, которому предстояло образовать советское правительство Польши) выдвинуть те же лозунги, какие доказали уже свою эффективность в России, — захватывай землю, бери под свой контроль фабрики и заводы, вешай кулаков и буржуев. Но в Польше эти лозунги не сработали. Позже Ленин жаловался немецкой коммунистке Кларе Цеткин на то, что польские крестьяне и рабочие не пришли на помощь Красной армии, а вместо этого встали

на защиту панства — то есть польских помещиков, — захватывая и убивая отважных русских парней, пришедших освободить их. Здесь он столкнулся с чем-то, чего так и не смог понять, — с совершенно иной политической культурой, нежели та, что преобладала в его собственной стране, — культурой уважения частной собственности и чуткости к патриотическим призывам. Троцкий сказал Чан-Кайши, главе Гоминдана, поддерживавшему в тот период тесные контакты с Москвой, что после поражения в Польше Ленин распорядился, чтобы Красную армию впредь не использовали для непосредственных операций за границей во избежание столкновений с местным национализмом.

К 1921-му всем, кроме самых неисправимых оптимистов, стало ясно, что события октября 1917 не повторятся больше нигде и, следовательно, на неопределенное время революция будет ограничена территорией России и ее владений. Теория «построения социализма в одной стране» была выдвинута не Сталиным во время его конфликта с Троцким, а раньше — самим Лениным.

Столь кардинальная перемена курса имела неизбежные последствия, о которых Ленин заговорил вслух, а Сталин учел в своих действиях. Ленин, судя по всему, пришел к выводу, что раз уж коммунизм восторжествовал в России по окончании и в результате мировой войны, то и его триумф на всем земном шаре станет возможен только после еще одной мировой войны. Разумеется, следовало использовать все революционные ситуации, складывающиеся за границей, по мере их возникновения, но главным образом следовало опираться на построение в советской России неукрушимой современной военной машины для подготовки к этому мировому конфликту. В дипломатическом плане хороши были любые средства для обострения отношений между Германией и странами Антанты. В 1921 Ленин и Троцкий наладили военное сотрудничество на постоянной основе с немецким рейхсвером, предоставив ему тем самым возможность обойти ограничения, наложенные Версальским договором, и предложив организовать производство и испытание запрещенных видов вооружений (танков, боевых самолетов, подводных лодок и отравляющих газов) на советской территории. В обмен на это немецкая сторона предоставляла советской инструкторам в области самой современной военной стратегии и тактики. Это сотрудничество, закончившееся лишь осенью 1933 и сыгравшее огромную роль в модернизации как советской, так и немецкой армий, становится лучше известным только сейчас, после рассекречивания советских архивов, потому что немцы уничтожили большую часть относящейся к данному вопросу документации.

Главной целью советской дипломатии в 1920-1921 и в последующий период стало предотвращение сближения между Германией, Францией и Англией. В архивах я нашел примечательную инструкцию, выданную Лениным комиссару иностранных дел Георгию Чичерину в начале 1922, когда готовилась Женевская конференция. Цель этой конференции, созданной странами Антанты, состояла в том, чтобы устранить наиболее острые противоречия финансового и иного рода, отделяющие их как от Германии, так и от России, и реинтегрировать эти страны в международное сообщество. Общеизвестно, что конференция была саботирована сепаратным договором между Германией и Россией, подписанным в Рапалло, благодаря которому их сепаратные проблемы оказались разрешены. Но ранее нам не было известно, что Ленин умышленно саботировал Женевскую конференцию, судя по всему, из страха перед сближением Германии с ее недавними противниками. Он писал Чичерину, возглавлявшему советскую делегацию в Женеве: «Нам выгодно, чтобы Геную сорвали... но не мы, конечно» (РЦХИДНИ. Ф.2. Оп.2. Д.1, 119). Он советовался с наркомом иностранных дел о том, как добиться этой цели, и просил его возвратить записку на предмет ее последующего уничтожения. Записка, к счастью, не была, как предполагалось, сожжена и позволяет пролить дополнительный свет на подрывную тактику советской дипломатии в послевоенном мире.

Провал попыток экспортировать революцию означал, что возникает необходимость создать стабильное государство и профессиональное чиновничество для управления этим государством. Подобная задача требовала людей совершенно иного типа, чем профессиональный революционер, большую часть сознательной жизни прошедший в подполье. И правда, сам устав партии большевиков гарантировал, что ее члены не занимаются ничем иным, кроме революционной деятельности, поскольку она требует полной отдачи. Соратники Ленина были не способны руководить нормально функционирующим государством, иметь дело с врагами всевозможной писанины, издавать инструкции разбросанным по всей стране партийным ячейкам, назначать чиновников низкого уровня, — все это казалось им невыносимо скучным. Сталин был единственным из числа крупных большевиков, у кого имелись и вкус и талант к подобной рутине. Это и стало решающим фактором его восхождения на вершину власти.

Теперь позвольте мне обратиться к проблеме чиновничества. Советская бюрократия разрослась в таких невероятных масштабах, потому что при коммунизме все без исключения, в чем участвовало двое или больше людей, должно было проходить под

руководством партийных органов. Вся экономика страны, ранее находившаяся, главным образом, в частных руках, управлялась теперь из единого центра; точно так же обстояло дело со всеми общественными институтами, со всеми культурными объединениями, с духовенством, со всем вплоть до самых мельчайших ячеек общества, потому что, будучи опытными революционерами, большевики прекрасно понимали, что самые безобидные на первый взгляд организации могут служить ширмой для политической активности. Это означало создание гигантской бюрократической машины. А поскольку кадры самой компартии явно не подходили для решения такой задачи ни по числу, ни по уменью, — режиму пришлось взять на службу так называемых буржуазных специалистов. За этими затаившимися классовыми врагами требовался столь же жесткий надзор, как за «военспецами» в годы гражданской войны. Такая необходимость обусловила резкий рост численности и полномочий политической полиции, которая, начиная с 1920 и далее, проникла в каждую область жизни страны Советов.

Сталин рано понял, что, прибегнув к принципу материальной заинтересованности, может создать мощный бюрократический аппарат, преданный лично ему. В апреле 1922 Ленин назначил его генеральным секретарем. Ниже я объясню, почему это произошло. Используя это положение, Сталин принялся осыпать милостями верхний слой партаппарата, находившийся в Москве. Он обеспечил ключевым аппаратчикам лучшие жилищные условия, дополнительные продовольственные пайки, поездки на лечение в санатории Запада и т.д. К тому времени, когда Ленин по состоянию здоровья стал вынужденно отходить от дел, а точнее — от повседневного руководства партией и страной, в советской России уже сложилась привилегированная каста партийных чиновников, общим числом от пятнадцати до двадцати пяти тысяч человек, в значительной части обязанная своим назначением сталинскому секретариату. Эта группа, обосновавшись в Москве, становилась все более и более независимой от партийной массы, исчислявшейся на тот момент сотнями тысяч, лишив последнюю права голоса в решении текущих партийный дел, причем не только общенациональных, но и местных — в их собственных округах.

Вначале Ленин плохо осознавал, какой оборот принимают события. В своей работе «Государство и революция», написанной в 1917, он предсказывал, что в условиях коммунизма бюрократического чиновничества не останется: каждая кухарка сможет править государством, а через непродолжительное время люди сами привыкнут к тому, что ими никто не управляет. В январе 1919,

в полемике с меньшевистским историком Н.А.Рожковым, он написал, что предложение Рожкова о том, чтобы Ленин взял на себя диктаторские полномочия для разрешения продовольственного кризиса, является «пустяком», потому что аппарат разросся в такой степени, что им не сможет управлять никакой диктатор. Когда в 1922 Троцкий привлек его внимание к тому факту, что на содержание партийного аппарата уходят десятки миллионов рублей золотом, Ленин вышел из себя от изумления и гнева. Он распорядился провести чистку, чтобы избавить партию от оппортунистов и приспособленцев, однако это не дало ощутимых результатов. В последние месяцы перед тем, как его сознание угасло, он был буквально одержим вопросом о бюрократии, обдумывая все новые способы сократить ее численно и повысить эффективность ее работы. Но результат оказался нулевым. Всемогущая партийно-государственная диктатура, которую он ввел в России, уже зависела от своих собственных слуг.

Третьим фактором, способствовавшим торжеству Сталина, было нарастающее сопротивление коммунистической системе со стороны рабочего класса. На Девятом съезде партии, прошедшем весной 1920, а потом и на Десятом, состоявшемся год спустя, члены партии, остающиеся у станка, высказали серьезные возражения против принятой линии. Они говорили, что партия обюрократилась и что аппарат контролируют партийные интеллигенты, «белоручки», никогда не занимавшиеся физическим трудом и быстро перенявшие привычки царского чиновничества. Они требовали радикальных перемен в этом плане. Каждый партийный функционер, предлагали они, должен по три месяца ежегодно заниматься физическим трудом — в промышленности или в сельском хозяйстве. Постепенно, по мере приобретения опыта рабочими кадрами, управление государственной экономикой следовало передавать профсоюзам. Такие требования выдвинули старейшие рабочие-большевики с партийным стажем, начинавшимся до 1917 и даже до 1905.

Тем самым Ленину был брошен вызов. Ленин всегда терпеть не мог то, что он называл «самодеятельностью», а мы называли бы «демократией». Он никогда не верил — ни до революции, ни после нее — в то, что рабочие сами по себе способны построить социализм или руководить экономикой. В ярости он обрушился на весь русский пролетариат. В обращении к Одиннадцатому съезду партии (1922) он сделал поразительное заявление о том, что в России вообще нет пролетариата в марксистском смысле, а лишь всевозможные лодыри, поступающие на заводы, чтобы уклониться от службы в армии. В ответ на что Александр Шляпников, один

из ведущих большевистских лидеров из рабочих, руководитель так называемой «рабочей оппозиции», взял на себя дерзость публично поздравить Ленина с принадлежностью к «авангарду несуществующего класса». Позднее он поплатился за подобные высказывания жизнью.

Теперь Ленин серьезно беспокоился о будущем партии. Возникновение оппозиции в ее рядах (внепартийная оппозиция была эффективно ликвидирована) предоставляло ему два пути. Он мог согласиться с необходимостью демократизации партии, мог дать рабочим и другим лояльным оппозиционерам право голоса при принятии партийных решений и вообще восстановить те рудименты партийного самоуправления, которые имелись у большевиков до и во время революции. Но проникнутый всегдашним неверием в готовность рабочих согласиться с его типом радикализма, он боялся, что подобные уступки ослабят, а то и сведут на нет революционное рвение, равно как и лишат партию ее величайшего достижения — железной дисциплины и единства. Поэтому он предпочел второй путь: подавление организованного недовольства в рядах партии. На Десятом съезде он заставил соратников принять секретную резолюцию, запрещающую то, что он назвал «фракционной борьбой». Под этим он понимал любую организованную оппозицию курсу, формально принятому руководящими органами партии — Политбюро и Центральным комитетом. Одной из причин, по которым Ленин выбрал на роль генерального секретаря именно Сталина, была его уверенность в том, что тот сумеет подавить любую «фракционную деятельность» и не даст партии сойти со строго ортодоксального пути. Он, однако же, не сумел понять, что Сталин будет рассматривать как «фракционную деятельность» также и любую оппозицию лично себе и своим методам управления. Тем самым были уничтожены остатки демократии внутри компартии.

Троцкий проголосовал за эту резолюцию, преданную гласности лишь год спустя, — и уже в скором времени оказался жертвой налагаемых ею ограничений. Каждый раз, когда он пытался собрать группу единомышленников, чтобы направить партию по другому пути или вступить в конфликт лично со Сталиным, его обвиняли во «фракционной борьбе». И доказывать обратное он мог с великим трудом, потому что сам провозгласил: «Партия всегда права». Это неизбежно означало, что всегда прав оказывается и тот, кто контролирует партию. А история сложилась так, что этим человеком был не он, а его самый заклятый враг.

Сталин все чаще использовал свое положение для того, чтобы назначать на ответственные посты преданных ему лично людей.

Это стало проще после того, как Москва отказалась от выбора первых секретарей губкомов — губернаторов нового режима — местными парторганизациями. К 1922-1923 они все назначались из центра. Почему? Подобная практика оправдывалась тем, что функционеры, избранные на местах, недостаточно заботились об общенациональных делах, подходя к ним с чисто местнических позиций. Поэтому, объяснял московский центр, у него не остается иного выхода, как направлять в губернии администраторов с общенациональным и международным видением проблем. Эти назначения, то есть фактически создание собственной клиентуры — производились Сталиным, единственным из вождей партии, входившим во все три ее центральных органа: в Политбюро, ведавшее политическими вопросами; в Оргбюро, занимавшееся кадровой политикой; в Секретариат, через который шла служебная переписка. Троцкий же входил лишь в один из этих органов — в Политбюро. Таким образом, Сталин оказался в положении вне конкуренции, обеспечив свое восхождение еще до смерти Ленина.

И наконец неизменный личностный фактор. Попутчики коммунизма и коммунисты, верящие в коммунизм с человеческим лицом, начиная с 1953, потратили много усилий, стремясь изобразить Сталина человеком, извратившим образ Ленина и ленинизм, захватившим власть, воспользовавшись ленинской болезнью. В создание этого мифа внес свою лепту и Троцкий, наговорив и написав множество полуправды и прямой лжи относительно своих собственных и сталинских взаимоотношений с Лениным. Его версию событий подкрепила биография Троцкого в трех томах, написанная в льстивом тоне Исааком Дойчером и основанная на очень шаткой документальной базе. Имеются, однако же, достоверные свидетельства того, что, за исключением последних четырех месяцев сознательной жизни — вплоть до марта 1923, когда у Ленина случился последний удар и он лишился дара речи, — Ленин был в дружеских взаимоотношениях со Сталиным, полагался на его суждения и поручал ему все более и более ответственную работу. В то же самое время, в письменных источниках отсутствуют какие бы то ни было доказательства того, что он испытывал личную симпатию к Троцкому. Ленин ценил талант Троцкого и его вклад в дело революции и по этой причине противился попыткам сталинских клеветов Зиновьева и Каменева отстранить Троцкого от дел. Но дружеских отношений у них не было.

Троцкий никогда не пользовался популярностью у старой гвардии большевиков, даже в зените своей славы, когда он возглавлял Красную армию. Он поздно вступил в партию — в июле

1917, всего за три месяца до октябрьского переворота. А на протяжении предшествующих пятнадцати лет он нападал на Ленина и его сторонников в той язвительной манере, которая считалась в русских радикальных кругах признаком хорошего тона. Все это создало ему репутацию оппортуниста. Вдобавок к этому, он не был «командным игроком» и однажды отказался от поста, предложенного ему Лениным. В 1922 Ленин, плохо себя чувствуя и надеясь на помощь, захотел назначить Троцкого одним из четырех своих заместителей. Я видел документ с резолюцией Политбюро по этому поводу: все были согласны с назначением за исключением самого Троцкого, который «категорически отказался». Подобное своеволие было для партии с военной дисциплиной беспрецедентным и непростительным. Троцкий отреагировал на полученное предложение таким образом, потому что он считал данный пост не соответствующим собственной значимости, что, однако же, не помешало ему позднее утверждать, будто Ленин назначил его своим преемником. Кроме того, Троцкий был резок и заносчив. В архивах хранятся результаты голосования на выборах в ЦК, состоявшихся на Десятом съезде партии в 1921, то есть за год до того, как Сталин занял место генерального секретаря. По сумме подавших за него голосов Троцкий пришел к финишу десятым, заметно отстав от Сталина и даже Молотова.

И последним по порядку, но не по значимости фактором, помешавшим Троцкому стать преемником Ленина, было его еврейское происхождение. Троцкий терпеть не мог, когда ему напоминали о том, что он еврей. Стоило кому-нибудь обратиться к нему с просьбой о помощи другим евреям, он впадал в ярость и принимался утверждать, будто является вовсе не евреем, а «интернационалистом». Однажды он сказал, что судьба евреев касается его столь же мало, как судьба болгар. Он находился на Украине в 1919, когда белые и зеленые устраивали там чудовищные погромы. Ни разу он не предпринял ничего, чтобы предотвратить эти погромы, даже когда у него имелась такая возможность, как это было в конце 1920 года, когда красная кавалерия, отступая из Польши, вырезала массу евреев. В октябре 1923, борясь за собственное политическое выживание, он пояснил пленуму ЦК, что отказался от предложенного ему поста заместителя предсовнаркома двумя годами ранее потому, что, хотя его еврейское происхождение не имеет никакого значения лично для него, оно имеет значение для страны в целом, и ему не хотелось давать дополнительные аргументы врагам Советской власти, и без того утверждавшим, что Россией правят евреи. Он добавил, что, хотя

Ленин отмахнулся от этого возражения, в глубине души он вынужден был признать правоту Троцкого.

Все эти факторы не давали Троцкому возможности стать премником Ленина. Сталин же был его полной противоположностью. Остается загадочным то, сколь разительно отличался ранний Сталин на протяжении первых пяти лет существования Советской власти или, по крайней мере, казался отличным, — от того кровавого тирана, в которого превратился позже. «Командный игрок», умеющий стусеваться при необходимости, приятный грузин, приглашавший гостей к себе на дачу попеть, поплясать, повеселиться, он пытался подружиться с каждым, включая даже Троцкого, пока тот не оттолкнул его. Когда Ленин, утратив способность заниматься государственными делами, жил в Горках, Сталин навещал его чаще, чем кто бы то ни было другой. Что же касается Троцкого, то в конце 1922 он расспрашивал, как проехать в Горки, — судя по всему, он там ни разу не был.

Троцкий постоянно бомбардировал Ленина пространными меморандумами, в которых объяснял, сколь многое идет вкривь и вкось в советской России и как исправить допущенные ошибки. Ленин часто нацарапывал на этих меморандумах резолюцию «В архив», — это значило, что никаких действий по выводам и предложениям Троцкого предпринимать не следует. Сталин, напротив, посылал ему лишь кратенькие записки, содержащие разбитые по пунктам предложения относительно того, как лучше реализовать принятые Лениным решения, никогда не оспаривая сами эти решения.

Ленин распознал подлинные амбиции Сталина с опозданием — в конце 1922; а в марте 1923 — незадолго до того, как с ним случился удар, приведший к угасанию сознания, Ленин предложил сместить Сталина с поста генерального секретаря. Но если внимательно прочесть эту знаменитую записку, то что, собственно говоря, в ней сказано? Сталин груб, нетерпим, нелоялен к товарищам, капризен — все это сравнительно небольшие изъяны, присущие ему скорее как администратору, нежели как человеку. Ленин, очевидно, не смог проникнуть в глубь личности Сталина и разглядеть во мраке его души грядущего убийцу миллионов. Ленин всего лишь решил, что Сталин по своим личным качествам не соответствует порученной ему должности. Вопреки этому нежеланию Ленина, именно Сталин, вместе с Каменевым и Зиновьевым, руководил партией, проводил в жизнь ленинскую волю и, за немногими исключениями типа тех, что возникли по национальному вопросу, смотрел на происходящее глазами Ленина.

Я убежден в том, что Сталин совершенно искренне считал себя учеником Ленина, призванным успешно завершить начатое учителем дело. За одним-единственным исключением — убийство товарищей по партии, то' есть преступление, которого Ленин не совершал, — он верно проводил в жизнь ленинскую программу как во внутренней, так и во внешней политике. Он удержал партию от опасностей, связанных с «фракционной деятельностью»; он «ликвидировал» колеблющуюся интеллигенцию; он провел коллективизацию сельского хозяйства, как хотел того Ленин; он подчинил всю экономику страны единому плану; он провел индустриализацию России; он создал могущественную Красную армию; он пошел на сотрудничество с немецкими националистами с целью предотвратить стабилизацию положения в Европе; он помог развязать Вторую мировую войну, выполнив тем самым еще одну из задач, намеченных самим Лениным.

Хотя кое-кто из историков по-прежнему пытается противопоставить «хорошего» Ленина «плохому» Сталину, это различие становится все труднее доказывать, особенно теперь, когда даже в России от него отказались все, кроме самых твердокаменных коммунистов.

Перевод с английского
В.Топорова

«К ТЕБЕ И О ТЕБЕ МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО»

Письма В.О.Лихтенштадта к М.М.Тушинской

Публикация Н.К.Герасимовой и А.Д.Марголиса

Комиссар 6-й стрелковой дивизии Красной армии Владимир Осипович Лихтенштадт-Мазин (1882-1919)¹ погиб 15 октября в бою под Кипенью во время наступления Северо-Западной армии Юденича на Петроград. Два месяца спустя прах комиссара был перезахоронен на Марсовом поле у братской могилы Жертв Революции.

Несколько лет назад нам посчастливилось познакомиться с дочерью жены Лихтенштадта Марией Михайловной Тушинской и ее семейным архивом. При подготовке к печати записных книжек смотрителя тюрьмы Трубецкого бастиона полковника Г.А.Иванишина² мы вновь встретились, и М.М.Тушинская показала нам письма Владимира Осиповича к ее матери. Письма, повествующие об истории любви, которая тесно переплелась с историей Революции.

...Осенью 1904 года в дачном поселке Райвола³ под Петербургом познакомились двадцатидвухлетний студент математического факультета Петербургского университета Владимир Лихтенштадт и восемнадцатилетняя слушательница Бестужевских курсов Маруся Звягина. Через два года молодые люди поженились.

К этому времени Лихтенштадт был уже «техником» Боевой организации ПСР (максималистов), хотя формально так и не стал членом эсеровской партии. Он принимал непосредственное участие в подготовке взрыва дачи П.А.Столыпина и экспроприации в Фонарном переулке — двух крупнейших акциях максималистов, совершенных в 1906 в Петербурге⁴.

¹ Фамилию расстрелянного в 1918 белогвардейцами товарища по шлиссельбургской каторге А.М.Мазина Лихтенштадт взял в качестве псевдонима.

² Минувшее: Исторический альманах. Вып.17. М.; СПб., 1994. С.477-575. Несколько страниц в записных книжках Иванишина посвящены узникам Петропавловской крепости В.О.Лихтенштадту и его жене Марии Михайловне.

³ Ныне пос. Рошино Ленинградской области.

⁴ См.: Былое. 1917. №5/6(27/28). С.212-227.

После ареста 15 октября 1906 Лихтенштадт заявил на одном из допросов:

...в возможность социального переворота не верю, террору большого значения не придаю, а некоторые его формы считаю недопустимыми, тем не менее, считаю террор проявлением мести по отношению к силам, враждебным конституционализму, и сочувствую людям, берущим на себя роль мстителей...⁵

Вместе с Владимиром Осиповичем на даче в Лесном были арестованы его жена и мать — Марина Львовна Лихтенштадт. Супруги оказались в разных тюрьмах. Его письма из «Крестов» адресованы «Ея Высочородию Марии Михайловне Лихтенштадт в Дом предварительного заключения».

В ожидании суда Лихтенштадт провел почти десять месяцев в одиночной камере тюрьмы Трубецкого бастиона. Он не сомневался, что будет приговорен к смертной казни. По свидетельству Г.А.Иванишина, узник «держал себя бодро и спокойно»⁶ и неутомимо работал. Еще на воле он начал перевод с немецкого книги Макса Штирнера «Единственный и его достояние». В Петропавловской крепости закончил эту работу, а затем перевел «Пол и характер» Отто Вейнингера и написал пьесу «Мечты и жизнь», посвященную событиям первой российской революции...

М.М.Лихтенштадт после полутора месяцев пребывания в ДПЗ перевели в тюрьму Трубецкого бастиона (камера №60). Она оказалась рядом с мужем, но переписываться и иметь свидания с сокамерниками было запрещено. 15 марта 1907 Марию Михайловну освободили («за недостаточностью улик»), и переписка между супругами возобновилась.

Военно-окружной суд по делу В.О.Лихтенштадта назначили на 21 августа 1907. Накануне Владимир Осипович пишет жене большое письмо, в котором есть такие строки:

Знаешь, это действительно глупо, что я все о себе. Надо бы именно о тебе писать, потому что через тебя же я буду жить дальше... Я не представляю себе тебя одну; и не представляю ни с кем из людей, которых я знаю... Собственно говоря, я представляю тебя с собой, ну, а если нет, то... И я думаю, такой же должен найтись. Он в одном будет похож на меня, в другом — нет. И ты ему будешь много рассказывать обо мне. Так что я буду жить не только в тебе, но и в нем...⁷

На следующий день суд вынес Лихтенштадту смертный приговор, а 23 августа осужденный пишет Марии Михайловне прощальное письмо:

Примем и это: последнее прощание на бумаге. Знаешь, что значит — последнее? Что приобретено право не думать о буду-

⁵ ГА РФ. Ф.102. Оп.203. Д.10475. Л.527.

⁶ Минувшее. Указ. изд. С.488.

⁷ Цитируемые здесь и далее письма и дневники В.О.Лихтенштадта, для которых не указан архивный шифр, хранятся в архиве М.М.Тушинской.

шем, что оно не имеет больше власти над нами, оно не может уже ворваться и разрушить то, что сложилось, не может изменить прошлого... Значит, решено: я исчезаю и в то же время остаюсь с тобой навсегда... но надо кончать, ибо все надо кончать «вовремя». Помнишь Заратустру? Я был несправедлив к нему. Это большая книга без всяких оговорок. Завтра надеюсь еще взять ее, а пока вспоминаю об этой «смерти вовремя», о том, чтобы всему, что было, сказать — так хотел я! /.../ К тебе и о тебе мое последнее слово.

Владимир⁸

М.М.Лихтенштадт не суждено было прочесть это письмо. Оно было задержано в Департаменте полиции и не дошло до адресата.

После вынесения приговора защитник А.Ф.Бобянский и Мария Михайловна подали прошения о помиловании осужденного. При конфирмации помощник командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа генерал М.А.Газенкампф заменил смертную казнь бессрочной каторгой. О помиловании Лихтенштадту сообщил 24 августа 1907 смотритель тюрьмы Г.А.Иванишин, записавший в тот же день в дневнике: «Он выслушал мое объявление, как мне показалось, вполне спокойно, не проявив никакой радости»⁹.

В семейном архиве М.М.Тушинской хранится обветшалый конверт, внутри которого лежат два коротких письма генерала Газенкампфа к жене Лихтенштадта. Одно из них датировано 18 сентября 1907:

«Теперь пребывают сии три: вера
надежда, любовь, но любовь —
всегда больше».

(1-е послание на Коринф. 13; 13)

Глубоко потрясло меня Ваше письмо, Мария Михайловна: сохраню его на память. Счастлив, что мог пощадить бесценную для Вас жизнь любимого человека, не отступая от долга присяги и согласно с верховным голосом совести.

Сохраните любовь, которая все превозможет. Верьте, надейтесь и эта вера Ваша, да будет с Вами! Благословекье Господне на Вас!

М.Газенкампф

На внутренней стороне конверта рукой М.М.Лихтенштадт сделана карандашная, едва различимая теперь надпись:

Это ты прочтешь после моей смерти — может быть, в этом единственном счастье умереть раньше тебя судьба мне не откажет. Может быть, тебе бросят когда-нибудь, как мне, обвинение в том, что я унижалась и «вымаливала» твою жизнь. Я хочу,

⁸ ГА РФ. Ф.102. Оп.203. Д.10475. Л.177-177а.

⁹ Минувшее. Указ. изд. С.490.

чтобы ты сам судил, сделала ли я что-либо предосудительное, чтобы защитить тогда мою любовь. Куда пропал мой черновик, я не знаю, сохранился ответ, который я всегда вспоминала, когда мне приходила на память фраза — «вы висли на сапоге у Г-фа». У меня и сейчас бьется сердце от этих слов. Я часто думаю, что почувствуешь ты, если услышишь что-либо подобное, и мне казалось, что было, значит, во мне и в любви моей что-то властное, что-то понятное и для тех, с кем не могло быть общего языка.

Скорее всего, Владимир Осипович никогда не видел этих пронзительных строк...

Переписка между супругами продолжалась, но письма из Шлиссельбурга, куда в 1908 перевели приговоренного к бессрочной каторге, приходили все реже и реже. В 1914 Мария Михайловна встретила М.Д. Гушинского, того самого «другого человека», которого они оба не могли представить в 1907... Ей было разрешено свидание с узником каторжного централа для развода. После этого последнего тюремного свидания он записал в дневнике:

4.X.15 г. Сегодня была Маруся: у нее девочка. Я сказал ей — и написал маме, что я рад за нее. Меня все эти годы тяготило, что я приковал и ее к тюрьме, к каким-то ожидаемым возможностям, не давая ничего в настоящем. Какая-то сверхплатоническая любовь... Как странно! Ведь уже года два я очень мало думал о ней — больше скользил мыслью, наше будущее на воле отчасти даже пугало меня — и вдруг такое глубокое ощущение отрыва, одиночества, грусти...

Девять лет заключения В.О. Лихтенштадта в Шлиссельбурге довольно подробно освещены в исторической литературе¹⁰. В эти годы В.О. Лихтенштадт написал книгу «Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение. (Искания и достижения в области изучения природы и теории познания)», изданную в Петрограде в 1922 уже после смерти автора. Он был одним из самых деятельных организаторов тюремной библиотеки, которая к 1917 насчитывала около 10 тысяч томов.

После освобождения в феврале 1917 В.О. Лихтенштадт вновь встретился с Марией Михайловной. К этому времени она уже фактически разошлась с отцом своего ребенка, хотя развод и не был оформлен. Переписка между ними возобновилась и продолжалась до самой гибели Владимира Осиповича.

Осенью 1917 М.М. Гушинская уехала с дочерью в Геленджик. Вернулась в Петроград в начале 1920-х, работала переводчицей, умерла в блокаде Ленинграда в феврале 1942.

¹⁰ Вороницын И.П. Из мрака каторги: 1905-1917. Харьков, 1922; Градский В. Шлиссельбургская каторга // Былое. 1924. №26; Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т.5. Изд. 3-е. М., 1963. С.177-181; На каторжном острове: Сб. Л., 1967; Сквозь время: Сб. М., 1968; Узники Шлиссельбургской крепости: Сб. Л., 1978. С.288-302.

Публикуемые письма Лихтенштадта относятся к маю 1917 — январю 1919. Они позволяют восстановить (либо уточнить) его биографию этого периода. Сразу после освобождения из каторжного централа он стал членом Ревкома Шлиссельбургского порохового завода. В начале июня 1917 отправился на Западный фронт агитатором, но в дороге заболел воспалением легких и полтора месяца провел в Серафимовском госпитале Красного Креста в Минске. Вернувшись в Петроград, работал в комиссии по охране труда и культурно-просветительской комиссии Управы Рождественского района. Когда в ноябре 1917 большевики разогнали Городскую думу, Лихтенштадт примкнул к «Союзу защиты Учредительного собрания», участвовал в конспиративных заседаниях гласных центральной и районных дум столицы...

Письма с полной очевидностью свидетельствуют о том, что в этот период автор был близок к меньшевикам, и окончательно опровергают версию Ю.И.Кораблева о вступлении Лихтенштадта в партию большевиков сразу после освобождения из Шлиссельбурга¹¹.

О последних месяцах жизни Владимира Осиповича известно сравнительно немного. Весной 1918 он принимал участие в экспедиции по спасению конского состава в прифронтовой зоне под Петроградом. Под началом Союза городов весной того же года им была создана земледельческая колония в Александрино (б.имение графа А.Д.Шереметева на старой Петергофской дороге). Колония насчитывала до 90 человек. Хотя дела у коммунаров шли неважно (урожай оставлял желать лучшего), к началу 1919 им удалось добиться расширения обрабатываемых земель до тысячи десятин, создать ферму, конюшню, оранжерею.

С осени 1918 переход на сторону большевиков становится основной темой его писем к М.М.Тушинской. Особенно повлияло на его выбор известие о революции в Германии. В конце 1918 он пишет заявление о вступлении в РКП(б).

Весной 1919 Владимир Осипович принял участие в организации и выпуске первого номера журнала «Коммунистический Интернационал»¹². Летом 1919 ушел на фронт.

Перед отъездом в действующую армию дивизионный комиссар В.О.Лихтенштадт-Мазин написал Марии Михайловне:

Вступаю на этот новый путь, внешне, может быть, «ужасный» для мягких душ, но внутренне самый честный, откровенный и чистый в наше кошмарное время. — Сейчас особенно ярко горит любовь, и я верю, что прав в войне и прав в любви, все-таки прав, несмотря ни на что¹³.

¹¹ Гернет М. Указ. изд. С.181.

¹² Последняя должность — секретарь Петроградского отделения «Третьего Интернационала»; заведующий одноименным издательством — ЦГАИПД. Ф.1728 (коллекция личных дел). Д.290384-2.

¹³ Цит. по копии статьи В.Л.Кибальчича «Владимир Осипович Лихтенштадт в редакции "Коммунистического Интернационала"» (пер. с франц.). Архив М.М.Тушинской. По ее мнению, Лихтенштадт ушел на фронт из-за нетерпимой обстановки, созданной в редакции Г.Е.Зиновьевым.

Переписка В.О.Лихтенштадта и М.М.Тушинской продолжалась с некоторыми перерывами: с 1906 по 1914 и с апреля 1917 по октябрь 1919. Фрагменты писем Лихтенштадта жене 1906-1909 и 1913 были помещены в сборниках, посвященных истории Шлиссельбургской каторжной тюрьмы (см. прим. 10 к наст. статье). Часть публикуемой переписки этого периода хранится в личном архиве М.М.Тушинской, часть в Музее революции в Москве.

Письма публикуются с сокращениями и соблюдением норм современной орфографии. Приносим глубокую благодарность М.М.Тушинской за предоставленную нам возможность обнародовать материалы ее семейного архива и ценные советы, позволившие выполнить эту работу.

21 мая 1917 г.¹

Какой ласковый ветер — навевающий воспоминания и мечты... Сегодня у меня совсем праздник: выполнил только два дела — привез маме² черемухи и — слышал Ленина³. С него, если хочешь, и начнем. Вокруг этого имениросло так много правды и неправды, носитель его стал таким «героем», что невольно представлял его себе крупным и значительным. В действительности же это — очень невзрачная фигурка, небольшой, хотя и коренастый человек, лысый, с мелкими чертами лица, маленькими глазками — тип умного, интеллигентного ремесленника (хотя на деле он, кажется, из дворян). Самое разочаровывающее в нем, это то, что нет в нем ничего вдохновенного и вдохновляющего, трудно назвать его даже фанатиком. Напротив, перед нами очень трезвый человек, рассудочный политик, хладнокровно взвешивающий все доводы за и против. Конечно, его увлекает страстная ненависть к капиталистам, надежда в ближайшем будущем подготовить крушение буржуазного строя, но все же в основе его построения лежит анализ русской действительности и доказательство невозможности иного спасения, кроме предлагаемого им — захвата власти Советами депутатов и т.д. И в анализе этом почти все верно, но до невероятности упрощено и схематично. Забыта вся сложность жизни, забыта психология действующих лиц, забыто самое главное: что сейчас нужно давать прямые ответы на большие вопросы — что делать сейчас, именно сейчас. И так как Ленин не дает таких ответов, то за него дает их масса, дает в своем упрощенном виде, который приводит в ужас даже Ленина... Мне хочется сопоставить три фигуры, трех марксистов: Ленина, Мартова и Церетели, сопоставить их отношение к трагизму переживаемых нами событий. Для Ленина этого трагизма просто не существует. Мартов глубоко понимает его: трагично все — и то, что на долю самой отсталой страны выпали такие грандиозные миро-

вые задачи, и то, что осуществлять все наши внутренние и внешние задачи, развязывать сеть, спутанную буржуазией всех стран, приходится русским социалистам — самым непримиримым из всех социалистов... И вот Мартов делает вывод: не идти в министерство, не принимать участия ни во власти, ни в войне; толкать, критиковать, контролировать буржуазию, но пусть уж она сама расхлебывает кашу, которую заварил. Такой вывод показывает, что трагичность положения Мартов признал лишь на словах... Трагизм и состоит в том, что ноша не по силам, но нет выбора и приходится взваливать ее себе на плечи. Оттого истинный трагический герой — в драме и в жизни — сознательно идет на гибель и гибнет, ценою жизни спасая более дорогие ценности. Где таким героем является группа, партия, класс, народ — дело от этого не меняется. От трагической ноши не отказываются — это поняли Церетели, Чернов и др. Они знают, что, принимая ее, они рискуют потерять много дорогого, более дорогого, чем индивидуальная жизнь, но иного выхода нет...

/.../ Не знаю, будет ли у тебя охота писать, но все-таки черкни пару слов, удовлетворяет ли тебя мое писание и продолжать ли мне в том же духе.

Володя

6 июня 1917 г.

В Минск⁴ прибыли вчера вечером, на вокзале же устроился маленький митинг, говорить пришлось до хрипоты — и опять в том же духе. Те же настроения, те же лозунги, что у нас на Пороховых... Посмотрим, как дальше. А в общем любопытно. Здесь уже чувствуется фронт, даже в тех же нелепых спорах больше дела, больше серьезности. Пишу на станции, когда удастся черкнуть даже пару строк, не знаю. Всего хорошего.

Володя

6 июня 1917 г. Вечером.

Все там же. Пока много пестроты. Впечатления от города сейчас только мелькают — вспыхивают и тухнут: окружает слишком густая политическая атмосфера. Знакомлюсь, собственно, больше всего со спутниками. Чудесная публика, давно не чувствовал себя так хорошо на людях, как здесь. Среди членов Агитационной Комиссии⁵ есть довольно крупные работники — талантливые ораторы и лекторы, организаторы. С иными жестоко сцеплялся, особенно с одним тайным плехановцем. И все же около них как чувствуется моя аполитичность. Жарко и душно... Спокойной ночи, Маруся.

Володя

9 июня 1917 г.

/.../ Думал опять о казаках: возможно, что многие из них — искренние революционеры; но в то же время все они — немного дикари, а как должен действовать на такую первобытную психику тот развал, те центробежные силы, которые с такой стремительностью развертываются то в одной, то в другой области. Взять хоть Украину. Ведь это безумие! Получили все в готовом виде от нас, «москалей», обеспечена им и автономия, и чуть не независимость, они вместо того, чтобы сейчас направить все демократические силы на борьбу с черносотенными гнездами, прочно свитыми как раз на юге, вместо того, чтобы организовать крестьянскую массу, наиболее темную как раз на юге, — вместо этого уже отделяются, уже «не признают» — и тем дезорганизуют движение⁶. Эх-ма! Пестра, даже слишком уж пестра становится жизнь, но зато интересна! Кто же переживал когда-либо такой исторический эксперимент? Когда развязалось такое множество сил и страстей — и бурлит, и кипит, и никто не скажет, во что выльется... Так-то так, но это — глядя со стороны, а что когда сам погружен в поток? Нет и нет. Со стороны вообще ничего не увидишь. Именно изнутри, именно участвуя в работе, в творчестве жизни, и можешь охватить весь процесс со всеми его уклонами. /.../

Володя

11 июня 1917 г.

/.../ Перечел сейчас твое письмо, и хочу отвечать на него. Во-первых, протестую против утверждения, что все с.д. педанты. Во-вторых, ленинство имеет с марксизмом очень мало общего, и даже Плеханов — лучший марксист, чем Ленин. Но оставим марксизм — сейчас не до теории. Сейчас все дело в «работе на бегу», как ты пишешь, но делают эту работу тысячи маленьких людей, а им мешают другие маленькие люди. А наверху все это суммируется столкновением «героев». Кто такой Церетели? Я думаю — самый государственный человек момента: политическая логика, такт и чутье самым счастливым образом уравниваются у него. Но доросла ли наша милая фефела... до таких деятелей, не отбросит ли она их в сторону — это вот и решит работа тысяч маленьких людей. Итак, кто же Церетели? — герой, вестник, хор? — и то, и другое, и третье. Впрочем, хорового в нем меньше, он слишком индивидуален (Чхеидзе — вот тот хор) /.../ Разбить ленинцев, пожалуй, и возможно, даже в Петрограде, но какой ценой.

Даже полная победа означает здесь затяжную забастовку, ряд вспышек и вообще дезорганизацию. И это понимают и Ленин, и Милюков. Но оба они играют и делают вид, что они тут ни при чем. Ленин сейчас опаснее, ему есть с чем играть, он держит курс прямо на диктатуру (Советы не хотят брать власть? — тем хуже для них — придется взять ее нам). Правда, он испугался единодушного протеста против демонстрации⁷ и пошел на попятный. Да и, в конце концов, едва ли ему хочется бойни. Я думаю, он ждет скорее нового и более острого кризиса власти (которому он рад и содействовать), когда власть выпадет из рук коалиционного правительства и никто не захочет брать ее, тогда ее возьмут либо Ленины, либо Гучковы. Но Гучков у власти — это восстание в Петрограде. А Ленин у власти — кое-кто почешется, кое-кто выругается, но восстать не посмеют. И, право, если развал пойдет у нас таким темпом, то Ленин еще окажется нашей последней ставкой. У него не окажется серьезной идейной оппозиции слева, и он не будет поэтому стесняться в средствах, будет терроризировать, будет вести наступательную (хотя бы и «секретную») войну — ну, а там — или общеевропейская революция, или события уберут Ленина со сцены, или — или пропадай Россия... Но именно «последняя ставка», т.е. прыжок в неисследованное: желать и добиваться этого нельзя, наоборот, с этим надо бороться. А бороться можно одним путем — перенять кое-что у ленинства, действовать более решительно; наши министры уверяют, что этому мешают объективные условия; но я думаю, мешает и психология — психология компромисса, желание всем угодить и всех примирить. /.../

Володя

5 июля 1917 г.

Итак, еще одна маленькая революция! Пока у меня самые отрывочные сведения. Здешние газеты — это нечто глубоко возмутительное. Дополняешь воображением, строишь общую картину и почему-то представляется, что все это так и должно было выйти, что большевистские потуги, комитет 15-ти⁸ и т.п. — жалкий фарс и что кончится все это тем, чем должно кончиться: укреплением власти Совета (я имею в виду Центральную Исполнительную Комиссию Всероссийского Съезда Советов + Исполнительную Комиссию Крестьянского Совета) и образованием действительно революционного Временного Правительства. Тут опять старая проблема: мы, социалисты, не хотим захватывать власти, это так; мы хотели бы «толкать» влево буржуазно-демократиче-

ское правительство. Но ведь и слепому ясно, что такое правительство у нас сейчас невозможно — не манекенов же налепить и не выписывать министров из-за границы. Можно привлечь в министерство таких единичных¹ «буржуа», как Некрасов², но руководить министерством могут только социалисты, значит, у них должно быть большинство. Что ж поделаешь! Приходится социалистам брать на себя роль радикальных демократов и выполнять их дело. В премьеры, конечно, с.р. — я бы взял Керенского именно потому, что он — мостик к буржуазии, что он страшно популярен, что его не любят большевики. Это подчеркнуло бы, что министерство не думает осуществлять социалистических целей. Но можно и Чернова. Да, все это разговоры, а что у вас творится, я, в сущности, не знаю, не знаю фактов и узнаю как следует только завтра вечером из «Русского Слова»! А пока «офицерские разговоры» на эту и другие темы. Палата полна: 5 человек (один из прибывших — хулигански-большевистского пошиба), но все в один голос, что армия разваливается и войну надо кончать, что из наступления здесь ничего не выйдет. Опираются на технические и вообще количественные данные, и тут я с ними спорить не могу. Посмотрим.

Да, да «в Россию можно только верить» — это осталось верным и для наших дней, в особенности для наших дней. Но все же, если отвлечься от частных — грязных, ужасных, опасных, — если попытаться охватить взором целое — это какая-то сказка, даже сейчас не верится. И чем бы ни закончилась революция в социально-политической области, колоссальный сдвиг в сфере культурной несомненен. Какую культуру мы создадим — это вопрос другой, может быть, и не очень ценную, но ясно одно, что культура 19-го века — специфические особенности нашей литературы и нашей интеллигенции — что все это кануло в вечность...
/.../

6 июля 1917 г.

Боже, боже, как все-таки грустно и тяжело становится на душе, когда знакомишься подробно со всей картиной. Чего тут только нет — и глупость, и грубость, и хамство, и провокация, и демагогия, и искренний порыв, да не хватит бумаги для перечисления. Но конечная вина и причина все-таки в отсутствии «сильной власти». Без диктатуры в такие времена нельзя. Самая естественная диктатура сейчас — «умеренных социалистов», но до сих пор ими руководит меньшевистская догма не брать власти

в свои руки! Что за доктринерство. И, к сожалению, с.р. стали на тот же путь, и мы вертимся в порочном круге безвластия. Но я не собираюсь мучить тебя политикой (мои письма и то становятся похожими на газетные передовицы, а для тебя ведь газеты наказанием, хотя и неизбывное) — мне просто нужно обменяться парой слов: очень уж пошлое общество окружает меня сейчас. Вчера вечером под разговоры господ офицеров вспомнил общую камеру с сожалением, было больше человеческого /.../

Народные массы у нас недалеко ушли от времени пугачевщины, и если б не организующие силы интеллигенции, у нас пугачевщина и повторилась бы. Хватит ли сил? Сказать с уверенностью нельзя и здесь, как на войне, как в игре. Ставка велика — велико должно быть и напряжение сил. А тут, вместо участия в борьбе, сидишь у окна и изучаешь прохожих — каждый бежит по своему делу, каждый думает о своем. И все думаешь о том хитром механизме, с помощью которого тысячи и миллионы этих «своих» складываются в «общее». Так я жду, а то как-то на полдороге. А впрочем, ты можешь повторить — немного больше, немного меньше... И вообще — роли так легко меняются!

Володя

11 июля 1917 г.

Они не хотят воевать, они могли воевать только из-под палки. Они хотят домой, «на родину», а родина для них — своя деревня, волость, уезд, в лучшем случае губерния. «До нас далеко, немец не дойдет», — говорил один пермяк. «Россия» это для них пустой звук. И мы говорим на разных языках с ними. Кроме палки, на них действует еще гипноз, и если б гипнотизеров было больше, можно бы на время оттянуть развал. Но откуда взять их? Их должен был дать «город», революционный город, который один может организовать распыленную, индивидуалистическую, средневековую по психологии «деревню». Но город — рабочая масса, и интеллигенция (не вся, но значительная часть) до сих пор психологически не может выйти из подполья, из тюрьмы, не может стать на государственную точку зрения. Интеллигенция трезвеет скорее, но ее так мало. Хорошо еще, что ей удалось восторжествовать в руководящих органах, на периферию ее не хватает, тем более, что правое крыло ее, кадеты и К°, вычеркнули себя из работников¹⁰. Это большая потеря, и ты вправе негодовать на них. Тактика кадетов оказалась гибкой только вправо — влево они не сумели приспособляться. А как блестяще могло действовать

Временное Правительство! При гегемонии меньшевиков, не желавших захватывать власть, им нужно было только немножко больше революционности — в языке и действиях — нужно трезво взглянуть на вопросы войны и отбросить утопию «до победного конца», нужно было также трезво присмотреться к психологии масс и рассчитать, что необходимо дать сейчас, что можно оттягивать, — словом, нужно было стать «реальными политиками». И насколько легче это было для кадетов, чем для социалистов. Те, казалось бы, прирожденные политики, им сам бог велел и хитрить, и вилять, и вовремя уступать, и забегать вперед — все, что полагается политику. Социалисты для этого слишком принципиальны. Возьмем один пример: национальный вопрос. Как умело могли бы использовать буржуазные политики пробуждение национального чувства, они могли бы забежать вперед, предложить всем нациям сконструировать национальные органы, вроде украинской Рады, формировать национальные полки и т.д. Ведь все равно, если удастся спасти революцию, Россия будет Федеративной республикой. Социалистам такая политика гораздо труднее, т.к. к национализму они относятся с некоторым недоверием, им приходится бороться со многими его сторонами. То же и в других вопросах. Но как раз кадеты оказались вдруг невероятными докторинерами. Из «Учредительного собрания» они сделали фетиш: не смейте касаться того, что составляет его прерогативу.

В их представлении революция протекает так: акт первый — свалили старую власть, посадили новую, она издала ряд неизбежных «декретов» (законов они сначала совсем не хотели издавать, и это было бы логично) и затем сказала: стоп машина! И политическое, тем более социальное творчество прекращается. Временное Правительство «правит», а народ «управляется», выполняет декреты, выбирает комитеты, работает, воюет и т.д. Акт второй: Учредительное собрание. Да, еще забыл: между первым и вторым актом разрешается еще «думать», как бы лучше устроить землю русскую, как решить вопросы национальный, аграрный и т.д. И вот в Учредительном собрании все эти «мнения» сойдутся, победят сильнейшие и сообразно им начнут издавать уже настоящие «законы», и будет перестраиваться жизнь обывателя, а он будет аплодировать. И так представляют себе жизнь историки, экономисты, психологи — цвет нашей науки, европейские имена! Они забывают, что революция — непрерывный процесс разрушения старых форм и творчество новых, что этот процесс разворачивается одновременно в тысячах пунктов, в центре и на периферии, что главная задача власти — координировать все отдельные его элементы, что во многих сферах, особенно при элемен-

тарной массовой психологии, организация «мнения» неотделима от известных «действий», что новое правосознание вырабатывается всей массой в непрерывном процессе, а Учредительному собранию остается только санкционировать, юридически оформить, связать в одно целое... /.../

13 июля 1917 г.

Когда не участвуешь в битве жизни, невозможно все время скорбеть или негодовать. Иногда эмоциональная окраска совершенно исчезает и опять пытаешься рассматривать нашу революцию сквозь разные умственные призмы. И вот начинаешь утешать себя тем, что, во всяком случае, эта революция совсем самобытна. Уж чего стоит этот брачный союз самой темной во всей Европе массы и самой идеалистической интеллигенции; а наша история сейчас и является равнодействующей этих двух сил — все среднее, все «европейское» затерто между ними, жалкое, растерянное, бессильное. Любопытнейший эксперимент! Беда только в том, что если в вопросах внутренних обе силы действовали, в общем, в одном направлении (интеллигенция здесь разбилась — часть пыталась форсировать движение массы — это анархисты, максималисты, большевики, — другая и большая часть сдерживала это движение, но направление здесь оставалось одно), то в вопросах внешней политики эти силы только разошлись. Масса не хочет воевать, хочет мира на каких угодно условиях. Интеллигенция, даже выбранная той же массой, но ставшая на государственную точку зрения, хочет воевать, хочет заставить воевать и массу, заставить хотя бы штыками и пулями. И этот разрыв грозит тяжелыми последствиями. Помогут эти штыки и пули, еще вопрос, но социалистам они не забудутся /.../

Что будет с войной, как ликвидировать прорыв, что если немцы начнут наступать по всему фронту, а наши побегут, — здесь я молчу — ничего не знаю, мысль кружится все около одних и тех же возможностей и не находит выхода. На карту поставлено все, а исход зависит от стихийных сил. И кто будет подписывать мир, продиктованный нам гордым и милостивым победителем? Керенский, кажется, скорее себе пулю в лоб пустит. Я предложил бы Ленину. Так и написал бы в правительственном сообщении: так как фактически осуществилась программа большевиков, то им временно вручается власть для завершения этой программы — заключения мира. На деле это вовсе не ленинская программа (я продолжаю считать Ленина обманутым фанатиком и думаю, что если

не удастся привлечь лидеров большевизма к суду и обвинить на основании фактов, то ордер об аресте их¹¹ окажется большой ошибкой, последствия которой еще скажутся). Ленинская программа — война до победы социализма во всей Европе, война на неопределенный срок — на год, два, пять, десять... «Долой войну» — двуликий лозунг: Ленин всегда подразумевал (и постоянно разъяснял это) — долой войну, ведущуюся в интересах капиталистов, и да здравствует война во имя социализма, а для этого нужен захват власти социалистами (ленинцами) в России и «сепаратная война» до победы социализма.

Масса пришла бы в ужас от такого плана, но она понимала и принимала только первую его половину, только мир во что бы то ни стало — лозунг, который Ленин объявил мещанским и абсолютно неприемлемым для социалистов. Политическое преступление Ленина в том, что двусмысленные лозунги он бросал в неорганизованные массы, за действия который он никогда не мог бы ругаться. И вот последствия. От ленинства, максимализма и т.п. течений во всяком случае так легко не отмахнуться, они еще сыграют свою роль. Но сейчас о них не думается, сейчас весь ужас — фронт. Но сколько ни думаешь о нем — ничего не придумашь. Все это складывается из миллионов невесомых величин — за и против, и нужно только ждать, куда пойдет равнодействующая. Ждать, ничего не делая! /.../

16 июля 1917 г. — вечером

Отправил письмо и не терпится, хочется еще поболтать, хоть я и знаю, что м.б. раньше увидимся... Да, сколько ни разбирайся в чувствах, правильный анализ приходит только *post facto*. В том письме я ставил вопрос для тебя — или—или, для себя — все или ничего. А теперь видно, что это была аберрация. Что и для меня существует только первый вопрос, а все остальное неважно. Что, говоря проще, это только «ревность». Мы ведь и заговорили об этом в Лесном, но в каких полутонах, каким приглушенным голосом. И ты оставалась для меня загадкой — я не знал и догадывался, и не смел верить. Но потом это вспыхнуло вдруг в такой резкой форме, какой я даже не ожидал. Мне нужно говорить, что у меня не может быть ревности к прошлому, как и к будущему. Но к предполагаемому настоящему — да /.../ А о будущем я не загадываю, где же теперь загадывать. Помнишь, и в 5-м году наши отношения как-то переплелись с революцией. Если б и теперь — иначе и глубже! Мне довольно, если на время войны

и революции мне можно будет называть тебя моей Марочкой, и то ведь издали, и считать себя Твоим Володей.

Спокойной ночи, Марочка, спи спокойно с Дитей¹².

19 июля 1917 г.
(телеграмма)

Буду в Петрограде в воскресенье если не приедешь телеграфируй маме.

Володя

26 августа 1917 г.

Херсонская 27, кв.5

Встречаемся и прощаемся, подводим итоги и начинаем новые периоды... Для меня это не были простые проводы, это было... это было: пути ее усеяны цветами и кровью — красной гвоздикой. А ты ранишь меня все больше, твой поцелуй все длится и вливается все глубже. И любовь моя вступила в полосу откровенного эгоизма: я не хочу теперь, чтобы у тебя «наладилось» с Михаилом Дмитриевичем¹³, у меня опять другое чувство к нему — он стоит у меня на дороге. И я живу надеждой, что ты вернешься ко мне, что ты позволишь вернуться мне по-настоящему. У меня разворачивается новая психология — тогда скорее я отдавался тебе, теперь я готов добиваться тебя, бороться за тебя.

/.../ И иногда мне кажется, ты знаешь даже, что это — сама судьба, что нам все равно не уйти друг от друга — но ты еще боишься, еще колеблешься... /.../

Сегодня продал свою свободу — взял место в Учительском союзе¹⁴. Что и как толком еще не знаю, но 400 рублей; за все время. Не знаю, хватит ли сил, но хочется зарыться в работу, чтобы меньше думать о положении России в целом, чтобы меньше чувствовать, потому что как же мне без тебя чувствовать.

Комната моя почти в порядке, как будто и ничего — в первый раз после тюрьмы свой «дом», — но холодно в нем и одиноко, только карточка твоя что-то обещает, и я верю и жду. Как и когда это будет — я не знаю, но это будет, это должно быть...

Спокойной ночи, Марочка, спокойной ночи, моя милая, дорогая девочка.

Твой Володя

28 августа 1917 г.

Какие исторические дни¹⁵. И каким бессильным чувствуешь себя — такое чувство должно быть у всех, кто непосредственно не принимает участия в «деле». И всем нам приходится с головой зарываться в другое «дело», свое дело... Сейчас у меня самое «деятельное» настроение, ну да и денег надо побольше зашибать. С секретарством в Учительском союзе решено еще не окончательно, но пока я беру место заведующего местным отделением Лутугинского Университета¹⁶, придется работать только по вечерам — вечера три в неделю (150 руб.). Затем взял маленькую работку у Любови Яковлевны¹⁷ (отзывы о брошюрах по рабочему вопросу), наклеивается идея, которую можно бы и самому разработать в брошюру; наконец, остается в запасе Шлиссельбург — наброски об освобождении, Пороховые¹⁸ и прочее... И — работа, не оставляющая времени на думы и настроения. Ах, Марочка, если б еще ты была возле. Ну что ж — мы будем работать, дядя Ваня, мы будем работать — и ждать, и ждать.

Твой Володя

4 сентября 1917 г.

/.../ В общественное я продолжаю верить и буду верить до последней минуты, но обстоятельства сложились так, что непосредственно от политики я оторван. Скоро зареюсь в «культурничество», я думал оставить это на после-революции, да ничего не поделаешь. Да, может, оно и к лучшему, какой же я политик. За зиму могу поучиться школьному делу, а там... — да, где теперь мечты о «домике на Волге» и т.д. и т.д. Нет, уж одинокому надо жить в Питере.

Читаю труды учительского съезда, а мысли совсем о другом. Вспомнилось, как ты сказала — должно быть, мы так уж связаны до конца жизни — не помню слов, но смысл был такой, что неразлучно и *неслиянно*. Но вот тебя не зацепило, а меня — за самое сердце, и у меня не может быть того ровного и спокойного отношения к тебе, какого тебе хотелось бы. /.../

30 сентября 1917 г.¹⁹

Как ты думаешь, будет ли нам смешно читать эти письма лет через двадцать? Что ж, пускай, какое нам до этого дело! Жить, жить и жить! Но может быть, не через двадцать, а уж через два

года? Я не говорю о тебе, я даже не знаю еще, как ты будешь, как ты можешь писать мне сейчас. Но возможно ли писать так, как я сейчас пишу тебе, в течение многих лет? Но я не о том спрашиваю: дело, конечно, не в писании — будь мы ближе, его могло бы не быть; его могут оборвать внешние обстоятельства, как я ни занят сейчас, но работы может еще прибавиться, останется время на «пару слов» в буквальном смысле. Дело не в письмах, дело в жажде писать их, в непрестанном порыве к тебе, в любви. Может быть, эта любовь потому так сильна сейчас, что это все-таки не совсем взаимная и не совсем «удовлетворенная» любовь? Что дойди она до конца, она начала бы спадать, и ее постигла бы судьба столь многих и многих любовей? Я ставлю эти вопросы, и мне смешно, но я не боюсь ставить их, не боюсь опозлить ими свое чувство, настолько оно переросло их. Еще в Минске, в стадии нарастания чувства, я отвергал «несчастную любовь», я включал в нее непременно и пол, и семью. Как все это далеко! Я никогда не стану ни певцом платонической любви, ни ненавистником пола — и пол, и семья — огромные, несоизмеримые ценности, но как можно сопоставлять их с любовью, с этим полным возрождением, с этой жизнью жизни! Пойми, Марочка, что в этом чувстве нет и не может быть ни тени неудовлетворенности, что это солнце без пятен. Я не говорю, что это всегда так будет. Может быть, многое зависит тут не от чувства, а от иного — от быстроты моего развития. Может быть, когда я больше установлюсь, «стану большим» (как говорят маленькие дети), я опять начну ощущать «недостаток» в семье и поле. Но пока я развиваюсь и расту, этого, я думаю, не будет, и ты даже на расстоянии будешь давать мне наивысшее блаженство — и на любви нет пятен! /.../

18 октября 1917 г.

/.../ никакой «пролетарской культуры» нет и быть не может, возможна культура социалистическая, которая сейчас является нашим идеалом и которая может развиваться только после уничтожения капитализма, но в пределах буржуазного строя и возможна только буржуазная культура со всеми ее достоинствами и недостатками — культура, богатая накопленным опытом и достигнутыми ценностями, притом культура не застывшая, а развивающаяся ускоренным темпом, переживающая ряд революций во всех своих сферах, культура, которую пролетариат не только не может отбрасывать, но к которой он должен еще приобщиться. Приобщившись к ней, он, конечно, внесет в нее немало нового,

разобьет иные старые ценности, создаст новые, но сейчас об этом нечего еще и думать, сейчас пролетариату надо засесть за азы и не обольщать себя надеждами, что он в области культуры окажется новым Коперником, не приписывать себе заслуг, которые принадлежат горсточке социалистической интеллигенции... Если культура в широком смысле есть достояние всего народа, то искусство и особенно наука, художественное и научное творчество принадлежит и будет принадлежать столь ославленной в наше время «интеллигенции» — все равно, буржуазной, пролетарской или крестьянской. И если часть нашей интеллигенции продолжает заниматься самоупраждением, то она тем самым вычеркивает себя как члена царства культуры. Культура не погибнет от этого, она будет развиваться и дальше усилиями всего народа и его особого культуротворящего органа — интеллигенции, в пределах этой интеллигенции, как и в пределах всего народа, будет вестись горячая борьба в различных направлениях, но критерием «истинности», «рациональности», «удобства» того или иного течения, принципа, приема будет не его буржуазность или пролетарность, а именно его истинность, рациональность и т.д., а в области науки конечным судьей останется «интеллект», в области искусства «вкус» /.../

23 октября 1917 г.

Сегодня понедельник — день сенсационных слухов: выступают большевики, подступает немец, бежит армия, [остались] без хлеба... И хуже всего то, что все это уже почти действительность, что ничем уже не удивишь. О большевиках мне трудно сейчас судить — я стою в стороне от всей этой толчеи. Думаю только, что если бы они серьезно захотели захватить власть, им не нужно было бы готовиться к восстанию — серьезного сопротивления они бы не встретили (во имя чего стали бы защищать нынешнее правительство широкие массы?) и легко захватили бы власть. Думаю также, что в Питере при их диктатуре стало бы не хуже, а кое в чем даже лучше, чем сейчас. Но что они сделают с Россией? В городах они смогут хоть отчасти осуществить диктатуру — во всей стране доведут до последних пределов анархию и полетят — хорошо, если не вместе со страной — в бездну. Если бы знать, что страна сохранится, этот опыт был бы даже желателен. Но как знать?... /.../

27 октября 1917 г.

/.../ время подлинного безумия и ужаса: безумие уже налицо, ужас еще впереди — ужас внешний. А внутренний все время не выпускает из когтей: что делать, что делать? Винить себя в оппортунизме, в близорукости, в интеллигентщине, не себя, а целые группы и церетелевщину, и дановщину, и мартовщину, и в то же время, перебирая детали прошлого, убеждаешься, что ничего другого нельзя было сделать. Очевидно, нам суждено пройти и через это, но с чем мы из этого выйдем? /.../

28 октября 1917 г.

Трагикомедия, кажется, подходит к концу, хотя конец-то и может быть страшным /.../ еще не так поздно, попробую рассказать о Смольном — 25-го я не выдержал и пошел в Смольный. Весь день шли фракционные совещания и переговоры. Было уже ясно, что разрыв с большевиками неизбежен, что они закусили удила и несутся в пропасть... Я не буду описывать хода событий — ты знаешь из газет. Самым интересным были для меня — вожди, Ленин и Троцкий, особенно последний. Внешность Ленина меня сначала поразила и разочаровала; Троцкий — такой, каким и должен быть. Тип еврейский (но не очень), еврейско-испанский: крупные черты лица, высокий лоб и богатая шевелюра, нахмуренные брови и пронзающий из-за очков взгляд, орлиный, скорее ястребиный нос, мясистые, чувственные, красные губы и [нрзб.] черная тройка — усы и эспаньолка; голос немного резкий и «узкий» (без богатого тембра), но отчетливый, громкий, властный и гибкий, с южным акцентом. Хорош? Жаль, что я не видел его на митингах, на лекциях, где он, говорят, носится взад и вперед по эстраде, словно ловит мысль, набрасывается на нее и заражает ею толпу. На съезде он был, естественно, спокойнее. Теперь внутреннее: самое главное — он сам не горит! Этот, как и Ленин, не энтузиаст, которому многое прощается за его великую любовь и великую ненависть. Ленин не горит и не зажигает, это — маньяк, энтузиаст идеи, во имя ее готовый погубить весь мир. Он действует на массу своей холодной, узкой, упрощенной логикой, с которой он вколачивает в нее свои идеи. Троцкий не горит, но зажигает, нужно видеть, как он действует на толпу! Это великолепный актер, честолюбец и властолюбец, любитель сильных ощущений, широких жестов, больших пожаров, он будет поджигать и любоваться и самолюбоваться. Без этих двух движение не приняло бы таких

форм. Маньяк, готовый ради социального эксперимента (в мировом масштабе!) погубить родную страну, дал идею и ее обоснование, актер придал ей блеск, влил в нее душу — драма подготовлена, занавес поднят — слушайте и любуйтесь... Таковы герои. Толпа? Толпа, как толпа, т.е. некультурная; больше молодежь, много славных лиц, особенно среди матросов... Поражало одно: для верующих свершилось ведь событие мировой важности, происходил ведь неслыханный переворот, крушение всего старого мира и рождение нового; и вот никакого подлинного энтузиазма и никакой глубокой серьезности — так, обыкновенный митинг... Как странно было присутствовать при этой литургии неверующему. Минутами, особенно к концу, когда одолевала усталость, даже хотелось поверить, поверить в чудо — не заражала вера других, в первый раз за время революции не заразило пение похоронного марша, и хотя ничто не мешало присоединиться к поминкам по павшим, хотя бы и в безумном бою, но не раскрывались уста и ощущалась невозможность на чем бы то ни было объединиться с этими людьми. Но уже вырастал мучительный вопрос: что делать, когда откроется война между двумя станами — большевиками и «корниловцами»? Моральная сторона вопроса: большевики ведь все-таки свои, родные даже в своих ошибках и безумствах (я говорю о большевистских массах), как поднимется на них рука? И утилитарная, политическая сторона: если борьба с большевиками примет острые формы, если победа над ними будет решительной и жестокой, если реакция против большевизма пойдет далеко, волна захлестнет и всех нас и всю революцию. А между тем нельзя сложить руки и смотреть со стороны на единоборство. Необходимо сплотиться и бороться с захватчиками, оказывая им и пассивное, и активное сопротивление.

29 октября 1917 г.

/.../ я... боюсь кровавого подавления большевистской авантюры, я также не могу приложить к ней руку... и... не только чувством, но и разумом против решения спора оружием. Единственно правильный метод — это полная изоляция большевизма, лишение его той атмосферы государственно-общественного сотрудничества и сочувствия, без которой он должен задохнуться. И он уже задыхается, но конвульсии его могут еще натворить много зла. И почти не веришь в «мирный исход», смотришь на него, как на чудо. Если бы он пришел, мы извлекли бы много пользы из большевистского эксперимента: он надолго отшил бы

охоту у масс идти за безответственными крикунами, обещаниями на завтра.

25 ноября 1917 г.

/.../ Все как-то гадко, неустроено, миллионы мелочей обволакивают со всех сторон, преследует такое ощущение, будто что-то забыл или потерял (да, впрочем, и действительно теряешь: на одном собрании обменял свои великолепные калоши на такую рвань, что на днях совсем развалятся).

Управа²⁰ осточертела окончательно, да и все мы там только и ждем, чтобы нас наконец упразднили. Но пока приходится работать и над глупостями. Сейчас изволь, например, организовать детские праздники во всех школах в честь открытия Учредительного Собрания. Я понимаю — в нормальных условиях — пусть этот день запечатлется в умах детворы на всю жизнь. Но сейчас, когда м.б. Учред. Собр. не будет, когда, во всяком случае, даже в созыве и работе его не м.б. ничего радостного, сейчас вмешивать детей в политическую борьбу? Но отцы порешили, и вот даже завтра, в воскресенье, нужно возиться с этой ерундой, впрочем, мне лично только с бесплатными завтраками: пусть разок покушают. А все-таки — скорей бы конец этой игре, и за работу. Хотелось бы иметь сейчас вполне нейтральную работу — библиотечную лучше всего. А потом подумаешь, ведь и сюда могут вторгнуться наши башибузуки, начнут искоренять «буржуазную литературу», и придется охранять книги, как сейчас охраняешь учреждения. Спокойной ночи, Марочка — не жду и не надеюсь, но люблю, люблю, люблю---

Володя

28 ноября 1917 г.

/.../ Целый вечер дома. Затопил печь, завалился на диван, решил сначала почитать Блоса²¹ (так давно не брал в руки книгу), потом писать тебе... Почему Блос и вообще о Французской революции? Хочется убедить себя, что бывало и хуже, и что большевики еще агнцы в сравнении с героями великой революции. Да, так вот — выпил чаю, только хотел писать тебе, как пришел Михайлов²² и затащил меня в Смольный — узнать, есть ли у арестованных продукты и в случае нужды достать их. Оказалось, что о Шингареве и др. генералах позаботились родные, что всех арестованных сейчас перевозят из Смольного в тюрьму²³ и, главное,

что «всем дают все необходимое» (как все тюремщики похожи друг на друга и так же «жалеют», и так же расшаркиваются — это, конечно, один из типов тюремщика). Но тут же выяснилось, что двум арестованным сегодня в 4 часа девицам (одной лет 17-18) не давали ни есть, ни пить, а сейчас тоже хотят везти в Смольный (арестовали их за расклеюку воззваний Лиги Защиты Учредительного Собрания)²⁴. Ну, конечно, мы отправились добыть им хлеба, чая, сахара и т.д. — отнесли, взяли у них письма, дали денег — знакомая история. Вот уж действительно — от тюрьмы не зарекайся на матушке-Руси... Сейчас я вернулся, еще нет 12-ти, но сегодня хочу, наконец, выспаться. Надеюсь, что в Управе доживаем последние дни, послезавтра должна быть выбрана новая Центральная Управа²⁵, тогда или нас попрут, или мы сами уйдем. Поскорей бы. Что-то долго нет писем от тебя. Спокойной ночи, родная. Целую.

Твой Володя

30 ноября 1917 г.

/.../ Сегодня наша Управа удостоилась чести находиться несколько минут под арестом: новый комиссар пришел за делами, которые старый унес в Управу, и, зайдя, оставил красногвардейца с требованием никого не выпускать: конечно, их обоих сейчас же выставили, у нас все это комично. Серьезнее с Центр. Думой и с Учред. Собр. Придумали ловкий маневр: разогнать У.С. — рискованно, проще арестовать всех «врагов народа», всех кадетов и более рьяных и видных оборонцев — тогда У.С. будет большевистским (левые с.р. тоже большевики и самой дурной марки) и можно будет кричать «да здравствует Уч.С.» (пока это лозунг — контрреволюционный)... Да, да. Все это так. Но когда вспоминаешь спиновский лозунг «не удивляться, не возмущаться, но понимать» — ход мыслей иной. Пусть провокаторы, негодяи, немецкие агенты, честолюбцы, пусть террор и насилие, но в основе лежит ведь действительное «восстание низов», и восстание не менее, а более крупное, чем разиновщина и пугачевщина. Веками пригнетенная масса почувствовала, что цепи спали, ярма нет, и стала разрываться и мстить угнетателям и их защитникам. А разве мы не «защитники». Разве не твердили мы все время, что по объективным условиям ярма снять нельзя, что там, где масса зарвалась, история вгонит ее обратно, и не одно поколение будет еще отрабатывать барщину на всемогущий капитал. И не все ли равно рабу, заинтересован ли я в таком «оправдании рабства» или я говорю как историк, экономист, психолог. Мы для него одна

контрреволюционная масса, и психологически я его оправдываю. Как-нибудь еще вернемся к этому, сейчас не хочется задерживать письма. Несмотря на все, чувствую себя очень бодро, часто ощущаю прежнюю внутреннюю улыбку о тебе. Будь здорова, Марочка, целую, жду писем.

Твой Володя

3 декабря 1917 г.

Комиссии, совещания, съезды... Думы и управы доживают последние дни — скорее бы конец. Завтра общее собрание наших служащих, вечером — межрайонное совещание представителей всех управ и всех коллективов служащих (и я представитель от нашей коллегии). Послезавтра и в среду еще окончательные заседания дум и т.д., значит, до четверга будет еще тянуться эта канитель. Благо Спасской управе, которую просто разогнал местный Совет, наш Совет, к сожалению, более корректен и не хочет нас трогать. Но приостановка работ все равно неизбежна, раз Центральная Дума и управа в руках захватчиков...

/.../ За кого голосовать? Как странно звучит сейчас этот вопрос. Четыреххвостка отменена²⁶, всеобщее избирательное право — буржуазный предрассудок, все «избранники», не солидарные со Смольным, будут так или иначе изъяты скоро в самом радикальном смысле, ибо наши робеспьерики уже грозятся гильотиной. Да, история повторяется... Меня мучает сейчас только вопрос о времени: неделя, месяц, год. Это — как в начале войны, когда большинство было уверено, что она кончится через 3-6 месяцев. Я был тогда пессимистом, остаюсь им и теперь, и жду большевистского конца месяца через 2-3, даже больше. Это один вопрос. Второй, что останется к тому времени от России — так страшен, что подменяешь его другими или совсем отгоняешь от себя.

Хотел отвечать на твое предыдущее письмо, на вопрос, что же такое большевизм, но уже поздно. Только одно, «большевизм» — это, конечно, не просто предательство, хулиганство, подлость и глупость. Это в основе своей — своеобразный синтез двух течений: 1) нашего интеллигентского максимализма: тут и радикализм, и нигилизм, и неприятие мира, и неприятие государства и т.д. и т.д. и 2) той солдатской психологии, которая создалась в итоге неслыханного трехлетнего экспериментирования над крестьянской массой (никогда ведь раньше не создавалась 12-миллионная армия).

Сейчас ужасы гражданской войны пространственно ближе к тебе, чем ко мне: Ростов, Киев, Одесса... /.../

12 января 1918 г.

Совсем неблагоприятно усаживаться в двенадцать с половиной часов после настоящего рабочего дня и перед таким же днем за письмо. Но сегодня я получил твое чудесное письмо от 13/ХІІ с призывом быть сильным и верить, и бороться — как оно кстати сейчас! А завтра едет товарищ на Кавказ, надо воспользоваться случаем и сократить путь, надеюсь, что письмо это обгонит другие.

/.../ Теперь главное, для чего я начал письмо. У вас и сейчас, наверное, больше слухов, газет, верно, нет и т.д. Попробую опять выслать кое-какие («Дня»-то уж больше нет!²⁷), а пока постараюсь набросать общую картину. Зародившаяся в Питере большевистская волна катится все дальше, захватывает новые области — о победах на юге ты, верно, знаешь, но здесь, в исходной точке, наступил уже перелом. «Обыватель» давно уже озлоблен против большевиков. «Хвосты» готовят Смольному голодные бунты; в солдатской массе пестро: есть разбойно-торгашеские полки, которые восстают против большевиков, только когда те начинают применять к ним репрессии; есть усиленно закармливаемые полки; есть приведенные с фронта, гордящиеся тем, что они еще не разложились, и не желающие вмешиваться в политику, но в общем солдаты уже сейчас ненадежная опора Смольного. Еще хуже в рабочей среде. Здесь быстро растет решительная оппозиция, пробуждается сознание, что большевистская политика разрушает и промышленность, и весь хозяйственный организм страны, и не в силах выполнить ни одного из обещаний. Есть районы, которые нам — с.р. и меньшевикам — уже удастся «завоевывать», но, к сожалению, кое-где массы уходят от большевиков к анархистам. Или просто проникаются обывательской озлобленностью на все и вся, погромными настроениями и т.п. Это — в низах. А вверху — с одной стороны Смольный, то наглеющий, то теряющийся, с другой — Учредительное Собрание, наш Союз²⁸ и вообще все «социалистическое» (не пишу «кроме большевиков», ибо сейчас они сами исключили себя из социализма). Кадеты сейчас как бы не существуют, и сами они сжались, и их не очень зовут. Зато большевикам удалось то, чего не удавалось ни царизму, ни войне, ни революции (февральской): создать единый революционный фронт, сплотить всех между большевиками и кадетами. В межпартийных совещаниях царит трогательное единодушие между Мартовым и Брамсоном²⁹, издаются общие воззвания, замышляется общая рабочая газета — что печатается в с.р. типографии, отвозится на меньшевистский склад и т.д. К сожалению, работа становится

все труднее, приходится прибегать к старым методам, но это придает еще больше задору — и в нашей среде, в среде партийной, занятой делом интеллигенции нет уныния, нет хныканья, есть разные настроения, есть оптимисты и пессимисты, но это не мешает работе. /.../

29 января 1918 г.

/.../ «Со своей стороны» прекращаем состояние войны, не подписывая мирного договора³⁰! Что-то совершенно неслыханное в летописях истории, противное и смыслу человеческому, и всему вообще человеческому... И тем не менее — это лучше подписания мира, это менее позорно и это лучше для будущего России. Конечно, немцы «со своей стороны» могут не прекращать войны, т.е. воевать-то не с кем, но они могут без боя захватить еще не маленький кусок России. Но это они могли бы и сейчас, ибо армии у нас давно нет. Едва ли они пойдут слишком далеко вглубь страны, едва ли им нужен голодающий Петроград. Словом, ужасно и противно, но на фоне всего ужасного и противного, и на фоне всех еще худших возможностей этот оригинальный мир еще не худшее. Строят разные предположения, говорят: теперь уже несомненно, что большевики получили от немцев хороший куш и писали этот акт под их диктовку. Я не верю. Не верю вообще в этот «куш» и не допускаю даже мысли, чтобы здесь была хоть капелька немецкой инспирации. Это — вполне самобытное творчество, здесь все — российское, это — всеобщее, равное, прямое и явное дезертирство, санкционированное властью. И я думаю, у этой власти примерно такой расчет: захотят немцы прихватить еще десяток-другой городов — все равно захватят, позору для бегущей «армии» еще прибавится, лучше скорее разогнать этот сброд, если удастся организовать «Красную Армию» (что она сейчас боеспособнее солдатской армии, это несомненно), если под влиянием нового немецкого вторжения скуется хоть какой-нибудь патриотизм (как странно сейчас звучит это слово, словно века прошли с тех пор, как мы брали его в кавычки и произносили «потретизм»), можно вновь объявить войну, никакими договорами мы не связаны. Такова, я думаю, большевистская логика. На сегодня довольно.

Спокойной ночи, дорогая.

Целую.

Твой Володя

6 марта 1918 г.

Сейчас едем — тысяча мелочей и все отрывают. Вчера Михайлов спешно вызвал к себе по делу, а там уговорил пить чай — со всякими сладостями (у него всегда всего пропасть — тратит уйму денег). Пили и хоронили Россию (чем иным могут сейчас заниматься 5-6 интеллигентов за чайным столом?) А хотелось вчера написать много. Что солнце уже совсем весеннее, небо голубое, текут ручьи, и уличная толпа, как всегда весной, словно все стали лучше, ближе к природе, и забываешь все кошмары и хочется улыбаться. Выкупил твое кольцо (писали, что скоро прекратят выкуп золотых вещей) и иногда надеваю его. Идет Михайлов, едем, до свидания!

Целую

Твой Володя

16 марта 1918 г.

Последний день «работы» — ликвидируется она даже скорее, чем думали: главная причина — прекращение притока лошадей. Складываем монатки, и в Питер. Приехали, на шумели, истратили кучу денег (правда, столько же вернули от продажи лошадей, да еще пригнали в Питер около 2000 лошадей), и на попятный. Очень глупая — в общественном смысле — авантюра. В личном же — очень милая. Ел как никогда — всего вдоволь, везу маме молока, хлеба, муки, масла. Жалованье получил за целый месяц: неловко брать, но берешь. Что дальше? Пригревает весеннее солнышко, текут ручьи, пьянит воздух — хорошо бы в деревню. Если б не мама, дернул бы куда-нибудь подальше — зовут в Сибирь, теплая компания, есть деньги, земля. Ну, пусть хоть поближе, пусть в Островках³¹ /.../

Твой Володя

17 марта 1918 г.

/.../ Что вы знаете о нас? Газеты, конечно, не доходят? Я послал бы тебе целую пачку, да неудобно занимать место в чужом багаже. Вложу пару вырезок, хотя к чему? Вот Горький — умело и метко — и много прежнего Горького, но есть и новое — новое для всей русской интеллигенции: конец народничества. Но нужно ли повторять все это, мы так хорошо это знаем и так давно знаем, и так безнадежно знаем... М.б., найду рассказ о шести расстрелянных³², но ты, верно, знаешь, и это было вчера, а сегодня —

рассказ о пятистах убитых (в Глухове³³), а завтра о пяти тысячах... Страшны не цифры, страшна даже не психология этих зверей. Страшно то, что кроме этой психологии не осталось ничего активного, общественно-активного. Из всех пор лезет человек-зверь — грязное насекомое, знающее только свои грязные инстинкты, и иной раз становится так тошно, что думаешь: пусть большевики, пусть немцы — так им (Им!) и надо, все равно ничего не спасешь.

Ну, это, конечно, мимолетное. Но верно то, что тяжело работать сейчас в какой бы то ни было общественной организации. На пространстве того, что было когда-то Россией, идет колоссальный дезорганизаторский процесс, распадаются не только скороспелые связи, завязавшиеся во время революции, распадаются и прежние связи, разрушаются все общественные ячейки, и этому процессу суждено, видно, завершиться лишь тогда, когда останется человеческая пыль: клочок земли — изба, человек; рядом другой клочок — снова изба — снова человек, и каждый тащит все, что можно в свою избу, и вступает с другими лишь в деловые, торговые отношения. Какой-нибудь местный, чисто хозяйственный орган, из крепких мужичков, какая-нибудь шаткая политическая власть в центре областей, наконец, «верховная» власть в центре — игрушка международной игры, международной политики и торговли.

/.../

8 сентября 1918 г.

/.../ А «вокруг» вот какие хотелось бы отметить моменты: во-первых, как большинство культурных работников, сначала ставших на дыбы по поводу «пришествия хама», — и мне пришлось просто учесть факт его устойчивости и «приспособиться». Но интереснее второе: при всех бесчинствах и неистовствах большевизма, а они все растут, и трудно определить предел их роста, я внутренне все менее восстаю против них, я все больше объясняю их, и я совсем не способен был бы примкнуть к движению, направленному на свержение большевистской власти. Не способен потому, что убедился в ее действительно рабочем характере, а уже с рабочим движением, какое бы оно там ни было, я внутренне связан неразрывно, не способен и потому, что после падения большевиков вижу теперь один беспросветный мрак...

/.../

13 сентября 1918 г.

/.../ Когда приходится сталкиваться с каким-нибудь ярким противником большевизма, противником, который противопоставляет большевизму «доброе, старое время» и «культурное государство», меня берет злоба, и если нужно было бы выбирать, я предпочел бы большевизм. Но выбирать не необходимо — я просто не приемлю ни того, ни другого — ни детской игры большевизма, ни того «культурного» строя, который придет после большевиков. Но во всяком случае все глупости и ужасы нынешнего строя не примирят меня с глупостями и ужасами западной «культуры», с ее угнетением классов и личности, с ее мещанством и безумным расточением производительных сил. И если наш большевизм — детище всей нашей прошлой истории, всех наших прежних грехов, плюс мировая война, то эта самая война — детище этой западной «культуры» и детище несравненно более чудовищное. Только ко всем этим глупостям и ужасам современной культуры, как мирного, так и военного времени, мы основательно привыкли, в них мы видим свою логику, свой «разум», а наш российский коммунизм поставил многое вверх ногами — он поражает воображение, это какой-то абсурд, какой-то дикий сон для нашей «европейской» мысли /.../

20 сентября 1918 г.

/.../ кончится тем, что мы, «мечтатели», совсем перейдем к ним, м.б., в момент их падения. Что же! Они родные нам братья, их грехи — наши грехи (оттого мы так ненавидим их), в конце концов, все было так, как и должно было быть, иным путем этот клубок политических, экономических, психологических нитей распутаться не мог /.../ Иной раз мне представляется, что, отрекаясь от большевизма, мы отрекаемся от всего русского, от большой страницы нашей истории — от Толстого и Достоевского, от Бакунина и Герцена, особенно Герцена с его «Письмами из Франции и Италии» /.../

30 сентября 1918 г.

По городу ходят тревожные слухи, что близок час падения большевиков. Я не верю им, это не в первый раз, но какую тревогу они вызывают! И вот тут, в минуту, быть может, еще не настоя-

щей опасности, чувствуешь, что в сущности уже стал большевиком. И нечего скрывать это от себя... и в минуту настоящей опасности придется записаться в партию и пойти сражаться. /.../

10 ноября 1918 г.

В Германии революция! /.../ И кто осмелится утверждать теперь, что большевизм не сыграл в этой революции роли и немалой роли? Кто и сейчас останется твердокаменным, слепым и глухим книжником и будет твердить о невозможности социальной революции, о большевистской аванюре (недурная «авантюра» от Урала до Рейна!!)? Для меня Рубикон перейден — я с большевиками, я — большевик! Надорванный, правда. Ибо нельзя забыть борьбы с большевизмом и нельзя простить. Я человек старой психологии и понятие «искупления» всегда сохраняет для меня силу. Как возможно было бы вступить сейчас в партию, повести обычную работу, выступать с речами: «мы звали вас, мы говорили вам» и думать: ты говоришь как раз обратное, ты не был тогда с живыми силами пролетариата, ты шел в рядах его противников... Нет, это невозможно. Есть хороший выход: армия. И как всегда при моей многомотивности тут сходится многое: желание отдохнуть, переменить обстановку, подвести итог мечте о «доме» (шаблонный способ? — да, да, во мне много шаблонного). Но надо отдохнуть и до армии — для этого надо найти заместителя, отказаться совершенно от имения, отказаться и от «заведывания» колонией, оставить в покое и сельскохозяйственную школу. Остаться чем-то вроде комиссара колонии, «устроиться» наконец, иметь свой угол, правильно питаться, закаляться физическим трудом, учиться стрельбе, верховой езде. Приобщиться немного к политической жизни. Читать, писать, видаться с людьми /.../

Скорее к жизни и в жизнь — еще можно жать, можно гореть, можно бороться и погаснуть за великое дело — самое хорошее, что мне осталось.

«Не удалась жизнь...» В самом деле: умеренность и аккуратность в гимназии — заигрывание с политикой и с декадентством, в университете — игра в революцию, игра в любовь; притча о невесте, прозевавшей жениха: хотел связать свою жизнь с рабочим движением и проглядел его, когда оно стало ворочать горами и зажгло мировой пожар... И все-таки: что-то есть, что протестует и выпрямляется, и говорит: мы еще поборемся, еще загорится моя звезда, хоть на миг, хоть в последнюю минуту /.../

7 декабря 1918 г.

/.../ Началось с радостного чувства, с упоения победами социализма, революции, был при этом элемент горечи: я был слеп, я был в стороне, даже против, но эмоционально этот элемент не был замечен. Я стал большевиком, стало свободнее после такого решения. Но события стали разворачиваться, меня потянуло туда, в гущу жизни, и вот тут все острее стала чувствоваться моя «измена».

Объективно она так же понятна, как измена всей русской интеллигенции — так кристаллически ясна мне теперь психология меньшевизма. И кажется, я чувствовал это и раньше, я вот-вот готов был подойти к коммунистическому решению вопроса, и все-таки одолевала проклятая интеллигентщина. Ею был обусловлен мой максимализм до 1905 года, вернее, мой эстетический анархизм. В 12-м году мне казалось, я навсегда от него отделался, стал на путь революционного социализма, тонким анализом постиг всю ложь интеллигентского социализма, революционности и т.д. Увы, это осталось анализом, теорией. В жизни я слепо прошел мимо жизни. Что с того, что теперь я понял ошибку, нет гарантий, что я не ошибусь вновь — натуру не переделаешь.

Ведь когда я объективно рассматриваю процесс «полевения» нашей интеллигенции, я нахожу такие же объективные причины этого процесса: одним импонирует сила и прочность, у других проснулось национальное чувство и т.д. И кто знает, может быть, и во мне подсознательно говорят слова и революционный эстетизм, и много других вещей, имеющих мало общего с подлинным коммунизмом.

Мне хочется на войну, как редко хотел чего-нибудь. Я писал об этом и месяц тому назад, но тогда это было иначе, тогда я прямо и говорил о моей обычной «многомотивности», тогда это было холоднее и проще. Теперь меня действительно тянет, действительно хочется принять участие в самом нужном деле (а самым нужным я считаю его потому, что на армии, на большой народной армии может сорваться большевизм, как сорвался царизм, как сорвалась керенщина), и в то же время меня гнетет сознание: потому ли ты действительно хочешь в армию или тут говорит революционный романтизм: нежелание остаться вне общественной жизни, изгоем, неумение иначе войти в эту жизнь /.../

Я растерял всего себя, от меня ничего не осталось. И у меня есть надежда: здесь я найду себя, снова стану человеком. А пока бросим обо мне, вернемся к большевизму. Я должен сказать, что

принимаю его целиком, без его искажений, без той грязи, которой облепили его примазавшиеся прохвосты, но со всей его идеологией и со всеми вытекающими из нее методами, с террором и «позорным» миром и новой войной. И сейчас я, вчера еще правый меньшевик (!), боюсь даже полевения интеллигенции, слишком много может влиться к коммунистам воды и дряблости, «принявшие» большевизм меньшевики не отвыкнули от страсти к дискуссиям и резолюциям, газетным передовицам, «свободе слова», парламентаризму и прочим демократическим благоглупостям. А сейчас особенно нужны большевистские организационные методы — диктатура немногих над массой, беспощадная война внутри и вовне. На карту поставлено все — терять больше нечего — смерть или победа для социализма, для России. Общее и личное совпало — это такое редкое счастье — надо жить, можно жить, борясь за что-то огромное, необъятное, почти космическое — таких моментов так мало в истории! Пусть мы погибнем, пусть нас задавит великий Левиафан — мы прожили хоть минуту так ярко, как не жил никто до нас, как сотни лет не будут жить никто после нас...

8 декабря 1918 г.

/.../ Как тянет сейчас в более простую, грубую, здоровую среду, где нет ни тонкости анализа, ни изощренности ума, ни высшей культуры, но где есть сильная воля и темперамент, и определенность взглядов и решений: или-или. Нет, нет, скорее бросать дело, найдя или не найдя заместителя, все равно. Как можно в такое время сидеть в дыре, заниматься культурным строительством! Ведь если мы не победим, все это строительство полетит к черту. Туда, где борьба, где жизнь, пусть это безумие, пусть это наваждение, с пьяными не рассуждают, а я опьянен, я не могу спокойно читать газету — надо решать, надо рвать и скорее.

20 декабря 1918 г.

Кончать, скорее кончать. Ибо такая жизнь — самоубийство. Немыслимо уже одно: жить среди людей так чуждых мировым сдвигам, героической борьбе, слышать только отрицательно о ведущих эту борьбу, не иметь возможности возразить, потому что все это верно... Два лагеря, два мира — и в этом чистеньком, «культурном» мире я ведь «свой» — и вот молчишь, а в душе ра-

стет глухая ненависть к нему и желание скорее рвать и бежать туда, к разрушителям, дикарям, фантазерам.

Но не иду ли я в армию потому, что все же дело большевизма не мое дело? Потому, что «умереть можно и за чужую идею, но жить — только ради своей»? И да, и нет. Идея — моя. Но выполнение ее настолько неэстетично, бесстыльно, что я органически не в состоянии участвовать в политическом строительстве момента. И бесстыльно потому, что таков человеческий материал, с которым приходится оперировать. Поэтому тут ничего не изменить, и мечта многих «сочувствующих» сделать большевизм «культурным», «разумным», приручить его, обинтеллигентить, мечтой и останется. Культурный, «чистенький» большевизм у нас, в России, в 1918 году перестал бы быть большевизмом, с дурными сторонами утерять бы и все хорошее, утерять бы всю свою силу. Нет, уж надо брать его таким, каков он есть. Только не все психологически могут участвовать в этой работе, я чувствую, что для меня это было бы самоломание и снова ложь.

Есть еще один выход — стать солдатом большевизма, идти туда, где все несомненно — просто и ясно. Конечно, и там будет много организационной работы, и там будет много не только тяжелого, но морально и эстетически чудовищного после стольких лет войны, когда душою ведь был с какой-нибудь стороной, когда и сейчас стоишь в одном лагере, как потом сказать себе, вспоминая этот период: а я стоял в сторонке, я ни разу не видел боя, я только покупал газеты и читал в них рецензии...

Скорее, скорее, пока не поздно, пока есть еще кусочек воли. Потому, что бывают полосы, когда все бывшее кажется сном, когда чувствуешь на себе мертвую хватку повседневности и нет сил бороться и вырваться, и растет неверие — к чему? Что за жалкая карикатура «сердца, горящего алмазными огнями»? Этот выжатый лимон, этот неудачник в любви, в искусстве, в науке, в политике снова начинает барахтаться и выделывать какие-то курбеты...

Но жив еще и другой демон, он толкает на бунт, на бродяжество, на искание жизни, и все хорошее — музыка и любовь (любовь к былой любви!), Гете и Ницше, и снежная буря, что поднялась сегодня к вечеру, — все поддерживает этого демона: жить, жить и жить до последнего издыхания, и верить в жизнь, верить в ее победу.

Все крепнувший ветер выманил меня из комнаты, — накинул шубу и зашагал по снежной поляне в лес. Ух, какой ветер, как стонут черные великаны — дубы, клены, липы — дальше, дальше, к хвойному лесу. Вот пошли ели, это — наш лес. Тихо и тепло внизу,

а сверху сплошной раскатистый гул. Хочется слиться с ним, хочется думать и мечтать, и понять... Но одно ясно: надо уходить, надо спастись через борьбу — к жизни, к лесу... /.../

13 января 1919 г.

Сейчас я, по старой терминологии, директор большой детской колонии, школы и имения десятин в 1000 с фермой (мною организованной), конюшней и т.д. Работа была до 20 часов в сутки, напряженная, злая, с преодолением сотен преград, с борьбой внутри и вовне, с известным внешним результатом, но без внутреннего удовлетворения /.../ Очень устал, жил прямо в конторе /.../ ...мой сдвиг привел меня к большевизму³⁴... Для меня на этом пути — и логика, и психология, все, что дорого мне в прошлом человеческого общества... Я боролся с большевизмом, пока верил, что его можно победить внутренними силами. Когда же развернулось иностранное нашествие и когда стало очевидным, что свалить его смогут только соединенные усилия иностранного и русского капитала, я начал переоценку и пришел к тому, что и с социалистической и националистической точки зрения нужно принять большевизм. /.../

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письма адресованы в Карисальми (ныне ст. Гвардейское) близ Выборга, где М.М.Тушинская жила на даче В.В.Бартольда.

² Марина Львовна Лихтенштадт (урожд. Гроссман; 1852-1935) — переводчица беллетристической литературы. В 1907-1917 целиком посвятила себя работе в «Группе помощи политзаключенным Шлиссельбургской каторжной тюрьмы». В советские годы — сотрудник Ленинградского отделения ГИЗа.

³ 21 мая 1917 Ленин выступал в клубе рабочих фабрики «Скорород» (Цветочная ул., 5) с рефератом «Текущий момент и задачи пролетариата» (См.: В.И.Ленин. Биохроника. Т.4. С.189).

⁴ В Минске находился штаб Западного фронта, которым с начала июня 1917 командовал генерал А.И.Деникин.

⁵ Вероятно, речь идет об агитационной комиссии Петроградского Совета. Накануне летнего наступления 1917 представители «революционной демократии» совершали многочисленные поездки на фронт, чтобы укрепить боевой дух в частях действующей армии.

⁶ Временное Правительство отклонило 3 июня 1917 требование Центральной Рады об автономии Украины ввиду того, что решить этот вопрос

полномочно только Учредительное собрание. С 5 по 11 июня в Киеве проходил запрещенный А.Ф.Керенским 2-й Всеукраинский войсковой съезд, который потребовал от Временного Правительства удовлетворения требований Украинской Центральной Рады и предложил немедленно приступить к введению автономии, украинизации армии и школы (см.: Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С.395).

⁷ 8 июня 1917 ЦК п ПК РСДРП(б) приняли решение о проведении демонстрации, направленной против Временного Правительства. I Всероссийский съезд Советов вынес решение о запрещении демонстрации, после чего большевистская фракция съезда, а затем и ЦК РСДРП(б) отменили назначенную на 10 июня демонстрацию.

⁸ Рабочая секция Петроградского Совета приняла 3 июля большевистскую резолюцию о поддержке вооруженного выступления против Временного Правительства и избрала комитет из 15 человек для руководства движением.

⁹ Николай Виссарионович *Некрасов* (1879-1940) — лидер левого крыла кадетской партии, в 1917 один из создателей республиканско-демократической партии. Министр путей сообщения, заместитель министра-председателя, министр финансов Временного Правительства.

¹⁰ В начале июля министры-кадеты (А.И.Шингарев, Д.И.Шаховской и А.А.Мануйлов) объявили о своем выходе из Временного Правительства в знак протеста против признания автономии Украины.

¹¹ Решение об аресте лидеров большевиков по делу «Об организации вооруженного выступления в г.Петрограде 3-5 июля 1917 года против государственной власти» было принято Временным Правительством 7 июля. Вечером 6 июля прокурор Петроградской судебной палаты выдал ордер на арест Ленина. В.О.Лихтенштадт имеет в виду правительственную версию о том, что июльская демонстрация была «восстанием, организованном неприяТЕЛЬскими агентами».

¹² Мария Михайловна Тушинская (р.1915) — впоследствии врач-терапевт, работала в поликлинике АН СССР.

¹³ Второй муж М.М.Звягиной — М.Д.Тушинский.

¹⁴ Всероссийский учительский союз возник в апреле 1905, распался в 1909. Воссоздан после Февральской революции. Объединял 75 000 человек. Распушен 23 декабря 1918.

¹⁵ «Историческим днями» В.О.Лихтенштадт называет выступление генерала Л.Г.Корнилова 25-31 августа 1917.

¹⁶ Речь идет о Народном университете им.Лутугина. Это просветительное общество было названо в честь Л.И.Лутугина (1864-1915), профессора Горного института, члена секретариата Центрального бюро Союза Союзов в 1905, известного общественного деятеля.

¹⁷ *Любовь Яковлевна* Гуревич (1866-1940) — театровед, писатель, переводчик. В 1891-1898 издатель и редактор журнала «Северный вест-

ник». В 1917 редактировала литературный отдел журнала «Русская мысль».

¹⁸ Речь идет о деятельности В.О.Лихтенштадта на Шлиссельбургском пороховом заводе.

¹⁹ С 27 сентября 1917 письма Лихтенштадта адресованы в Геленджик Черноморской губ., куда М.М.Тушинская уехала к своей матери Елене Петровне Звягиной (1852-1930).

²⁰ Речь идет об управе Рождественского района Петрограда, в культурно-просветительной комиссии которой служил в это время В.О.Лихтенштадт. Районная управа — исполнительный орган районной думы. Эти органы местного самоуправления в административных районах столицы были созданы в мае—июне 1917 и распущены в августе 1918, уступив место райсоветам.

²¹ Вильгельм *Блос* (1847-1927) — немецкий публицист и историк, социал-демократ, автор популярных очерков «Французская революция 1789-1804» (русский перевод впервые издан в 1902).

²² *Михайлов* — знакомый В.О.Лихтенштадта по Учительскому союзу.

²³ В ноябре 1917 в комнате №75 Смольного проводились допросы арестованных (см.: Декреты Советской власти о Петрограде 1917-1918 гг. Л., 1986. С.64). Об условиях заключения в Смольном с 23 по 27 ноября членов Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание см.: Набоков В. Временное правительство // Архив Русской революции. Вып.1. Берлин, 1922. С.92-95.

²⁴ Имеется в виду Союз защиты Учредительного собрания («Объединенный комитет социалистических партий и демократических организаций»), созданный 22-23 ноября 1917 во главе с В.М.Филипповским. Действовал в Петрограде, Москве, Одессе, Самаре и др. Его деятельность фактически продолжил «Комитет членов Учредительного собрания» («Комуч»).

²⁵ 17 ноября был опубликован декрет о роспуске Городской думы, избранной в августе 1917. Новые выборы в думу состоялись 27-29 ноября 1917. (См.: Кручковская В.М. Центральная городская дума Петрограда в 1917 году. Л., 1986).

²⁶ Речь идет о выборах в Советы, проводившихся открытым голосованием на собраниях в трудовых коллективах и воинских частях.

²⁷ «*День*» — ежедневная газета, основанная И.Д.Сытиным в 1912. Открыта 26 октября 1917. Выход газеты возобновлялся под названиями «Ночь», «Полночь», «В глухую ночь», «Грядущий День» и «Новый День».

²⁸ Имеется в виду «Союз защиты Учредительного собрания».

²⁹ Леонтий Моисеевич *Брамсон* (1869-1941) — публицист, адвокат, «народный социалист», товарищ председателя Всероссийской комиссии

по выборам в Учредительное собрание, член «Союза защиты Учредительного собрания». С 17 декабря 1917 по 20 января 1918 — заключенный Екатеринбургской куртины Петропавловской крепости.

³⁰ Делегация Четверного союза на мирной конференции в Брест-Литовске (5 января 1918) предъявляла ультиматум с условиями сепаратного мира. Ультиматум содержал требование отделения от России не только Польши, Литвы, Курляндии, части Эстляндии и Лифляндии, но и значительной части Белоруссии. 28 января на вечернем заседании конференции Л.Д.Троцкий от имени советского правительства огласил декларацию, содержащую отказ от подписания аннексионистского договора. В то же время состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией объявлялось прекращенным (см.: Панцов А.В. Брестский мир // Вопросы истории. 1990. №2).

³¹ *Островки* — острова р.Невы выше пос. Отрадное (ныне Всеволожский район Ленинградской области). В конце XVIII века здесь находилась усадьба князя Г.А.Потемкина-Таврического.

³² Явная аллюзия на «Рассказ о семи повешенных» Л.Андреева. Вероятно, речь идет об убийстве семерых юношей в Петрограде в ночь на 17 февраля (2 марта) 1918. Этот расстрел состоялся по приказу комиссара первого партизанского рабоче-крестьянского отряда при ЦИК В.Л.Панюшкина (См.: «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус / Публ. М.М.Павловой и Д.И.Зубарева // Звенья. Вып.2. М.; СПб., 1992. С.84, 215).

³³ *Глухов* — город в восточной части Черниговской губернии.

³⁴ См. заявление В.О.Лихтенштадта в РКП(б):

В Петроград[ский] комитет Р.К.П.

Работая с начала революции, по выходе из Шлиссельбургской крепости, в рядах меньшевиков, отойдя с весны 1918 года от политической работы, я уже летом текущего года отверг всю меньшевистскую концепцию как несоциалистическую, признал тактику партии ошибочной и антиреволюционной, и внутренне стал большевиком, но не считал нужным вступать в партию, т.к. организационная культурно-просветительная работа не оставляла мне времени для чего-либо другого. Предвидя возможность в близком будущем передать руководимое мною дело другим лицам и считая, что мои силы наиболее рационально могут быть использованы в данный момент для самой необходимой сейчас работы — работы в армии, ибо без создания стальной и героической коммунистической армии рухнет и все наше культурное строительство — я прошу записать меня в члены Р.К.П. и, оставив мне около месяца для завершения начатого дела и [нрзб.], зачислить меня кандидатом для одной из ближайших мобилизаций коммунистов на фронт.

Владимир Лихтенштадт
25 декабря 1918 года

Ульянка

В случае желания комитета я могу дать более подробные сведения о своем общественном прошлом и представить также отзывы товарищей-коммунистов.

В.Л.

ГМИ СПб. РДФ. кп-351657 (акт №611-П/1988).

***ИЗ ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ***

ПИСЬМО А.З.ШТЕЙНБЕРГА М.И.КАГАНУ

Публикация Ю.М.Каган

Во втором Приложении к книге философа и историка еврейства Аарона Захаровича Штейнберга «Друзья моих ранних лет. 1911-1928»¹ среди намечаемых докладов на заседаниях возникшей вскоре после революции в Петрограде Вольной Философской Ассоциации («Вольфилы») назван и доклад моего отца М.И.Кагана «Личность в социологии»². Доклад этот тогда не состоялся. Текст его только сейчас включен в готовящийся к изданию том трудов М.И.Кагана. Составитель и комментатор этой книги Брайен Пул озаглавил ее «Философия долженствования». Наряду с работами философского содержания в нее входят и рассуждения о еврействе³.

Так как в семейном архиве М.И.Кагана сохранилось письмо, свидетельствующее о его знакомстве с А.З.Штейнбергом, то, помимо упоминания сближающей их еврейской темы, для будущих исследователей может оказаться небезынтересным определенное сходство книги близкого друга М.И.Кагана — М.М.Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929) и книги А.З.Штейнберга «Система свободы у Достоевского»⁴, в основу которой были положены два доклада, посвященные Достоевскому-философу, прочитанные автором на заседаниях Вольфилы еще в октябре 1921.

¹ Париж: Синтаксис, 1991.

² О М.И.Кагане см. публикацию К.Невельской: М.М.Бахтин и М.И.Каган: По материалам семейного архива // Память: Исторический сборник. Вып.4. Париж, 1981.

³ Включена туда и статья «Еврейство в кризисе культуры». См.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. М., 1992. С.229-236.

⁴ Берлин: Скифы, 1923. Героем обеих книг является не столько Достоевский-писатель, сколько жизнь идеи у Достоевского.

17/Х-20. Петроград,
Вас. Остр. 8-ая лин. 43/кв.44.
тел. 5-77-44.

Многоуважаемый Матвей Исаевич,

письмо Ваше попало ко мне в руки с большим опозданием: почти шесть недель меня не было в Петербурге, и я в некотором роде был отрезан от внешнего мира. По возвращении я нашел вместе с Вашим письмом такую уйму неотложных дел, что поневоле пришлось откладывать ответ со дня на день. Вчера видел Вашего брата¹, который сообщил мне, что едет к вам, и я решил воспользоваться этим поводом и дать ему с собою письмо. Но в известной мере это оказывается излишним: Ваш брат тут же сообщил мне о Вашем решении приехать в ближайшие же дни сюда на некоторое время. В таком случае большинство затронутых Вами вопросов можно будет обговорить лично. Вы на месте убедитесь, как мало можно в настоящее время сделать специально для философии. Наша Фил. Асс.² в известном смысле учреждение гонимое, и не малых трудов стоит сохранить ее в ее борьбе за существование. Когда Вы будете здесь, Вы, по всей вероятности, сами в этом убедитесь. То же, к сожалению, приходится сказать о Евр. Унив., и, конечно, закон такой же борьбы сковывает свободные помыслы каждого из пытающихся мыслить на собственный страх и риск в отдельности...³ С наступлением зимы энергия наших начинаний неуклонно стремится к точке замерзания. Что делать? Не отвечаю Вам и на бытового характера вопросы более подробно, потому что «молве не сравняться с очевидностью», а Вы, надеюсь, скоро будете здесь сами. Не сжигайте только за собою мостов. Акклиматизироваться здесь можно лишь исподволь, а дурная слава здешнего климата, я думаю, Вам и без того хорошо известна. — Впечатление произвел на меня Ваш рассказ об откровенном признании Шпетта⁴. Но не содержание его — в таком характере отношения к чужеродному я не сомневался никогда — поразительна сама откровенность. Оцените, по крайней мере, в этом признании акт личного к Вам доверия: по нынешним временам и это много. —

На этом пока что кончаю. Итак, до свидания в Петербурге. — Э.З.Гурлянд-Эльяшева⁵ благодарит за привет и кланяется; Лазерин очень скоро уезжает в свою родную Курляндию: все бумаги у него уже в порядке.

Сердечный привет!

Ваш А.Штейнберг.

¹ Каган Юрий Исаевич (Лейба Залманович), 1900-1962 — младший брат М.И.Кагана.

² Речь идет о Петроградской Вольной Философской Ассоциации — «Вольфиле», одним из активнейших организаторов и членом которой был автор этого письма.

³ См.: Gessen V. The Jewish University of Petrograd // East European Jewish Affairs. 1992. Vol.22. №1. P.72-79. В созданном по инициативе Московской городской еврейской общины Еврейском Народном Университете (Спасоглинищевский пер., 3 и 8) в 1920 М.И.Каган читал курс «Философия еврейской литературы».

⁴ *Шпет* (Шпетт) Густав Густавович (1879-1937) — философ, к тому времени автор книг о феноменологии Гуссерля «Явление и смысл» (1914), «Философское наследство П.Д.Юркевича» (1915) и «История как проблема логики. Часть I» (1916). Позднее, с 1923 до 1929 — вице-президент Российской Академии Художественных Наук (РАХН, позднее — ГАХН). О каком именно «признании» Шпета говорится в публикуемом письме, сказать затруднительно. Если иметь в виду взгляд философский, то важно знать, что Шпет был против неокантианства, а М.И.Каган был как раз убежденным последователем этого учения. Но когда философия и философствование в России перестали быть наукой и превратились в идеологизированную политическую деятельность, Г.Г.Шпет, в целом считая революцию морально и политически оправданной, не смог принять многих ее последствий.

⁵ *Гурлянд-Эльяшева* Эсфирь Захаровна — см. о ней С.398-401 настоящего издания.

**«А Я? — Я НЕ ХОЧУ НА ПАМЯТЬ
ОСТАТЬСЯ СКАЗКОЙ САМ СЕБЕ...»**
(Корреспондент М.Горького Б.М.Зубакин)

Публикация Ю.М.Каган

Борис Михайлович Зубакин родился в Петербурге 19 апреля 1894. Время и место его гибели долго не были известны. Жена его — Татьяна Степановна Романовская в ответ на свои запросы в КГБ получала справки, указывающие разные, не совпадающие друг с другом сведения. В Постановлении же тройки от 26 января 1938 года сказано, что он был приговорен к расстрелу в Москве и что приговор приведен в исполнение 3 февраля того же года. (В статье использованы материалы личного архива Татьяны Степановны¹, родственники которой после ее смерти передали этот архив близкому другу Б.М.Зубакина — А.И.Цветаевой, а она, в свою очередь, подарила его мне, автору этих строк, в надежде, что я сумею его сберечь).

Род занятий, пристрастий, интересов Б.М.Зубакина определить не легко. Он — поэт, импровизатор, драматург, скульптор, специалист по кустарным художественным промыслам, знаток оккультных наук, обладал даром гипнотизера, был масоном², розенкрейцером... Перечень этот столь разнообразен, что он интересен и сам по себе. Сохранившиеся же бумаги дают возможность представить личность Зубакина яснее. Среди

¹ Ни моей матери, С.И.Каган, хорошо знавшей Б.М.Зубакина, ни мне, ни А.И.Цветаевой не показалась приехавшая из Таллина повидаться с нами в начале 1960-х Татьяна Степановна человеком, случайным в жизни Зубакина. Так охарактеризована она в книге А.И.Немировского и В.И.Уколовой «Свет звезды, или Последний русский розенкрейцер» (М., 1995).

² М.И.Будберг в декабре 1965 в Москве вспоминала, как в Италии в 1927, когда она с Зубакиным спускалась с горы, шедший им навстречу человек поцеловал большой масонский перстень на руке Зубакина. Об этом же перстне со слов О.Форш писал Н.Асеев (Асеев Н.Н. В гостях у Горького: Воспоминания. — Архив Горького. МоГ 1-41-1. Л.275; эта сфера была настолько далека от мемуариста, что слово «масон» он писал через два «с»).

таких бумаг большое значение имеет его переписка с Горьким. Существует 26 писем Б.М.Зубакина к Горькому и 14 ответных. Сначала — в ноябре 1926 — он послал Горькому, жившему в Италии, в Сорренто, четыре своих стихотворения и получил весьма благожелательный ответ. Основной корпус их переписки относится к 1926-1927. Еще два письма написаны в 1929 и — последнее — в 1933.

В августе 1927 Зубакин вместе с Анастасией Ивановной Цветаевой по приглашению Горького прибыл в Сорренто. (Сначала — 31 июля — приехал он, потом — чуть позже — она). Пылкое восхищение Зубакиным, возникшее у Горького в начале переписки, сменилось у него не менее пылким разочарованием и раздражением. Однако первое впечатление — талантливости и неординарности Б.М.Зубакина — сохранилось полностью. Так, 25 января 1927 Горький писал, что от Зубакина «исходит охмеляющий необычным аромат» и что он, Горький, «дерзко, но уверенно» ставит Зубакина рядом «с такими людьми, как Лев Толстой, Владимир Ленин»³. В такой звонкой характеристике Зубакин был неповинен. Это мнение Горького, который уже через несколько месяцев сообщал писателю А.К.Виноградову, знавшему Зубакина, что тот «ошеломил» его «глубочайшим и неизлечимым невежеством и угнетающей пошлостью». Но заключая эту уничижительную оценку словами: «А ведь он все-таки талантлив!»⁴. Только ли в переменчивости Горького было здесь дело? С каким человеком свела его судьба?

Сейчас уже почти нет современников Зубакина — свидетелей его жизни⁵, «объективных данных» тоже мало. Существует легенда, скорее даже намек на какую-то легенду: где-то слышали, кто-то говорил, кому-то писали, кто-то помнит... В самом начале «перестройки» Е.Евтушенко в своей «Поэтической антологии» опубликовал одно зубакинское стихотворение, предпослав такие слова: «Забытый, малоизвестный и при жизни, поэт-импровизатор, археолог... был незаконно репрессирован»⁶. Странное суждение. Забыт он был теми, кому был известен мало. В семидесятые годы М.М.Бахтин, который в наше время приобрел «подобающий ему статус обыкновенного классика русской мысли»⁷, вспоминая о Зубакине, говорил о нем с большой теплотой и читал многие его стихи наизусть⁸. Люди до сих пор передают рассказы о том, как импровизировал Зубакин, с чрезвычайной быстротой зарифмовывая данные ему слова и поражая этим всех присутствовавших. Свою способность импровизиро-

³ Письмо Горького Зубакину от 25 января 1927. — Архив Горького. ПГ-рл 16-34-3.

⁴ Письмо Горького Виноградову от 7 марта 1928. — Архив Горького. ПГ-рл 8-19-1.

⁵ В Архангельске живет удивительная женщина Ксения Петровна Гемп, которой более ста лет. Она прекрасно помнит и Б.М.Зубакина, и многих интеллигентов, оказавшихся в тридцатых годах в Архангельске.

⁶ Огонек. 1986. №42.

⁷ Аверинцев С.С. Михаил Бахтин: Ретроспектива и перспектива // Дружба народов. 1988. №3. С.256.

⁸ Среди них были и неопубликованные, и те, которых нет в архиве, принадлежавшем Т.С.Романовской.

вать он сам называл «особо проклятым даром», потому что был не только поэтом-импровизатором, но и любил работать над стихами, хотя большим поэтом себя не считал. Помнят его и как тайновидца⁹, гипнотизера, рассказывают, как где-то в гостях он загипнотизировал девушку с парализованной рукой, и она, держа в этой руке стакан, на глазах у всех протянула его Зубакину.

Все сводится к тому, что Зубакин был человек весьма неординарный. По сравнению с кем? С теми, кто не импровизировал и не гипнотизировал? Кто были его друзья, каков был его круг? Об этом, кстати, и Горький его спрашивал в одном из писем, предшествовавших встрече.

Главное, что нам известно о Зубакине, содержится именно в его прозаических письмах к Горькому. Зубакин здесь рассказывает о своих родственниках, учителях-воспитателях, друзьях. Но письма эти — литература, сюжет в них выстроен. Это — художественная проза, в которой, преобразуясь, переплетаются «поэзия и правда». Отчасти они напоминают длинный разговор в вагоне: собеседник (адресат) не знает рассказчика, который сам творит свой образ, пишет о себе повесть или роман. Стихи здесь соединены с прозой. Зубакин-поэт вообще считал необходимыми прозаические отступления и рефрены в стихах. Писал, что уже давно, с 1914 года, разрабатывает этот прием. Но когда появилась возможность другого знакомства с Горьким — нового жанра общения, когда оказалось, что можно встретиться и узнать друг друга ближе, тогда появилась необходимость иных тем, главная из которых прежде почти не фигурировала в письмах Зубакина. И тема эта — «практическое соотношение» с тем миром, который был очень важен для Зубакина. Миром этим была религия. Без четко определенной конфессиональности. Он писал Горькому, что при встрече из него [Зубакина] «могут политься /.../ "песнопения" и "молебны"», потому что при всем множестве писем осталась у него и «нерассказанная часть жизни».

Трудно понять Зубакина в отрыве от его истоков, от духа семьи, от всей среды русской интеллигенции того времени... Жизнь его, рассказанная им же, — в чем-то сказочна. Родился, говорил он, в Санкт-Петербурге, но уверенности в этом у нас нет. Начало вроде «В некотором царстве, в некотором государстве...» При рождении его нарекли двойным именем: Борис-Леопольд. Была сестра — тоже с двойным именем: Регина-Надежда. В православных семьях так не называют. Отца в семье нет. Известно лишь, что каким-то предком ему приходится атаман разбойников легендарный «Зубака». Мать — урожденная Эдвардс — происходила из шотландской родовитой семьи, и мезальянс ее уязвлял¹⁰. Отец тоже страдал — оттого, что сын, живущий вдали, неаккуратен в переписке. Зубакин утверждает, что до Горького ни с кем не переписывался, и ощущает того

⁹ См.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.15. М.; СПб., 1994. С.250.

¹⁰ Среди бумаг Зубакина (ИМЛИ. Ф.250. Оп.2. Ед.хр.47) хранится лист с текстом, касающимся Артура Эдвардса, «англичанина; фактора английского Торгового Общества в России». «По торговым целям он совершил три путешествия в Персию». В мае 1565 выехал из Ярославля, прибыл в Астрахань и оттуда отправился дальше, рассказывая в письмах о своем путешествии.

как бы своим родственником... С пятилетнего возраста у Зубакина было четыре ученых воспитателя. Один из них — А. фон Кордиг был астрологом¹¹. (Об этом Зубакин Горькому не писал).

Зубакин явно отличался от других детей и сознавал это. Рассказывал, как молил Бога, чтоб помог ему стать «обыкновенным мальчиком». С горечью записывал в дневнике: «Опять не удалось». О домашних воспитателях Зубакин Горькому сообщал, а о гимназии, которую закончил в Санкт-Петербурге в 1912, и о гимназических друзьях, учителях — ничего не пишет. Его гимназическим товарищем был Валентин Николаевич Волошинов, который, как и сам Б.М.Зубакин, в конце десятых — начале двадцатых годов жил в Невеле и оказался близок к М.М.Бахтину. О некоторых книгах, вышедших под именем В.Н.Волошинова, до сих пор ведется научный спор: писал ли их он или М.М.Бахтин¹². О времени, проведенном в Невеле, и тамошних друзьях Зубакин Горькому тоже не писал.

В 1913 у него и молодой учительницы Евгении Розановой родился сын Аза-Эдвард¹³. Через несколько лет, когда сын был еще маленьким, жена уехала за границу и увезла с собой сына, о котором Зубакин все время тосковал, помнил его, просил то Брюсова, то Горького надписать этому мальчику их книги. В Сорренто, незадолго до отъезда оттуда в августе 1927, уже когда отношения с Горьким испортились, Зубакин передал ему для Азы письмо — завешание о вере в Иисуса Христа. Надеялся, что у Горького-то уж точно письмо сохранится, а потом — Бог даст — дойдет и до Азы. Как бутылка, брошенная в море. Пренебрег возможным недоверием Горького и предварил свою просьбу словами о том, что «*вынужден* передать эти строки»... Возможно, предвидел свою судьбу...

С раннего возраста Зубакин интересовался историей, философией, писал стихи, хотел стать профессором, чтобы «передавать свое восхищение от жизни человечества и свои замыслы» молодежи. Потом изменил свое решение, «отрекся от литературы и искусства». Но стихи писать не перестал. К 1913 относится вот такое стихотворение:

Уйти от этой фальши,
Уйти от этой лжи, —
Куда-нибудь подальше —
До солнечной межи;

Где в строе Божьих пашен
Сквозят лишь васильки

¹¹ О нем известно из рассказов А.И.Цветаевой: Александр Каспарович фон Кордиг (ум. 1915?) — знаток лекарственных растений, розенкрейцер.

¹² Волошинов В.Н. (1894-1936). Речь идет о книгах: Фрейдизм. Л.: ГИЗ, 1927; Марксизм и философия языка. Л.: Прибой, 1929. См.: Васильев Н. М.М.Бахтин или В.Н.Волошинов // Литературное обозрение. 1991. №9; Медведев Ю.П. «Нас было много на челне...» // Диалог—Карнавал—Хронотоп (Витебск). 1922. №1; Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. №2.

¹³ Опять двойное имя. Само имя «Аза» — старинное, редкое, предположительно древнееврейского происхождения. От слова 'az — сильный, крепкий.

И где приход не страшен
Былой земной тоски,
Где сходятся все рейсы
Плутавших кораблей
И «Kугie eleison» —
Поют у пристаней.

После окончания гимназии (а может быть, еще и до того) Зубакин стал членом Петербургского Религиозно-философского общества и делал там доклады. За какие-то свои неизвестные нам работы по истории тайных обществ и учений об именах Божиих в каббалистических сектах он получил почетный диплом «закрытого института свободных искусств». В каком смысле «закрытого»? Такого, который не для всякого доступен? Может быть. Что это за институт? Также непонятно. Тем не менее, понятно, почему название этого института Зубакин пишет по-русски, а слова «свободных искусств» (*Liberalium artium*) — по-латыни.

В личном архиве Татьяны Степановны Романовской, последней жены Зубакина¹⁴, сохранилось странное свидетельство о том, что Борис-Леопольд Эдвардс-Зубакин прошел четырехгодичный курс Отделения для России в закрытом Международном Философском Институте свободных искусств и является доктором философии этого института *Honoris causa*, с правом открывать отделения этого института, читать лекции, открывать подготовительные школы...

В конце документа, написанного по старой орфографии, стоит дата: «1917/ХII Академический год». «За ректор-президента» подписался Валентин Волошинов. Это, а также неясная — кажется, самодельная — печать с текстом по новой орфографии, с чашей, вокруг которой обвилась змея, наводит на мысль, что весь документ-свидетельство — часть какой-то полусерьезной игры молодых шутников¹⁵.

В 1915, несмотря на «омерзение к войне», однако не желая «остаться чистеньким», «уверенный в беспомощности и проигрыше», Зубакин добровольно ушел на фронт. Сколько времени он там пробыл — неясно, поскольку в те же годы читал в Петербурге лекции — публичные, у себя на дому и на квартире Л.П.Карсавина.

«При всех пертурбациях» до октября 1918 писал работу, в которой доказывал, что «религиозное творчество предвосхищает отдаленные цели культуры и потому совпадает с творчеством художественным». Работа эта не сохранилась.

¹⁴ На ней он женился в ссылке в Архангельске, до нее были еще Ксения Апухтина и актриса Елена Сергеевна Ильинская.

¹⁵ Хотя некоторая реальность, может быть, за ней и стоит, потому что в «Опросном листе работников, зарегистрированных в ЦКУБУ», заполненном Зубакиным 15 марта 1926, он писал, что в 1916 окончил «Отделение Международного Философского института в Гельсингфорсе»... Зубакин и позднее упоминал об окончании им закрытой мистической философской школы и о том, что эта бумага, важная для него «по трогательности воспоминаний», сослужила ему плохую службу: в конце 1922 он был арестован.

Существует еще один документ, на котором нарисованы герб, замок, розы, кресты, имеется сургучная печать с чашей и буквами STWA¹⁶. Это какая-то «грамота» — послание Зубакину, которого называют в грамоте «рыцарем, братом, царственным епископом Богори II». Есть и дата — 1 сентября 1919. Зубакин в это время был в Невеле, работал районным инструктором по народному образованию. Может быть, именно об этом периоде своей жизни он писал Горькому, рассказывая, что «2-3 года в глуши был сельским учителем и... заменял лекаря». Отзвук того времени находим в прозаических строчках, перебивавших его стихотворение «Сюита II-я»: «В Наробразе в Невеле — вывесили объявление: "В воскресенье объявляется прогулка по живой и неживой природе..."». А за этим следует полшуточное наставление:

Ну что ж, живой иль неживой —
Иди гулять, голубчик мой —
И будь внимателен к прогулке!¹⁷

В Невеле образовалось некое братство, круг людей, всерьез увлеченных философией и называвших этот маленький город в бывшей черте оседлости «нашим Марбургом». Сравнение с немецким городом возникло потому, что среди членов этого братства был убежденный неокантианец — доктор Марбургского университета, мой отец Матвей Исаевич Каган (1889-1937)¹⁸. В архиве семьи сохранилось Евангелие, подаренное ему Зубакиным с такой надписью:

«Дорогому и любимому Брату и Другу Матфею Исаевичу от Богори.
1920 г. фев. *Невель*».

Легенды древние не миф
Господь и мир — все *semper idem*
— Как Моисей с горы Хорив
Обетованное мы видим,

Ошибки скорбные простив
Мы никого не ненавидим —
И мнится нам на высях Гор
Вселенской Радости Собор —»

Здесь тоже Зубакин называет себя не тем именем, которое было ему дано при крещении, а сокровенным — по словам А.И.Цветаевой — именем Богори.

¹⁶ По этому поводу интересно вспомнить такой мой телефонный разговор с А.И.Цветаевой: «Анастасия Ивановна, что это за буквы, стоящие на многих бумагах Зубакина?» — «STWA?» — «Да». Пауза, затем тоном, исключавшим дальнейшие расспросы: «Не знаю!».

¹⁷ Зубакин Б. Медведь на бульваре. М.: Всероссийский Союз Поэтов, 1929. С.20. Всего в книге на 56 страницах опубликовано 26 стихотворений (тираж 2000 экз.). Заглавие сборника связано с представлением о дрессированном медведе, которого на потеху публике водили на цепи: «Пляши, коль жить хотишь!».

¹⁸ Из Германии в родной Невель он вернулся весной или летом 1918.

Вокруг находившихся в Невеле М.М.Бахтина, Л.В.Пумпянского и М.И.Кагана сложился домашний философский семинар, который современники называли кантовским. Участники этого семинара читали доклады, обсуждали научные труды друг друга. Из написанного ими тогда почти ничего не опубликовано.

Физик и в то же время историк русской культуры, внук философа Г.Г.Шпета — М.К.Поливанов рассказывал о том, как он старался понять, почему Ахматова не соглашалась с тем, что в романе Пастернака «Доктор Живаго» ярко показан духовный мир и люди той эпохи. Он писал: «Таких людей не было видно в литературно-художественном обществе тех лет, они были незаметны среди посетителей "Бродячей собаки" или кружка около "Мусажета". Легче представить себе их где-то среди молодого окружения участников сборника "Вехи" или, позднее, в том невеликом кружке, из которого вышли Юдина, Бахтин, Матвей Каган и многие другие. Почти все люди этого рода были уничтожены или прожили свою жизнь очень незаметно...»¹⁹

Захваченные общим подъемом, в надежде на благую роль просвещения, тревожась о том, что в революционном порыве и смуте люди забредут совсем не туда, куда они так пылко устремились, невеликие друзья не только занимались философией, но и участвовали в культурной жизни маленького города. Зубакин писал:

За то, что бледны эти лица,
За то, что труден каждый шаг —
Я буду дьявольски гордиться —
Войти в ваш строй под рваный флаг.

Он и его друзья вели молодежные кружки по изучению философии и эстетики, выступали на публичных диспутах. Бахтин и Каган еще и преподавали в школе — в «единой трудовой». В отчете об одном из таких диспутов сказано: «товарищ Бахтин защищал намордник темноты — религию, витал где-то в области поднебесья и выше /.../ говорил: "Когда народ будет в сто раз просвещенней настоящего..."», но тут кто-то перебил его словами: "Не случится этого!"»²⁰. В издании Невельского союза работников искусства в программе симфонического концерта, намечавшегося в «Народном доме имени Карла Маркса», под номером шесть объявлено: «Стихи прочтет Б.М.Зубакин»²¹. Здесь же была впервые опубликована первая маленькая статья М.М.Бахтина: «Искусство и ответственность», а также две статьи М.И.Кагана.

Философствование невеликих друзей с его развитой теорией сильно отличалось от той мистической философии, которой увлекался Зубакин. Но его это не отталкивало, а только еще больше интересовывало и привлекало. Позднее Бахтин вспоминал, как Зубакин говорил ему и М.И.Кагану: «Вы разговаривайте, только разговаривайте...» А.И.Цветаева рассказывала, как позднее, в начале 1922, в Москве у Н.А.Бердяева она и

¹⁹ Поливанов М.К. Тайная свобода // Литературное обозрение. 1990. №2. С.107.

²⁰ Молот (Невель). 1918. 3 декабря. №47.

²¹ День искусства (Невель). 1919. 13 сентября. С.5.

Зубакин слушали какой-то доклад М.И.Кагана. Говорил он сложно. Она плохо поняла его доклад. Сказала об этом Зубакину. Тот ей ответил: «Ничего нет странного в том, что Вы не поняли: ведь он думает по-древне-еврейски, переводит на немецкий, а произносит по-русски. Слушайте его. Это — Иоанн Богослов нашего времени!»²²

Из Невеля Зубакин уехал в 1920. Горькому позднее он сообщал, что тогда «шутки ради сдал экзамены при Московском Археол[огическом] Институте, получил ученые степени за 2 работы /.../ и предложение занять кафедру, что и сделал под давлением, с одной стороны, профессуры, с другой, — детских воспоминаний — о желании когда-то "быть профессором"».

Евтушенко в «Огоньке» тоже называл Зубакина археологом. Однако ни в каких раскопках Зубакин участия не принимал и археологом он был совсем не в том смысле, какой имеет это слово сейчас. В начале 1920-х слово «археология» еще подчас понималось в буквальном переводе с греческого — «наука о старине, о древностях». Поэтому археологами называли тех, кто изучал древности — будь это предметы материальной культуры, религиозных культов или памятники искусства. Московский археологический институт был открыт в 1907. Находился он в Староконюшенном переулке в здании Медведниковской гимназии (сейчас там средняя школа №59). Попечителем этого института был великий князь Александр Михайлович, женатый на сестре царя Николая II — Ксении. Попечитель был спиритуалистом, масоном, розенкрейцером. После революции жил в эмиграции. Некоторые преподаватели и профессора этого института тоже были масонами. Кто именно и чем конкретно занимался, сказать невозможно, но большинство из них — люди неординарные и очень разные — вроде московского губернатора генерала В.Ф.Джунковского или историка античного искусства из Музея изящных искусств имени Александра III — профессора В.К.Мальмберга. Ректором института был магистр богословия, приват-доцент Харьковского университета по кафедре истории и теории изящных искусств Александр Иванович Успенский²³. Его интересовало отражение в русской иконописи народных верований, религиозные сюжеты в русских лубочных картинках и многие другие темы, близкие к этим. С 1906 он — действительный член Московского Императорского Археологического Общества. А.И.Успенский почти на 20 лет старше Зубакина, был в близких отношениях с патриархом Тихоном, с которым, кажется, познакомил и Зубакина. Тот с патриархом встречался в 1921-1922 и — по рассказу А.И.Цветаевой — получил от него право называться «Благовестником», т.е. проповедовать Слово Божие, веручительствовать, надевать священническое облачение.

²² См.: Цветаева А.И. Неисчерпаемое. М.: Отечество, 1992. С.85.

²³ В публикации А.И.Немировского «Стихи и письма» (Новый мир. 1992. №7. С.92) Александр Иванович Успенский спутан с известным византинистом академиком Федором Ивановичем Успенским. К сожалению, в упомянутой здесь книге А.И.Немировского и В.И.Уколовой («Свет звезды, или Последний русский розенкрейцер») эта ошибка повторена.

С бывшим ректором Зубакин поддерживал дружеские отношения, они продолжали встречаться и позднее, вышедшую уже в 1931 свою книгу²⁴, написанную в традициях позитивистской науки, без каких бы то ни было экскурсов в первоначально культовое назначение многих обсуждаемых предметов, — Зубакин посвятил А.И.Успенскому. В самом начале, на отдельной странице читаем: «Александр Иванович Успенскому основателю Московского археологического института посвящает автор».

В повседневной жизни Зубакин вел себя — по мнению многих — в высшей степени необычно. Некоторые его попросту боялись. А.И.Цветаева рассказывала, как в санатории — в подмосковном «Узком» — кому-то, кто обратился к Зубакину с каким-то вопросом, тот ответил: «А Вы заходите ко мне на Лубянку, или вот к Анастасии Иоанновне — она мой секретарь — там я Вам и скажу...». Спросивший бросился бежать, а она не знала, куда деваться от растерянности... А.И.Цветаева говорила, что Зубакин иногда «производил впечатление чего-то нереального — не хотелось верить в эту реальность».

В.В.Кожин в биографии Бахтина писал, что Зубакин был человек карнавального типа²⁵. Если согласиться с таким определением, приняв во внимание хотя бы случай с приглашением на Лубянку или чей-то рассказ о том, будто Зубакина видели на Лубянке, но там он был... в маске, то надо будет признать, что лубянская тема в карнавальном жанре советского периода русской истории была достаточно обширна и, как говорится, еще ждет своего исследователя.

Для характеристики Зубакина ценно и свидетельство М.М.Бахтина, говорившего мне и моей матери о поездке Зубакина в Италию, что тот ехал туда повидать не только Горького, но и... папу Римского, и европейских розенкрейцеров. Более подробно Бахтин на этом не останавливался. Современные исследователи масонства считают, что в отличие от Запада, где масонство было антиклерикально и постоянно находилось в оппозиции к церкви, в России оно было близко к христианству. Для российских вольных каменщиков оно, будучи как бы внутренней церковью, служило воплощением нравственности²⁶.

Для Зубакина не существовало преград между естественным и сверхестественным. Он был убежден, что все одушевлено, уверен, что душа человека безусловно связана с тем таинственным порядком, по которому устроен мир²⁷. И стремился познать этот мир. Синтез при этом предварял у него анализ. Он больше ценил, выше ставил творческую интуицию,

²⁴ Зубакин Б.М. Холмогорская резьба по кости: История и техника производства. Архангельск: ОГИЗ РСФСР; Северное краевое издательство, 1931. Биограф Зубакина архангелогородец Г.В.Тюрин сообщил нам о значительных редакторских искажениях и сокращениях, которые претерпело это издание.

²⁵ Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С.7.

²⁶ Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. М., 1991. С.108-109.

²⁷ Ср.: «Они [российские розенкрейцеры] посвящали себя "познанию тайн природы", не извлекая из этого никаких выгод» (Там же. С.110). Непонятно только, почему автор употребляет здесь кавычки.

зная при этом, что не все люди наделены этим свойством в равной мере. Он писал:

Еще дано мне: знать и ведать
И содрогаться каждый миг, —
Живым паденьем, иль победой
Того, кто на земле возник.

Считал, что эмпирическая реальность, работа мысли, художественная фантазия — сопряжены, взаимопроницаемы и многозначны. Нет даже существенной разницы между творцом и творением. У Зубакина есть строки:

Но все, что сам Ваятель не заметил, —
Прозревший мрамор видит до конца...

Он призывал:

Будь знаком сам тому, что ищешь ты...

и был гораздо терпимее к тому, что Горький считал ошибками. Для него рациональное знание скорее выглядело иррациональным, т.к. мир полон тайн и пути постижения могут быть самыми разными. Горький же — по рассказу Н.Н.Асеева со слов О.Д.Форш — задавал Зубакину «проверочные вопросы» и ловил его на невежестве²⁸. Вполне вероятно, что Зубакин многого не знал, в чем-то был поверхностен, но справедлив также, вероятно, и отзыв о нем Б.Л.Пастернака, просвещенность которого вряд ли уступала просвещенности Горького. Пастернак считал, что Зубакин великолепно знал историю, особенно историю религии.

Вообще, Пастернак, кажется, понимал Зубакина тоньше и глубже Горького: когда тот назвал своего недавнего любимца аморальным человеком, поэт счел нужным вступить и пояснить: «Весь он из алхимической кухни Достоевского, легче всего его себе представить в Павловске на даче у Мышкина. Это надо сказать в его защиту. Он очень изломан, но никакую подлость ни в малейшей мере не запятнан...»²⁹ Очень ценившая Зубакина А.И.Цветаева, в свою очередь, полагала, что Зубакин психологически проще Достоевского, здоровее его и чище. Говорила, что Зубакин «счастливо избежал этого русского — грешить и каяться... В нем не было надрыва, даже в тюрьме он всех успокаивал и шутил...» Сам Зубакин — при всем интересе к Достоевскому его невеликих друзей — этого писателя не любил. А.И.Цветаева добавляла еще, что «психологически Борис Михайлович людей не понимал...» Это мнение современницы и близкого друга Зубакина не следует забывать при чтении его писем к Горькому...

В 1929 Зубакин был арестован и выслан в Архангельск, куда еще в XVIII веке впервые прибыли его шотландские предки Эдвардсы... В Архангельске он много работал как скульптор (в архиве Т.С.Романовской имеются фотографии его работ), изучал местные кустарные промыслы, холмогорский говор (сохранилась часть статьи, посвященной этому)...

²⁸ Архив Горького. МоГ. 1-41-1. Л.275.

²⁹ Пастернак — Горькому. 25 октября 1927 // Литературное наследство. Т.70. М., 1963. С.302-303.

Зимой 1932 в Холмогорах Зубакин писал:

К...

Прерывный рокот ветровой —
Все это также голос Твой
 Вкруг дома моего.
Вкруг дома — снежный хоровод
И мерзлой горстью в стекла бьет
 Опять Твоя рука.
И эта Ночь — как темный хлеб, —
Телок обвязан — мертвен зев —
 И шея ждет ножа.
То — я, что жду, *дрожа*, конца
(О, неизбежный Путь Тельца!)
 Но Ты и в дрожи Той.
Да будет нож — в руке Твоей,
Да будет нож — тоске моей
 Да станет *Жизнью* — Смерть³⁰.

В архангельской ссылке поэт пробыл с 1929 по 1932.

В последнем своем письме к Горькому от 9 сентября 1933 (в стране началась паспортизация) Зубакин, живший тогда в Смоленске в семье своей сестры, просил знаменитого писателя помочь, т.к. ему как «врагу пролетариата» не давали паспорта, а без паспорта нельзя было устроиться на службу и зарабатывать на жизнь. Помог ли ему Горький, мы не знаем. Известно только (от А.И.Цветаевой и М.И.Кагана), что в 1936 Зубакин нелегально приехал в Ленинград на похороны В.Н.Волошинова. В конце 1937 Зубакина снова арестовали. В Архангельске.

Некоторые стихи Зубакина уже опубликованы. Придет время — напишут не только об обстоятельствах его жизни, о розенкрейцерах и их деятельности в России, о литературной поденщине, которой Зубакину, как и очень многим, приходилось заниматься, но и о темах его стихов, а также о том, какие темы он как бы игнорировал — например, у него нет сюжетов, связанных с властью... Напишут о формальных достоинствах его стихов, о скрытых цитатах из Пушкина, Горация, Овидия, покажут связи с литературой его времени, с языком рекламы, а также многое другое, что важно для понимания творчества столь необычного корреспондента Горького. Тема его розенкрейцера будет особенно трудной хотя бы из-за утраты преемственности в представлениях об этом. Книга А.И.Немировского и В.И.Уколовой, конечно, лишь первая попытка такого рода. Когда-то Зубакин писал: «Самая благородная страсть — это страсть участливо интересоваться человеком... Любить каждого через друг друга, интересоваться каждым, кого судьба посылает на пути...»³¹. Бах-

³⁰ Публикуется впервые. Пользуюсь возможностью поблагодарить Л.В.Дерюгину за помощь в работе над этой статьей и за сообщение об этом стихотворении, которое в 1933 Зубакин подарил Н.Д.Телешову (теперь оно хранится в Отделе рукописей ИМЛИ РАН).

³¹ Из письма к Т.С.Романовской (хранится у публикатора).

тин в своих заметках «К философским основам гуманитарных наук» писал: «Нельзя изменить фактическую вещную сторону прошлого, но смысловая, выразительная, говорящая сторона может быть изменена, ибо она незавершима и не совпадает сама с собой (она свободна). Роль памяти в этом вечном преображении прошлого. Познание — понимание прошлого в его незавершимости...»³²

1. Зубакин — Горькому¹

[Без даты. Конец ноября 1926]

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Невесело думать о том, что Вы так далеко, да и не знаете меня вовсе, а в то же время так близки мне и дороги. Перечитываю снова «Детство» — «В людях» — «Мои Университеты» — и опять грустно от мысли, что никогда Вас не видел, никогда не слышал к себе обращенным — Вашего голоса. Как быть? — Решил прислать Вам 3-4 еще не опубликованных стихотворения и, Вы сами знаете, как обрадуете меня, отозвавшись хотя бы строчкой. (В 1913 году — С.Городецкий и Б.Верхоустинский² вдвинули меня в несколько журналов, но через 3 месяца я решил уйти из «литературы» — и 10 лет — не печатался; в 1923 г. В[сероссийский] С[оюз] Писателей и В.Брюсов, разыскавший меня, втянули меня вновь, — и теперь я изредка печатаюсь). /.../³

Ну вот, примите. Вы наверно знаете, как много Вас сейчас здесь читают. То, что Вы написали о Толстом (для меня и для многих), — по-новому его вернуло сердцу. Помню, как об этом со слезами говорил мне и несчастный и добрейший Андрей Соболев⁴. Знаете ли Вы подробности смерти Л.Андреева? Если нет — отпишу. Преданный Вам — Борис Зубакин.

P.S. Пусть Вас не огорчает безвкусица поставленного мною в начале письма моего штемпеля. Это — на всякий случай: авось мой адресат взглянет на письмо — и заинтересуется — «что, дескать, ученый архиолух — может мне написать?» — да и прочтет все письмо, не бросая.

Адрес такой: СССР Москва.

Мерзляковский пер.

д. №18, кв.8. Анастасии Иоановне

Цветасовой — для Б.М.Зубакина.

¹ В левом верхнем углу листа штамп: «Борис Михайлович Зубакин. Профессор Московского археологическ[ого] Ин[ститу]та».

³² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.410.

² *Городецкий* Сергей Митрофанович (1884-1967) — поэт, прозаик, переводчик, драматург. Был близок к крестьянским писателям С.А.Клычкову, Н.А.Клюеву, Б.А.Верхоустиному. *Верхоустинский* Борис Алексеевич (1888-1919) — прозаик и поэт. По силе и глубине проникновения в старообрядческие книги С.Городецкий сравнивал его с Н.А.Клюевым. В. организовал в Смоленске Ассоциацию художественного слова.

³ Пропущены тексты стихотворений «Оставьте путнику ночному», «Аквариум», «Василий Блаженный», «Камаринская». См.: Зубакин Б. Медведь на бульваре. [М.], 1929 (далее — МБ). С.43, 48-50; Немировский А.И., Уколова В.И. Указ. изд. (далее — НУ). С.360, 345.

⁴ *Андрей Соболев* (наст. имя Юлий Михайлович; 1888-1926) — прозаик и драматург, покончил с собой.

2. Горький — Зубакину

[Без даты. Конец ноября — нач. декабря 1926]
Сорренто.

Разрешите, Борис Михайлович, сказать несколько слов о Ваших стихах?

Предупреждаю: я, наверное, очень плохой ценитель «техники» стиха и, к тому же, «зачитался» современной поэзией до некоторого отупения, пожалуй. Так редко встречаешь стихи, в которых музыка слов совершенно гармонировала бы с чувством, заключенным в словах.

Но ваши стихи меня взволновали. Мне кажется, что «Оставьте путнику» очень хорошая вещь и отлично — оригинально — сказана.

«Аквариум» меньше понравился, «Василий Бла[енный]» не понят мной. А «Камаринская» тоже волнует, особенно мудрой и меткой своей строкою: «Все пьяным-пьяно, один мужик — тверез!» И очень ценна мне грустная ирония этого стихотворения. Где Вы печаетесь? Не пришлете ли еще две-три вещи из тех, которые Вам наиболее нравятся?

Я буду очень благодарен, если Вы сообщите мне подробности смерти Леонида Андреева. Мне бы душевно хотелось — и надобно — знать это.

Еще раз спасибо. Сердечный привет.

А.Пешков

P.S. Разве Вы находите, что меня много читают? Я этого не знаю.

Адрес: Италия.
Sorrento. M.Gorki

3. Зубакин — Горькому

[Без даты. Вероятно, до 10 декабря 1926]

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Как обрадовало меня Ваше доброе и внимательное письмо ко мне! Давно у меня не было такой настоящей радости. Но Ваш *Post scriptum* — взволновал меня. Понятно, что Вы самый читаемый в России. Вещей Ваших почти не достать (в читальнях очередь — они всегда разобраны. И наконец, несмотря на общую бедность, — каждый от профессора до рабфаковца — старается приобрести *для себя* — Ваши книги). Рабочий — рабфаковец — интеллигент — вот линия, которая охватывает весь круг читателей в России. Был я только что в союзе Писателей в обширной аудитории «Литер[атурного] Звена» — и спросил самую разношерстную молодежь, обступившую нас после докладов, — «Кого сейчас больше всего читаете?» — «Горького!» — я хотел бы, чтоб Вы послушали, как это было сказано. (Занятно, и в этот раз обнаружилось своеобразное отношение к «Делу Артамон[овых]» — молодежь — в восторге, интеллигентная — «стародежь» — ворчит!). В рабочих театрах неослабно смотрится «На дне» — и «Мещане». МХАТ — по-новому готовит «На дне». Весь октябрь и ноябрь месяцы — с.г. — фильма, инсценирующая «*Mam*» — шла во всех переполненных кино — одновременно. Не скажу, чтоб последний факт меня обрадовал, но радостно и знаменательно замечать нити, густо и ощутительно идущие от Вашего имени — ко всем этим вольным и невольным Вашим современникам. После Вашего *Post scriptum*'а мне особенно захотелось рассказать Вам обо всем, что здесь делается в литературе и искусстве (не всегда, конечно, отрадном). Хочется даже вырезать и прислать Вам картинки из маленьких журнальчиков, вроде «Новый Зритель» — которые по мелкоте своей, может, и не доходят к Вам, но очень характерны. Пожалуйста, не очень смейтесь над тем, что не совсем еще престарелый «профессор» — собирается вырезать картинки для отнюдь не впавшего в «Детство» — Максима Горького! Но — по какой-то простой, — внутренне-сердечной дорожке, я воспринимаю Вас и себя — как-то вне понятий о возрасте и о Вашем положении. Знаю, что Вы *таинственно-большой* и, наверно, *Трудный*, отягченный Миром, Человек, — но в то же время, где-то очень близко, — и милый, и легкий, и свой, и веселый. И мне легко воспринимать Вас для себя и добрым и легким — (вовсе не отмахиваясь от сознания Эдиповой и «Вийной» железной тягости на глазах Человека, рискнувшего в упор глядеть на то, на что смотрите Вы).

Ну так вот:

1) написать ли Вам, напр., о бывшем вчера для деятелей искусств закрытом диспуте о современном танце, устроенном Рабином — в «театре Сатиры»? Это ведь отчасти и современная Москва, устраивающая диспуты об «антисемитизме» — и «браке на новых бытовых началах».

2) Написать ли Вам легенды, связанные со смертью Валерия Брюсова? Эти легенды, в известном смысле, — тоже «Москва».

3) Театральная же Москва захвачена противоречивыми проблемами, — особенно Мейерхольдовским «Ревизором»¹. Рассказать Вам об этом — или нет? 4) Что делают наши поэты? интересуется ли Вас это — или осточертело? 5) Написать ли Вам все, что я знаю о дорогом мне человеке — Сергее Есенине? Вот. Что выберете — о том и напишу, хотя писать, как видите, не очень умею.

Все подробности кончины Л. Андреева я знаю, главным образом, от И. А. Белоусова² и Ф. Н. Фальковского³. Почти все и Вам известно от Фальковского. Но об одном из моментов этого несчастного 12 сентября, кажется, — Вам не рассказали. По крайней мере, Федор Николаевич, и на мой вопрос: «Сказали ли Вы об этом Горькому?» — ответил — «нет, позабыл, но, может быть, — он (Горький) узнал от Гржебина⁴, которому я кое-что писал». Вы знаете, что Андреев возненавидел перед Смертью свой старый дом — и со всей семьей перебрался к Фальковскому в Мустамяки. Тут ему предложили ехать с лекциями в Америку, — куда он и собирался было вместе с сыном Саввой. Был он все время мрачен и к последнему своему дню особенно грустен и молчалив. И вот как оно было! — перед самым обедом, незадолго до полной агонии, он стал внезапно лихорадочно разыскивать бинокль, схватил его и стремительно взобрался на башенку — искать Кронштадт! — единственную точку русской территории, ненавидимой и любимой, последнюю живую точку прошлого, оставляемого позади! За эти дни его жизни — веселым его вообще-то не видали, но и то все с сожалительным удивлением взглянули, как согнувшись, посерев, он спустился вниз, ворча сквозь зубы: «Туман, проклятый туман! Ничего, ничего не вижу». Заметив с неудовольствием общее внимание к своему состоянию, он с каким-то вызо[во]м — поднял голову и стал как-то необычайно весел. Разговор его был странен: фейерверк анекдотов, сменяющихся один за другим — под громкий смех — повеселевших сотрапезников, — потому что и сам рассказчик хохотал до упаду, — до слез — чего давно с ним не было. Потом он, вдруг, очень просто и мило встал от стола и начал диктовать жене первую свою лекцию. Но едва продиктовал первую фразу (о большевизме), как сослался на желание прилечь,

— и направился в отстоящую через несколько комнат — спальню. Через 2-3 минуты он возвращается, открывает дверь — и, став на пороге, — говорит: «Аня, мне дурно», — затем круто поворачивается — и, ни слова не отвечая, — *упрямо и твердо — проходит обратно* — все комнаты, отделяющие его от его спальни (кабинета Фальковского, который тот ему уступил) и тут — грохается прямо на пол, на ковер — и начинает хрипеть, — ползая глазами. В таком состоянии он пролежал 5 часов, и еще через 2 часа, — стихнув, начал холодеть и оказался мертвым. Так точно умирал и его отец. — Пока Фальковский рассказывал мне это из соседней комнаты, где одевался к какому-то вечеру, — я смотрел на пеструю ткань с разводами, висевшую на стене и покрывавшую постель в те дни, когда лежал на ней мертвый Андреев, — и на портрет его, висящий сейчас на ней. И почему-то, знаете, он мне страшно напомнил лицо Бориса Годунова. — Тоже, если хотите, незадачливого царя *своего* насильственно-умудряемого царства. Очень похожи. И уж совсем похожа мысль, сдвинутая брови и сжавшая горько рот, — на Пушкинское — бессмертное: «Достиг я высшей власти... но счастья нет моей душе... мне счастья нет». Мне очень жаль его. И, помня, как Вы писали о близости к нему, — я решил написать это. Ответьте, пожалуйста, знали ли Вы про башенку. Конечно, ни в какой внешний символизм я не верю. Но изнутри, — все наши внешние поступки, какие бы они ни были, конечно, значительны и связаны с самой *сердцевиной* человека. Если позволите, я еще пришлю стихов об этом. /.../⁵

Меня так обрадовало Ваше письмо — и то, *как* Вы оценили «Камаринскую» — что хочется еще послать несколько стихов и сейчас же. /.../⁶

Все стихи, кот[орые] посылаю и пришлю — не напечатанные. Раз-два в году какое-нибудь стихотворение мое — и попадает в очередной альманах. И, собственно, нигде не печатаюсь. Бегать же и предлагать стихов не могу. Все внутри перевертывается при мысли о таком пути. Но это пустое: молодежь меня знает, а я — ее.

Вкладываю еще лист стихов. Каждое написанное — кажется хуже другого. Умоляю сразу не читать — чтоб не было «Демьяно-(бедного)—вой ухи». /.../⁷

Всем этим слабым стихам одно оправдание: что вряд ли будут когда напечатаны. Но, если хоть одно из них не очень покажется негодным, как был бы рад автор, который ничем иным не умеет выразить Вам своего доверия и любви, как посылая свои неуклюжие вирши.

Преданный Вам Борис Зубакин

P.S. Простите — сил не имею переписать начисто.

¹ Премьера «Ревизора» в Государственном театре Мейерхольда состоялась 9 декабря 1926. Возвратившись от Горького, Зубакин писал В.Э.Мейерхольду: «Глубокоуважаемый Всеволод Эмильевич! Что Вы думаете об инсценировке... "Капитанской Дочки" (Пушкина само собой)? Если Ваш ответ положителен — поговор[им]. Я вернулся из Италии с тысячью планов /.../» Черновик письма хранится в РГАЛИ: Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1616.

² *Белоусов* Иван Алексеевич (1883-1930) — поэт, переводчик, прозаик. В 1908 основал издательство книг для детей «Утро», в этом издательстве сотрудничал и Леонид Андреев.

³ *Фальковский* Федор Николаевич (1874-1942) — драматург. В архиве Зубакина сохранилась подаренная ему Федором Фальковским книга «Глушь. Пьеса в четырех действиях» с пометой «21 марта 1905 года пьеса "Глушь" разрешена к представлению безусловно». На книге имеется дарственная надпись: «Дорогому Борису Михайловичу Зубакину от искренне любящего его автора Фальковского. Архангельск. 6 января [19]34».

⁴ *Гржебин* Зиновий Исаевич — (1869-1929) — владелец издательства, организованного в Петрограде, переведенного потом в Берлин.

⁵ Пропущен текст стихотворения: «Здесь стужу гонят с тротуара...» См.: МБ. С.39.

⁶ Пропущены тексты стихотворений: «Цыганская» (1919), «Страстной бульвар» (1924), «На полях тетради». См.: НУ. С.359, 387-389.

⁷ Пропущены тексты стихотворений: «Муза» (1925), «Из тетради "Высокие восьмистишия по низкому поводу"»: «За то, что жизнь была прекрасной...», «За то, что скрипка на дворе...», «И снова — музыка не та!», «Ночной бродяга-музыкант...», «Все опоганено — и что же?..» (НУ. С.357), «Какое счастье и значенье...».

4. Горький — Зубакину¹

16 декабря 1926, Сорренто

Сейчас прочитал стихи Ваши, Борис Михайлович, удивительный Человек. Может быть, я плохо понимаю поэзию, но стихи Ваши волнуют и радуют меня. Отличные стихи, и, разумеется, поэт Вы *настоящий* и своеобразный. Так, на мой взгляд. Особенно «по душе» мне «Высокие восьмистишия», а из них вот эти строки:

Душа моя боготворит
Весь этот мир —

но только не согласен, что мир — «глухой и робкий». Нет, мир профессора археологии Бориса Зубакина красноречив и хорошо, человечески дерзок. И поэт Зубакин не чувствуете мною «луна-тиком бледным», ибо он очень определенно говорит вниз с высо-

ты *своего* мира: «Упав, я все ж не буду твой». Все это — хорошо. Спасибо, что прислали стихи. Может быть, и еще пришлете? Не могу ли я помочь Вам издать их?... /.../² — Вот он, к несчастью его, был болен глухотою, но не «Бетховенской», которой Вы жадете и которая Вас не «посетит» — чего и не надобно... Это лишило его «счастья» входить «На капитанский мостик дня», счастья, которое, вот, Вы, чувствуете, знаете. Нет, стихи у Вас хорошие. И оригинальный человек виден сквозь них.

Еще раз — спасибо Вам. Как это хорошо:

Еще раз, да еще раз! —
Пропадало мало ль нас?!

Очень хорошо!

¹ Автограф этого письма не сохранился. Печатается по копии, сделанной Б.М.Зубакиным.

² Пропуск в тексте. Помета Зубакина: «Далее об Андрееве».

5. Зубакин — Горькому

[Без даты. Вторая пол. декабря 1926]

Дорогой и Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Какой вы добрый и дорогой. Обрадовали Вы меня и посылкою и письмом. Какая блистательная вещь «Голубая жизнь» — да и «Отшельник». Все-все меня порадовало. Читал не как книгу известного мне Автора, а как совершенно нового неизвестного мне и поражающего рассказчика. Больше всего меня радует, что Вы — поэт, прежде всего. Хорошо о себе это понимал Гоголь (хватило же у него смелости назвать «Мертвые души» поэмой). О «Деле Артамоновых» густо-волшебной книге — мне хотелось бы написать особо, — но Вам, конечно, неинтересно мое «мнение». Еще раз спасибо за книги. При моей счастливой и веселой нищете мне бы долго не набрать денег на такую покупку. Мне самому очень хочется Вам что-нибудь послать, что доставило бы Вам удовольствие, вещь, которая мне самому была бы дорога. Оглядывая свою стародревнюю камору — и грустно, что же послать: ведь, небось, египетских слепков Вы не очень любите? Ваше доброе желание — помочь мне издать стихи — согрело меня очень. Спасибо, спасибо. Но об этом, позвольте, написать особо. Только что был доклад в доме Союза Писателей проф. Бродского¹ о Вас. — На тему: «"Челкаш", опыт социологического комментария». Но каково обычное положение критика? — Тоже — весьма критиче-

ское. Однако я пошел его слушать. Бродский профессорствовал когда-то в нашем институте, и, по-своему, даровит. И вот, сказав, что обычно у нас «вычитывают» из писателя, а не читают писателя, — он и вычитал в трех изданиях текста — что Вы — Художник — и только — «художник». Конечно, где же увидеть Человека — писателя?! Это вроде К. Чуковского, вручившего мне свою книжицу о Вас, где он вещает о том, что вся Ваша «основа» — в *бессознательном* начале, гласящем от лица Солнца — «прощается Вам людишки, земная тварь, все прощается, живите бойко»². И в голову ему не приходит, что всю-то, наверное, жизнь — Вы хотели, — чтоб понял Человек о себе, что он *Сам* — может и должен стать в *полноту Солнца*, — прощающего и радающего [Так! — Ю.К.], а не только — оставался бы в «людишках под солнцем». Думаю, что — увидав в *человеке* «солнце» — только тогда Вы и захотели писать. Вам, наверное, покажется, что я лезу не в свое дело. Но ведь я тоже читатель и думаю над тем, что Вы написали. Мне очень хотелось бы написать Вам о «целостности» человека, потому что давно меня это занимает. Но Вам вряд ли интересны мои мысли об этом. Мне очень хотелось бы написать Вам о странном рассказе про Скрябина, слышанном мною от его тетки. Интересно Вам это? И еще о замечательном московском звонаре? О встрече с одной собакой и о «разговоре» с одним котом? Нет, Вам, наверно, не захочется. Теперь напишу о С.А.Есенине.

«Это чорт и ангел вместе!» — сказала мне о нем Дункан³. «Чортом» я его не знал. Подружились мы крепко только в 1923 году. В «Кафэ Пегаса»⁴ — с большими витринами окон — просиживал он целые ночи, а я заходил туда, чтоб с ним быть. «Музы» наши различны. И это нас — сближало. В это время его очень травили. Есенин мучился и метался. У него была обольстительная улыбка. Но когда он говорил серьезно, — улыбку сменяла сдвинутость бровей и суровых слов. — «Мое место — здесь в Москве. Ни в деревне, ни в каком другом городе! Если чего-нибудь ждешь настоящего, то только *здесь!* Не у бизнэс-же мэнов — в Америке!» — и неудержимо рвался прочь — из Москвы. В период травли и обид, чинимых ему, между прочим — и Демьяном Бедным⁵, — я написал Есенину стихи — в ответ на его трогательную надпись. Есенин, снисходительный к стихам своих друзей, носил их при себе и дорожил ими. Без этого, конечно, не было бы смысла мне их Вам выписывать:

Сквозь ресторанное стекло
Прошел ты, мальчик наш кудрявый, —
И все, что днесь слывется славой —
Кровавой лавой обожгло!

За то — записан был в тетрадь
Обычной «прописи» столичной —
Такой напев многоязычный, —
Какой и птицам не поднять!

Но — в «списках — набело» — потом
Москва Тебя перечеркнула —
Зане, — вослед Тебе — плеснуло
Берез качнувшихся — крылом —

И звон моцартнейшей свирели
Покрыв демьянистых — «Сальери».

В Кенигсберге, в отеле «Бельвию» — видел я однажды залетевшую в залу ласточку. Она старалась вылететь обратно — и билась клювом о стекло, пока не упала замертво. Вот такими представляются мне и последние дни Есенина. «Знаешь, друг, Тебе ведь многого не надо, — говорил он мне, — бросим все это! Поедем на пароходе по Волге. Ты будешь читать обо мне лекции — а я стихи. — Хорошо?» Билась головой ласточка о невидимое стекло между ею и жизнью живою — но не улетела. Уехал он сперва — на больничную койку, а потом, за несколько дней до гибели, опять: «Поеду в Питер. Поеду — работать буду». Это был последний удар о стекло... В «Доме Печати» был я на его предсмертном выступлении. Встретил меня каким-то стариком, кашлял. «Видишь, кашляю кровью», — сказал не своим голосом. Потом вышел на ту же эстраду, где при подобных же обстоятельствах читал перед смертью Блок. Начал читать — и запнулся. Неужели забыл стихи? И вдруг все увидели, что он с открытыми глазами — плачет. Все лицо под стеклом — хлынувших обильно слез. «Блока — люблю. Настоящий», — говорил он мне. А Брюсов мне же о Есенине: «Пустяк. На одной струне балалайка». Однако, при всей односторонности — кто же пел так глубоко — и для всех. Так проникновенно и по-своему. Очень хотел — быть «Государственным», — т.е. опереться на организованную жизнь широкого слоя людей. Но известно, что он считал, что это ему не удалось. Читал он стихи как никто из поэтов — глуховатым, волнующим голосом, на широкой волне подчеркивая и удавая изредка конечные согласные («все пройде-от, как с белых яблонь дым»).

«Зачем Ты пьешь?» — «Чтобы не думать», — отвечает. «Я пью, стараясь допить до той точки, после которой теряю всякую память и соображение; а до этой точки все помню, ничего на забывая, — *ни-че-го!*» Называл себя «Государственной собственностью». Женщинам никогда не льстил. Обращался очень просто и человечно, чем и покорял — при встрече. *Один крупный поэт*⁶ (который до сих пор простить себе этого не может), раздражен-

ный его задирками — *ударил его*. Есенин разорвал свою рубашку и кинулся к нему: «Хочешь меня бить? Ну — на! бей, бей...» Слава Богу, меня при этом не было. Кормил и поил всех вокруг. На это уходили *все* деньги. Носил при себе, не расставаясь, карточки своих детей и сестры. Иногда вваливался неожиданно, с ворохом игрушек, в квартиру бывшей своей жены — и тогда был странен, нежен с детьми — и мучителен. Но чаще всего — было с ним очень сердечно-легко — и сердечно-весело. И все его боготворили, кроме «стихovedов», не знакомых с ним. Шло от него прохладное и высокое веяние гения. Лукавый, человечно-расчетливый, двоедушный — вдруг преображался и все видели, что ему смешны все расчеты земные — и слова — и «люди» и он сам себе — каким он был только что с ними. Он становился в такие минуты очень прост и величав — и как-то отсутствующ. Улыбался еще рассеянной и нежнее — как-то поверху всего — *но всем*.

Он не был «падшим ангелом», он был просто ангелом — земным.

После его смерти я долго не мог видеть его карточки, бывать на подлых вечерах в его (?) честь. Правление Р[оссийского] С[оюза] Поэтов предложило мне написать в память его стихи. Впервые в жизни было писать так трудно. И все же я был наказан. Стихи эти были до неузнаваемости искажены *в печати*. Потому приведу их полностью.

Когда Твои отзеленели роши,
Ты сам листом — качнулся золотым,
И как уйти еще честней и проще —
Чем ты ушел, — «как с белых яблонь дым»?

Молчит поэт, — а люди скажут: «горд — он!»
Смеется Он, — а скажут: «*легок — нрав!*»
А Ты — как конь, с оборванной кордой —
Был просто — резв, кипуч и нелукав.

С ветрами — ветер, и в колосьях — колос!
Герой — с героями, и с нищими — бедняк, —
В метельных днях сорвал Ты вещий голос —
Как с петель дверь — срывается во мрак.

И вот теперь, когда Тебя нет — с нами —
В стеклянный колокол вызванивает Ночь
Твоими звонко-грустными стихами, —
О том, как Ты — был детски-звездооч!

Любимейший нежнейшею любовью,
Прости, что мы Тебя не сберегли! —
Мы — над Твоею васильковой кровью
Колосьями под градом — полегли.

Стихов ему своих я почти не читал (как и всем поэтам). Нравилась ему очень моя «Камаринская». Фамилию свою любил произносить от «яшень»...

Перед часом смерти — он, по-видимому, предался чувству крайнего недоверия к окружающему и отчаяния, разорвал в клочки карточку сына, с которой не расставался (воображал, как говорили, что сын не *его*, и что он обманут, жена же боготворила его, и это — полный бред окружавших Есенина клеветников). Он был очень несчастлив — хоть был и баловнем судьбы и людей. Думаю, что характер его несчастья — имеет источником — мало ведомое пока, — но подлинное счастье. Помните, как у Данте? — В вышнем мире — поют Высокие Ангелы — Согласный Гимн — а на земле это слышно как грохот, бурю и Хаос. Земной Хаос жизни Есенина был выражением внутренней, особо ему присущей тонкой музыки и гармонии. Это счастье — есть состояние особо раскрытой и углубленной Человечности, владеют которой немногие счастливицы. Но владея им по временам, — они не умеют удержать его в себе и применить к делу, к окружающему. Отсюда — страдание. *Но много счастья — не надо.* И мне радостно было слышать от Вас — Вашу благородную оценку жизни Есенина и его творчества. Вообще стихи Вы понимаете так отзывно, как редчайшие люди, умеющие узнавать присутствие — подземного ключа — в пустыне. «Упав, — я все ж не буду Твой!» — Мне дорогая строка. Ваше доброе предложение помочь мне издать стихи — я всегда буду помнить. Дорогой Алексей Максимович, конечно, криво Вас, мне никто не сможет помочь так, как Вы, но, если б Вы только знали, сколько досады с моими стихами! У меня — особо проклятый дар — импровизации. Брюсов впервые заставил меня импровизировать публично — и с тех пор пошло: — импровизатор! Я импровизирую легче, чем пишу — трудными рифмами — любыми размерами и ритмами, записав на бумажку — темы. Меня хотели показывать как аттракцион и ученую обезьяну — но я, разумеется, отказался от всяких «турнэ». Чуковские и Рогачевские — Львы⁷ — стонали о том, что «это не будет записано!», но им и в голову не пришло взять для печати уже написанное. Брюсов, правда, потребовал тетрадь моих стихов и собирался печатать — да помер. Да, еще Городецкий Сергей когда-то направил мою тетрадку в Госиздат, но в печати я ее не увидел. И так, наградив меня ненужным *им* венком, мои современники погребли меня в торжественном склепе «Легенды» — и припечатали накрепко: «Импровизатор». А мне 32 года, и у меня несколько томов стихов, поэмы, роман в стихах. На 3 из них пишут музыку (оперы), но, вероятно, ее будут играть на моих похоронах. Право, я

не столько сержусь, сколько посмеиваюсь. Ходить же по редакциям — предлагать свои стихи — у меня нога не пойдет. А на Вас, который, конечно, мне мог бы помочь — как раз я и не смею рассчитывать. Почему? Потому что Вы слишком мало знаете моих стихов. Как я могу рассчитывать на Ваше доверие к моей «Музе»? Вы знаете, что меня всегда интересовало? — Новый ритм, новая форма. Я ввел музыкальный лад построения «напевного стиха», — сначала меня ругали — а потом даже превзошли — на этой дороге. Теперь работаю над введением «Прозаического рефрена» в ямбические стихи. Так вот, поэт я довольно посредственный, — но влечет меня расформирование формы. И, конечно, я Вам тотчас разонравлюсь, если ознакомлю с большинством таких именно, а не других своих стихов. И вот я решил поступить с Вами честно, так как и подобает. Я пришлю Вам ряд своих стихов еще. Мне будет больно знать, что я Вас разочарую, — но все же, я надеюсь, что Вы не скажете, что я воспользовался Вашим незнанием целиком моих стихов — и вольно или невольно обманул Вас. Не думаю, что мне придется когда-нибудь еще запруживать Вас своими стихами. Меня к этому теперь обязывает долг перед Вами и благодарность. Не сердитесь на меня больше, чем заслуживаю.

Баллада (одна из самых последних)

(Владимиру Сеницыну и Георгию Шенгели⁸) /.../⁹

Должен буду прислать еще. Простите. Ваш

Б.Зубакин

Ради Бога, не читайте сразу. /.../¹⁰

¹ *Бродский* Николай Леонтьевич (1881-1951) — литературовед.

² Речь идет о книге Чуковского «Две души Горького» (Пг., 1924).

³ *Дункан* (Duncan) Айседора (1877-1927) — американская танцовщица. В 1921-1924 жила в СССР, была женой С.Есенина.

⁴ «*Кафе Пегаса*» — московское литературное кафе «Стойло Пегаса» (Тверская ул., 37).

⁵ *Бедный Демьян* (Ефим Алексеевич Придворов; 1883-1945) — преимущественно поэт-баснописец. В начале литературного пути был народником, потом марксистом-большевиком.

⁶ *Один крупный поэт* — возможно, имеется в виду Б.Л.Пастернак.

⁷ *Рогачевские* — Львов-Рогачевский — псевдоним литературного критика Рогачевского Василия Львовича (1873-1930).

⁸ *Сеницын Владимир* Андреевич (1893-1930) — драматический актер. Среднее образование получил в Казани и Тифлисе. В Москве учился на юридическом факультете университета. Играл в Ярославле и в Киеве,

в Москве — в театре Незлобина, Мейерхольда, в 1926 с одобрения всей труппы был принят во МХАТ, где лучшей ролью Синицына была роль Яго в «Отелло». В конце мая 1930 покончил с собою. В сборнике «Медведь на бульваре» ему посвящено стихотворение «Ночь». В кн. «Литературный особняк: Второй сборник» (Изд. коллектива поэтов и критиков. М., 1929) ему посвящена «Баллада Ватерлоо».

Шенгели Георгий Аркадьевич (1894-1956) — поэт и стиховед. Ко времени написания письма автор нескольких поэтических сборников, драматических поэм и книг «Трактат о русском стихе» (Ч. I. М., 1921), «Практическое стиховедение» (М., 1923).

⁹ Пропущены тексты «Баллады [Ватерлоо]» («Несется лошадь, несется вскачь...»), а также стихотворений «Ночной бродяга-музыкант...», «1905 год» («Кровавый год — покрытый славой!..»). Первые два см.: Литературный особняк: Второй сборник: Стихи. М., 1929.

¹⁰ Пропущены тексты стихотворений «Вторая шотландская» («За горой волынка — вновь поет...»), «Инамэ-Сан (с прозаическим рефреном)», «Казачина», «Из цикла тюрьмы» («В тюрьме — строга решетка...»). См.: НУ. С.375, 363, 331.

6. Зубакин — Горькому

[Без даты. Конец 1926]

Дорогой Алексей Максимович. Не читайте, ради Бога, этих стихов раньше, чем прочтете 1-е письмо. (Ибо посылаю 2). В первом письме я объясняю, почему поступаю с Вами так жестоко, — присылая столько плохих стихов. /.../¹

¹ Пропущен текст стихотворного цикла «Данте», посвященного В.Пясту и снабженного эпиграфом: «На Ponte Vecchio впервые встретил Данте Беатриче. / И еще другие есть для встреч "мосты"». Части цикла: I. «Встреча» («По пыльному Дракону мостовой...») [см. под назв.: «Беатриче»: Стык: Первый сборник стихов Московского цеха поэтов. М., 1925. С.86]; II. «Память о терцине ("пародированный терцин")» («Пусть гложет годами тоска...»); III. «Славословие» («Тебе благодарение — / За то, что Ты прошла...»); IV. «Венец» («И жду, повстречав красоту...»). Далее пропущен текст сюиты «Тебе! Вторая» (1. «Захлопнут дом. И та же Сука...»; 2. «Пессимистические колья — / Вбивает глупое безволье...»; 3. «И Ночь в своем цилиндре белом...»; 4. «Орлята! Юные — поэты! / Студенты Муз и голяки!...»; 5. «Мне жаль, что Ты закрылась в доме...») [МБ. С.19-22], а также стихотворений «Карусель», «Весна» («Разбегаются шорохи...») [НУ. С.362], «Шарманка», «Тюрьма», «Из выских восьмистиший» («Густота жасмина, паруса и сливок...»; «Играет в мячки миров...»; «О, погляди, я молча жду...»), «Аббат» (с посвящением сыну Азе Зубакину). Далее пропущен текст стихотворного цикла «Курга-

ны», посвященного Регине Зубакиной-Поляковой. Части цикла: 1. «Зерно»; 2. «Конь-вольный»; 3. «Курганная мать»; 4. «Межусобье»; 5. «Вечная Русь»; 6. «Венец» (с посвящением Надежде Мещерской) [НУ. С.338-343]. Далее пропущены тексты стихотворений «Письмо к Офелии» (с посвящением Елене Ильинской) [см.: Новые стихи. I. М., 1926. С.76; НУ. С.347]; «Сотэр» (с посвящением Валентину Волошинову) [НУ. С.336]; «Песнь Пана» (с посвящением Леониду Шевелеву).

О некоторых из адресатов зубакинских посвящений: *Пяст* (Пестовский) *Владимир* Алексеевич (1886-1940) — поэт, критик, теоретик символизма, публицист, переводчик, стиховед, автор пособий по шахматам, поклонник Э.По, А.Стриндберга. Друг А.Блока. *Мещерская Надежда* Александровна (1892?-1966) — друг Зубакина, дочь его близкой приятельницы — писательницы Ольги Руновой. В одном из своих посвящений Зубакин, как и Анастасию Цветаеву, называет Мещерскую своей сестрой. Через много лет случилось так, что сын Мещерской стал мужем Маргариты, старшей внучки А.И.Цветаевой. *Волошинов Валентин* Николаевич (1895-1936) — по образованию юрист, автор работ по музыковедению, лингвистике, психологии; входил в круг ученых, близких к М.М.Бахтину. А.И.Цветаева говорила публикатору о В.: «потом с ним что-то случилось, и он стал марксистом...». *Шевелев Леонид* Федорович (1912-1936) — работал техником на железной дороге, друг и единомышленник Зубакина. Погиб при железнодорожной аварии. В ложе розенкрейцеров имел сокровенное имя «Гро». В сборнике «Медведь на бульваре» Л.Шевелеву посвящено стихотворение «Здесь стужу гонят с тротуара...». В Рукописном отделе ИМЛИ (Ф.250. Оп.2. Ед.хр.39) хранится подписанное первой буквой сокровенного имени («Г...») стихотворение Л.Ф.Шевелева, посвященное Зубакину и датированное осенью 1932: «Вернешься Ты, я счастлив несказанно / Вновь расцвели угасшие мечты / И облик Твой восстал пред мной нежданно / Из ледяной, заброшенной страны. / Я ждал Тебя три долгих-долгих года / Надежда свидеться бледнела с каждым днем. / Заглохла к небесам священная дорога, / Указанная мне блистающим орлом. / Двенадцать лет промчались чередою / С тех пор, когда впервые я нашел Тебя / В том городе с рекою под горою, / Увенчанной стеной Борисова кремля. / И осенью, когда на склоне года, / Природа снова умереть должна, / Вернешься Ты в Москву и светлая дорога / Вновь для меня и ясна и чиста».

7. Зубакин — Горькому

[Без даты. Начало января 1927]

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Посылаю дополнительно еще несколько стихотворений. Посылка стихов — с моей стороны все же великодушнее чтения оных автором вслух: Вы имеете полное *право* и свободу — просто бросить их в печку — не читая, если уж очень невмоготу. /.../!

Борис Зубакин

¹ Пропущены тексты «Баллады Замка Игрекзэт» (в 5 картинах), стихотворения «Грозе идущих лет», трех отрывков из поэмы «Пушкину» («Страстной бульвар») [полностью см.: НУ. С.387-389], стихотворений «Сентенции», «Песня» («Молчи, мое сердце, молчи...»), стихотворной сюиты «Давид» (1. «Псалом», 2. «Гусли», 3. «Пляс перед Кивотом Завета»), стихотворений «Полонез Шопена» (с пометой: «писан в монастыре на о.Майорка»; см.: НУ. С.393-394), «Мой век меня на рифмы не обчел!..», «Пляс» («Ты видел, как плясала / Цыганка на песке?!..») [НУ. С.361], «"Венера" — мастера стиха», цикла «Каменный век» (с пометой: «Из юношеских стихов 1914 года, когда впервые стал я опускать иногда рифмы») и стихотворения «Подруге Музе» («За борт упрямый сюртука...»).

8. Горький — Зубакину

9 января 1927, Сорренто

Спасибо за любезность, удивительный Борис Михайлович! Из присланных стихов мне всего более «по душе» — «Инамэ-Сан», вещь грациозная и целостная так, что прозаический ее рефрен тоже звучит как-то своеобразно стихоподобно, т.е. не фонетически, а — сердечно стихоподобно. А почти все остальные стихи показались мне исполненными различных нарочитостей, грубоватостей и как бы искусственно подобранными того ради, чтоб нагнать на меня страх и ужас. Конечно, тут и Ваши поиски «новых рифм, новой формы», да!

Однако — ни страха, ни ужаса я не испытал, а, прочитав все присланное трижды, еще яснее вижу перед собою Человека по-русски талантливо, по русски же «необыкновенного», — Человека, каким ему и надлежит быть. Вот это и есть тот самый неумный и безалаберный «Человек по-русски», которого не заглушат автомобили и радио, и всякие иные чудеса этой линии. Не заглушат, ибо *он чудеснее чудес им творимых*.

Не знакомы ли Вы с Ольгой Дмитриевной Форш¹? В ее и Вашем суждении о человеке и счастии есть что-то общее. Тоже — замечательный человек она. Вы мне простите, что не буду сейчас писать ничего больше, только откликнуться на Ваши письма хотел. Написал бы я Вам много, но нездоров, едва сию за столом.

Если скажете что-нибудь об «Артамоновых» — буду благодарен. Пришлю Вам еще кое-какие свои книжки. Очень хочется знать, как вы отнесетесь к ним.

А о стихах В[аших] я еще напишу Вам, в них, на мой взгляд, есть нечто вредное и это — Ваше неверие в себя самого, неверие в право Ваше на свободу, а также в талант Ваш.

Поиски «рифм и форм», это, конечно, хорошо, но было бы отчаянно плохо ухлопать всего себя только на это одно, к чему Вы себя как будто обрекаете. Ведь и в сторону этого стремления Вы должны крикнуть: «...не буду твой!» Т.е. — весь не буду. *Человек обречен на все, а не на что-то.* Поверьте!

Разожгли Вы мое жадное любопытство предложением рассказать о Скрябине и коте, о собаке и звонаре! Звонаря я наблюдал на Всероссийской Выставке 96 г. в Н.Новгороде — замечательный! Звонарей я знал ростовских — хороши!

Крепко жму руку, Б.М.

Серьезно — какой Вы удивительный человек, а? Просто — прелесть.

А.Пешков

¹ *Форш Ольга Дмитриевна* (1873-1961) — писательница, в то время уже автор романов «Дети земли» (1910); «Одеты камнем» (1924-1925); «Современники» (1926); «Горячий цех» (1926).

9. Зубакин — Горькому

[Без даты. Середина января 1927]

Глубокоуважаемый и Дорогой Алексей Максимович. Чем Вы хвораете? Известите, пожалуйста, лучше ли Вам? Хорошее дело! — Вы нездоровы, а пишете еще письма! Впрочем, знаю, что от непомерной доброты Вашей — Вас не вылечить даже длиннейшим моим письмом — и потому пишу опять — и выйдет, кажется, длиннейшее. Вы пишете, что пришлете мне еще свои книги. Мне очень радостно, особенно радостно — иметь Ваши книги из Ваших рук (т.е. предмет, который Вы держали своими руками). Если это можно, надпишите одну из них — в подарок мне и моему сыну Азе Зубакину. Он с 4-х лет писал стихи, а теперь от меня далеко — (его очень ловко увезли от меня — и с тех пор я воспитываю других детей). Теперь ему 13 лет, и когда-нибудь я ему вручу Вашу книгу. Потом еще просьба из порядка «институтских» (но ведь не все же «институтское» — вовсе плохо!) — пришлите, если можно, свою карточку. (Я не хочу, чтобы Вы тратились на посылки, — может быть, у Вас есть тоненькая, которую можно вложить в письмо?) У меня еще есть одна просьба: мне нравились всегда Ваши стихи, когда они мне встречались. Я почему-то уверен, что Вы пишете стихи и до сих пор. И еще: напишите мне, что у Вас видно в окно Вашей комнаты?

Ваше доброе и внимательное отношение к моим стихам — заставляет меня еще больше (если это только возможно) — гордиться Вами. Я горжусь тем, что настоящий русский человек — и Писатель (с большой буквы) — может быть так добр и так внимателен, так отзывчив и заботлив к другому. Но об этом я еще напишу, а теперь хочется рассказать Вам о разном. Вы — замечали, конечно, — как собаки становятся похожи на своих хозяев? У меня был пес Гарсон — тоже с удивительно горбатым носом. Меня забавляет, когда собак превозносят над людьми. Но и собакам в высокой степени присуща общая всей Природе (и человеку) добродетель, сознательная жертвенность и доброта. Есть в Природе и стыдливость и деликатность, не только смелость, которой, слава Богу, тоже немало! Но ведь — и жуткое есть в собаках иногда. Об этом немало рассказов. Случай, который я хочу рассказать — совершенно неинтересный и даже жалкий и пустой. Но — мне хочется его рассказать.

Во время голода, в 1920 году я был на отделении Археологического Института в Смоленске. Со мной в комнате жил серьезный человек в очках — Иван Фролович — мой студент и мой «опекун». Мы, конечно, голодали не меньше других. Но Иван Фролович — умел добывать лишний хлеб (целые караваи). А я — на правах старшего и «философа» — конечно, этот хлеб рассовывал куда можно. (Увы, нет ничего легче, как раздавать то, что легко досталось). Но вот однажды Иван Фролович взорвался и заявил мне — что ему, между прочим, надоело по моей милости голодать вместе со мной — и что — вот эту, последнюю оставшуюся у нас с ним (он указал рябым пальцем на последнюю, оставшуюся краюху хлеба) я не смел бы отдавать никому. Я потоптался на месте, ничего не придумав в ответ — и пошел на вечерний доклад. Были прения. Кончилось поздно. Выхожу — мороз, — звезды с блюдечко величиной, — на улицах ни души. Помню, что я очень отчетливо понял, что я одишешенек на всем свете, и в каждый дом вокруг — я посылал — заочный привет и самые лучшие пожелания. В это время у моих ног появилась собака. Честное слово, это была особая собака, — она смотрела на меня (шерсть у нее с одного бока сваялась, как у буйвола, а другой бок — был голый — и ребра выступали, как стальные стержни на порченном «Ремингтоне»), так вот, она смотрела на меня совершенно человеческими глазами — и я буквально понимал все, что она говорила ими — приблизительно так: «Дорогой Борис Михайлович, — (несомненно, ее мысль была вежлива, без амикошонства, но чрезвычайно интимна), — я тоже одинока, но кто же, как не я — Вам под пару. Кто же должен понять меня, как не Вы — один. Я аб-

солютно голодна. Но я больше не прибавлю ни слова. И я — совершенно доверяюсь тем выводам, которые Вы сами из этого делаете... Между прочим, у Вас в шкафу, кажется, имеется отлично пахнущий кусок хлеба. Я ничего не говорю. Я даже не намекаю. Я — просто лежу у Ваших ног. Видите, я ползу за Вами и больше не отойду от Вас ни на шаг». — «Совершенно верно, — отвечаю я, — у меня есть дома кусок хлеба. Пойдемте!» — И вдруг я отчетливо вспомнил ту, неприятную сцену, которую мне устроил Иван Фролович, — и мое молчаливое обещание — хлеба не отдавать. Мне стало очень жаль Ивана Фроловича. Я, кстати, вспомнил, что он — не любит собак... И вот тут-то в голову мне пришла мысль, которая никогда прежде не приходила: «Что ж, всех собак — все равно не накормить». Собака как-то выпрямилась и «сказала» глазами: «Итак, я доверяюсь — и жду справедливости». И вдруг, — что-то лопнуло во мне, — я поднял руку — и закричал невидимому врагу-шептуну: «Врешь, врешь, — именно потому — что всех собак никогда не накормить — (т.е. *нужда* в кормежке так роковым образом *сильна*, что выросла до того, что ее *всю* не покроешь даже) именно потому-то — и надо накормить всякую, какую можно — эту — и эту» — «Пойдем, — говорю я ей (уже на — «ты»), — Пусть завтра ругается Фролыч!» — Смотрю, а собаки-то нет! Улица пуста. Убежала. С тех пор — я никогда не забываю этой собаки.

Не очень смейтесь надо мной потому, что я не умею рассказывать. Видите, как выходит глупо и неинтересно. Случай же о *Коте* таков, что, когда я сейчас подумал, как его описать подробнее, — я даже побоялся это делать. Поверьте, что не из самолюбия, а из самых живых чувств к Вам, я бы не хотел, чтобы Вы очень плохо обо мне подумали из-за этого случая. Мне было бы жалко, если бы что-нибудь во мне Вас сильно от меня оттолкнуло. Это потому, что я Вам — вроде родственника (не по таланту или личному объему) — а по *моему* чувству живой близости к Вам. И мне было бы больно, если бы *Вы* теперь меня *лишились*. Потому что Вас меня никто не лишит. Так вот. Но, все-таки, я не хочу — пользоваться Вашей симпатией, — замалчивая о себе правду. Вот как. И даже, рискуя Вас «потерять» — я буду ее говорить. Уф!

Но, все-таки, оговорюсь. Я хочу это Вам рассказать, чтоб сказать Вам: *Коты* — *тоже* — *все* понимают! Во всей природе я нашел — полную сознательность, общий язык существ, общую правду, муку, цель, — и согласованность ввиду этой невыразимой пока — цели!

Предварю: Вы слышали, конечно, как передает мысленно (без слов) свои сложные мысленные указания *В.Дуров*¹ — своим жи-

вотным? Это — неспроста. Вот какой был случай. Думайте о нем, что хотите. — Возвращался я в позапрошлом году, тоже ночью, по двору. Был я перед этим в неважной компании. Люди говорили всякие гадости друг о друге. А я — все же, с ними сидел, и потому, да и вообще, чувствовал себя справедливо негодяем. На меня залаяла собака. «Вот, — подумал я, — до чего, Борис, докатился! — Даже собака чувствует, что в тебе мрак, — и лает на тебя». Конечно, мне было очень обидно, — я не помнил случая, чтоб собаки стали на меня лаять, как на врага. Подымаюсь по черной лестнице, освещенной электричеством, и навстречу — незнакомый Кот. Несомненно голодный, потертый, мрачный, недовольный. Я отчетливо понял, что он недоволен всем Миром в целом — настолько, что он даже уже и не жалуется, что ему даже и говорить-то не хочется об этом. И вот я встал перед ним на ступеньках, — чтоб ему было слышнее, — на колени, — и, помню, горячо (откуда взялось!) заговорил, что ему не надо отчаиваться; что я его понимаю, что я также заброшен и один — но что это — пустяки! Что нужно перетерпеть! Что в Мире есть Правда для всех зверей и людей, что ради этой Правды, которая есть — (пусть мы ее не видим!) — почетно и благостно жить — и знать, что Она есть — и будет. Она с нами рядом, — тут! — И ею мы все оправданы.

И вот тут произошло чудо: Кот встал (навис как-то) на задние лапы, вытянулся струной — к моему лицу, прижал передние лапы к груди — и застыл, меня слушая. Как он на меня смотрел! Я знал, что он не понимал, конечно, моих слов, формы моих слов. Но я видел, что всем своим существом он чувствовал, что я обращаюсь к нему с чем-то ему необходимым, касающимся самого насущного его жизненного интереса. А я, — кажется, даже плакал — от восторга, что он меня слышит — и говорил ему долго — а он все стоял *навесу*. И вот я кончил. Встал. Кот прижался к моим сапогам — и я понял, что обрел верного Друга. Пошел по ступеням — и кот со мной. И тут я тоже буквально слышал, как он мне всем своим существом говорил (на «ты») — «Я очень голоден. Тебе нечем меня накормить — но ведь Ты мой приятель, а я знаю, что у Тебя в комнате приволье — мышам. Они бегают у тебя по столу, по книгам. Они залезают в алебастровый домик, стоящий на подоконнике — и немало Тебя беспокоят». Он был прав. Но ведь и мышам — я тоже друг. И вдруг я понял, как трудно быть Хозяином Мира: — Мышь хочет жить, а Кот невинен в том, что хочет мышей. Пахарь просит дождя, а моряк попутного ветра и ясной погоды². Я все-таки должен был порвать с котом — и не впустил его в дверь, захлопнув пред самым носом. Я не могу вме-

шиваться в судьбы котов и мышей. Но я знаю, что это не выход. Вот какой был случай. А о Скрыбине вот что мне рассказала его «Няня» — заведующая его квартирой — ныне музеем. У меня скандально не хватило гривенника за вход — и мы с ней разговорились. — У каждого своя «Ирина Родионовна» — (как Бабушка у Вас). Вот и у Скрыбина своя — его старая тетя³. Очень похожая на Вечную Парку — обжившуюся в квартире и оставшуюся там навсегда. Тихий-тихий рассказ-шепот: «Стал с Аполлоном Аполлоновичем Грушка⁴, — писать контракт на эту квартиру: — Больше, как на год — не подпишу! Нет. Нет!.. Только на год. Больше чем год — никак здесь не проживу... Ровно день в день — через год и умер...» — «В детстве приходил из Консерватории огорченный до слез Аренским⁵ — не мог с ним заниматься. Сын Аренского — Павел Антонович, — тоже недавно сюда приходил». — «Вот здесь в кабинете и писал. Мебель из-за границы вывезена». Широкий книжный шкаф. Книг немного. Поставлены отчетливо. Два тома «Магии», «Вестник Теософии». — «Читал, интересовался, но — к этому не прилежал». — «Перед концертом всегда заедет к бабушке, — чтоб перекрестила...» В комнате оставаться один не любил. Сажал Няню-Тетю подле. Сидела, стучала спицами Парка. (Вечный ее чулок). «Ночью пишет, а потом — плачет». — «А вот здесь, в спальне, — и умер...» В ноги повесил картину, чтоб проснуться и видеть. На картине — Рыцарь передает Св. Деве — Розу⁶. В день Смерти — к которому он, как и все вокруг, был уже подготовлен и предупрежден, никто ему о Смерти — не говорил. И он не говорил. Был светел. Но все шли прощаться. Из одной двери шли — в другую проходили. Шли целый день. Предпоследним был у него Вячеслав Иванов. Благословил, поцеловал над одеялом свисшую руку, поцеловал в лоб — и ушел. Последней пришла Няня. «Что же *так долго* — не приходила...», — спросил... — В передней висит какая-то загогулина, вроде колеса или деревянного крыла, с разноцветными, под радугу, лампочками. Это — для Прометея. Сам заказал — и пробовал. Играл — и зажигали свет. Небось, не лучше этих смешных загогулин были и неопытные, самодельные крылья Икара. И так же не долетев и сгорев, оставили по себе вечно-звучущую память, — от которой сосет под ложечкой и больно становится глазам. За порогом его квартиры Москва, словно на парче, вышитая в снегу. И перед подъездом — старая церковь. Старую русскую парчу он тоже любил и сам нашел на одеяло для Кровати, на которой его убаюкала вечная Нянька. Да.

А Павел Антонович Аренский рассказал мне как-то в Минске, — о внезапной встрече где-то на вокзале в Париже — больного

Аренского — со Скрябиным, уже знаменитым. Окружающих Аренского пугливо передернуло. Скрябин, однако, оказал нежную внимательность, был детски-трогательно заботлив: «Ну — как, ну — как Вы? Как ваше здоровье. Дай Вам Бог...» — Я рад, что Вы цените звонарей. Я рад, что Вы заинтересовались и моим звоном. Но не буду писать об этом сегодня, — да и пока Вы не подтвердите желания о нем слышать: — боюсь, что Вам надоедят мои рассказы. Дурень, я дурень, — вызвался сказать об «Артамоновых»! Не очень-то легко! Я читал — и следил рассказ по летящим передо мной страницам — как каскад водопада по уступам, любясь переливами — и, следя за смелой лодкой повествования. «Вот это — замечательно!» — сказал я себе самому, прочитав, напр[имер], описание свадьбы. Вот как удалось! — по-новому передать вечно-русский узел встреч бытовых корней — Свадьбу. Потом — смотрю: — смена поколений дана без «ругон-маккаровских»⁷ длиннот (в растяжку) — а *концентрированно* — одновременно. Это — здорово! сказал я. (Иногда я, по-видимому, очень вульгарен — наедине). Но когда я понял, как объявлен *Тихон Вялов*, как он *целиком* неизвестен до последней страницы книги, а потом — ретроспективно вырастает во весь рост — как живой Рок, Демон Совесть и Человек! — Вот тут я сказал: *Волшебство*. А в примечаниях — думаю — хорошо, как показаны женщины. Прелесть — и распад — женского существа (Наталья). Видишь толстобрюхость, тупость — но помнишь, — что была несомненная прелесть на этом, или под этим — человеческим тестом. И «кутеж» Петра. И таинственно-живой мрамор Паулы Менотти. И озорство. И путь России изнутри — и *через*.

Может, критики и изобретут что плохое. На то они и «критики». А я, слава Богу, не критик. Спасибо Вам еще раз. Ольгу Дмитриевну Форш — видел как-то на сумбурном «Никитинском Субботнике» — где —

и — академик, и герой —
и мореплаватель, и плотник,
Весьма паскудную ордой
На свой стекался субботник.

Она мне почему-то сказала что-то ласковое после моей речи. Я понял, что она добра.

Алексей Максимович! Даю Вам обещание — не уходить целиком в «форму». Но прошу Вас, будьте снисходительны к обилию посылаемых стихов. И если найдете что доброе, не посетуйте на трудность поисков. А мне очень хочется, чтоб Вам еще что-нибудь понравилось. Только вряд ли? А вдруг я еще напишу что-

нибудь хорошее. Впрочем, правы, что я мало верю. Как трудно быть поэтом.

Преданный Вам

Борис Зубакин. /.../⁸

¹ *Дуров* Владимир Леонидович (1863-1934) — известный дрессировщик, создатель научной школы дрессировки животных.

² Аллюзия на Горация: Оды, I, 1.

³ *Скрябина* Любовь Александровна (1852-1941) — тетка композитора по отцу.

⁴ *Грушка* Аполлон Аполлонович (1870-1929) — профессор Московского университета, филолог-классик, у которого в Большом Николопесковском переулке композитор снимал квартиру (ныне Музей А.Н.Скрябина).

⁵ *Аренский* Антоний Степанович (1861-1906) — композитор и дирижер, профессор Московской консерватории, учитель Скрябина, не понявший своеобразия таланта замечательного ученика и лишивший его композиторского диплома.

⁶ *Рыцарь передает Св. Деве — Розу* — вероятно, Зубакин знал о том, что Скрябин был розенкрейцером.

⁷ Намек на 20-томную эпопею Э.Золя.

⁸ Пропущены тексты стихотворений: «Рахиль», «Невеста», «Старуха» [МБ. С.41], «Подруге этих дней», «Баллада» («Он был ткачом в местечке близ Арденнов...») [НУ. С.328], «О — мир, — я твой! Босым ногам...», «В лесу», «Возвращение», «Мне ребра обтянули нити...» [МБ. С.52], «Тверская полевая», «Пусть к одиночью я прикован...», «Только те стихи хороши...».

10. Горький — Зубакину

25 января 1927, Сорренто

Получил Ваше письмо, Борис Михайлович, прочитал; перечитал все письма Ваши, полученные раньше, стихи прочитал и — вот итог моих впечатлений. Вы, сударь, изумительно талантливый человек, и — по-русски — безумно талантливый, думается даже, что Вы на границе гениальности. Впечатление это внушается не стихами Вашими, не великолепными рассказами художника-фантаста о коте, о собаке и Скрябине, а всем «тонусом» Вашим, — всею «структурой» души, как она чувствуется по письмам Вашим и стихам, по корявому почерку и по «своим словам» стихов и писем. Уж такой, охмеляющий необычным, аромат исходит от Вас,

так Вы поетесь для моей души, которую — напомним — волновали встречи и столкновения с такими людьми, как Лев Толстой, Владимир Ленин. Вот куда я Вас дерзко, но уверенно, ставлю, понимая, однако, что Вы хаотичнее их. В хаотичности этой и свобода — т.е. счастье Ваше, — но в ней же и угроза Вам, ибо Вы можете расплескать сокровища души Вашей по капелькам и «в пусто», как это Вы уже и делаете. Заметно у Вас редкое качество: Вы не утратили способности удивляться себе самому. Вы, кажется, хорошо любите таинственное «человеческое» в самом себе. Эта способность, эта любовь — на мой взгляд — обязательна для людей и должна бы являться главной сущностью их души, но я еще не встречал человека, который понимал бы это, был бы этим насыщен. Вы, Б.М., быть может, недоверчиво усмехнетесь, а может быть, и возмутят Вас мои размышления и суждения, если Вы почувствуете скрытый в них, /вместе с/ под удивлением пред Вами, упрек Вам и страх за Вас. Упрек — потому что Вы не должны бы и, пожалуй, не имеете права разбрасывать себя *только* на стихи, на письма; страх перед тем, что вы не сделаете того, что можете сделать. Не правильно было бы сказать, что Вы зарываете таланты Ваши в землю, но, возможно, что Вы делаете еще хуже — распыляя их поверх земли. Я не знаю, *что* Вам следует сделать с собою, но чувствую: что-то надобно. Быть может, — временно — Вы должны сосредоточить все Ваши силы на стихах, но уверен, что Вы могли бы отлично и своеобразно писать прозу. Не знаю Вашего отношения к науке, но, вероятно, и в этой области Вы «сам по себе». Ибо — повторю — на мой взгляд, Вы человек талантливый во все стороны. Это — кажется — только русская черта. Гете? Ломоносов, с его плохими для нас стихами, как «натура» гениальнее Веймарнского [Так! — Ю.К.] поэта.

Стихи Ваши снова отличные: «И под крылительные ноги Землицу стелет легкий ветерок», «Столетних рук цыплячи кисти» — это прекрасно. «Крылительные» — несколько мешает. Очень хорошо: «подруге этих дней», «Баллада», «Невеста», да и все хорошо. Чувствуется, что вы умеете любить женщину благодарно. И — возвышенно, как один поэт татарин, который сказал, что он видит звезды в небе, как женский орган половой. Был он юноша целомудренный и страстный.

Тихона Вялова в «Артамоновых» Вы первый поняли правильно. Стихов я не пишу, давно уже, но всю жизнь хотелось написать хорошее стихотворение.

Книги Вам передадут в Москве, поэтому не могу сделать надписи, но сделаю это, когда буду иметь русские издания здесь.

Что я вижу из окна? Корявые стволы, седоватую листву олив, апельсиновые и лимонные деревья, кусты олеандра, гору, которая круто спускается к неаполитанскому заливу. На месте, где я живу, была вилла поэта Поллиус'а Феликс'а, это было во времена Октавиана Августа², а теперь это место собственность герцога Серра Каприола и арендуется крестьянами. Среди олив, апельсинов, в доме стиля «барокко», полуразрушенном, живет крестьянин Покионе, платит герцогу аренду 20 тысяч в год, имеет в банке 300 тысяч лир, ходит босый [Так! — Ю.К.], в отрепьях, но осанка у него вельможная. Шутки ради я подарил ему материи на рубахи, он отдал мне превосходным вином, а рубах себе не сшил, материю же отдал в приданое за племянницей. Это не значит, что он скуп, нет, просто он — крестьянин. Гостеприимен, корректен, делает вино по книжке, изданной в 1856 г., оливы у него бьет червячок, но так как они чужие, это его не беспокоит. С другой стороны у меня соседка Пепинелла, огромная женщина, тоже аренда торша и тоже богата. Она живет одиноко, ибо у нее в молодости был роман с родным братом, 20 лет прошло с той поры, но — люди памятьливы на все, чего они не понимают. Вижу я из окна залив, Везувий, города: Santa Annunziata, Torre dell Greco, кусок Castellamare — древняя Stabia, порт Помпеи — вижу Sorrento. Вечером и ночью весь берег залива в богатейшем ожерелье огней. Живу я в за Sorrento — минут 15 пешком. Тишина по ночам — изумительная и кажется необоримой.

Но писать о здешнем пейзаже так же невозможно, как о «роскошно» одетой женщине, а о женщине «роскошно» одетой писать — оскорбительно для нее. Карточку свою я Вам пришло большую, это будет в марте. Вам ее привезут. Книги получили? Что Вы читаете? Нравится ли Вам Пришвин³? Его «Кашеева цепь»? Не знакомы ли с Булгаковым? В каких «кругах» Вы?

В марте мне будет 59 лет. Как я уже говорил — много было встречено мною людей больших и «сложных». Редко кто из них так чудесно «омоложивал» меня, как это делаете Вы. Спасибо Вам. Берегите себя.

Пишите. Письма Ваши — радость.

А. Пешков
Sorrento

P.S. У Вас есть работы по специальности? Не пришлете ли? А карточку Вашу не пришлете мне?

А. П.

¹ Текст в косых скобках зачеркнут Горьким.

² Ошибка Горького: *Поллиус Феликс* — поэт, живший не при Октавиане Августе, а при императоре Домициане.

³ *М.М.Пришвин* был убежден в необходимости «родственного внимания человека к миру». Искусство понимал как одну из форм творческого поведения. Близок к М.М.Бахтину с его философией поступка и диалогизмом.

11. Зубакин — Горькому

[Без даты. Начало февраля 1927]

Дорогой и Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Напишите, пожалуйста, какого числа по новому стилю будет Ваше рождение? Я хочу тоже чувствовать праздником этот день. Вы прислали мне такое замечательно доброе письмо! Как это хорошо с Вашей стороны и как я Вам *за Вас* благодарен! Вы — большой подарок в моей жизни, и *первый человек в жизни* — с которым я переписываюсь. —

Один *Поэт* — поймет поэта
И не ведет с душою торг.

И Вы меня оценили как могли — больше. Я гордился Вами, читая Ваше письмо. Впрочем, я давно уже Вами горжусь! Нагель у Гамсуна — лежа в траве, размышлялся наподобие Вас — тоже о каком-то захудалом адвокатике: — «Этот Олэ!», — в порыве такого же, всечеловеческого великодушия — восклицал он — «гениален — и гениально-всеобъемлющ! Да-да, — это Олэ — нашел Закон притяжения земли; — Олэ создал таблицу умножения и парламентский строй! Да, да, адвокат Олэ!» — и, наконец, вопреки всему, самым им создаваемому, — здравому смыслу, в пароксизме одаряющей нежности и любви к миру — воскликнул: «Адвокат Олэ — создал и траву, и эти звезды, — всю Вселенную создал он, — адвокат Олэ!» Да простит мне Гамсун слишком вольное цитирование, но право же, там было нечто подобное, и я с восторгом читал эту его страницу. С таким же чувством читал я и первую страницу Вашего доброго и великодушного письма обо мне. Но с другой стороны, в *Ваших же* глазах я теперь рискую попасть в глупейшее положение: что, если мои следующие-то письма покажутся Вам очень глупыми и безвкусными, а я — бездарным, как транспарант? Хорошее дело! — Откровенно говоря, себя я не считаю талантливым, но то, что таким именно сочли меня Вы — восхищает меня Вашей дарящей добротой и силой этой Доброты! Да, так вот и рассказы мои будут неудачны. Я и стараться не берусь. А то... — при мне как-то хвалили голос доброприятельницы моей

(когда-то «мировой» певицы) Анны Мейчик², — тут же сидела ее старуха-мать. Кто-то сказал при этом, что мощный певческий голос у них в семье Мейчик, — *наследственный*. Так старуха-то *после* этих слов просияла — и стала разговаривать таким меццо-басом, что я был оглушен (а ведь до этого-то говорила — как люди). Вот и я хотел было писать Вам самые веселые вещи, — а теперь немного побаиваюсь: мне жаль Вас огорчать. Дорогой Алексей Максимович! — Подержитесь еще немного обо мне хорошего мнения, ну, самое немножечко, — хорошо? Когда я буду писать глупость — решите, что я «не в голосе». Я Вас *очень уважаю* и за то еще, что Вы ко мне хорошо отнеслись. Я заметил, что это не легкое дело для моих ближних. Я заметил также, что принимают = прощают меня или большие люди (талантом, духом), или совсем *святые, простые, чистые* (простецы = старцы, юродивые, рабочие-металлисты, латышские солдаты, финские матросы и немецкие сиделки за больными). Ну, а вот «среднего регистра» люди никак не принимают, и очень сердятся, не зная: любить или ненавидеть. Но я знаю, что любить меня, конечно, трудно, большое надо терпение и многопрощающее сердце. Я потому очень уважаю тех, кто меня любит. — Спрашиваю себя: а вот, если бы я сам встретил такого человека, как я, — ну как? — Нет — вижу — я бы его не полюбил. Не нравятся мне такие люди. Сам-то я хочу быть в регистре со старцами и металлитами. Но все-таки я бы его пожалел и, знаете, даже бы уважал. Несомненно, уважал бы кое за что, напр., за намерения и верность. Ну, понятно, сочувствовал бы, раз, все-таки, это был бы я, как-никак сам. А как бы Вы, Алексей Максимович, отнеслись, если бы встретили, как в сказке, — ну точь в точь такого, как Вы? — (небось, не напишете, дескать, так я ему и скажу?) И вот, Брюсова, которого вы не любите (ведь правда?) я считаю не малым по доброте человеком, раз он меня — (хоть и не без великих трудов с его стороны) ухитряется любить. И Вячеслава Иванова за это же — особо уважаю. (Хотя, увы, между нами глупо встала мстящая женщина, а была она — человек неплохой, наговорила на меня чего и не надо, — и судьба растащила нас друг от друга). Вот Белый, на которого я ничем его хорошим не похож, а пожалуй, похож, — всем плохим, меня очень боится — антропософически. Кажется, любит, побаиваясь (неизвестно чего, впрочем, я его как-то упрекал жестоко), Пастернак. Любят истово и просто (но, может, в пику моим «врагам»), как и я их — Пильняк и П.Романов³. Был очень благожелателен всегда Пришвин, и, как сам говорил, — хотел на книгу свою даже поставить эпиграф из моих стихов, да побоялся, как он сам сказал. (Я сидел в тюрьме — он и побоялся). Но, все-таки, это не мой

«круг», о котором Вы спросили. Дорогой Алексей Максимович! Мне нужно очень о многом Вам написать. Вы мне не ответили о Вашем здоровье? А я так малодушен, что обрадовался, что не ответили — могу до следующего Вашего письма воображать, что раз молчите — значит — хорошо. (Хотя, учитывая Ваш характер, думаю, что может быть и наоборот. Все-таки неспокоен. Я — не помню особенного случая страха за себя. Но как глупо я боюсь за тех, кого вижу, просто глупо. Это хорошо, что моего сына увезли (в одном т.е. отношении): когда я видел, как он в руку брал ножницы или иголку — у меня мутилось в глазах — и «иголочки» бегали под рукавом рубашки до самого затылка. А я, конечно, не мог и виду показать — и рассказывал ему разные рацеи — о «героях»!

Как хорошо, что Вы пришлете карточку! Вы тоже, значит, обращаете внимание на почерк? Пожалуйста, в уголке карточки напишите свое имя: у меня будут сразу перед глазами и Ваше лицо — и Ваше человеческое имя? Я почти научился угадывать по письму — Ваш голос: иногда немного глуховатый, но отчетливый. Вы, вероятно, не запинаетесь, но делаете паузы! Потом голос быстро-быстро начинает рокотать. Смеяться умеете громко. Но, лучше усмехаетесь тихо, про себя. Наедине же можете тоже весело расхохотаться. Наберу денег и снимусь для вас — я, приблизительно, такой:

[Рисунок] — лысина на маленьких, чужих мне «ножках».

[Написано другим почерком: «Он похож, только нос длинен, про ножки не верно: маленькие, но не чужие.»]

(Это я просил подписать под «портретом» мнение эксперта: у меня в комнате лежит (нездоровая) моя взрослая (20-летняя) «дочь» Елена. Она носит мою фамилию и считается «женою». Пусть. Она же сказала как-то весьма задумчиво: «Мы оба с тобой бедные, но оба очень хорошие». (Угодно ли?!) С детства чувствую себя очень большого роста и силы непомерной. (Почему — неизвестно, от какого-то избытка, что ли).

Книги, спасибо, получил: переслала очень вежливо и аккуратно Екатерина Павловна⁴. Что она мне говорила по телефону — не понял, но из ответной «вежливости» — не переспросил — и сказал ей, кажется, невпопад, что она очень добрая. Боюсь, что она сочла меня вовсе за дурака, да и на Вас подивилась, что Вы с таким «связываетесь». Почерк-то мой Вы находите «корявым», а я стараюсь изо всех сил. Даже одну или две страницы пишу «начерно», но потом бросаю и опять пишу «начисто», потому что с «черновика» — самому не разобрать. У Вас почерк замечательный: прозрачный, напоминает пейзаж Левитана. Очень прозрачно-грустный, задумчивый и милый. В заглавных буквах большая

у Вас затаена сила. Но буквы разорваны: знак потрясений и ударов неисцелимых. Отсюда и в наклоне влево — затаенность. Только буквы круглы и благородно-изящны. Значит, затаено — не плохое, а лучшее — священное. И еще, — в некоторых расстановках букв — напр.: «художника-фантаста» чувствую я бурный сокровенный темперамент⁵. Так в медной трубе сокрыт выклик войны! И Валькирии битвы! Прижми к губам, дохни на нее — и вдруг понесутся, заплещут над землю огненные кони и босые Воительницы, круто охватив их бока, потрясают мечами и бешенством гривы! (Не локоны же у Валькирий!) Вы очень добры ко мне, очень. Мне никогда не сумею быть таким деликатным, как Вы — заботливым и внимательным к человеку. Но я обещаю постараться быть хоть немного когда-нибудь таким, как Вы. А пока я похож на Слона, который после смерти наседки объявляет, собравши цыплят, что заменит им маму, и, исполняя обещанное — садится нежно на них — и... тут же их давит. Да... О том, что *Вы* правы, боясь за меня, напишу потом. А сейчас мне очень хочется «о тараканах». А потом, Вы забыли о звонаре? — я сделаю вид, что Вы «забыли» — и, все-таки, расскажу потом и о нем.

Ваша проза — местами — просто стихи! Но по счастью, без назойливого «ритмичанья». Этим я хочу сказать, что отдельные строчки — имеют самоценное, насыщающее значение. Но по счастью — не выпирают из всей вещи, а *скрепляют* ее! И что — удивительно: оригинальны, — органически, не раздражая глаз своей особливостью, а *одаряя* его. Дарственный Вы человек! «В *гладко отшлифованной* воде шевелятся золотыми тараканами отражения *утонувших* звезд!» — «...Вдали, в *плотной тьме* воды и воздуха — зубчатые желтые трещины — огни невидимого города». — «*Прошита медной проволокой* звездных лучей»... «Зубы у доктора прорезывались не там, где у всех людей, а *значительно ниже*, настоящий же человеческий рот — *невидимо и крепко* защит волосами» — (о тараканах): «...двигая *бровями, большими, как усы...*» — «и *тотчас, в щель его речи* полился холодный, мягкий голос автора» («Репетиция»). «Пустой *мешок* зрительного зала» (там же), или «Катились дни, быстро перепрыгивая через *темные ямы* ночей» («Голубая жизнь») или — изумительное «течение реки дает *мягкий басовый звук*, все другие звуки *смываются* им, но не вполне: — они *видны слуху как сквозь мутное стекло*». (Не могу же я выписывать целые страницы!) Когда я встречаю у Вас такой глаз, слух и вкус — я соображаю, об авторе-владельце их, что мнение этого человека о моих стихах, при всем моем отчаянии — равнодушия к моим стихам — далеко небезынтересно. «Тараканы» — благородная книга. Показать «маленького человека»

— и в игре, в узоре, в масштабе его же серой пустоши и «бездари», — показать единство закона величия и человеческой значимости во всех людях... — спасибо Вам за это! — Ключ к очень большим тайнам «другой» души, — даете Вы страницами о Лесли Мортоне-эксцентрике! Да, в тараканьски выраженном масштабе это — *Сам* «пляшущий (танцующий) бог», которого мечтал для себя — встретить Ницше (отсюда его сходство или, вернее, сходство Машиниста Черногорова — с ним)! Это — Дионис, это Магомет — освободитель арабов, это и просто — Лесли Мортон! Мировой Лесли Мортон! Как Мировым — веет от античного мрамора Вашей Паулы Менотти. Ваши вещи *хочется* перечитывать. Какой безошибочный признак — живой *их* правды. Подчеркиваю не слово «живой» — и не слово «правды», а *их* правды! («живого» просто и «правды» просто много и так. Напр., — бациллы тифа — *живы*, — и закон насилия, к сожалению, *правда*, но *нашей* — «*их*» правды — не много удастся сказать пока на этой земле!) Мне часто кажется, что Вы не писатель, а только мой Звездный Друг, — Путешественник по Вселенной. И ум у Вас особый, невероятный по глубине. Некоторые стороны Вашего Ума — мне представляются (интимно и ласково) в образе народной сказки «О Конской Голове», плохо понятой когда-то знакомицей моей — Теффи⁶. Помните? *Примерно так*: Пошел Мужик в лес, — и вдруг навстречу ему — Конская Голова: «Здравствуй, говорит, дядюшка, а я к тебе жить иду». Испугался мужик, — однако, — *делать нечего* — пошел вдвоем назад на деревню. Подкатилась Голова под лавку — поил ее мужик, кормил, — а еды-то и не стало. Конская Голова и говорит: «Копай, — говорит, — дядюшка, землю у крыльца». — «Зачем ее копать?» — «Копай», — говорит. Делать нечего: — пошел Мужик копать. Полдень жаркий. Пот ручьем — жарко. Проезжает начальник той губернии — видит: все мужики спать завалились после обеда, один лишь мужик у крыльца работает. Вот он кто самый-то работающий будет — и сделал Начальник — Мужика — старостой. Опять нашлось, чем жить, что жать, чем ши заедать. Идет времячко не очень шибко, не очень ходко — ночь за днем поспевает, да его обгоняет. Конская Голова вдруг и говорит: «Пойди, — говорит, — дядюшка к Царю, сватай за меня Цареву дочку». Делать нечего, видит Мужик — серьезно говорит Голова, — надел медаль — пошел к Царю сватать. «Так и так, мол», — говорит. Затосковал Царь, видит, — делать нечего — и отдал замуж за Конскую Голову дочку. Вот какая — Конская Голова! Вот такая — загадочная, вопреки всякому умыслу — попадающая прямо в точку, втайне от себя самой все знающая — есть у Вас в Разуме — сказочность. Пожалуйста, не сердитесь. Я почти

уже знаю, что Вы скажете, что у меня-то, Зубакина, не конская — а — ослиная. Верно. А на нас — зато — Христос въезжал! — Я очень, очень Вам рад. За теплоту Вашу, за доброту Вашу благодарен. Мне еще передали «Мои университеты» — и «Заметки из дневника». Ну, об этом я писать без Вашего на то желания — пока не буду. Спасибо Вам за Ломоносова! Люблю его — с детства — и до сих пор. И стихи его некоторые все-таки замечательные! И обороты изумительно изящны: — «Изволила Елизавет». — О нем в детстве писал стихи.

Я думал, что Вы на Капри. Как хорошо, что вокруг Вас такая благодать жизни. По одной причине о Капри я мечтал с детства и написал поэму.

Вы правы, беспокоясь за меня. Это ведь я написал *девяти* лет в дневнике: «Боже, научи меня быть обыкновенным мальчиком» — и через страницу — «опять не удалось». В том же дневнике было сказано: «Как странно: девочки, которым я нравлюсь, мне не нравятся — и наоборот». Впрочем, на этом дневник обрывается (но и после того много было — «наоборот»). О том, как я боялся растрачиться, напишу в другом письме — Вам на суд и милость. Не очень смейтесь и сердчайте: посылаю Вам снимок с бюста Брюсова (в год его смерти). Брюсов любил его, а близкие Брюсову — Вяч. Иванов, Адалис⁷, Пяст и др. без всякого сарказма находили очень схожим. Пожалуйста, не очень ругайте этот бюст. Снимок неважен (т.е. просто ужасен), но мне хочется, *чтобы Вы мне написали об этом снимке*. Хорошо?

Мне нужно еще так много написать Вам в ответ, что напишу еще одно письмо (а Вы не читайте только сразу: отдохните, пожалуйста). Напишите мне, пожалуйста, что Вы думаете о Гамсу-не. Я не все люблю у него. Но «Пан», но «Мистерии» — и по детским воспоминаниям «Виктория» — мне милы. Пожалуйста. (Один дурачок-студент тоже думал, что слово «пожалуйста» все покрывает. «Пожалуйста, — говаривал он в третьем часу ночи, вваливаясь в чужой дом и всех будя, — не беспокойтесь: я только переночую и уйду!» — «Пожалуйста, дайте 10 рублей. Нету? Пожалуйста — не затрудняйтесь: у Вас рубль? — Ну, дайте рубль»). У нас очень ждут Тагора. Мне было понравился его «Садовник» (а Вам?), но очень стало досадно, что он — хочет быть «европейцем» — «по-европейски», — а европейцем надо быть «классически» — и «сверху». Прочел с горечью за Вас — о безобразиях, которые вынудили Вас к письму в «Известиях». Да, уж я-то Ваши письма не опубликую! Вы меня и переживете, даст Бог: у меня неважнецкий порок сердца. Все-таки — Вы меня очень порадовали, написав, что Вас не раздражают мои письма. (Вот увидите, я ско-

ро научусь писать короче). Мне очень хочется Вам написать о многом веселом и нежном: чтоб не скучали. А как замечательно мило, что Вы не бросаете мои письма! Значит, у Вас целы все мои стихи? У меня и самого многих нет (писал наизусть). Когда я умру, пожалуйста, издайте что-нибудь из них с соболезнующим маленьким предисловием, — хотя бы в пользу Мопра. (Хотя, вряд ли поблагодарила бы меня за такой подарок Ек[атерина] П[авлов-]на). Да, не угодно ли? Понес «Камаринскую» в редакцию «Крестьянского журнала». Взяли. Прихожу через неделю: «Напечатали?» — «Напечатаем. Хорошие, говорят, стихи: ритм замечательный». Ну хорошо, иду к дверям. «Мы только, — говорит секретарь мне вдогонку, — дали их одному нашему молодому поэту переработать в духе нашей редакции». — «Как переработать?!!» — «Восемь первых строк мы оставили, не беспокойтесь, — а там дальше очень ловко с новым добавлением получается». Ну а «мужик тверез» — выкинули — не подходит к общему *веселому* тону. Да. А потом, знаете, «заплясала наша церква» и проч. — выкинули. «Почему же?» — «Мы решили не затрагивать религиозного чувства». — «Так при чем же тут религиозное чувство-то?!?» — «Неудобно, знаете, как-то, товарищ, неудобно». Я ушел из редакции — и в голове у меня тоже, как-то неудобно — мутилось не похоже на то, как когда я ножницы видел в руках у сына — но зато очень противно. Впрочем — не впервые — попадать под такие редакторские ножницы. Обидно — но смешно. Обидно = смешно.

Ваш Б.Зубакин

P.S. Есть ли в у вас рояль поблизости? Я бы прислал свои детские песенки (изданы худшие — и с «ножницами»). Только не поймут итальянские детишки. Текст-то русский и немецкий. Да и Вам неинтересно. Пишу еще письмо.

P.S. P.S. Письмо-то вышло длинно-идиотическое: «меццо-басом» старухи Мейчик. Простите меня, пожалуйста.

NB! NB! простите за кляксы: чернила адовые — переписывать безнадежно — да и переписчик тот же, все равно испорчу! Пожалуйста, не сердитесь — перо скачет, как мустанг⁸.

Пользуясь свободным местом — сообщаю еще анекдот: из-за дружбы с Дрожжиным⁹ — и то по желанию приятелей — подал анкету для зачисления во всер[оссийский] С[оюз] Крест[ьянских] писателей¹⁰. Выдают билет. (Кстати до профессуры 2-3 года в глуши был сельским учителем и... заменял лекаря). 2 песни мои — поют в Тверск[ой] губер[нии] и проч. Вдруг — меня предупреждают, что «полным» членом мне быть нельзя — (по распоряжению Д. — Хомяковского и др.) — ибо — у меня не крестьянское происхождение!!! (Я сын офицера). Объявили мне об этом лица отнюдь

не «...крестьянского ...происхождения». Любопытно, Л.Толстого или Ленина приняли бы в «полные» или нет? К истории «Камаринской», которую Вы одобряли.

Ну вот, полюбуйтесь! Они все-таки «напечатали» — в «переделке своего редакционного поэта»! И в хорошей «компании». Зачем поставили мою фамилию — неизвестно!

Полагаю, что эти стихи нашли отличными и не нуждающимися в переделке своими «силами»¹¹.

(Хоть бы написали, что это «переделка», вариант, так — нет!)

НВ! Вот что они наделали. Как Вам нравится такая композиция «редакционного поэта»?! Прямо перлы из перловой похлебки!

Согласно французской пословице — «лучшая девушка не может дать больше... чем она имеет»... даже если у нее «брови — кисти».

Да, это, — как говорил один генерал на смотру: «Отлично, хорошо, и даже можно сказать... удовлетворительно»¹².

¹ [Юхан Нильсен] *Нагель, Оле* [Уле] — герои «Мистерий» Кнута Гамсуна.

² *Мейчик Анна* Давыдовна (1875-1934) — певица. Обладала прекрасным контральто, пела в Мариинском театре. С 1922 жила за границей. Пела в Милане в театре Ла Скала, в Нью-Йорке в Метрополитен Опера. Руководила вокальной школой в Нью-Йорке.

³ Статья Зубакина о творчестве *Б.А.Пильняка* (Россия. 1923. №5. Январь. С.29-30 — рец. на повесть «Третья столица») долгое время считалась лучшим из написанного об этом писателе. *Романов* Пантелеймон Сергеевич (1888-1938) — писатель. Друг А.И.Цветаевой.

⁴ Пешкова (урожд. Волжина) *Екатерина Павловна* (1876-1965) — в 1896-1904 — жена Горького, мать его сына Максима и дочери Екатерины. В 1923-1937 — во главе «Помощи политическим заключенным».

⁵ В подчеркнутых местах Зубакин имитирует почерк Горького.

⁶ *Тэффи* (наст. фам. Лохвицкая) Надежда Александровна (1872-1952) — популярная писательница-юмористка и сатирик. С 1920 в эмиграции.

⁷ *Адалис* (наст. фам. Ефрон) Аделина Ефимовна (1900-1969) — поэтесса, переводчица; возлюбленная В.Я.Брюсова.

⁸ Нижеследующий текст на приложенном к письму листе из «Крестьянского журнала» (1927. №2. С.9-10).

⁹ *Дрожжин* Спиридон Дмитриевич (1848-1930) — поэт-крестьянин. К его творчеству проявляли интерес Л.Толстой, Р.-М.Рильке. В 1915

книга Дрожжина «Песни старого пахаря» была отмечена почетным отзывом им.Пушкина.

¹⁰ *Всероссийский Союз Крестьянских поэтов* — в Москве 9 мая 1921 был принят устав этого Союза, просуществовавшего до 1932.

¹¹ Эта фраза написана около стихотворения М.Шишорина «На учебе». Следующий далее текст — у заголовка: «Б.Зубакин. Камаринская». Текст стихотворения испещрен пометками, подчеркиваниями, восклицательными знаками.

¹² К письму приложена фотография бюста Брюсова с надписью: «Это — Брюсов, не — я, но все-таки отчасти кое в чем — и я. Вот почему — я посылаю этот скверный снимок».

12. Зубакин — Горькому

[Без даты. Между 1 и 7 февраля 1927]

Дорогой и Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

А у Вас нет рисунка или фотографии Вашей комнаты? Жаль, если нет. Вы умеете рисовать? Наверное, умеете. Вы были так внимательны, что спросили о моих научных трудах. Моя наука — мое больное место. Рассказать об этом — потребуются целая биография. Вот несколько слов об этом. С 5 — до 17 моих лет — меня воспитывало четверо ученых — я им всем обязан (первый — мой воспитатель ученик астронома Глазенапа¹ — Протасевич, второй — крестный отец мой историк Борзаковский², третий — великий археолог Балсуновский и четвертый — естествоиспытатель А. фон Кордиг³; трое последних великодушно считали меня своим преемником). «История Тверского княжества» В.С.Борзаковского — послужила вообще образцом изучения удельного периода Рус. истории. Благодарный ученик Борзаковского — академ. Платонов⁴. Я старался посылно разработать идеи К.В.Балсуновского (хотя бы о герметическом культе на юге России, «о едином интернационале» доисторической культуры народов, о значении нумизматического материала для изучения истории религий, о фиктивном значении для культуры — переселения народов и о преувеличении объемом этого события) — ныне большинство этих идей, начатки коих высказаны Балсуновским 20 лет назад, а мной в 1909-10, т.е. 17 лет назад, — торжествуют повсюду. NB. Вот недавно англ. египтолог Фл.Петри⁵ нашел в Египте орудия позднего европейского палеолита — и утверждает связь Египта с Кавказом! А установленное сходство названий, символов и культов у азиатских семитов и полинезийцев! А работы хотя бы Девиня (1924, Paris) — все это подтверждение идей, высказанных Балсуновским, —

через столько лет! (С 14-летнего возраста я уже читал свои доклады, — а в 30 лет уже отошел — от «всего»). Александр Каспарович фон-Кордиг, благодаря скромности своей, мало известен. Он привез, между прочим, и ввел в обиход корень Жень-Жень (к которому опять с прошлого года привлекается внимание). За Жень-Жень он имел какую-то хвалебную грамоту от министерства, над которой очень смеялся. Воспитатели мои старались систематизировать и разнообразить мое чтение (интересовался я только историей и философией, проблемами средневековых ученых о единстве элементов и отчасти филологией); против моих мыслей — они *не боролись*; на склад их не влияли, но требовали строгой отчетливости и обоснований. Когда я выругал какую-то географическую книгу — Протасевич принес стопу бумаги и сказал: «потрудись писать лучшую». Мне было 13 лет. Я упрямо сел писать сводку и выводы исторических исследований Полинезии. От души желаю каждому иметь таких учителей. С детства я пожелал быть профессором истории — чтобы передавать свое восхищение от жизни человечества и свои замыслы — самому живому и активному в жизни — молодежи. Затем, в последнем классе гимназии (в 1911/12 году) произошел поворот в моих решениях (в «тактике»): решил удержаться от профессуры, замкнуться в деревне и работать над собой и над своей философской работой. Я отрекся от литературы и искусства (стихи мои уже становились отчасти известными в литер[атурных] кругах — и я был выбран членом рел[игиозно]-филос[офского] общества и др.) — и замкнулся на 4 года в старом дедовском загородном доме-усадьбе с высокой деревянной башней (первой моей обсерваторией). Протасевича уже не было. Усадьбу унаследовал я от деда — но меня разорила — опека. В 1915 году под влиянием «философических» соображений — ушел добровольно на фронт (с омерзением к войне, с чувством обязанности не оставаться «чистеньким» — при всеобщей грязи, уверенный в бесполезности и проигрыше войны, который предсказывал к всеобщему неудовольствию, — и пр.). Многие, причислившие меня заблаговременно «к лику святых отец», отшатнулись. Туда же дорога! На фронт я увез целую библиотеку и почетный диплом (закрытого Institut'a Art. Liberalium) за мои работы по истории тайных обществ и учениях «об именах Божиих в Каббалистических сектах». Был мне 21-й год. До октября 1918 года — при всех пертурбациях, — я писал и работал над книгой «Опыт философии религии как антеципации культуры» (пишут «антиципация», но это филологически глупо; несомненно, рел[игиозное] творчество предвосхищает отдаленные цели культуры и потому совпадает с творчеством художественным). Да, с 16 по 18 г. наездами читал

лекции в Питере (одну публичную в 15 г.) — у себя на дому и у проф. Л. Карсавина⁶ (в квартире при филологическом институте). Судьба моя горькая, читать лекции профессорам, а самому оставаться «в дворниках» при науке. А, впрочем, и не так уж горько. В 1919/20 году, шутки ради, сдал экзамены при Моск[овском] Археологическом Институте, получил ученые степени за 2 работы (из них одна вышеупомянутая) и получил предложение занять кафедру. (Что и сделал под давлением, с одной стороны, профессуры, с другой, — детских воспоминаний — о желании когда-то быть «профессором»). Читал курс в Москве и на Смоленском и Витебском отделениях. Прочел ряд публичных циклов лекций в Москве и других городах по вопросам литературы и искусства. Но основным моим курсом был: сравнительная история первобытных культов. Меня преувеличенно любили студенты, ненавидело большинство профессуры, но несколько упорных старых и молодых профессоров и особенно маститый ректор — усиленно отстаивали. Ректор сулил мне поездку в Италию (у нас в Риме было отделение), а впоследствии обещал мне и самостоятельное проректорство и открытие нового отделения в Египте. И вот, вдруг, после всего этого... Однажды, сидя на телеге, я читал «афоризм» Вовенарга⁷ (протеже Вольтера), и когда дошел до слов: «сильного человека может сломить только болезнь или случайность» — точно холодный палец — холодок какого-то предчувствия упал мне на лоб. — И действительно, меня затравили вскорее, как собаку, — безжалостно и тупо — путив легенду, что я предатель своего ректора и еще черт знает что. Вот она — случайность. А я — не слабый. Ну, об этом потом.

Так вот. Археолог я плохой. Ученый, в традиционном смысле слова, — сомнительный. У меня только проклятый дар — предвидеть выводы, к которым придут в науке. Мои мысли и оценки литературные и научные через пять-шесть лет — по неизвестному высказыванию мною — становились трюизмами — потом! Хотя мне всегда приятно находить подтверждение своим мыслям у умов более мощных и опытных. Короче говоря, — и я могу сказать вместе с Александром Ивановичем⁸ Хлестаковым, — что «Юрий Милославский — тоже мной написан». Практически — невеликая в этом честь. (Помню, как в 1909-10 году я говорил, что прозаики вернутся к Лескову, поэты по-новому до-оценят Ломоносова и Державина и труды Тредьяковского⁹; — теперь это уже банально! Интерес мой к напевной поэзии, мой прозаический рефрен — 1913 год, — а эту «америку» — открывают ныне «Конструктивисты» с необычайным громом через 15 лет. Тогда же я клялся, что наука пересмотрит вопрос о единстве химических элементов, и вот в

24 году Матэ — нашел золото — из ртути; о вещественности *мысленной* вибрации мозга (я ставил первые опыты в 1910-11 году) (см. утверждения ныне Лазарева¹⁰ и пр.); в 1910 же году, говорил о *влиянии солнечных пятен* (которые я наблюдал с Протасевичем) (об этом теперь целая литература) *на историю человеческих движений*, говорил — и писал о единстве религиозных культов — и о единой линии развертывания — Христологических мифов у народов. (Это теперь азбука почти и пр., и пр.). Ну что ж, значит не ошибся — и слава Богу. Читал я три года свой курс: в первом ряду профессора и их жены, — дальше студенты и вольнослушатели. Хоть разорвись! Приходили слушать, как тенора: гнусно. А я должен был «стараться», чтоб поддержать интерес к институту — и усилить наплыв студенчества. «Благодарность» — за это выше (и ниже будет) изложена. Первый том моей капитальной работы хотел издать гржебинский представитель в Москве. Но издательство лопнуло. Там же застряла (правда, оплоченная) — и большая моя статья о философах-иррационалистах (в связи с трудами Дм. Шепеленки¹¹, мыслителя гениального, известного немногим, подыхающего в Москве от нужды бескрайней).

С 1923 года — по закрытии Института — я по-прежнему числюсь в Кубу — и меня благополучно переводят через все чистки (ибо многие из оценщиков-экспертов слышали раньше мои доклады). Кафедры нигде не возьму и хочу забыть, что был «ученым». Много слишком горького с этим связано. Уже забыл начисто греческий язык и шведский, которым занимался; разучился французскому, — и почти не говорю по-немецки, бросил занятия итальянским, детскую астрономию — тоже забыл навсегда. Ба-ста. Впрочем, в 24 году меня сманил ректор «Худож[ественных] курсов» — (Куда пригласили А.Белого, Рукавишникова¹² и Шенгели) — читать историю искусств. Я читал почти с омерзением. Не хочу, не хочу и не хочу. Не присылать же Вам черновики моих рукописей и курсов? Целый ящик. Прекрасный материал для растопки! За эти 4 года (с 1923), двум друзьям (один мужественно изучил для этого даже стенографию) — я ежедневно диктовал свою работу: «О вневременном восприятии действительности» и побочно — 1) «О символизме поэтического языка» — 2) «О мифологии философовского языка», — а также — 3) «Об иррациональном методе познания», — 5) [Так! — Ю.К.] «О декабристе Бестужева» — 6) «О свастике в палеолите», — 7) «Искусство как познание». Накопилось три объемистых тома. Я не желаю этого печатать. Это мой интимный дар — друзьям. Путь прояснения моих мыслей. Я написал несколько работ — и для печати, но... (Книгу о Блоке, небольшое «открытие» по Пушкину, о Дон Жуане — ра-

бот 10). Но бегать — по редакциям! Нет, я не очень ленился, пожалуй. — Но я не хочу быть ни ученым, ни критиком литературным. Но я желаю быть (как писал [в] 14 лет) —

пылинкой
Одной счастливицей из тех, —
Чья жизнь проходит невидимкой, —
Кому — весь Мир, — и кто — для всех.

Есть такие пылинки, танцующие в солнечном луче.

К сожалению, нужда заставила меня застрять в Москве и выйти на наиболее для меня легкий, но все же мучительный путь «литератора». Я написал несколько пьес. Пишу сейчас и кончу в этом году еще три. Вл. Пяст писал обо мне дружески преувеличенно:

Даром (дарованьем) ты — *от Лопе*, ликом — от *Шекспира*
Нутриною Данте (!?), — трудолюбьем Брюсов,
И твоя — под громы *вражеских турусов*
Ангельские плясы — источает лира.

Но, действительно, я пишу так много, как Лопе-де-Вэга, но, к сожалению не лучше (а даже и... хуже). Да, я забыл сказать, что — я — упрям: буду, пока не сдохну, числиться «литератором». Но что же я пришло из научных трудов? Ничего не пришло, увы, как бы ни хотел. А печатные статьи в 2-х—3-х журналах или газетах до того искромсаны ножницами, что верного в них одна только подпись: «проф. Зубакин».

Но зато я видел много великого, веселого и нежного. Спасибо жизни за все. Видел Сон: — Задыхаюсь, умираю. За мной гонится Человек-Смерть. Забежал в какой-то боковой тупичок: Человек-Смерть промахнул мимо! Но знаю, что по круговому лабиринту коридора — он вернется на то же место и — настигнет меня. Вдруг передо мной Мать моего ребенка (существо гениальное и саркастическое) держит в руках — Альбом со снимками, — и тоже зная о бегущей сюда по лабиринту за мной Смерти, — с ядовитой усмешкой разворачивает передо мной альбом. Я стою в углу на коленях и смотрю на печальные и странные порой, — страницы альбома: неудачи, обманы лучших друзей, разочарование в близких людях: там наклеены фотографии моей жизни: — дом в Озерках, Кенигсберг, Финляндия, садик Кордига, я в каком-то мундире... Я жадно смотрю на эти листы. «Ну что?» — издевательски спрашивает Женщина — и ее черные — птичьи пальцы, как вихрь, листают страницы... Уже слышен топот — Приближающегося — а я не могу уже оторваться от листов и бормочу, как оглашенный — «спасибо за это, и за это, и за это...»

и уже вся жизнь сосредоточена только на том, чтобы поспеть, поспеть, поспеть — крикнуть благодарно и мужественно: «спасибо» и за самую последнюю страницу, что бы на ней ни было! Сердце бьется, как черт, — вот-вот шаги... — и просыпаюсь. — Спасибо за сны!

Взволнованный воспоминаниями о Балсуновском — прервал письмо и отправился на лекцию Петра Козлова¹³. Открыватель города Каро-Хото — вдруг стал повествовать о найденных им в гробницах двухполовинной тысячелетназадней — давности, открытых в глубине Монголии, — греческих предметах — и влияниях на искусство. Я бросился в лекторскую. «Петр Кузьмич, скажите откровенно, почему среди китайских вещей — греческие?» — «Потому, — отвечает, — что было несомненно общение и единство культуры». «Да знаете ли Вы, что мой учитель Балсуновский — утверждал это 20 лет назад?!» — Разговорились. Козлов, заинтересовавшись, записал имя Балсуновского и мое — и стал звать меня в Ленинград — смотреть его коллекцию. Святой старик и не подозревал, что не только в Ленинград, но и к нему-то на лекцию приехать было мне — весьма затруднительно. Ну, все равно, все равно.

А в каком я круге? — Ни в каком. Почти нигде не бываю. Целая с этим связана история. О начале ее я говорил уже выше: — В конце 1922 года моего ректора, проф. Успенского¹⁴ — арестовали в связи с его старой дружбой с [атриархом] Тихоном. Через месяц, как ближайшего друга ректора, — арестовали и меня. Вдобавок, — в архиве моего ректора нашли официально для археологического] же музея переданные ему мною на хранение мои старые бумаги, которые я хотел было передать в Румянцевский музей, но раздумал. В бумагах были сведения о том, что я несколько лет назад кончил закрытую мистическую — фил[ософскую] школу (мне это ничего не стоило, а бумаги, по трогательности воспоминаний я берег). Месяца 2 выяснений, и меня, конечно, освободили. Московские же хлыстоплясцы — теософствующие и антропософствующие бездельники — с некоторыми незадолго до ареста я наотрез отказался и разговаривать-то, — весьма оскорбленные моей «надменностью» подняли бучу. «Как, Зубакин, — ученик таинственного "Жень-шеньца" Кордига — по аресте — освобожден! О — значит он Кому-то продался (кому надо). Он и ректора своего предал», — (того освободили еще, кажется, раньше меня), — «он — "черный маг", как и его дружок — Брюсов». И пошло! Московская интеллигенция мало отличается от московских кликуш. Бабы-просвирни, имеющие под мочалистой бородашкой — университетские значки — на рыхлом животе, — объявили меня

под шумок и за спиною — предателем, провокатором (!), «жидо-масоном» (!) — и воплощением Сатаны. И это в XX веке!!! я запретил моим друзьям защищать меня. И те приходили ко мне и рассказывали — ну — и ну! — «слухи»!.. Поэт Евг. Штарк трогательно писал обо мне (еще в 1926 г.):

1. Волны города — молва,
Пена — песни!
Суесловием Москва
Плещет.
Обесславит не за страх —
А — задаром:
Кто кудесник, кто монах,
«Что за Чары?» —
Чары, чарки, говорок —
Разговор: «повеса!
Не пускайте на порог!
Тайны, бесы»...

2. Отряхни прах от ног!
Удались!
Милой музы — платок —
Знамя, — ввысь!!!
Тщетны копыя и мечи
Злоязычья!!! —
Барабана окрик зычный:
«Палачи!
Прочь с дороги бессмертных
Смерды!»

Но, понятно, «интеллигентская чернь» — этого окрика не слышала.

Есенин, увидав меня, — подбежал (тогда еще мне незнакомый) и с криком: «С таким лицом подлецов не бывает» — обнял меня и стал целовать. В моем альбоме хранится до сих пор меланхолическая — горькая, — мне надпись: (копирую) —

Тебе на память за все
Неприятное, что говорят
О тебе и обо мне.

С любовью С.Есенин.

Милый, дорогой Есенин... Один из виднейших ученых, с еврейским именем, принесший мне в дом свои книги со своими надписями, — истово уверял, напр., окружающих: «Зубакин — непосредственное воплощение Люцифера (sic). От него исходит непонятная людям, но мне *теперь* понятно, чем привлекательная, черная сила! Моя теща — лютеранка, а и то, когда Зубакин после

своих дьявольских стихотворных импровизаций — вышел в прихожую, она почувствовала вокруг него — запах серы!» Вы думаете: я шушу! Если бы это были шутки.

Самый дар импровизации — был объявлен моим «пактом» с Дьяволом... (а la Паганини, что ли).

Еще недавно быв[ший] профессор нашего Института — с которым я 13 лет не виделся (он был на провинциальном далеком Отделении) — небезызвестный, вероятно, и Вам поэт Б.Садовской¹⁵ — писал мне: «Вы уж такой родились — и отсюда у Вас столько врагов... Теперь я понимаю, что то, что мне, олуху, в Вас казалось "генеральской подкладкой" (моя "надменность") — есть особенность человека, перешагнувшего наши здешние грани... Вам уже не до мелочей»... Хорошо сказать «мелочей». Мелочи бывают разные. Полчище комаров — может загнать и здоровую лошадь. Когда Вячеслав [Иванов] приехал в Москву в 24 году, первое, что сделали в Академии — на его лекции о Пушкине (что ли), — это сообщили ему, чтоб он меня — остерегался, ибо мы будто с Брюсовым учредили — в соответствующем учреждении — «застенок» для ловли «идеалистов-мистиков». Вячеслав с трогательной горечью передавал мне об этом, — сидя и вздыхая, кажется, на том же самом месте, на котором я Вам пишу письмо. Нашлись молодцы, которые уверяли, что узнали меня в компрометирующем месте, — хотя я и был, по их словам, под маской!!! Ух... Когда однажды Елена поджидала меня на подъезде дома, в который я зашел, — к ней подкатился какой-то комильфотный молодой человек и сказал: «М-lle, я Вас только что видел с Зубакиным. Это — страшный человек — и ужасный предатель. Остерегайтесь его!» — «А Вы-то его знаете, лично?» — спросила Елена. «Что вы! Нет, я только слышал о нем!» — «А вот я его — знаю: я Елена Зубакина». Молодой человек кинулся прочь со всех четырех ног... Итак, вокруг меня создан фатальный — круг, — фатами и глупцами. За меня вызывали на дуэль... Устраивали потасовки. Ибо у кого враги, у того и друзья. Но так как влиятельная прослойка кликушествоющих идиотов имеется во всех литературных и научных учреждениях, музеях, институтах и прочее, — мне было просто некуда податься. Мог ли я где служить *спокойно* в Музее — при подобном букете — атмосферы вокруг?! Я устал. О нет — не нравственно, но нервно и физически. Я омерзён моими «современничками», — храни их Бог, а меня от них! Конечно, из-за всего этого я пострадал окончательно и матерьяльно. «Но какая же выгода Зубакину быть тем, за кого Вы его считаете? — спросил однажды один мой непрощеный защитник, — ведь он бедствует. Все знают, что он нищ, как церк[овная] мышь». Ответ был коло-

ритен: «Понятно, он не получает доходов за свою черную деятельность. Да, он, конечно, работает ”принципиально“ — как фанатик тайного служения злу...» Ну вот это — «о круге», в котором я сижу. Ну — что же. Спасибо и «за круг». Все-таки все это более глупо, чем печально. И наконец, ведь бранят не меня, а того, кого вообразили на моем месте. Бог с ними с моими современниками — черт бы побрал их глупость. Я перестал почти где бы то ни было бывать. Изредка на лекциях или в случайном кабаке — вроде «Мансарды», преемствовавшей «Бродячую Собаку» Питера. Я стараюсь ни у кого не бывать. Мой «круг» — это те, кто изредка бывает у меня: Шенгели, П. Романов, Пильняк, Пастернак, А. Цветаева¹⁶, Рукавишников Ив., — два-три ученых (акад. — геолог Павлов¹⁷ — или проф. Озеров¹⁸)...

Так Вы не хотите больше, чтоб я Вам о звонаре написал? Да, а есть ли у Вас любимая собака или кошка возле Вас? Нет ли ее фотографии? У меня две кошки — но я их не очень люблю: они все-таки коварны и насмешливы. А собаки держать нельзя по квартирным условиям. *Есть ли у Вас одна особая любимая песня? Музыкальная пьеса?* Я люблю орган, арфу, колокола. Гармоника и балалайка меня радует в деревенских руках — и даже шарманка. А Вы? А Вы? Среди уличных певцов у меня есть друзья. Ваш татарский поэт был чистый человек... но страстный. Впрочем, чистота без страсти — кретинизм. Ах, вот вспомнил, в связи с тем, что сегодня Вам рассказывал — три анекдота: — 1-й. В купэ вагона сидят — † Тартаков, З. Лодий(?) — балерина Преображенская — и виртуоз Барэр¹⁹. Уже ночь, — а они все требуют, чтоб я импровизировал (конечно, впервые, в новинку, это всех удивляет — потом — обвыкают). Вдруг Барэр (он где-то теперь гастролирует в Америке) схватывает меня за руки — и неистово вопит в страшном волнении: «Зубакин, — скажите, ведь никто — ”так“ не может, как Вы!!!!?» — «Никто, — возглашает авторитетно Тартаков. — Он — единственный». — «Но, если так, если так... — восклицает Барэр, — так значит Вы — Зубакин — гений!? Я никогда не видел гения. Скажите, Зубакин, мне правду: Вы гений или нет?!» — «Что Вы, голубчик, конечно, нет», — отвечаю я. «Нет, вы скажите правду» — «Честное слово, я не гений», — успокаиваю его. «Ну, если так, — говорит Барэр, — тогда — я спокоен». И, смахнув рукой со лба капли выступившего пота, вышел из купэ...

Остальные два... нет, я их расскажу, только если Вы захотите слушать в таком роде! Я никогда не писал писем. Раз-два в году писал, бывало, три дня подряд «послание» — к друзьям, и оно шло кругом. Даже самый обожаемый мною человек — мой † отец,

бывало, доходил до отчаяния, что я ему не пишу. (Не мог я писать писем, не хотелось). А вот Вам стал писать на 32-м году жизни. И потом, вот теперь, узнав о болезни Садовского, стал посылать ему маленькие писульки. Есть несколько моих стихов, переведенных на немецкий язык. Мне хотелось бы послать Гауптману (за то, что его ругал, когда говорил о преувеличенности в свое время у нас отношения к нему, к Ростану и Метерлинку); да и Гамсуну (за его любовь к Виктории). А больше писать не стал бы. Булгакова я раз видел — на чтении. Мне понравился его голос и даже монокль. Говорят, что он даровит. Я всегда готов этому верить и желать этого для человека. Пришвинской книги не читал («сердит» на него, что он — побоялся: такой я дурак). Что я читаю? Пишу об этом под условием, что напишете и Вы, *что Вы читаете*. Я считаю, что книги делятся на 2 группы: на маленькую, которую читаешь *всю* жизнь, — и на большую, которую прочитываешь на ходу, — по мере выхода этих книг в свет.

Я читаю постоянно и люблю: Гомера, Гоголя, былины о Святогоре и Ваське Буслаеве, Слово о полку Игореве, Калевалу, Эдду, «Круглый Стол» (*Вед* не люблю), 2-3 египетских гимна. (В одной надписи, кажется, — египетской «Правительницы Софьи» — царицы Гатшупситусу²⁰ — говорится: «О, Возлюбленный мой, как *благородно* мне, когда *роса* твоя проникает в мое тело на нашем ложе»), Послания Ап. Иакова и Петра (отношусь без экстаза к Евангелию Иоанна), люблю Давида и апокалипсический язык пророчества, сказки, люблю — почитаю, жалею, с отвращением = восхищаюсь, но не одобряю писаний Достоевского, чту — Толстого, люблю Лескова. Читаю «Невидимую Брань» старца Святогора, Державина, Ломоносова, Пушкина, — Вас. Читаю все, что попадает по истор[ии] искусства и археологии, и особенно описания людей исторических (без степени и ранга), т.е. мемуары. Это — малый круг книг — постоянных. А потом — в большом, — почитываю все остальное, как и все, особенно по естественным наукам и даже по уважаемой, но не очень любимой — математике. Из стихов уважаю Вяч. Иванова и Гете. Одно стихотворение Гейне самое любимое. (*А Ваше* какое, чье?) — и Пушкинское — («Для берегов отчизны дальней»). Часто вспоминаю слова — «А вы на земле проживете...» Вы ошибаетесь, думая, что не написали еще «хорошее стихотворение». Только, пожалуйста, и впредь «хотите написать». Напишите и мне маленькое, маленькое, хоть шуточное в 4 строчки, а я Вам, хоть большое (если захотите только). Как и кем сделана (-лась) запись бабушкиного сказания — об отшельнике и пришедшем его убивать хладнодушном царском воине? (Изумительно!) У Вас очень хорошие

вещи видны в окно. Я рад, что Вас любят соседи. Как Вы замечательно сказали о крестьянине и Пипенелле! Теперь они стали тоже моими соседями. Да, так вот — я рассказал Вам — многое из «биографии» — и рад, что отделался. Жизнь мою рассказывать нельзя — невероятно она для человеческого слуха, — а потому и бесполезна для рассказа. Вы — ободряете меня насчет прозы. Да, — но кто же будет печатать? Я давно задумал — лелею — одну книгу: «Человеческое в сверхчеловеках». Страницу (по одному на каждого) — из замечательного в людях, которых я видел. Первый «том» — о «известных», а второй — «о неизвестных» (о, радость для меня!). Но, оказывается по «Дневнику», — Вы это уже — сделали — великолепно. (И я — опять остаюсь при «своем» «Юрии Милославском»!) Да и кто напечатает? Раз — Вы похвалили, я бы написал 1-2 и о тех, кого *не* видел *сам* — напр., о Скрябине, — включил бы из странички — черновика (уцелевшей) письма к Вам. Да нет, — пустое. А все же, я видел настоящих людей — и это на всю жизнь сделало меня непоколебимым. Однажды я стоял рано утром у старого Невельского костела. Стена белела от солнца и тень от Креста — у входа — как крыло. Стоял и думал: — какая гармония тишины и правды. Как жаль, что не слышно органа — и службы нет. И вдруг, — взыграл орган. Я был ошеломлен. Между ветвями, вскинутыми в синие бездонности между двумя колокольными башенками, между тенью = крылом и мной; позади меня, шевеля мои волосы и меховой воротник бекешы, — рокотала, росла — и сама на себя умилялась — высокая гортанная музыка труб и голосов. Я совершенно растерялся, ничего не понимая, и только оглянувшись, — понял: был базарный день. — Я задумался так крепко, что не заметил, как на пустую до того площадь, примыкающую к решетке костела — (еще Баторием строенного), — понаехали возы, и сгрудилась толпа. И вдруг, когда я захотел музыки — сразу в мои уши дошла и грянула многоголосица и единство их говора и движений. Так вот он орган! И понял я тогда, что никогда не устану славить Человека — и радоваться ему — вовек.

Вы обрадовали меня, сказав, что я понял Тихона Вялова. Вот за что я Вас еще люблю: — Вам удалось сделать то, о чем я всегда мечтал: показать ценность жизни не какого-нибудь «Героя» — (что тоже ценно); не декоративную фигуру, — а ценность — *серого* обычного человека. И, вдобавок, показать — «человека» не в смысле — «гоголевской шинели» (это — частность) — и не Достоевского «геройчика» (это — истерическая прихоть) — а показать ценность вовсе обычного и, примерно, — любого = каждого!

Когда говорят: вот, дескать, через десять — тыщу — лет все станут прогрессивно-культурными, образованными, талантливыми, я тогда сержусь, — чушь! Вздор! — Не зависит Человек от количества образования и нечего откладывать и ждать с его оценкой. Уже сейчас — и прежде — была и есть — Велика — и ценна человеческая личность! Ценна она в неповторимости своей и велика она — иррациональной, таинственной сущностью — особой своей природы! — Разве Гинденбург²¹ — умнее Александра Македонского? Аристотель — ниже Гумбольдта²²? Царевна Гатшупшиту хуже — царевны Софьи?! Но, конечно, все новое, все грядущее нам, *человекам*, на потребу! Но *не мы* — *ему* — этому новому, грядущему; (иначе прогресс-то получается — лишь прогрессивного паралича).

Не ретроградство и не жажду «новенького» чту я: *«Жажду Преображения»* — друг через друга, каковую Жажду в любом участке Бытия, во всех точках истории — являет нам Единство Человека и Природы.

Еще раз спасибо за слово о Ломоносове. XVIII века поэты — (сии пророки — гражданские) — Ломоносов, Державин — и иже с ними, — пытались впервые и неповторимо создать поэтический язык мышления для русской *литературной* речи. Это не удалось — но попытка благородна! Пушкин был по языку велик, — но все же, во многом — вбок! (прозаизмы). Вячеслав и отчасти Брюсов — вслепую шли за Державинско-Ломоносовской бороздой. Маяковский сосолапо и криво — пытался нарочитыми прозаизмами — работать тоже над созданием специфизма поэтического языка, — да был незадачливее прочих. Есенин — для той же цели — стилизовался «a la gusse» в высоком смысле этого слова — ища народно-песенных корней — древле-русского поэтического языка — и это немало! Уверен, что года через 2-3 — это уже будут утверждать и все поэты. Ну а *моя* работа? Да так, сбоку-припеку, — *но над тем же*. А Вы-то *как* работаете над языком, — Милостивый Государь мой — Звездный Друг и Путешественник по Вселенной! Вы думаете — я этого не вижу? — Очень вижу. У меня собственно — ума нет, а только — глаз... Да, я люблю — «благодарно» женщин. Но понял Вы это только потому, что *сами так* любите. Это я сразу догадался... Удивляться самому на себя не научился, — как это хорошо Вы все знаете! Мне не обидно, что вы все знаете лучше меня: — я радуюсь Вам, Алексей Максимович Пешков — горький и радостный Звездный Друг, Путешественник по Вселенной!.. Любить «таинственное», человеческое в самом себе. Да! Да! Да! — Вот ключ религии, философии, искусства. «Таинственное» — иррациональное — таков обязательно (а не

иной по своей природе), имеющийся в Основе Существования — «негатив» Бытия. Но мы-то *должны* «проявить» этот «негатив» — отпечатками разумно-сочетаемых слов, и художественных форм и форм социально-этических! Горе «мистикам» — глядящим *только* на негатив (в кавычках) где белое — черно! горе и принимающим «верную фотографию» разума за *единственную* правду о Природе. Нет! Она — Двойственная: 1) жизнь — и 2) смерть, 1) негатив и 2) — отпечаток, 1) свет — проявитель сознания и 2) предметность мира — позирующая перед «объективом» человеческого «аппарата»! Слава — художникам! Честь — научным фотографам! Презрение «кинематографистам-фальсификаторам» жизни! На колени — перед деятелями Истории. Вот оно как, и никак не меньше! — лэди и джентльмэны!

Самым важным считаю — «талант жить», талантливо жить. (Остальные «таланты» — как при переломе ноги — торчащая кость, — случайное, одностороннее выпирание из человека — этой основной талантливости). Талантливо живут некоторые мужики, бабы, бродяги, святые, мошенники и пророки. Оттого Христос и любил простых и грешников. Наверное, оттого. Оттого я повторяю часто Ваше — «а вы на земле проживете». Оттого особенно и Вы мне понятны и дороги, мой Звездный Друг, Путешественник по Вселенной!

О звонаре не писать? Если будете посылать портрет с человеком, пришлите, пожалуйста, — и свой карандаш «обгрызанный» (или не обгрызанный (если не грызете), но тот, которым что-нибудь писали. Какая досада! Соседи — обратили внимание — на приходящий Конверт от Вас (в мое отсутствие). «Это — что, — спрашивают, — от Горького?» — я мычу невразумительно и прохожу. Дернуло же и Вас быть — «Горьким»! Мне было бы приятнее работать в свое время с *Вами* в булочной — или на плотях! Ах, Господи, до чего мы мало благодарны. Вы — мой большой подарок! — простите за длинно-глупое письмо. Вы, *конечно, невольно* — вызвали меня на это. И как говорил арендатор Быков («Бык») — «обратно-извиняюсь». Я уж не настолько олух, чтоб не понимать, что неприлично утруждать Вас такими хартиями! (Поэтому и прошу Вас читать их как ряд писем — постепенно). Но, когда-нибудь я объясню Вам печально-комичную причину моего записывания в один, пищущий от натуги конверт — стольких листов зараз. Спасибо за Вашу доброту.

Ваш Борис Зубакин

P.S. Если я чего не путаю, — то мой «секретарь» — и друг — Анастасия Иоановна — (дочь известного ученого И.В.Цветаева) играла в детстве в Ялте, — с маленькой Катей. И знала — Мак-

сика — и много милого и забавного о нем. А.И. знает, что я с Вами переписываюсь, но писем моих к Вам не знает — и немного досадует. Мои друзья все ревнивы. А Вы, пожалуйста, ответьте хоть на половину моих вопросов: Сердитесь, что я так много пишу? Ну, конечно, да.

¹ *Глазенап* Сергей Павлович (1848-1937) — астроном.

² *Борзаковский* Владимир Сергеевич (1840?-1915) — автор кн. «История Тверского княжества» (СПб., 1878).

³ *Кордиг* Александр Каспарович (ум. 1915?) — аптекарский служащий, наставник Зубакина в области оккультных наук, основатель одной из лож розенкрейцеров.

⁴ *Платонов* Сергей Федорович (1860-1933) — академик, председатель Археографической комиссии, директор Пушкинского Дома.

⁵ *Петри* Флиндерс (1853-1942) — английский египтолог.

⁶ *Карсавин* Лев Платонович (1882-1952) — историк-медиевист, философ, богослов. К тому времени, о котором пишет Зубакин, автор книги «Очерки религиозной жизни в Италии и Франции XII-XIII вв.» (1912). Пытался реконструировать социально-психический мир средневековой Европы. В 1915 выпустил книгу «Основы средневековой религиозности в XII-XIII вв., преимущественно в Италии». В 1922 вместе с другими учеными и деятелями культуры изгнан из России. В философии сторонник принципа метафизического всеединства. С 1928 жил в Литве. В 1949 арестован в СССР, умер в лагере.

⁷ *Вовенарг* Люк де Клапье (1717-1747) — французский писатель, автор книги «Максимы».

⁸ Описка. Следует читать: Иван Александрович.

⁹ М.Цветаева очень ценила высказывания поэта и исследователя русского силлабо-тонического стихосложения Василия Кирилловича *Тредиаковского* (1703-1768) о том, что «поэтическое вымышление бывает по разуму так, как вещь могла и долженствовала быть».

¹⁰ *Лазарев* Петр Петрович (1878-1942) — академик-физик, исследовал ионную теорию возбуждения, возглавлял работы по Курской магнитной аномалии.

¹¹ *Шепеленко* Дмитрий Иванович (1897-1972) — поэт, член Тифлисского цеха поэтов, автор сборника стихотворений в прозе «Прозрения» (1-е изд., 1920).

¹² *Рукавишников* Иван Сергеевич (1877-1930) — поэт и прозаик.

¹³ *Козлов Петр* Кузьмич (1863-1935) — исследователь Центральной Азии.

¹⁴ Имеется в виду *Успенский Александр Иванович*. См. о нем в предисловии к наст. публ.

¹⁵ *Садовской Борис Александрович* (1881-1952) — поэт и прозаик.

¹⁶ *Анастасия Ивановна Цветаева* (1894-1993) — писательница, автор книг «Королевские размышления» (1915), «Дым, дым и дым...» (1916), позднее — «Воспоминания» (4-е изд., 1995), «Атог», «Сказ о звонаре московском» и др. Трижды арестовывалась и находилась в заключении.

¹⁷ *Павлов Алексей Петрович* (1854-1929) — геолог, академик с 1916, основатель московской научной школы.

¹⁸ *Озеров Иван Христофорович* (1869-1942) — профессор-экономист, арестован в 1930 по делу «Русского национального союза», получил 10 лет лагеря, отбывал на Соловках, амнистирован в 1933.

¹⁹ *Тартаков Иоаким Викторович* (1860-1923) — певец-баритон, солист (с 1882) и главный режиссер (с 1909) Мариинского театра; *Лодий Зоя Петровна* (1886-1975) — камерная певица. Была в Сорренто летом 1925. Ср.: *Новый мир*. 1968. №3. С.35; *Преображенская Ольга Иосифовна* (1871-1962) — балерина, в 1889-1921 — в Мариинском театре, с 1921 — во Франции; *Барер Симон* (1896-1951) — пианист, с 1929 — в эмиграции.

²⁰ *Гатшупитсу (Хатшепсут)* — древнеегипетская царица (1525-1503 до н.э.). Захватив престол, она сначала сохранила номинальным правителем своего пасынка, а потом открыто объявила себя фараоном.

²¹ *Гинденбург Пауль фон* (1847-1934) — с 1925 президент Германии. В Первую мировую войну генерал-фельдмаршал.

²² *Гумбольдт Александр* (1769-1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник. Его брат — *Гумбольдт Вильгельм* (1767-1835) — немецкий философ, лингвист и государственный деятель.

13. Горький — Зубакину

13 февраля 1927, Сорренто

Вчера в Неаполе слушал квартет Буша, отличных музыкантов, которые ради музыки, а не ради публики. И когда они играли квартет Бетховена, написанный для Разумовского, — заплакал я. От горя я никогда не плакал и не буду, плачу только от избытка радости. Только эти слезы и /допускаю/ законны в мире нашем — слезы радости за человека, удивления перед ним. Лев Толстой, Святогор, — человек плакал над «Душечкой» Чехова. И сегодня, вот, тоже почти до слез разволновался, читая Ваше письмо, читал и пел, и вскакивал из-за стола. Был я один в доме, за окном гордо сиял прекраснейший, солнечный день и в большой моей комнате письмо Ваше звучало, как орган в церкви Новой Помпеи, где,

бывало, для одного меня, монах-органист играл Баха и Гайдна. Прекрасно пишете Вы, Б.М., вот так и надобно писать: не щадя души. И ослепительно высветлили Вас люди, — это они умеют. Лучше всего люди умеют создавать великомучеников, церковь отлично научила их этому ремеслу. Кажется, она их только этому и научила.

Я — не Нагель, Вы — не адвокат Оле, это — не верно пишете Вы. Не верны и совершенно не уместны Ваши слова о моем — якобы «великодушии» в отношении к Вам. Мое отношение к Вам очень просто: исполнено удивлением перед Вами и радостью, что Вы — *такой*, и еще радостью, что я Вас встретил. Вот и все.

Не знаю, сможете ли Вы написать поэму, роман, повесть, думаю, что этому помешает Ваша интеллектуальная и эмоциональная перенасыщенность. Вам следует разбавить себя книгой, которая говорила бы что-то обо всем, книгой, по форме подобной «мыслям» Паскаля или же Стендалевой книге «о любви». Убежден, что Вам надобно писать, писать! Ведь не лентяй же Вы! На 666 вопросов Ваших — трудно мне ответить, «наскоро» писать — не люблю, а писать подробно — очень уж много пришлось бы. Что я читаю? Все, что сейчас пишется в России молодыми, это так же интересно, как собирать белые грибы. Читаю европейцев — по-русски, ибо языков не знаю и никогда не испытывал желания знать их. Почему? Возможно, что из некоторой гордости¹. Гомера очень люблю, у меня есть первое издание перевода Гнедича с виньеткой Ф.Толстого. Люблю «Калевалу», «Песнь о Нибелунгах», апокрифы, пролога. Поклоняюсь Флоберу, восхищаюсь Ан. Франсом, Гамсуна за его три последние книги считаю гениальным художником². Как видите, вкус «эклектический». «Веды» и «Эдду» не люблю. Любимых стихотворений — два: «На холмах Грузии» и «Пророк». Строки:

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул

— это так же превосходно, как и «Покаяния двери отверзи ми», «Студными бо окаях душу мою грехами» — какие мощные слова, не правда ли?

Бабушкиных сказок я помнил много. Будучи несколько увлечен фольклором, усердно искал ее сказки, в двух, трех случаях нашел варианты, но, кажется, она — бабушка — сама многое «сочиняла». Мне кажется, что она была талантливее знаменитой олончанки Орины Федосовой, «сказительницы» былин³.

О звонаре не рассказывайте мне, ибо у меня в романе есть звонарь, и хотя он лицо эпизодическое, но после Вашего звонаря⁴, боюсь, его придется выкинуть, а он мне нужен.

Если б я «встретил еще такого», как я, мне пришлось бы с ним крепко посориться, ибо во многом мы оказались бы несогласны. Уж это — так, ибо я сам с собою — на ножах. Всегда так было.

Тагор? Это — Шелли, изложенный, должно быть, плохой прозой. Вам странно слышать такое суждение? Иначе — не понимаю Тагора. Юношеские лирические драмы Метерлинка лучше его пьес, — для меня, разумеется. В современной западной литературе первое лицо для меня — Гамсун, как я сказал. Этот меня покоряет совершенно.

А в современной русской вижу троих больших: Пришвина, Сергеева-Ценского и Алексея Чапыгина, его «Степан Разин» — книга, какой у нас еще не было. Из «молодых» большими писателями будут — на мой взгляд — Леонов и Бабель, возможно, что и Всев. Иванов напишет нечто необыкновенное. Молодые, вообще, очень интересны, много обещают.

Ан.Цветаева — сестра Марины? Не выношу истерических стихов Марины и ее мании величия, хотя человек она талантливый.

Литературу я люблю «больше всего на свете», — вероятно, — наивно люблю. И каждая новая книга для меня — как пьянице стакан вина, еще не пробованного им. Портретишко мой получили? Свиристель — преувеличена, а усы — меньше действительных.

Мне, Б.М., плохо пишется сегодня. Вы чувствуете это? Устал. Вчера я ведь слушал музыку дважды, сначала в частном доме — Бетховен, Моцарт, а затем — в концертном зале — Ридер, Шуберт, Гайдн. Очень изволновался. Музыку я «обожаю», как институтка.

Здоровье? 59 лет несколько стесняют, но работаю я не менее 10 часов в сутки. 59 мне будет в марте, 14-го, Вы спрашивали: когда?

Ваши письма — чудесны. Да. Это я уже говорил Вам. И — пожалуйста! — не думайте, не говорите мне, что Вас стесняет писать так, как Вы пишете.

Как бы я хотел, чтоб Вы писали книгу! «Человеческое в сверхчеловеческом» — это я не совсем понимаю. Мне кажется, что этой темой уже давно злоупотребляют. Ходасевич «доказал», что А.С.Пушкин заставил утопиться соблазненную им девушку⁵. Некий «профессор» Фатов «установил», что Андреев Леонид был активным героем своего рассказа «Бездна»⁶. Ведь дело-то не в приближении Пушкина к людям, а в том, чтоб людей поднять до

Пушкина. Принято «разоблачать» человека, а он заслужил, чтоб облачили его в светлейшие ризы, — это вы замечательно верно сказали!

Будьте здоровы, дорогой Б.М. Крепко жму руку.

А.Пешков
Sorrento

¹ Ср.: «Появились в большом количестве книги на иностранных языках. Свой интерес к иностранным языкам и некоторое знание их М.Горький упорно скрывал от посторонних глаз. В это время он усиленно занимался французским языком и был в неистовом восторге от писем Флобера, которые читал с помощью Марьи Федоровны, изумлялся ясности и простоте языка. — Вот как надо писать, — неоднократно повторял он. — Французам легко писать хорошо, — говорил М.Горький. — У них многовековая традиция...» (Десницкий В.А. Из моих воспоминаний об А.М.Горьком: У Горького на Капри // М.Горький в воспоминаниях современников. М., 1955. С.263).

² Ср.: «Несколько удивлен тем, что Вы именуете Гамсуна нейрастеником. Для меня он, после "Соков земли", "Санатория Гарахус", "Женщины у колодца" — великий, величайший художник. И — мудрец» (Из письма к А.Я.Цинговатову от 20 сентября 1926 — Литературное наследство. Т.70. Указ. изд. С.648).

³ *Орина Федосова* (1831-1899) — народная сказительница. В письме к А.П.Чапыгину (нач. авг. 1926) Горький назвал ее «моя Венера» (Литературное наследство. Т.70. Указ. изд. С.648).

⁴ Речь идет о Константине Константиновиче Сараджеве (1900-1942). Ему посвящены книги А.И.Цветаевой «Сказ о звонаре московском» (М., 1977) и «Мастер волшебного звона» (М., 1986; в соавторстве с Н.К.Сараджевым, братом звонаря).

⁵ Речь идет о книге В.Ф.Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина» (Книга первая. Л., 1924).

⁶ Имеется в виду книга: Фатов Н.Н. Молодые годы Леонида Андреева. М., 1924.

14. Зубакин — Горькому

[Без даты. Конец февраля 1927]

Дорогой и Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Как странно, — говорят, что Вы большого роста, а я такой маленький, а сколько у нас, оказывается, общих точек! — любимые книги и авторы, — и насчет — повода — слез. — Спасибо Вам, дорогой. А портрета еще не получил. Только Вы не беспокойте

теть: наверное, получу. Да, я тоже был на концерте — и радовался, что я не «один» — и не для себя только, — а что напишу Вам, как было хорошо. Вопросов я буду задавать меньше шестисот шестидесяти шести! Ну, скажем, так — 665!.. Во-первых, Вы не ответили мне, 1) похож ли снимок бюста на Брюсова? 2) Умеете ли Вы рисовать и есть ли рисунок Вашей комнаты? 3) Какого зверя любите особо и какой около Вас? — Я очень уважаю собак, — а у меня две довольно дерзких кошки. — В запрошлом году мне предлагали довольно кроткого тигра. Я очень хотел его взять к себе в комнату, — но, подумайте: 14 фунтов мяса в день! совершенно невозможно! И хотя я часто напоминая своим поэтическим знакомцам, что Господь Бог *не вегетарианец*, сам-то мяса давно уже не ем, а тут 14 фунтов! После моего отказа какая-то актриса получила этого беспризорного тигра — и, кажется, они оба счастливы. Я не очень люблю человеческие формулы, да, но все-таки — «Бог», «Вечность», «Бессмертие души» все это выдумки и представления нашего мозга — но выдумываются-то они в нашем мозгу — *самим* Богом, *самой* Вечностью и Бессмертием нашей «души». Для меня, конечно, нет границы между «там» и «здесь»! Для меня максимум земного есть только минимум «небесного». Я обожаю Ап[остола] Петра за то, что он сказал, что его посмертные вожеления таковы: *новое* небо, и *новая* земля, в *них* же правда живет, — а не какой-то теософический безвоздушный кислород с позолоченным «пупком» Будды посередке — (для «созерцания» — видите ли)! И еще мне мил талмудический рассказ — *как* правоверный еврей исполнял все заповеди, ожидая по смерти вкусить обещанного евреям Левиафана¹. — Умер ребе, — попадает натурально, — в рай. Ан глядь, угощают всяким разным, а Левиафана-то и нет. Поднял страшный гевалт! Ангелы — успокаивают, под руки берут. «Успокойтесь, — говорят, — товарищ, ведь это все только земные представления! В раю никаких таких Левиафанов не бывает-с!» А тот — просто из оглоблей рвется. Дошло дело до *Самого*. Сам спрашивает: «Ты чего ж это скандалишь?» — «Так и так, Господи, — отвечает ребе, — Это же надувательство! Мне обещали Левиафана, и я не хочу кушать никаких других ваших сладких кушаньев! И я же вовсе не музыкант, чтобы играть на арфах, — а я же просто честный часовщик, — и вообще не понимаю всех этих глупостей. Мне обещали Левиафана, — так я прошу мне дать Левиафана». Задумался *Саваоф* (от Его мыслей даже облака почернели) и говорит: «Прав ты еси, Ребе! Эй, вы, которые — Ангелы, — Создать ему Левиафана!» Вот такая была история. И она повторится и со мной, если меня догадаются взять на небо. Кстати, я очень жалею, что Вы все-таки не Господь-Бог:

Вы тогда могли бы моментально сократить дни недели — и пришлось бы ответа ожидать от Вас не 14 дней, а, скажем, хотя бы 10! И вот о чем я очень, очень попрошу. — Вы много работаете, много и очень устаете. Я очень прошу Вас, когда устанете, не пишите мне 2-го листа письма. Я не обижусь — а пойму, что мой Друг устал. Вот как. У Вас, мой дорогой и Звездный Друг, Путешественник по вселенной, — музыкальный слух души. — Отменно и поражающе чутки, и вежество Ваше не нашего охладелого времени. Я, конечно, *никогда бы Вас* не спросил «что Вы думаете о современных русских писателях?» — а Вы — взяли да и написали сами. Спасибо. Отрывки «Степана Разина» мне довелось читать — и был сильно затронут. Ценского давно уважаю. Леонова и Бабеля люблю. Гамсун — из европейских — больше всех меня волнует («Соки Земли» — это как Библия). Что Вы пишете «о звонаре»? И что вы поете чаще всего? Я написал несколько поэм и пьес в стихах. (Вы уверены, что это плохо. Боюсь, что Вы правы, наверно — плохо, раз почти все хвалили).

Я пришлю Вам еще немного стихов. Мои стихи будут у Вас появляться вроде очередной зубной боли. — Ну что же, Товарищ, — все страдают. Надо же и Вам быть иногда дежурным по страданию... А.И. — сестра Марины (с Мариной я не знаком²). А.И. была близким другом В.Розанова — последние годы его жизни³. Они вместе написали книгу, но А.И. сожгла ее в порыве отчаяния. Она — тонкий стилист. Духовно очень далека от Марины. Да, очень. Вот что еще — обязательно отпишите: Слышали ли Вы певичу Зою Лодий? Если да, то какова она Вам?

Все, что Вы написали — для меня не «литература», а большая Человеческая Жизнь. Я очень оцениваю Вашу «литературность» — но она нужна как цемент — скрепляющий душу и мысль от распада во времени! Это *очень важно* — но не больше. И вот поэтому мне хочется обратно, отдарить Вам — многих и многих людей. Я хочу Вам подарить моего отца, мать, Ксендза Казимира, Капитана Задираку, Ванятку Воробья, Сумасшедшего Телеграфиста и Елену, моих любимых ласточек, и страшных собак — Орла и Филина — и многих, многих. Хорошо?.. Может быть, все в жизни есть ряд следствий, вырвавшихся из-под власти *первопричины* — и ставших *самостоятельными* причинами (своих собственных следствий). — Вот, вот почему — мне так дорог человек. И Бога я люблю за то, что Он стал — ч[елове]ком. «Создал» Человека... В одной мистерии люди брались за руки, образовывали круг — живую чашу, — и говорили: «Бог, мы приобщаемся к Тебе через друг друга (а не мимо друг друга) — и через Тебя — *друг к другу...*» Во всяком случае, я хотел бы, чтоб была такая мистерия. Назва-

ние книги «Человеческое в сверхчеловеках», — маска! Я хочу только блики «светлой человечности показать в сверхчеловеках»... Мне говорила Татьяна Львовна⁴: «Главная черта характера моего отца, знаете, была какая? — Это — это благодарность. Однажды у него ботинок развязался. Я быстро нагнулась и зашнуровала: так отец просто не знал, как и выразить свою благодарность». Вот. И больше я бы в своей книге ничего не написал о «Святогоре-Человеке» (Вот, ведь, как Вы можете о человеке-то сказать!). «Плохого» я никогда не видел в людях. Разве только мысли. Но мысли — еще не человек. «Мысли — висят в воздухе». И надо стать большим Подвижником своего дела, чтобы мысли стали человеком, и одно совпало с другим. Честное слово — это так!

Мне очень понравилось, как кто-то (не Кузмин⁵ ли?) сказал, что неужели же мы будем меньше любить тленные вещи, только за то, что они не вечны? Я иногда просто воочию вижу, как бесконечность и вечность — свертываются в конечные предметы (как молеко в творог). И наоборот: — Я вижу иногда, как и предмет развертывается в вечность. Ах, не Вам же мне говорить, что невидимое еще не значит «несуществующее»... Книги, книги, — мне не хочется, нет, — не хочу обрабатывать и стихи свои и прозу, потому что я знаю, что их не издадут раньше моей смерти⁶. Но я люблю мою родину, хотя их у меня как бы и две (со стороны матери у меня — шотландская примесь). Только в России можно было назвать петербургских сфинсков «свинксами» — а охтенскую бабу «богородицу».

У меня такая торжественная тишина в душе — а вот страшно хочется писать Вам что-нибудь веселое. Мне хочется, чтоб Вас не утомляли мои письма, чтоб Вам было весело при чтении их — но ничего не делаю для этого. Когда я бывал одет, понятно, очень неказисто — надо мной часто смеялись на улицах. И я сплур — очень радовался, что вот на ходу — не затрачивая никакого усилия и времени, я невольно доставлял моим ближним удовольствие и забаву: пусть смеются! Но вскоре я догадался, что это смех — плохой — и не на пользу людям. И с тех пор я стал заботиться о своем костюме, да все как-то неудачно. Когда я иногда иду вместе с поэтом Вл. Пястом (у него очень длинный нос и он очень похож на Данте, но одет — отчаянно)⁷ — то бывает, что мальчишки и барышни хихикают нам в лицо. Пяст приходит в ужас и спрашивает: «Почему же они смеются?!» — Я ему объясняю, что это смеются надо мной. И он, слава Богу, верит и успокаивается. Вид у нас с ним такой, особенно когда он под порыжелым котелком подвизывал себе зубы, что однажды — вот как вышло: — я и Пяст — присели на подоконник магазина на углу Арбата, поджидая

трамвая. И тут к нам подошел внезапно довольно опрятный нищий-еврей и сказал буквально следующее: «Хаверим (граждане), — подайте мне, пожалуйста, что-нибудь. Я *тоже* из тюрьмы, и *тоже* из Могилева». Пяст — даже застонал от негодования. Этот случай, кажется, получил даже широкую огласку у г.г. литераторов. Между прочим, сейчас у меня великолепная шуба и даже шапка. Но на днях вышла горькая история — и совсем невеселая. В одном совершенно нищем доме, куда я хожу, мальчик, знавший, что у меня нет перчаток, — подарил мне пару больших рукавиц, — уверяя, что он их нашел. И вот, проклятие-то, — оказалось вчера, — что он их украл для меня у соседей — и сам сознался своей родственнице, когда те — хватились. У-ф-ф... Да. А все-таки это очень неплохой мальчик. Я ему сказал, чтоб он никогда этого больше не делал, а поступал так, чтоб я им мог гордиться. Он пообещал. Вот и воспитывай детей. — Да, дети... А вот — один из рассказов моей Елены: «Знаешь, Борис, что я тебе скажу по секрету: у Анны Федоровны ее муж сошелся с прислугой, жившей у них на кухне. И вот у прислуги родилась девочка. И вот Анна Федоровна удочерила эту девочку, а ведь знаешь, *она все-таки знала* (!), что эта девочка родилась у ее мужа, *не от нее* (!) — Анны Федоровны, а от прислуги, — и все-таки удочерила. Правда, как хорошо?» — На днях она меня спросила: «Есть ли у мужчин пупок?» И когда я сказал ей, что — есть, то спросила: «Почему?» Ей 22 года и она носит мою фамилию. Вот ее стихи:

По дороге случайной
Твоя песнь позвала...
Оступилась нечаянно, —
И домой не пришла.
Одуванчиком снежным —
Называли, маня,
Ветер дунул разнеженно —
И не стало меня.

Сейчас вот, она меня спрашивает, перевертывая страницу какой-то книжки: «А Илья-Муромец — это кто? пророк? да?» — и еще — «Какого Государя называли — ”благочестивым“...» —

Благословение всей жизни, и тем, кто не может благословить ничего. Мне рассказывала одна моя подруга Мария З. — дочь николаевского министра, в семье которого все ходили, не сгибая колен, от важности, как стеклянные⁸! — У них в имении был молодой Садовник. И вот, когда она, — недосыгаемая Принцесса — приходила в сад, — он в корзиночку напихивал ей свыше всякой меры любимого ею крыжовника. И она его останавливала: «Ну

куда же — столько?!» — А садовник отвечал, тряхнув скобкой волос: «Ничего, утрясется». Да — а потом еще — он падал с каким-то волчьим рыданием на песчаную дорожку, на которую она ступала. И когда Мария — спрашивала его: «Ну, посуды, куда же мне столько любви? Что же мне с нею делать?» Он отвечал, почти весело: — «Ничего, утрясется...» — Утрясайся, милое Бытие, Подруга Жизнь, Сотоварищ Хаос! Только бы ни одной ягоды не утратить из кузова своего сердца, а потом, когда будешь Ты — Мир, — сам оскуделым — подарить Тебе все до последнего своего кошелька: спасибо, милый, что берешь! — А выдумывает жизнь, чего не выдумать. В Ржеве я участвовал в концерте, где было нас, участников, всего четверо: я, скрипач — проф. Архангельский, певица Ангельская, — и аккомпаниаторша... — *Гремищева*. Когда мы взглянули на отпечатанную афишку — нам всем стало не по себе. Эта Гремищева — ближайшая родственница того отца Матфея Константиновского, к которому в Ржев ездил (?) Гоголь — и который переломил его «великомученическую» судьбу⁹. Я собрал сведения на месте: — Отец Матфей — был потрясающий импровизатор — оратор, — и ясновидец даже. Его все дружно ненавидели. У меня хранится скамья, принадлежащая Гоголю. Как бы я хотел уберечь и его самого! В одном городке, где какой-то студент незадолго до меня читал лекцию на тему: «О покойном (?) — французском (?) писателе Бальмонте» — на афише противу моей фамилии отпечатали «профессор Московского *Архи-а*-логического Ин-та». Может, они были правы: И «*архи-*», и даже — «*алогический?! — я профессор*».

Чувствую, что напишу много новых совсем *новых* стихов. Посылаю «Аббата» (а вдруг я его уже посылал? — Вот несчастье: я не записал, что Вам посылал!) И посылаю «Усадьбу». Это «Узкое», где умер Соловьев (Вл.) — и где жила внучка Пушкина — моя хорошая знакомая. Стихи: — *цельное повествование внешне разбрызганное*, как от Копыт Коня, — но след тянется общий — через всю вещь. /.../¹⁰

Боже мой! написал — и в панике. А вдруг, — и это я Вам посылал уже?! Мне так хотелось кое-что послать, что уже кажется посланным. Нет, «Аббата» не напишу пока. Ради Бога, — отпишите: не посылал ли я Вам стихи «Аббат» («Галантно-строгий был аббат — Точный, но железный» и т.д.)????

Мой дорогой, мой чуткий, мой далекий!
Я так устал... Я знаю — далеки —
Моей судьбы исполненные сроки —
Как и пожатые дружеской руки.

В Сорренто к Вам, как в раковину — моря
Доносит Мир — свой шум и гул невзгод.
Прислушайтесь: — в их заглушенном хоре
Моя душа Вам — издали поет...

Ну вот, — и до стихов дописался.

Ваш Борис Зубакин

Берегите себя. Гуляйте чаще, Дорогой Алексей Максимович.

¹ *Левиафан* — в библейской мифологии громадное морское чудовище: дракон или крокодил. См. Псалмы 74, 14: «Ты сокрушил голову левиафана, отдал его в пищу людям пустым».

² На имеющемся в архиве Зубакина экземпляре сборника «Медведь на бульваре» (М., 1929) есть надпись Б.М.Зубакина: «Все здесь сделанные пометки карандашом к стихам — Марины Цветаевой». За этим следует приписка А.И.Цветаевой: «Чья-то мистификация, бред. Ничего в этих "заметках" нет Маринино. Фальшь /.../ А.Цветаева. 5.VI.85 г.». Справедливости ради надо сказать, что А.И.Цветаева в 1927 в Париже показывала сестре стихи Зубакина, вошедшие потом в сборник. Вполне вероятно, что потом Зубакин внес ее пометки в свой экземпляр книжки.

³ «*была близким другом Розанова...*» — некоторое преувеличение. В ответ на антисемитские статьи Розанова по поводу дела Бейлиса юдофилка А.И.Цветаева написала заинтересовавшее автора письмо, в котором убеждала его, что при всех своих наветах на евреев он близок к евреям живостью и силой своих религиозных переживаний. А.И.Цветаева высоко ценила В.В.Розанова как блестящего стилиста, однако не разделяла его весьма переменчивых убеждений.

⁴ Речь идет о дочери Л.Н.Толстого мемуаристке *Татьяне Львовне Сухотиной-Толстой* (1864-1950).

⁵ Речь идет о поэте Михаиле Алексеевиче Кузmine.

⁶ В этом месте зачеркнуто: «гибели».

⁷ Здесь нарисован профиль Пяста.

⁸ *Зенгер* (по мужу Ашукина) *Мария* Григорьевна (1894-1980) — дочь министра просвещения, известного филолога-классика, переводчика; сестра пушкинистки Татьяны Григорьевны Цявловской.

⁹ *Отец Матфей Константиновский* — ржевский протоиерей, духовник Гоголя, считавший необходимым выбор между искусством и Богом; советовал уничтожить часть глав «Мертвых душ», отказаться от творчества.

¹⁰ Пропущены тексты стихотворений «Усадьба» [НУ. С.350-352] и «Отыгрыш» («Осенний воздух — ты стеклянный гроб»).

2 марта 1927, Сорренто

В последнем письме Вашем Вы говорите, что понятия «Бог», «Вечность» и проч. в этом духе «выдумываются в нашем мозгу самим Богом». Сие для меня не приемлемо. Для меня все выдумки — от человека и только от него, причем вовсе не так уж важно, насколько они близки к истине. Ибо — нет истины кроме человека, человек же навсегда пребудет разногласящим с подобным ему. «Истинно» человеческая жизнь, конечно, в согласовании разногласий, но таком согласовании, каковое мы воспринимаем в симфонической музыке. Я, видите ли, плоть от плоти — и от духа — того, о ком сказано: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог!»¹. (Обратите внимание: не в разуме, а в сердце. Если б было сказано: в разуме, тогда «безумие» можно бы на Дьявола возложить). Не могу почувствовать Бога мыслящего идеалистически, ибо в идеализме скрыт пессимизм по отношению к Земле и Человеку, а разве допустим Творец Земли и Человека, мыслящий по Платону и Шопенгауэру? Само собою разумеется, что и Бог — материалист — не возможен. А «страдающий» Бог — это уже органически противно мне, это одна из самых неудачных, но, в то же время и хитреных наших выдумок. Надеюсь, Вы не примете сказанное, как «полемику»? Это лишь «выяснение позиции» и — только.

Татьяне Толстой — не верю. И самому Льву Ник. не поверил бы, скажи он мне, что «главная черта его характера — благодарность». Кому — благодарность? Людей он не любил. Бог же мыслился им, но — не чувствовался. И в попытках оформить эту «выдумку» Л.Н. доходил до того даже, что писал в «Дневнике»: «Бог есть мое желание». Будучи создан до Адама или в один день с ним, Толстой срубил бы древо познания добра и зла, даже с корнем вырвал бы его, сделал бы соху и вручил Богу: «Вот, Боже, дай это Адаму и все будет прекрасно». Так «прекрасно» и было бы, и Зубакин с Горьким не писали бы друг другу сумасшедших посланий.

Вопросы: Снимок с бюста Брюсова похож не на него, а на кого-то другого. Что-то похожее на такого человека я недавно во сне видел. Рисовать — не умею, а как хотелось бы уметь! Собак — люблю. Имею фокстерьера, именуется Кузькой, подарен англичанином, аристократ. Его мамаша записана в Лондонском собачьем клубе. — Не шутите с нами! Умнейший песик, вполне независимого характера, любит меня, но — не уважает, ибо чувствует, что я его, собаку, больше люблю. Лезет на колени ко мне в самые неподходящие моменты, а — прогоню, тихонько воеет и

оскорбленно косится. Ну, конечно, возьмешь его, пса. А он, жулик, зубы скалит, смеется надо мной. Грехи! «Аббата» Вы прислали. А книг Ваших — нет? А писать что-то будете?

Содрал портрет из немецкой книги, прилагаю. Таков хорош я был в 22 году. Сейчас — еще лучше. За стихи — спасибо, но сегодня о них не стану писать, поднялся дикий ветер и мне плохо, будет припадок астмы. Жму руку.

А. Пешков

¹ «Рече безумен...» — Псалмы 13, 1. Не «безумен», а «безумец».

16. Зубакин — Горькому

[Без даты. Между 8 и 16 марта 1927]¹

Дорогой и Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Спасибо Вам за карточку. (Портрет, о котором Вы писали, очевидно, пропал в дороге; мне жаль, потому что это был, вероятно, последний Ваш снимок). У Вас сильные, но печальные, очень печальные глаза. Мне нравится Ваша карточка. Почему Вы недовольны ею? Мне нравится, что Вы ни на кого другого не похожи; а вот я похож черт знает на кого (во множ. числе).

Скажите Вашей астме, чтоб она оставила Вас в покое! И если б я был Богом, я б вывесил над крышей Вашего дома аншлаг «диким ветрам временно дуть воспрещается». Впрочем, о Боге я молчу. Вы твердо мне сказали, что не желаете вступать со мной в полемику. Ввиду этого я Вам не напишу о том, что Ваше письмо мне напоминает случай в Саламанкском Университете, когда во время диспута на тему: «есть ли Дьявол?» — на кафедре появился схоластик в капюшоне — и с сильной научной аргументацией доказал — невозможность существования Дьявола — а затем вдруг мгновенно исчез на виду у всех присутствующих — с кафедры — в виде маленького облачка, оставляя за собой легкий запах адской серы. В виду того же, я ничего не скажу и по вопросу о «Страдающем Боге»². Даже и того, что мне, понятно — противно страдание, как *самоцель*. Страдать за себя... бр-бр! — Но страдать за другого, за людей — вполне естественно. Мне очень нравится, как у Франса — старый Сатир говорит о себе: «ах, ведь — я всего только старый бог, — не больше того». И еще мне нравится, как на одном «спиритическом сеансе» — явившийся дух одного умершего отвечает басом: «на вопрос о возможности посмертного существования — ничего вам не могу сказать, так как по убеждениям

своим я — материалист». Впрочем, больше ни слова. «Человек талантливее всего, что он о себе выдумывает» (М.Г.) Я никогда не устану утверждать — что великая истина заключена в рассказе о рыбе — у которой от головы до хвоста — три аршина, а от хвоста до головы — уже *пять!* Нравится мне, что в Евангелии — Сын Божий любил себя называть «Сыном Человеческим». И я — плохо, но искренно писал:

Земля, я — твой! Босым ногам
Идушей Девушки — молюся!
И четки старые отдам
За эти — глиняные бусы.

Как великолепно Вы сказали о Толстом! Но — не сердитесь на меня. Я не ошибаюсь? — Мне показалось, что Вы на меня рассердились, — и — сейчас же задул дикий ветер. Мне чудится, что мои письма начали Вас раздражать, а стихи и подавно. Но что ж, это ничего, что Вы меня любите гораздо меньше, чем я Вас. Это вполне естественно. Да, да — рассердились, а потом, чтоб меня утешить — даже карточку из книги для меня вырвали, — и стали подробно рассказывать о Кузьке (и о Кузькиной... матери). Теперь еще больше рассердитесь. Мне очень понравилось, как Вы назвали песика! (Да, в каком-то приволжском городе висит сбоку на домишке вывеска: «Здесь отпускают пиво на дом — и держат закуську»). Вот уж сколько лет я не имею возможности держать собаку. Конечно, Ваш песик к Вам сильно привязан и отлично понимает и ценит Вашу доброту (что — *как Вы подумаете* — «нельзя сказать о моем корреспонденте»). Брюсов сам находил бюст очень на себя похожим. Он сделан в стиле некоторого подобия прилагаемой Химеры с «Notre-Dame», сделан с натуры в 5 минут, без инструментов, — *ногтями*. Думаю, что Вы можете рисовать. И, наверное, великолепно чувствуете краски. Еще Вы мне не сказали, что пишете (со звонарем)? И слышали ли Зою Лодий? Кроме статей и разбросанных кое-где стихов, у меня ничего в печать нет — и, наверное, не будет. На днях — явился ко мне доброхотный издатель — замучили они меня все! — предлагал издать книжку стихов, но настаивал на чем-нибудь предисловии. Я отверг и Рогачевского (!), и Когана (!)³. Пусть попросит Вересаева, что ли. Да, наверное, ничего и не выйдет. Смех один! Человек под старость выслуживает свое лицо. Увы, смотрю, к портрету моему можно сделать подпись из моих прошлогодних строк:

1. Я все полнею понемногу:
Такой уж возраст, вижу сам.

Но только — старая тревога
Недосыпает по ночам.
2. И худошавый, острый профиль,
Сопровождая по пятам —
Мне отравляет утром кофей
И молоко — по вечерам.

(Последние, впрочем, две строчки относятся, скорее, к области «чистой» поэзии).

А все-таки — основа бытия: — иррациональное, доброе, героическое. Как Вы точно и хорошо сказали о *симфонической* музыке бытия! Ах, да — я и не написал, что «Рече безумец в сердце своем: несть Бог» — разобрано Вами великолепно. Действительно, в сердце, а не в разуме. Но ведь «*безумец*»...! — рече в сердце. Здесь, пожалуй, говорится и о — безумии сердца. Это неплохо. Да и «безумие сердца» — неплохая вещь! Грешник, — я, — думаю, что атеист ближе всех к «Богу». Не сердитесь на меня! В отрицании Бога человеком, — с моей точки зрения — есть тоже выражение «Воли самого Бога», *нашей* божественности! Это — особая «деликатность» Божия, Его такт, мудрость, желание стусеваться перед наследником и преемником — *Человеком*. Ну-ну, больше не буду. Я ведь не поп (и не «попка», как Вы подумали, небось). Хотите немного отдохнуть от меня? — Напишите об этом, и я буду посылать письма реже и еще короче: Мне бы очень хотелось сделать Вам что-нибудь приятное. И вот, ничего не могу *пока* придумать. «Нет истины, кроме человека...». Под этим и я подпишусь.

Ваш Б.Зубакин

P.S. Сны у Вас, наверное, замечательные.

Нет ли у Вас *повторяющегося* сна?

Мне вчера рассказывал один актер: «Мой отец был очень религиозен; и так, бывало, нежно и горячо целовал, прикладываясь, икону, что я невольно думал: ”отчего он *меня* — так никогда не поцелует“...» Еще о Вашем портрете. Вы когда-то высказывали недовольство Вашей наружностью. И вот я вспомнил сказку Андерсена «*О гадком утенке*» — который оказался волшебным-прекрасным Лебедем... Из Ваших прежних вещей постоянно вспоминаю «Страсти-Мордасти». И очень мне близко Ваше чувство в отношении «Отшельника» (в последних рассказах). Вам, вижу я, так дорого добро в человеке, и так хорошо Вы его знаете и уверены в нем, что Вы берете на себя заранее — все возможности перегибов Зла, в каждом из «Носителей Добра». (Отшельник, случай с дочерью). Это мне близко до дна! Думаю о том, как нужно знать и показывать невольность греха и невинность его в людях. Обычно

писатели говорят о виновности человека в грехе (Моисей, Достоевский, Толстой) — оттого люди и должны у них отречься от прошлого своего. (Старец Зосима, Федор Кузьмич, Нехлюдов, о.Сергий). Даже Дон Кихота собрался было осудить Сервантес! Только один Шекспир не очень-то осуждал людей, и греческие трагики чувствовали людей невинно-виноватыми (Орест, Прометей). Не правда ли? Осудители «за грех» — может быть — и правы. Не надо забывать и этой «правды». Но несудящие *правее*. Об этом я давно хотел написать Вам, и даже записал отдельно (и оттуда описываю). Мне кажется, что люди подменяют понятие Ответственности за Мир понятием виновности не там, где это надо. Это очень опасное оружие в неопытных руках! Но я думаю, что замыслы Человека суть замыслы — Космоса — выраженные в масштабе человеческой, данной личности — и от меня, от человека зависит придать им цену или изменить их. Вновь перечел Ваше письмо: Ух, как Вы мной недовольны! А жаль: — я за последние дни был, пожалуй, несколько лучше, чем прежде. Правда, недолгое время! Отдыхайте больше. Еще меньше пишите мне: не утомляйте себя, дорогой Алексей Максимович. Я — рад Вам бесконечно — и пляшу вокруг Вас, как дикарь вокруг португальского корабля, выброшенного на его берег.

Ваш Б.Зубакин

¹ В правом углу приклеена небольшая фотография Зубакина.

² «*Страдающий бог...*» — скрытая полемика с В.И.Ивановым, который посвятил этой теме свои исследования «Эллинская религия страдающего бога» и «Религия Диониса. Ее происхождение и влияние» (Новый путь. 1904; Вопросы жизни. 1905). В.Иванов писал: «И вот аспект мира в озарении Дионисовой религии: мир — обличье божества страдающего. Зрелище мирового страдания выносимо для зрителя и соучастника Действа вселенского (и каждый из нас вместе зритель и соучастник, и как соучастник, — вместе жертва и жрец)...» (Вопросы жизни. 1905. №7. С.147).

³ *Коган* Петр Семенович (1872-1932) — литературовед и критик.

17. Горький — Зубакину

21 марта 1927. Сорренто

Дорогой Борис Михайлович — не пишите мне: «Ух, как Вы мною недовольны», не пишите, что Ваши письма «раздражают» меня, — все это не верно. Каждое Ваше письмо я читаю с радостью, люблюсь Вашим умом и, право же, счастлив знать, что Вы

— есть на земле. Но я действительно и часто раздражаюсь, ибо почти каждый день приносит порядочную дозу различных идиотизмов, а я еще не привык принимать их равнодушно. Читаю письма молодых литераторов, это тоже не всегда весело. Вот один пишет о лаврах: «Лавровый лист случалось *есть* в супе». У другого «по-змеиному *визжат* косы звонкие», третий сочиняет стихи: «Ряды, ряды,.. шаги, шаги Шумят по мостовой. Верней кледи ступень ноги»¹. И т.д.

К сказанному мною о Толстом необходимо прибавить: Л.Н., конечно, самый удивительный человек из всех, встреченных мною, но я не поклонник даже и гениальных людей, если они упрощают жизнь, а склонность Т. к этому ремеслу неоспорима. Бог — для меня — тоже «упрощение бытия» и — вредное, ибо подменяет истину — трагедию не всегда сладкозвучной, но всегда жалобной и не достойной человека лирикой. Сопоставьте Екклезиаста с книгой Иова, но не думайте, что я говорю как пессимист.

А — говорили ли Вам, что Вы похожи на Шекспира и еще на кого-то из англичан XVII века? По фотографии это — так. Анекдот о Дьяволе, отрицающем самого себя, мне известен, но — это не хитрая штука: подумайте, — ведь если б Дьявол сумел доказать, что он — не существует, — в какой невозможной позиции оказался бы Бог. А, кратко говоря: плох тот Бог, который нуждается в теодицее, — в оправдании его.

Звонарь — эпизодическое лицо моего романа и — только. Зоя Лодий была здесь и пела у меня в 24 г., когда она поет старинные французские песенки, забываешь, что она горбата².

О моих сновидениях я упоминал в «Воспоминаниях» о Толстом; редко вижу их, но всегда очень забавно и — жутковато. Пустые валяные сапоги, шагающие по снежной равнине — страшно! Лев Н. отплатил мне за эти сапоги ломберным столом, бегущим по улице. Два или три раза повторялось у меня такое сновидение: я дирижирую бесчисленным струнным оркестром; нет ни меди, ни деревянных инструментов, только скрипки, виолончели, контрабасы.

Не желая оставаться в долгу у Вас, отвечаю на Вашу вывеску «держуть закуску»: в Костроме, по словам Валентины Ходасевич, художницы, есть вывеска: «Циник и лудильщик», в Москве, на Покровке, была такая: «Починка чемоданов Исак Вояжев», а в Пензе: «Парикмахер и куафер он же мадам». Вот Вам, получите!

Крепко жму руку. Будьте здоровы. Пишите, присылайте стихов³. Всего доброго.

А. Пешков

¹ Ср.: Молчанов И. Огонь: Стихи. М.; Л., 1927. С.57: «Ряды. / Ряды. / Шаги. / Шаги / Шумят по мостовой... / Верней клади ступню ноги, / И так, чтоб слышали враги — / Звени, пылай и пой!»

² Ср.: Новый мир. 1968. №3. С.35.

³ В письме к Груздеву 23 марта 1927 Горький писал: «Послушайте! В Москве — Мерзляковский пер. 18, кв. 8 — живет профессор-археолог Борис Михайлович Зубакин. Это человек изумительно талантливый и своеобразный. Он пишет стихи и несколько оскорблен тем, что его плохо понимают. Вы не могли бы написать ему, чтоб он познакомил Вас со своим творчеством? И, м.б., Вы исхитритесь провести книжку его стихов, что очень бы поставило Зуб[акина] на ноги? Уверяю Вас — это исключительно талантливый человек!» (Архив Горького. ПГ-рл 12-1-23).

18. Зубакин — Горькому

[Без даты. Вероятно, 22-24 марта 1927]

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Поздравляю и Вас, и Россию, и Божий Мир с Днем Вашего Рождения. Поздравляю Вас и с тем, что Вы не очень-то даете себя «стеснять» Вашим 59 годам. Не беда, если мое письмо и не придет точно в самый день 14-го марта, т.е. придет накануне или даже день спустя (кто ее угадает, эту почту!) — все равно в самый этот день я как всегда утром и вечером, ложась на свое архаическое ложе стиля «рококо» (от него, собственно, по ветхости осталось либо «рок» — либо «коко», — но целое — утратилось), — посылаю Вам мысленную волну пожеланий бодрости, здоровья и силы несокрушимой. Наука будущего докажет, что это не напрасное занятие и что мысль — есть волна энергии, и она может дойти на любом расстоянии, и она *доходит* (пусть пока слабо, — но доходит!) Посылать цветы в Италию — нелепо! Надо бы исхитриться послать Вам две русских снежинки, но все мои мысленные «снежинки» и «льдинки» моментально тают, едва я вспомню о Вас. Посылаю Вам две картинки, мне очень дорогие. Одна — гравюра моего деда (ее почему-то особо берегла моя мать), вторая — простая картинка, которую очень берег мой покойный приятель — поэт Ширявец¹ (если захотите, напишу когда-нибудь о нем). Гравюра изображает Старика-Мудреца, каким сделала Вас мудрость 50 лет *назад*, — пожилым от мудрости (в «бабушкино» — а — потом в «людное» время), а вот 2-я картинка — с балалайкой, — это Вы *теперь*, от мудрости — помолодевший! Вот оно как! Вы не знаете, наверное, что с ними делать? Суньте их куда-нибудь, но, пожалуйста, так, чтобы оне Вам изредка попадались на глаза (ес-

ли, конечно, они Вас не раздражают). Как жаль, однако, что Вы не мой какой-нибудь эдакий — молодой вертопрах-племянник! — а то бы я мог вам на правах престарелого богатого дядюшки, подарить массивные золотые часы (как подобает ко дню Рождения). Впрочем, говоря аллегорически, я скорей краду у Вас часы, чем дарю оные. — У Курта Ласвица² один из жрецов-патриархов возглашает: «Владыка Закона! Ты, кого мы носим в сердце своем, — даруй нам свободу Твою!» — Я чувствую, что Владыка Закона — с самого первого дня Вашего рождения — даровал Вам *свою* свободу, и спокоен и счастлив за Вас. Я Вас так близко чувствую с собою, что, пожалуй, даже не пожалею, что в этот день я не около Вас, а праздную его издали. Впрочем, «искренность» моего заявления напоминает мне вчерашнее замечание двух престарелых «бывших» дам (с лорнетами и в чищеных шелковым платьях) — застрявших на галерке в Опере. Оне обе тщетно вытягивали худые сморщенные шеи, но им так-таки ничего и не было видно, ибо до барьера было еще несколько рядов студенческих и армейских стриженных затылков. Но дамы разговаривали одна с другой нарочито громко, примерно так: «Ах, насколько же здесь вообще лучше, чем в партере! Да и слышно, пожалуй, лучше, чем там внизу!» — «Правда, Lise, а как хорошо, что *МЫ* (!) не взяли билета вниз!?» Я стоял и слушал — и дорого бы дал, чтобы смочь провести в партер этих двух милых, старых попугаек! Но, увы, я сам-то был «зайцем» в театре, и пропущен был по недосмотру капельдинера.

Благословение Тебе, музыка дней, доходящая *и до всякой* галерки! Радость твоя — Радость Истинная — все равно, в каком ряду тебя ни услышишь! Вот оно как, — господа «рецензенты» и «капельдинеры»! Милый и дорогой Алексей Максимович, Звездный мой Друг, Путешественник по Вселенной! Любите, пожалуйста, меня и всех моих старух еще немножечко, и в этом, 59-ом году Ваших дней, пожалуйста.

Мне тоже хочется, чтобы вокруг Вас всегда были любящие, верные, понимающие Вас люди. Напишите мне, пожалуйста, кто еще Вас поздравлял сегодня (мне это очень важно) и как Вы провели этот день. А я решил написать Вам коротенькое письмо — во-первых, потому, что я не хочу у Вас в этот день отнимать много времени, — во-вторых, потому что мне все же очень скучно стало без Вас, но ведь мы еще увидимся, правда? Мне сказали, что Вы обещались приехать в будущем году. У моего тестя две бутылки старой наливки, я попросил их сберечь, узнав, что Вы приедете. Гостиницы в Москве очень дороги, вот бы, если б Вы у меня остановились. Впрочем, увы, Вам придется поместиться где-нибудь «официально». Но мы тайком все же с Вами свидимся. Непремен-

но. Ну вот, я и опять повеселел. Берегите себя, дорогой Алексей Максимович! Будьте здоровы и сильны, мой Звездный друг, Путешественник по вселенной.

Ваш Б.З.

¹ *Ширяевец* Александр Васильевич (1887-1924) — крестьянский поэт. На его смерть Есенин откликнулся стихотворением «Мы все уходим понемногу...».

² *Лассвиц Курд* (1848-1910) — немецкий философ и писатель-фантаст. Б.Яковенко («Логос» I. С.259) писал, что Лассвиц приближался к учению Марбургской школы. В.И.Вернадский в одном из писем сообщал, что этот философ «дает картину идеальных сверхлюдей будущего» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.18. М.; СПб., 1995. С.373).

19. Горький — Зубакину

[27 — не позднее 29 марта 1927, Сорренто]

Спасибо за картинки. Афанасьевский балалаечник вырезан из «Шута» за 96 г. Его — Аф[анасьева] — иллюстрации к «Коньку-горбунку» — лучшее, что он сделал. Там же, в «Шуте» печатались отличные иллюстрации Рябушкина к «Ваське Буслаеву»¹. А именинник я буду по н.с. 30 марта.

Хотел бы я посмотреть на Вас, каков Вы есть вживе. Вы сюда не можете выскочить? Вот бы праздник!

А.Пешков

Зачем нужно предисловие к В[ашим] стихам? Не понимаю серьезно. И боюсь, что предисловие погасит некоторые особенно сверкающие строки.

А.П.

¹ *Рябушкин* Андрей Петрович (1861-1904) — художник-жанрист. См.: Рябушкин А.П. Русские былинные богатыри. СПб., 1895. (Приложение к журналу «Всемирная иллюстрация»); Масалина Н. Андрей Петрович Рябушкин. М., 1966.

20. Зубакин — Горькому

[2 или 3 апреля 1927]

Дорогой и Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Я послал Вам ко дню Ангела телеграмму, которая, вероятно, будет перепутана, и по стилю окажется не хуже «кузькиной» вывески. Утром в день Вашего Рождения — ко мне вошла Елена и

сказала: «поздравляю Тебя, милый» — «С чем же?» — «Ты же мне сказал на прошлой неделе, что сегодня будет день Рождения Горького...» — «Поздравляю Тебя...» — правда, мило? Я поблагодарил от души.

Пьяному мнится все встречное пьяным.
Злому не верится в святость другого —
Злые, слепые, — с враждой и обманом,
Люди и Бога измыслили злого.

Я тоже ненавижу подделки «истины—трагедии» — Бытия, кисловатым подвыванием «о божественном». В Витебской губернии, когда задерживается с шумом и шарком (на ржавых кольцах) алтарная завеса, бабы падают ничком и бормочат в голос импровизированный возглас: «Шарни меня, Господи, по грешной душе и грешному телу!» По-моему — лучше не надо! Я часто говорю, что в своих церквах люди молятся какому-то подлому дьяволу, а не достойному поклонения существу, если только Ему, а не свободе Бытия приписывать мировое неустройство. Но нет, — Бытие — Свободно, трагично в своем подвиге, и ослепительно-прекрасно в своем желании быть человеческим! Самое лучшее из сказанного об этом в Библии, — что сказано все *словом* и — из «ничего»! Да, да, да! — «То» — из «*чего*» — и «*чем*» — создается наш мир, — для ограниченного инструмента нашего сознания может быть выражено только понятием: «ничто». Ибо, если вещь, или предмет, постигаемый человеческим мозгом, является для него «*чем-то*», и есть для него «*что-то*», то «предмет», — из коего творится мир — должен быть выражен мозгом — лишь как — «ничто». Но, с другой стороны, поскольку наш чело[веческий] разум сам-то состоит из этого питающего его «предмета», он все-таки слепительно-великолепен, — великодушен, истин, пророчен и творящ.

Если ж и *мы* Тебе, в гимне сегодня
Облик и мысль приписали свои же, —
В нашем столетьи, *Ты* дышишь все ближе,
Неизъяснимая прелесть Господня! —,

кончаю я цитируемое выше юношеское мое стихотворение. Никакой и не надо теодицеи и оправдания. Она уже есть: — Литература, Художества и незримая миру летопись молчаливых и единичных страданий за Человеческую правду! — Я Вас люблю, Алексей Максимович Пешков! — Вы мой дорогой. Не приехать мне в Вашу Италию никогда, никогда, никогда. А ведь в первой моей детской поэме я описывал Капри и гору Тиверия — Ваши места. Вокруг же меня — шумливая Москва. Веселого в ней одно: грустные шуточки, нашептываемые мне сомнительными сочинителя-

ми: — будто-де Станиславский про репертуар МХАТа говорит: «Ничего не знаю — моя М... хата с краю!» — или еще интимнее: «моя станиц-лавочка»... Что будто — предприниматели-охотнорядцы говорят о «коллективном договоре» — «не кол-договор», а «кол в договор»; что композитор Мясковский¹ настолько заполнил всю консерваторию, что говорят «Мясковская Консерватория», а не «Московская»; что постановка Мейерхольда — есть не гоголевский «Ревизор» — Мейерхольдовская «переписка с друзьями»². Но незачем измышлять — в Малом театре на пьесе Островского недавно вызывали автора; а на диспуте о «Ревизоре» один из оппонентов начал так: «Нам нынче надо чего-нибудь современного, а не какого-то Шекспира, *жившего в 12 веке!*» — когда зал захохотал — оппонент поправился: «Извиняюсь, я привожу хронологию... — приблизительно». С такой приблизительной оговоркой и я похож на все шекспировские портреты (один художник, заметивший это, приволок мне их показать). Вероятно, во мне сказывается англо-шотландская кровь со стороны матери (очень надменной и нравной лэди). Маменька, бывало, указывает сухонькой ручкой в метэнках на галерею ее предков и говорит: «Меня ты понять не можешь: Я вон от кого! — а ты — плебей!» — «Маменька, — возражал я бывало, от души потешаясь, — но ведь эти длинноносые пэры и лорды мне тоже немножко сродни!» — Мать — она всю жизнь мучилась мезальянсом — с моим отцом, производившим свой род, увы, всего только от сомнительного атамана-разбойника «Зубаки» — «Зубакина» (Мир его праху!). О нем есть роман, кажется, у Мордовцева³. Мне же всегда нравилось происходить от такого забяки! А у вас, конечно, наследственность от бабушки и от отца, — да и, наверное, уже монгольская есть примесь! Больно — гордость у Вас нерусская. (Конечно, у нас русских, есть своя гордость, да вот, — на! — докопайся — где?) Я заметил, что глубоко-гордые люди чрезмерно чистоплотны (Блок, Пяст, *Есенин (!)*, Вяч. Иванов, Брюсов). Пушкин и Мусоргский были неряхи. — А Вы не-неряха, — уж нет. Очень, очень я без Вас скучаю иногда, Алексей Максимович! Увы, — однако, что же мне делать с собой!? Я никогда — не буду поэтом! У меня слишком мало печали. Я дико восхищен человеком и человеками. Мне все нравится. Я даже не насмешлив, — а весел! Вот ведь, даже когда ночных забулдыг встречаю — и то пишу так:

А я иду, ночной прохожий, —
И стыдно мне, что в этот час
Вина пленительного тоже —
Я в емком сердце не припас,
Чтоб падать в лужу на карачки,

На миг блаженство разделя,
Солнцеворотной этой качки,
С какой вращается земля!

Я вижу, что вопреки самим себе — люди полны насквозь мировым светом, и их тела — опухшие, обрюзгшие, или измызганные до — последнего — «светятся порой каким-то восторгом»! Меня не отталкивает и не пугает — ни пьянство их, ни разврат, ни отчаяние их звериное, ни преступления. Я вижу, что не «разлагается» человек вовсе, а во всех ситуациях по-новому божественен и неожиданно победен, неповторим и оправдывает собой все Бытие. Алексей Максимович — говоря по совести, я так в глубине своей счастлив, — что уже оплачена вся моя жизнь с лихвою, — я уже живу сверх срока, и все, что я встречаю каждый новый день, — уже «сверх программы». Я живу благодарностью — за то, что жил, я не ищу Вечности, потому что уже дышал ею! Но жизнь вращается и идет. Она требует меня, и я рад, что она хочет, чтоб и я с нею жил. Да, я не боюсь за человека. И в то же время я не люблю современного его разгула, пьянства, эротики и «любвей». Это все хорошо, когда переливается — от избытка! Но большинство занимается всем этим от ущерба. Вместо мысли, политики, религии, вместо дела! они заняты «психологизмами» — и «любвями» в литературе и быту не потому, что у них все есть, а потому что у них ничего нет из того, что должны *и могут* иметь. «Ни пау, ни луа», как говорил лесковский архиерей⁴. И все свои дырки они затыкают «любовью». Жалею их, готов понять, что они иначе не могут пока, но протестую перед ними за них же самих! Ничего этого я не умею толком сказать. Вот, поди ж ты! а казалось, что сумею! Вы хотите посмотреть меня живым? Как тут быть? Хотите, я попрошу Цветаеву, пусть она опишет, «каков я со стороны»? — Она очень много обо мне записывает к моей потехе, а порой и конфузу. Как-то иду и поверяю фехтовальные приемы палкой по забору. Навстречу дама, — времен Очаковских и покоренья Крыма. Подманила пальчиком: — «Молодой человек!» (Это я-то молодой человек!) Подошел. «Скажите, — спрашивает дама, — вы не жили в прошлом году в Павловске?» — «Никак нет, — говорю, — не жил». — «Удивительно... ну точь-в-точь такого же шалопая видела...» — А кондуктора в трамвае, — не в первый раз обращаются так: «Ваш билетик, барышня!» (Это я-то барышня!) — А беспризорник вчера попросил: «Дедушка, дай яблочка!» — вот и поди!

Со стихами-то моими опять все просыпалось (Меценат — издатель из Питера не приехал!) Ну и пусть! А предисловие к стихам искать придумал некий Петерс, который было взялся за все это.

Я ему скажу — пусть сам и пишет, а мне все равно. Ох, все-таки я мечтаю уехать в какую-нибудь маленькую Швецию—Норвегию — изучить язык и стать тамошним национальным поэтом. Никто, никто не услышит здесь моих стихов. А за то, если я «там» — «ославлюсь» — меня уж как иностранца — обязательно переведут на русский язык! Так ведь и было на наших глазах — с «английским классиком» Конрадом — *русским* — поляком¹!

А у меня родилась племянница. Дочь у единственной замечательно преданной и доброй моей сестры — Надежды-Регины. Пожалуйста, напишите скорее, как назвать девочку? Я запишу Вас заочно — и Вы станете по-росейски — сродственником-кумом?! Я отнюдь не сторонник «кумовства», — но, право, забавно, — и я весел!

Да, день Рождения своего Вы мне так и не описали. За это — отпишите мне на три вопроса: 1-е)!!! Как проводили день именин? Что пили-ели и чем забавлялись. Был ли пирог — и с чем?

2-е) Читали ли книгу О.Руновой² «У корня»? — и прислать ли Вам мои детские песенки с нотами и трогательную книжонку нищего — философа Шепеленки?

3-е)!!! Откройте мне тайну: почему я до сих пор не получил обещанного большого последнего Вашего портрета и книжки с надписью сыну Азе? Так-то.

Ваш Борис Зубакин

Стишки-то Вам присылают не хуже моих!! Ну так и я пишу: /.../

Борис Зубакин

А прислать Вам поэму из событий 19 года?

Ах, напишите о себе побольше. Т.е. не очень много строчек — не утомляйтесь.

¹ *Мяковский* Николай Яковлевич (1881-1950) — композитор, автор симфоний, камерных инструментальных и вокальных произведений; профессор Московской консерватории с 1921.

² *Мейерхольдовская «переписка с друзьями»* — аллюзия на «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В.Гоголя.

³ *Мордовцев* Даниил Лукич (1830-1905) — русский и украинский писатель.

⁴ «*Ни пуа, ни луа*» — «Ni foi, ni loi» (*фр.*) — буквально: «Ни веры, ни закона»; переносно: «Ни стыда, ни совести». У Н.С.Лескова в «Мелочах архиерейской жизни»: «Как, помилуйте, возможно, чтобы по такому деликатному делу прислать ко мне, монаху, этакое бесстыжего петуха,

который и без того везде орет во все горло, что у меня нет ни foi, ни roi [sic!], и давно на грудь мне наступает, чтобы я закона не почитал» (Собр. соч. Т.6. С.511).

⁵ *Конрад* Джозеф (наст. имя Юзеф Теодор Конрад Коженёвский; 1857-1924) — английский писатель.

⁶ *Рунова* Ольга Павловна — писательница, мать друга Зубакина — Н.А.Мешерской (см. прим. 1 к письму 7).

⁷ Пропущены тексты стихотворений «Портрет» и «Душа не хочет жить обманом». См.: НУ. С.349, 376.

21. Горький — Зубакину

8 апреля 1927, Сорренто

Снова интереснейшее письмо, интересные стихи своеобразно-талантливое человека и снова — чувство досады: играет человек собою, как ребенок затейливой игрушкой, которая и нравится ему, но и возбуждает желание сломать ее, взглянуть: что внутри? Я уже писал, что Ваши письма, Б.М., восхищают меня, это — искренно, но я — «мирской» и мне всегда неловко быть кошкой, которая одна только и в уединении слизывает сливки. Это — тоже правда. Не богато украшен мир наш талантами, и Вам должны быть понятны и досада моя на Вас, и мое желание видеть Вас «опубликованным», т.е. — обнародованным для немногих. Ибо Вы, несомненно, для немногих, но для тех именно, кто достоин радости общения с талантом. Вы мне извините эту воркотню?

И вот нечто на ее тему: на днях мой хороший друг, женщина, прочитав «Апокалипсис» В.В.Розанова¹, пережила во сне удивительный кошмар: видела она, что в огромнейшем, полуподвальном зале, с низким сводчатым потолком, стоят, бесконечно уходя в глубину зала, узенькие койки, а на них возлежат, — все в одинаковых позах, — мелкие человечки, однообразно одетые в подряски, единоликие, похожие на монастырских послушников. Кто-то невидимый прекрасно читает слова нежные и страшные, но понять их разумом — нельзя, чувство же, «сердце» понимает, что это именно страшные, нежные и никем еще не сказанные слова, почему они и непонятны. И вот: каждый раз, когда невидимый чтец повышает голос — с одной из коек встает мелкий человечек, иронически кланяется в сторону чтеца и, надев *котелок* на голову, идет прочь, ехидно улыбаясь. Тогда голос чтеца умолкает, а человечек возвращается на место свое, но лишь только снова начинается чтение — другой человечек встает, в точности повторяет

поклон, улыбку, котелок и тоже идет прочь, и тоже возвращается в тишину, и так же поступает третий, 303-й и — бесконечно! Друг мой, видевший все это, жестоко страдал, он тоже хотел крикнуть человечкам страшные и нежные слова, но не мог крикнуть ничего, а только — три слова повторял: «Это — неучтиво, неучтиво!» Этот жуткий крик, повторенный неоднократно, разбудил меня и заставил меня разбудить сновидца, измученного кошмаром своим почти до невменяемости. А он — человек здоровый, «нормальный». Так вот, друг Вы мой, картины какой трагической нищеты мира можно видеть во сне. Наяву же, — как Вы знаете — они еще кошмарней. Поэтому я и ворчу на Вас. Понятно ли? «Я никогда не буду поэтом, у меня слишком мало печали; я дико восхищен человеком!» — пишете Вы. Какая ересь в первой фразе, как резко звучит в ней отравка «христианством». Разве Шелли печален? И — Пушкин? Даже великий болтун Бальмонт — эта забавнейшая и — в «Будем как солнце» — почти удачная попытка воссоздать Шелли на русской почве? Разумеется — и печаль украшает наш мир, если она хорошо спета, сыграна, но — ее так много «накожной», чувственной, от причин физиологических — музыка Чайковского, например. И вообще, — ее так много!

Почему же Вы, сударь, не хотите быть поэтом восхищения Человеком и Миром его? Ведь вот можете же Вы хотеть:

— падать в лужу на карачки,
На миг блаженство разделя
Солнцеворотной этой качки,
С какой вращается земля!

Вы, сударь, не кокетничаете ли с самим собою, немножко? Иногда мне чудится, что это — так. Ибо нельзя же говорить: «я не поэт, у меня мало печали» и, рядом с этим: «я так, в глубине своей счастлив, что уже оплачена вся жизнь моя с лихвою». Ну, что же Вам мешает быть поэтом радости бытия? Почему Вы полагаете, что обязательна для поэзии христианская печаль, а не языческая радость геофила и а[н]тропофила? Не понимаю. Если Вы попросите г.Цветаеву написать мне Вас, я, конечно, буду обрадован и это даст мне возможность еще более безжалостно пить Вас.

Мечта — ну и мечта же! — Ваша быть исландским или норвежским поэтом рассмешила меня до слез. Знаете ли Вы, что там на каждые 226 жителей — один литератор? Так сказал мне исландский поэт Андерсон, кажется. Но — какие там прозаики, — не говоря о Гамсуне. Вы не читали Вилле-Бранда «Птенец чайки»? Хорошо. Хорошо и этот исландец Гумудрун — как? Не помню.

Не знакомы ли вы с А.Н.Тихоновым из «Круга»?² В каких людях живете Вы? Вот чего не понимаю! Как смотрят на Вас окружающие, кто Вы для них? Не чувствую.

Тот факт, что стихи Ваши не издаются — огорчил меня. Не могу ли помочь Вам чем-то?

И — Вам надо писать прозу, прозу, каждый день, не шадя себя, писать обо всем: о мухах и петухах, о Боге, солнце, женщинах и детях, о собаках и неграх, о человеке, который удивляется, почему он до сего часа не удивлялся сложности мира в себе самом. Нет, серьезно? будете Вы писать прозу?

Пришлите поэму о 19 годе.

А что я напишу Вам о себе? Я уж и так до того дописался, что вчера долго и усердно вставлял новое перо в мун[д]штук, а на днях, закурив папиросу, обмакнул ее в чернильницу. Я работаю по десять часов в день, да часа четыре читаю газеты, книги; в антрактах — играю с внучкой в саду. Стал очень плохо видеть. Вот и все.

Крепко жму руку

А.Пешков
S[orgento]

¹ Речь идет о последнем, предсмертном произведении писателя «Апокалипсис нашего времени».

² Тихонов (псевд. А.Серебров и др.) Александр Николаевич (1880-1956) — писатель и издательский работник; в 1903-1936 — один из ближайших сподвижников Горького. «Круг» — издательство «артели русских писателей» (1922-1929), в 1923-1927 выпускало одноименный альманах, вышло 6 выпусков.

22. Зубакин — Горькому¹

[Без даты. Вторая пол. апреля 1927]

Дорогой и Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Вы бесконечно добры. Постарайтесь ответить по пунктам. Но, прежде всего, — мне не нравится приписка: «стал очень плохо видеть». Вероятно, Вы дальнорезки? Следите за своим зрением, нельзя же его так переутомлять. Не читайте моих писем сразу!!! Если Вы не станете беречь свои глаза — мои письма я сокращу на 99/100! Проще будет писать так: «Д. и Г. А.М-ч! Ваш Б.» и Все. Пожалуйста, мне ответьте, какие меры принимаете с глазами. Есть ли у Вас хороший «глазенап»? Врачи, конечно,

бывают разные. Писал ли я Вам об одном сладчайшем докторе, который был так поэтичен, что когда он, напр., — произносил слово «почки», — то его пациенту сейчас же представлялось сияющее Солнце, весенние, набухающие почки на деревьях и апрельские солнечные зайчики на извилистых дорожках парка — и только острая боль у поясницы возвращала к печальной действительности? А другой «эскулап», — мрачно осмотрев больного, вдруг светлел, расправлялся в широчайшую улыбку и, похлопывая пациента по плечу, — ободрительно заявлял *диагнос*: «Пустяки... — *Си-филис*».

Так вот. Впрочем, если работать по Вашей «системе», — то и совсем можно без глаз остаться. Надо бы полегче немножко!.. Один витебский крестьянин так отчитывал своего сына: «Ах, ты лежебока, ах, ты, гультай, мать твою курицу! Прохжост. Право слово, прохжост, — абормот океянный!» — сын же — и ухом не повел. «Последнее мое тебе слово, — вскричал отец, разъяренный видимой его неуязвимостью, — *кокет* ты! Вот ты кто!» — Тут уж и сын не выдержал такого обидно-непонятого слова — и запустил в батьку корчагой. Последнего слова от Вас я тоже не выдержал и отписываю: — ей-Богу, не виноват! И лежебока я, и гультай, и обормот, — но *не кокет!* — и не нравится мне моя игрушка — «Борис Зубакин». Вы мой очень дорогой. И я без Вас скучаю. Очень, очень Вы мне нравитесь. «Я рад, что около Вас есть хорошие друзья и большого калибра люди». Маленькие «люди-колибри» таких снов не видят. А чиркают во сне на жердочках жолтеньким канареечным писком! Котелки — и «это — неучтиво, неучтиво» — поразительно. Замечательное видение. И замечательно Вы мне его передали! Представьте себе! Только что на днях через Пастернака получил экземпляр «Верст»² с этим дьявольским розановским «Апокалипсисом»! Если у Вас тот же № журнала, *посмотрите* в отделе библиографии очерк Ильина о книге *Ш.Ришэ* и его опытах. Сама эта книга была у меня в руках. Весьма примечательно! — Ага! вот Вы и наказаны! Целый год я не был у Пильняка — и вот затащили сейчас меня Юнги (семья — Юнг) к Пильняку слушать его последний рассказ. Попал к разговору (Вересаев — Пильняк — Новиков — В.Полонский³) — Вересаев про Вас: «Алексей Максимович, несомненно, *кокетничает* (говоря о мнимой несистематичности своего образования)!» Мне, конечно, дела нет до пустяков, какие эти господа говорят —, а все-таки, словечко-то! Забавно! — так вот, изволите ли видеть, как мне ответить на Ваш вопрос: «В каких людях живете Вы? Как смотрят на Вас окружающие? Кто Вы для них?» Я нигде по возможности не бываю. Литерособраний не посещаю. Прежде бывал

в Союзе Писателей и Поэтов. Иногда (2-3 раза в год) «выступал» — «выступаю» с чтением стихов в С[оюзе] Писателей в Полит[ехническом] Музее (разумеется, не по собственной инициативе, а по приглашению). Так как иногда, в силу сложившейся обо мне легенды, я иногда сдавался на просьбы публики и — импровизировал, так как в силу глухоты на левое ухо я непомерно громко (как утверждают люди со вкусом) произношу стихи — то большинству я кажусь замечательным чтецом. Когда я иду по улице (Москва, как известно, — тесный, провинциальный городишка, разросшийся на несколько верст в диаметре), — иногда интеллигентные прохожие подталкивают друг дружку и громко говорят за моей спиной: «Это вот он. Этот самый поэт» — «А я думал (или — думала), он выше ростом и интереснее!» — и т. подоб. Кто-то пустил слух, что я хоть и «странный, но о-д-ч-ень умный» — и потому, когда со мной разговаривают, то делают обычно очень натянутое — внимательное лицо. Дальше этого отношение окружающих ко мне не идет. Собственно, у меня нет друзей. Да я и не ищу их. Как бы это объяснить? — я *себя* очень чувствую другом человеку, с которым встречаюсь, но дружба с *его* стороны —... как-то выпадает из моего «опыта». Вот, напр., мое отношение к Вам. Я Вас по-настоящему полюбил. Мне *мило* ваше отношение ко мне, но самому-то мне очень хочется только одного: — как-нибудь Вас если не порадовать, так хоть позабавить. И если б Вы были уверены, что это письмо пишу не я — а какая-нибудь Марья Ивановна — я был бы счастливее. Ах, не подумайте, что я горд. Я очень уважаю всякое проявление добра и ласки. Я бываю очень рад, когда и ко мне бывает направлено добро. Но оно для меня всегда *сюрприз*, а не — *ожиданная* пища. Понятно, я содрогаюсь от всякой нечеловечности, несправедливости. И когда и на меня она бывает направлена, я короблюсь, как береста на огне, — но как-то чисто физически, а не нравственно. Как ко мне относятся люди? Не понять мне их чего-то в этом никак. Вот один мой школьный приятель жил у меня в доме, а потом через несколько лет сознался, что он (а он работал в бактериологическом Институте) хотел мне вспрыснуть перед моей свадьбой бациллу сифилиса, так как он был тайне влюблен в мою невесту и хотел ей мстить за это. Помешала одна странная случайность; — и что он меня очень любит. Да, а вот другой (не писал ли я уже о нем), которого я действительно люблю, — тоже жил со мной неразлучно⁴. И вот, оказывается, — едва я уезжал куда-нибудь, — он начинал меня всячески поносить и возводить на меня фантастические небывлицы. Узнав об этом, я вызвал его к себе в комнату и спросил: «Валечек, что это значит?» — И вот, как сейчас помню, он встал

на колени перед письменным столом, у которого я стоял, и сказал: «Прости, но — это выше моих сил! Ты добр, и все такое, и я тебя люблю! Но меня что-то просто дергает за язык и понуждает возводить на тебя поклепы. Это — какое-то особое сладострастие кощунства». — «Ну, раз не можешь иначе, — сказал я ему, — Бог с тобой!» Однако как его, так и еще одного подобного ему человека, постарался припечатать обещанием взамен разрешения врать на меня сколько влезет, — не говорить дурно ни о ком! Они мне дали торжественное слово и — *приняли* мое условие. Как странные люди. Ах, Боже мой, моя жизнь так фантастична, что я не могу писать. Все это можно передать только вполголоса, наклонясь над какой-нибудь старенькой нянюшкиной могилой. Чтоб все это кончить шуткой, скажу, что и надписи над могилами бывают тоже разные. Под Ржевом на церковном кладбище я нашел мраморную доску с надписью: «*Здесь покоится прах нашей обожаемой маменьки-девицы (!) "такой-то" XX — любящие и неутешные сыновья воздвигли ей этот памятник*». Я не знаю, и знать не хочу, какой памятник воздвигнут мне мои «любящие» и «неутешные» друзья. Но испортили они мне крови немало. Самое глупое, что какие-то позорные олухи — в противовес «клеветам» — распустили слухи еще худшие, чем клевета, т.е. объявили меня «непогрешимым ангелом»! И *сами* же на мне, как на ромашке, гадают: «ангел?» — «дьявол?» — «шарлатан?» — «гений?» — и ничего-то у них не выходит. Потому что гадать нечего: в основе своей я прост, как копейка — и очень не хочу быть свиной под *Мам[в-]рийским дубом!* Вот и все. И не очень это мне удастся. А они гадают. Гадатели! А сколько разных людей приходило ко мне взглянуть глазком с любопытством или для «умиления на полчаса»: — «Что смотреть ходили вы в пустыню? Трость ли ветром колеблющую?.. Человека ли, одетого в мягкие одежды?»... Такая уж, видно, — моя планида. А работать-то на земле все-таки нужно. — Потом, вдобавок, я живу в ослепительной, фантазмагорической, веселой нищете. Но описывать это не берусь — нелепо и неинтересно. Но я всегда сыт — вот уже года 4 — как не голодаю. И слава Богу, — причем внешне этой нищеты никто и не заметит. И за это — особая Слава Богу. Но это обстоятельство тоже мешает проще людям меня понимать. С Тихоновым я не знаком. Вы мне опять предлагаете великодушно помочь в издании. Но как? — Ума не приложу. Знаете что, я пришлю Вам мою поэму, а Вы ее и еще несколько стихов по выбору и издайте, т.е. велите какому-нибудь итальянцу перевести на ихний язык и издать. И если моя фамилия будет по-итальянски, скажем, «Зубакини», то все шансы за то, что меня переведут на русский язык — и издадут

переведенное и в России. Ей-Богу, я почти не смеюсь. Я скорей, говоря фигурально, — плачу. Да, никто. Ни одна собака мне не поможет. Таков век. А мог бы я рассказать людям многое о них же самих. Сознание того, что я почти не поэт — не мешает мне несколько быть счастливым. Прежде я печалился от этого сознания, теперь стал крепче и сильнее. Знаете ли Вы, Алексей Максимович, что Вы на меня имеете почти гипнотическое влияние? Сказали Вы, чтобы я на стихе сосредоточился — и я написал и продолжаю большую работу. Сказали о моей науке — я написал для Вас несколько научных очерков (застрявших уже 2-й месяц в трех редакциях). Если Вы меня заставите, я, пожалуй, и прозой запишу. Да грустно только работать для «посмертных сочинений». Пишите мне о себе. Слыхали ли Вы когда-нибудь настоящий клавесин? Когда и в чем чувствуете себя особенно одиноким? Не напишете? В письмах со мной Вы придерживаетесь иногда «фигуры умолчания» — когда Вам не хочется отвечать на что-нибудь. Но я могу сделать вид, что не догадываюсь о такой «фигуре» — и опять спросить: почему же не дошел до меня Ваш «большой» — и последний портрет и книжка сыну Азе? Не сердитесь на поэму: это моя жажда передать то, что чувствовал, это сюжет жизни, житейский сюжет — поется во мне, как лирическая тема! Сюжет поэмы: профессор влюблен в статую своего музея. Встречает живой двойник статуи — девушку. Влюбляется — женится. От неудачной женитьбы и жизни бросается в политику. Влезает в заговор. В Орле — попадает в стан белых. Предводитель белых, «Князь Рюрикович» — отбивает от него жену и веру в дело. Профессор деликатно и неприметно — кончает с собой, подставляясь под пулю. Князь тоже гибнет. Героиня жена (вдова) профессора попадает на сцену красноармейских клубов — и здесь тоже пробуждает любовь и песни вдохновения. Всю эту сюжетику я расплавил в сплошную песню. Заранее знаю, что Вам не понравится. Ну, что же делать. Обещаю написать когда-нибудь лучше. Я чувствую, что без великой печали нет и великой песни. Но, кажется, Вы «сумеете» сделать меня Гелиософилом! Да, вот прилагаю — «очерк» А.И.Ц[ветаев]ой. Это отрывок из ее записей. Нечего сказать — полюбуйте! Впрочем, спасибо, что еще так написано, а не иначе! Она меня сравнивает с Калиостро и с испанцами, с Колумбом, что ли? Я, скорее, яйцо Колумба, которое никто не сумел поставить. Хотите попробовать? — Надо сплющить — в этом весь секрет! Я ни на что не жалею. Все не только будет хорошо. Но уже — хорошо. Это ничего, что трудно. Не будь ветра, и парус бы не стоял! Вилле-Бранда, увы, не читал. На 226 человек — один литератор? Это все-таки меньше, чем у нас, где на 226 чело-

век литераторов 228! Обязательно ответьте — какого цвета чернила легче Вам читать: красные или черные? Вы — мой дорогой.

Ваш Борис Зубакин

Вот последние стихи. /.../ ⁶

P.S. Поверьте, — что здесь не тоска от неврастении, а «Неврастения» — от тоски по...

Опять дрянно было с сердцем. Грустно, если помру, не повидав Вас, мой дорогой друг. /.../ ⁷

[А.Цветаева о Зубакине]

Вместо эпиграфа:

«...На кого похож этот человек? Ужасно на кого-то похож... Да знаете *на кого?* На... ну как его? английский этот...

— Шекспир!» (Или так):

— Вы напоминаете мне портреты Шекспира...

...«Когда я в первый раз увидел этого человека...», он сидел в общежитии Союза Писателей за столом, среди невообразимого беспорядка: — книги, люди, примусы, крики — и писал стихи. Парусиновый балахон с капюшоном, — и он очень был похож на монаха. Длинные черные волосы, крупно на концах (и легко) вьющиеся. Лысина. Великолепный (как у греческих философов) лоб /!/. Но когда он повернул лицо — вспыхнул облик испанского гранда /! ого!/⁸ Любезная, даже слишком улыбка⁹, зеленоватые, большие, ясные, очень особенные глаза. Усы. Он галантно балагурил, — привычная светскость? Нет, не то. Встал: — маленький рост. Ах, так вот он какой: уютный... Но как губкой стерлось: уютность, Испания — он стал говорить. Что-то было неприятное, непонятное в речи: апломб? Но кто же из нас не умеет прятать апломба? Если «апломб» — то не наш. Неужели серьезность всерьез? Пламенность?? — *Савонаролла*.

Он брал нарочито-грубоватые сравнения, мне не нравилось: зачем портить такой дар слова, такую необычайно властно поставленную философскую мысль? Потом поняла: если бы он был художник, — он бы писал маслом. Ничего от пера, от пастэли в манере говорить. Он показался пожилым, верней — древним, вне возраста. И я долго смеялась (не верила), что ему 29 лет (без нескольких дней). Влекущее и отталкивающее. Огромный голос, маленькое тело, странные словеса. Записала насмешливо: «...и его хвала милосердию звучала холодной водопада». Но когда вышел из комнаты — все померкло; не стало сил делать другое, чем —

чтобы он был тут. Вялый, несчастный, больной писатель N сказал мне: «100 тысяч жизней в нем... прямо что-то нечеловеческое...» И подозрительно покачал головой. «Странный». Вот общее впечатление. «Чудак»... «балагур»... «зачем он паясничает?», «а ведь какой талант...», «да, но, знаете, говорят...» (шепот). Собственно, 2 отношения: 1) обожание (мало, наперечет, но — до гроба) — и 2) — испуг и — подальше (большинство). Раз не разбойник с дороги — значит, еще хуже. М.б., — сумасшедший!? /Но почему же так бессеребрянен? Делится последним куском.../¹⁰ Несомненно одно: оглушительная способность импровизатора. Сотни строк на заданные слова. Бесспорно, как жонглер в цирке, как «Воздушные полеты». Но ведь и когда китаец подымает на глазах у всего «мюзик-холла» — на воздух, не прикасаясь, китайянку, и она ходит по воздуху — у зрителя, кроме чего-то захолюнувшего в зрчках, — в мозгу мысль: «шарлатанство... трюк!..» (Это помогает человеческому достоинству зрителя).

Всегда устал, больное сердце, переутомленное, мало сна, но по улицам ходит почти не тише автомобиля (а за ним — легенды о всевозможных пороках, и назревает последняя). До прошлого года, пока не подарили друзья, ходил в светло-зеленоватой поддевке одной (да нет, не ограбленной, а просто доброй) старушки, был в ней совершенно волшебен, — трогателен как игрушка. А кондуктора принимали его сзади (шапочка с ушами, кудри и шубка в талию) за девочку — после чего, вынимая медяки из недр кармана, к ним оборачивался — Шекспир. Он действительно похож на Шекспира¹¹. — Он очень ласков, с каждым. Но *психологически* людей *не* понимает¹². Читал Экклезиаста (!), но даже не слышал о пессимизме. Не то что не знает, а не считается с недоброкачеством людей¹³. На насмешки *не* обижается: «это он так, я его знаю»¹⁴. Отсутствие *множества* человек[еских] свойств. Что напишешь на 2-х страницах? легче — фантастич[еский] роман. (Ему бы писать — философск[ий] неисчерпаем[ый] труд. А он пишет пьесы и стихи).

...«Какие сказать?» — «Офелию»? И он начал. Как Торама над львами «он властно смирял» слова магией вскипающих интонаций, пустив голос во весь рокот, — слишком. Таким голосом можно стулья ломать. Маленький, в тяжелой шубе (черной¹⁵, со сказочным лицом он походил на какой-то древний портрет. Острые отсутствующие глаза были глаза — Калиостро?) «Последнее слово стиха потухло в рукоплесканиях»¹⁶.

Нет, надо сгустить: такое ни в ком не вкушенное, не осязанное есть в этом человеке (и порой переходящее границы, привычные европейскому глазу¹⁷, привычные требования глазу шаблона

— шаблона хоть «высшей марки»), — и это похоже на то (его жизнь), когда звонарь пытается вложить в ящик рояля то, что у него создалось в колоколах.

Вместо подписи:
Простите за пафос.

¹ К письму приложены очерк А.И.Цветаевой о Зубакине, датированный тем же временем, что и письмо 22, с правкой А.И.Цветаевой, внесенной в 1961 в автограф, хранящийся в Архиве Горького (публикуется ниже); очерк В.Ильина о кн. Richet Charles. *Traité de metapsychique / Deuxième édition répondis.* Paris: Librairie Félix Alean, 1923; конверт с автографом Горького.

² «Версты» — по-видимому, речь идет о выходявшем в Париже и привезенном в 1926 в Москву журнале, где была опубликована глава из поэмы Б.Пастернака «1905 год» и «Поэма Горы» М.Цветаевой.

³ Новиков Иван Алексеевич (1877-1959) — прозаик; Полонский (наст. фам. Гусин) Вячеслав Павлович (1886-1932) — литературный критик, историк.

⁴ Речь идет о гимназическом друге Зубакина В.Н.Волошинове.

⁵ См. о явлении Бога Аврааму в виде трех странников (Книга Бытия 18, 1—8 — «И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер...»). Слово *Мамре* значит сила, крепость. Так называлась местность с дубравой поблизости от Хеврона.

⁶ Пропущен текст стихотворения «Импровизация II» («Танцую по ночам, / Танцую до упаду...»). См.: МБ. С.36-37 (с посвящением В.Н.Волошинову).

⁷ Далее следуют четыре скопированных изображения со словами Зубакина: «Это Вам перечертили разные зарисовки бедного Вашего покорного слуги. 1. Рис. Леон. Леонова. 2. Г.Шенгели. 3. делала Кругликова. 4. С.Городецкий, изобразил после лекции о Пастернаке — с Пастернаком (правей). Из головы рост ушей».

⁸ Восклицательные знаки в скобках и слово «ого!» вписаны рукой Зубакина.

⁹ Рукой Зубакина вписано: «чуть едкая от любезности».

¹⁰ Текст в косых скобках вписан А.И.Цветаевой позднее.

¹¹ Позднее вписано А.Ц.: «Но, по-моему, лучше. (У Шекспира холоднее, менее выразительное лицо)».

¹² Позднее вписано А.Ц.: «Я думаю, из писателей ему всего более чужд — Достоевский».

¹³ Рукой Зубакина вписано: «И не буду считаться. Б.З.».

¹⁴ Рукой Зубакина вписано: «и я прав!»

¹⁵ Позднее вписано А.Ц.: «держа шапку в руке, открыв лысину и кудри».

¹⁶ Позднее вписано А.Ц.: «Нет, стилизую — и упускаю вес человека».

¹⁷ Помета Зубакина: «экий вздор!».

23. Горький — Зубакину

[Между 21 апреля и 6 мая 1927, Сорренто]

Прежде всего — передайте А.И.Цветаевой почтительную и сердечную благодарность мою за очерк, так своеобразно-талантливо сделанный ею¹. После этого очерка и В[ашего] письма — Вы не рассердитесь, профессор, поэт и сумасброд, и удивительный человек? — Вы не рассердитесь, если я скажу, что мне захотелось взять Вас на руки, как внучку мою, Марфу, — взять и поносить Вас по комнате, вынести на террасу, петть Вам смешную чепуху, чтоб Вы смеялись до слез, — голос у меня глухой, нелепый! Вот чего мне захотелось.

За сим — буду ругаться, ворчать. Если Вы будете писать мне «глубокоуважаемый», я буду Вам писать «Высокопочтенный профессор» или что-нибудь еще хуже. А также *неприлично*, не достойно Вас писать такие фразы, как «мне хочется если не порадовать, то хоть *позабавить* Вас». Сударь, — я, как мне кажется, чувствую Ваше настроение и понимаю, откуда, почему у Вас вырываются такие словечки, как «позабавить» и — в другом месте — об яйце Колумба: «надо сплющить» Вас. Разумею, что тем вот, сейчас сказанным, я как бы уже «сплющиваю» Вас, лишаю свободы выражения Ваших чувствований, мыслей, да, лишаю, но — милый друг, дитя Вы мое, ведь неприятно же мне читать, слышать, что Вы, эдакая прекрасная и чарующая уродина, можете думать, что я способен «забавляться» Вами или как-то «сплющивать» Вас, существо, общение с которым наполняет меня великой радостью? Ибо — что может быть прекраснее, значительней общения с душою, так кипящей, так пылающей, как Ваша? Наслаждению этому равна, м.б., только любовь к женщине, те — не чувственные — моменты любви, когда, изливаясь пред нею, забываешь себя, как, вероятно, *лирически верующий* забывается пред Богом своим (фанатики не забываются ни в чем, кроме самих себя, т.е. своего фанатизма, который у всех протопопов Аввакумов насквозь чувственен). Вот. Не озорничайте, пожалуйста! Карточку мою боюсь послать почтой, ибо — посылал и — не доходят. Жду оказии. Книгу пошлю на днях. Клавесин слышал, когда мне было лет 20-21,

в Тифлисе, играла старая, злая генеральша, ненавидевшая горы, море, солнце, людей — все! А как великолепно, — «галантно», тонко и трогательно играла она, понял я спустя лет 10, слушая виртуозную игру — на клавишине же — польки, весьма известной исполнительницы музыки XVIII века на старинных инструментах². (Забыл сказать, что генеральша любила — самозабвенно — перепела). А особенно одиноким чувствую я себя, когда слушаю музыку, наипаче — церковную (русскую, конечно, что она — гениальна, Вы знаете).

Ну-с, я ответил на все вопросы и — как говорил один мой знакомый, — «теперь, когда все погребло, поговорим о деле» —

Высокопочтенный и высокоуважаемый профессор! А — не решитесь ли Вы приехать ко мне в гости? Разумеется с А.И.Цветаевой, ибо я уверен, что без нее Вы вместо Италии окажетесь в Австралии³. Так вот — не приедете ли, забрав с собою стихи, поэму? Все это Вы здесь посмотрели бы, сделали бы книжку и — клянусь Вам богами всех наций, всех времен! книжку мы издадим на чудеснейшем русском языке, на хорошей бумаге, в приличной обложке и в издательстве «Круг» или «Время». Денег на проезд сюда и обратно, тысячи 2 рублей, я Вам достану. Жить Вы будете через дорогу от меня в отеле «Минерва», у превосходнейшего синьора Какаче⁴, имеющего радио и жену датчанку. Роши лимонов и апельсинов. Неаполитанский залив с Везувием на боку. Город Неаполь — оригинальнейший городишко! — и в нем — музей, а в музее — коллекция Фарнезе! Венера Каллипига! Диана аркаика! Эфесская Диана! Пракситель! И народ, народ! Самый смешной. К тому же — вино! Сын мой будет делать с Вас карикатуры. Неужели все это не соблазнит Вас? Имею в резерве настоящего якута, женатого на настоящей китаянке! Герцога Серра-Каприола и двух дочерей его! Возможен Стефан Цвейг! А?

Борис Михайлович, сумасшедший человек — давайте говорить серьезно. В этом году я богат, как Самуил Ферд (которого, кажется, зовут Игнатом). Если б Вы приехали и пожили здесь лето — Вы отдохнули бы на 10 лет. Все мировые — и прочие — вопросы мы решили бы в трое суток. Ну — в четверо. Визы я Вам достану. В чем же дело, в чем?

Я подарю Вам хорошей бумаги и баночку чернил. Вы будете писать по ночам, ночами здесь — необоримая тишина и такие звезды, что — боюсь — Господь Бог когда-нибудь снимет их и повесит на грудь себе, как ордена за долготерпение свое. И — за либерализм, ибо нужно быть очень широко либеральным, чтоб терпеть таких детей своих, как Борис Зубакин. Макароны любите? И макароны будут. Книги? И — книги тоже.

Так что — вот: отвечайте — да, еду! И тотчас же я напишу Ек[атерине] Пав[ловне] (которой, между прочим, польское правительство дало орден «Крас[ного] Креста», так что теперь, должно быть, уже не дама, а кавалер), чтоб она достала Вам и А.И. визу на выезд⁵. Вот. Неужели откажетесь?

Крепко жму руку. Стихи о неврастении хороши не сплошь и, в общем, по теме — не понравились мне. И не верю в неврастению Вашу. У Вас — другая болезнь: гипертрофия человечности, если можно так сказать, и если это болезнь.

Всего доброго, «глубокоуважаемый», — как я сам себе говорю, когда бреюсь —

А. Пешков

Почтительный поклон А.И.Цветаевой и еще раз — спасибо ей.

¹ Позднее А.И.Цветаева писала: «В письмах к А.М.Горькому Б.М. Зубакина — моя страничка письма к Алексею Максимовичу, вызванная его желанием услышать от меня о Зубакине, в ней — мое первое впечатление о нем и то, каким он предстал мне после пятилетнего знакомства. Мне нечего изменять в ней в 1962 году. С 27-го по 37-й было еще десять лет моего общения с ним, а с тех пор еще четверть века /.../. Он погиб вскоре после смерти Горького. /.../ Когда-то, с 22-го по 37-й, видя Зубакина часто, я ввела его в мой роман "Музей", с которым я познакомилась в 1927 году Горького — он слушал с интересом и одобрением. /.../

Неслучайно тогда ввела я Зубакина в роман полуфантастический. Фон такой для Зубакина одобрил Горький: отделить Зубакина от фантастического начала жизни было нельзя. С тех пор прошли годы, и многое, что тогда казалось странным, теперь звучит с кафедр, приобрело научное обоснование. *Тогда* поверить в существование такого человека, такого феномена, каким являлся Б.М.Зубакин, было можно, лишь начав с сомнения, колебания. (Многис на них и оставались. Иные друзья его проходили путем недоверия, восхищения и вновь недоверия перед тем, как внезапно, в момент уже *несомненности* — стать ему близкими)». — Цветаева А.И. К переписке А.М.Горького и Б.М.Зубакина: Воспоминания. 1927-1963 (Машинопись. — Архив Горького. МОГ 13-42-2).

² Вероятно, имеется в виду польская пианистка и клавесинистка Ванда Ландовска (1877-1959), гастролировавшая в России в 1907, 1909 и 1913.

³ Ср. из близкого по времени письма А.И.Цветаевой Горькому: «Спасибо за приглашение. Вы зовете и Бориса Михайловича, и меня. По отношению к нему мое сопутствие не лишено некоторой целесообразности: без двух секретарей он не сядет благополучно и на трамвай. Когда он уезжал из Карачева и трое провожатых его зазевались, отошли, он так странно повел себя, отправляя деревянную статую, что его задержали — думали, что везет труп. Подоспевшие провожатые с трудом уладили недоразумение. /.../ Он сказал так: "/.../ Если Вы, Анастасия Иоанновна, тоже сумеете ехать — Вы выедете, по крайней мере, днем позд-

нее, а я Вас потом могу подождать в какой-нибудь Вене? Я хочу испытать ощущение иностранца, одинокого и затерянного в чужом городе. Потом, разыскивая меня, Вы меня найдете погибающим среди лондонских доков“. — ”Как лондонских? — (мой сын из-за перегородки), — Ведь Вы будете в Вене?“ — ”Очень просто! Разве я могу ручаться, что меня не завезут в лондонские доки? И оттуда буду спешно телеграфировать: ’Алексисо Квисисана, спасите!‘“ — ”Квисисана? А кто это?“ — ”Там один, уж он знает кто!“ /.../ Вот кого Вы к себе зовете!» (Архив Горького. МОГ 13-42-2).

⁴ Джованни *Какачио* — владелец отеля «Минерва» в Сорренто. (Литературное наследство. Т.70. М., 1963. С.254).

⁵ Е.П.Пешкова в письме Горькому 21 мая 1927 сообщала: «Вчера был у меня Зубакин. Вытащил длинное-предлинное твое письмо (чему я позавидовала), долго искал относящееся ко мне место о ”кавалерственной даме“. Ну что ты меня позоришь — из зависти? Пришел советоваться о поездке к тебе. Я думаю, что раньше всего надо достать ему итал[ьянскую] визу, а потом уже говорить о русском загр[аничном] паспорте. Он хотел тебе об этом написать, когда окончательно решит, сможет ли поехать. Хочет в четверг прийти ко мне читать свои стихи. Ты его видел или познакомился по письмам? Небольшого роста лысоватый человек с выбритым лицом и оставленной опушкой кругом лица. — С пытливым смотрящими глазами, не простой. Но впечатление в общем приятное. Пришел, когда у меня болела голова и лениво работала мысль. Заинтересовался моей китайской брошью. Помнишь, круглая у меня есть, золотая с буквами. Прочсть не мог, но думает, что это не монета, а какой-либо талисман». (Архив Горького. КГ. рзн. 8-1-202).

24. Зубакин — Горькому

[Без даты. Не позднее 10 мая 1927]

Высокопочтенный, глубокоуважаемый, дорогой и любимый, от Вас надо было ожидать, конечно, — и этого. Ах, Боже мой, я даже устаю Вас любить: — ведь такую *большую Штучищу*, как *Вы*, приходится мне любить ежедневно, да еще на таком! расстоянии! Конечно, я хочу Вас видеть — и приехать (а Вы опять мне *не ответили* о Вашем зрении и какими чернилами Вам писать?) — Конечно, я не смогу приехать: — Дорогой, у меня нет денег. Дорогой Алексей Максимович, у меня (отчасти и слава Богу!) никогда не будет денег. Я беднее церковной крысы — у той есть своя нора. (Впрочем, Цветаева — еще беднее). Так вот, неужели Вы думаете, что я соглашусь взять у друга деньги, которые не смогу вернуть? — Ого! Хорошее дело.

Милый, милый и дорогой, — мои предки были разбойники и «лорды» (т.е. тоже разбойники) — они никогда не вводили людей

в невыгодные сделки! Оголоушить кистенем — это хоть откровенно — вдобавок — ожидая, в свою очередь, ножа в брюхо. — И дерясь за какие-нибудь целковые или дублоны — чтобы спустить их в первом же порту — и раздать дружине — это одно! Но взять у своего Единственного и Драгоценнейшего *Пешкова-Алексея* — какие-то фантастические суммы без гарантии их возвращения... дорогой мой, — да после этого — я сам себе буду сниться «с забываемым укором на устах»! — А что касается до двух маркизовых дочек и вина, и прочих Ваших соблазнительных намеков, — то это дело серьезное — и завлекательное, но, увы, однако, по причинам вышереченому — для меня пока — навеки недостижимое. Вы — мой хороший, мой дорогой. Вы же чувствуете меня вдоль и поперек, Вы же должны понять, как рад я Вам, как благодарен, как трудно мне отказаться от Вашего предложения — и как, — все-таки, должен я сурово и честно отказаться. *Ведь я могу приехать только на невыполнимых для Вас условиях:* т.е. чтоб мне было обеспечено 3-4 открытых, закрытых (как угодно) лекции (что же я еще умею?) «о пролетарских поэтах», «проблема смеха и серьезности», «о теме любви и пола у современников» и т. под. — чтоб каждая лекция или чтение дало рублей 150-200! (5x200 = 1000 рублей) — и тогда хоть кредит-то на мой приезд будет оплачен мной. Тем более, что приехать я смог бы только один, без А.И.Цветаевой. Вот. Г-н Пешков! Вы можете мне это гарантировать?! — «Нет, профессор...» — «Садитесь. Единица!» — Вот и все. Увы, я неутешен... Но вот, хоть Вас-то, в неудаче вашего замысла попробую утешить: — *Во-первых:* Я перестал быть похож на Шекспира. Я Вам послал карточку старую, — два года назад снятую (ей, Богу). За новую спросили 4 (!!!) рубля!!! Я их послал к чертовой маме, где же мне их было взять, разрази гром этих фотографов! (И да услышит небо мою смиренную молитву). За эти два года у меня вылезли почти все волосы (факт налицо, т.е., вернее, на темени, — впрочем, — об отсутствующих... — не говорят!) Затем, от сердечных недугов — я растолстел как иоркширский боров. Мой благородный нос — является ныне — тем шилом, которого в мешке не утаишь, — вдобавок, он как-то подозрительно набухает сбоку. Итак, я утерял романтический вид и привлекательность, даже не понять, как могла только что идти со мной самая красивая девушка в городе и говорить мне нежные глупости!! *Во-вторых,* — если б Вы знали, как я неинтересен при общении! Я сам это замечаю — и почти конфужусь. Обладая изредка (на кафедре) Демоном Элоквенции, — в разговоре — в частном — я заикаюсь (да, да — заикаюсь) и говорю даже хуже, чем пишу. В разговоре я перескакиваю с предмета на предмет (и — обратно!)

и довожу до отчаяния и раздражения каждого приличного собеседника. Вдобавок, — на лице у меня, — несводимая никакими муками и силами, — вечная идиотская улыбка. Одно мое присутствии может довести обычно-нормального человека до умоисступления. (Предупредите-ка об этом домашних, что-то они Вам скажут о приглашении эдакого гостя!?) Наконец, по дружному мнению большинства, — я — «фальшив», — заносчив, хладнокровен и пр. Ах, — мне самому казалось, что у меня хоть характер-то очаровательный в общезитии, — но близкие люди меня разуверили и в этом моем ослеплении. В-третьих, — и в-пятых, — и в-шестых — я — глуп. Если Вы пока этого не заметили, то потому, что издали не сразу заметно. Ах, сколько бывало у людей «романов под переписке», а чем кончалось?! — Либо «Он» обычно оказывался прилизанным идиотом в бумажных воротничках, — либо «она» — завивала на ночь волосы папильотками из «Пушкина в одном томе» — и простодушно полагала, что «Фауста» написал Шиллер. (Он же, возможно, и Шеллер). Да, у меня, в-четвертых, пренеприятный голос. Многие предпочитают его слушать на большом расстоянии, большинство — вовсе не слушать. Вдобавок, в личном разговоре — я невнятно бормочу — и по-моему даже шепелявлю, что ли. Хватит с Вас? А? — А потом, знаете, как мне представляется наша встреча, мое т.е. к Вам прибытие. — А вот, послушайте: у нас под Лугой у архиерея был ученый попугай. Архиерей подарил этого попугая помещику-генералу. Повезли этого попугая в имение генерала — по реке, чуть ли не на плотках. По дороге — лодчишки и сплавщики — рабочие весьма интересовались птицей и ее талантами. Да... — В результате же, когда клетку внесли в генеральскую гостиную и окружили ее генеральские бонтонные дочки и гости, — уважаемый попочка — вместо ожидаемого молебна — приветствовал их такой отборной чисто-русской словесностью, от корабельщиков им заимствованной, что при обмороке присутствующих, — вынесен бысть в людскую и в оной — изничтожен навеки! Вот что будет, если меня привезут к Вам. С той только, пожалуй, разницей, что как раз наоборот, — из меня могут политься такие «песнопения» и «молебны», — на какие никто не рассчитывал. Дорогой, я почти все рассказал Вам о себе. В самом деле — я больше ничем Вас не «порадую». У меня осталась теперь *только* нерассказанная часть жизни. Она — фантастична, «мистична» — и, наверное, вам — неприятна. (Подумайте-ка *об этом хорошенько*, да, да). Вдобавок я и неинтересный рассказчик. Понятно, я мечтал бы *просто молча* ходить с Вами за руку. Но, Милый, кому же охота ходить со мной молча.

Итак, Вы не только ничего не теряете, меня не повидав, но — напротив того — приобретаете (напр., — покой, отсутствие раздражения). Описаниям Цветаевским и ему подобным много не верьте! Мало ли, что про меня пишут. Есть даже взрослые люди, которые меня почитают чуть ли не за блаженного ангела (честное слово!). Но я-то разве виноват? Я Вам не рассказывал? — что про меня, напр., рассказывают, что я 1) мертвых воскрешал, 2) ходил по воздуху и 3) могу исцелять любую болезнь. (Опять-таки неверно: — мертвых не воскрешал — даже не пробовал! Больных — лечил, — верно; но по воздуху не ходил, а поднялся разок и то ненадолго). Нет. Оставим все это, и забудем все — кроме нежной моей к Вам благодарности.

Баста.

Чуткий мой, дорогой. Про «Аввакумов» Вы очень верно мне сказали. И за словом «забавлять», — уловили отдаленнейшую истину. Но по отношению к Вам-то, — мне всегда хочется Вас позабавить, потому что хоть как-нибудь хочется Вас порадовать. — Ну хочется, да и только. Ну что тут поделаешь. А вот — не выходит *пока* ничего из этого. Когда же okazия? Пришлите хоть одну карикатуру — Сына. А «Марфинька» — в честь Бабушки? У меня есть неважные стишки про Марфиньку:

- 1) Зовешься «Марфинька» иль «Феклушка», —
В просторечивой старине.
А сердца синенькое стеклышко
В прозрачной тонет глубине.
- 2) Сквозь сердце стеклышко, сквозь синее
Далось без боли — мне взглянуть
На пламень Солнца Негасимого,
Что жег девическую грудь: —
- 3) Какие снились королевичи,
Какая злобная Яга —
Вороной прилетала к девичьей
Клевать с узоров жемчуга...

— Когда-нибудь напишу ей лучше. Да, позвольте. Во-первых, я в Карачеве! Через три дня возвращаюсь в Москву, куда, как и всегда, жду Вашего письма. (Господи, опять 2 недели ждать!) Не обращайтесь посему внимания на Карачевский штемпель и пишите, пожалуйста, как и всегда, на Цветаевский адрес. Мне будет очень скучно без Вас этим летом — пожалуйста, если будете выезжать надолго из своей Сорренты, — отписывайте адрес. Я-то все время пробуду в Москве. — В Карачев я приехал, как и писал Вам, в гости к сестре (Регине-Надежде Зубакиной-Поляковой). Муж ее — фанатик-агроном — добрый и умница, — а вот я — наоборот —

не умница — сел в лужу с лекцией. Публика-то пришла, а денег-то не собралось даже на обратный билет. Ну, да сейчас я обернулся! Может быть, и в Италии со мной получилось бы то же самое, если бы даже и лекция состоялась. Да ну ее, тогда, эту Италию! А вот Карачев — рекомендую. Во-первых, это древнее Карачарово — родовое гнездо Ильи Муромца. Тут, поблизости, и Девять Дубов — Соловья-Разбойника. Да вот, нелегкая, — переименовали станцию «Девяти Дубов» — в «платформу Одринскую» — [в] честь монастыря (и какая ему в том честь? — не понимаю!) Зато *Брянские* тутошные леса — суть *Брынский лес*, то есть — вот, разбойному сердцу моему — какая сласть!

Если бы вот Вы ко мне сюда приехали, — то увидите: — Рощи — сухостойные; под самыми домами, посреди улицы неусыхающий после дождя — залив, со свиньей на боку. Город Карачев — оригинальнейший город. В нем, напр., Отдел Образования — и в этом «музее» — коллекция таких сорокалетних Венер и Диан, какие не снились никакому Фарнезе! Пракситель?! Что Пракситель?! — Тут на каждой вывеске — изображены на удивление прохожим — такие немислимые в природе розовые коровы, зеленые овцы, нечеловеческие овощи и парикмахерские головы, что сразу, прямо надо говорить, не выдержишь — зажмуришься. А потом, скосишь сведенные от яркости глаза, — и всюду надпись: «Живописиц Мандлин». Я теперь как завижу вывеску, сперва жмурюсь, а потом сразу ищу подпись: «Мандлин». Прочту и — успокоюсь: его рука!

Вот и еще штрих обо мне, т.е. о моей наружности: — Приехал я сюда в шляпе — а все здесь в кэпках. Шляпа моя никому покоя не дает. Едут девки на возу с паклей — и те гогочут: «Глянь-ка-ся — что за пава! Да это — клоун! Нет, девоньки, это не клоун — а советский поп». Я же огорченно обозвал девицу «советской попадьёю», и она, натурально, обиделась. (Дальнейшие реплики этой девы полей, впрочем — вне литературного интереса, хотя и не лишены известного гм... колорита!) А на вокзале одна служащая девица мне говорит: — «Вы подумайте, профессор! Когда моя подруга завидела Вас впервые на вокзале — она мне и говорит: "Глянь-ко — это ксендз!" Подумайте, какое у ней *грубое* о ксендзах представление!..» — Н-да... Сестра нянчится с моей племянницей Надей — и приговаривает за стеной: «Очень, очень люблю свою девочку, — но еще больше бы ее любила, если бы она была мальчиком!» —

Проходит (в окно вижу) на костылях безрукая и безногая женщина в жалких отрепьях. Бросилась от любви под поезд. Отрезало. Руку и ногу. Теперь она замужем за коммунистом. И в ларьке

торгует. Оглянулась — веселое счастливое лицо. Ах-ты, милая! Ах-ты, ветеранка страсти, милая маркитантка Любви.

А когда я по утрам умываюсь, то вижу на розовой стене нарисованное сердце, пронзенное стрелой, буквы «В» и «Ш» — и надпись: «Пращай и помни эту ночь». Она-то (жившая до меня здесь девушка) его, наверно, «помнит». Он (постоялец красноармеец-командир), бросив ее, — оставил ей здорового крикуна... А еще тут на базаре — бородатые, соловые мужики — целыми часами — сидят кружком прямо на дороге — и бьются коричнево-печеными яйцами. Сосредоточенно, вдумчиво-осторожно, со сложной механикой. Я тоже хотел подсесть — да обыграют в два счета! — очень уж сложная механика. Уж такая игра! Однако краевое коноплеводство упало. Леса — местами — свели начисто. А все-таки они все здесь — непобедимы. И смогут прожить сами по себе, никому не кланяясь — до бесконечности. Девять Дубов. Карачарово. Брынский лес. — Бабы-молодки окучивают голову красным платком на манер чалмы, а поверх того накрест повязывают белой косынкой. Идут за много верст в зем-отдел. *Бабы* идут — не мужики какие. Вот оно как! Впрочем, это отчасти и своеобразная реакция, старого навыка ходить задарма лечиться. Только «хфершала» — заменил «охраном», который хоть ничего не может «охранить» — зато терпеливо слушает и толкует часами о недостатке семян. — Вечером — молодежь часами упорно и сосредоточенно ходит по правой стороне «Советской» улицы. Молча, без шуток и бауток. Девушки в нарядных платьицах, парнишки и ребята не без франтовства, но озорства не оказывают. (До наступления темноты, понятно). Местный епископ Агапит — сказал мне: «Надо прямо говорить: — Папа-то Римский — чорт! Чорт — вот Он — Кто!» Личико у него румяное, как яблочко. Яблочку этому семьдесят лет. — «Вы прелестно выглядите, Владыко!» — «Что вы, что вы, — законфузилось Владыко. — Это я — после баньки. Возбуждение, так сказать, искусственно-медицинское — венником-с, — извините». — А вечером — молоденькая малограмотная женщина, сказавшая мне, что слышала «стишки» Есенина и что ей нравится тоже (!) отчасти и Демьян Бедный, заявила вдруг, что ее «жизнь — поэма, и ее стоит рассказать»... Что они, с ума спятили??! Или и я — с ними... «Моя жизнь — поэма», Карачев, Девять Дубов, Соловей-Разбойник, «Папа Римский — Чорт»... «Жизнь — это фонтан!..» Помните (?), как сказал один еврейский энтузиаст-провизор. Почему же жизнь фонтан? — «Ну: — Нефонтан!» — быстро и тотчас охотно согласился афорист.

У меня на окошке цветок: Мирт. А рядом — статуя в натуральную величину — «Бичуемого Христа», — которую я извлек

из свалки местной церкви. — И — честное слово — я себя иногда не чувствую одиноким. На базаре играют еще в деревянную рулетку: — кружок, утыканный гвоздями, а в центре шпынек, на котором вертится железный прут, указующий цифры нашего проигрыша, поступающего незамедлительно в необъятные шальвары хозяина-изобретателя. Очень интересно.

Сейчас прочел у Шенгели (о слезе, которая у него оледенилась на ресницах, когда он смотрел на морозный Кремль) —

Ах, недобрый это знак —
Если плачешь от красоты:
Это значит: — в сердце нет
Никого и ничего

(т.е. *было*, конечно, а вот *теперь-то* нет). На балконе Межсоюзного Клуба — говорит мне рабочий, огорченно указывая вниз — на очередное молчаливое шествование по Советской улице: «У нас все тот же городок Окуров, что у Максима Горького». Опять — Горький! Ну, пора идти на лекцию. Ох, уж, ох, уж эти лекции, будь им неладно. Аминь. Подержитесь еще немножечко, дорогой Алексей Максимович, — любите меня еще капельку еще недолго. А там уж и не надо будет. Однако, впрочем, аорта моя болит менее, чего и Вам желаю. Мой дорогой, дорогой, дорогой.

Ваш Б.Зубакин

Завтра непременно попрошу сестру сделать макароны. Зажмурюсь и буду воображать, что и взаправду приехал к Вам в гости. Будет весело на несколько минут. Эфесская Диана, это у которой грудей много? Тело желтоватое? а личико — темное? Да?

Б.З.

25. Зубакин — Горькому

[Без даты. Начало мая 1927]

Достопочтенный и Дорогой Алексей Максимович.

Дошло ли мое письмо с ответом на Ваше невероятное предложение или нет? Но я решаюсь через 3 дня после отправления моего письма — спешно дослать еще несколько строк: я боюсь, что по первому письму Вы упрекнете меня в черствости и в том, что я (на первый взгляд) — как бы легко отказался от Вашей доброты и геройского самоотвержения. В том письме я просто хотел Вас утешить — в том, что я безутешен! О, если б Вы знали, как нелегко было мне отказаться! Но зато теперь — все в порядке. Я писал Вам (не знаю, получили ли Вы то письмо, почему не приеду: я не смогу Вам вернуть денег за проезд — и — разговор кон-

чен! Но если Вы подумаете, что во мне не было слабости, — Вы ошибетесь! Только слабостью, ничем иным объясняется то, что я помечтал о quasi-возможности осуществить нашу встречу, — т.е. о лекциях, которая оплатят мою дорогу! Теперь я стыжусь этого и спешу — написать об этом. Но поймите, дорогой, что это было наименьшее проявление моей слабости сердечной. О, как мне хотелось просто занять где-нибудь трешницу («трояк», как теперь говорят орловские крестьяне) — и прямо послать телеграмму: «Согласен. Приеду». Конечно, я знал, что никогда этого не сделаю. Но мне хотелось послать ее, хотя бы воображая, что я посылаю ее Вам, но разумеется, так, чтобы она *не попала* в Ваши руки, — т.е. направить нарочито по несуществующему адресу, — несуществующему адресу, — напр., так: «Italia. Roma. Сеньору Alexisso-de-Quisissana». — «Согласен. Приеду. Борис Зубакин». — Написать эти слова и получить хотя бы расписку с надписью: «Италия». — Но, конечно, я удержался — только потому, что мне не у кого занять. А потом все-таки свинство при наличии нищих, около телеграфа стоящих, так тратить *их*, человеческие деньги. Хотя черт его знает! Может быть, в мой смертный час этот неведомый Сеньор Алексисо Квисисана — пришлет мне, разбойнику-Зубакину, ответ — срочно: «Приезжай. Ныне же будеши со Мною...». Ей-Богу, чего не бывает. — Помните, как моя старушка говаривала: «Бывает... — бывает... А бывает, что — и ничего — не бывает...» Дорогой, не сердитесь на меня, но я совершенно не стыжусь рассказать о телеграмме. Вы подумайте только — какие мысли меня смущали! Ведь и правда, что если я доживу до Вашего приезда в Москву, — нам все-таки никогда здесь не придется толком побыть вместе! Вместе говорить, вместе — помолчать. А там-то, у Вас, я бы рассказал Вам все, что не напишешь, ибо надо писать слишком много, и многое рассказывается только голосом, а не словом, — да и писать многое лирически — невозможно! В Вашей огромной душе лежат знания о всех мирах, но практического соотношения с *тем миром* — из коего я — у вас не было. И мне так захотелось вручить *Вам* — масличную ветвь из этого мира! — Потом, наконец, Вы затронули мое воображение! Я стал по целым часам воображать, как я — приезжаю к Вам — и уговариваю Вас со мной поехать хотя бы на один день в Египет и хотя бы на несколько часов — на заброшенную, унылую станцию «Назарет», где ожидал под проливным дождем поезда — Гоголь. А знаете что? Все еще может поправиться! — Вообразите, вдруг я когда-нибудь заработаю деньги — и я тотчас же, конечно, приеду к Вам — и мы вместе съездим в Рим! А на Цейлон — Вы бы не хотели со мной поехать? Поедем и на Цейлон! Там замечатель-

ный чай — и древний город легенд — «Анурадганура»¹, — погребенный в развалинах, над которыми тосковал Пьер Потти! Я буду столько Вам рассказывать и столько Вас слушать! — Послушайте, ведь мы с Вами еще сказочно-молоды, черт возьми! — 59 лет! — Какая безделица, — через три года (за которые я *навверняка* изловчусь накопить деньги на дорогу!!!), если моя уважаемая аорта, как я уверен и надеюсь, — еще меня не задушит, — мне будет 36! — а Вам — всего 62 — Вы будете крепким загорелым Стратегом, с обветренным вдохновением лицом, — Армии Гомера и Леонардо-да-Винчей! А я? — О-о-о!!! Миленький мой, — давайте не унывать?! Слушайте, через три года, если я вправду раздобуду деньги, — я приеду к Вам с новеньким чемоданом, оклеенным русской таможей, с шагреньевым несессэром! и вежеталем для... ну хотя бы и для Волос! (важен в конце концов символ, если практически сей вежеталь уже не будет нужен. Во всяком случае *Вас* прошу к приезду моему отпустить волосы. Пожалуйста!). У меня будет — полдюжины носовых платков — с невероятной и неразборчивой монограммой (потому что в дороге всегда можно подружиться с такими джентльменами, у которых нет платков и в заводе — и братски поделиться оными). Несессэр — будет с Вашей монограммой: я подарю его Вам. (Нужен он мне только для представительности в вагоне). А чемодан мы будем набивать разными камушками, которые наберем по пути! Позвольте, что же еще будет у меня через три года? — Да! Прежде всего у меня будут брюки! Ага, вот именно, — пожалуйста, не удивляйтесь: Да, вот эти самые, и притом с великолепно заглаженной складкой, не иначе! А не те, *которые на мне сейчас*: чисто литературные, так сказать, с чернильными подкрасками на проглядывающих местах — исподнихах! сквозь небольшие, однако заметные дырочки. (Потому сие, — что берег я эти штаны 5 лет: — как высшую мужскую святыню. И увы — и ах, — когда я был вынужден, наконец, и их достать из своих арсеналов, — оказалось, что их проела моль!) Впрочем, я легко нашелся и перед тем, как читаю публично стихи или лекцию, — загодя предупреждаю администрацию, чтоб мой лекторский столик был обязательно накрыт чем-нибудь донизу, — ибо я не люблю, так сказать, — когда публика видит мои ноги. Шляпа? — Шляпа у меня есть. — Пальто у меня нет — но ведь я поеду в жаркий климат. Теперь, — что я Вам привезу через три года: как Вы полагаете насчет старинных медных складней? Я Вам обязательно их привезу. Привезу и роман «Иллария-дель-аррэто», и пьесу «Мерлин» — и еще то, что напишу. За три-то года?! — Да я напишу целое собрание сочинений в двух изданиях, дополненное и с примечаниями — «проф.» Пиксанова. Марфиньке, конечно,

почтительнейше — куклу «Машеньку». А пока, до этого? Знаете что, дорогой, — я Вам буду рассказывать о промежуточных областях к моему миру — о добрых встречах и опасных мыслях. А Вы — по-джентльменски — должны будете платить мне — тем же! Вот. Пришлите мне какую-нибудь карикатуру Вашего Сына. А потом, я бы на Вашем месте прислал бы мне и карточку Марфиньки. — Слушайте, Вы, Сеньор Алексисо-де-Квисисана! Хорошо все-таки дело сделали Вы, меня пригласив! Воспоминанием об этом Вы не только надолго — теплом согрели мое сердце, — но дали мне возможность как-то ближе = физически, ощутить Ваше присутствие около меня. Пишите мне, дорогой, мне будет особенно скучно без Вас этим летом в Москве.

Адрес мой все тот же на А.И.Цветаеву. Она сказала по поводу Вашего письма (я невольно должен был ее с ним ознакомить): «Какое прелестное, химерическое (ведь да?) и трогательное... Я перечитываю его "Университеты"». Мало-помалу Горький становится мне одним из самых близких людей». Я добавил сдержанно: «И мне тоже». Берегите себя. Не расстраивайтесь из-за меня. Ваша уродина

Борис Зубакин

Нет, положительно, жалко оставить столько бумаги, — не написав Вам еще хоть немного. Подождите, у меня все время, пока пишу, поется что-то, подступая к горлу. Подождите, я сейчас запишу отдельно на листочке, а потом перепишу сюда. Подождите только — одну минуточку.

Ну вот — оно — /.../²

Ну вот как получилось длинно и так плохо, что даже и повятить-то это Вам не смею. Всюду Вы. Принесли из Карачевской школы журнал (ученический) — они целый год — изучали только Вас в литер[атурном] кружке. Статьи, стихи о Вас. —

Предвестнику грома,

Свою благодарность и славу несем мы.

(Стих. Бодрого)

Дорогой, обманите меня немножко, — скажите мне — что мы в этом же году поедем с Вами в Рим. Ей-Богу, а потом — на Луну. Поймал себя на том, что, ходя по базару, смотрел под ноги: не найду ли бумажника с деньгой на проезд! — Как будто не пришлось бы тотчас их нести и отдать с заявкой о находке! О эти *возвратные* законы Земли. Глупости! Я буду здорово работать в Москве это лето.

Ваш Б.Зубакин

¹ *Андурадг(х)анура* — столица первого Сенегальского государства с остатками буддистских храмов и монастырей III-I вв. до н.э., а также пещерного монастыря V-VIII вв. н.э.

² Пропущены тексты стихотворений — трех «Молитв к Сеньору Квисиссана»: «О, Сеньор Квисиссана! / В смертный час — с чемоданом...»; «Я храню в пожелтелом / Моем кожаном друге...»; «Я — слабею... Спешите / Мне на помощь средь гор!..».

26. Горький — Зубакину

21 мая 1927, Сорренто

Невозможный человек и профессор, — Вы подобны государству, в коем низвергнут царь, но главенствуют не представители «практического разума» (строго между нами: разум этот вовсе не практичен, а только туповат), а «внутренние враги» главенствуют, не желая ничего, кроме как: пребыть внутренними врагами вплоть до окончательной катастрофы, коя превратит оное государство в предмет задумчивых изысканий археологии, как сие случилось с царством Ассирийским и будет с Арзамасом. (Город Нижегород. губ. по реке Теше, был центром мордовского племени Эрзя, знаменит тем, что Лев Толстой испытал в нем «арзамасский ужас» бытия). Кстати — о городах: Карачев не имеет ничего общего с родиной Ильи Муромца — селом Карачаровым Муромского уезда Владимир. губ.; муромский поп Тихон Милосердов — кажется, — объяснял мне: кара — черный, — чар, чара — дело; а Илья Муромец — духовный брат Орфея финнов — Вейнемейена¹, который 30 лет пребывал во чреве матери своей, Каве. А, так как «мурома» — финское племя, то и т.д. Вот как поразил я Вас солидностью моих знаний в этнографии, зоологии, истории и прочих мифологиях! Даже и в астрономии я сделал весьма важное открытие, изложенное мною в известном стихе: «Солнце всходит и заходит» и вот 26 лет человечество не может, к сожалению моему, забыть об этом². Но я тоже упрям и посему намерен принять различные меры к вовлечению Вас в Италию. Для этого мне нужно знать, служите ли Вы где-либо и где именно? И — каков может быть предлог для командировки за границу? Если же не можете, то и не надо, пойдем другими путями, ибо, как известно, «все дороги ведут в Рим», где Федор Рамша развлекает папу и короля искусной игрой на чудовищной гармонике³. В двух последних письмах Ваших мне послышались ноты дисгармонические и печальные. Разрешите, сударь, напомнить нечто от «премудрости Иисуса, сына Сирахова»: «Люби душу твою и утешай сердце твое и

печаль от себя отрини далече: многи бо печаль уби и несть пользы от нея». Отсюда явствует, что Иисус Сирахов — эпикуреец и, значит, не еврей, потому что великие евреи Илья Эренбург, Виктор Шкловский, М.О.Гершензон, Лев Шестов и прочие многие — не эпикурейцы. А писать сегодня я не могу, ибо угнетен двумя болезнями: астмой и популярностью, от первой — мутно в голове, вторая возмущает душу и напоминает горестную сентенцию одного мальчика: «Все-таки — не удалась мне мамаша!» На вопрос о «службе» очень прошу ответить. Вы и А.И. чудесно отдохнули бы здесь. Автопортрету Вашему, разумеется, не верю: «Шутки шутите, Евлампий Митрич, а, между прочим, природа против шуток, да ведь, может, еще и Господь есть». Так-то. Приедете — поговорим о Вселенной, о Человеке, вообразившем ее, и множестве других интересных штуках.

Крепко жму Вашу руку, дорогой мой и — еще раз! — очень рад, что Вы — есть!

А.Пешков

¹ *Вяйнямейнен* — в угро-финской мифологии создатель земной поверхности и формы дна морского.

² Ср.: «Широкая популярность Горького порой была ему в тягость; заедала "расейская" пошлость, которая настигала его и вдали от родины. Как-то, опершись о перила балкона, мы вместе любовались удивительными пейзажами Капри. Внизу по улице шла группа туристов, каждый с биноклем, направленным на Алексея Максимовича. Это были русские туристы, укороченным и дешевым маршрутом путешествовшие по Европе. Как одну из достопримечательностей они осматривали Горького. Такие группы приезжали на Капри часто. Завидя Алексея Максимовича, как бы заранее условившись, они запевали обычно нестройными хором:

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно...

Вначале такая необычная форма выражения сочувствия казалась забавной Алексею Максимовичу, но вскоре, когда обнаружился срепетированный энтузиазм исполнителей, ему быстро приелись и стали неприятными эти "концерты".

— Ах, до чего надоело!.. Мешают только работать, — сказал он, услышав первые звуки песни» (Бродский И. Друг художников: Из воспоминаний о Горьком // М. Горький в воспоминаниях современников. М., 1955. С.273).

³ М.А.Пешков (сын Горького) писал своей матери 23 июля 1925 из Сорренто: «Во время прогулки с нами ездил некий Рамша, кот[орый] живет уже 2 недели у нас. Это гармонист. Он играл в театре "Маски" (паршивый русский театр — теперь лопнул), сделал большое турне по

Америке, попал в Италию, и отец, который знает его по Питеру давно уже, пригласил его к нам. Играет он совершенно замечательно. Как на органе. Народу у нас полно» (Архив Горького. ФЕП-кпр-46-1-94).

27. Зубакин — Горькому

[Без даты. Конец мая 1927]

Дорогой и Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Я сдаюсь: т.е. еду.

Утешает меня то, что я чудом — внезапно — получил заказ композитора Антона (собственно, Антуана, колико он парижанин) Айхенвальда на драматическую поэму под музыку для Башкирской республики! Я назвал поэму «Белый Конь» — прискачу к вам на оном! Он обещал мне при доставлении в театр — не менее 500 рублей — и выслать частично на Ваш адрес — мне. Неужели не обманет? А? — Обманет все, но не обманет Муза. Борис Пастернак¹ собирается в Сорренто к Ломоносовой² — и композитор Оранский³. Мы запремся с Вами в шалаше и будем отбиваться от всех апельсинными корками и прочими «фрути-ди-мар»ами. Надеюсь, что кавалерственная дама Е.П. все сделает, чего и нельзя. Писать ничего не буду. Хочу с Вами говорить — как писал Павел, «Устами к Устам»⁴. Закончу словами Святослава: Страшитесь — Иду на-Вы!

Ваш Б.Зубакин

«А вот — еще варенье: —
редька варенная на меду...» —

Россия, ты своих детей
Не научилась холить. —
Они растут, как цвет степей
На бестолковой воле!

*

И не понять, не разгадать:
То бабочка иль бант?
Иль это — алая печать
На сердце буйных банд?!..

(Это из поэмы «Иллария»)

[Приписка А.И.Цветаевой:]

По тел. Борис Михайлович просил приписать к его письму:
Он — 1) член ЦКУБУ (Центр. Комиссия Улучшения Быта
Ученых)

2) член Профсоюза Печатников,

3) профессор бывш. (закр. в 1921 г.) Археологич. Института,

4) пишет научный труд. (Боюсь, что неясно написала, повтoрю на обороте).

Сейчас я говорила с Е.П.: она сказала, что *как только придет от Вас виза*, Алексей Максимович, — так она тотчас же начнет хлопотать. /Одновременно с этим (т.е. вчера вечером) я послала вам по поручению Б.М. телеграмму: «приеду, прошу визу»⁵. Сердечный привет.

А.Ц.

¹ К этому месту сноски Зубакина: «Очень Вас обожает, в отчаянии от глупых стихов Маяковского ”о Горьком“».

² *Ломоносова* Раиса Николаевна (1888-1973) — общественная деятельница и меценатка, ее многолетнюю переписку с семьей Б.Л. Пастернака см.: *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 15-17. Поездка Пастернака в Италию, о которой упоминает Зубакин, не состоялась.

³ *Оранский* (наст. фам. Гершов) Виктор Александрович (1899-1953) — композитор, автор оперы «Бронепоезд 14-69», детской оперы «Звезда радости», балета «Три толстяка» (в Большом театре) и др.; заведующий музыкальной частью во 2-й студии МХТ, в театре ВЦСПС (где играла жена Зубакина — Е.С.Ильинская), в театре им. Ермоловой. Преподавал в музыкальных школах им. Глазунова, им. Скрябина, в Хореографическом училище при Большом театре. В архиве публикатора имеются изданные в Москве в 1926 «Детские песни» («Kinderlieder») В.Оранского на русские и немецкие стихи Б.Зубакина с дарственной надписью поэта.

⁴ Возможно, Зубакин вспоминает здесь не слова апостола Павла из «Послания к римлянам», а текст Евангелия от Матфея (15, 7—8): «Лицемеры! хорошо пророчествовал о вас Исайя, говоря: ”приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня“». Ср.: Исайя 29, 13.

⁵ Текст в косых скобках зачеркнут.

28. Зубакин — Горькому

[31 мая] 1927¹

Дорогой и Глубокоуважаемый Алексей Максимович! Апостол говорит: «Женщина... да молчит»². Никогда не нужно слушать оных в «делах» — а без дела наипаче. Ек[атерина] П[авлов]на сказала мне: «Вы поторопитесь, пошлите А[лексею] М[аксими]в[ичу] телеграмму». Я механически и распорядился — послать телеграмму (вдобавок легенда о Квисиссане). Воображаю, как вы удивились моей поспешности. Так знайте же, что это не поспешность моя, а — глупость. Ну вот. Потом я еще кое-чего Вам не отписал. Насчет географии — bravo! Конечно, я знаю, что о Карачеве спо-

рят. Но «девять дубов Соловья Разбойника» — это там, честное слово! (как говаривал мой учитель К. Балсуновский, за неимением других научных доказательств). Вы издали — сравнили меня с государством, свергшим владыку. С чем же Вы будете меня сравнивать вблизи? Помните, я говорил Вам? Однажды я примерил на голову старинный кокошник, напоминающий египетский клефт на древних сфинксах — и спрашиваю Рукавишника (роста я махонького): «Иван, правда я похож на сфинкса»? — Он долго задумчиво смотрел на меня и, наконец, сказал: «Нет, Борис, — по-моему, ты больше похож... на пирамиду». Вот оно как. Дорогой, это ужас: я так замотался и переутомлен, что ли, что все забываю. Вот, напр., напишу Вам что-нибудь — и мне кажется, что я уже это именно Вам написал. Чудовишно. Вчера три скучающие дамы назначили мне встречу. И я каждой по забывчивости предложил один и тот же час и говорил с одной, путая ее с двумя остальными, до холодного пота, — до ужаса сознавая при этом, что я что-то путаю. И вышло — все так плохо, хоть беги! Вот оно как все глупо. Дисгармонические и печальные ноты послышались Вам в моих последних письмах? Дорогой мой и добрый! — Во мне всегда «печаль» и «дисгармония» — по окаянству моему сущия, — но я никогда не считаю их правдой о себе и о человеке и всем своим существом радуюсь и горжусь — сознанию, что я среди человек — человек! Глупо будет, если Вы меня сразу разлюбите! Но Бог с Вами! Я Вам заранее прощаю: немалый подвиг было Вам терпеть меня и посейчас. — Только что разговаривал с сестрой Плеханова: какая неистребимая порода! — Везет мне на знаменитых отпрысков! Одна из лучших моих подруг — правнучка Наполеона (его глаза, голова, подбородок, вероятно, и характер). Вчера подружился с внуком Пушкина. У него — его лоб — выпуклый к середине, как скрипичная дека! (Резонанс-то ведь какой!); *Голубой*, круглый, всевидящий глазок (тоже пушкинский) — и прохладный, четкий ум — и какое бешенство рта и голоса порою! — Опять забыл: Вы пишете, чтобы я ответил о службе. А я, наверное, не ответил в том письме! Я *нигде* не служу! Абсолютно. Мой институт закрыт с 1923 года. Устройте какой-нибудь замок, и я буду у Вас служить: библиотекарем, астрологом, капелланом. Даже трубадуром. Хотя бр... труба — дур! Если я действительно приеду к Вам, то, пожалуйста, не брейте, не стригите волосы. Я хочу Вас видеть таким, каким Вы были *всегда*. Отчего Вы не верите моему «автопортрету»? (Однако в голосочке Вашем послышалась все-таки тревога! Да-с!) Верьте: я и правда уродиной стал — а потом так и остался: у меня блаженное отупение к миру. Я вижу трясогузку на дорожке — и кланяюсь ей. Когда никого нет

в саду, подхожу к деревьям и целуюсь с ними. Собаки принимают меня за большого пса, и я даже не стараюсь объяснить им их заблуждение. Знаю, всем существом знаю, что каждая точка Бытия — индивидуальна, неповторима и грезит о себе самой (оттого и рождает из себя — другую «себя»). Знаю, что поэты и колдуны не лгут и не ошибаются.

Каждая точка Бытия понимает другую. Есть древесный, растительный язык всего мира! Звезды перемигиваются с полным пониманием, и земля может провалиться под предателем и негодяем! Что такое прошлое, — будущее — настоящее? Моменты — очень существенных границ переживаний, но не вечная китайская стена! Границы — раздвижимы. Будущее прет на нас, как паровоз — издали и по незарытому от меня рельсам. Будущее прет нам навстречу — а не прорастает из «прошлого». И можно его предвидеть, предчувствовать, заглотить, открыв форточку — из чердачной комнаты прямо на небо! Я знаю, что мы, люди, мозг земли, которым Она думает о себе самой. Мы шарики ее мозга, перекатывающиеся *над* выпуклостью ее земляного лба! Пусть шарики нашего мозга — вертятся под нашей черепной коробкой. Процесс сознания один. В бытии нет «над» и «под» — а все «внутри». Здравствуй, деревья, прости меня, трава, ждите меня, звезды! И не забывайте обо мне слишком часто, Звездный мой Друг и Путешественник по Вселенной.

Любите меня еще хоть 5 минут! За это я Вас буду любить три вечности подряд — а на четвертую стану Вашим незримым другом, и Вы от меня не увидите больше никакого беспокойства!

Тяжело сознавать, что я не знаю, что Вы сейчас пишете, думаете, какая птица пролетает мимо Вашего окна — и на что похоже облако, вставшее над Вашим горизонтом.

Вы не сердитесь на меня. Я уже и сам сержусь. Гуляйте больше. Читайте меньше.

Чтоб быть последовательным хоть раз, — пишу Вам «короткое» письмо.

Мой Дорогой.

Ваш Б.Зубакин

Дорогой,

Дорогой

Дорогой,

Дорогой.

¹ В письме ошибочно написано: «июнь 31».

² Ср.: Первое послание апостола Павла к коринфянам (14, 34): «Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит».

29. Горький — Зубакину

7 июня 1927, Сорренто

Письма и телеграмму получил, о визах в Рим написал, «все идет своим порядком, там кого-то бьют по пяткам, тут кого-то вдруг лишили неудобной головы» и т.д. Пожалуйста, не думайте, что это мои стишки, да, м.б., это и не стишки, только намерение сочинить оные.

Сударь! Вы меня развращаете. Вы так захвалили меня, что я намерен вставить в рамку карикатуру, сделанную с меня одним англичанином, и буду молиться на нее в лунные ночи, когда мне, как собаке, не хочется спать. Англичанин же — сын действительного лорда, но лорд прогнал его.

И Вы не можете увидеть меня «каким я был всегда», уверяю Вас, что это невозможно. И никогда я не соглашусь, что «будущее не прорастает из прошлого» — оно «прорастает». Пушкин — прошлое и — пророс до наших дней и прорастет еще дальше.

А зачем Вы пишете: «не сердитесь на меня»? Что это значит? Борис Михайлович — не надо смущать меня, а такие изъяснения смущают. Ну, — почему я должен сердиться на Вас, за что? Не надо.

Пишу только для того, чтоб Вы не беспокоились: письма Ваши получены. А, вообще, — не могу писать, очень расстроен убийством П.Л.Войкова. Очень.

Крепко жму руку. До свидания.

А.Пешков
S[orrento]

30. Горький — Зубакину

22 июня 1927, Сорренто

Дорогой Борис Михайлович, — меня известили, что итальянские визы для Вас и А.И. уже посланы в Москву, сходите, справьтесь.

Пережил несколько отвратительно тяжелых дней, каждый из них приносил что-нибудь тяжелое. Самоубийство Л.А.Тарасевича¹ окончательно свалило меня с ног, своею таинственностью.

Очень жду Вас, очень! Не нужно ли денег? Телеграфируйте. Привет Вам и А.И. Получила ли она мои книги?

А.Пешков

¹ *Тарасевич* Лев Александрович (1868-1927) — микробиолог, организатор борьбы с эпидемиями в годы гражданской войны. Самоубийство произошло в Дрездене 12 июня 1927.

31. Зубакин — Горькому

[Без даты. Конец июня 1927]

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Максимович! Анастасия Иоановна повелела мне разузнать о всяких денежных оплатах. Хорошее дело! Все это оказывается адски дорого! Откуда мы с Вами добудем все эти суммы, — и как потом расплачиваться? — ума не приложу. Айхенвальд из Парижа о моей «Белой лошади» ничегошеньки не пишет, спешно берусь писать пьесу для «Театра для детей», — дай Бог, чтоб заплатили... через год — и я рискую попасть по отношению к Вам в «злостные должники». Невесело. Вдобавок Коган П.С. — напечатал в газетах, что и Вы сидите без денег. Что же это получается... Я привык ходить по улицам и мысленно с Вами разговаривать (мы с Вами часто спорим, но я — по слабости к Вам — всегда уступаю). Пишу на столе «Дома Ученых» (я в Москве опять живу на Мерзляковском). — Какие странные на земле Ученые! Вот напротив сидит знаменитый химик Каблуков¹, — перетасовывающий, по обыкновению, слова («В котором у вас носу чесало», — вместо «в котором часу начало», — «Там, где Бахарева сушня» — вместо «Сухарева башня», — «посмотрите в скляночку на кристалл: — видите — белое чернеется?» — это все перлы из его речей). Рядом со мной внучка Пушкина — моя добрая приятельница, — наклоняется к моему уху — и весьма желчно аттестует окружающих. А в трубку телефона Секретарь над моим столом кричит буквально следующее: «Как мы уже с вами договорились — 29-го солнечное затмение»... Да, — так вот суммы: — 1) Паспорт — 225 р. или 50 (если удастся 50). 2) Билет до Одессы — 21 р. 3) Билет от Одессы до Константинополя 50 р. 4) От Константинополя до «Италии» — (точно никто не знает) 60/50 р. 5) И виза — возможно, рублей 100, или ничего, но все же, [нрзб.] «с рыла», как здесь говорят в очередях, получается 466 рублей с одного человека и рублей 20/15 на еду (!!)

Ужасно. Если удастся выехать, я должен ехать непременно отдельно от А.И. — и встретиться с ней у Вас. Хочу увидеть Вас, хоть на одну минуточку, — но, как сами видите, — как мы уже с Вами договорились, — 29-го солнечное затмение!

Ваш Б.Зубакин

P.S. А вдруг все устроится! Люди знают только дурной рок, но я знаю Рок — добрый, освобождающий, помогающий — силе добра.

¹ *Каблуков* Иван Алексеевич (1857-1942) — физико-химик, почетный член АН СССР.

32. Зубакин — Горькому

[Без даты. Конец июня 1927]

Дорогой и Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Спасибо, что написали утешно — «чтоб не беспокоился». А я-то только что кончил писать такие стихи:

Судьба, она добрей людей,
Судьба людей добрей.
Разлука есть, забвенье есть,
Когда не снести скорбей.
 Забвенье есть и есть вино
 И встречный женский взор.
 И можно ослепить окно
 Холстом холодных штор!
Но лучше женщин и вина —
Есть море подле гор,
И песнь, и книга у окна —
Раскрытого в простор!
 И нежность есть, утешность есть
 Скользящих к склону дней...
Судьба, она — добрей людей,
Судьба людей добрей...

По вечерам с бывшим своим ректором изучаю рукопись 17-го века, «бестиарий». (По латинским спискам их называли «Физиологус» тоже)¹. Бести, т.е звери, описаны — изумительно: «пес — инако рекомый — собака»... «В Индии Мравии (муравьи) — достигают великостью до пса». Птица «Ив» рождается только женского рода и зачинает от ветра птенцов опять женских же... И пр. Весьма поучительно. Только читать приходится, понижая голос — ибо повествуется и о рыбе, рекомой «скворец» — «вельми блудной».

Конечно, будущее прорастает и из прошлого. Но оплодотворяется — из будущего, идущего встречно. Не верите? — Честное слово! —

Очень хочу скорей Вас увидеть и дочитать до других птиц и бестий. Особливо про «манди-хора», у которого на хвосте волосы, аки стрелы — и аще попадает в человека, в которого он «мешет», человек — умирает.

Не попала ли в меня такая стрела? А впрочем:

— И кто, утратив меч и честь,
Замедля шаг в воротах, —
Что небо *есть*, что солнце *есть*,
Не скажет с эшафота?
Знать, есть в тебе хмелящий вкус,
О жизнь, о смерть, о власть! —
Что песнь твоя звучит, как грусть,
И веселит, как страсть!

А не охладели ли Вы малость к Вашему глупому корреспонденту? На всякий случай, пишу Вам — мало, — Ваша уродина
Б.Зубакин

¹ *Бестиарии* — средневековые западноевропейские сборники повествований о реально существующих и вымышленных животных. «*Физиолог*» — возникшие на основе античных и восточных источников написанные по-гречески нередко фантастические рассказы о животных.

33. Горький — Зубакину

29 июня 1927, Сорренто

Ваше Высокопреосвященство и глубокоуважаемый профессор и пр. и пр.!

Через день, два, ну — три, Вас попросит письмом зайти к нему — Кузнецкий, 12, «Международная книга» — Петр Петрович Крючков¹, а когда Вы зайдете, он вручит Вам 1200 р. 600 — для Вас и столько же Ан[астасии] Ив[анов]не². Хватит?

Затем Вы сядете в вагон, затем — на пароход, затем — снова в вагон Неаполь—Кастелламаре, где встретит Вас мой собственный сын и доставит к месту жительства моего и Вашего. И забирайте с собою все рукописи в стихах, прозе и прочие. И да будет вам хорошо в пути, а еще лучше по приезде сюда.

Писать же больше — сейчас — не стану, ибо нужно написать еще 6 писем длинных, кроме трех уже написанных.

Вы думаете — я — что? Пишущая машина я, вот что. Да.

Здесь такая жара, что мы с Вами иссохнем, яко мумии и через 5 тысяч лет нас выкопают будущие археологи, — мы будем сидеть

друг против друга с оскаленными зубами. И у меня на штанах — чернильное пятно, и долго будут ученые той поры размышлять, что значит пятно сие? Вообще я надеюсь, что мы «уплотним» мир сей загадками и недоумениями. Будьте здоровы, дорогой! До свидания, скорого!

А.Пешков

¹ *Крючков Петр Петрович* (1889-1938) — издательский работник, уполномоченный советского торгпредства в Берлине, секретарь Горького, сотрудник общества «Книга», «Международная книга», Госиздата. Позднее был обвинен в причастности к убийству Горького и расстрелян.

² Из письма Горького П.П.Крючкову от 29 июня 1927 из Сорренто: «Убедительно прошу Вас дать 1200 рублей профессору Борису Михайловичу Зубакину, его адрес: Мерзляковский переул., д.18. кв.8; Вы, пожалуйста, напишите ему открытку, и он придет к Вам» (Архив Горького. ПГ-рл 21а-1--107-108).

34. Зубакин — Горькому

[Без даты. Не ранее 5 июля 1927]

Дорогой и Глубокоуважаемый Алексей Максимович. Подшучивая над моей простотой и анархизмом, Вы титузуете меня — в последнем письме «вашим высокопреосвященством» — я Вам попомню это, милостивый Государь. Очень я скучаю без Ваших писем, а тут Вы стали их мне писать короче гулькина носа — и ввергли меня в сомнения, уныния и невеселые помышления. Впрочем, знаю, что Вы умучены не одним мною. Мне как-то не верится, что я все-таки выберусь к Вам — и вновь хочется писать Вам большие письма. Неужели с моим приездом письма наши кончатся? На это рукописание мое я уже не получу Вашего ответа в Москве — и потому прошу к моему приезду написать приличный ответ и запечатать в конверте с адресом:

Sorrento. Hotel «Minerva».

S-re Professore Zubakin.

(Конечно, Вы это забудете сделать — тем Вам стыднее). Сперва о грустном — я пишу Вам на отпечатке (обложке) — рисунка друга моего художника Василия Милиоти¹. Я только что от него.

Он любит Ваши книги — и это еще одна нить, нас связующая с ним, с этим седоголовым «юношей». Я влез в окно и застал его (ночь под утро) — сидящим перед мольбертом, на котором была начата... приблизительно такая вывеска: «Портной Драпкин. В

углу налево, две ступени вниз, толкать дверь от себя». Оказывается, сидя без копейки (в закутке рядом четверо ребят и пес Кадо), он получил заказ от соседа написать вывеску за три рубля. И вот он сидит и по-настоящему мучается неуменьем в этом деле. — «Я не терплю дилетантства ни в чем! Но видишь, Борис, видишь: рука у меня дрожит, и буквы неровны. Я не умею писать вывески!» «Деньги уже истрачены. Что мне делать?! Что мне делать?!» — были первые слова, которые я услышал от создателя «Золотого Руна» (картины его в Париже и в Третьяковке, ими так восхищался Врубель!) Я утешил его, забрав кисть и уверяя, что вывески — моя специальность (и правда, мне приходилось во время поездок — писать плакаты о моих лекциях) — и тем, что вскоре по всей Поварской улице все заборы, не говоря уже об объявлениях о продаже швейных машин и ангорских кошек — будут нашей с ним кисти. Приходил только что 80-летний старик — *племянник* Глинки, поющий его романсы с Глинкинскими правками! Сколько у него бед — не счесть. Нет, мне нужно много написать пьес и книг, мне нужно много денег — наработать — потому что моим старикам — никто не сможет, да и не должен, кроме меня, помочь. Теперь о веселом: —

Я получил гонорар — 13 рублей — и возможно, что куплю брюки — и приеду к Вам настоящим элегантным — таким викарием Кентерберийским! А то, когда я иду по улице, — то к моему крайнему негодованию, все прохожие оглядываются неодобрительно на мои штаны, — а в них, кроме довольно редкого цвета и разве что величины, ровно ничего нет особенного. — Я согласился к Вам ехать и залезть в такой долг, производя в Вашем кармане такую долговременную брешь, — потому что мне на голову свалилось обещание уплатить мне осенью за пьесу 1000 рублей. Но увы, я как Марта в Фаусте, — «не верю словам!». Но вот теперь я уговорился с редакцией журнала «Хочу все знать» и буду посылать им статейки о раскопках в Италии. Они обещают высылать гонорар!!! Дай-то, Боже! Это меня подбодрило. — А.И. очень благодарит Вас за книги. (Как она устает!) Я не читаю «Самгина» — потому что читать не сразу — это дергает. Так нельзя. Но все-таки вполголоса прочел отрывок в «Правде» (где разговор с матерью и где говорится, отчего женщина — загадочна и изменяет). Отрывок замечательный и верный. И манера письма новая у Вас (все на диалоге). И действие по диагоналям вкось — вперечерк. Вы, вижу, очень вечно молоды — и не сможете постареть. Я буду приходить к Вам только по Вашей записке (чтобы не надоедать не в пору). Зато у меня будет колокольчик с веревочкой, спущенной в окно и когда-нибудь ночью Вы меня вызовете.

те, и мы пойдем от всех тайком кататься на лодке! Ведь правда? При Вас я должен написать своего «Калиостро» (драму). Конечно, писатель должен видеть сперва характеры, живых героев — а потом они уже сами столкнутся, как им надобно. Искра от их столкновения и образует «Идею». Разве Гете знал, чем кончит «Фауста», разве Шекспир до конца знал свой замысел? (Понятно, вне сознания его, «Идея» — искомая в творчестве, ему присуща). Поэт сам о себе гадает, — кидая на свой стол костяшки своих образов. Был в гостях у Ек[атерины] П[авлов]ны! Вот так раз! Да она, собственно, предобрая! Провели мы с ней целый вечер (собственно, далеко за полночь). Я ей прочел весь роман в стихах. И она так хорошо воспитана, что и не протестовала! Мы с ней уговорились походить вместе по музеям. Но она очень занята, беднякья! Она — свирепо добрый человек. Я разыскал ей как-то цветок (с корнями). Пришлось протискиваться через такую толщу просителей, что в руке у меня остался только один корешок! Кстати, о даровании. Вот Милиоти радуется мне тем, что его дарование не расторгнимо с его личностью. Мне надоели дураки. Я очень от них устал (сам я не умен, но я не дурак, даю Вам, за неимением доказательств, честное слово). Глупость — явление не интеллектуального, а, скорей, нравственного порядка. И я понимаю, почему Вы, небось, не менее меня утомленный глупостью (включая и это письмо), цените человеческий талант. Но есть талант — и талант. Есть талант, оторванный от личности, как перо от шляпы! Таких я не люблю. И мне милее благородно-авантюрный дикарский вождь, втыкающий соколиное перо просто за ухо! Я ценю талант самораскрытия личности в человеке — больше, чем лучшую талантливость (какого-либо имя рек). Насколько, напр., Вагнер сам — талантливее своих героев («богоподобных скандинавских мясников»). Насколько сами греки и их представление о человеке выше их представлений о богах! Меня радует исключительная личная Ваша талантливость — только потому, что она совпадает у Вас с талантом личности Вашей. И, если угодно, я подговариваюсь под то, чтоб Вы не ожидали ничего от моих личных талантов. Я знаю, что Вы немало можете сделать со мною. Я чувствую, куда «гнете Вы», отдельными замечаниями о моих стихах (такими, увы, редкими!) Да Вы правы: поэт должен иметь свое ослепительное, целостное миропознание! А у меня пока в поэзии — перебой. Это оттого, что лапа моя, держащая перо — перебита (в драках). Хочу вас утешить за себя. Кто знает, может я еще не безнадежно бездарен — и лет через пять, если проживу, в Вашу честь и только ради и из-за Вас я готов написать несколько вполне приличных книг. Но позвольте мне не торопиться с этим. Дайте

мне просто радоваться, что Вы — мой дорогой; что Небо — мое дорогое; и девочка внизу у подъездного желоба, назвавшая меня «Пушкиным» (за баки) — моя дорогая. — Этот месяц я очень колелбался. Мне хотелось трусливо не ехать к Вам. Знаете, почему? — Я могу, как центурион на римском форуме — выйти вперед, разорвать рубаху и показать сквозь кожу толстенные рубцы от ран на моем идиотическом старом сердце. И это не будет преувеличением — а в точку — точно! Я научился изгонять из сознания горькие мысли, но всякая горечь садилась мне на тело и нервы — как опой на лошадиные ноги! И вот, прибавить еще рубец: увидеть Ваше ко мне охлаждение — бр... Но прошел месяц — и вот я еду к Вам почти «веселыми ногами».

Все оттого, что Солнца свет
Жестокость дней — покрыл улыбкой,
Все оттого, что я — поэт —
И в бедах — не зову — «ошибкой»!

Кстати, о Форуме. Если в Москве Вы спросите (идя в кино «Форум» — смотреть «Выстрел в опере, или Тайну Голубого Замка») — где «Фóрум»? — Вас поправят: «Может, Вам "Форум" надо?» — «Да», — смущенно поправляетесь вы, — «Форум — вон, — ось, — на угле!» Так же не говорят — кино «Колóсс» — а «Кб-лос». И потом я знаю, что есть в человеческом сердце зерно, которое может прорасти в такой кóлос — что это и впрямь Колóсс! И потом я верю Вам. Верю, что Вы пронзительно добры — боже-ственно и победно. Любите меня еще немножечко. А если разлюбите — то как-нибудь полегче. Хорошо? Неужели мы свидимся? Мой добрый, мой усталый, мой добрый и дорогой.

Ваш Б.Зубакин

¹ *Милиотти Василий Дмитриевич* (1875-1943) — художник, одно время заведовал художественным отделом в журнале «Золотое руно».

35. Зубакин — Горькому

[Без даты. Середина июля 1927]

Я все-таки люблю Вас крепко и горячо. Это я пишу сейчас ночью (чернил нет), читая принесенную мне Вашу книгу «Хозяин». Читаю и прижимаюсь лбом и глазами к некоторым строчкам: потому что там не литература, а *Вы*. Конечно, неплохо и то, что Себя Самого делаете Вы и «литературой» — т.е. Себя — про-

буждаете в других — и Себя и их видите обновленными и оправданными друг через друга. И вот часто я теперь вижу, как у Вас, и ни у кого иного под руками перекачивается тот вздутый кровью желвачок, которым бьется пульс — Судьбы и Жизни человеческой. Ведь это катышек и моего сердца — и он так же бывает зажат в Вашей руке. Ну вот. Я очень устал, невзирая на внешнюю толстомордость и даже «розоватость». Хлопоты окончательно умучили меня, идиота. Даже помечталось: — приеду к Вам — лягу в постель и неделю не встану! (и попрошу какого-нибудь Архангела принести винограду на блюдечке). Нет, конечно, глупости. Буду очень работать. И замыслы есть — кое-какие: хочу кончать «Калиостро». Хочу писать заветное. А ведь и Бог — очень несчастный «Хозяин». И сдается мне, что Он — свихивается малость от путанности дел, — но в этом сумасшествии своем — Бог невинен — и умирительно-величав и свят. Утомительно порой все же жить с людьми.

А Вы — не люди — Вы — «в людях». Вы Человек-одиночка, но одиноки-то Вы *за всех* и для всех. Взглянул на первую страницу — написано: «Я *все-таки* люблю Вас», потому — *все-таки*, что я заранее сержусь на Вас; я издали чувствую Вас, как чувствует проволока — издали передаваемую телеграмму. И вот я чувствую, что Вы сможете «устать» от меня, «уклониться». Мне заранее больно. Заранее. Но я заранее же прошая это судьбе и говорю про Вас — «а *все-таки*».

Если Вы никогда не видали самого настоящего породистого осла — посмотрите на меня в эту печальную минуту, — дорогой и Глубокоуважаемый Алексей Максимович, — и считайте, пожалуйста, что только этими обычными строчками и начинается это письмо идиотически преданного Вам экс-профессора и экс-поэта Б.Зубакина

36. Зубакин — Горькому

[26 июля 1927]¹

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Максимович. Уже два дня, как меня с невероятным трудом выпустили в Италию. Я очень счастлив. Но прихворнул малость. Через 3-4 (вероятно, не больше, дня) — я буду уже у Вас. Хочу Вас видеть, но боюсь. Между прочим, помидоры здесь плохие (есть приходится без соли и на черной лестнице). Ваш Борис

¹ Датируется по почтовому штемпелю: Piazza S.Lorenzo. Firenze. Открытка с видом: Firenze. Piazza della Signora.

37. Зубакин — Горькому

[Без даты. Июль—август 1927]
Sorrento. Сегодня

пожалуйста, прочтите

Дорогой и Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Пишу Вам потому, что не умею говорить. А рассказать — необходимо. Мне было очень плохо эти дни, кажется, я плохо себя сдерживал — и Вы это заметили, — поэтому — объясняю, как могу.

Вы — очень рассердились на меня — и это меня потрясло жестоко. Я не ожидал, что Вы на меня когда-нибудь *так* рассердитесь. Виной, конечно, моя неуклюжесть. И вот — я пришел в отчаяние от сознания того, что Вы чувствуете меня еще таким чужим себе и неблизким человеком, что можете допустить предположить с моей стороны чувство — (*в каком бы то ни было оттенке*) недостойное, вызвавшее Ваш гнев. Накануне (а это было после вечера, когда Вы до 2-х часов ночи так задушевно и прелестно рассказывали) — я почувствовал себя почти счастливым. Я вдел желтую розу в петличку — и говорил, что радостен и весел теперь. От избытка этой радости, со свойственным мне словесным озорством (и вдобавок всегда по отношению к *воображаемым* людям, в данном случае — к — «вислоухим критикам» и «потомкам») я и пошутил, прочтя растрогавшую мое сердце добрую Вашу и милую надпись. В ответ Вы тоже — мило пошутили — и солнечные зайчики продолжали прыгать у меня под жилеткой и чесать мое сердце своими лапками. Во время долгого разговора (до чаю) я не мог удержаться, чтобы иногда исподтишка, — не подойти и не погладить, как живого человека, радующую меня книгу с Вашей драгоценной мне надписью. И — вдруг. Это вроде землетрясения! — Вы обрушиваете на мою голову настоящий гнев по поводу моей шутки (*не к Вам*, вдобавок, а к воображаемым «историкам литературы» адресованной!) — и, когда я, совершенно растерявшись (а потому из всех сил стараясь *внешне* сохранить невозмутимое спокойствие — что-то нелепо объясняю, Вы даже крикнули мне: «Вы что же, учитесь меня, как подписывать?») — Тут я уж совершенно был обескуражен. Потом, в полном отчаянии от непонятности всего для меня происходящего, — я пошел к Вам «извиняться». Я готов был, конечно, извиняться в чем

угодно: в бестактности, в поджоге виллы Сера-Каприола, в организации ограбления местной почты, отравлении Кузьки и краже Ваших брюк.

Потом я пришел домой — слег, как бревно.

Потом на следующий ужасный день я растоптал эту проклятую желтую розу и стал собирать пожитки, стараясь выяснить сумму, которую я могу выручить от их продажи, — и с еще большим смятением видя, что мне все-таки не хватит на дорогу в Москву. Но вот — и все. А вчера Вы ласково спросили и заинтересовались тем, что я написал (с горя, чтоб ни о чем не думать и выразить в стихах свое состояние — облегчиться), и вот я размяк — и разоткровенничался, потому что *очень мне без Вас скучно*.

Ответьте мне что-нибудь — Ради Бога.

Ваш Борис

38. Зубакин — Горькому

[Без даты. Август 1927]

Дорогой и Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

— это маленький очерк для моей книги «Человеческое в сверхчеловеках».

Умоляю Вас не сердиться, читая его! Я написал его просто и сердечно, и если Вам будет очень неприятно, не сердитесь на то, что у меня такая именно простота и сердечность, а не иная. Я, право же, не виноват.

Я не хочу ссориться с Вами перед самым отъездом — и все же вынужден передать Вам эти строки. Все это покажется Вам мелким и незначительным, но для меня есть «мелочи» — из-за которых, я уверен, — ангелы плачут от радости на небесах.

А «крупное» — пусть оно будет по силам — сильнейшим, не мне¹.

Дорог[ой Аза, это] письмо я хочу написать Т[ебе о] вере в Иисуса Христа.

Когда ты будешь старше, Тебе, может быть, будут говорить, что Христос «не был Богом» и что вера в него как в Сына Божия — есть ошибка. Мне тоже это когда-то говорили, но я понял, что говорящие так — сами заблуждаются. Говорят, что Он не мог родиться от Девы и Св. Духа, что это есть «невозможное» чудо! Какие пустяки. Разве не «чудо», — не великая Тайна природы и ее Души — то есть *Бога* — и «обычное» рождение

людей. От Духа Божия и Девы не меньшее чудо — родиться, как и от обычного брачного союза мужа и жены. Мне никакого дела нет до того — родился ли Христос от Девы и от Духа или как-нибудь иначе. Апостолы и Святые, чистые, хорошие люди так утверждали — и пусть. Не надо с ними спорить. Для них *и это* было доказательством, что Христос — Бог, а я и без этого знаю, [что?] действительно Бог, Сын Божий. Го[ворят?] и дела, сделанные Им, — «чудес[а]» мне не ну[жны]. Ну, Аза, Ты, вероятно, слышал, что «факиры» — индийские мудрецы и сейчас делают не меньшее. Мне один неверящий ученый на днях рассказал, что недавно один польский солдат — в порыве, сам того не замечая — прошел *по воде* через речку — и все удивлены. Силы человеческого Духа и тела — необъятны. Христос Сам предсказывал, что люди после него будут творить «чудеса», не меньшие, чем Он творил. Не за чудеса я в него верю. Еще говорят, что Он не мог воскреснуть. Что такое краткий миг Воскресения или Смерти перед Вечностью, т.е. бесчисленностью лет, в которой все свершается? Не спорю я и с этим, как и с Рождением Его от Девы: — не за «Воскресение» Он для меня Бог. Скоро будут мертвых воскрешать (на время) и врачи, занимающиеся теперь опытами над оживлением сердца и пересадкой больному от здоровых людей частей организма. Знаешь, почему я верю, что Он Бог? Да потому, что в Библии *долго* до Его появления на Земле — было предсказано, что Такой именно, как Он — появится на Земле в свое время. И вот Христос — действительно появился! Страдал за людей — и сказал, что пришел спасти всех от греха. Понимаешь, Аза, — после Него могли многие объявлять себя «Христами», — но Он-то, Иисус из Назарета — *Первый* раз во вселенной — объявил себя Существом, — пришедшим *за всех* пострадать! Это так же (конечно, больше) — как впервые появление на Земле у людей Огня или работы Разума!

В чем «грех», спросишь Ты, быть может? А в том, что Люди, человек — по устройству своего тела, — по своей природе — *оторвался* от Души и Разума — Жизни — своей природы, — оторвался от *Бога*. И Христос — пришел напомнить о том, что надо вернуться к Богу, иначе погибнет человек, как растение, у которого отрезан его корень. Но ведь этот «корень» человека — невидим — он «сделан», если так смешно можно выразиться — из духовного матерьяла. И Христос показал, как из усилия мысли, чувства и веры (так называемого «усилия воли») можно еще и до смерти своей — «вернуться» к Богу, опять невидимо, но крепко срастись с Душою Бога, живущего с Нами незримо. Христос Сам и был Таким Срощенным с Божьей Душою Существом — Бого-Человеком, Сыном Божиим. Он действительно взял на себя человеческий грех:

т.е. Отрывание души от Корня своего, от Бога. Для Него, Бого-Человека, это было ужасно! Это мука, которую не могут испытать все вместе взятые люди и живые существа! Это раздиране не только тела, но Самой Души! — Помнишь, Он на кресте закричал Богу: «Отец! Зачем Ты меня покинул», — вот это и было *главное*, главная минута Его Дела на Земле: — ради людей — Богочеловек, Бог, воплотившись — оторвался Сим от Себя, от своего Существа, От Отца своего и Источника. Когда это произошло — Христос произнес: «Свершилось». Почти у всех народов — у индусов, у греков, у египтян и вавилонян было предчувствие о необходимости пришествия Христа. Их учения и обряды — их «мифы» — изображают приход Христа и Смерть за людей. Они говорят, что такой уже приходил Спаситель, — но пришел-то Он в действительности только 1927 (около этого!) лет тому назад. И вот что еще важно. Христос предсказал (прочти и сам разыщи это в Евангелии от Матфея) — не только разрушение Иерусалима, — но и все, что будет с Его последователями. Пусть некоторые спорят насчет предсказания о Иерусалиме, — Бог с ними, но предсказание о всех христианах осталось уже вне всяких споров: Христос сказал, что, когда явятся неслыханные болезни, землетрясения, войны, когда *брат* восстанет на *брата* — (т.е. и сами даже бывшие христиане будут преследовать друг друга, как у нас в России, где 150 миллионов человек!) — тогда, сказал Христос, — и *верующих* в него останется — *мало*. Все так и исполнилось. Христос не уверял, что всем, кто будет Его учеником — будет хорошо на земле, а как раз обратное: будет нас все меньше и меньше — будут гнать нас и преследовать. Таким образом, *Христианство* есть свершившийся *Исторический факт*, действительное событие — и совершилось оно так именно, как сказал Христос. Будем ли мы с Тобой, Аза, вместе любить Христа и служить Ему — и людям? Помни, Христос, самым своим *Главным* — невидимой своей душою — неотделим от каждого человека, [кто бы] он ни был этот человек. Поэтому я Тебя умоляю — прощай людям, жалей их, они злы бывают от безумия, от того, что *не умеют* — обратно наростись на обрубленный от природы корень — Божьей Души и Правды. Люби людей — они несчастны. И еще прошу тебя, не осуждай и не ненавидь теперешних тиранов в России. Я имею право так говорить — они меня мучали и мучают за веру — держат в тюрьме, в одиночке, на краю смерти — а потом опять выпускают на время, как кошка мышку, — для *слепого* издевательства и хитрости зверской. Но они невинны, хоть дела их не заслуживают одобрения. Они хотят добра людям — но не умеют его сделать. Власть их пока признало наше крестьянство, — а кре-

стьянство — большинство, — хозяева России — и мы русские должны подчиниться решению хозяев России — крестьян — *пока они сами не передумают*. И евреев — не презирай: из их крови Христос — и апостолы, не забывай этого. *Впрочем, ни с кем пока не спорь*. Молча веруй и люби людей и Природу и Бога, если сможешь. Береги, не огорчай свою Мать — и проси Бога, чтоб Он Тебе явился в *Твоем сердце* и через Тебя — помогал людям и миру.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и Любовь Бога Отца и Причастие Святого Духа — буди с Тобой и со всеми Твоими.
Твой навеки²

¹ Следующий далее текст обращен к сыну Зубакина — Азе, которого он давно не видел и не был уверен, что когда-либо сможет увидеть. Вероятно, Зубакин надеялся, что в бумагах Горького это письмо не затеряется, и сын узнает его содержание. Часть текста восстанавливается предположительно.

² Далее обрыв листа.

39. Зубакин — Горькому

[Без даты. 1929?]
Архангельск

Эту записку переслать Алексею Максимовичу.

Дорогой и Глубокоуважаемый Алексей Максимович! Окольным путем я узнал, что мои близкие, не зная, что и делать? — обращались к Вам с просьбой хлопотать обо мне¹.

Надеюсь, что Вы не сомневаетесь в том, что это было сделано без моего ведома. Я — и так слишком многим Вам обязан, чтобы к беспокойствам, которыми, небось, досаждают Вам со всех сторон, — прибавлять свои печали и глупости. Никому, ни в каких отношениях не рекомендую ставить на мне крест. С голода я не умру, с холода, авось, не замерзну, и — вообще.

Величайший над всеми «нами» — милый мне — Овидий, — в своих «печалованиях» — тристиях — говорит:

Мы видели, как огромное море
Останавливалось благодаря льду...

...Итак, хотя земной, весьма великий шар, простирается на широком пространстве — эта земля придумана для моего изгнания
(Сарматская зима).

— Vidimus ingentem glacie consistere pontum...²

...Ergo tam late pateat cum maximus orbis,
haec est poenam terra reperta meam³

Tristia. Ovidius.

Но —

...Печалеречивый Овидий!
С тобою сравнившись в судьбе,
Как часто в жестокой обиде
Взывают поэты к тебе!
Дошел я до Белого моря,
Клюкою изгнания гоним.
До снежного Белого моря
И снежного Неба над ним.
Но, учит душа благодарно
Язык непонятных чудес,
Но близок — в сиянии полярном —
Развернутый свиток небес!
Надев самоедские «пимы», —
В лучах ослепительных лыж, —
Изгнанник далекого Рима, —
Не ты ли к собрату спешишь?!⁴

к «собрату», конечно, в кавычках.

Когда в Архангельске были англичане — и увидели впервые русского батюшку, длинноволосого и в рясе до пят, они восклицали: «Вот идет Мадам Попа!» — А на днях на перегоне от Кег-острова до города в сумерках спрашивает прохожий моего знакомого: «Скажите, а где тут милицейский пост?» — «Милицейский-то тут далеко, — вон — оно как далеко!» — отвечает мой знакомый. — «Ах так? — В таком случае — раздевайся!!!» — И обобрал прохожий моего знакомого догола.

Конечно, тут не очень легко, но не до того, чтоб нельзя было выдержать. Тут один лоцман — уверяет, что с моря ветер всегда «теплый». Ему 70 лет — и он скачет, как антилопа. Чего и всем желаю.

Ваш Борис

Если что надо, то: —

г.Архангельск. Почтамт, до Востребования. Зубакину.

¹ Вероятно, речь идет об обращении к Горькому тестя и жены Зубакина — С.Н. и Е.С.Ильинских, помещенных в приложении к наст. публ.

² «Видел я сам: подо льдом недвижим был Понт необъятный...» (Овидий. Печальные песни. III — 10, 37; перевод С.В.Шервинского).

³ «Так, меж тем как весь мир необъятный раскинут широко, / Для наказания мне этот назначили край!» (Там же. III — 10, 76 сл.; перевод С.В.Шервинского; буквально: «И вот, хотя огромный мир раскинулся так широко, для моего наказания была избрана именно эта земля»).

⁴ Вероятно, в связи с этим стихотворением имеет смысл вспомнить, что Пушкин, записавший в 1821 в своем кишиневском дневнике: «4 мая я

был принят в масоны», имел в виду открытую П.И.Пестелем в Кишиневе ложу «Овидий».

40. Зубакин — Горькому

9 сентября 1933
Смоленск

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Я прошу Вас о содействии. В конце концов я не «механический гражданин». Назвать меня врагом пролетариата и его новой строящейся культуры — смешно. В 1930 г. в Ленингр. «Красной Газете» — (не помню точно, могу разыскать) — писали в фельтоне о моей работе по организации худож. Ломоносовской школы и собиранию древностей и бытовых предметов для музеев. Вышла моя книга «О резьбе по кости», выходит — «деревянная скульптура и резьба», заключен был договор — на книгу: «Новое о Ломоносове». Никогда я не был «с кулаком в кармане». А между тем мне не дали паспорта в Москве, я должен был расстаться с семьей и со всей своей библиотекой и собранием научн. материалов. В провинции положение «профессора, не получившего паспорта» — более, чем тяжело. Для науч. работы — это барьер. Заработок случаен — и плачевен тоже. Между тем, в Ленинграде, напр. — мне предлагают работу — в Книжной Палате и по Кустпромсовету. Там я буду полезен и сам поучусь (разбор книг, рукописей — очень интересно).

Не можете ли Вы попросить за меня, чтоб мне позволили — работать в Ленинграде. Стараюсь быть почестней перед собой — и обществом, готов дать любую подписку, что никаких воззрений, чуждых современности, не буду — навязывать или проявлять. Может быть, Вы мне ответите? Мне весьма плохо.

Ваш Борис Зубакин

Адрес: Смоленск, улица Бакунина 15/2. Кв. Поляковой.
Проф. Зубакину Б.М.

ПРИЛОЖЕНИЕ

С.Н.Ильинский — Горькому

12/IX 1929

Глубокоуважаемый Алексей Максимович

Разрешите мне обратиться к Вам по поводу моего зятя Бориса Михайловича Зубакина, арестованного и сидящего с 27/IX¹ в тюрьме.

Вам не нужно, конечно, говорить о талантах Б.М. Вы первый по-настоящему обратили внимание на этого человека и оказали ему громадную поддержку. Зубакин Вам, конечно, ясен. Может ли представлять какую-либо опасность для нашего пролетарского государства Зубакин? Какой он контрреволюционер? Какой он позиции? Различное историческое барахло — эти культурные пережитки, привычные мысли, привычные чувства — все это носит в себе каждый из нас — один в большей мере, другой в меньшей. У Зубакина этого барахла особенно много, таков уж склад его. Во всем этом больше, впрочем, любования художника, чем органического срастания. Эта ли художественная бутафория, чисто фантастическая — может испугать нашу здоровую общественность.

«И это лишь — холщевые мешки,
И декоратором разбрызганная охра»

как он сам говорит где-то в своих стихах.

Зубакин, конечно, не враг нашей общественности, но он мог бы быть во многом и горячим другом ее, если бы сама эта общественность в лице нашей прессы проявила к нему больше понимания. Та пресса, которая печатает заведомо бездарные вещи и даже вредные, отказывает Зубакину в напечатании вполне современных, нужных и согретых подлинно революционным пафосом произведений. Это мешает могучему росту поэта, создает болезни этого роста и питает в нем то, с чем ему нужно было бы расстаться и с чем он мог бы расстаться в других условиях. Не отталкивать надо Зубакина, а взять его в работу.

За последние два года он столько раз выступал на больших народных собраниях, в рабочих аудиториях со своими полными подлинного революционного чувства совершенно захватывающими произведениями последнего времени, с импровизациями, из которых некоторые совершенно изумительны. Я думаю, что люди, слышавшие эти импровизации, должны быть счастливы — что им пришлось быть свидетелями их. Если бы Зубакин родился в другой стране — в другом народе... Там знали бы свое и ценили и другие знали бы.

Скажите, где у нас записаны, хотя бы одна из этих полных огня, вдохновения и незабываемой прелести импровизаций. Кое-какие записи у частных лиц. Неужели Зубакин чужд пафоса нашего исключительно революционного строительства, когда он воспекает счастье жить и строить жизнь и даже самую планету подчинить разумной воле и рулю человека.

Какое счастье и значенье
Взойти, прикладами звеня,

Сквозь сумрак утреннего пенья
На капитанский мостик дня!
Еще планета жадно просит
Разумной воли и руля
Я поднимусь с тобой высоко
К лазурной вечности земля!

Или когда он говорит о том, что он горд тем, что ему довелось жить в новое время.

За то, что бледны ваши лица
За то, что труден каждый шаг,
Я буду дьявольски гордиться,
Взойдя под этот ржавый стяг.

Арест и пребывание в тюрьме может губительно отразиться на нервном и впечатлительном организме Зубакина.

Положение усугубляется тем, что Б.М. болен, как это констатировано врачами-психиатрами, расстройством щитовидной железы — медлить с его лечением нельзя было, и мы предполагали показать его врачу. Всем этим я хотел поделиться с Вами, глупоуважаемый Алексей Максимович. Простите за излишне длинное письмо, слишком уж Вы близкий, дорогой и даже родной человек людям нашего поколения.

Сергей Ильинский
Никитский бульвар д. 9, кв. 8

Ильинский Сергей Николаевич — тесть Б.М.Зубакина, отец его жены Елены Сергеевны Зубакиной. В сборнике «Медведь на бульваре» ему посвящено стихотворение «Сюита IV». В книге «Холмогорская резьба по кости» Зубакин наряду с А.И.Цветаевой выражает благодарность и «приват-доценту Московского института потребительской кооперации С.Н.Ильинскому» (С.9).

¹ Вероятно, описка и речь идет о 27 августа.

Е.С.Зубакина-Ильинская — Горькому

16/IX[19]29 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Назначьте мне время, когда можно видеть Вас. Мне нужно поговорить с Вами о Борисе Михайловиче, который тр[и] недели как арестован. Я очень прошу Вас помочь ему.

Елена Зубакина

Зубакина-Ильинская Елена Сергеевна (1905-1955) — актриса. Жена Б.М.Зубакина с 1925 по 1933. По делу мужа была осуждена по статье 58-10 на 8 лет.

Эрих Голлербах
ПАМЯТИ М.А.ВОЛОШИНА
Предисловие, публикация и примечания
Е.А.Голлербаха и В.П.Купченко

Наблюдение М.Окутюрье о философском характере художественной и литературной критики Эриха Федоровича Голлербаха (1895-1942)¹ подтверждает давно замеченное, но затем основательно забытое: Голлербах действительно «умел дать верные оценки» явлениям современной ему культуры (Н.К.Рерих)², и его умение базировалось на неординарных философских способностях (В.В.Розанов)³. «В его лице, — отмечал современник, — мы имеем не только чуткого и тонкого, но и умеющего глубоко мыслить критика»⁴.

Такой взгляд, однако, отражает лишь часть общей картины.

В силу обстоятельств Голлербах не имел возможности быть в своей профессиональной деятельности вполне философом: его интеллектуальные искания шли вразрез с теми условиями существования, в которых он оказался. Значительная часть созданного Голлербахом, по его же мнению, лежит за пределами творчества как такового и представляет собой лишь результат «ремесла». В начале тридцатых годов Голлербах писал М.А.Волошину о своих печатных работах последних лет: «.../ к сожалению, среди них нет таких, которые могли бы считаться "самообнару-

¹ См.: Окутюрье М. «Смена веков» и русская литература 20-х годов // Одна или две русские литературы?: Международный симпозиум, созданный факультетом словесности Женевского университета и Швейцарской академией славистики: Женева, 13-15 апреля 1978. [Lausanne]: L'age d'homme, [1981]. С.104.

² Рерих Н.К. Из литературного наследия / Под ред. М.Т.Кузьминой. М., 1974. С.114.

³ См., напр.: Спасовский М.М. В.В.Розанов в последние годы своей жизни: Среди неопубликованных писем и рукописей. Изд. 2-е, исправ. и значительно доп. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1968. С.76-77.

⁴ [Тиняков Ал. Рец. на кн.:] «Образ Ахматовой». Антология. Редакция и вступ. статья Э.Голлербаха. Изд. Ленинградского Общества Библиофилов, 1925 // Жизнь искусства. 1925. 21 июля. №29(1056). С.21. (Подпись: Ал.Т-ков).

жением⁴, т.е. чем-то значительным и характерным для автора: это, большей частью, мелкие "заказы", сделанные "без божества, без вдохновения"⁵. Внешнюю стесненность ему пришлось испытывать на протяжении практически всего профессионального пути (начавшегося в 1915 и зашедшего в 1941). И это существенно.

Невозможность реализовать свое призвание, вероятно, была среди причин, подвигших писателя уже в 1918 на создание автоэпиграммы, впоследствии неоднократно цитировавшейся по разным поводам: «Полупот, полуфилософ, полузстет, полумудрец...»⁶ Была, впрочем, и другая причина: Голлербаху уже и в те времена не слишком хотелось становиться вполне «философом», «профессиональным мудрецом». Отвлеченная схоластика, не ориентированная на действительно важные, существенные проблемы, как он их понимал, мало привлекала его. Значительно больше Голлербаха интересовало наблюдение за живым воплощением идеального в бренном — физический мир он воспринимал как мир символов по преимуществу, в абсолютно конкретном обнаруживал абстрактный смысл.

Адекватно отразиться в советской печати такая философия не могла, и потому едва ли сегодня имеет смысл искать ее во многих из газетных и журнальных публикаций Голлербаха — они создавались автором для другого и выполняли другие функции. «Самообнаружениями» становилась лишь часть публиковавшихся текстов, основное же русло подлинной творческой деятельности писателя пролегло вне зоны общественного внимания, и ее результаты, по большей части, не были рассчитаны на обнаружение. Значительное число существенных в личностно-содержательном плане текстов осталось не опубликованным. Сюда относятся дневники Голлербаха, ведшиеся много лет, но сохранившиеся лишь частично⁷, а также «литература для себя» — в том числе последняя, итоговая для автора книга «Meditata»⁸ — обширный сборник эссе, воспоминаний, литературных фрагментов, написанных по разным поводам и на разные темы, но естественно слагающихся воедино.

Эти работы, конечно, не являются «философскими трактатами», однако они позволяют понять систему взглядов Голлербаха, которая должна быть определена как оригинальная и внутренне цельная персоналистическая идеология, не претендующая на статус универсальной философской системы, но при этом явно имеющая собственное значение.

Взгляды Голлербаха — философия индивидуального существования. Основная ее проблематика была обозначена уже в первом печатном вы-

⁵ Письмо от 18 мая 1932. Цит. по: Купченко Вл. «А все-таки — север роднее» // Нева. 1991. №3. С.186. Еще в письме от 2 июня 1925 к Волошину Голлербах выразил подобное ощущение несоответствия должного и реального: «У меня почти все в жизни складывалось "не так", как я считал нужным, я всегда твердил себе "не то, не то"» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.428. Л.80б.).

⁶ [Голлербах Э.] Портреты современных писателей // Вешние воды. 1918. Т.ХХХI-ХХХII. Январь—февраль. С.42. (Подпись: Э.Г-бах).

⁷ Дневники за 1935-1941 (с перерывом за конец 1935 — осень 1936) хранятся в архиве семьи писателя.

⁸ Хранится там же.

ступлении Голлербаха — статье «Ценность индивидуализации»⁹, так или иначе затрагивалась им в переписке с В.В.Розановым, Н.А.Бердяевым, З.Н.Гиппиус и др.¹⁰ Творческая личность, пребывающая в пределах созданного творческим усилием мира и самостоятельно определяющая свое пребывание в системе предназначенных ей координат, — основной объект размышлений Голлербаха. Характерно, что многообразные внешние факторы, воздействовавшие на ход этих исканий, не деформировали исходных установок, а итоговая книга «Meditata» отвечает именно на те вопросы, что были поставлены Голлербахом в его самой первой публикации. И ответы, вероятно, представляют не только частный интерес.

Детальное рассмотрение этой системы требует отдельного исследования, но некоторые ее черты явственно проступают в публикуемом здесь очерке о М.А.Волошине — несмотря на отсутствие в тексте какого бы то ни было специфически философского жаргона. В этом заключается важное значение публикации. Кроме того, предлагаемый очерк дает новые сведения о Волошине, о его жизни в последний период, а также о взаимоотношениях коктебельского отшельника и Голлербаха.

Первая их встреча состоялась весной 1924 в Петербурге, только что получившем советское имя Ленинград, — об этом позднее Голлербах рассказал в воспоминаниях о Волошине¹¹. В 1925 он провел две недели в «Доме поэта» в Коктебеле, весной 1927 состоялась новая встреча на берегах Невы. С 1925 по 1932 шла переписка, сохранилось двадцать четыре письма Голлербаха к Волошину¹² и восемь писем Волошина к Голлербаху¹³. (Подробности взаимоотношений двух деятелей культуры изложены в статье В.П.Купченко «А все-таки — север роднее»).

Публикуемый очерк о Волошине имеет свою предысторию. 14 июля 1925 Э.Ф.Голлербах писал Волошину:

/.../ И.Г.Лежнев¹⁴ предложил мне написать для «России» очерк о Коктебеле в плане *литературно-бытовом*. Я несколько смущен, — вот мои вопросы:

⁹ [Голлербах Э.] Ценность индивидуализации // Северный гуслир. 1915. 11 марта. №6. Стлб.41-48. (Подпись: Э.Г.).

¹⁰ См.: Письма В.В.Розанова к Э.Ф.Голлербаху / Подг. текста, публ. и коммент. Е.А.Голлербаха // Звезда. 1993. №8. С.98-137 (письма Голлербаха к Розанову хранятся в РГАЛИ и собрании М.С.Лесмана); Письма Н.А.Бердяева к Э.Ф.Голлербаху / Вступ. статья и публ. А.Б.Блюмбаума и Г.А.Морева; коммент. Г.А.Морева // Минувшее: Ист. альманах. Вып.14. М.; СПб., 1993. С.397-413. Письма З.Н.Гиппиус к Голлербаху хранятся в ОР РНБ.

¹¹ См.: Голлербах Эрих. «Он был более знаменит, чем известен» // Воспоминания о Максимилиане Волошине / Сост. и коммент. В.П.Купченко и З.Д.Давыдова. М., 1990. С.501-505.

¹² Двадцать два из них (25 апреля 1925 — 30 июля 1930) — в ИРЛИ (Ф.562. Оп.3. Ед.хр.428) два (18 и 25 мая 1932) — в Доме-музее М.А.Волошина в Коктебеле (А.1071 и 1072).

¹³ См.: ОР РНБ. Ф.207. Ед.хр.24 (Письма от 18 апреля 1925 — 6 мая 1930).

¹⁴ Исая Григорьевич Лежнев (Альтшулер, 1891-1955) — литературный критик, публицист, редактировал московский сменовеховский журнал «Россия» («Новая Россия», 1922-1926).

1) можно ли давать «портреты» вполне конкретные или принять полубеллетристическую форму и не конкретизировать «действующих лиц» (придумав для них «псевдонимы» или ограничиваясь инициалами)?

2) можно ли цитировать некоторые записи коктебельских впечатлений и *неизданные* стихи, имеющиеся в литературном архиве Коктебеля?

Так наз[ываемая] литературная этика понимается и толкуется разными людьми столь различно, что в данном случае, близко касающемся Вас, мне важно знать *Ваше* мнение¹⁵.

В письме от 20 июля 1925 Волошин отвечал:

Дорогой Эрик Феодорович, ради Бога убедите Лежнева не давать *никакой* статьи о Коктебеле, ибо это может быть губительно для всего моего дома и дела. У меня (вернее, у моего имени) слишком много журнальных врагов, и всякое упоминание его вызывает газетную травлю¹⁶.

Не надо забывать, что вся моя художеств[енная] колония существует не «de jure», а лишь попустительством, и ее может сразу погубить первый безответственный журнальный выпад, который, немедленно, последует за статьей обо мне или о Коктебельском доме, особенно если она будет сочувственна.

Я не сомневаюсь, что, написанная Вами, она будет тактична, художественна и документированна, и мне было бы очень дорого и ценно, чтобы весь этот материал нашел место в Ваших мемуарах. (К скромности ложной и преувеличенной у меня такая же антипатия, как и к честолюбию).

И в этом случае я, конечно, считаю «конкретные портреты» приемом несравненно более ценным, чем безымянную беллетристику с «псевдонимами» и «ин[и]циалами».

Из «неизданных» стихов тоже не думаю делать тайны.

Но сию минуту *всякое* печатное упоминание о Коктебеле чреватое угрозами его существованию.

Поэтому очень прошу Вас убедить Лежнева отказаться от своей мысли дать статью о Коктебеле. Но если это (к моему глубокому огорчению) окажется *неизбежным* (кто знает психоло-

¹⁵ ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.428. Л.10.

¹⁶ Среди идеологических нападков на творчество Волошина назовем: Родов Семен. Дело обстоит куда хуже // Труд. 1922. 3 сентября. №196. С.3; Лелевич Г. По поводу стихотворного отдела «Красной Нови» // Молодая гвардия. 1923. №1(8). С.273; Таль Б. Поэтическая контрреволюция в стихах М.Волошина // На посту. 1923. Ноябрь. №4. Стлб.151-164; Сосновский Л. О «Всемирной иллюстрации» // Правда. 1923. 2 сентября. №197. С.7; Скуратов Б. Кое-что о «незаслуженной славе» Максимилиана Волошина: (Письмо в редакцию) // На посту. 1924. Май. №1(5). Стлб.297-300; Коротков Н. [Рец. на кн.:] «Недра»: Книга шестая. М., 1925 // Рабочий журнал. 1925. №3. С.156-157.

гию редакторов!), то, конечно, я предпочел бы, чтобы статья была написана Вами, Эрик Феодорович.¹⁷

Эта явная двойственность желаний («и хочется, и колется») могла поставить в тупик — тем более, что Голлербах уже подготовил материал. 28 июля 1925 он писал Волошину:

Дорогой Максимилиан Александрович, — Ваши пожелания я считаю для себя обязательными: если Вы не хотите видеть в печати статью о Коктебеле, она *не* появится. Не скрою, что для меня это огорчительно. Статья, кажется, удалась, что случается не часто. Написана она «с размахом», искренно и горячо. Это не только мое ощущение. Впрочем, отзывы о моем «Коктебеле» довольно разные: одни считают статью апологией, другие усматривают чуть ли не сатиру. Я не вижу ни того, ни другого: писал без всякой «программы», писал о том, что видел и переживал!¹⁸.

22 ноября Волошин вновь касается этой темы:

.../ мне хочется извинит[ь]ся перед Вами за мое «veto» на Вашу статью о Коктебеле. Если бы дело шло о моей личности — то тут бы не могло быть никаких «veto» — я этого себе никогда не позволял и не позволю. Но «Волошинский Дом» — это не я.

¹⁷ ОР РНБ. Ф.207. Ед.хр.24. Л.2об.-3.

¹⁸ ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.428. Л.11-11об. Упомянутые Голлербахом отзывы о его статье прозвучали, вероятно, в литературном кружке, собравшемся в то время в Царском (Детском) Селе у В.И.Кривича (Анненского). Согласно воспоминаниям вдовы старшего брата Голлербаха Л.А.Голлербах:

Дом Анненских был последним литературным салоном Царского Села. У них собирались писатели, поэты, художники; читали свои произведения, вели беседы о различных проблемах «большого» искусства. Из посетителей упомяну ныне покойных Разумника Иванова, очень редко старика Сологуба, В.Рождественского, несколько раз Алексея Толстого, Эрика Голлербаха и рано погибшего в тюрьме писателя Скалдина. Приходили и художники, среди них Петров-Водкин. Но салон просуществовал недолго. В один прекрасный день явился агент Чека, переписал фамилии всех посетителей и долго и со скрытой угрозой допрашивал, зачем и для чего собираются. Салон закрылся. Продолжать было бы слишком большим риском. Несколько позже хотел создать салон живший в Царском Селе артист Ершов. Но никто не шел — все боялись. Был салон и у писателя Шишкова, но там собиралась «своя братия» — писатели, мыслящие по-советски.

(цит. по рукописи, хранящейся в архиве семьи писателя. Л.4-5). В комментируемом письме Голлербаха к Волошину сообщалось: «.../ Ек.Вл. [Голлербах, урожд. Колесова, в то время жена автора] читала эту статью в кружке друзей, — слушали ее Иванов-Разумник, Кривич и прочие наши царскосельские друзья. Много говорили о Вас, и говорили с любовью» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.428. Л.11об.). Некоторое время спустя, в письме от 15 апреля 1926, Голлербах замечал: «Часто вспоминаем Вас в нашем кружке (— Рождественский, Кривич, Белкин и др.)» (Там же. Л.23).

А целый коллектив. Я посоветовался с друзьями и получил определенные инструкции: пусть лучше никто и ничего не пишет в печати — кто-нибудь подхватит, начнется травля, и тогда не отстоите. Только поэтому, я позволил себе просить Вас ничего не писать о Коктебеле. Хвалить и ругать одинаково опасно в этих случаях. Вот писать обо мне, что я хожу без штанов, в античном хитоне и венке¹⁹ — это безопасно и полезно... Но ведь *этого* Вы не стали бы писать?

Но мне все-таки лично очень и очень интересно Ваше впечатление Коктебеля, и если у Вас сохранилась случайно копия или дубликат — пришлите мне, хотя бы для прочтения²⁰.

Еще летом 1925 была опубликована серия очерков М.А.Булгакова «Путешествие по Крыму», где был запечатлен (довольно поверхностно и без упоминания Волошина) и Коктебель²¹. В письме Волошину 1 декабря 1925, вспоминая эти «фельетоны», Голлербах отмечал: «/.../ в них было больше рассуждений о превратностях погоды, чем о коктебельском быте». И продолжал: «Исполняя Ваше желание, воздерживаюсь от опубликования моего, "насквозь" бытового очерка о Коктебеле; я Вам его пришлю, как только соберусь отдать его в переписку (первый переписанный на машинке экземпляр застрял в Москве)»²². Похоже, однако, что статья так и не была послана Волошину. И по-видимому, эта же самая статья была после смерти поэта переработана в доклад.

Стоит отметить, что публикуемый здесь текст написан весьма раскованно, почти без оглядки на цензуру (если не считать «пинка» белогвардейцам, «окровавившим Тавриду»: о куда более кровавом красном терроре упоминать было бы самоубийственно). Вдохновенно и одновременно точно автор описывает и пейзаж Коктебеля, и быт этого приюта писателей, и самого Волошина — как внешний его облик, так и духовный, переходящий в миф, образ. Именно Голлербах впервые отметил такие качества Волошина, как органическую, без всякой цели, щедрость духа, «мировое единство» поэта, его не разгаданную никем «тайну». Некоторые из этих качеств назвала М.И.Цветаева в своем проникновеннейшем очерке о Волошине «Живое о живом» — но Голлербах тогда не мог его знать²³. Наконец, весьма точной оказалась реплика о конце Ясной Поляны, со смертью ее владельца превратившейся в «музей Толстого», — не

¹⁹ Обычная манера изображения Волошина в предреволюционной печати. См., напр.: Меч Р. [Менделевич Р.А.] М.Волошину // Московская газета. 1913. 18 февраля. №238. С.4; Вильде Н. Кризис рассудка // Голос Москвы. 1913. 17 февраля (2 марта). №40. С.4.

²⁰ ОР РНБ. Ф.207. Ед.хр.24. Л.5-50б.

²¹ 27 июля 1925 в вечернем выпуске «Красной газеты» был помещен очерк «Выбор курорта» (с главкой «Коктебельская загадка»), а 3, 10, 22, 24 и 31 августа были напечатаны очерки «Путешествие по Крыму» (глава «Коктебель. Фернамписки и лягушки» — 22 августа).

²² ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.428. Л.16-160б.

²³ Первая публикация: Современные записки (Париж). 1933. Кн.ЛII. С.238-261; 1933. Кн.ЛIII. С.215-250.

случайно, думается, поставленная в начале текста. Такая же точно судьба уготована была волошинскому Дому — правда, благодаря вдове поэта отсроченная на сорок пять лет²⁴. Лишь со смертью М.С.Волошиной в декабре 1976 «Дом поэта» стал превращаться в музей, «отошел в прошлое» как живое литературно-художественное гнездо...

Очерк публикуется по авторской рукописи, хранящейся в Доме-музее М.А.Волошина в Коктебеле. Согласно помете автора, текст был прочитан в 1932 на собрании ленинградских художников, посвященном памяти Волошина.

1

Была некогда — «Ясная Поляна». Не имение только, не барская усадьба, не «дом великого писателя», но некий комплекс литературных явлений. «Ясная Поляна» давно, еще в конце минувшего века перестала быть понятием эмпирически-территориальным, она выросла в огромный символ.

Сейчас «Ясной Поляны» нет. Она отошла в прошлое, стала «историей литературы». Есть «Музей Толстого», могила Толстого. Есть усадьба в Тульской губернии, но в литературе «Ясной Поляны» не стало.

Новые комплексы бытовых явлений возникают в литературе, новые группировки. Иные из них рождаются «беззаконно»¹ самой жизнью. Не под вывеской литературной партии, не под кличкой кружкового объединения, а «просто так». Не вокруг «идеи» или «программы», а вокруг «Человека и места».

Таким местом-символом была «башня Вячеслава Иванова»². Таким был Дом Искусств, Дом Литераторов, Вольфила³. Есть маленькие города, имения, местечки, становящиеся эпохой, школой, стадией в истории литературы и искусства. В этом плане могут быть написаны и уже появляются целые книги о б. Царском Селе, Абрамцеве, Муранове, Шахматове⁴. В этом же смысле был примечателен Коктебель.

Пилигримаж в Коктебель, ставший как бы литературной традицией, имеет, конечно, совсем иные мотивы, чем паломничество в знаменитую тульскую усадьбу. Сравнение Коктебеля с Ясной Поляной было бы неверно и неудачно, хотя бы уже в смысле «масштаба» и «резонанса»⁵. Ближе к истине было бы сравнение с вил-

²⁴ Мария Степановна Волошина (урожд. Заболоцкая, 1887-1976), вторая (с 1922) жена поэта (официально брак оформлен в 1927). Сохранила наследие Волошина, оставаясь в «Доме поэта» и в период немецкой оккупации Крыма; постоянно пропагандировала личность и творчество покойного мужа.

лой Саид, где расточал свои блестящие сентенции и парадоксы «господин Бержере»⁶. Но там был другой фон, другой быт; за Коктебелем нужно признать *свое* лицо.

Что же такое Коктебель? И в чем его «литературная роль»?..

...Плоские желтые горы. Камень, песок. Широкая дуга синезеленого залива. Зной и ветер, — несносный, настойчивый нордост, вселяющий тревогу, отгоняющий сон, вздымающий волны морские и волны тоски нагоняющий⁷. Желто-серые горы, пески сыпучие, редкие кусты шиповника, серебристая полынь, — горькая, скорбная, суровая Киммерия⁸. Давно покинутая чужеземными любовниками, она привлекает к себе новых, — как вожделеющая женщина с жадной нежностью приемлет она пришельца в жаркое свое лоно, томя и волнуя близостью перевозданного восторга.

Здесь все говорит о сладостной, но чуть раздражающей неизбежности античных реминисценций. Чистота, строгость и несравненная стильность пейзажа возвращают мысль к временам Одиссея. Мерный разбег гекзаметра слышится в шуме прибоя, и каждый парус вдаль кажется вестником Эллады⁹.

Здесь вековая тишина. В янтарном зное зыблется отстой столетий. Небо, море и горы. Жалкие деревья, жалкая трава, полусожженная палящим солнцем. На плоском берегу десятка два домов. Один из них у самого моря — «Castellum Maximilianum»¹⁰ — обитель поэта и «дом отдыха» для писателей, художников, ученых. Это не «дом отдыха» в обычном смысле слова. Не знаю, какое название придумать вольному содружеству, из лета в лето населявшему этот дом; говоря *cum grano salis*¹¹, его можно было бы назвать *академией*, в том позабытом смысле слова, какой знавала древняя Греция¹²... Разве сам хозяин этого дома не походил на учителя мудрости? Дородный стан, облеченный в подобие туники; венки густых седеющих кудрей, охваченный узким ремешком, босые ноги в сандалиях; размеренная речь и неспешная поступь.

Не все же эллины напоминали Антиноя, — были и тучные, бородатые подобия Силена, — к таким монументальным, силенообразным людям принадлежал и владыка Коктебеля¹³.

Владыка Коктебеля — это звучит каким-то феодально-королевским отголоском. И все же это так.

Без Максимилиана Волошина немислимо представить себе Коктебель. Он мог бы сказать, перефразируя афоризм гордого Людовика, — «Коктебель — это я»¹⁴. Долгие годы прожил он здесь и так проникся духом Киммерии, так пропитался всей соленою влагой морской, горьким духом полыни, солнцем и ветром,

так «вжился» в эту природу, столько раз им воспетую в стихах полнзвучных и красочных, что, в самом деле, стал каким-то киммерийским божеством, которому подчинились стихии и покорились люди. Эту мысль, точнее, это ощущение выразил В.Я. Брюсов, незадолго до своей смерти гостивший в Коктебеле и написавший там, в день именин Волошина, стихи, ему посвященные¹⁵.

Уезжая из Коктебеля, Брюсов оставил запись своих впечатлений в книге, для этого предназначенной¹⁶. Вот его строки, очень характерные для него и отражавшие настроения, навеянные Коктебелем:

«Коктебелю и его радушным хозяевам, Марии Степановне и Максимилиану Александровичу, я навсегда признателен за то, что после Тавриды узнал Киммерию, край суровый и прекрасный, край многотысячелетней древности и край, где заглядываешь в будущие века, пустыню, где таится жизнь, разгадать которую — великое счастье. Без дружеского призыва М.А. Волошина я не попал бы в эту землю, без его проникновенных стихов и спокойно вдохновенных объяснений не понял бы ее, без свободного уюта, созданного М.А. и М.С., не сумел бы жить в ней столько, чтобы угадать, — скорее предчувствием, чем уже знанием, — ее мировое величие. Дни, проведенные мною впервые в Коктебеле, проводят новую четкую черту в моей жизни»¹⁷.

Этот патетический отзыв о Коктебеле совпадает с «туземными» настроениями: всякий истинный коктебелец считает, что только здесь можно познать подлинный Крым. Волошин был твердо уверен (и обнародовал эту уверенность в одном из путеводителей по Крыму), что южный берег — это «плохонькие олеографии», и кому они нравятся, тот не понимает и не знает подлинного Крыма, постигаемого только в Киммерии¹⁸.

Патетичен и отзыв Андрея Белого о Коктебеле, в той же книге записей:

«Коктебель остается в памяти моей прозрачным, как опрозраченный солнцем камень; вся атмосфера здесь — невидимый, сияющий мозаикой храм, осыпающий свои камушки и дарящий. Здесь я постиг тайны сочетания красок в колорит; и здесь же мне стало ясно, что человек должен стать в отношении к человеку, как камень к камню; я слагал здесь камни в узоры; я встречался с людьми; и прекрасные узоры человеческих отношений слагались в моем сознании; я увожу в своем сердце память о ряде мне ставших близкими людей; и я увожу отсюда прекрасные камни. Мне открылась тайна строительства»¹⁹.

Кто из людей искусства и литературы не побывал в Коктебеле? Кто не знает легенд и анекдотов коктебельского быта, кото-

рые могли бы составить целый волюм? Но самое яркое впечатление этой жизни разве не образ Волошина?

Вспоминаю дальние прогулки в горы, восхождение по извилистым тропинкам среди колючих кустарников, карликовых дубов, по безграничным коврам полыни. Впереди всех — дородный, тучный вожатый, с удивительной легкостью преодолевающий многоверстные пространства. Шагая мягкой, размеренной поступью, едва касаясь посохом земли, он не устает повествовать о своей сурово-прекрасной, пустынной Киммерии и о тысяче других явлений и вещей, непостижимым образом укладывающихся в его памяти легко и просто, как книги на полке.

Вспоминаю чудесный путь на парусной лодке к подножью Карадага, к этому «окаменелому костру»²⁰, где под огромными черными складками гор, похожими на преломленные шестикрылья каких-то скорбных демонов²¹, таятся мрачные расщелины, напоминающие головинские декорации подземного царства в «Орфее»²². У «врат Одиссея» — синяя, как сапфир, тяжелая, густая вода²³; прозрачные качаются в ней молочно-хрустальные колокола медуз; дальше — «Разбойничья бухта»²⁴ с глупыми и смешными надписями на скалах — попытками туристов оставить ненужную память о себе даже здесь, на безлюдном берегу.

Вспоминаются десятки милых подробностей, то мелко повседневных, то глубоко значительных событий коктейльской жизни, — события, уже вырастающих в мифы, а иногда застывающих в лужице обыкновенной литературной сплетни.

Настанет пора, когда можно будет написать картину коктейльского быта, беря с палитры какие угодно, вернее, — какие нужно, краски: картина эта послужит только фоном для портрета Волошина, ставшего синонимом Коктебеля.

Когда человек долго живет на одном месте, он как бы проникается всеми испарениями почвы, всеми зримыми и незримыми образами, этому месту присущими, и сам проникает их своими флюидами.

И еще: есть в Коктебеле странное, волнующее сочетание милого эстетизма с космической жутью: кабинет и мастерская Волошина, похожие на маленький музей, убранство комнат, простое, бедное, но исполненное какого-то уже чуть старомодного модернизма и настоящей изысканности, — где же это? В глухом углу восточного Крыма, на берегу моря, в кольце обнаженных суровых гор, где неустанный ветер стонет и воет о тысячах загубленных, замученных душ, где не так давно смыты дождями следы обильно пролитой крови и где всякая речь о культуре кажется гласом вопиющего в пустыне.

Там, только там, в контрасте «комнатного» уюта, наваянно-го «декадентским» Парижем, и одичалой, великолепной природы, могло возникнуть и расцвести творчество Волошина.

2

Биография М.А.Волошина-Кириенко не сложна, но колоритна, как и он сам. Он «не просил иной судьбы у неба, чем путь певца»²⁵, но небо послало ему и ясномыслие философа, и пронизательность ученого, и, под конец, мастерство живописца. Летопись этой полноценной и насыщенной жизни должна быть написана и, вероятно, будет написана, рано или поздно. Здесь же напомним только внешние вехи.

М.А.Волошин родился 28 мая 1877 г.²⁶ в Киеве, — в Духов день — обстоятельство, которому он придавал высокое значение и которым дорожил (считая свой день рождения «переходящим», он праздновал его в зависимости от того, на какое число приходился день св.Духа). Отец поэта происходил из рода запорожских казаков, мать была остзейского происхождения. М.А. рано лишился отца и не помнил его. Сохранилось предание, что отец М.А. послужил Льву Толстому прототипом для образа Стивы Облонского. Известно также, что Волошин-отец в юности писал стихи. Мать М.А., Елена Оттобальдовна — «праматерь» или «пра», как сокращенно называл ее сын, имела большое и благотворное влияние на развитие сына.

С двенадцати лет М.А. начал писать стихи и с тех пор писал их почти регулярно, но понемногу. Учился он сначала в Поливановской, потом в Феодосийской гимназиях и в Московском университете, на юридическом факультете; университетского курса не кончил: как «политически неблагонадежный» он был выслан в Ташкент²⁷. С тех пор начались годы странствий, частично оправдавшие мечту поэта — «пройти по всей земле»²⁸. В 1900 г. он совершил путешествие по Средней Азии (в связи с ссылкой), затем исходил пешком почти всю Испанию, Балеарские острова, Грецию, Альпы и Пиренеи²⁹.

В период 1899-1909 гг. он подолгу жил в Париже; до 1915 г. жил попеременно то в Париже, то в Коктебеле, изредка в Петербурге; с 1918 г. жил в Коктебеле постоянно, ненадолго покидая его для поездок в Москву, в Ленинград, в Харьков.

Печататься Волошин начал в 1900 г., выступив в «Русской мысли» со статьей по поводу перевода Бальмонтом «Потонувшего колокола» Гауптмана³⁰.

В 1910-1914 годы — годы наибольшего «шума» вокруг имени Волошина, расцвет «московских» салонов, слава петербургского «Аполлона», газетная полемика и знаменитая дуэль поэтов, благородная по мотивам и трагикомическая по характеру³¹.

Характерно признание М.А. в автобиографии, написанной для книги Фидлера «Первые литературные шаги» (1911), что путешествовал он «не как литератор», а как художник: смотрел на живопись как на подготовку к художественной критике и как на выработку точности эпитетов в стихах³².

«Раньше, чем написать пейзажное стихотворение, — записывал все слова и предметы данных оттенков, чтобы выработать надлежащее соотношение»³³. В литературном плане Волошин испытал значительное влияние новых французских поэтов, особенно Вилье де Лиль-Адана, Эредиа и Анри де Ренье. Из русских классиков ему особенно был дорог Пушкин, а из поэтов эпохи символизма — Вячеслав Иванов, с музой которого его связывает общая любовь к античности и глубокая эрудиция, при всем различии поэтических приемов³⁴.

Сотрудничая в «Аполлоне», в «Русской мысли», в газете «Русь» и других органах, Волошин выступал не только как поэт и переводчик, но и как искусствовед, художественный и театральный критик.

Следует особенно остановиться на критическом творчестве Волошина. Прежде всего, оно само по себе является искусством. Критик в нем проявляет себя как художник, — в своих приемах он оправдывает приемы Уайльда, в своем подходе к произведениям искусства — напоминает Гонкуров, Готье и других блестящих представителей французской критики, творчество которых не могло не оказать влияния на Волошина, долго жившего в Париже и близко приобщившегося французской культуре.

Большого влияния на русскую художественную культуру Волошин не имел, — он никогда не был «солнцем», подобно Пушкину нашего искусствознания — Александру Бенуа, вокруг которого как бы вращались все события художественной жизни³⁵. Его воздействие на «положение вещей» было, вероятно, не сильнее, чем влияние К.Эрберга (Сюннерберга) или Я.Тугендхольда. По-видимому, даже С.Маковский или С.Глаголь играли более заметную роль в художественных кругах того времени, чем Волошин³⁶.

Но — не в этом дело. Мы знаем, что не популярностью и не влиянием измеряется значение писателя. Пусть даже никогда не будут собраны воедино художественно-критические очерки Волошина³⁷, они сделали свое дело; в кругу избранных ценителей искусства они не прошли незамеченными; многие взгляды и оценки

критика усвоены как глубокая правда и многие мысли его приняты нами, во всей их парадоксальности, как блестящие остроумного и своеобразного ума³⁸.

Первая искусствоведческая статья Волошина появилась в журнале «Весы» в 1904 г.³⁹; почти одновременно началось его сотрудничество в журнале «Золотое руно» и в петербургской газете «Русь»⁴⁰. Писатель откликался на все значительные явления художественной жизни, тяготел к наиболее культурным и утонченным ее формам, связанным с деятельностью «Мира искусства». В упомянутых журналах встречаются его статьи о Борисове-Мусатов, Врубеле, Якунчиковой, Богаевском. Позже в «Аполлоне» появляются его очерки, посвященные Голубкиной, Сарьяну, снова Богаевскому, Сапунову, Сурикову.

Живя в Париже, Волошин осведомлял русскую публику о французских живописцах, тогда еще мало ведомых и слабо ценимых в России, — о Тулуз-Лотреке, Клоде Моне, Гюставе Моро, Сезанне, Ван Гоге, Гогене, Морисе Дени, Каррьере и др. (см. «Письма из Парижа» в «Весах», «Золотом руно» и «Руси»)⁴¹.

Период 1904–1914 гг. был для Волошина особенно плодотворен в смысле художественно-критической деятельности. Немало писал он в это время и о театре, главным образом — французском. Параллельно все время продолжалась его критико-литературная работа.

Отметим, что к началу девятисотых годов относятся и первые еще робкие графические опыты Волошина; первой попыткой этого рода была надпись на сборнике «Северные цветы» (издательства «Скорпион»), сделанная в дополнение к старинной репродукции⁴², затем последовал ряд виньеток и других, более значительных работ — графических и живописных; много лет спустя, в начале двадцатых годов, снова с большой силой пробудилась в писателе страсть к искусству, выразившаяся в длительном и плодотворном увлечении акварельным пейзажем⁴³. Интересно отметить это соединение «теории» и «практики», как явление характерное для многих художественных критиков, близких к «Миру искусства» (наиболее заметные в этом плане явления — Александр Бенуа, Н.Радлов, И.Грабарь, С.Яремич).

Нельзя не пожалеть, что крупнейшая искусствоведческая работа М.А.Волошина — монография о Сурикове все еще не появилась в печати полностью: в «Аполлоне» им были помещены только материалы к биографии Сурикова⁴⁴.

Неувядающий интерес представляют, на мой взгляд, некоторые теоретические статьи Волошина, исполненные блестящей парадоксальности и какой-то чисто французской элегантности, та-

ковы «Магия творчества» («Весы»), «Чему учат иконы?» («Аполлон»)»⁴⁵ и т.д.

Немалый переполох в художественных кругах произвело в 1913 г. выступление Волошина в связи с покушением на картину Репина «Иван Грозный»⁴⁶. Волошин выступил с лекцией на тему: «О смысле катастрофы, постигшей картину Репина» (лекция эта была напечатана)⁴⁷, в которой доказывал, что Репин в своей картине переступил допустимые границы натурализма, что это произведение опасное в общественно-психологическом отношении, что не Балашев⁴⁸, изрезавший картину, заслуживает осуждения, а Репин. Вскоре Волошин выступил на диспуте «Бубнового валета» с лекцией «О художественной ценности пострадавшей картины Репина», где развенчивал ценность этого столь нашумевшего в свое время произведения⁴⁹. Попутно критик дал удачные определения и разбор понятий натурализма, реализма и импрессионизма. Ссылаясь на профессора художественной анатомии Ландштерта, в свое время (1885) сделавшего уничтожающий анализ картины Репина⁵⁰, и приводя ряд собственных доводов, Волошин утверждал, что картина должна быть спрятана как вредное, дурное произведение. Наконец, в статье «Психология лжи» Волошин дал сводку бестолковых, нелепых и грубых нападок, вызванных его лекциями. Весь материал, связанный с репинской картиной, собран в книге Волошина «О Репине»⁵¹.

Стихи Волошина впервые вышли в свет отдельной книгой в 1910 г. (издательство «Гриф»). Они были восприняты в свое время с таким же интересом, с каким принимали передовые читатели стихи Брюсова, Бальмонта, Вячеслава Иванова, Сологуба⁵².

3

Много лет тому назад, написав для «Жизни искусства» статью о Максимилиане Волошине, я назвал эту статью «Поэт-ювелир»⁵³. Тогда мы еще не знали последних стихов Волошина, до нас не дошел еще цикл «О России» и другие стихи, вошедшие в изданную книгу «Неопалимая купина»⁵⁴. Передо мной были только стихотворения, изданные «Грифом», давно знакомые и любимые, прекрасные своей чеканной, ювелирной отделкой, отливающие всеми цветами радуги, всеми оттенками драгоценных камней. Эти вполне «парнасские» стихи, отшлифованные так бережно и тщательно, насыщенные нежным пристрастием к «ювелирным» метафорам и параллелям, слегка холодноватые стихи культурнейшего «коммивояжера» (прозвище, придуманное Зинаидой Гиппиус)⁵⁵, эти стихи прежнего Волошина давали основание к

термину «поэт-ювелир» (без всякого намека на ремесленничество, без тени порицания).

Но вот — пятнадцать лет отсутствовавший, затерявшийся в глухом краю восточного Крыма, в любимом своем Коктебеле, — Волошин дважды посетил — в 1924 и в 1927 годах — город Медного Всадника, вернулся к берегам Невы, и вновь на сборищах литературных зазвучал его голос, повествующий на сей раз не о рубинах, опалах и хризолитах, не о Лувре и готических соборах и даже не о киммерийских сумерках, а только о России, об одной России многострадальной, о ее страстном пути, о том невероятном, что пришлось пережить поэту в окровавленной белогвардейцами Тавриде⁵⁶.

Весной 1925-го слушал я эти стихи на их родине, в Коктебеле⁵⁷, и еще больше проникся их художественной силой. Забуду ли слабый свет керосиновой лампы, огромные зыбкие тени на выбеленных стенах высокой комнаты, ровный мерный шум моря, и за окнами, в черном небе — золотые руны созвездий. Вокруг поэта, шелестящего листами исписанной бумаги, — согбенные фигуры, уходящие в полумрак, полулежащие, сидящие, где-то притулившись.

Ковры, драпировки и книги, книги, книги. В нише — огромная голова царевны Таях с таинственной ее улыбкой. Легкое дребезжание окон под налетами неустанного ветра. И — плавный разбег ямбов, твердый стук хореев, медлительная поступь анапестов.

...Забуду ли весенний вечер на веранде, венчающей крышу дома, когда над морем, над горами шла бесшумная гроза и ослепительные зарницы вспыхивали над горизонтом, когда казалось, что там, за хребтом гор, лежит страна, объята пожаром, когда звучали стихи, похожие на зарницы...

Простые и страшные стихи.

Другой, совсем другой Волошин, новый, невиданный⁵⁸. Внешний облик тот же: те же кудри, густо запорошенные сединой, борода, тонко очерченный рот. Пристальный, но не упорный, мягкий взгляд зеленоватых глаз. Может быть, жрец Диониса, а может быть, московский иерей, похожий, по острому слову О.Д.Форш, на «дурное изображение Зевса»⁵⁹. Или, еще проще — разудалый ямщик?

Надеть бы армяк, подтянуться цветным кушаком и погнать лихую тройку, куда глаза глядят! Но — сдержанные жесты и речь, размеренная строго, и стекла пенсне говорят о том, что не буйный скиф перед вами, не «русак», вроде кудрявого, кучерявого Есенина или блаженно-юродивого Клюева, а человек городской, комнатной культуры. Французские словечки с отменно хорошим про-

изношением пересыпают речь его не чаще и не реже, чем следует.

Променив городскую жизнь на дальний Коктебель, где «зной, и камни, и сухие травы»⁶⁰, Волошин не забыл хмель ночного Парижа, древние храмы Москвы, гранитное величие Петербурга. Пленник солнца и моря, в пустынных горах Тавриды он не чувствовал себя одиноким и заброшенным: сознанием напряженной, неослабной связи со всей страной, со всем народом, со всем миром проникнуты его последние стихи. «Всенародно, всемирно всезвездно»⁶¹ повествуют они о страшных годах испытаний.

Безмерной любовью к родине, неисчерпаемой нежностью проникнуты стихи поэта о России: «Русская революция», «Русь гуляющая», «Благословение». И даже жуткие «Личины», картины убоицы, террора и голода проникнуты воспоминанием и всепрощающим чувством искупления. Поэт верит, что «из крови, пролитой в боях, из праха обращенных в прах, из мук казненных поколений возникнет праведная Русь»⁶². О ней он молится, к ней обращает свою патетическую готовность:

Я не сам ли выбрал год рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести, огня и вод?
Апокалиптическому зверю
Вверженный в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и в смраде — верю!⁶³

Поэт верит в правоту верховных сил, расковавших древний хаос⁶⁴. Пусть стал «человек человеку дьявол», «кровь — спайкой душ», борьба за жизнь — законом, пусть долгом стала месть⁶⁵. Поэт сохранил веру в преображение людей и «никогда еще не грезил он прекраснее и пламенной»⁶⁶.

4

Литературная критика привыкла расценивать работу писателя как товар. У нее не стало интереса к *лицу* человеческому, — а что может быть значительнее человеческого лица или, лучше сказать, *лика*?⁶⁷

Изучая в Коктебеле Волошина, я полюбил его лик, со всеми присущими ему изъянами и недочетами. В нем было все своеобразно: и какая-то гипертрофия дружелюбия и гостеприимства, гомерическое здоровье⁶⁸, неистощимое красноречие и хороший,

беззлобный юмор. Казалось, хватило бы на троих эдакой силы.

В своем творчестве, и литературном и живописном, Волошин прежде всего эрудит. Его стихам — «музейным», «гностицистским», «католическим» и всяким другим предшествует, с полной очевидностью, добросовестное изучение соответствующих научных работ. Любопытно признание Волошина, что его живописным исканиям предшествовало продолжительное и упорное изучение... метеорологии.

Неутомимая и прекрасно вооруженная мысль, феноменальная, неисчерпаемая память, умение жонглировать любой темой, переходя от замысловатого парадокса и причудливого гротеска к ошеломляющей простоте колумбова яйца, — все это делало Волошина исключительно ценным собеседником. В нем была какая-то беспредметная, отнюдь не назойливая щедрость духа — желание одаривать, обогащать людей (без особой цели), дарить им мысли, догадки, анекдоты и — акварели. Таков он и в своих письмах — превосходных образцах эпистолярного жанра.

В нем странно сочетались грузность и тучность с удивительной легкостью и подвижностью, — то и другое в буквальном и переносном смыслах. Физическая дородность, ставшая, может быть, одной из причин его гибели, не мешала ему совершать огромные прогулки или, например, исполнить балетный номер на вечере шуток. Так же точно тяжелый груз латинской культуры, многовековые напластования гуманитарной эрудиции не препятствовали его духу легко и свободно взлетать в эмпирии чистой лирики и мистических прозрений.

Все его творения артистичны, у него почти нет промахов и провалов, поэтому так легко подвести все его вещи под общий знаменатель и, по сокращению, получить внушительный итог.

Он был энциклопедичен и универсален, являя собой тот вымирающий тип писателя-эрудита, который становится величайшей редкостью, резко противоположной скороспелому профессионализму и узкой специализации. Если бы не врожденные черты какого-то духовного андрогинизма, мешающего полноценному раскрытию творческого зроста (Волошин сам признавал в себе андрогиническое начало), если бы, вдобавок, не особые условия места и времени, которые принято называть «независящими обстоятельствами», мы имели бы, может быть, в лице Волошина явление если не равное, то подобное Гете.

Тут есть какая-то тайна⁶⁹, разгадать которую до конца мог бы, пожалуй, только гений Розанова. Мужское начало (способ-

ность «оплодотворять») нейтрализовалось в Волошине способностью оплодотворяться, быть хронически беременным⁷⁰.

Он был из тех, в ком есть сознательная и постоянная связь с мировым единством, — и в этом смысле можно говорить о его олимпийском естестве, которое было, так сказать, полиморфным: не случайно даже внешность его не поддается какому-либо одному, исчерпывающему сравнению (Брюсову приходится называть и Агамемнона, и Амфитриона, и Орфея; Шервинский называет Зевса, Океана, Геракла и Асклепия)⁷¹; природа как бы забыла — или еще не успела поставить точку над тем *i*, за которым кроется *ignis*⁷², формообразующий огонь, о котором сказано «*igne natura renovatur integra*»⁷³.

5

Не только Коктебель отразился в творчестве Волошина, но сам Волошин как бы довременно отразился в природе Коктебеля: на западе в очертаниях скал явственно выделяется голова поэта, его профиль, очерк бороды, тяжелые щеки. Волошин слился с пейзажем Коктебеля. Из этого пейзажа исходят все его акварели — не копии природы, но как бы синтез «видения» и «видения».

В своих последних акварелях он старался как можно больше «дать говорить бумаге». Соблюдая максимальную экономию изобразительных средств, «разливая» акварель прозрачным, легким налетом, он достигал едва ли не тернеровской воздушности, прозрачности тона. Его облака сияют, воздух почти ощутимо колыхается и веет зноем, вся «кубатура» пейзажа насыщена светом. Особенно удавались художнику эффекты кучевых облаков, громящихся в высоком небе, за которыми прячется солнце, изливая не остро-желтые лучи, а мягкий рассеянный свет.

Пейзаж Коктебеля, его морщинистые коричневые плоскогорья, редкие купы коричневато-зеленых и желто-красных деревьев, крутые уступы скал, повисших над сине-зеленой равниной моря, — весь этот чудесный пейзаж нашел в акварелях Волошина проникновенного истолкователя, имя которого должно стоять в истории современного пейзажа вслед за именем Богаевского⁷⁴. Его этюды в целом не походят на «гобеленовые» картины Богаевского, хотя и близки к ним тематически, в них нет великолепной стилизации Богаевского, они мельче, но в них есть тот же «пантеизм». Иногда произведения Волошина сближает с работами Богаевского одинаковый колорит — оливково-коричневый, сероватый, какой-то удивительно глубокий и притягательный. Та-

ков на самом деле подлинный колорит Крыма (особенно восточного), нисколько не похожий на приторно-слащавые олеографии Крачковского или Клименко⁷⁵. И необычайные цвета Черного моря, особенно разнообразные в заливах, уловлены Волошиным вернее, чем это удавалось прославленному Айвазовскому, изображавшему в своих картинах (под конец — нестерпимо банальных) одну и ту же солнечно-лазурную гладь или великолепно бушующую пучину цвета бутылочного стекла⁷⁶.

Пейзажи Волошина — не протоколы, а свободные воспроизведения, сделанные по памяти: это придает им особую прелесть, усиливает элемент «настроения», сопровождающего процесс зрительного воспоминания.

6

Когда говоришь о Волошине — поэте и художнике, невольно сбиваешься на рассказ о Волошине-человеке. И это понятно, потому что профессия никогда не заслоняла в нем человека: напротив, его «человеческое» преодолеvalo и даже отрицало «профессиональное». Он был «служителем муз», не терпящим суеты⁷⁷ (а профессионализм не обходится без «суеты»). Есть мастера, все достояние которых в их мастерстве. Для Волошина и мастерство, как и все остальное, было не только достоянием, но и проблемой. И самого себя он, разумеется, ощущал как некий *vas spirituale*⁷⁸. Он был из той породы людей, которая создала Монтеня, Лабрюйера, Ларошфуко. Его слова следовало бы записывать: сколько аттической соли было в его беседах, сколько никем не подбранных крох упало с пиршественного стола этих бесед!⁷⁹

В его тирадах, в игре его мысли не было ничего навязчиво-дидактического. Он не был доктринером, агитатором и, тем более, не был «моралистом». Движения его мысли напоминали древнюю амазонку, которая любит играть своих могучих мускулов, мужественную женщину с повадками осторожного и ловкого зверя.

Он знал себе цену; одновременно он и хотел, чтобы о нем писали, и боялся этого. У него были основания для опасений — в одном из писем ко мне, 20 июля 1925 г. (как больно уязвляет мысль, что уже никогда не получишь этих узеньких, «дамских» конвертов, не увидишь больше этих тесно сжатых прямых букв!) он излагает свои соображения, прося повременить со статьей о Коктебеле и, все-таки, как бы настаивая на ней: «Я не сомневаюсь, что, написанная Вами, она будет тактична, художественна и документированна, и мне было бы очень дорого и ценно, чтобы

весь этот материал нашел место в Ваших мемуарах. (К скромности ложной и преувеличенной у меня такая же антипатия, как и к честолюбию)»⁸⁰.

История внутренней жизни этого человека (она *должна* быть воссоздана по его письмам, статьям, неизданным рукописям, среди которых есть автобиографический материал) явилась бы увлекательной летописью исканий поэта, художника, мыслителя⁸¹.

Говоря словами Сковороды, он «любил выслеживать тропинки истины и, встретив око ее, торжествовал и веселился сим незаходимым светом»⁸². Он жил в сомыслии с великими посвященными и, конечно, гораздо больше принадлежал им, чем веселому многолюдью голубевого кокетельского лета.

Нередко тосковал он по одиночеству. В письме от 20 декабря 1925 г. он писал мне: «'Соблазн одиночества' имеет большую власть над моей душой. И это не покаянная диета после моих летних человеческих неводержанностей, а равносильная, очередная потребность. Хотя мы живем с М.С. с глазу на глаз и неделями не видим чужого лица, но все же я мечтаю иногда с завистью о царских казематах Петропавловской крепости, где служители ходили в войлочных туфлях и всегда молча, и при этом прекрасная библиотека!»⁸³.

И дальше: «все-таки и в Коктебеле нельзя так наслаждаться всею горечью одиночества, как в большом городе. Париж в этом отношении идеален. А Ваши строки заразили меня ядом петербургского одиночества»⁸⁴.

Говоря много и охотно, он все же *говорил* несравненно меньше, чем *знал*. Ему больше нравилось самому рубить гордые узлы, чем, сообщая с другими, возвращать горькое зерно напрасного спора.

В маскарade жизни ученость нередко шествует под руку с ребячеством и величие — с юродством, но не следует обманываться маскою, позою, жестом. Иное «было бы смешно, когда бы не было так... *стильно*»⁸⁵. Волошин был художником своей жизни, и не трудно догадаться, что в глубине души он преодолевал свой змеино-голубиный дуализм безжалостной силою самопознания.

В дни смертной болезни он упорно боролся физически и духовно за жизнь. Из последних сказанных им фраз его друзьям запомнились слова:

Еще одно последнее усилие,
И летопись окончена моя...⁸⁶

Он цитировал также стихи Боратынского «На смерть Гете»⁸⁷, перефразируя первые строки. «Рождение и смерть — это так просто», — сказал он однажды. Почти все остальное, сказанное им перед смертью, осталось непонятым, — настолько невнятной была его речь.

11 августа в 11 часов утра его не стало.

За полчаса до выноса с усопшим прощался весь Коктебель.

Тело поэта, усыпанное цветами и полынью, было отвезено в простом некрашеном гробу на высокий холм Алан-Кая — место, им самим для погребения назначенное⁸⁸.

Толпа друзей, почитателей и даже незнакомых людей проводила линейку до могилы, до вершины горы, с которой открывается вид на Карадаг, на Старый Крым, на всю несравненную панораму побережья.

Перед опусканием гроба были прочитаны стихи Боратынского о Гете и стихотворение «Коктебель» («Как в раковине малой...»).

Вот все, что я знаю о смерти М.А.Волошина (из письма А.Г.Габричевского)⁸⁹.

Остальное подсказывает мне резец старинного гравера. Есть наивный эстамп XVIII века (гравюра Макре с оригинала Моро-младшего⁹⁰), изображающий прибытие Жана-Жака Руссо на Елисейские поля: на берегу его встречают Сократ, Платон, Плутарх и другие прославленные мужи древности; резвые амурь разгружают ладью Харона, перенося на берег книги, написанные Руссо.

Такой рисуется мне смерть Волошина — не тление, не безобразный распад мертвого тела, не кишение червей в голове, еще вчера кишевшей мыслями, а простое и легкое, совсем не страшное переселение с здешнего берега на берег иной земли.

Я слышу плеск летейских струй, я вижу, как накренилась и покачнулась ладья Харона под ногой сходящего на берег поэта. Его встречают бессмертные тени. Крылатые дети несут вслед за ним несколько маленьких книг, которые «томов премногих тяжелей»⁹¹, и огромную кипу акварельных воспоминаний о покинутой земле. Его не спрашивают о правах и заслугах, от него не требуют ни многотомного груза, ни сомнительных доказательств земной славы. Он принят, как младший брат, как запоздалый гость, как pontifex maximus⁹² пустеющего, почти опустевшего храма.

Теперь я мертв. Я стал строками книги
В твоих руках...⁹³

Теперь ты мертв. Но не книгой стихов, не только книгой остался ты в мире, отошедший брат, милый спутник⁹⁴, мудрый друг: остался всем своим образом, единственным и неповторимым, живым образом, не тускнеющим в нашей памяти. Ты остался в неуловимых излучениях развоплощенной воли, в голосах стихий, в той особенной тишине, которая цветет на высокой твоей могиле. Над прахом твоим шелестят сухие травы, веет вольный ветер пустыни, мохнатые звезды дрожат в глубокой синеве киммерийских ночей. О вечном возврате твердят бессонные волны Понта Евксинского, омывая берег твоей земли: набегают, отступают и вновь возвращаются волны.

Пусть маятник времени для тебя остановился, пусть навсегда замкнулся круг твоих прозрачных и протяжных коктейльских дней. Но если существует, вопреки твоей смерти, огромный и древний мир, тобою опознанный, изжитый и снова воплощенный⁹⁵; если он все так же многоцветен и многозвучен; если в этом мире существует, наперекор твоей смерти, упоительная невероятность познания и любви; если мы, оставшиеся, встречаясь друг с другом, произносим твое имя и каждый читает в глазах другого повесть о тебе, как о сущем —

не нужно нам ни догадок, ни доводов, ни знамений для того, чтобы знать и верить — с такою же силой, с какою знал и верил ты — что смерть принадлежит жизни, как и рождение:

так дыхание распадается на вздох и выдох, так прилив сменяется отливом, так сжимается и расширяется сердце, так замирает ямб на женской рифме, чтобы воспрянуть в рифме мужской.

...Мы не судим, не мерим, не взвешиваем, — мы только помним: всегда верный самому себе, неутомимый в творчестве, насыщенный в познании, щедрый в дружбе, бережно хранящий «закон святого ремесла»⁹⁶, — ты шел путем неустанного восхождения над временным и тленным.

Август 1932 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Реминисценция из стихотворения А.С.Пушкина «Портрет» («С своей пылающей душой...», 1828).

² Имеется в виду петербургская квартира В.И.Иванова (Таврическая ул., 25), располагавшаяся на последнем этаже углового дома с башней и в 1905-1912 служившая постоянным местом встреч столичной литературно-художественной интеллигенции.

³ «Дом искусств» («Диск») — объединение писателей и художников, существовавшее в 1919-1923 в Петрограде, было организовано для пропаганды искусства, издания литературы, организации вечеров, концертов, выставок и т.д. Располагалось в особняке Елисеевых на Невском пр., 15 (угол наб. Мойки, 59). Описано в романе О.Д.Форш «Сумасшедший корабль» (1931). Петроградский Дом литераторов — профессиональное писательское объединение, помещавшееся в 1918-1922 в национализированном особняке Кушелевых (Бассейная ул., впоследствии ул. Некрасова, 11) и занимавшееся материальной поддержкой литераторов и журналистов, а также членов их семей, ведущее культурно-просветительскую и издательскую работу и т.д. Подробнее см.: Весь Петроград: 1922 г. / Под ред. А.И.Гессена и Я.Б.Лившица. [Пг., 1922]. Стлб.577-598. Описание Дома литераторов см.: Мандельштам в архиве Э.Ф.Голлербаха / Публ. и пред. Е.А.Голлербаха, примеч. А.В.Наумова // Слово и судьба: Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991. С.104-108. *Вольфила* (Вольная философская ассоциация) — общественная организация, основанная в Петрограде в 1919 и просуществовавшая до 1924. Была учреждена «с целью исследования и разработки в духе философии и социализма вопросов культурного творчества» (Устав Вольной философской ассоциации // ИРЛИ. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.12. Л.3), однако, согласно официальной точке зрения, «объединяла философов и поэтов различных течений, но решающее большинство стояло на платформе реакционного идеализма и мистицизма» (БСЭ. [1-е изд.]. Т.13. М., 1929. Стлб.48).

⁴ Имеются в виду издания, вышедшие к моменту написания очерка: Царское Село в поэзии / Вступит. статья и сост. Э.Ф.Голлербаха, ред. Н.О.Лернера. СПб.: Парфенон, 1922; Голлербах Э. Город муз: Детское Село как литературный символ и памятник быта. Л.: Изд. автора, 1927; Голлербах Э. Город муз: [Повесть о Царском Селе]. 2-е изд. Л.: [Изд. автора], 1930; об *Абрамцеве*: Поленова Н.В. Абрамцеве: Воспоминания. М.: М. и С.Сабашниковы, 1922; о *Муранове*: Благой Д.Д. Мураново: Литературная экскурсия. М.: Моск. акц. изд. о-во, 1925; о *Шахматове*: Менделеева А.И. Менделеев в жизни / Вступ. статья и прим. М.Цявловского. [М.]: М. и С.Сабашниковы, 1928.

⁵ Сопоставление Коктебеля и Ясной Поляны появилось у Голлербаха в записной книжке 1925 года (хранится в архиве семьи писателя): «Кокт[ебель] = Ясн[ая] Поляна». Рядом, в пояснение замечания, перечислены имена гостей Коктебеля: «Софья Андр[еевна] Толстая (внучка) / Ольга Толстая / С.Шервинский / Валентин Парнах / И.Кондурушкин / К.Тренев / И.Лежнев / М.Шкапская / Ел.Полонская / А.Соболь / Г.Шенгели / А.Еврейнова (Ляля) / Мандельшт[ам]» (Л.100б.). Ср. также с фрагментом записи, оставленной Голлербахом 28 мая 1925 в коктебельском альбоме Волошина: «Мне кажется, Коктебель в каком-то смысле "яснее"»,

чем Ясная Поляна (с которой у него много общего). Не дай Бог Максимилиану Александровичу быть окруженным свитой из Чертковых, Гусевых, Маковицких и пр., но одного хорошего Эккермана следовало бы прислать в Коктебель, чтобы он оставил потомкам повесть о человеке, чей дух так светел, богат и доступен» (Там же. Л.5); а кроме того, с аналогичным замечанием в статье: Голлербах Э.Ф. Памятники искусства и старины в Крыму // Вестник знания. 1927. №19. Стлб.1188.

⁶ Имеется в виду Анатоль Франс. Люсьен Бержере — герой «Современной истории» Франса, состоящей из четырех романов («Под городскими вязами», «Ивовый манекен», «Аметистовый перстень» и «Господин Бержере в Париже», 1897-1901), — ученый-латинист, в уста которого писатель вложил собственные суждения.

⁷ Ср.: «Местность, бывшая когда-то морским дном, представляет собой равнину, лишенную зелени, деревьев /.../ Причиной отсутствия зелени является "крымский сирокко", который часто, в конце июля и августа, начинает дуть неделями в долину, сушит растения, воздух насыщает мельчайшей пылью, до иступления доводит нервных больных. Наблюдая летом 1924 г. людей большого умственного труда, писателей, артистов, художников, живших в доме отдыха у М.Волошина, а затем и многих приезжих, не могу не отметить резкого ухудшения в их психике, которое заставляло многих отсюда уезжать на южное побережье. Бесперывный ветер, не прекращавшийся в течение 3-х недель, до иступления доводил неврастеников. Нарушались в организме все функции, и больные чувствовали себя хуже, чем до приезда в Коктебель» (Саркизов-Серазини И. Карадаг и Коктебель — как климатические станции // Крым: Путеводитель / Под ред. И.М.Саркизова-Серазини. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. С.369-370). В этом контексте дополнительный смысл обретает замечание Волошина в письме к М.В.Сабашниковой (2 апреля 1907): «Коктебель для меня никогда не был радостен. Он всегда был горек и печален. Каждый раз, когда я приезжал сюда, мне бывало тяжело и будущее было непрогнозируемо. /.../ Он моя горькая купель. За это я люблю его. Да. Тут человек может только сам в себе рождаться и бороться» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.112; Волошин Максимилиан. Избранные стихотворения. М., 1988. С.347 — примечания А.В.Лаврова).

⁸ *Киммерия* — название, данное Волошиным юго-восточному Крыму, от Судака до Керчи (по имени киммерийцев, населявших эти берега во II тыс. до н.э.), и противопоставлявшееся им Тавриде — южному берегу Крыма. Впервые мысль о связи окрестностей Коктебеля с киммерийцами дал Волошину В.И.Иванов: в письме из Петербурга (без даты, между 10 и 18 апреля 1907 по контексту) М.В.Сабашникова сообщала Волошину, что его «2 крымских сонета», предназначенные для сборника «Цветник Ор», составлявшегося Ивановым, «назовутся "Киммерийскими сонетами" (старое имя Крыма)» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.1063. Л.52об.).

⁹ Подобное впечатление Голлербах выразил в цитировавшейся выше записи в коктебельском альбоме: «О Коктебеле = М.Волошине хотелось

бы писать гекзаметром. Здесь повеяло на меня античной мудростью и простотою».

¹⁰ Крепость Максимилиана (*лат.*).

¹¹ С известной осторожностью (*лат.*).

¹² Имеется в виду платоновская Академия — философская школа, созданная Платоном около 387 до н.э. и просуществовавшая до закрытия имп. Юстинианом в 529.

¹³ Ср. с другими портретами Волошина: Голлербах Э. Миражи Киммерии // Акварели М.А.Волошина: Выставка 14-21 апреля 1927 г. Л.: Лит.-худ. кружок, 1927. С.10-11; Голлербах Э. Портреты. Изд. 2-е, доп. Л., 1930. С.22; а также со свидетельством Б.М.Кустодиева: Сергеев М.А. Среди книг // Борис Михайлович Кустодиев. [Л., 1967]. С.366. Более подробное изображение Волошина см.: Голлербах Эрих. «Он был более знаменит, чем известен» // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С.501-505. По свидетельству Л.А.Озерова, М.С.Волошина особо отмечала портрет мужа, данный Голлербахом, как наиболее близкий к оригиналу (см.: Озеров Лев. Максимилиан Волошин, увиденный его современниками // Там же. С.8).

¹⁴ В письме к Волошину от 2 июня 1925, из Ялты, Голлербах замечал: «/.../ у меня останется хорошее воспоминание о Коктебеле. Потому что — Коктебель — это Вы. Здесь я любовался Вами, Вашей мудростью, — ясностью и широтой Вашей духовной жизни; запоминал Ваши мысли, мне столь созвучные, — часы, проведенные с Вами, никогда не забуду» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.428. Л.9-9об.).

¹⁵ Имеется в виду стихотворение В.Я.Брюсова «М.Волошину (17 августа 1924 г.)» («Наш Агамемнон, наш Амфитрион...»), опубликованное Голлербахом в 1926. См.: [Голлербах Э.] Неизданные стихотворения Валерия Брюсова: (Ко второй годовщине со дня смерти) // Красная газета. Веч. выпуск. 1926. 9 октября. №238(1242). С.5. (Подпись: Э.Г.).

¹⁶ Имеется в виду так называемая «Книга разлук», заведенная Волошиным летом 1924. К 1928 одна (по меньшей мере) тетрадь была заполнена, и 30 мая 1928 Волошин благодарил москвичку М.А.Пазухину за желание прислать не просто «общую тетрадь», а альбом в переплете, «куда можно клеивать старые и собирать новые автографы и рисунки» (Собрание семьи Пазухиных, Москва). Впоследствии «книга» была похищена из «Дома поэта», нынешнее местонахождение ее неизвестно. Голлербах также сделал запись в «Книге разлук» (см. прим.5 и 9), но в письме к Волошину от 2 июня 1925 из Ялты отмечал, что эта книга «настолько "общественное достояние", что в ней неуместны "исповеди"», — поясняя, что события личной жизни омрачили его пребывание в стенах волошинского «прекрасного дома» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.428. Л.8-8об.).

¹⁷ Фрагменты этой записи Брюсова см. в статье Голлербаха «Неизданные стихотворения Валерия Брюсова», а также в его очерке «Миражи Киммерии» (см. прим.13). Полностью опубликовано: Мамонтов В.А.

М.А.Волошин и В.Я.Брюсов // Ученые записки Хабаровского гос. пед. ин-та. Т.31. Серия литературная. Хабаровск, 1971. С.64. Здесь приводится по записной книжке Голлербаха 1925 года (Л.20об.).

¹⁸ Ср.: «Южный Берег [Крыма] — это плохонькие политипажи русской работы: их лучше не глядеть, чтобы не нарушить цельности впечатления. Для тех же, кому нравятся именно они — подлинный Крым недоступен» (Волошин Максимилиан. Культура, искусство, памятники Крыма // Крым: Путеводитель. Указ. изд. С.148).

¹⁹ Запись от 11 сентября 1924, цитировалась в очерке Голлербаха «Миражи Киммерии» (С.5). Здесь опущено окончание записи Белого: «Глубокая благодарность М.А.Волошину и Марье Степановне за проведенное лето. Андрей Белый (Борис Бугаев). 1924 г. 11 сент[ября]» (Цит. по записной книжке Голлербаха. Л.12об.-13).

²⁰ Образ из стихотворения Волошина «Карадаг» (1918). Путешествие на лодке вдоль обрывов Карадага описано в этом стихотворении, а также в мемуарах Цветаевой (Цветаева Марина. Избранная проза в двух томах. Т.2. Нью-Йорк, 1979. С.58).

²¹ Реминисценция из стихотворений Волошина «Полынь» (1906) и «Над черно-золотым стеклом...» (1918).

²² Ср.: «Если бы театральные эффекты не были порой так грубы, Киммерию можно было бы назвать театральной затеей необычайной музыкальности, о которой дают понятие разве только декорации Головина к "Орфею"» (Голлербах Э. Миражи Киммерии. Указ. изд. С.8). «Орфей и Эвридика» — опера К.-В.Глюка (1762).

²³ Имеются в виду «Ворота Карадага» (оригинальное татарское название Шайтан-Капу, «чертовы ворота»): каменная арка в восьмидесяти метрах от берега.

²⁴ Укромная бухточка (по-татарски Харсыз-Лиман) под выдвинутой полуостровом скалой «Иван-разбойник».

²⁵ Из стихотворения Волошина «Склоняясь ниц, оваян ночи синью...» (1910).

²⁶ По новому стилю. По старому — 16 мая.

²⁷ Подробнее: Купченко Вл. Вольнолюбивая юность поэта: М.А.Волошин в студенческом движении // Новый мир. 1980. №12. С.216-223. Об обстоятельствах жизни Волошина в это время см.: Купченко Вл. Максимилиан Волошин в Средней Азии и Казахстане // Простор. 1977. №5. С.122-125. Отъезд в Ташкент в 1900 не был собственно «высылкой», однако определенным образом был связан с предшествовавшими событиями. Сам Волошин относился к своей поездке в Среднюю Азию именно как к ссылке (см. стихотворение «Пустыня»: «И я был сослан в глубь степей...», 1919).

²⁸ Из стихотворения Волошина «Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...» (1904).

²⁹ Хронология путешествий изложена в статье: Купченко В., Давыдов З. Строитель внутреннего града // Волошин Максимилиан. Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. С.343.

³⁰ См.: Волошин Макс. В защиту Гауптмана: По поводу переводов г.Бальмонта («Ганнеле» и «Потонувший колокол»), появившихся в сборнике «Драматические сочинения Г.Гауптмана». Перевод под редакцией и с предисловием К.Бальмонта. Издание книжного магазина «Труд» // Русская мысль. 1900. №5. Отд. II. С.193-200. Волошин считал, что именно с этой статьи началась его литературная деятельность (см. письмо от 23 марта 1925 к Н.А.Северцовой и А.Г.Габричевскому — в кн.: Александр Григорьевич Габричевский: 1891-1968: К 100-летию со дня рождения. М., 1992. С.145). Тем не менее, статья эта не была первой публикацией Волошина: в предыдущем номере журнала была напечатана (без подписи) его рецензия на книгу А.Воротникова «В старых стенах. Повести южных берегов» (Русская мысль. 1900. №4. Отд. III. С.123). Кроме того, еще в 1895 было опубликовано одно его стихотворение: Кириенко-Волошин М. Над могилой В.К.Виноградова // Памяти Василия Ксенофоновича Виноградова / Сост. [Ю.А.Галабутский]. Феодосия: Тип. И.М.Косенко, 1895. С.50.

³¹ Сводку и анализ свидетельств о дуэли см.: Купченко Владимир. История одной дуэли // Ленинградская панорама: Лит.-критич. сб. [Вып.2]. Л., 1988. С.388-400. Сам Волошин отнюдь не находил в ней комического оттенка (приданного этому происшествию газетчиками), так как вполне реально мог погибнуть. 21 октября 1913 он писал Ю.Л.Оболенской: «У меня на руке есть очень ярко выр[а]женная линия возможной смерти от огнестрельного оружия. Когда у меня была дуэль, я знал, что это легко может осуществиться» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.82. Л.6).

³² См.: Волошин М.А. Автобиография // Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Сост. Ф.Ф.Фидлер. [М.: И.Д.Сытин, 1911]. С.166.

³³ Там же.

³⁴ Обзор литературно-критической деятельности Волошина дан в статье В.П.Купченко, В.А.Мануйлова и Н.Я.Рыковой «М.А.Волошин — литературный критик и его книга "Лики творчества"» (Волошин Максимилиан. Лики творчества. Л., 1988. С.555-599). Здесь же приведена составленная Купченко библиография опубликованных статей Волошина (С.801-810).

³⁵ См. подробнее: Голлербах Э. Александр Бенуа: По поводу монографии Сергея Эрнста // Жизнь искусства. 1921. 29 ноября. №819. С.5; Голлербах Э. Новые книги: Александр Бенуа, монография Сергея Эрнста // Среди коллекционеров. 1921. Ноябрь. №10. С.52-54.

³⁶ Мнение спорное: многие статьи Волошина («Аполлон и мышь», «Гороскоп Черубины де Габриак», «Памяти Н.Н.Сапунова», «Пророки и мстители», «Театр — сонное видение» и др.) имели резонанс, не доступ-

ный, по-видимому, ни одному из названных критиков. Не все идеи Волошина были восприняты с пониманием и оценены современниками, но многие из них привлекали значительное внимание публики и оставили в памяти поколения заметный след.

³⁷ Очерки собраны в названных выше изданиях М. Волошина: «Лики творчества» (первые четыре книги) и «Автобиографическая проза. Дневники» (С. 89-186 — пятая книга).

³⁸ Свою оценку вклада Волошина в историю искусства Голлербах выразил, в частности, в дарственной надписи (23 мая 1925) на своей книге «История гравюры и литографии в России» (М.; Пг., 1923): «Максимилиану Александровичу Волошину, вписавшему прекрасные строки в историю русского искусства, с глубоким уважением и любовью» (Цит. по: Купченко Вл. «А все-таки — более роднее». Указ. изд. С. 183).

³⁹ Имеется в виду публикация: Волошин Макс. Скелет живописи // Вестн. 1904. №1. С. 41-51.

⁴⁰ Первая публикация Волошина в журнале «Золотое руно» появилась в 1906 (№3), в газете «Русь» — 22 апреля/5 мая 1904.

⁴¹ См. сходную оценку роли Волошина как связующего звена русской и французской культур у Андрея Белого: Белый А. Начало века. М., 1990. С. 251.

⁴² См.: Северные цветы: Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М.: Скорпион, 1903. 1 с. обл.; тит. л. Графическое упражнение Волошина дополняло рисунок Л. С. Бакста, в котором в качестве одного из элементов была использована гравюра Отто Вениуса. О других опытах Волошина в области графики см.: Максимилиан Волошин — художник: Сб. материалов / Сост. Р. И. Попова. М., 1976; Лавров А. В. К иллюстрациям // Волошин Максимилиан. Избранные стихотворения. Указ. изд. С. 377-378. Графические виньетки Волошина печатались в «Весах» в 1904: №1 (С. 40), №2 (С. 38), №3 (С. 9, 16, 32), №9 (С. 35); в №8 был помещен пейзаж «В горах» (С. 29). Два рисунка были воспроизведены в журнале «L'Elan» в 1915: №2 (1 мая) и №5 (15 июня) — горный пейзаж и «Цепелины над Парижем».

⁴³ Развернутые оценки творчества Волошина-художника см.: Голлербах Э. Легенда о Тавриде: Выставка акварелей М. Волошина // Красная газета. Веч. выпуск. 1927. 14 апреля. №99 (1417). С. 4 (статья вызвала нападки «напостовской» критики: Денисов В. Еще о том же «рыцаре» // Жизнь искусства. 1927. №31. С. 6); Голлербах Э. Миражи Киммерии. Указ. изд. С. 5-11; и др. Волошин обрисовал свой путь как художника в очерке «О самом себе» (1930), включенном в сборник «Воспоминания о Максимилиане Волошине» (С. 40-46).

⁴⁴ См.: Волошин Максимилиан. Суриков: Материалы для биографии // Аполлон. 1916. №6-7. С. 40-63; а также: Волошин Максимилиан. Суриков // Речь. 1916. 13/26 июня. №160 (3543). С. 2. Монография была написана в 1916, издана — в 1985: Волошин Максимилиан. Суриков / Публ.,

вступит. статья и прим. В.Н.Петрова. Л., 1985. Подробнее об истории книги см.: Петров В.Н. М.А.Волошин и его книга о Сурикове // Там же. С.11-17. В 1922 в печати сообщалось, что иллюстрированная «монография о Сурикове» Волошина «печатается» московским изд-вом «Дом печати» (см.: Интеллигенция и революция: Сб. статей. [М.]: Дом печати, [1922]. С.183). О безуспешных попытках Волошина напечатать «Сурикова» см.: Александр Георгиевич Габричевский. Указ. изд. С.148-170.

⁴⁵ Весы. 1904. №11. С.1-5; Аполлон. 1914. №5. С.26-29. Последняя статья особенно интересовала Голлербаха, который в середине 1920-х специально изучал символику цветов. См.: Голлербах Э.Ф. Из воспоминаний о Ф.К.Сологубе / Предисл., публ. и примеч. М.М.Павловой / Русская литература. 1990. №1. С.220.

⁴⁶ Сводку сведений о публикациях на эту тему см.: Русские советские писатели. Поэты: Биобиблиографический указатель. Т.5. М., 1982. С.275-276. О подробностях самого происшествия см.: [Б.п.]. Национальное несчастье: В Третьяковской галерее изрезана ножом знаменитая картина И.Е.Репина «Иван Грозный и его сын Иван» // Утро России. 1913. 17 января. №14. С.2.

⁴⁷ Волошин Максимилиан. О смысле катастрофы, постигшей картину Репина // Утро России. 1913. 19 января. №16. С.2.

⁴⁸ Абрам Абрамович *Балашев* (Балашов, 1884-?) — московский старообрядец, сумасшедший художник-иконописец.

⁴⁹ Лекция Волошина и диспут с участием И.Е.Репина состоялись 12 февраля 1913 в Большой аудитории Политехнического музея в Москве.

⁵⁰ Федор Павлович *Ландцерт* (1833-1889) — анатом, профессор Академии художеств. Его лекция в петербургской Академии художеств, посвященная разбору картины Репина, была опубликована: Ландцерт Ф.П. По поводу картины И.Е.Репина «Иван Грозный и его сын, 16 ноября 1581 года»: Лекция, читанная ученикам Академии художеств // Вестник изящных искусств. 1885. Т.3. Вып.2. С.192-205. На эту публикацию внимание Волошина обратил Д.Д.Бурлюк, позднее засвидетельствовавший в мемуарах: «Макс Волошин выпустил брошюру, используя найденный мной материал, статью профессора, у которого учился И.Е.Репин, где тот с песком мешает корифея живописи за его [о]шибки в анатомии» (Бурлюк Д. Фрагменты воспоминаний футуриста // РНБ. Ф.552. Ед.хр.1. Л.70-71).

⁵¹ См.: Волошин Максимилиан. О Репине. М.: Оле-Лукойе, 1913. В собрании А.М.Луценко (С.-Петербург) хранится экземпляр этой книги с дарственной надписью Волошина Голлербаху: «Дорогому Эрику Феодоровичу с чувством искренней дружбы [на] память о коктейльских днях в мае 1925. Максимилиан Волошин. 29.V.1925» (Сообщено М.Д.Эльзоном).

⁵² См.: Волошин Максимилиан. Стихотворения: 1900-1910. М.: Гриф, 1910. Отклики на книгу дали В.Я.Брюсов, В.И.Иванов, М.А.Кузмин, В.П.Полонский и др.

⁵³ Голлербах Э. Поэт-ювелир: К 20-летию литературной деятельности М.А.Волошина // Жизнь искусства. 1920. 21 июля. №509. С.1.

⁵⁴ Книга «Неопалимая купина: Стихи о войне и революции» опубликована в полном объеме лишь в недавнее время; см., напр.: Волошин Максимилиан. Стихотворения; Статьи; Воспоминания современников / Сост., вступ. статья, подг. текста и коммент. З.Д.Давыдова и В.П.Купченко. М., 1991. С.95-200.

⁵⁵ См.: Антон Крайний [Гиппиус З.Н.] Нужны ли стихи? // Новый Путь. 1903. Сентябрь. С.250-251; Антон Крайний [Гиппиус З.Н.]. Литературный дневник: (1899-1907). СПб., 1908. С.164-165.

⁵⁶ «...Здесь мы испытали все прелести гражданской войны со всем ее разнообразием, — писал Волошин А.В.Гольштейн (10 сентября 1920). — Жестокости расправ с обеих сторон превосходят всякое вероятие и совершаются похода, как самая обычная вещь» (цит. по: Лавров А.В. О поэтическом творчестве Максимилиана Волошина // Волошин Максимилиан. Избранные стихотворения. Указ. изд. С.20-21).

⁵⁷ В Коктебеле Голлербах был трижды: в 1925 (две недели в мае), 1934 и 1937 (см.: Дневник. Тетр.2. С.132). «Две недели, проведенные мною в Коктебеле в 1925 г., — для меня незабываемы», — писал Голлербах Волошину 18 мая 1932 (цит. по.: Купченко Вл. «А все-таки — север роднее». Указ. изд. С.186). Вероятно, речь идет о чтении Волошинских стихов и поэмы «Протопоп Аввакум» 15 мая 1925 (см.: Там же. С.183).

⁵⁸ Ср. с впечатлением А.Белого, высказанным в письме к Р.В.Иванову-Разумнику (17 июля 1924): «Я не узнаю Макс[имилиана] Алекс[андровича]. За пять лет революции он удивительно изменился, много и серьезно пережил /.../; с изумлением вижу, что "Макс" Волошин стал "Максимилианом"» (РГАЛИ. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.15. Цит. по: Гречишкин С.С., Лавров А.В. Максимилиан Волошин и Андрей Белый // Studia Slavica (Budapest). 1978. Т.XXIV. Fasc.3-4. С.395).

⁵⁹ Имеется в виду устное замечание писательницы. В письме к Волошину от 21 июня 1926 Голлербах отмечал: «Сегодня /.../ мы много говорили о Вас с О.Д.Форш, живущей сейчас в Царском, по соседству с нами. Не совсем соглашаясь с тем портретом Вашим, какой рисует она, я все-таки совершенно поражен "мастерством исполнения" этого портрета. Другими словами: не совсем то, что в действительности (по-моему), но замечательно похоже» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.428. Л.25об.). Поясняя в следующем (от 6 июля 1926) письме к Волошину эту оценку, Голлербах писал: «/.../ Вы спрашиваете, был ли Ваш портрет, сделанный О.Д.Форш, устным или печатным? Я, вероятно, не четко об этом написал, — портрет был нарисован в беседе, это была блестящая и почти исчерпывающая (насколько возможно "исчерпать" чужое "я") характеристика» (Там же. Л.26). Формулу Форш Голлербах применил позднее для определения портрета Волошина работы Б.М.Кустодиева (см.: Голлербах Э. Русский Рубенс: Памяти Б.М.Кустодиева // Вестник знания. 1927. №18. Стлб.1112). Подобный образ Волошина близок к тому, что был дан В.В.Хлебнико-

вым в 1909: «Из теста помещичьего изваянный Зевес» (сатира «Карамора №2-ой»).

⁶⁰ Цитата из стихотворения Волошина «Перепутал карты я пасьянса...» (1909).

⁶¹ Цитата из стихотворения Волошина «Русь гулящая» (1923).

⁶² Сокращенная цитата из стихотворения «Заклинание. (От усобиц)» (1920).

⁶³ Фрагмент (с некоторыми разночтениями) стихотворения «Готовность» (1921).

⁶⁴ Парафраз из стихотворения «Готовность» (1921).

⁶⁵ Парафраз из стихотворения «Потомкам. (Во время террора)» (1921).

⁶⁶ См. там же. Ср. с позднейшей (29 июня 1937) оценкой Голлербахом поэтического творчества Волошина — находясь в Коктебеле, он записал в дневнике: «29-го провел несколько часов в мастерской Макса. Всегда приходишь в нее, как в храм — такое величие и спокойствие есть в этом "корабле". Читал его стихи — старые и новые, как бы беседовал с ним. Его "политические" стихи очень сильны, хотя иногда не совсем удачны по форме, прозаичны, впадают в публицистику. Но "Дом поэта" и некоторые другие подлинно прекрасны. В них есть тайная магия, но ясная, мудрая магия, — как в стихотв[орении] "Заклинание", обращенном к жене и призывающем к восстановлению всех духовных и физических сил, к приятию мира» (Тетр.2. С.130-131).

⁶⁷ См. подробнее: Голлербах Э. Писательское и человеческое // Записки Передвижного театра П.П.Гайдебурова и Н.Ф.Скарской. 1924. 15 января. №69. С.6-7.

⁶⁸ Впечатление о крепком здоровье Волошина было обманчиво: события гражданской войны в Крыму сильно его пошатнули — и в 1920-х он все больше страдал от неправильного обмена веществ (видимо, врожденного), от приступов астмы, от сердечного ожирения. Голлербах, вероятно, этого не знал; 1 декабря 1925 он писал Волошину: «Мне кажется невероятным, что Вы могли заболеть воспалением легких, до такой степени представление о Вас связано у меня с представлением о несокрушимом здоровье» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.428. Л.16).

⁶⁹ Характерное выражение В.В.Розанова (см. его «Опавшие листья»).

⁷⁰ Это замечание дополняется более поздней (февраль 1939) дневниковой записью Голлербаха о рассказе А.Г.Габричевского: «Вспоминал [Габричевский] о том, как он и Макс Волошин "установили", что у них бывает периодическое недомогание, адекватное по симптомам (?) менструации, и решили, что они гермафродиты. После этого Адалис пустила слух, что у Габричевского) внематочная беременность. Габричевский спросил Бр[юсова]: "В.Я., вы верите, что у меня внематочная беременность?" Бр[юсов]: "Если бы я верил всему, что рассказывает Аделина Ефимовна, я давно сошел бы с ума"» (Тетр.4. С.102).

⁷¹ См. прим.15. Сергей Васильевич *Шервинский* (1892-1991) — переводчик, поэт, историк искусства. Имеется в виду его стихотворение «Максимилиану Волошину» («Где кроток и пустынен моря вал...», 1924). См.: Акварели М.А.Волошина. Указ. изд. С.14.

⁷² Огонь (*лат.*).

⁷³ Природа вечная возобновляется огнем (*лат.*).

⁷⁴ Константин Федорович *Богаевский* (1872-1943) — живописец и график-пейзажист. В письме к А.Г.Габричевскому (от 5 ноября 1926) Волошин отметил: «Когда я увидал себя в Феодосии рядом с Богаевским, то почувствовал себя совсем раздавленным его силой и мастерством. Конечно, наша совместная выставка меня убьет. /.../ Я знаю, что в моих коктейльских акварелях есть известные достижения, у них в общем цветовом пятне есть приятная радужность, но... в них нет совсем той насыщенности и той волевой сосредоточенности, что у Богаевского. Это бросается сразу в глаза при непосредственном соседстве. /.../ Единственно что мне было бы неприятно /.../ это быть утвержденным в живописи в качестве подражателя Богаевского. Этого нет, и мы идем путями совсем различными в смысле художественном» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.22. Л.19-19об.). Свои взгляды на творчество Богаевского Волошин изложил в нескольких статьях. О подробностях взаимоотношений двух художников см.: Письма М.А.Волошина к К.Ф.Богаевскому / Вступ. статья, публ. и коммент. Вл.Купченко // Искусство. 1979. №9. С.65-66; Воронова О.П. Над Понтом Эвксинским: К.Богаевский. М., 1982; Башенко Р.Д. К.Ф.Богаевский. М., 1984. Творчеству Богаевского посвящен целый ряд публикаций Голлербаха — по оценке современного эксперта, заложивших основы изучения творчества художника (см.: Башенко Р.Д. Указ. соч. С.7). Высокая оценка живописи Богаевского, однако, сочеталась у Голлербаха с менее восторженным отношением к собственно личности мастера. После встречи с ним в Феодосии Голлербах записал в дневнике (1 июля 1937): «Есть в Богаевском что-то мелко-службистское, непохожее на художника. Кажется маловероятным, чтобы этот скромный, словно перепуганный или обиженный человек (типа бухгалтера или счетовода) мог быть автором великолепных, героических пейзажей. В разговоре он вял, неинтересен и неоригинален. И скорее чутьем, нежели de facto, угадываешь под обывательской личиной благородное и тонкое естество незаурядного художника» (Тетр.2. С.134). Таким образом, можно заключить, что сопоставление Богаевского и Волошина отражало принципиальный взгляд Голлербаха на соотношение «профессионального» и «человеческого».

⁷⁵ Иосиф Евстафьевич *Крачковский* (1854-1914) — художник-пейзажист, академик живописи. Его «южные» работы см.: Иосиф Крачковский: 1856-1914. Пг.: [Унион], 1917. *Клименко* — вероятно, имеется в виду Иона Ефремович Клименко, украинский пейзажист, работавший в 1910-1920-е.

⁷⁶ Аналогичную оценку см., напр.: Голлербах Э.Ф. Искусство эпохи Возрождения и нового времени // История искусств всех времен и наро-

дов. Кн.1-6. Л.: П.П.Сойкин, [1929]. С.279. Сходным образом оценивал творчество Айвазовского и Волошин — напр., в названном выше путеводителе «Крым» он замечал: «Айвазовского не следует судить по произведениям второй половины его творчества, когда он фабрично повторял самого себя; славой своей он обязан не этим олеографиям» (С.144).

⁷⁷ Реминисценция из стихотворения А.С.Пушкина «19 октября» («Ро-няет лес багряный свой убор...», 1825).

⁷⁸ Духовный сосуд (*лат.*).

⁷⁹ Ср. прим.5 (замечание Голлербаха о «хорошем Эккермане» при Во-лошине).

⁸⁰ ОР РНБ. Ф.207. Ед.хр.24. Л.2об. Подробно об эпизоде, связанном с цитируемым письмом, см.: Купченко Вл. «А все-таки — север роднее». Указ. изд. С.183.

⁸¹ Опыт такого жизнеописания предпринят В.П.Купченко в докумен-тальном повествовании «Странствие Максимилиана Волошина» (в сокра-щении опубл.: Подъем. 1992. №1, 2, 4).

⁸² Измененная цитата из трактата Г.С.Сковороды «Икона Алкивиад-ская» («Израильский змий», 1776). См.: Сковорода Г.С. Собрание сочинений. Т.1 / Публ. и прим. В.Д.Бонч-Бруевича. СПб., 1912. С.360.

⁸³ ОР РНБ. Ф.207. Ед.хр.24. Л.7.

⁸⁴ Там же. Л.7об.

⁸⁵ Измененная цитата из стихотворения М.Ю.Лермонтова «А.О.Смир-новой» (1840). См. письмо А.Г.Габричевского к Голлербаху (в прим.89) от 31 августа 1932 (из Коктебеля), откуда взята эта и ряд далее использо-ванных автором очерка деталей.

⁸⁶ Измененная цитата из «Бориса Годунова» Пушкина (1825).

⁸⁷ Ср.: «Предстала, и старец великий смежил / Орлиные очи в покое...» (Е.А.Баратынский. «На смерть Гете», 1832). Это стихотворение было прочитано Г.П.Штурмом 12 августа 1932 на похоронах Волошина.

⁸⁸ Волошин, по его завещанию, похоронен на горе Кучук-Енишары в Коктебеле. С этого места упоминаемый далее Старый Крым не виден.

⁸⁹ Письма Габричевского к Голлербаху хранятся в ОР РНБ (Ф.207. Ед.хр.26). Письмо, в котором описана кончина Волошина, датировано по почтовому штемпелю на конверте (Л.5). Приводим его текст:

Дорогой Эрик Феодорович!

Я долго не отвечал на Ваше письмо, во-первых потому, что это очень трудно — уж очень все еще близко; во-вторых — не смейтесь — потому что достать здесь конверт почти немисливо.

Надеюсь, мы с Вами и с ленинградскими друзьями скоро уви-димся, и я вам все расскажу. Сейчас — только несколько отры-

вочных сведений. Подробно обо всем написать — повторяю — мне очень трудно.

Я застал Макса в 1-ых числах июля *немного* подряхлевшим (я его не видел 2 года) и с *немного* затрудненной речью. Болезнь — гри[п]позная пневмония — подкралась исподволь. Первые недели все внимание было направлено на астму (которая оказалась не серьезной, а потом совсем пропала) и на сердце, которое оказалось гораздо крепче, чем это думали. Макс физически и духовно боролся за жизнь упорно и долго. Он, по-моему, сдался в последние дни, когда застойные явления в организме (атрофия почек, дыхание, не справлявшееся с мокротой) привели к общему отравлению. Сознания, думаю, он и не терял, если не считать последних дней очень высокой температуры и большой слабости. Говорил он довольно много, но понимать его было очень трудно вследствие все большей и большей неясности в речи. Первое время он беседовал мало (ему было запрещено говорить), но так как никто из нас о конце не думал, и так к[ак] разговор носил самый обычный характер, никто, по-моему, ничего и не запомнил. Из последних слышанных мной или мне известных фраз, припоминаю:

Еще одно последнее *усилье*,
И летопись окончена моя.

Цитировал, как-то их перефразируя, первые стихи «На смерть Гете» Боратынского. И наконец: «Рождение и смерть — это так просто». Часто вспоминал наши с ним беседы о золотом сечении и часто меня вызывал, желая их продолжить.

До самого последнего дня мы *все* надеялись. Уход за ним, по словам врачей, был исключительный. Все живущие дежурили по очереди, и врачи говорили, что таких санитаров и сестер они не встречали. Во всяком случае, было сделано *все* возможное.

Что же касается похорон и погребения, все удалось сделать до мельчайших подробностей, как этого хотел сам Макс. Мар[ия] Ст[епановна] встретила со стороны Коктебельских и Феодосийских властей и учреждений самое внимательное и чуткое отношение. Макса, в простом некрашеном гробу, увенчанного польню и окруженного коктебельскими цветами, отвезли на третий день после смерти на Алан-Кая (высокий холм над Енышарами, замыкающий коктебельскую бухту за могилой Юнге), откуда виден и Карадаг, и Старый Крым, и несравненные холмы левой стороны. Место было им точно указано, с просьбой, чтобы на могиле была максимум простая плита и круглая скамейка на двоих. За полчаса до выноса с Максом прощался весь Коктебель. Рыдали совсем мне не знакомые люди. Огромная толпа провожала линейку до могилы. Там перед опусканием гроба были прочитаны: «На смерть Гете» Боратынского и Максимо стихотворение «Коктебель»: «Как в раковине малой...»

О состоянии Мар[ии] Ст[епановны] писать нечего. Представить себе его не трудно. Она на днях уезжает отдохнуть в Кисловодск.

Надо сказать одно — она держалась великолепно. Бывают срывы и мучительные минуты, но я ожидал большего.

Союз Писателей и Кооп[еративное] Общество Художник, видимо, хлопочут о том, чтобы и комнаты Макса и весь большой дом остались в пожизненном распоряжении Мар[ии] Ст[епановны], с соблюдением всех традиций «Дома Поэта».

Вот, кажется, все, что могу Вам сказать. /.../

⁹⁰ Шарль Франсуа Адриен *Макре* (Macret, 1751-1789) — французский гравёр. Жан Мишель *Моро* (Moreau, 1741-1814) — французский график и живописец.

⁹¹ Из стихотворения А.А.Фета «На книжке стихотворений Тютчева» (1883).

⁹² Верховный жрец (*лат.*).

⁹³ Начальные строки стихотворения Волошина (1910).

⁹⁴ Из стихотворения В.А.Жуковского «Воспоминание» («О милых спутниках, которые наш свет...», 1821).

⁹⁵ Парафраз из стихотворения «Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...» (1904).

⁹⁶ Из стихотворения М.А.Кузмина «Сапунову» (1914); выражение восходит к стихотворению К.Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...» (1854).

***ИЗ ИСТОРИИ
ТЕАТРА***

ПЕРЕПИСКА М.А.КУЗМИНА И В.Э.МЕЙЕРХОЛЬДА 1906-1933

Публикация и примечания П.В.Дмитриева

Среди довольно обширного эпистолярия М.Кузмина публикуемая переписка не является ни самой полной, ни самой протяженной во времени. На сегодняшний день опубликованы извлечения из значительно более объемного корпуса писем Кузмина и Г.В.Чичерина¹, весьма представительная переписка с В.Ф.Нувелем², а также ряд более мелких³. Тем не менее, письма Кузмина и Мейерхольда представляют значительный интерес, не уступая иногда по содержательности вышеназванным.

Кузмин познакомился с Мейерхольдом зимой 1906 на «башне» Вяч. Иванова, когда его самого в первый раз пригласили на очередную ивановскую «среду». Запись в дневнике Кузмина за 18 января 1906 содержит упоминание еще не знакомого ему Мейерхольда в числе прочих гостей Вяч. Иванова⁴. Настоящее их общение началось позже, на «субботах», устраивавшихся В.Ф.Коммиссаржевской, и сыгравших, по мнению историков театра, заметную роль в русской культуре начала XX века. Но для современников этих событий прошедшие всего три раза «субботы» («так безвременно, так фатально увядшие», — по словам Кузмина), очевидно, не

¹ Tchimichkian S. Extrait de la correspondance Michail Kuzmine — Georgij Cicerin // Cahiers du monde russe et soviétique. 1974. Vol.15. №1/2. 3.147-181; Тимофеев А.Г. «Итальянское путешествие» Михаила Кузмина // Памятники культуры. Новые открытия. 1992. М., 1993. С.40-55.

² Богомолов (список сокращений см. ниже). С.216-301.

³ Речь идет, конечно, о публикациях тех писем, где присутствуют оба корреспондента. См.: Шмаков. С.360-364; Cheron G. Letters of M.A.Kuzmin to A.A.Blok // Wiener Slawistischer Almanach. 1980. Bd.5. S.55-61; ЛН. Кн.2. С.147-150 (переписка с А.А.Блоком); Переписка А.Г.Габричевского и М.А.Кузмина: К истории создания юбилейного собрания сочинений И.В.Гете // Литературное обозрение. 1993. №11/12. С.58-75; Тимофеев А.Г. Прогулка без Гуля? (К истории организации московского вечера М.А.Кузмина в мае 1924 г.) // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С.178-196 (переписка с В.В.Русловым).

⁴ См.: ЛН. Кн.2. С.155.

казались значительным явлением культурной жизни, а воспринимались скорее как своеобразный художественный клуб интеллигенции обеих столиц. В непринужденной атмосфере артистического салона (тонко и не без иронии описанной Кузминым в его повести «Картонный домик») Кузмин совершенно неожиданно для себя оказался одной из центральных фигур как автор еще не вполне законченной, но уже становящейся популярной вокально-музыкальной сюиты «Куранты любви». Любопытно, что именно Мейерхольд, настойчиво добивавшийся продолжения «суббот», был одним из самых горячих поклонников музыки Кузмина, что в дальнейшем сыграло свою роль при выборе композитора для «Балаганчика». К началу публикуемой переписки Кузмин становится в театре «своим». Практически все начало сезона он проводит в стенах театра. На фоне театра развивается действие (тесно переплетенное с событиями личной жизни Кузмина)⁵ уже упомянутого «Картонного домика» (и примыкающего к нему стихотворного цикла «Прерванная повесть»⁶). Наконец, театру посвящена и первая в жизни Кузмина критическая статья, написанная им для журнала «Весы»⁷. И если в художественных произведениях Кузмина реальные события естественно переплетаются с авторским вымыслом, письма Кузмина (вслед за дневником) и статья в «Весех» помогают воссоздать более объективную картину жизни театра (хотя и нарисованную в тонах «пристрастной критики», если воспользоваться позднейшим авторским определением).

Более пунктирно (нежели это представлено в части, посвященной театру на Офицерской) в переписке обозначены другие события художественной жизни дореволюционного Петербурга: «Дом Интермедий», Императорские театры, «Привал комедиантов» и др., где Кузмин играл далеко не последнюю роль. К сожалению, многие важные письма, очевидно, утрачены, но существующие лакуны, несомненно, отражают и потерю взаимного интереса корреспондентов друг к другу (в большей степени это относится к Мейерхольду, все чаще обращающемуся к Кузмину исключительно по «профессиональным» вопросам). Однако за некоторыми пропусками угадывается интерес Мейерхольда к драматургии Кузмина, что имеет косвенное подтверждение и в статьях Мейерхольда 1907-1912, собранных в книгу «О театре»⁸, и в его письмах другим корреспондентам.

⁵ См.: Богомолов. С.130-139.

⁶ Опубликовано в альманахе «Белые ночи» (СПб., 1907).

⁷ Кузмин М. Драматический театр В.Ф.Коммиссаржевской: Сезон 1906-1907 г. // Весы. 1907. №5. С.97-99. Спустя почти десять лет в статье, посвященной Н.Н.Сапунову, Кузмин еще раз возвратится к этой эпохе и даст уже ретроспективную характеристику театра: «Первые мои воспоминания о Сапунове связаны с театром В.Ф.Коммиссаржевской, сумевшей осенью того года [1906. — П.Д.] стать соединяющим центром для художников, писателей и артистов. Пусть это потом все расстроилось: и театр остыл, и художники, и поэты разбрелись кто куда, но тогда это был действительный центр, в чем, полагаю, не усумнится никто из помнящих начало того сезона» // Н.Сапунов: Стихи, воспоминания, характеристики. М., 1916. С.46.

⁸ Мейерхольд Вс. О театре. СПб.: Просвещение, [1913]. См., напр.: С.55, 115-116, 139, 167.

Интересно, что Мейерхольд точнее почувствовал природу кузминского театра (на примере «Комедии о Евдокии»), нежели А.Блок и Вяч. Иванов.

Особый интерес представляют письма советского периода, когда пути Кузмина и Мейерхольда уже отчетливо разошлись. Правда, до 1919 они оба сотрудничают с ТЕО Наркомпроса⁹, а Кузмин, будучи театральным рецензентом газеты «Жизнь искусства», пишет довольно нелестный отзыв о мейерхольдовской постановке «Петра Хлебникова» Л.Н.Толстого в Александринском театре¹⁰. Отметим и такой малоизвестный факт: когда 22 апреля 1923 на сцене Александринского (уже бывшего) театра состоялось чествование Мейерхольда в связи с 25-летием его сценической деятельности, в Юбилейную комиссию входил и Кузмин¹¹. К этому случаю им были написаны стихи, нам не известные, а может быть, так и не прочтенные¹².

Среди последних писем выделяется письмо 1927 — важный документ, характеризующий «позднего» Кузмина. Случай с пьесой Кузмина «Прогулки Гуля», о которой идет речь в этом письме, никак нельзя назвать типичным. Кузмин, даже в более сложные периоды своей жизни избегавший просить о чем-либо для себя, здесь сам обращается к Мейерхольду с просьбой о встрече, поддавшись чисто художественному искушению совместного (и заведомо неосуществимого) сотрудничества с другом молодости.

Предлагаемая вниманию читателя переписка в таком объеме публикуется впервые. Ранее были напечатаны полностью три письма Кузмина и шесть Мейерхольда (в 1976 в томе переписки Мейерхольда), еще несколько отрывков из писем Кузмина процитированы в научных статьях. К сожалению, публикацию в томе писем Мейерхольда нельзя признать удовлетворительной (в особенности это касается текстологии) в интересующей нас части, поэтому все девять опубликованных писем печатаются по архивным источникам. Кроме собственно писем Кузмина и Мейерхольда публикация включает в себя: записку Сапунова Кузмину с припиской на полях Мейерхольда; письмо Мейерхольду, подписанное Кузминым и Сапуновым (авторство Кузмина здесь не вызывает сомнений), а также Приложение, содержащее документы из фонда Мейерхольда в РГАЛИ, — документы, дополняющие основной текст публикации (среди последних письмо, адресованное неизвестному лицу, подписанное Кузминым и Н.Кузнецовым, но очевидно также принадлежащее Кузмину).

⁹ Мейерхольд упомянут в дневнике Кузмина 23 августа 1918 в связи с пьесой Кузмина «Два брата, или Счастливый день»: «Блок и Мейер подняли против меня целую кампанию» (*ЛН*. Кн.2. С.162).

¹⁰ *Жизнь искусства*. 1918. №20 (22 ноября). С.3. Между прочим, в период уже гораздо менее интенсивного общения, Кузмин дал и весьма лестную для Мейерхольда оценку его выступлению в качестве актера на сцене Михайловского театра в «Венецианском купце» Шекспира. См.: Кузмин М. Михайловский театр // *Биржевые ведомости*. 1916. 17 сентября. Веч. вып. №15808. С.4.

¹¹ См. программу вечера в собрании С.-Петербургской Театральной библиотеки.

¹² В авторском списке произведений 1920-1927 за апрель 1923 отмечены «стихи Мейерхольду» (ИРЛИ. Ф.172. Ед.хр.319. Л.110об.).

Из характерных особенностей авторского письма следует отметить двойную датировку в некоторых письмах Кузмина. Помечая письма одновременно по старому и новому стилю, Кузмин не всегда выдерживает взятую последовательность и меняет числа местами. Для Мейерхольда характерно подчеркивание синим карандашом отдельных мест из писем своего корреспондента, а также обычно отмечаемое им сверху листа время получения письма. Тексты публикуются по автографам и авторизованным машинописным копиям (последние оговорены в примечаниях). Особенности орфографии авторов оставлены без изменений. Расстановка дат унифицирована.

Публикатор считает приятным долгом поблагодарить Н.Г.Князеву, предоставившую для публикации письмо 13; С.В.Шумихина, позволившего ознакомиться с текстом дневника Кузмина (подготовленным им к печати совместно с Н.А.Богомоловым), а также Д.В.Елесина и С.И.Панова за помощь в работе.

В примечаниях и вступительной статье используются следующие сокращения:

Богомолов — Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995;

Волков — Волков Николай. Мейерхольд. Т. I-II. Л.: Academia, 1929;

Дневник I-III. — Кузмин М. Дневник. Т. 1-3. Подготовка текста, комментарии и вступ. ст. Н.А.Богомолова и С.В.Шумихина (т.1 — в печати);

ЛН (с указанием книги) — Литературное наследство. Т.92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.1-5. М., 1981-1993;

Переписка — Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896-1939. Сост. [и комм.] В.П.Коршуновой и М.М.Ситковецкой. М., 1976;

Шмаков — Шмаков Г.Г. Блок и Кузмин: Новые материалы [Исследование и публикация писем А.А.Блока М.А.Кузмину] // Блоковский сборник. II. Тарту, 1972. С.341-364.

Кузмин — Мейерхольду

17/3.XII.1906

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич.

Я горд и счастлив, если смогу быть чем-нибудь полезен Вашему театру, который мне необыкновенно дорог совершенно независимо от каких-нибудь личных отношений. Я очень люблю эту вещь Ал[ександра] Алекс[андровича] и с радостью попробую сделать музыку к подобающим местам¹.

Нужно поговорить лично. Боюсь, что не попаду 4-го днем², но, во всяком случае, скоро увидимся и, если позволите, буду часто заходить в театр. Не знаю, не помешает ли то, что я довольно скоро собираюсь в Москву дней на десять³. Впрочем, там видно будет.

Мой привет Ник. Ник. Сапунову и всем друзьям.

Сердечно преданный

М.Кузмин

Я Вам очень благодарен за мысль хоть чем-нибудь попробовать меня соприкоснуться [так! — П.Д.] Вашему дорогому театру.

Я слышал, что в каком-то концерте будет читаться моя «Весна»⁴, даже будто бы под мой аккомпанемент. Т.к. эта вещь предполагалась на одну из Ваших суббот⁵ и рукопись только находится у Вас, то я считаю нужным сказать, что обладание рукописью никак не дает права исполнять где угодно и как угодно, и если Вам случайно известно, кто и где это хочет сделать, то будьте добры сказать, что я совершенно не даю разрешения на это, если, конечно, такое мое заявление имеет какое-либо значение.

Мой адрес: Суворовский, 34, кв.10⁶.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.1-2. Опубликовано — *Переписка*. С.79-80. Отрывок (с неточностями) приведен в статье Г.Г.Шамова. — *Шамов*. С.342.

¹ Письмо от Мейерхольда Кузмин получил накануне. См. запись Кузмина в дневнике за 2 декабря: «Утром письмо из театра /.../ от Мейерхольда с просьбой дать музыку к "Балаганчику"» (*ЛН*. Кн.2. С.153). Очевидно, Кузмин был уже знаком с текстом пьесы А.А.Блока по первой публикации в альманахе «Факелы» (Кн.1. СПб., 1906), т.к. первая читка «Балаганчика» состоялась позже, 10 декабря. См.: Дьяконов А. (Ставрогин). Александр Блок в театре Комиссаржевской // *О Комиссаржевской: Забытое и новое: Воспоминания*. Статьи. Письма. М., 1965. С.84. Шесть

музыкальных номеров, написанных Кузминым для спектакля («Вступление», «Вальс масок», «Первые влюбленные», «Вторые влюбленные», «Маски с факелами», «Флейта Пьеро»), были напечатаны в кн.: Блок А. Лирические драмы. СПб.: Шиповник, 1908. С.164-170. (Перепечатаны в кн.: Блок и музыка: Хроника. Нотография. Библиография. Л., 1980. С.199-204).

² Ср. дневниковую запись за 4 число: «Все-таки поехал в театр. "Вечная сказка" [генеральная репетиция пьесы С.Пшибышевского. — П.Д.] мне очень понравилась. Говорил с Мейерхольдом. Дал Веригиной стихи» (*Дневник Л.* Веригина Валентина Петровна (1882-1974) — актриса театра В.Ф.Коммиссаржевской).

³ Предполагаемая поездка в Москву к С.Ю.Судейкину не состоялась.

⁴ Какой концерт имеется в виду — неизвестно. Ср. с записью в дневнике за то же число: «Веригиной отказал в позволении читать где-то мою "Весну"» (*ЛН.* Кн.2. С.153). «Весна» — первая часть музыкальной сюиты Кузмина «Куранты любви» (первая публикация текста без нот — *Весы.* 1909. №12). Отдельное издание произведения вышло в Петербурге в издательстве «Скорпион» в 1910. Первое исполнение всего цикла состоялось 30 ноября 1907 (см.: *Богомолов.* С.111-113).

⁵ Ср. записи в дневнике за 2 ноября: «Мейерхольд просил повидаться насчет исполнения "Весны" в одну из "суббот"» и за 6 ноября: «Я отдал "Весну" и "Лето" Мейерхольду» (*Дневник Л.*). До открытия сезона в репетиционном помещении театра Коммиссаржевской были устроены литературно-музыкальные «субботы» (14, 21 и 28 октября). На последнем из этих вечеров Кузмин исполнял свои музыкальные произведения (вероятнее всего те, которые он сам называл «песенки», а также некоторые из «Александрийских песен»). Предполагалось также исполнение только что написанной «Весны», но оно, очевидно, так и не состоялось. В «Картонном домике» Кузмин дал следующую картину вечера: «"Весну" сыграйте, "Весну"! "Михаил Александрович, Ваша очередь", — летели какие-то две актрисы с раздувающимися платьями, как ангелы Гирландайо /.../ Играя, Демьянов все время видел через головы других бледное круглое лицо с будто незрячими глазами, устремленными на него. Это его смущало и сердило и, торопливо кончив песенки на свои же слова, чувствительные и флиртующие, он спешно вышел в соседнюю залу». — *Белые ночи: Петербургский альманах.* [СПб.], 1907. С.124-125. (Искажение в фамилии итальянского художника исправлено по смыслу). Нам кажется, что в приведенном отрывке Кузмин смешивает (возможно, намеренно) одну из «суббот» и вечер после премьеры «Балаганчика», состоявшийся по инициативе Б.К.Пронина (описание вечера см.: Веригина В.П. Воспоминания. [Л.], 1974. С.89).

⁶ Адрес квартиры сестры Кузмина — В.А.Мошковой, где Кузмин жил в 1905-1907.

Кузмин — Мейерхольду

9 декабря 1906

Дорогой Всеволод Эмильевич,

очень соскучился, не видя Вашего театра, но увы слишком много о нем слышу¹. Не далее как вчера, будучи у моего милого друга Сомова, в обществе Бакста, Нувель и Добужинского², опять слушал о Вашем театре, который мог бы быть «довольно симпатичным» при небольших реформах, а именно:

1. убрать Веру Федоровну;
2. перемена необходимая режиссера;
3. переменить труппу;
4. переменить художников;
5. переменить Ваших советников (?);
6. изменить репертуар;

тогда при оставшихся здании, занавесе Бакста³ и средствах театра могло бы что-нибудь выйти порядочное, вроде некоторых постановок балетов («Феи кукол»⁴) или театра Яворской⁵.

И мнение стольких и таких известных людей не настолько ли важно, чтобы Вам и не попробовать его принять и для начала повеситься самому?

Я Вам должен это написать, т.к. что бы они ни говорили, их настоящее мнение таково, как я изложил.

Меня несколько утешил Волошин, принесший мне корректуры 2-х фельетонов для «Руси» о театре и о «сестре Беатрисе»⁶ очень-очень сочувственных (он, между прочим, и сам художник и во всяком случае не безызвестный худож[ественный] критик и в большом удовольствии от постановки и декорации Метерлинка). Вяч. Иванов, Ремизов, Соллогуб [так. — П.Д.] и молодежь (Городецкий и др.⁷) очень Вам сочувствуют, если только это может утешить в брани петербургских художников, сочувствие (полное) которых можно распылить только на вышеуказанных условиях.

Я очень расстроен и очень скучаю, я собираюсь в Москву⁸, я не знаю, как я успею написать музыку. Мне очень хочется Вас видеть, все эти толки и сплетни и шамканье меня удручает. Простите, что так откровенно и нелепо пишу Вам, кланяйтесь Ник.Ник. Сапунову и всем друзьям.

Ваш искренно

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.3-4об. Отрывок приведен — ЛН. Кн.2. С.167 (прим.72).

¹ Ср. запись в дневнике за то же число: «Сегодня утром написал откровенно Мейерхольду. Начинается какая-то борьба, как мне вести себя?» (ЛН. Кн.2. С.154), а также более раннюю запись от 27 ноября: «В театре все полно интриг и конфликтов» (*Дневник I*). Письмо Кузмина является ответом на несохранившееся письмо Мейерхольда от 7 декабря. В этот день Кузмин отмечает в дневнике: «Письмо от Мейерхольда, что "Балаганчик" идет скорее, чем думали, и оканчивается забавной фразой: "Мне хочется, чтобы Вы знали, что я Вас люблю сильнее, чем Вы предчувствуете". Занятно» (ЛН. Кн.2. С.154). В тот же день состоялась встреча Кузмина с Мейерхольдом и разговор о намечаемой постановке (см.: Там же).

² Каждый из названных художников (а также чиновник особых поручений В.Ф.Нувель) так или иначе был связан с театром в первые два сезона его существования на Офицерской (впоследствии Кузмин напишет о творчестве каждого по отдельной статье). Так, например, К.А.Сомов (выведенный в «Картонном домике» под фамилией Налимов) выполинил эскизы для программы театра, по эскизу Л.С.Бакста был изготовлен занавес «Элизиум», а М.В.Добужинский оформил спектакль по пьесе А.М.Ремизова «Бесовское действо» (преьера — 4 декабря 1907, режиссеры — Ф.Ф.Коммиссаржевский и А.Н.Зонов, композитор — М.А.Кузмин).

³ См. прим.2. Ср. также отзыв Кузмина в дневнике за 10 ноября: «Занавесь Бакста скучная и непонятная, и главное совершенно безвкусная» (ЛН. Кн.2. С.153).

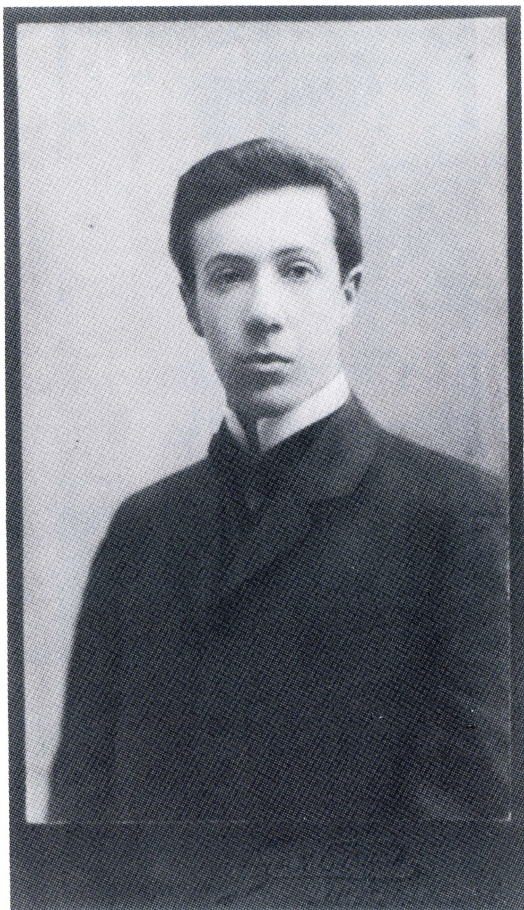
⁴ «Фея кукол» («Die Puppenfee») — одноактный балет Й.Байера (1888), чрезвычайно популярный на сцене. Для постановки в Мариинском театре в 1903 эскизы декораций и костюмов выполнил Л.С.Бакст.

⁵ Замечание Кузмина вызвано, возможно, и тем обстоятельством, что в 1906 Новый театр Л.Б.Яворской воспринимался многими современниками как более радикальный, чем театр В.Ф.Коммиссаржевской. (Отметим, что впоследствии, в сезоне 1915/1916, театр Яворской размещался в том же здании на Офицерской).

⁶ Имеются в виду две статьи, опубликованные под общим заголовком «Лики творчества»: I. «Театр — сонное видение», II. «"Сестра Беатриса" в постановке театра В.Ф.Коммиссаржевской» (Русь. 1906. 9 декабря. №71). Волошину принадлежит и одна из первых статей о творчестве Кузмина (Лики творчества. II. «Александрийские песни» Кузмина), также помещенная на страницах газеты «Русь» (1906. 22 декабря. №83). Преьера «Сестры Беатрисы» М.Метерлинка состоялась 22 ноября 1906 (режиссер — В.Э.Мейерхольд, художник — С.Ю.Судейкин).

⁷ Речь идет, очевидно, о том резонансе, который вызвали постановки в театре Коммиссаржевской среди писателей, постоянных посетителей «сред» Вяч.Иванова.

⁸ См. прим.2 к письму 1.

В.О.Лихтенштадт. 1900-е. Архив М.М.Тушинской.

М.М.Лихтенштадт. 1900-е. Архив М.М.Тушинской.

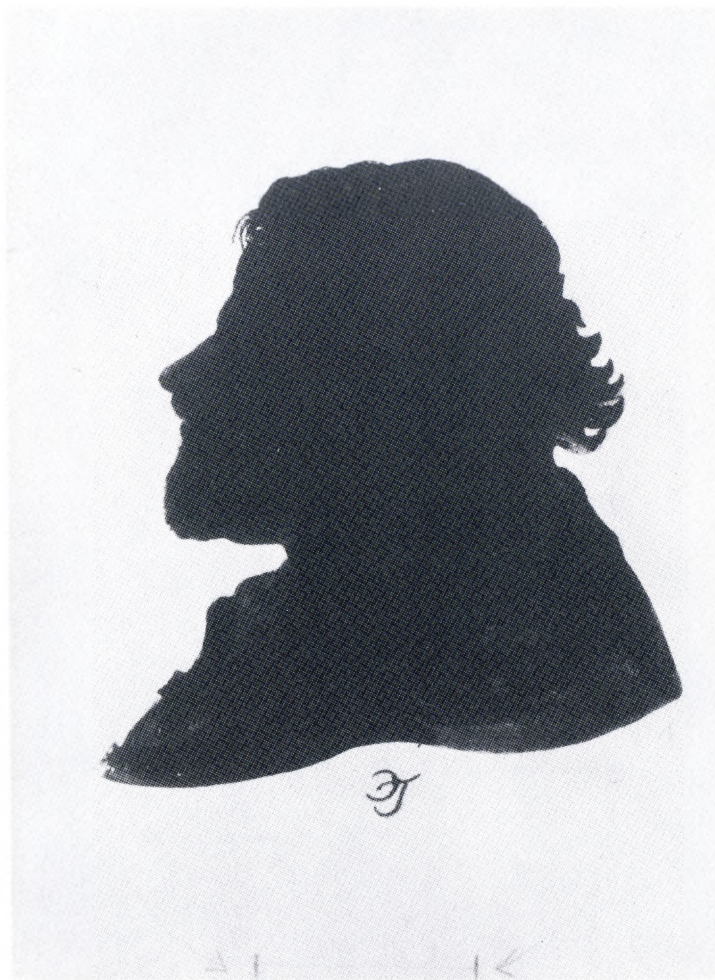
Слева направо: Б.М.Зубакин, М.Горький, Н.А.Пешкова, З.М.Пешков,
М.А.Пешков. 1927. Сорренто. Архив Ю.М.Каган.

Б.М.Зубакин. Москва. 1933. Архив Ю.М.Каган.

Е.С.Ильинская-Зубакина. На обороте: «Моему единственному Борису от Елены. 3 августа 1935 г.». Архив Ю.М.Каган.

Силуэтный портрет М.А.Волошина работы Э.Ф.Голлербаха.
Из собрания Ирины и Марка Баженовых.

К.А.Сюннерберг. 1919. ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.642

К.М.Миклашевский за монтажным столом.
Нейбавельсберг, Германия. Март 1930.

Кузмин — Мейерхольду

[20 декабря 1906]

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Я не был на репетиции, т.к. повестка приглашала на 19 дек[абря], понедельник (т.е. 18-го и на 19), и я почему-то думал, что это сегодня¹. Но и вообще я очень неважно себя чувствую, очень недоволен своей музыкой, другой написать не могу. А, м.б., это все и вздор, и я просто хандрю. В четверг буду, очень соскучившись по Вашим корридорам. Поклон всем друзьям. Всего хорошего. Зайдите когда-нибудь, а? Я буду очень рад.

Преданный Вам

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.5.

¹ Репетиции «Балаганчика» начались с 10 декабря (см.: Дьяконов А. Указ. изд. С.84-85). Кузмин присутствовал в этот день на первой читке пьесы. Ср. дневниковую запись за то же число: «Был на репетиции /.../ Мейерхольд был очень таинствен, говорил, что должен иметь со мною долгий разговор» (*ЛН*. Кн.2. С.154). Репетиции в четверг, 21 декабря, зафиксированы в дневнике: «Разбужен письмом из театра, зовут на оркестровую пробу в 12 ч., конечно не поспею. /.../ Поехал в театр на [вечернюю. — *П.Д.*] репетицию, был[и] Блок, Сапунов; в театре были милы, музыка издали и в скрипках звучит лучше: далекая, приятная и доступная. Идет "Балаганчик" хоршо» (Там же).

Кузмин — Мейерхольду

[22/XII.1906]

Дорогой Всеволод Эмильевич,

насчет гонорара за музыку к «Балаганчику» я решительно не знаю, что Вам сказать. Я так люблю эту вещь Александра Александровича, так ценю его талант, Ваш и Николай Николаевича, так искренно предан Вашему театру, что оказать такое малое, такое слабое участие в Вашей работе мне лучшая награда и лучший гонорар, и мне было бы почти обидно переводить это на такую почву, т[ем] более, что Вам придется платить за музыку музыкантам и Брюнелли¹.

Не скрою, что музыка была бы гораздо удачнее, гораздо окрыленнее, если бы я соработал с Сергеем Юрьевичем, и мне кажется, что это было *не* невозможно², и, может быть, я несколько огорчен на судьбу за не столь удавшуюся музыку — вот, м.б., тайная причина моего несколько печального лица.

Но, конечно, на Вас я и не сердит и не обижен. И потом, мне кажется, что Вы, может быть, прислушиваетесь к чьим-то чужим словам (Бакста? Сомова?), меньше меня любите, м.б., считаете меня заинтересованным, интриганом — и потому я реже бываю в театре, чем мне этого хочется, чем бывал прежде.

Я пишу очень искренне и очень откровенно. Я очень мало заинтересован материально, поверьте мне, и мне очень жаль, что мне приходится сдерживать проявление своего расположения к Вашему театру именно из боязни показаться делающим интриги.

Любящий Вас

М.Кузмин.

Приветствие всем друзьям.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.6-7об. Опубликовано: *Переписка*. С.81. Отрывок (с неточностями) процитирован в: *Шмаков*. С.342.

¹ *Брюнелли* Ева Адольфовна — композитор, дирижер оркестра театра В.Ф.Коммиссаржевской. Ср. запись в дневнике за 11 декабря: «Мейерхольд затеял шашни с дамой-капельмейстером Брюнелли и предлагает ей оркестр[овать] и устроить мою будущую музыку» (*Дневник Д*).

² Ср. недатированное письмо С.Ю.Судейкина Мейерхольду, относящееся к более раннему времени: «Я знаю от М.А.Кузмина, что уже начались считки "Балаганчика" Блока и что музыку поручено писать Кузмину. Желание Кузмина и мое было совпасть в какой-нибудь постановке, что не раз высказывал Вам. Михаил Алексеевич высказал мне прямо, что желал бы писать музыку к моим декорациям. По сообщению Кузмина знаю, что и А.Блок этого желает...» (*ЛН*. Кн.3. С.263). Дневник Кузмина за этот период полон сетований на невозможность сотрудничества с С.Ю.Судейкиным. См., напр., записи от 7 декабря: «С Мейерхольдом говорил о постановке Блока, кажется это непоправимо» (*ЛН*. Кн.2. С.154); или 10 декабря: «Как было бы прекрасно, если бы "Балаганчик" ставил Судейкин, как я бы писал музыку» (Там же).

5

Кузмин — Мейерхольду

13 января 1907

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич,
подумав, я решил, что принимать участие в постановке «Зобиды»¹, как бы оно ничтожно ни было (но все-таки связанное с мо-

им именем), я не хочу, хотя и люблю Гофмансталь. Условия «Балаганчика» были совсем иные: там было место соработать очень высоко ценимым друзьям². Спешу Вас уведомить, чтобы Вы имели время сделать заранее это дело по-иному, поручив не мне. Мне кажется, очень нетрудно подобрать из музыки Рубинштейна и т.п., как Вы это сделали с Григом для «Комедии Любви»³. Что касается моей маленькой комедии⁴, я охотно ее прочту сам, т.к. она очень нечетко написана, а переписывать только «на всякий случай» мне не хочется. Т.к., будучи это время занят, я вряд ли буду иметь возможность бывать в театре, то очень бы просил Вас известить меня письменно. Если бы Вы заглянули ко мне, я был бы очень рад.

С уважением

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.8-9.

¹ «Свадьба Зобеиды» — драма в стихах в 3 действиях Гуго фон Гофмансталь. Постановка пьесы (в переводе О.Н.Чюминой) состоялась 10 февраля 1907. Режиссеры — В.Э.Мейерхольд и Ф.Ф.Коммиссаржевский, художник — Б.И.Анисфельд. Художественное оформление спектакля Кузмин оценивал неизменно критически. Ср., напр., характерное суждение героя «Картонного домика»: «"У Коммиссаржевской перенесли же 'Зобеиду' из Персии в Тифлис и вместо персидских дали еврейские платья". "Помоему, там второе действие перенесено даже не в Тифлис, а в отдельный кабинет покойного 'Альказара'..."; — заметил Демьянов улыбаясь». (Белые ночи. Указ. изд. С.132). См. также статью Кузмина в «Весах» (1907. №5. С.98-99).

² Помня, очевидно, о неисполненном желании Кузмина работать вместе с Судейкиным, Мейерхольд в своем несохранившемся письме от 10 января, вероятно, поставил возможность их сотрудничества в зависимость от согласия Кузмина дать музыку к пьесе Гофмансталь (ср. дневниковую запись за то же число): «Мейер[хольд] предлагает Судейкину ставить всего "Тентажиля" — конечно, чистый шантаж, никакой постановки не будет. От "Зобеиды" я откажусь сарgement [наотрез (*фр.*)], м.б., я имею право вести себя капризно» (*Дневник I*).

³ «Комедия любви» — драма в 3 действиях Г.Ибсена, пер. А. и П.Ганзен. Режиссер — В.Э.Мейерхольд, художник — В.И.Денисов. Премьера — 22 января 1907.

⁴ Имеется в виду, очевидно, одна из пьес Кузмина, вошедших в сборник «Три пьесы», появившийся весной 1907 и запрещенный цензурой.

31 мая 1907

Дорогой Всеволод Эмильевич!

простите, что не смог заехать к Вам и не прислал еще Вам «Цветника»¹ и «3-х пьес». Дело в том, что «Цветников» участникам давали очень по-малу, а вторая книжечка еще не вышла перед моим отъездом. Возвратясь в Петербург вероятно в июле, я Вам не премину прислать или привезти то и другое. Теперь я пишу «Комедию о Алексее» и стихи. Мой адрес: Окуловка Ник[олаевской] ж.д. Контора Пасбургов².

Надеюсь, что Вы в добром здоровье, равно как и дорогая Ольга Михайловна³, которой шлю от души самые почтительные приветы. Поскольку это зависит от Вас, находите ли Вы возможным и желательным постановку «Евдокии» именно в том роде, как думает Сомов и как я Вам говорил? Мне все-таки это хотелось бы знать⁴.

Искренно Ваш

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.988. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.10-11. На л.10 сверху помета Мейерхольда — «отв[ечено]».

¹ «Цветник Ор» — альманах, издаваемый Вяч.Ивановым. В 1907 вышел единственный выпуск альманаха «Кошница первая», в котором была опубликована «Комедия о Евдокии из Гелиополя» Кузмина.

² 26 мая Кузмин вместе с семьей сестры, Варвары Алексеевны Мошковой, переехал в их имение в Окуловке Новгородской губернии.

³ Мейерхольд (урожд. Мунт) О.М. (1874-1940) — актриса, жена Мейерхольда.

⁴ 4 мая 1907 Кузмин был в Куоккале и читал Мейерхольду «Комедию о Евдокии», которая по признанию режиссера (в письме к А.А.Блоку от 5 мая он называет пьесу «Святой Евдокией») ему «очень-очень понравилась» (*Переписка*. С.91). Некоторое представление о том, в каком роде Кузмин хотел видеть свою пьесу поставленной на театральной сцене, дает его письмо к В.Я.Брюсову, написанное накануне, 30 мая: «Сам Вячеслав Иванов, беря мою "Комедию о Евдокии" в "Оры", смотрит на нее как на опыт воссоздания мистерии "всенародного действия", от чего я сознательно отрекаюсь, видя в ней, если только она выражает, что я хочу, трогательную, фривольную и манерную повесть о святой через XVIII век» (Цит. по: Богомолов Н.А. Петербургские гафизиты // Серебряный век в

России: Избранные страницы. М., 1993. С.208. Прим.48). Очевидно, такое понимание пьесы перекликалось и с планами режиссера (см. прим.3 к письму 8). Ср. также запись Кузмина в дневнике 31 марта 1907: «Укрепляюсь в мыслях сделать из "Евдокии" une fadeur [безвкусицу (*фр.*)] XVIII века» (*Дневник I*).

7

Кузмин — Мейерхольду

15 июня 1907

Дорогой Всеволод Эмильевич,

благодарю Вас за письмо¹ и за добрую память. Не знаю, удастся ли мне выбраться отсюда: я задичал и заработался. «Алексея» я кончил, он вышел, м.б., несколько больше «Евдокии»; третья пьеса совсем небольшая, в половину первых двух, уже хорошо обдумана². Но они не имеют между собою никакой связи и были бы утомительны, м.б., за один раз. Вернее похлопотать об одной из них.

Видели Вы заметку о Вашем театре в «Весах»³? Довольны ли Вы ею или находите несправедливою? там есть неприятные опечатки:

1) вместо «казалось» — «оказалось» и

2) вместо «такою любовью» — «также любовью».

Очень жду осени, хочется со всеми видеться и жить городской жизнью. Мой поклон дорогой Ольге Михайловне и всем, кто с Вами. До свиданья. Вам очень кланяется Сережа Ауслендер⁴.

Ваш М.Кузмин.

Что пьеса Мережковских и Философова?⁵ на что похожа?

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.12-13.

¹ Письмо (неизвестное нам) было получено, судя по записи в дневнике, 10 июня (его предварило также несохранившееся письмо, полученное 4 июня).

² Речь идет о пьесах «Комедия о Алексее человеке Божиим» и «Комедия о Мартиниане», составивших вместе с «Комедией о Евдокии» сборник «Комедии», выпущенный в конце 1908 — начале 1909 изд-вом «Оры».

³ Заметка о театре Коммиссаржевской была написана 4 апреля 1907 (*Дневник I*).

⁴ *Ауслендер Сергей* Абрамович (1886-1943) — прозаик и критик, племянник Кузмина.

⁵ Имеется в виду пьеса З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковского и Д.В.Философова «Маков цвет» (СПб., 1908).

Мейерхольд — Кузмину

17 июня [19]07. Куоккала

Дорогой Михаил Алексеевич!

Неужели не приедете? Если нет, может быть, найдете возможным прислать мне «Куранты Любви» — тексты и ноты¹. Хорошо бы здесь сделать ряд опытов. А к «Выбору невесты»² уже написана музыка? Пришлите. А то приехали бы!?

Майской книги «Весов» еще не имел в руках. О «Евдокии» буду хлопотать горячо: отдельные сцены перечитываю по несколько раз и восхищен Вашей пьесой очень³.

Как бы хотелось скорее послушать «Алексея»!

Пьеса Мережковских и Философова в роде «К звездам» Андреева⁴ — такая же чепуха психологических переживаний на фоне революции. Даже не верится, что эта вещь написана ими. Привет Ауслендеру. Наши Вам кланяются.

Любящий Вас

Вс. Мейерхольд.

P.S. Не знаете ли адреса Ал. Бенуа?⁵

РГАЛИ. Ф.2571. Оп.1. Ед.хр.229. Опубликовано — *Переписка*. С.99.

¹ См. прим.3 к письму 1.

² «*Выбор невесты*» (1906) — мимический балет Кузмина, включенный в сб. «Три пьесы» (см. прим.3 к письму 5). Постановка «Выбора невесты» была осуществлена позднее, 30 марта 1910 на сцене Дворянского Собрания. Балет был поставлен В.И.Пресняковым для Художественного вечера М.А.Ведринской (исполнившей роль Пипет). Мейерхольд был со-режиссером этого спектакля, а также сыграл роль слуги Кадеди (в программе имя Мейерхольда было скрыто астериском ...). Из музыки Кузмина к пьесе опубликован заключительный гавот, см.: Кузмин М. Гавот и павана. СПб.: Циммерман, [1913].

³ Ср. отзыв Мейерхольда о пьесе Кузмина (перекликающийся с авторским замыслом) в письме Ф.Ф.Коммиссаржевскому от 17 июля: «Обращаю Ваше внимание — Веры Федоровны и Ваше — на пьесу Кузмина "Святая Евдокия". Чудесная вещь. Как прелестно будет звучать со сцены анахронизм: костюмы XVIII века и мотивы начала христианства в тексте поэта» (*Переписка*. С.103). Пьеса Кузмина, однако, была отвергнута В.Ф.Коммиссаржевской. К июлю 1907 относится ее уничижительный отзыв в письме к Мейерхольду: «Пьесу Кузмина прочла, и вот мое впечатление: в изящной раме бессодержательная, ни зачем не нужная картина. Залюбовавшись рамой, Ваша впечатлительность бессознательно для Вас

сказала Вам: "А картину я сам напишу", но ведь на это не стоит, да и опасно себя расхваливать» (Цит. по кн.: Вера Федоровна Комиссаржевская: Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы. Л.; М., 1964. С.165).

⁴ «К звездам» (1905, пост. в 1906) — драма Л.Н.Андреева.

⁵ В связи с чем понадобился Мейерхольду адрес А.Н.Бенуа (его будущего антагониста и непримиримого критика), нельзя сказать точно. Возможно, это было связано с замыслом постановки «Евдокии» на сцене театра В.Ф.Комиссаржевской и приглашением Бенуа в качестве художника. Сохранилось ценное свидетельство (письмо Кузмину от 18 августа 1907) Н.Н.Сапунова, характеризующее околотеатральную атмосферу нового сезона: «Дорогой мой Михаил Алексеевич, это очень хорошая мысль поставить Вашу "Евдокию" в духе XVIII века, хотя я думаю, лучше было бы держаться XVII-го столетия, по-моему, это острее и в этом духе можно было бы сделать нечто поразительное из этой постановки. Вот, где можно было бы применить цветные парики и огненные краски! Восемнадцатый век слишком использован и стал уже надоедать. Кому это пришла мысль пригласить Бенуа? Он все испортит и сделает из этой постановки виньетку, меню или черт знает что. Неужели Вы, дорогой мой, не понимаете, что все эти Бенуа, Баксты и прочие "типы Мира Искусства" — люди отжившие, это художники вчерашнего дня. Они вовсе не живописцы; Бенуа, который никогда не видел цвета, разве может справиться с такой колористической постановкой, какой требует Ваша "Евдокия"? Это ему не по зубам! Как Вам не стыдно связываться с этими Петербургскими старичками, из которых, кажется, уже песок сыпется. Давно следует всех их сложить на полку. Пора им замолчать о себе. Я не хочу навязываться, но если бы мне предложили постановку Вашей мистерии, я бы с радостью согласился, потому что я ее очень чувствую, она очень подходит к моей индивидуальности и у меня хватило бы темперамента для этого, — я так люблю и понимаю Ваше творчество. Вместе мы могли бы создать такую постановку, о которой они и не думали и не мечтали, одним словом, я бесцеремонно заявляю Вам о себе и выставляю свою кандидатуру на Вашу "Евдокию"» (РНБ. Ф.400. Ед.хр.138. Л.1).

9

Кузмин — Мейерхольду

1 июля 1907

Дорогой Всеволод Эмильевич,

благодарю Вас за письмо и вообще за все. Знаете, я так устроился, что не только не имею здесь своих нот, но и в городе раньше осени не могу их достать. К «Выбору невест» [так. — П.Д.] я и не писал музыки. Это предполагалось набрать из готовых номеров

старых балетов. Исполнители предполагались: Сабашникова (Пипет), Зиновьева-Аннибал (Гюльнара), Добужинский (Кадеди), Нувель (Мирлитон), Сомов и я (турки). Но потом это расстроилось¹. Я кончил «Алексея» и пишу небольшую последнюю пьесу «о Мартиньяне» в числе других вещей. Чулков поступил со мной неважно, не только напечатав «Картонный Домик» без 5-ти последних глав, но и совсем потеряв их². Опечатки прямо вопиющие. Очень жду осени, очень. Я все-таки не теряю надежды попасть летом и к Вам³. Мой почтительный привет Ольге Михайловне.

Любящий Вас

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.14-15.

¹ Ср. запись в дневнике за 8 октября 1906 г.: «У Сомова и Добужинского прелестная мысль устроить [на «башне» у Вяч.Иванова. — П.Д.] маленькое мимическое представление, сюжет которого просят составить меня, где бы танцевали Добуж[инский], Нувель, Сомов, Диотима [Л.Д.Зиновьева-Аннибал. — П.Д.] и я, в разных гостиных, в ситцевых костюмах. Это было бы очаровательно /.../. У меня уже появляются мысли» (*Дневник Л.* 11 октября того же года Кузмин помечает «Придумал сценарий балета» (Там же).

² Повесть Кузмина «Картонный домик» была опубликована в альманахе «Белые ночи» в июне 1907 без окончания. См. по этому поводу письмо Кузмина с протестом в редакцию «Весов» (Весы. 1907. №6. С.74. Письмо датировано 25 июня 1907). Полностью повесть напечатана в 9-м томе собрания прозы Кузмина, вышедшем в Беркли в 1990. (Последнее издание так же, как и прижизненное, неудовлетворительно с текстологической стороны).

³ Речь идет, очевидно, о приглашении Мейерхольдом Кузмина в Териоки для участия в «Вечере современного искусства», состоявшемся 13 июля. Имя Кузмина было обозначено в афишах, однако его приезд не состоялся.

10

Кузмин — Мейерхольду

9 июля 1907

Дорогой Всеволод Эмильевич,
как давно не имел вестей от Вас. Я боюсь, уже не рассердились ли Вы на что-нибудь, на «Картонный Домик»¹, на заметку в «Весах», что я знаю? Я надеюсь, что нет, что все осталось по-старому

и так же мы друзья. Валентина Петровна², читавшая «Белые ночи», говорит: «не смотря ни на что, я все-таки Кузмина люблю»³. Я жду, что и Вы так же скажете, тем более я жду этого, когда теперь почти ежедневно получаю свою порцию помой в газетах⁴.

Я очень кланяюсь всем Вашим.

Преданный душевно

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.16-17.

¹ Мейерхольд выведен в «Картонном домике» под именем Олега Феликсовича. Вопрос Кузмина не случаен, т.к., например, Федор Сологуб был весьма недоволен своим изображением в повести Кузмина и требовал снятия посвященных ему строк из текста планируемого отдельного (несостоявшегося) переиздания повести. См. письмо Сологуба Кузмину от 3 сентября 1907 в публикации: Cheron G. F.Sologub and M.Kuzmin: Two letters // Wiener Slawistischer Almanach. Bd.9 (1982). S.369-374. Те же тексты см.: Rabinovitz S.J. F.K.Sologub. Two unpublished letters to M.A.Kuzmin // Russian Literature Trequarterly. 1988. Vol.21. P.179-183.

² В.П.Веригина, см. прим.2 к письму 1.

³ Точная цитата из письма Веригиной, приводимая Кузминым и в дневнике за то же число. Веригина вместе с Н.Н.Волоховой и Е.М.Мунт фигурируют в повести под прозвищем «маленькие актрисы».

⁴ Ср. с пассажем из письма В.Ф.Нувелю от 3 июля: «Милый друг, что Вы меня совсем забыли? или Вы думаете, что я уничтожен всеми помоями, что на меня выливают со всех сторон (и "Русь", и "Сегодня", и "Стол[ичное] утро", и "Понедельник")? Вы ошибаетесь. Приятности я не чувствую, но tu l'as voulu, Georges Dandin» (Цит. по: *Богомолов*. С.267). Вместе с «Картонным домиком» критике в печати подвергся роман «Крылья» и «Комедия о Евдокии».

11

Кузмин — Мейерхольду

29 июля 1907

Дорогой Всеволод Эмильевич,

благодарю Вас за те добрые слова, что я получил от Вас¹. Думая, что Вы вернулись из предполагаемой Вами поездки на север², пишу Вам только теперь. С нетерпением жду осени³, одной из главных прелестей которой будет несомненно подъем и оживление около Вашего, такого дорогого (потому временами и огорчавшего) театра. Приветствую всех Ваших.

Любящий Вас

М.Кузмин.

¹ Письмо неизвестно.

² По договору с театром В.Ф.Коммиссаржевской Мейерхольд должен был приступить к работе 1 августа. К этому времени он вернулся из Финляндии, где провел лето. Возможно, Кузмин имеет в виду поездку Мейерхольда в Териоки для устройства «Вечера» в театре В.Р.Гардина (см. прим.4 к письму 9).

³ Кузмин вернулся из Окуловки в Петербург 23 августа и уже 25 был на репетиции в театре: «поехал в театр. Всех почти видел; репетировали "Беатрису" без костюмов, и были смешны эти люди в пиджаках, говорящие трогательные вещи» (*Дневник I*).

12

Мейерхольд — Кузмину

[Петербург], 26/VIII [1907] (воскр.)

Посылаю Вам, дорогой Михаил Алексеевич, немецкий текст Пролога и Эпиграфа из «Erdgeist» и ремизовский перевод¹. Буду очень счастлив сплести свою фамилию вместе с Вашей на книге, которую обещают красиво издать². Жду Вас сегодня вечером в театр³. Ждем партию флейты.

Любящий Вас

Вс.Мейерхольд.

РНБ. Ф.124. Ед.хр.2751. Л.9. Опубликовано — *Переписка*. С.105.

¹ Мейерхольд перевел первую часть пьесы Ведекинда «Лулу» — «Вампир» («Дух земли») еще в 1905. Текст пролога и эпиграф к драме были переведены А.М.Ремизовым (см. цензурованные машинописные экземпляры №52730 и 58821 с цензурными изъятиями в собрании Петербургской Театральной библиотеки).

² Книга вышла в 1908 в качестве 2-го тома сочинений Ф.Ведекинда в издательстве З.И.Гржебина и С.Ю.Копельмана «Шиповник». Перевод Пролога и Эпиграфа в этом издании выполнен С.Городецким.

³ Ср. запись в дневнике за это же число: «Проехал в театр. Шло "Пробуждение весны" [репетиция. — П.Д.]. Было скучно. С Мейерхольдом вышли в "Вену", хотя он и боялся газетчиков. /.../ Вс.Эм. был в отчаянии. "Евдокию" Коммиссаржевская не очень-то хочет, вероятно, имея что-нибудь против меня, выражаясь о ней, как о "изящной безделушке", в которую Мейерхольд хочет вложить содержание» (*Дневник I*; ср. прим.3 к письму 8).

Мейерхольд — Кузмину

7 окт[ября 19]07

Дорогой Михаил Алексеевич!

Вчера З.И.Гржебин говорил мне по телефону: «пролог и эпиграф должны быть доставлены в "Шиповник" в течении [так. — П.Д.] этих двух-трех дней; если М.А.Кузмин не может или не хочет переводить, пусть сообщит». Дорогой, милый Михаил Алексеевич! Не надо отказываться. Умоляю Вас, переведите скоренько и посылайте перевод в «Шиповник» в эти два-три дня. Жду ответа. Ответьте, пожалуйста, и мне, и в «Шиповник», что Вы пришлете перевод. Отчего не видно Вас на нашем горизонте. На днях буду у Вас¹.

Любящий Вас

Вс.Мейерхольд.

Алексеевская 18, кв.80

Собрание М.С.Лесмана. (Информация о рукописи содержится в изданном каталоге, см.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. М., 1989. С.308). На бланке театра, украшенном виньеткой К.А.Сомова: Драматический Театр В.Ф.Коммиссаржевской. Офицерская 39.

¹ В данном случае «у Вас» обозначает квартиру Вяч.Иванова, в которой в то время жил Кузмин и где в начале 1906 состоялось знакомство Кузмина и Мейерхольда.

Кузмин — Мейерхольду

20/7 октября 1907

Дорогой Всеволод Эмильевич,

если бы просили меня написать 10 пьес, сделать музыку к «В городе»¹, танцевать у Вас качучу — я бы сделал. Но не просите меня сделать и напечатать 4 строчки перевода рифмованных стихов, ибо это слишком ясно невозможно. Я очень извиняюсь, но чего я не сделал в месяц, мне не сделать в два дня².

Я очень стремлюсь Вас видеть, но у Вас, говорят, строгости, за сцену не пускают и все такое, дома Вы редко, будучи заняты репетициями, как же быть?

В №11 «Перевала» моя «Комедия об Алексее» — если это Вас интересует³. Я не спрашиваю Вас об «Евдокии», не желая ставить

Вас в смущенное положение выдумывать приличные причины для отказа.

В среду я буду, конечно, на «Пеллеасе», запасшись уже билетом⁴.

Я по-прежнему люблю Вас и Ваш театр, но меня пугают строгости, к тому же я это время нездоров и редко выхожу.

Был бы счастлив, конечно, видеть Вас у себя. (5 — 7).

Привет всем друзьям.

Ваш

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.19-20.

¹ «В городе», драма в 4 действиях С.С.Юшкевича. Поставлена Мейерхольдом (совместно с П.М.Ярцевым) 13 ноября 1906 на сцене театра Коммиссаржевской. Шутка Кузмина, очевидно, связана с неприятием им драматургии этого круга.

² Речь идет о переводе из Ведыкина (см. письма 12, 13).

³ «Комедия о Алексее человеке Божиим, или Потерянный и обретенный сын» была впервые опубликована в московском журнале «Перевал» (№11. С.7-16).

⁴ В среду, 10 октября 1907, состоялась премьера «Пеллеаса и Мелисандры» М.Метерлинка (пер. В.Брюсова) в постановке Мейерхольда.

15

Кузмин — Мейерхольду

10 октября 1907

Дорогой Всеволод Эмильевич,
Гржебин сам всех подводит, его и Бог велел подвести¹.
А Вы простите.

Вы ничего не угадали, я и люблю Вас так же².

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.21.

¹ В дневнике Кузмина за осень 1907 неоднократно встречаются сетования на З.И.Гржебина, обещавшего издать несколько книг Кузмина, но так и не осуществившего свое намерение.

² Очевидно, в несохранившемся письме Мейерхольда (ответом на которое является эта записка), речь снова шла о переводе отрывка из пьесы Ведыкина «Дух земли» для издательства З.И.Гржебина «Шиповник» (см. прим.2 к письму 12).

Кузмин — Мейерхольду

1/19 октября 1907

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Вам не может быть неизвестно, что группой участников вечера 5-го нояб[ря] объявлен мне официальный бойкот¹. А.А.Блок², мои друзья музыканты, мои друзья художники в таком случае откажутся от участия в этом вечере, чтобы не быть молчаливыми сочувственниками бойкота. Мне было бы очень прискорбно не видеть Вас в числе моих друзей, и Вы имеете прекрасный случай доказать, что я «слишком рано Вас разлюбил»³. Вы не откажетесь сделать положение дела известным тем артистам, которые меня знают и хотя несколько ценят.

Было бы очень просто, если бы я был просто не приглашен, но раз вопрос ставится так остро, нужно и отвечать не менее остро. Итак, моя дружеская просьба сделать как можно более известным это обстоятельство, не утаивая его от участников. Тогда каждый будет поступать, ясно зная, что он делает. Я Вас очень серьезно и очень любовно прошу об этом.

На днях приеду на Алексеевскую⁴. Мой привет Ольге Михайловне.

Любящий Вас

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.22-23. Отрывок — *Шмаков*. С.353.

¹ Имеется в виду литературно-музыкальный вечер, устраиваемый студентами реального училища.

² Ср. письмо Кузмина Блоку 18 октября с просьбой отказаться от участия в вечере (*ЛН*. Кн.2. С.147-148) и ответ последнего (*Шмаков*. С.361).

³ Письмо Мейерхольда не сохранилось, ср. также последнюю фразу Кузмина из письма 15.

⁴ На Алексеевской улице (расположенной вблизи театра) жил Мейерхольд (см. письмо 13).

Кузмин — Мейерхольду

10 декабря 1907 [1908]

Дорогой Всеволод Эмильевич,

прошу Вас умиленно, помогите мне, как Вы мне раз уже великодушно помогли: найдите мне сегодня или завтра 50 р., которые

я Вам верну весной. Теперь же мне до зарезу они нужны. Сделайте это сами лучше всего, но не обращайтесь к близким мне друзьям, прошу Вас. Сделайте это, милый, если меня любите, Вы это можете. Ну хоть часть. Стою, вчера приехав, в «Северной»¹. Ответьте с посланным или по телефону. Прошу Вас, исполните эту просьбу.

Целую Вас

Ваш М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.24.

¹ Большая Северная гостиница (Невский пр., 118). С 29 июня и до 8 декабря 1908 Кузмин прожил (с небольшими перерывами) в Окуловке. Данный эпизод связан с С.С.Поздняковым, роман с которым длился около года (подробнее см.: *Богомолв*. С.113-114). В дневнике за 8-17 числа (т.е. уже ретроспективно) отмечено: «Он [Поздняков. — П.Д.] не встретил меня, номер был заказан, но не рядом. /.../ Все это время — медовый месяц любви, новая зра, но денег так нет, что получивши от Чичерина, я все равно без гроша. Совался по всем, помпадурсы ничего не ответили» (*Дневник П*).

18

Кузмин — Мейерхольду

Вторник, 19 января 1910

Дорогой Всеволод Эмильевич,
посылаю Вам перевод, довольно глупый, но точный по музыке гласных (*flamme* — сгораем; *tristesse* — безмятежный). Строчки и в оригинале нескладны.

Здесь мы страстью не сгораем,
Знаем; —
Сладко безмятежный
Нежный
Покой сойдет к нам в тишине,
И тоски безнадежной
Прежней
Нет уж в чистой стране.

Целую Вас

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.25. Французский оригинал стихотворения не установлен.

Кузмин — Мейерхольду

[Москва.] Ноября 16 дня 1910 года

Дорогой Всеволод,

все, что касается дел, ты узнаешь из моих писем к Жене¹, так же мне, к стыду своему, очень приятно и важно было сделать эту поездку с Н.Д.² Скучно было хлопотать и все время ждать в гостинице разных телефонов и тяжелых людей, так что нельзя было никуда пойти вечером и дело не двигалось вместе с тем желательным темпом. Теперь, несмотря на неблагоприятные ответы, лучше, т.к. можно просто жить в ожидании дрizenовских или головинских денег³, нужных на отъезд. Вероятно, выедем в четверг, ты уж не сердись, что Н.Д. пропускает столько репетиций. В Москве все переговоры ведутся за обедами и ужинами, так что мы все время едим и пьем. Чаще всего видимся с Ракитиным, Кожебаткиным и Ликиардопуло, хотя видели и Брюсова, Полякова, Рябушинского, Белого, Поз[д]някова⁴. Сегодня пойдем на «Карамазовых»⁵, и хотя хотелось бы на «Д.Кихота»⁶, но ничего нельзя уже достать, а знакомства нет. Холод страшный, но ясно и хорошо. «Интермедией» все очень заинтересованы, но вообще Москва при гошеньи несколько удручает. (Без Н.Д. я был бы как без рук, потому что он помнил когда, куда идти, звонить, ждать, записывал все телефоны, адреса, часы, я же сам бы все перепутал⁷). Стоим в одном номере очень хорошо и весело, но «Бешеную»⁸ не знаю, где и как писать. Хотя это дело дней двух дома будет, так что особенно беспокоиться нечего. Побуди Ал.Як. завтра же препроводить мне деньги телеграфом — это ускорит наш отъезд значительно. Как субботы?⁹ в мастерской у Головина? Работать хочется адски. Теперь, сдав перевод¹⁰, и с выбором в «Интермедию» Жени¹¹, времени будет больше. Я очень счастлив и бодр. Целую тебя и ручку Ольге Мих[айловне]. Н.Д. низко кланяется.

Твой

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.29-29об. На бланке гостиницы «Метрополь».

¹ Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884-1954) — театральный и литературный критик, драматург, в 1909-1912 — секретарь редакции журнала «Аполлон». Его пьеса «Обращенный принц» (второе название — «Amor omnia vincit» [«Любовь побеждает все», лат.]) была поставлена Мейерхольдом на сцене Дома Интермедий 3 декабря 1910 в оформлении С.Ю.Судейкина. (Опубликована в Журнале Доктора Дапертутто

«Любовь к трем апельсинам», в №3 за 1914). Стихи и музыку к пьесе написал Кузмин. Зноско-Боровский является автором первой биографии Кузмина (О творчестве М.Кузмина // Аполлон. 1917. №4/5). Письма, о которых пишет Кузмин, нам неизвестны, сохранилось, однако, более позднее письмо от 13 марта 1911, где речь идет, в частности, и о Доме Интермедий (см.: РНБ. Ф.124. Ед.хр.2283. Л.3-4).

² Ср. ретроспективную запись (4-10 ноября) в дневнике: «Опять большой пропуск. /.../ Скандал в "Интермедии" я так хорошо помню, что скучно писать. Выбор нас [с Н.Д.Кузнецовым. — П.Д.], чтобы поехать в Москву» (*Дневник П.*). Кузнецов Николай Дмитриевич (1889-1941?), актер. В 1910-1911 работал в Доме Интермедий. Кузмин посвятил Кузнецову свою пьесу «Голландка Лиза» (опубликована в альманахе «Северные цветы на 1911 год...» М.: Скорпион, 1911), которой 12 октября 1910 Дом Интермедий открыл свой 1-й сезон («цикл»), а также ряд других поэтических и драматических произведений этого времени. Поездка Кузмина с Кузнецовым в Москву была вызвана, с одной стороны, необходимостью привлечения внимания художественных сил Москвы к новому театральному предприятию, с другой — переговорами относительно предполагаемых гастролей. (Гастроли Дома Интермедий в Москве состоялись только осенью 1911 в помещении Литературно-художественного кружка). О предстоящей поездке Кузмин сообщил В.Я.Брюсову в письме 14 ноября 1910: «Мне хочется Вас видеть лично, и нужно также и по делам "Интермедии", одним из представителей которой я и являюсь. Со мной только мой помощник, один из наших актеров. Его присутствие, конечно, не необходимо. /.../ Пробуду или дня 4, или недели 2 1/2, судя по делам» (РГБ. Ф.386. Карт.91. Ед.хр.13. Л.20-20об.).

³ Не совсем понятно, о каких именно деньгах идет речь. Возможно, имеется в виду какая-то статья, заказанная Кузмину для издаваемого бар. Н.В.Дризенем «Ежегодника Императорских театров» (см. письмо Кузмина Дризену от 3 апреля 1911 — РНБ. Ф.263. Ед.хр.189. Л.4), но такая статья нам не известна. Ранее Кузмин выполнил по заказу Дризена перевод старо-французской пьесы «Игра Адама» для «Старинного театра» (см. ту же ед.хр. Л.1-2). Пьеса поставлена не была. Под «головиинскими денгами», возможно, подразумевается гонорар за музыку к пьесе Ю.Д.Беляева «Красный кабачок» (см. прим.1 к письму 22).

⁴ Среди московских литераторов и меценатов, близких кругам «Весов» и «Золотого Руна», отметим Александра Мелентьевича *Кожебаткина* (1884-1942), субсидировавшего роскошное издание комедии Кузмина «Венецианские безумцы» (М., 1915), Николая Степановича *Позднякова* (1879-1941), танцовщика и пианиста, выступившего 23 февраля 1914 в постановке этой пьесы в домашнем театре Е.П. и В.В.Носовых, Юрия Львовича *Ракутина* (наст. фам. — Ионин, 1880-1952), актера и режиссера, сотрудника Мейерхольда и впоследствии приятеля Кузмина.

⁵ Вторая часть (картины 13-19) спектакля «Братья Карамазовы» (по роману Ф.М.Достоевского) шла 16 ноября в Художественном театре (премьеры состоялась 12 и 13 октября 1910).

⁶ «Дон Кихот» — опера Ж.Массне. Речь идет о постановке в Большом театре, для которой Кузмин перевел либретто оперы (преьера состоялась 12 ноября 1910).

⁷ Фраза в скобках написана на развороте Л.28об.-29 и может относиться и к другому месту в тексте.

⁸ «Бешеная семья» — комическая опера в 3-х действиях И.А.Крылова. Поставлена в Доме Интермедий 3 декабря 1910 (в один вечер с «Обращенным принцем», открывшим 2-й «цикл» театра). Музыку к пьесе написал Кузмин.

⁹ Вероятно, имеются в виду собрания в мастерской у Головина, располагавшейся над сценой Мариинского театра, где, между прочим, в том же году Головиным был написан портрет Кузмина (ныне хранится в ЦГТМ им.А.А.Бахрушина).

¹⁰ Возможно, речь идет о переводе либретто К.Мендеса «Лебедь» (написанного для балета на музыку Л.Делиба) для предполагавшейся постановки на сцене Дома Интермедий (см. Приложение, документ 3). Кузмин перевел текст, очевидно, в ноябре и тогда же подтекстовал клавиш (хранится в РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.72).

¹¹ В конце октября — начале ноября 1910 в руководстве театром и в репертуаре произошли некоторые изменения. (В архиве Мейерхольда сохранились проекты официальных бумаг театра, написанные рукой Кузмина, см. Приложение, документы 1-3). Организованный вначале под дирекцией М.М.Бонч-Томашевского, Дом Интермедий был преобразован в «Товарищество актеров, писателей, музыкантов и художников». На организационном уровне это означало коллегиальное управление театром, которое осуществлялось теми же людьми, что и прежде, а именно Кузминым, Сапуновым, Мейерхольдом (в программах Мейерхольд фигурирует под псевдонимом, придуманным ему Кузминым, — Доктор Дапертутто). В этот, так называемый «художественный комитет» и был избран Зноско-Боровский.

20

Кузмин — Мейерхольду

7 дек[абря] 1910

Милый Всеволод,

ты будешь на меня сердиться, но, ради Бога, не делай этого, я так тебя люблю, и мы, надеюсь, настолько связаны, что не поссорит нас Потемкин и К°, как бы им этого ни хотелось. Дело в том, что не знаю, как ты, но я ни минуты не могу быть в той атмосфере, которая создалась в «Доме Интермедий». Конечно, формально и фактически можно заставить все исполнить, но приезжать,

как в чужой и всецело враждебный лагерь, скрываться, как покойный Бонч¹ по конторам, не смея носа высунуть без косых взглядов, иметь каждое предложение, каждое указание встреченным явным ропотом, присутствовать при таком позоре, как вчерашнее представление «Беш[еной] семьи»² с совершенно пьяным, бушующим Гибшманом³, иметь, покуда мы скрывались и обжигались, уже *всю* поголовно труппу пропагандированную закулисными демагогами, которые не теряли ни дня, ни часа, ни минуты; обращаться с людьми как с хамами или приходиться не здороваясь, не разговаривая, и только командовать ропщущим актером — *невозможно* и кому это нужно? Знать, что что бы тонкого, острого, забавного, трогательного ни придумал, — все будет встречено бунтом, только потому, что это исходит от нас — я психологически и физически *не могу*, я серьезно говорю. Конечно, актеры — как дети, скажут им одно — они радуются, скажут другое — ропщут, но беда в том, что покуда мы ждали, те-то не спали. Их немного: Шпис, Потемкин, Хованская, Пронин, (Пельцер), отчасти Голубев³. Но их слова теперь повторяют *все, все* поголовно. Я умоляю Вас, если нужно для дела (если Вы сильнее меня), останьтесь без меня; всю помощь, которую я могу дать, я дам частным образом, — но, ради Бога, позвольте мне уйти из товарищества и комитета. Я физически не могу оставаться, или ты хочешь моей конечной гибели? Я бесповоротно *не могу* и пишу об этом Жене и Сапунову. Нужно поговорить, но *не* в театре. Либретто⁴ напишу. Целую. Прости.

Твой

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.32-33об.

¹ Бонч-Томашевский Михаил Михайлович — режиссер, критик. См. о нем С.619 наст. издания. «Покойный» в данном случае, очевидно, надо понимать как «ушедший», «исчезнувший».

² См. прим.8 к письму 19.

³ Гибшман Константин Эдуардович (1884-1943) — актер. Автор пьесы «Блэк энд Уайт» (написанной в соавторстве с П.П.Потемкиным), шедшей в первом «цикле» Дома Интермедий. В «Бешеной семье» исполнил роль Сумбура.

⁴ Шпис фон Эшенбрук (Ван-Бруг) Василий Августович (1875-1919) — композитор, участник «Кривого зеркала», «Бродячей собаки», «Привала комедиантов» и некоторых других театральных предприятий 1910-х. Кузмину принадлежит некролог Шписа: Жизнь искусства. 1919. №165. (17 июня). С.1. Потемкин Петр Петрович (1886-1926) — поэт, драматург.

В театре Потемкин принимал участие и как актер. *Хованская* Евгения Алексеевна (1887-1977), актриса. *Пронин* Борис Константинович (1875-1946) — режиссер-распорядитель Дома Интермедий. *Пельцер* Сергей Михайлович — заведующий бутафорией в Доме Интермедий. *Голубев* Андрей Андреевич (1881-1961) — актер, впоследствии заведующий Петроградским отделением ТЕО Наркомпроса.

⁵ Возможно, имеется в виду либретто какой-нибудь пантомимы, обещанной Кузминым Мейерхольду для постановки на сцене Дома Интермедий, однако ни в репертуарных планах театра, ни в авторских списках произведений за этот период (РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Ед.хр.43) оно не отмечено.

21

Н.Н.Сапунов и В.Э.Мейерхольд — Кузмину

Декабря 7, [1]910

Мишенька!

Всеволод и я крайне удивлены тем, что не говоря нам ничего, ты прислал в товарищество письмо с отказом. Объясни, ради Создателя, что это значит.

Дай ответ посланному — очень хочется видеть тебя сегодня же, поэтому будь добр назначить нам место свидания.

Твой Николай.

P.S. Позвони в «Интермедию» сейчас же и вызови меня. Необходимо свидание сегодня ночью. Будем здесь ждать твоего телефона. Назначь свидание где угодно, но непременно сегодня ночью.

Твой Вс.Мейерхольд¹.

РНБ. Ф.124. Ед.хр.2751. Л.1.

¹ Приписка Мейерхольда справа на полях.

22

Кузмин — Мейерхольду

22 янв[аря] 1911 г.

Милый Всеволод,

посылаю тебе ноты¹, прости, что не вчера. Если можешь ты и Александр Яковлевич поговорить, чтобы мне выдали деньги поскорее, сделайте это, потому что мне до зарезу нужны они. Вот

уже сколько времени, как я совершенно и буквально без гроша. Пожалуйста.

Всеволод, поверь, что я, печатая письмо², ни минуты не думал, что могу тебя обидеть. Я понимал, что это обида чисто дружеская, т.к. официально никакой не только тени, но даже неловкости на Вас не ложится. А за дружескую некоторую некорректность прости по-старому. Не хватает, чтобы мы еще ссорились. Мы слышали, что ты и Женя ушли и «Интерм[едия]» закрывается, потому не думали, что заявлением мы наносим кому-либо ущерб, а еще менее обиду. Но если вышло не так, то прости, пожалуйста.

Твой

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.34.

¹ Речь идет о музыке к пьесе Ю.Д.Беляева «Красный кабачок» («фантастическая история в 1 действии»), поставленной Мейерхольдом 23 марта 1911 на сцене Александринского театра в оформлении А.Я.Головина.

² Очевидно, имеется в виду письмо Кузмина и Сапунова в редакцию газеты «Речь»: «В "Доме Интермедии" никакого участия мы за последнее время не принимали, почему ни в каком случае не отвечаем за художественную часть того, что происходит это время в названном театре. От участия же в художественном комитете мы отказались уже давно. М.Кузмин, Н.Сапунов». (Речь. 1911. 14(27) января. №13. С.5).

23

Кузмин — Мейерхольду

25 февраля 1911

Милый Всеволод,

прости меня, Христа ради, что я так пропал и безбожно задержал музыку¹. Я завален работой и не могу ее делать, т.к. совсем болен.

Хор в партитуре написан для мужских голосов, но теперь я переделал для смешанных. *Очень немного* человек нужно (если с голосами), а то будет крикливо, 3 или 4 женщины и 3 мужчины (1 дискант (или 2), два альты, 2 тенора и 1 (или 2) баса). Пусть не ревут; и вообще оркестр вьюги подальше, а органчик поближе к сцене. Целую тебя, сердечно, крепко.

Твой

М.Кузмин.

¹ Речь идет о музыке к «Красному кабачку».

Кузмин и Сапунов — Мейерхольду

[Конец апреля 1911]

Дорогой Всеволод,

подумавши хорошенько с Никол[ае]м Николаевичем, мы нашли, что будет неудобно нам, официально выйдя из «Интермедии»¹, вновь принимать участие в спектакле², тем более, что непосредственное наше участие не необходимо.

Притом

1) мы ясно не видим цели этого спектакля: раскланяться перед «Летучей мышью», показать товар лицом москвичам; возродить «Интермедию», но

2) состав труппы очень слаб (без Альбова, Голубева, Хованской и слабо занятого Кузнецова), тут нечего показывать и повторять позорные спектакли последнего времени.

3) ни исполнителей последнего времени, ни хода дел мы не знаем и тут опять мы ни при чем и связи, кроме как с Вами лично, никакой нет. Пишем заранее, чтобы это было вовремя и только извиняемся, что с самого начала этого не сообщили.

Нам была дорога «Интермедия» 1910 года, но восстанавливать ее 1911 года мы не видим большой желательности. Притом, мы так заняты теперь и в будущем с разными театральными делами³, что, принимая во внимание мое здоровье, трудно горячо заняться еще и этим спектаклем, отношения к которому будут все-таки только «разогретыми».

Думаем, что вы примите это прямо и без всяких задних мыслей, как мы и пишем.

М.Кузмин. Н.Сапунов.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.46-48об. Вверху помета карандашом: (IX.1911). Письмо написано рукой Кузмина.

¹ См. прим.2 к письму 22.

² Речь идет, очевидно, об устройстве 4 мая вечера-банкета в честь Московского художественного театра (см. Хронику в «Обзрении театров». 1911. №1389. 4 мая. С.7) после того, как театр фактически прекратил свое существование. Труппа была собрана специально для поездки в Москву. Гастроли состоялись 4, 5 и 6 октября 1911 в помещении московского

Литературно-художественного кружка. Силами театра был представлен первый «цикл» (программа) Дома Интермедий, а также исполнены сольные концертные номера.

³ Сапунов в это время работал над художественным оформлением оперетты Кузмина «Женская верность, или Возвращение Одиссея» (премьеры спектакля состоялась 8 сентября 1911 в Малом (Суворинском) театре, режиссер — Б.С.Глаголин).

25

Кузмин — Мейерхольду

24 мая 1911

Дорогой Всеволод Эмильевич,

слыша отовсюду, что ты считаешь себя в ссоре со мною¹ и даже видя этому доказательства, я решительно не знаю, как поступать с «Маскарадом»². Если ты настолько сердит на меня, что не хочешь меня видеть, так хоть будь добр пришли мне подробный список, где и какую нужно музыку, т.к. время [так. — П.Д.] осталось мало, и мне хотелось бы кончить и сдать до своего отъезда (около 12-15 июня³), потому что неизвестно, где я буду проводить лето и удастся ли там заниматься. Я же очень хотел бы тебя повидать, хотя бы и сердитым, и мог бы это сделать, приехав в пятницу днем или в субботу вечером, или в другое время⁴. Всего лучшего.

Все тот же

М.Кузмин.

Перебирая бумаги, набрел на черную тетрадку записей наших собраний по Интермедии. Я так люблю Интермедию, наши планы и труды, то время и тебя, что ты понял бы мою ревность к другому «дому» и не сердился бы. А, м.б., это моя фантазия и «дом» тот же, только я не люблю новых жильцов, м.б., и лучших, на месте дорогих сердцу. Во всяком разе, сердись ты или не сердись, а я с тобой не в ссоре и очень люблю тебя и соскучился⁵.

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.36-37об.

¹ Ср. запись за 4 мая: «Приезжал к Вяч. [Иванову] Зноско[-Боровский], просил его быть в "Интермедии", где они боялись, что он не будет, т.к. они со мною "в ссоре". Узнаю манеру Мейерхольда все раздувать и обижаться» (*Дневник II*).

² Переписка Кузмина с Мейерхольдом за 1911 почти исключительно посвящена «Маскараду». Премьера спектакля Александринского театра по пьесе М.Ю.Лермонтова состоялась только 25 февраля 1917 с музыкой А.К.Глазунова, однако сам замысел постановки относится еще к 1910 (ср. письмо 28).

³ Кузмин уехал в Окуловку 24 июня и пробыл там до конца лета.

⁴ Встреча, видимо, состоялась в субботу 11 июня: «Этот путаник Мейерхольд приехал вместо 10 [часов] в 12, когда мне надо было уже ехать /.../ и, разумеется, ничего мне толком не рассказал. Притом явился с Ольгой Михайловной» (*Дневник II*).

⁵ Ср. дарственную надпись на отдельном оттиске «Одиннадцати стихотворений» Кузмина (из сб. «Антология». М.: Мусaget, 1911), относящуюся примерно к тому же времени: «Дорогому Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду истинный его друг, любящий и верный, что бы ни говорили, даже сам Всеволод. М.Кузмин. 20 июня 1911» (РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2718).

26

Кузмин — Мейерхольду

27 июня 1911. Понедельник

Милый Всеволод,

я написал польку, полонез (для масок), *gêverie* (для барышень), антракт (перед спальней Нины) и переделал антракт (перед последней [картиной]), в начале июля будет готово все, что я покуда знаю¹. М.б., можно будет и сдать совсем, обязавшись на добавки, которые понадобятся, так как главная масса будет готова. Будь добр, когда приедет Вл[адимир] Арк[адьевич]², спросите у него об этом и извести меня телеграммой, когда точно (не в суб[боту], в[оскресенье] и пон[едельник], т.к. контора закрыта) я должен приехать³, чтобы это сделать. Мне это крайне необходимо. Пожалуйста. Приеду дня на 2-3, и вернусь опять к работе. Будешь ли ты еще в городе, а то слезно попроси Ал[ександра] Як[овлевича]⁴ известить меня. Целую тебя и Ал.Як., привет Ольге Мих[айловне].

Твой М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.38-38об. Вверху помета Мейерхольда: «Ответил 30-VI».

¹ В окончательном варианте музыкальная партитура «Маскарада» состояла из десяти номеров: 1) Полонез, 2) Вальс, 3) *Rêverie*, 4) *Redowa*, 5) Полька, 6) Романс, 7) Галоп, 8) Антракт, 9) Антракт к последней картине, 10) Хор a capella.

² В.А.Теляковский (1860-1924) — директор петербургских Императорских театров.

³ Ожидаемая встреча Кузмина с Теляковским не состоялась.

⁴ А.Я.Головина.

27

Мейерхольд — Кузмину

1911. 30 — VI

Дорогой Михаил Алексеевич,

письмо твое от 27 июня получил. Передам А.Я.Головину все, о чем просишь. И сам буду помнить — известить тебя, когда тебе надо приехать для заключения условий и проч. В «Хронике петербургских театров А.И.Вольфа» (СПб., 1877 г., ч. I, стр. 109) читаю: «Сезон 1844-45 годов. Драматическая сцена. Настоящий сезон отличался плясовым характером. В Париже какой-то учитель танцев выдумал польку¹. Петербуржцы принялись неистово отплясывать этот неграционный танец². Мне тоже кажется, что именно в сороковых, а не в тридцатых годах начали впервые танцевать польку. А ты как думаешь? Имеешь ли данные опровергнуть запись Вольфа? Я пробуду здесь всю первую половину июля. Целую.

Твой Всеволод.

РНБ. Ф.124. Ед.хр.2751. Л.2-3об. Опубликовано — *Переписка*, 136. Ответ Мейерхольда на письмо 25.

¹ К этому месту примечание Мейерхольда: «Курсив мой».

² Мейерхольд точно цитирует по указанному им источнику (см. «Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года»).

28

Мейерхольд — Кузмину

15-VII-1911

Дорогой Михаил Алексеевич,

Директор был в Петербурге: приехал раньше, чем мы его ждали, — 30-го мая, а 1-го июня вечером он уехал. Нельзя было вызвать тебя сюда. А.Я.[Головин] взял на себя переговорить о гонораре за музыку к «Маскараду». Пока для тебя нет ничего утеш-

тельного. А.Я. сам напишет тебе о положении дела¹. Ты пишешь, что уже написал антракт перед IX-й картиной (Спальня Арбенина). Но как быть? Только теперь определенлся мною такой переход от VIII-й картины (Бал) к IX-й: VIII-я картина кончается на фоне вальса (начало ее совпадает с паузой после слов Нины: мне нездоровится (встает); вальс звучит еще и тогда, когда последние слова VIII-й картины уж произнесены, вальс слышен минуты две и *незаметно переходит в интродукцию к IX-й картине*, и интродукция эта играется столько времени, сколько потребуется для перемены обстановки (минуты 2-3). След[овательно], антракт будет минут 4-5; в нем две части: а) вальс потухает, б) интродукция к IX картине. Относительно польки еще сведение см. в примечаниях к третьему тому Байрона (изд. Брокгауза и Эфр[она] под ред. Венгерова), в примечании к «Вальсу, хвалебному гимну, сочиненному эсквайром Горасом Горнэм»: «мода, занесенная в Англию из Германии, мало-помалу взяла свое, и около 1812 г. даже самое "фэшионэбельное" общество стало увлекаться вальсом, *как четверть века спустя полькой*»². Так как мы инсценируем «Маскарад» в рамках начала 30-х годов, полька не подойдет.

Пиши. Жму руку.

Твой Всеволод.

В Аугсбург не еду.

РНБ. Ф.124. Ед.хр.2751. Л.4-4об. Опул. — *Переписка*. С.137-138.

¹ Ср. письмо Головина Кузмину от 28 августа 1911: «Приехал директор, и я сейчас же сказал ему о Вашем желании получить аванс. Теперь по новым правилам, оказывается, в этом отказывают, и он сказал, что теперь с весны это стало невозможно: контроль против авансов вообще, и я тоже сижу при совершенном безденежье. Не гневайтесь за это, но я ничего не могу поделаться с этим» (РНБ. Ф.124. Ед.хр.1234. Опул.: Александр Яковлевич Головин. Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине / Сост. и комм. А.Г.Мовшенсона. Л.; М., 1960. С.177-178).

² Библиотека великих писателей под редакцией С.А.Венгерова. Байрон. Т.III. СПб., 1905. С.LX.

29

Кузмин — Мейерхольду

16 июля 1911

Дорогой Всеволод Эмильевич,

благодарю тебя за письмо. Относительно антракта не беспокойся, т.к. он у меня из «романса» и «вальса» и сделан, так что

связать его с вальсом, исправить и переделать не будет трудно. Относительно польки, конечно, очень просто ее упразднить, хотя вот уже дата 44 года относится на 37 г. (25 спустя «около» 1812 г.). Я думаю, что разница трех-четырёх лет не играет роли, если это не исторические даты, а *характерные* для эпохи (даже самой узкой 32-37). Но это дело уже твое, я с радостью или выпущу, или заменю польку. Только здесь в деревне мне трудно с такой совершенной точностью определить танцевальные даты. Мне не было необходимости видеть Вл.Арк., а только я желал, чтобы это дело оформилось и чтобы я мог обращаться в контору официально, независимо от присутствия директора. На это времени бы потребовалось бы минимальное количество. Что может быть неутешительного в положении дел? М.б., директор вовсе не хочет моей музыки, так это просто мне сообщить, хотя директор мог и раньше об этом подумать. Относительно того, что партитура подлежит дополнениям и переделкам, я оговорился и просил сделать расчет за те №№, что есть, без польки, обязуясь дополнить без приплаты. За всю же готовую будет другой и разговор. Если «неутешительность» заключается в невыгодной для меня оценке, так моя добрая воля будет принять ее или не принять. М.б., мои писанья ничего не стоят, но я волен их оценивать как мне угодно. Только может случиться, что это будет так поздно, что другой музыки будет поздно искать.

Это только урок на будущее заранее о всем сговариваться, т.к. у всех (и у меня в том числе) много дел, которые распределяешь и рассчитываешь, и художественных, и денежных. Разговор о «Маскараде» был уже с осени (если не с прошлой весны) и официальное подтверждение было на репетиции «Кабачка». Никто не мог думать, что я буду год заниматься исключительно «Маскарадом», и когда я его буду писать и сдавать зависит и от моих тоже дел. Могло случиться, что я просто не сдавши его теперь, не мог бы его сдать осенью.

Это пятый раз, что я счастлив служить дирекции¹, но первый раз встречаю такие странные затруднения. Это меня очень подводит, но что же делать?

Работаю много[?], здоров. Очень хотел бы вас видеть. Целую тебя, привет Ольге Михайловне. Переехал ли Ал.Як. и как его адрес?

Твой

М.Кузмин.

Ну, а когда же еще раз приедет директор?

¹ Не совсем ясно, почему Кузмин считает музыку к «Маскараду» своей пятой (а не четвертой) работой для Императорских театров. Кроме уже упоминавшихся в письмах перевода либретто «Дон Кихота» Массне и музыки к «Красному кабачку», им была сочинена музыка к спектаклю Александринского театра «Шут Тантрис» (по пьесе Э.Хардта в переводе П.П.Потемкина), а также отредактирован текст перевода (последнее вряд ли входит в счет). О сотрудничестве Кузмина с Императорскими театрами см. нашу публикацию: «Академический» Кузмин // Russian Studies. 1995. [Том] I. №3. С.142-235.

30

Кузмин — Мейерхольду

27 сентября 1911

Всеволод Эмильевич,

неудобно сваливать на человека Бог весть что и говорить, что не желаешь выслушивать никаких объяснений. Нельзя говорить человеку, что он оскорбляет, клеветает и т.п., и когда тот откроет рот, говорить, что это твоя «интимная жизнь». Поскольку она касается и меня, она и моя интимная жизнь, и я здесь так же не чужой, как и ты. Что оскорбило тебя в моем письме к Александру Яковлевичу? это было чистосердечное впечатление от разговора с тобою¹. Ты говорил это при Сапунове, человеке в данном случае постороннем, и я не думал, что делаю нескромность, делая своим смущением и сомнениями, потому что нужно было бы быть до глупости беззаботным человеком, чтобы их не возыметь. На это сердиться, право, нечего.

Отчего я не мог подумать, что может найтись музыка, когда от Мосолова² я слышал, что есть новая и интересная опера³ на сюжет «Маскарада» и когда всякий образованный музыкант тебе в неделю подберет вещи того времени, м.б., даже исполнявшиеся при первой постановке? Что же тут обидного? Я только и слышу, сидя на башне, что я поссорился то с тем, то с другим, пока, наконец, из Ярославля я не получил извещения, что я окончательно поссорился с тобою. А я ничего и не подозревал. Право, скоро о собственной смерти будешь узнавать из третьих рук.

Ты говоришь, что не интересуешься музыкой так же, как я равнодушен к «Маскараду». Но всю весну, осень разве я не приставал только с тем, чтобы мне рассказали, сказали, что и как мне делать? Большого я не имел права просить, чтобы не вторгаться в чужие планы. Если бы меня посвятили в них, я был бы в восторге, но настаивать я не мог. Конечно, в эти полгода я был занят и

другими работами, но разве ты сам не возобновлял «Бориса», не ставил «Труп»?⁴

И притом моя роль совершенно служебная в данном случае, но тебе разве не важен каждый гвоздь в твоей постановк[к]е? Я же писал музыку, как в лесу, и многое, м.б., вышло бы лучше, знай я более точно. А что не знал я, это, ей Богу, не моя вина. Ты можешь сколько угодно не интересоваться моими работами, но составною частью *твоей* постановки, это почти невероятно. И неужели, если директор, три директора и четыре Коутса⁵ одобряют музыку, которая тебе будет не по душе, ты с этим согласишься?

Обидно для тебя и не хотел писать и не написал, сомнение же, вполне естественное высказал. Если оно неуместно, обругай меня и прости, вот и все. Искать же поводов к обидам, неужели это не скучно и не надоело?⁶

До свиданья. Я все тот же.

М. Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.43-45.

¹ Ср. запись в дневнике за тот же день (очевидно предшествующую написанию письма): «По телефону разругался с Мейером, которому угодно было обидеться на меня за письмо к Головину. Письмо, и длинное, от Коленьки [Н.Д.Кузнецова. — П.Д.] из Ярославля» (*Дневник II*). Письмо Головину неизвестно (так же как и упоминаемый ниже разговор с Мейерхольдом в присутствии Сапунова).

² *Мосолов* Борис Сергеевич (1888-1941) — литератор и театральная деятель.

³ Опера на сюжет «Маскарада», относящаяся к этому времени, неизвестна.

⁴ «Борис Годунов» М.П.Мусоргского поставлен Мейерхольдом на сцене Мариинского театра 6 января 1911 (художник — Головин). Премьера «Живого трупа» Л.Н.Толстого в Александринском театре состоялась 28 сентября 1911 (сорежиссер — А.Л.Загаров, художник — К.А.Коровин).

⁵ *Коутс* Альберт (1882-1953) — английский дирижер и композитор. В 1911-1919 — дирижер петербургских Императорских (Академических) театров. Принимал участие в постановке «Бориса Годунова».

⁶ Ср. запись в дневнике за 17 сентября: «Заехали к Мейеру, но встретили его идущим из дому. Был неприятен и нагл» (*Дневник II*).

Кузмин — Мейерхольду

18 ноября 1911

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич, находясь в крайне стесненном положении¹ и в совершенной неизвестности относительно судьбы моей музыки² и о том, в каком разmere я могу рассчитывать на вознаграждение в случае неприятия моей музыки, — ведя переговоры с директором через Ваше посредство, я умоляю не сердиться, если я во вторник принужден буду обратиться за разрешением этих вопросов к самому Владимиру Аркадьевичу³.

Душевно преданный Вам

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.49.

¹ Дневник за осень 1911 полон сетований на безденежье типа: «Деньги за "Маскарад" неизвестно когда» (запись 17 октября. *Дневник II*).

² Ср. запись за 1 ноября: «вчера я был у Теляковского, где встретил Головина и Мейера. Музыка, кажется, не понравилась, по крайней мере спрашивали, куда ее отослать обратно. Только бы заплатили деньги» (Там же).

³ Судьба музыки Кузмина была решена, очевидно, еще в начале ноября. Ср. дневниковую запись В.А.Теляковского: «Хваленая Головиным музыка Кузьмина [так. — П.Д.] к "Маскараду" Лермонтова оказалась весьма слабой и скучной» (Цит. по: Пожарская М. Александр Головин: Путь художника. Художник и время. М., 1990. С.221). Ср. также запись Кузмина в дневнике за 12 ноября: «Заехал к Юрочке [Ю.Л.Ракитину. — П.Д.]. Скучно мне до смерти. Лежал, плакал. Вдруг является Мейер, холоднее крещенского мороза. Мне это надоело в конце концов» (*Дневник II*).

Мейерхольд — Кузмину

19 ноября 1911

Многоуважаемый Михаил Алексеевич, Г.Директор поручил нам передать Вашу музыку г.Коутсу, чтобы он дал о ней свой отзыв. На этой неделе Вы получите ответ. Вс.Мейерхольд.

РНБ. Ф.124. Ед.хр.2751. Л.5.

Кузмин — Мейерхольду

30 ноября 1911

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич,
 я Вас умоляю, если Вы можете, довести до сведения г. Директора, что мне крайне необходимы деньги, и попросить, *нельзя ли мне сейчас выдать хотя бы ту сумму, какую дирекция сочтет возможным мне дать в худшем случае, т.е. если музыка не будет принята. Если музыка будет принята, это будет считаться авансом; если нет — то полной уплатой за непринятый заказ.* Я не смею просить о скорейшем решении участи моей музыки, я лишь необходимостью принужден быть назойливым в просьбе выдать мне некоторую сумму. Я думаю, Вы можете понять, как много иногда значат 2-3 дня, а между тем последствия для меня могут быть самые печальные и надолго непоправимые. Я очень извиняюсь, что еще раз Вас беспокою и остаюсь

с полным уважением

М. Кузмин.

РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 1811. Л. 50-50об. Курсивом выделено подчеркнутое Мейерхольдом.

Мейерхольд — Кузмину

6-XII-1911

Многоуважаемый Михаил Алексеевич,
 сегодня А.К. Коутс играл Вашу музыку к «Маскараду» Лермонтова. Она будет представлена на рассмотрение Оперной Комиссии, от которой и зависит — принять или не принять ее. Письма с запросами о результате решения Оперной комиссии надо направлять к ней.

Вс. Мейерхольд.

РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 2751. Л. 6-7.

Мейерхольд — Кузмину

[Териоки,] 4 июля 1912

Дорогой Михаил Алексеевич,
просим Вас прислать нам «Евдокию» и «Выбор невесты»
(текст и музыку). Отчего не приезжаете? Ждем¹.

Вс.Мейерхольд.

РНБ. Ф.124. Ед.хр.2751. Л.8. Почтовая открытка. На об.: «Михаилу Алексеевичу Кузмину. Таврическая, 25. С.Петербург».

¹ Кузмин был отмечен в качестве одного из участников «Товарищества актеров, писателей и музыкантов» в Териоках, основанного Мейерхольдом (см.: *Волков*. II, 232). Кузмин был в Териоках 14 июня 1912 вместе с Сапуновым (являвшимся также членом Товарищества). Во время морской прогулки лодка с Кузминым, Сапуновым и их спутниками перевернулась, и Сапунов утонул. Этот эпизод описан Кузминым в его воспоминаниях о художнике. Упоминаемые в письме пьесы Кузмина в Териоках не ставились.

Кузмин — Мейерхольду

24 марта 1914

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич,
посылаю Вам застольную песенку в старинном духе¹. Перевод я сделал новый, так как 1-й перевод был не точен и модернизирован, а второй совсем ни на что не похож². Г.Софронов³ хотел, разучивши начерно, еще раз повидаться со мною.

С кем можно говорить об условиях, с Анастасией Алексеев-ной⁴?

Был бы более всего рад, если песенка понравится Вам.

Всегда готовый к услугам

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.51.

¹ Речь идет, возможно, о переводе застольной песенки Гастона в спектакле «Дама с камелиями», поставленном Мейерхольдом по пьесе А.Дюма-сына на сцене Малого (Суворинского) театра (преьера состоялась 19 апреля 1914). Кузминский перевод всей пьесы нам неизвестен, но в авторских списках произведений за 1914 отмечена песня из «La dame aux camélias» (РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Ед.хр.43. Л.7 об.).

² Имеются в виду, по-видимому, переводы Ф.А.Корша (М., 1898), Г.Я.Адельгейма и Г.В.Шварца (Киев, Б.г.), либо более ранняя переделка Б.И.Родиславского под названием «Как поживешь, так и прослывешь» (М., 1873).

³ *Софронов* Василий Яковлевич (1884-1960) — артист Малого театра (с 1910), впоследствии артист Большого драматического театра. В программах «Дамы с камелиями» его участие не отмечено.

⁴ А.А.Суворина — актриса, дочь А.С.Суворина, после смерти отца (в 1912) и до конца существования театра (в 1918) — фактическая владелица театра.

37

Кузмин — Мейерхольду

23 июня 1915

Спасская, д.10, кв.12

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич,

Бор.Вл.Алперс¹ мне передал Ваше желанье, чтобы я перевел «La dame aux camélias»². Я Вам очень признателен, что Вы обо мне вспомнили, и, конечно, с восторгом насколько могу как бы приму участие в Вашей постановке.

Я узнавал насчет конвенции, она действительна 10 лет после выхода произведения, так что драмы Дюма насколько не касается.

Теперь относительно срока. Я бы мог сделать перевод к половине (15-16) августа, но если нужно скорее, то могу к началу (1-6) августа же.

Еще раз благодарю Вас, Всеволод Эмильевич, и остаюсь всегдашний Ваш почитатель и любящий Вас

М.Кузмин.

Мой искренний привет Александру Яковлевичу².

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.52-52об.

¹ *Алперс* Борис Владимирович (1894-1974) — историк театра, критик, педагог, ученик Мейерхольда.

² См. прим.1 и 2 к письму 36.

³ А.Я.Головину.

Кузмин — Мейерхольду

6 июля 1915

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич,
 вот в чем может выйти задержка: не найдя ни у Вольфа, ни у Мелье¹ пьесы, я ее выписал. А по теперешним временам нельзя точно определить времени получения. Если пришлют, как обещают, то к половине августа я поспею, но может случиться задержка.

На всякий случай ищу у букинистов.

Не откажите известить, когда вернетесь², чтобы мне знать, если придется обратиться, где Вас найти.

Еще раз благодарю Вас и остаюсь искренне преданный

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.53.

¹ «Товарищество М.О.Вольф» и «Мелье и К°» — крупнейшие книжные магазины Петрограда.

² Лето 1915 Мейерхольд провел в Москве.

Кузмин — Мейерхольду

22 апр[еля] 1916

Дорогой Всеволод Эмильевич,
 прости, ради Бога, что вчера я не был в «Привале»¹. Про четверг я узнал только в среду у С.Ю.², и задержался до половины второго на давно обещанном журнальном заседании. Сценарий передал Лурье³. Как всякий сценарий, он лишь предлог для творчества режиссера и актера, потому делай, какие найдешь нужным, изменения. Мне кажется, что вышло ничего. Во всяком случае очень по Казотту⁴. Пока целую тебя.

Преданный

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.54.

¹ «Привал комедиантов» открылся 18 апреля 1916 (см. специальное исследование: Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1988. М., 1989. С.96-154). На

открытие артистического подвала Кузмин откликнулся статьей «Привал комедиантов» в газете «Обозрение театров» (1916. 20 апреля. №3076. С.12; перепечатано: Конечный А.М. и др. Указ. соч. С.112-113).

² У С.Ю.Судейкина. Ср. описание вечера в дневнике К.А.Сомова за 20 апреля: «Вечером у Судейкиных мне демонстрировали музыканта Лурье, ужасно дегутантного, скорее напыщенного господина. Его музыка модернистическая, однообразный криц-крац. Кузмин невнятно и фальшиво пел его песни /.../, много нумеров и танец из "Le diable amoureux" ["Влюбленного дьявола"]» (Цит. по: Константин Адреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников / Изд. подг.— Ю.Н.Подкопаева и А.Н.Свешникова. М., 1979. С.158).

³ Очевидно, тогда же, 20 апреля, Кузмин передал Лурье свою пьесу «Влюбленный дьявол». Лурье Артур (Винцент) Сергеевич (наст. имя и отчество Наум Израилевич; 1891-1966) — композитор и музыкальный критик.

⁴ Имеется в виду пантомима Кузмина «Влюбленный дьявол», предполагавшаяся к постановке в «Привале комедиантов», написанная Кузминым по мотивам повести Жака Казота (1719-1792). Поставлена не была. Текст (либретто) пантомимы опубликован А.Г.Тимофеевым: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб., 1994. С.202-208. Среди материалов фонда Мейерхольда, имеющих отношение к «Привалу», отметим водевиль Кузмина «Танцмейстер с Херестрита» (Ф.998. Оп.1. Ед.хр.3063), поставленный в артистическом подвале К.М.Миклашевским в 1918 (см.: Конечный А.М. и др. Указ. соч. С.142).

40

Кузмин — Мейерхольду

[1916]

Всеволод, дорогой, прости,
у этого паршивого Тони [?] тактика не давать ни хлеба, ни сахара. Пошли к Лейнеру¹, или приходи туда, или в Привал. Я позвоню.

Целую.

Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.55. Записка карандашом на листке из записной книжки. На об.: Вс[еволоду] Эмильев[ичу] Мейерхольду. Сверху проставлен год — (1916).

¹ Речь идет о каких-то неизвестных нам владельцах ресторанов.

Мейерхольд — Кузмину

22-ХII-[19]16

Дорогой Михаил Алексеевич,

будьте любезны сообщить мне: получили ли Вы книгу 2-3 — 1916 г. журнала Доктора Дапертутто¹. Отчего Вы забыли о моем существовании? Отчего никогда не хотите позвонить по телефону? Отчего не хотите побывать у меня? Ну, а где «Стрелец»² обещанный? Привет обаятельному Юркуну³.

Ваш

Вс.Мейерхольд.

РГАЛИ. Ф.232. Оп.2. Ед.хр.25. Л.1-1об. Открытка. На об.: «Михаилу Алексеевичу Кузмину. Спасская, 10, кв.12. Здесь».

Даты на штемпелях: 29 и 30 декабря 1916.

¹ Имеется в виду журнал «Любовь к трем апельсинам», издававшийся Мейерхольдом в 1914-1916. В №2/3 за 1915 было опубликовано стихотворение Кузмина «Близка студеная пора», вошедшее впоследствии под названием «Зима» в книгу «Вожатый» (Пг., 1918).

² Имеется в виду альманах «Стрелец» (Вып.2. СПб., 1916), на страницах которого была опубликована повесть Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо графа Калиостро», посвященная В.Э.Мейерхольду (отдельное издание повести вышло в 1919 в качестве первой книги задуманного, но не осуществленного Кузминым цикла «Новый Плутарх»).

³ *Юркун* (Юркунас) Юрий (Иосиф) Иванович (1895-1938) — писатель, многолетний друг Кузмина.

Кузмин — Мейерхольду

25 мая 1[9]24

Дорогой Всеволод Эмильевич,

решаю отнять у тебя несколько минут, и обратиться с просьбой. Письмо это передаст молодой человек, жаждущий работать у тебя. Таких людей, конечно, очень много. Но ты прими его и поговори. Я могу засвидетельствовать только искренность этого желания и известные способности. Но можно ли что с ним сделать и пригодится ли он тебе, я, конечно, не знаю. Я прошу только поговорить и не быть слишком предвзято строгим. Я сам на днях вернулся из Москвы¹. Непременно на будущей неделе пой-

ду смотреть все твое, о котором только слышал². Если позволишь, зайду за кулисы, или в гостиницу. Ты все идешь дальше, пугая и врагов, и опаздывающих поклонников, вот признак твоей гениальности и жизненности.

Если не забыл старых друзей, я зайду. Я-то тебя по-прежнему, а м.б., и больше прежнего люблю и ценю.

Просьбу же мою исполни и не сердись на доuku.
До свиданья. Целую тебя.

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.56-56об.

¹ Кузмин был в Москве с 10 по 13 мая. См. об этом: Тимофеев А.Г. Прогулка без Гуля? (К истории организации авторского вечера М.А.Кузмина в мае 1924 г.) // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Указ. изд. С.178-196.

² С 16 мая по 22 июня в Ленинграде и Кронштадте прошли гастроли Государственного театра им. В.Э.Мейерхольда.

43

Кузмин — Мейерхольду

14 июня 1924

Дорогой Всеволод Эмильевич,

будьте другом, оставьте записочку к администратору насчет двух мест на завтра¹. Завтра я зайду за нею часов в 12 дня². Пожалуйста, исполните мою просьбу. На прошлой неделе заходил к Вам часа в 4, но не застал. Надеюсь завтра увидеться.

Ваш искренне

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.57. На об.: «Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду (от М.Кузмина)».

¹ Очевидно, речь идет о билетах на спектакль «Д.Е.» («Дашь Европу!»), пьеса М.Г.Подгаецкого по роману И.Г.Эренбурга «Трест Д.Е.».

² Ср. запись в дневнике за 15 июня: «Послал Юр. [Юркуна] к Мейерхольду. Принес билеты и приглашение, а мы и не пойдем. И это меня огорчило» (*Дневник IV*).

7 сентября 1927

Дорогой и многоуважаемый Всеволод Эмильевич, я с большим волнением и нежностью жду завтрашнего свидания, не потому, что меня уж так интересует судьба музыки Канкаровича на мой текст¹, а потому, что я увижусь с *тобою* (да?). Я как-то смущался эти годы давать признаки жизни, боясь оказаться «призраком прошлого», что не так уж приятно живому человеку. Ты знаешь, как всякий намек на «бывшесть» теперь болезнен. Настойчивость и желание конкретизировать свою работу Канкаровича создали тот случай, которого мне не хватало. Теперь о «Прогулках Гуля»². Я позволил, даже попросил Канкаровича говорить от моего имени, но решительно не знаю, что он говорил, и, принимая во внимание³ его характер, боюсь, что он наговорил чего-нибудь неподходящего⁴.

Я с ним знаком, как со многими, как со всеми, но мы вовсе не сиамские близнецы (не Ходотов и Вильбушевич⁵) и очень разные люди.

Я написал эту «ассоциативную поэму» года 3 тому назад, не думая ни о какой музыке, ни даже о том, годится ли она для театра. Канкаровичу она теперь понравилась (м.б., как форма) и, смотря на все, как на материал для собственного творчества, он сделал из нее то, что сделал. Никакого «органического» сотрудничества тут не было. Многие приемы, как напр., пространное изложение ремарок под музыку, мне до сих пор не ясно. Мне нравится то, что получилось, но я считаю, что и текст, и театральная сторона так «для чтения про себя», так далеки от линии большого искусства, которым ты теперь занят, что я сам никогда не решился бы отнимать у тебя время на это. Мне, конечно, лирически очень хочется, чтобы ты познакомился с этою вещью, но практически... пожалуй, это — тяжеловесный предлог увидеться с тобою и познакомиться с З.Райх⁶, которая помогает тебе идти все дальше по упорительному и переменчивому пути славы.

Шлю ей самые нежные приветы и жду с величайшим волнением завтрашнего дня⁷.

Тебя целую нежно.

М.Кузмин.

Попрошу тебя еще записочку к Бережному⁸ насчет 2-х мест на «Ревизора»⁹ мне и неизменному моему другу Юр.Юркуну. Чтобы завтра не говорить об этом, я пишу здесь же.

М.К.

¹ *Канкарович* Анатолий Исаакович (1886-1956) — композитор и дирижер. В письме речь идет о предполагаемом прослушивании Мейерхольдом музыки Канкаровича к пьесе Кузмина «Прогулки Гуля» (безусловно, в надежде на интерес Мейерхольда к пьесе как материалу для возможной постановки). Сам Кузмин услышал музыку Канкаровича незадолго до этой встречи. В дневнике за 10 августа отмечено: «Я пошел слушать "Гуля". Многое мне очень нравится, а "столовая Гуля" и "сцена на мосту в городе" трогают меня самого, как невозвратимое счастье и прелесть» (*Дневник IV*). Ср. также запись за 28 августа: «Канкарович барабанит "Гуля". Поиграл нам подряд. Местами замечательно трогательно, но часто утяжелено, утолщено и примитивно растянуто» (Там же).

² Кузмин написал свою «ассоциативную поэму» «Прогулки Гуля» в 1924. Тогда же была написана и музыка к нескольким прозаическим и поэтическим фрагментам пьесы. Впервые текст «Прогулок Гуля» опубликован Дж.Мальмстадом и В.Марковым в третьем томе собрания стихов Кузмина (Мюнхен, 1977). Первое и единственное представление пьесы Кузмина с музыкой Канкаровича состоялось 31 марта 1929 в помещении Ленинградской Капеллы. О творческой и сценической истории «Прогулок Гуля» подробнее см. нашу работу «"Прогулки Гуля" на сцене Ленинградской Академической Капеллы» в составе публикации «"Академический" Кузмин»: Russian Studies. 1996. I. №3. С.154-164.

³ В тексте — «внимая».

⁴ Ср. запись в дневнике за 2 сентября: «Канкарович роет землю с "Гулем", звонил уже к Мейерхольду, который только что ввалился» (*Дневник IV*).

⁵ *Ходотов* Николай Николаевич (1878-1932) — актер Александринского театра, тец, исполнитель мелодекламаций; *Вильбушевич* Евгений Борисович (1874-1933) — пианист, постоянный аккомпаниатор Ходотова в концертах.

⁶ *Райх* Зинаида Николаевна (1894-1939) — вторая жена Мейерхольда.

⁷ В дневнике за 8 сентября содержится выразительное описание прошедшей встречи. «Канкарович уже дежурит у подъезда. Мейер один. Светские разговоры, но стесненность. Каждую минуту могло порваться. Сервирован чай. Райх нет. Канкарович волнуется. Наконец явилась. Тут-то и началось. Осенние ребята милы с виду, но невоспитанны, вешаются, тут же играют в солдаты, пуляют в Канкаровича, кричат. Райх хлопочет, выбегает, стучит ложками. Мейерхольд только что не невежлив. Ходит, говорит, шепчется. Три актера, две тощие девушки безмолвствуют, музыка тянется, Канкарович бормочет, окна открыты, трамвай трещит, потом дождь лупит, слуги входят с рюмками, ребята дерутся и валются, только собаки не лают, потому что их нет, поминутно прерывают, просят меня спеть песенки. Сплошное неприличие. Дело, конечно, им никак не подходит, но Канкарович был мучеником. Мейерхольд в этом

хаосе все-таки все понял, нашел, что музыки слишком много /.../, что это мелодекламация, ремарки произносимые нелепы и что единственное разрешение — марионетки (как абстракция) или концертное исполнение со световыми надписями /.../ Мейер шутовался, предлагал в конце "Гуля" ввести "Интернационал" и героя загримировать Каменевым. Потом спешно усадили Канкаровича за фокстрот и стали от стара до мала танцевать. Все у Мейера как прежде. /.../ Дали карточки и записки о билетах. Звали (Уцелевший обломок «потонувшей эпохи»: Из дневниковых записей Михаила Кузмина / Публ. С.В.Шумихина // Независимая газета. 1996. 7 марта. С.4).

⁸ *Бережной* Тимофей Иванович — администратор Большого Драматического театра. В помещении БДТ с 27 августа по 25 сентября проходили гастроли Театра им. Мейерхольда.

⁹ Впечатления от посещения спектакля «Ревизор» отражены в дневниковой записи за 10 сентября: «спектакль был какой-то парадный, хотя и шикали /.../ "Ревизор" Мейерхольда, какой советский вздор, иногда простодушный, иногда бессмысленный. Невероятная тягота и однообразие /.../. Если определять впечатление, то, скорее всего, удручительное» (Новое литературное обозрение. 1993. №5. / Публ. С.В.Шумихина).

45

Мейерхольд — Кузмину

12-VII-1933

Дорогой Михаил Алексеевич.

Помогите нам (труд Ваш мы, конечно, оплатим) в работе нашей над постановкой «Дамы с камелиями» Дюма-сына. Нам необходимо иметь для действующих в этой пьесе Варвиля, Адель (она появляется у автора только в 4-м акте, у нас и в первом акте) и Пруданс —

слова к исполняемым ими (по плану режиссера) куплетам и песенкам (в I акте).

1) Варвиль ведет сцену с Нанин (см. приложенный диалог). Варвиль, сказав: «Значит — мадам Нишет», садится к роялю и, аккомпанируя себе, напевает что-то о «кошечке» Нишет. Варвиль нанизывает в куплетике рифму за рифмой к слову «Нишет» так, что получается фривольный двусмысленный каламбур. Очень короткая шутка, но очень колкая, шокирующая Нанин (она у нас почтенная старушка). А Варвиль, кстати сказать, — у нас военный, — «майор».

2) Сцена ужина I-го акта. Гости пристают к Адель (умеет изображать шансонетных певичек), предлагают ей спеть что-нибудь острое. Пока ее уговаривают, Пруданс энергично выступает с по-

казом своей ловкости в такого рода пении. Прюданс поет 4 строчки какой-то разухабистой песенки, ходкой в театриках бульваров или в кабачках, где-нибудь на Place Clichy. Может быть, это какой-нибудь хлесткий четырехстрочный рефрен. После этого вступает Адель и жарит (в приемах Мильтона и Мистингет) скабрезный куплет.

Музыку на эти Ваши слова будет писать композитор В.Я.Шебалин. Пьесу мы показываем не в костюмах 40-50 годов, а конца 70-х годов.

На действующих лиц этой замечательной драмы мы смотрим глазами Эдуарда Мане.

Если Вы согласны принять на себя эту работу, сообщите, пожалуйста, когда Вы сможете прислать нам Ваш материал.

В случае согласия сообщите — какую сумму мы за эту Вашу работу должны Вам прислать?

Дружески целую Вас, дорогой Михаил Алексеевич.

Вс.Мейерхольд.

Адрес: Москва, 9. Брюсовский пер., 12, кв.11. Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду. Тел. 3-04-11.

Времен[ный] адрес: Одесса, Лондонская гостиница (до 20-го — VII).

РГАЛИ. Ф.232. Оп.2. Ед.хр.25. Л.2-2об. Опубликовано — *Переписка*. С.329-330. Авторизованная машинопись. Черновой автограф, по которому сделана машинопись, хранится в фонде Мейерхольда (Ф.998. Оп.1. Ед.хр.925).

Постановка пьесы А.Дюма состоялась в театре им.Мейерхольда 19 марта 1934. Художник — И.И.Лейстиков (по плану Мейерхольда), композитор — В.Я.Шапорин. Тексты Кузмина в спектакле использованы не были.

46

Кузмин — Мейерхольду

22 июля 1933

Дорогой Всеволод Эмильевич.

Конечно, я с величайшей готовностью и радостью приму участие в «Даме с камелиями». Вероятно, для Варвиля и Прюданс пришлю Вам по несколько вариантов. Точка зрения Ваша на постановку убедительна и увлекательна. Значит, 70-е годы, накануне войны, расцвет Офенбаха, канун Коммуны?

Думаю, что матерьял смогу прислать числа 10 Августа, но, если нужно, можно и поднажать.

Относительно оплаты, — конечно, придется единовременно без участия в гонораре, т.к. за такую мелочь можно было бы брать разве 1/20 %. А так, я думаю, рублей 200-150. Впрочем, как театр найдет удобным. Конечно, если понадобятся переделки или новый текст, это входит в ту же оплату. Мне бы очень хотелось сделать именно то, что Вам хочется.

Благодарю Вас за память (это для меня очень, очень важно), целую Вас и остаюсь искренне Ваш

М.Кузмин.
Ул.Рылеева, д.17, кв.9.
2-54-98.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.60-60об. Опубликовано — *Переписка*. С.331-332. Вверху листа приписка Мейерхольда: «М.М.Шлуглейту (потом прошу передать мне обратно для моего архива писем)».

47

Мейерхольд — Кузмину

4-VIII-1933

Спасибо, что откликнулись, дорогой Михаил Алексеевич!
Условия принимаю (единовременная оплата).

Я 8-го августа буду в Ленинграде.

Если мне удастся все устроить из того, что я задумал, 8-го вечером я отправлюсь на пароходе в Лондон, а оттуда во Францию, где буду лечиться и отдыхать (Vichy).

Так вот 8-го — мне очень хочется повидать Вас. Звоните в Европейскую гост[иницу]...

Если не увидимся, прошу Вас держать связь с моим заместителем по директорству в «Госуд. театре им. Вс.Мейерхольда» Моррицем Мироновичем Шлуглейтом.

Он знает о заказе, читал Ваше письмо и — так же, как я, принял Ваши условия.

Адрес его тот же, что и мой: Москва, 9, Брюсовский пер.12, кв.11. Тел. 30411.

Он отправит Вам гонорар, а Вы ему пришлете материал.
Целую Вас.

Ваш Вс.Мейерхольд.

РГАЛИ. Ф.232. Оп.2. Ед.хр.25. Л.3. Опубл. — *Переписка*. С.332.

Кузмин — Мейерхольду

23 ноября 1933

Многоуважаемый и дорогой Всеволод Эмильевич,

Я послал 17-го *спешным* письмом Вам все тексты¹, а 20-го получаю телеграмму от Коренева², чтобы я сообщил *сроки* высылки текста. Я не помню адреса театра, потому все направлял на ваш адрес, потому м.б., получают какие-то несовпадения. Надеюсь, все благополучно прибыло, а то я снова пришлю, но опять на Брюсовский переулок. Там же я послал к Вам письмо, дорогой Всеволод Эмильевич.

Всего хорошего Вам и Зинаиде Николаевне.

Нежно и верно любящий Вас

М.Кузмин.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.61.

¹ Стихи, сочиненные Кузминым, см. в Приложении, док.4. Письмо Кузмина от 17 ноября (посланное со стихами), видимо, не сохранилось.

² *Корнев* Михаил Михайлович (1889-1977) — режиссер, ученик и помощник Мейерхольда.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

На подписание имеющих быть постановлений и документов по «Дому Интермедии» уполномачиваю
Всеволода Эмильевича Мейерхольда.

Мих.Кузмин.
24 октября 1910.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.26. На бланке Дома Интермедий: Галерная, 33. Тел. 521-38.

2

На подписание принятых 23 октября постановлений уполномачиваю Всеволода Эмильевича Мейерхольда.

Михаил Кузмин.
24 октября 1910.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.27. На бланке Дома Интермедий.

[Конец октября — начало ноября 1910]

М[илостивый] Г[осударь],

в виду перехода «Дома Интермедии» от дирекции А.И.Томашевской в руки «Товарищества актеров, поэтов, художников и музыкантов Дома интермедии» спектакли на короткое время прекращены. Готовятся постановки 2-го цикла и 3-го цикла: («Бешеная семья» И.Крылова, «Комедия о взявшем в жены немую» Ан.Франса, «Цирюльник из Трувиля» оперетка Лekoка, «Omnia vincit atog»¹ Евг.Зносco-Боровского, «Принц с мызы» М.Кузмина, «Шесть девиц для замужества», оперетка Делиба²), спектакли 1-го цикла будут продолжаться. О дне открытия спектаклей Товарищества будет объявлено своевременно.

Товарищество Дома Интермедии.

Представители труппы М.Кузмин, Н.Кузнецов.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1811. Л.30-31.

¹ Имеется в виду пьеса «Обращенный принц».

² Из приведенного списка разножанровых произведений были поставлены пьесы И.А.Крылова и Е.А.Зносco-Боровского, пьеса Кузмина была опубликована в альманахе «Альциона», кн.1 (М., 1914).

[I.] [В а р в и л ь] 2-й вариант.

Мадам Нишет, как кошка,
 Похожа очень даже,
 Проказлива немножко,
 Порой бывает в саже,
 А сядет у окошка, —
 И снова в авантаже.
 Едва мелькнет мне ножка,
 Все чувства в диком раже.
 Не нахожусь же, крошка,
 Я, так сказать, в тираже.
 Несносная застежка,
 Сорву тебя когда же?
 Ведь я майор немножко,
 И кавалер туда же...*

* Можно делить и дробить как угодно [прим. Кузмина].

II. Образчик П р ю д а н с

Эй, Яшка, медный лоб,
Открыта панорама!
Я — точный телескоп
И девственная дама.
Пучины той не бойся, друг,
Туда спускался мистер Кук!
Тра́-ра-ра-ра́-та-та́,
До свиданья, господа.

III. Куплет А д е л и.

Когда была совсем дитя,
Резвилась я, легко шутя.
Что ни увижу — вот,
Тащила прямо в рот.
Тут ногу, руку, нос и грудь
Случалось мне к себе тянуть,
И все твердили враз:
«Вот умница у нас».
Ах, без привычки трудно жить,
Коль с детства нас не отучить.
Всегда заметен след
От наших детских лет.
Пора настала взрослой стать,
Ноги не буду уж сосать,
Но в общем, не шутя,
Осталась я дитя.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.3064. Л.1-3.

А.Е.Заблоцкая

КОНСТ. ЭРБЕРГ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ ТЕО НАРКОМПРОСА (1918-1919)

Творчество и судьба Константина Александровича Сюннерберга (псевдоним: Конст. Эрберг; 1871-1942) — теоретика искусства, поэта и критика — уже привлекали внимание исследователей¹. Недостаточно изученным представляется, однако, послереволюционный период его биографии — в частности, сотрудничество в Петроградском отделении Театрального отдела (ТЕО) Наркомпроса, где его усилиями была создана научно-теоретическая секция (первоначально — группа в составе педагогической секции). Деятельность этого подразделения ТЕО до сих пор не становилась объектом специального рассмотрения².

Приход Эрберга в Театральный отдел (в сентябре 1918 он стал председателем педагогической секции и одновременно участвовал в разработке проекта положения о ТЕО)³ был связан не столько с интересом к театру, сколько с более общими особенностями его миропонимания. Глубокий знаток и ценитель искусства, которое представлялось ему воплощением извечной тяги человека к

¹ См.: Эрберг Конст. (Сюннерберг К.А.). Воспоминания / Публ. С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С.99-146; Блок А.А. Письма к Конст. Эрбергу (К.А.Сюннербергу) / Публ. С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Там же. С.147-158; Белоус В.Г. Конст. Эрберг: философ-«иннормист»: К портретам «вольфильцев» // Вопросы философии. 1994. №5. С.101-105; Эрберг К. Вольфила / Публ. В.Г.Белоуса // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.105-111.

² Освещалось лишь участие в работе научно-теоретической группы (секции) А.А.Блока; см.: Блок в Театрально-литературной комиссии и ТЕО Наркомпроса: Документальная хроника; Неизвестные письма и рецензия Блока / Предисловие и публикация Е.В.Ивановой // Литературное наследство. Т.92. Кн.5. М., 1993. С.140-222.

³ Ср.: Эрберг К. Воспоминания. Указ. изд. С.112.

свободе, бунтом против косности повседневности⁴, он воспринял революцию в духе «скифства» — как захвативший все сферы жизни разгул «стихий», как путь к коренным духовным преобразованиям⁵. Наиболее существенной особенностью новой эпохи он считал проникновение «широких струй искусства в народную жизнь»⁶. В этой ситуации — ощущая себя прежде всего ученым, специалистом в области эстетики и теории творчества, — Эрберг видел свою задачу в том, чтобы ознакомить как можно большее число людей с основными понятиями науки об искусстве, что, по его мнению, должно было способствовать приобщению народа к культурным ценностям⁷. Театральный отдел представлялся ему вполне подходящим для этого: занятия теорией театра — одна из важных сфер деятельности ТЕО⁸ — казались Эрбергу неэффективными вне рассмотрения общих вопросов искусства⁹.

Изучение театра в контексте широкого круга общеэстетических проблем и стало задачей научно-теоретической группы педагогической секции (сентябрь—декабрь 1918) и научно-теоретической секции (январь—ноябрь 1919)¹⁰. К этой работе Эрберг

⁴ Ср. программную статью Эрберга «Творческая личность и общество» (1918) — Искусство и народ: Сборник под редакцией Конст. Эрберга. Пб.: Колос, 1922. С.11-46.

⁵ Об идеологии «Скифов» — литературной группировки 1916-1918 годов — см.: Hoffman S. Scythian theory and literature, 1917-1924 // Art, Society, Revolution: Russia 1917-1921. (Acta Universitatis Stockholmiensis: Stockholm studies in Russian literature. V.11). Stockholm, 1979. P.138-164; Дьякова Е.А. Христианство и революция в миросозерцании «Скифов» (1917-1919 гг.) // Известия Академии Наук СССР: Серия литературы и языка. 1991. Т.50. №5. С.414-425.

⁶ Эрберг К. Предисловие // Искусство и народ. Указ. изд. С.7.

⁷ Ср. мысль Эрберга о том, что «внедрение в сознание народа правильного понимания искусства /.../ только тогда и жизненно, когда оно покоится на подлинно научных теоретических основах»: Эрберг Конст. К проекту реконструкции Секций Театрального Отдела // Временник Театрального Отдела Народного Комиссариата по Просвещению. Вып. II: Февраль 1919. Пб.; М., 1919. С.22.

⁸ Ср.: История советского театра. Т.1: Петроградские театры на пороге Октября и в эпоху военного коммунизма: 1917-1921. Л., 1933. С.104.

⁹ Ср. позднейшую оценку Эрбергом его работы в ТЕО: Примечания мемуарного характера к собранию писем из архива К.А.Сюннерберга // ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.53. Л.9-10.

¹⁰ См.: Всеволодский-Гернгросс В.Н., Эрберг К. Положение о педагогической секции (сентябрь 1918) // ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1477. Л.3-4 (ср.: Н.Б. [Бахтин Н.Н.]. Педагогическая Секция Театрального Отдела Народного Комиссариата по Просвещению в Петрограде // Педагогическая мысль. 1918. №9-12. С.185; [Эрберг К.]. Положение о научно-теоретической секции (январь [?] 1919) // ГА РФ. Ф.2306. Оп.24. Ед.хр.27. Л.19-19об.). Все материалы, касающиеся деятельности научно-теоретической группы (секции) Петроградского ТЕО, хранятся в фондах Наркомпроса двух архивов — Государственного архива Российской Федерации (Москва; Ф.2306. Оп.24) и Центрального Государственного архива С.-Петербурга (Ф.2551. Оп.1).

стремился привлечь «специалистов-теоретиков по общим вопросам искусства»¹¹, театральных деятелей и «представителей искусств смежных, без которых театр не действителен»¹², а также близких себе по мироощущению литераторов «скифской» ориентации.

Научно-теоретическая группа возникла в конце сентября и просуществовала до конца декабря 1918 года¹³. Членами ее были: сам К.Эрберг, один из создателей «скифской» группы Разумник Васильевич Иванов (псевдоним Иванов-Разумник), критик из футуристов Борис Анисимович Кушнер¹⁴ и приглашенный Ивановым-Разумником философ Аарон Захарович Штейнберг¹⁵. В обсуждении различных вопросов, касавшихся работы группы, участвовала вся педагогическая секция — режиссер и театральный критик Ю.М.Бонди, театровед В.Н.Всеволодский-Гернгросс, поэт, критик и педагог Вл.В.Гиппиус, глава Петроградского ТЕО режиссер В.Э.Мейерхольд, педагоги Н.Н.Бахтин, Н.А.Лебедев и П.П.Мироносицкий, актер Ю.М.Юрьев¹⁶. Эрберг также пытался привлечь к сотрудничеству А.А.Блока, стоявшего в то время во главе репертуарной секции ТЕО¹⁷.

По предложению Эрберга, научно-теоретической группой проводились «в жизнь следующие начинания: 1) *Энциклопедия искусств /.../* издание для широких слоев народа а) краткое в виде иллюстрированного словаря в одном томе /.../ и б) пространное, в нескольких томах, в систематическом порядке. 2) *Картотека русских и иностранных статей и книг по эстетике и теории творчества.* 3) *Вольная Философская Ассоциация*, целью которой

¹¹ Всеволодский-Гернгросс В.Н., Эрберг К. Положение о педагогической секции... // ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1477. Л.3об.

¹² Примечания мемуарного характера... Указ. рукопись. Л.10.

¹³ Время преобразования научно-теоретической группы в самостоятельную секцию устанавливается по датам протоколов и дневников заседаний. «Дневник №1» (машинопись на специальном бланке научно-теоретической секции) относится к 30 декабря 1918 (см.: ГА РФ. Ф.2306. Оп.24. Ед.хр.139. Л.2; дата, ошибочно помеченная здесь 30 октября, уточняется по справке о препровождении копии протокола на утверждение в Москву: ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1511. Л.103).

¹⁴ См.: Список вновь избранных членов бюро педагогической секции // ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1477. Л.19.

¹⁵ См.: Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911-1928) / Подготовка текста, послесловие и примечания Ж.Нива. Париж, 1991. С.20; Протоколы заседаний научно-теоретической группы // ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1476.

¹⁶ См. протоколы заседаний бюро педагогической секции и протоколы заседаний научно-теоретической группы за сентябрь—декабрь 1918: ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1475, 1476.

¹⁷ Ср.: Блок в Театрально-литературной комиссии и ТЕО Наркомпроса. Указ. изд. С.161-163, 167, 175.

является исследование искусств с точки зрения научно-философской»¹⁸.

Энциклопедия искусств была задумана Эрбергом, по-видимому, задолго до начала работы в ТЕО: в августе 1918 писатель Е.Г.Лундберг, называя этот замысел «давней затеей» Эрберга, предлагал осуществить его в Москве¹⁹, однако план этот не был реализован.

Подготовка издания началась в ноябре 1918²⁰. 16, 22 и 23 ноября были проведены заседания научно-теоретической группы, на которых обсуждался характер будущей энциклопедии. Участники заседаний постановили: начать составление Малого иллюстрированного словаря (однотомного, примерно в 1000 страниц), отличающегося возможной полнотой и объективностью изложения и построенного по алфавитному принципу, и одновременно собирать материалы для Большого, систематического словаря объемом около 8 томов, статьи которого будут давать большой «простор субъективным толкованиям»²¹. В обоих словарях были намечены следующие отделы: архитектура, ваение, живопись, музыка, искусство слова, театр и пластика, теория искусства и эстетика, археология и этнография, прикладные искусства и художественная промышленность, графика²². По предложению историка М.К.Лемке, привлеченного к работе в качестве консультанта²³, решено было организовать редколлегию, состоящую из редакторов отделов и редакторов подотделов²⁴. Предполагался и солидный штат технических сотрудников; на должность заведующего технической частью Эрберг пригласил литературоведа и

¹⁸ Эрберг К. К проекту реконструкции Секций Театрального Отдела. Указ изд. С.22.

¹⁹ См.: письма Е.Г.Лундберга К.Эрбергу от 9 и 30 августа 1918 — ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.183. Л.85, 87.

²⁰ Право на издание «художественной энциклопедии» было закреплено за научно-теоретической группой в специальном пункте положения о педагогической секции (см.: ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1477. Л.3об.). В соответствии с этим пунктом 10 ноября 1918 Эрбергу — решением бюро педагогической секции — было поручено «организовать работы по созданию энциклопедии искусств», а Иванову-Разумнику — «редактирование литературного отдела энциклопедии искусств» (ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1475. Л.15об.). 12 ноября Эрберг как редактор этой энциклопедии вошел в коллегию редакторов ТЕО (см.: протокол заседания членов коллегии редакторов и издательского бюро Петроградского ТЕО — ГА РФ. Ф.2306. Оп.24. Ед.хр.511. Л.7-7об.).

²¹ ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1476. Л.4; см. также: Л.4.об., 7об.

²² См.: Там же. Л.4об.-6.

²³ В «Примечаниях мемуарного характера...» Эрберг писал: «Лемке был привлечен к этому делу как знаток: его библиотека содержала чуть ли не все главные энциклопедические словари мира» (Л.67).

²⁴ См.: ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1476. Л.6-6об.

историка театра, члена историко-театральной и репертуарной секции ТЕО П.О.Морозова²⁵. На последнем заседании была выработана смета и определен срок издания Малой энциклопедии — два года²⁶.

К моменту начала обсуждения Энциклопедии искусств Эрберг вел переговоры с философом Н.О.Лосским — одним из редакторов запланированной Наркомпросом Философской энциклопедии²⁷, — который дал согласие «доставлять из материала, собранного для этой энциклопедии, все то, что может войти в Энциклопедию искусств»²⁸. Кроме того, участниками заседаний было решено привлечь к подготовке энциклопедии сотрудников других отделов Наркомпроса — Музыкального и отдела Изобразительных искусств, а также московских коллег по ТЕО²⁹.

В январе 1919 началось формирование редколлегии. К.Эрберг вошел в нее как редактор отдела эстетики, Иванов-Разумник — отдела искусства слова, художник Н.Э.Радлов — отдела живописи, археолог С.С.Лукьянов — отдела археологии и этнографии, искусствовед и историк архитектуры В.Я.Курбатов — отдела прикладных искусств, историк искусства К.Д.Чичагов — отдела архитектуры, филолог-классик Ф.Ф.Зелинский — как специалист по всем вопросам античного искусства³⁰. Членами редколлегии также должны были стать А.З.Штейнберг, В.Э.Мейерхольд, Б.А.Кушнер, Вл.В.Гиппиус, композиторы Б.В.Асафьев и А.С.Лурье³¹, а заведующим технической частью, вместо отказавшегося от этой должности П.О.Морозова³², редактор журнала «Педагогическая

²⁵ Ср.: письмо К.Эрберга П.О.Морозову от 14 декабря 1918 — ИРЛИ. Ф.191. Ед.хр.415. Л.1-1об.; Протокол заседания научно-теоретической группы от 16 ноября 1918 — ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1476. Л.3-3об.

²⁶ См.: ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1476. Л.8. Ср. отчет о деятельности научно-теоретической секции: К.[Кушнер Б.А.]. В Театральном Отделе // Искусство коммуны. 1919. 30 марта. №17. С.4.

²⁷ Замысел не был реализован. Предполагалось, что главным редактором этой энциклопедии будет философ Э.Л.Радлов; см. письмо Н.О.Лосского Э.Л.Радлову от 20 октября 1918 — ИРЛИ. Ф.252. Оп.2. Ед.хр.933. Л.45.

²⁸ ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1476. Л.7.

²⁹ См.: Там же. Л.4об.-5. Об участии в Энциклопедии искусств думал в этот период и А.Блок; см.: Блок А. Записные книжки: 1901-1920. М., 1965. С.442 (запись от 30 декабря 1918).

³⁰ См.: Дневник заседания научно-теоретической секции от 18 января 1919 — ГА РФ. Ф.2306. Оп.1. Ед.хр.139. Л.11.

³¹ См.: Краткие сведения о деятельности [научно-теоретической] Секции за период с 1 января по 10 февраля [1919] — ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.2407. Л.1.

³² Ср.: письмо К.Эрберга П.О.Морозову от 14 декабря 1918 — ИРЛИ. Ф.191. Ед.хр.415. Л.1-1об.

мысль» И.С.Симонов³³. Пост главного редактора энциклопедии временно оставался вакантным³⁴.

В этот же период обсуждались и вопросы о закупке необходимой справочной литературы, поиске и обустройстве постоянного помещения редакции, технические и типографские проблемы³⁵.

Между тем, 13 января заведующая ТEO О.Д.Каменева подписала резолюцию о приостановлении начатых работ³⁶. Хотя ее отношение к ним оставалось не совсем ясным³⁷, 24 февраля 1919 — в связи с нерешенностью вопроса о финансировании — подготовка Энциклопедии искусств была прекращена³⁸.

Более благоприятно складывалась судьба другого начинания — «картотеки по эстетике и общей теории творчества». Она создавалась на протяжении года — с ноября 1918 по ноябрь 1919 — сначала научно-теоретической группой, затем — секцией. К.Эрберг писал: «Ни в России, ни в других европейских странах нет справочников, в которых можно было бы легко найти указания на материал /.../ по тому или другому вопросу эстетики /.../ Кроме того, картотека принесет и огромную пользу для учреждений и организаций, занятых собиранием и устройством библиотек»³⁹.

Составлением картотеки руководил Эрберг⁴⁰, а с января 1919 — А.Штейнберг⁴¹. Работали над ней не только члены научно-теоретической группы (секции), но и сотрудники библиотек — Публичной, Академии Художеств⁴²; консультантом был известный историк литературы и библиограф С.А.Венгероф⁴³.

³³ См.: ГА РФ. Ф.2306. Оп.24. Ед.хр.139. Л.5.

³⁴ См.: Там же. Л.11.

³⁵ См.: Там же. Л.6-7.

³⁶ См.: ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.2407. Л.1.

³⁷ 18 января 1919 на заседании научно-теоретической секции было принято решение: «Командировать Н.Э.Радлова в Москву для /.../ выяснения отношения Театрального Отдела к Энциклопедии Искусств» (ГА РФ. Ф.2306. Оп.24. Ед.хр.139. Л.11). В результате этой поездки вопрос, однако, не прояснился (см.: Там же. Л.17; ср.: Отчет о деятельности научно-теоретической секции — 5 февраля 1919 — ГА РФ. Ф.2306. Оп.24. Ед.хр.556. Л.39).

³⁸ См.: Там же. Ед.хр.139. Л.24.

³⁹ Эрберг К. Объяснительная записка к «Отчету о деятельности картотеки научно-теоретической секции с 1-го января по 1-ое ноября 1919 года» // ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.2318. Л.5.

⁴⁰ См.: Протокол заседания бюро педагогической секции от 10 ноября 1918 — Там же. Ед.хр.1475. Л.150б.

⁴¹ См.: Конструкция Научно-теоретической секции ТEO (1919) — ГА РФ. Ф.2306. Оп.24. Ед.хр.541. Л.20; Ведомость по картотеке научно-теоретической секции (2 сентября 1919) — ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.575.

⁴² См.: Временник Театрального Отдела... Вып. II. Указ. изд. С.58.

⁴³ См.: Конструкция Научно-теоретической секции... — ГА РФ. Ф.2306. Оп.24. Ед.хр.541. Л.20.

К ноябрю 1919 было просмотрено 37 наименований (251 годовой комплект) художественных и научных журналов за 2-3 предшествующих десятилетия — на русском, английском, французском, немецком и итальянском языках — и заполнено более 3,5 тысячи карточек⁴⁴.

Осенью 1918 научно-теоретическая группа занималась также организацией Вольной («Скифской») академии⁴⁵, открытой через год под названием «Вольная философская ассоциация» («Вольфила»)⁴⁶. Идея создания этого учреждения возникла у ряда литераторов «скифской» ориентации (Иванова-Разумника, А.Белого, А.Блока, К.Эрберга, Е.Лундберга) как результат стремления «осмыслить, в тесном содружестве одинаково настроенных людей, значение и судьбу русской революции»⁴⁷ — по-видимому, еще весной 1918⁴⁸. Осуществить этот замысел в то время не удалось. В

⁴⁴ Эрберг К. Отчет о деятельности картотеки... // ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.2318. Л.1-4об. В настоящее время местонахождение картотеки неизвестно.

⁴⁵ Наименование «Скифская Академия» употреблено в записной книжке А.Блока (Блок А. Записные книжки: 1901-1920. Указ. изд. С.429; запись от 27 сентября). С другой стороны, в воспоминаниях А.Штейнберга упоминается название «Вольная Академия», измененное по предложению автора мемуаров на «Вольная Философская Академия» — «Вольфила» (см.: Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. Указ. изд. С.25).

⁴⁶ О деятельности Вольфила (1919-1924) см.: Белый А. Вольная философская ассоциация // Новая русская книга (Берлин). 1922. №1. С.32-33.; [Б.п.] «Вольфила» // Жизнь. 1922. №1. С.174-175; Гаген-Торн Н.И. Вольфила: Вольно-Философская Ассоциация в Ленинграде в 1920-1922 гг. / Публ. Г.Ю.Гаген-Торн // Вопросы философии. 1990. №4. С.88-104; Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. Указ. изд. С.20-108; Лавров А.В. 1) Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С.40-46; 2) [Вступ. статья к публ. переписки А.Блока и Иванова-Разумника] // Литературное наследство. Т.92. Кн.2. М., 1981. С.380-381, 412-413; Р.В.Иванов-Разумник о Петроградской Вольфиле 1921-1923 гг. / Публ. и ком. Я.В.Леонтьева // Вопросы философии. 1993. №12. С.69-77; Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле / Публ., подготовка текста, предисл. и прим. Е.В.Ивановой // De visu. 1993. №7(8). С.5-27; Штейнберг А.З. Достоевский как философ / Предисл. и публ. В.Г.Белоуса // Вопросы философии. 1994. №9. С.184-196; Белоус В.Г. «На перекрестке»: Л.В.Пумпянский и Вольфила // Там же. 1994. №12. С.153-157; Эрберг К. Вольфила / Публ. В.Г.Белоуса // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.105-111. Несмотря на интерес исследователей к этой теме, взаимоотношения Вольфила и Петроградского ТЕО в сентябре 1918 — январе 1919 специально не изучались.

⁴⁷ Позднейшая оценка идеи Вольфила Штейнбергом: Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. Указ. изд. С.25.

⁴⁸ Ср. показания Иванова-Разумника на допросе по делу левых эсеров (февраль 1919), обнаруженные В.Г.Белоусом в Архиве ФСК (С.-Петербург) — De visu.1994. №1/2(14). С.139. О существовании замысла Вольфила свидетельствуют и попытки Е.Г.Лундберга привлечь Эрберга, Иванова-Разумника и Блока к работе в московской Академии социальных наук весной — летом 1918; ср.: письма Е.Г.Лундберга К.Эрбергу от 15 [?], 23 мая и 9 августа 1918 — ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.183. Л.80об.-83, 86; Блок А. Записные книжки. Указ. изд. С.404 (запись от 2 мая 1918).

сентябре 1918 нарком по просвещению А.В.Луначарский объявил о намерении учредить «Академию Искусств», причем в реализации этого проекта не последнюю роль должен был играть Театральный отдел Наркомпроса⁴⁹. Это дало возможность подключить к созданию «Скифской академии» научно-теоретическую группу. Для предотвращения препятствий формального характера решено было первым открыть «факультет искусств»⁵⁰: такой шаг соответствовал бы и плану Луначарского, и специфике самой группы.

В конце сентября — начале октября состоялось несколько собраний на квартире К.Эрберга (при участии Иванова-Разумника и А.Штейнберга) и — параллельно с ними — заседаний педагогической секции, на которых обсуждались направление деятельности и состав сотрудников будущей Академии⁵¹. Принятые решения легли в основу разработанного А.Штейнбергом⁵² «Проекта Положения о Вольной Философской Академии», где, в частности, отмечалось: «В.Ф.А. учреждается с целью исследования и разработки в России в духе социализма и философии вопросов культурного творчества, а также с целью распространения (в широких народных массах) социалистического и философски углубленного отношения к этим вопросам»⁵³. В задачи Вольфилы, согласно «Проекту Положения», входило: в плане научно-академическом — поддержка (в том числе материальная) специалистов в области культуры, искусства, философии, содействие объединению научных сил;

⁴⁹ Ср.: Примечания мемуарного характера... (Л.56), а также пункт «Положение о Театральном Отделе Народного Комиссариата по Просвещению» (сентябрь 1918), указывающий на то, что ТЕО «подготавливает, в пределах своей специальности, материалы для организации Академии Искусств» — Известия ВЦИК. 1918. 19 сентября. №203 (467). С.3.

⁵⁰ Ср. выступление Иванова-Разумника на заседании научно-теоретической группы 14 октября 1918 (ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1476. Л.106.); см. также положение о педагогической секции (сентябрь 1918), где говорится о подготовке научно-теоретической группой материалов «для организации эстетического факультета Академии Искусств» (Там же. Ед.хр.1477. Л.306.). Позднее вместо «факультета искусств» решено было открыть «отдел философии культуры и искусств»; ср. соответствующее исправление в проекте афиши, объявляющей о начале деятельности Вольфилы (январь 1919): ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.513. Л.2.

⁵¹ См.: Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. Указ. изд. С.25-32; Блок в Театрально-литературной комиссии и ТЕО Наркомпроса. Указ. изд. С.162-163.

⁵² О своем авторстве Штейнберг упоминает в мемуарах: Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. Указ. изд. С.30, 34.

⁵³ ИРЛИ. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.157. Л.2; скобки внесены в текст простым карандашом, на обложке (Л.1) надпись: «Первый план Вольфилы». См. также: Блок А., Иванов-Разумник, Штейнберг А., Эрберг К. Объяснительная записка к проекту положения о «Вольной Философской Академии» // Временник Театрального Отдела Народного Комиссариата по Просвещению. Вып.1: Ноябрь 1918. Пб.; М., 1918. С.12.

в плане учебно-просветительском — чтение лекционных курсов, проведение семинарских занятий, издание научных трудов и постоянного журнала, организация библиотек и читален и т.д.⁵⁴

11 и 14 октября 1918 «Проект...» обсуждался на заседаниях педагогической секции и научно-теоретической группы⁵⁵, после чего был передан на рассмотрение заведующей ТЕО в Москву.

В январе 1919 положение о Вольфиле было утверждено⁵⁶. Ее открытие должно было состояться во второй половине января. В подготовленной по этому случаю афише были объявлены первая лекция (А.Блок: «Катилина, — эпизод из истории мировой революции») и имена будущих сотрудников: кроме Блока, — композитор А.М.Авраамов, А.Белый, Иванов-Разумник, Б.А.Кушнер, Е.Г.Лундберг, А.С.Лурье, В.Э.Мейерхольд, один из членов «скифской» группы С.Д.Мстиславский, К.С.Петров-Водкин, А.Штейнберг, К.Эрберг и сам А.В.Луначарский⁵⁷. Предполагалось, что председателем совета Вольфилы — вместо отказавшегося от этого поста А.Блока⁵⁸ — будет А.Белый⁵⁹, а ее «членами-учредителями» — А.Авраамов, А.Белый, А.Блок, Иванов-Разумник, Б.Кушнер, Е.Лундберг, В.Мейерхольд, С.Мстиславский, К.Петров-Водкин, Л.Шестов, А.Штейнберг и К.Эрберг⁶⁰.

Открытие, однако, не состоялось. 24 января Коллегия Наркомпроса признала организацию этого учреждения несвоевременной и предложила создать вместо него Вольное философское общество⁶¹. 27 января 1919 на заседании научно-теоретической секции вопрос об Академии был снят с очереди⁶².

⁵⁴ См.: ИРЛИ. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.157. Л.2. Ср. намерение Иванова-Разумника организовать издательство Вольфилы (к этому делу он собирался привлечь С.М.Алянского — основателя издательства «Алконост» и главу издательского бюро Петроградского ТЕО); см.: записка Иванова-Разумника К.Эрбергу от 11 февраля 1919 — ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.145. Л.10.

⁵⁵ Ср. протоколы этих заседаний — ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1475. Л.3-3об.; Ед.хр.1476. Л.1-2.

⁵⁶ Ср. Блок А. Записные книжки. Указ. изд. С.447; Эрберг К. Отчет о деятельности научно-теоретической секции Петроградского отделения ТЕО: За время с 1-го января по 1-ое ноября 1919 года // ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.2318. Л.10.

⁵⁷ См. проект афиши, информировавшей об открытии Вольфилы (январь 1919): ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.513. Л.2. На афише надпись А.В.Луначарского: «Подтверждаю свое согласие участвовать в В.Ф.А. Луначарский».

⁵⁸ См.: Блок А. Записные книжки. Указ. изд. С.444.

⁵⁹ Ср. Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. Указ. изд. С.32.

⁶⁰ См.: Лавров А.В. [Вступительная статья к публикации переписки А.Блока и Иванова-Разумника]. Указ. изд. С.380.

⁶¹ См.: Краткие сведения о деятельности [научно-теоретической] Секции... // ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.2407. Л.1-1об.; Блок А. Записные книжки. Указ. изд. С.447.

⁶² См. дневник этого заседания: ГА РФ. Ф.2306. Оп.24. Ед.хр.139. Л.14-15.

В конце ноября 1918, когда направление деятельности научно-теоретической группы окончательно определилось, Эрберг выступил с предложением о ее преобразовании в самостоятельную секцию⁶³. По его замыслу, благодаря академическому характеру своих работ, эта секция должна была стать «резервуаром, откуда прочие секции могли бы черпать материал для претворения его в действенную энергию»⁶⁴.

Научно-теоретическая секция возникла в конце декабря 1918⁶⁵ и существовала вплоть до ликвидации Петроградского ТЕО в ноябре 1919. Председателем ее был К.Эрберг; членами бюро — А.Штейнберг (ученый секретарь), художник Николай Эрнестович Радлов и (недолгое время) Б.А.Кушнер и композитор Борис Владимирович Асафьев (псевдоним: Игорь Глебов)⁶⁶; научными сотрудниками — преподавательница Института живого слова и Петроградского Еврейского университета Эсфирь Захаровна Гурлянд-Эльяшева, выполнявшие преимущественно техническую работу Елена Ивановна Вельдбрехт, Ольга Андреевна Гриковская, Софья Владимировна Розенблат и Лидия Константиновна Андреева⁶⁷, а также — в разное время — переводчик Федор Анатольевич Зворыкин, литературовед Борис Павлович Сильверсван, литературный и балетный критик Аким Львович Волынский⁶⁸; секретарем — студент Петроградского университета, будущий писатель Лев Натанович Лунц⁶⁹.

⁶³ См.: протокол заседания коллегии ответственных работников Петроградского ТЕО от 30 ноября 1918 // ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1472. Л.1.

⁶⁴ Эрберг К. К проекту реконструкции Секций Театрального Отдела. Указ. изд. С.22.

⁶⁵ См. сноску 13.

⁶⁶ См.: Дневник заседания научно-теоретической секции от 3 января 1919 — ГА РФ. Ф.2306. Оп.24. Ед.хр.139. Л.3; Эрберг К. Отчет о деятельности научно-теоретической секции Петроградского отделения ТЕО... — ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.2318. Л.8-9; письма Б.В.Асафьева К.Эрбергу (декабрь 1918 — апрель 1919) — ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.68.

⁶⁷ См.: Эрберг К. Отчет о деятельности научно-теоретической секции Петроградского отделения ТЕО... (ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.2318. Л.8-9); Список ученых сотрудников Театрального отдела Наркомпроса (июль 1919) — Там же. Ед.хр.1548. Л.11-12; списки служащих ТЕО (февраль—октябрь 1919) — Там же. Ед.хр.1547. Л.9об., 22-22об., 23об., 30, 51, 66. Сведения об Э.З.Гурлянд-Эльяшевой взяты из рапорта о ее увольнении с поста ученого секретаря Театральной энциклопедии (об этом издании см. ниже): Там же. Ед.хр.1578. Л.5. Данных о других сотрудниках найти не удалось.

⁶⁸ См.: Эрберг К. Отчет о деятельности научно-теоретической секции Петроградского отделения ТЕО... (Там же. Ед.хр.2318. Л.8); Примечания мемуарного характера (ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.53. Л.32, 46, 93); записка А.Л.Волынского К.Эрбергу от 25 сентября 1919 — Там же. Ед.хр.272. Л.2-3.

⁶⁹ Ср.: Примечания мемуарного характера... (Там же. Ед.хр.53. Л.77); записка Л.Н.Лунца К.Эрбергу (август [1919]) — Там же. Ед.хр.185. Помощницами Л.Лун-

Сотрудники продолжили начатое в рамках научно-теоретической группы — создание Вольфилы, подготовку Энциклопедии искусств и составление «эстетической» картотеки. После того, как и первое, и второе было прекращено, секция, по поручению руководства ТЕО, стала готовить Театральную энциклопедию.

Ее решили издавать в виде однотомного словаря объемом не более 500 страниц, построенного по алфавитному принципу и снабженного «несложными показательными рисунками и чертежами»⁷⁰. По мнению организаторов энциклопедии, ей необходимо было «придать /.../ характер широко доступного справочника, выдержав /.../, по возможности, в духе научной объективности»⁷¹.

1 марта была сформирована редакционная коллегия: «К.А.Эрберг — главный редактор и редактор отдела теории и идеологии театра. Мейерхольд — редактор отдела театрального искусства. Иванов-Разумник — слово в театре. Глебов (Асафьев) — музыка в театре. Н.Радлов — изобразительные искусства в театре, он же заведывающий художественной частью издания. А.Штейнберг — Секретарь Редакции. И.Симонов — заведывающий технической частью издания»⁷². Началась работа по привлечению авторов⁷³ и составлению списка артиклей⁷⁴.

ца были машинистки Ю.А.Коновалова и К.Г.Гизетти (см.: Эрберг К. Отчет о деятельности научно-теоретической секции Петроградского отделения ТЕО... — ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.2318. Л.8-9; письмо Иванова-Разумника А.Блоку от 5 августа 1919 — Литературное наследство. Т.92. Кн.2. Указ. изд. С.411).

⁷⁰ К. [Кушнер Б.А.] В Театральном Отделе. Указ. изд. С.4. См. также: Дневник заседания научно-теоретической секции от 24 февраля 1910 — ГА РФ. Ф.2306. Оп.24. Ед.хр.139. Л.24.

⁷¹ К. [Кушнер Б.А.] В Театральном Отделе. Указ. изд. С.4.

⁷² Дневник заседания научно-теоретической секции от 1 марта 1919 — ГА РФ. Ф.2306. Оп.24. Ед.хр.139. Л.26. Впоследствии состав редколлегии несколько изменился: Мейерхольда заменил режиссер С.Э.Радлов, Асафьева — Б.А.Кушнер, Штейнберга (ставшего вместо Эрберга редактором отдела теории театра) — Э.З.Гурлянд-Эльшева (ученый секретарь редакции) и О.А.Гриковская (секретарь редакции); И.С.Симонов от участия в энциклопедии отказался. См.: Эрберг К. Отчет о деятельности научно-теоретической секции Петроградского отделения ТЕО... — ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.2318. Л.10-11; письмо И.С.Симонова М.К.Лемке от 26 февраля 1919 — ИРЛИ. Ф.661. Ед.хр.996. Л.4; письмо И.С.Симонова К.Эрбергу от 14 апреля 1919 — Там же. Ф.474. Ед.хр.241. Л.1.

⁷³ По свидетельству Эрберга, к работе над Театральной энциклопедией были привлечены почти все сотрудники Петроградского ТЕО (см.: Примечания мемуарного характера... Л.10; Ср. сохранившийся в архиве П.О.Морозова список сотрудников отдела театрального искусства Театральной энциклопедии — март [?] 1919 — ИРЛИ. Ф.191. Ед.хр.178. Л.62-63). Весной 1919 были также начаты переговоры с Московским отделением ТЕО; о сотрудничестве в энциклопедии ср. записку В.И.Иванова К.Эрбергу от 3 апреля 1919 — ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.144. Л.15.

⁷⁴ Составленный К.Эрбергом список артиклей Театральной энциклопедии сохранился: ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.16.

К ноябрю 1919 было написано и отредактировано более 1000 статей (в общей сложности 25 печатных листов), просмотрено десять энциклопедий на русском, французском и немецком языках и — на основе этого — собран большой подготовительный материал (23,5 тысячи карточек)⁷⁵. (Закупленные с этой целью справочники составили основу библиотечного фонда, насчитывавшего к концу существования секции около 250 книг⁷⁶).

⁷⁵ См.: Эрберг К. Отчет о деятельности научно-теоретической секции Петроградского отделения ТЕО... — ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.2318. Л.11; письмо К.Эрберга В.Э.Мейерхольду от 1 декабря 1920 — РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2662. Л.5.

⁷⁶ См.: Эрберг К. Отчет о деятельности научно-теоретической секции Петроградского отделения ТЕО — ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.2318. Л.12. В отличие от других начинаний научно-теоретической секции, Театральная энциклопедия продолжила свое существование после ликвидации Петроградского ТЕО. В феврале 1920 К.Эрберг добился возобновления этой работы при Петроградском Театральном отделении (ПТО): в штат редакции были зачислены Иванов-Разумник, Штейнберг, Гурлянд-Эльяшева и сам Эрберг (см.: распоряжение по ПТО от 28 февраля 1920 — Там же. Ед.хр.1497. Л.58об.). Редакция, однако, столкнулась с большими трудностями. Обращаясь за поддержкой к В.Э.Мейерхольду (назначенному осенью 1920 заведующим ТЕО в Москве), К.Эрберг 1 декабря 1920 писал: «П.Т.О. дважды делал распоряжение о закрытии [Театральной] Энциклопедии и о "запечатании" ее дел /.../ в архив П.Т.О. Но мне дважды удалось спасти Энциклопедию) путем доведения ее расходов до минимума /.../. Все время мы надеялись, что вслед за предыдущей наступит возможность работать. С Вашим возвращением к делам [Театрального] Отдела) возможность эта открылась /.../» (РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2662. Л.5-5об.; ср. записку Иванова-Разумника Эрбергу [ноябрь 1920], в которой сообщается о намерении Мейерхольда «усиленно двинуть вперед Энциклопедию» — ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.145. Л.24.

Надежды Эрберга не оправдались. В течение первой половины 1921 из состава редакции вышли Э.З.Гурлянд-Эльяшева и Иванов-Разумник (их заменили критик Н.Д.Носков и музыковед В.Г.Каратыгин — ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1578. Л.3, 5, 6; письмо Иванова-Разумника К.Эрбергу от 16 июня 1921 — ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.145. Л.20). В конце 1921 — в связи с ликвидацией ПТО — энциклопедия перешла в ведение Петроградского Губполитпросвета, где ею заинтересовался заведующий художественной частью Губполитпросвета театральный деятель А.И.Пиотровский (см.: Примечания мемуарного характера... Л.10, 82; трудовой список К.Эрберга (1927) — Там же. Ед.хр.325. Л.27об.-28; записка Н.Д.Носкова Эрбергу [1922] — Там же. Ед.хр.205; надпись Эрберга на списке статей Театральной энциклопедии — Там же. Ед.хр.16. Л.33 — время общения с Пиотровским по поводу энциклопедии ошибочно датируется здесь 1924 годом). Наладить издание Пиотровскому не удалось: в июне 1922 финансирование работ было прекращено (ср.: трудовой список К.Эрберга — Там же. Ед.хр.325. Л.27об.-28). В октябре 1923 собранные Эрбергом материалы были переданы Губполитпросветом в Институт истории искусств «для дальнейшей обработки в разряде истории театра» (см. акт о передаче этих документов — ЦГАЛИ СПб. Ф.82. Оп.1. Ед.хр.120. Л.74), однако и это развитие не получило.

В настоящее время несколько статей, предназначенных для Театральной энциклопедии, хранятся в фонде К.Эрберга: ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.401, 404, 405, 408, 412.

Другим направлением деятельности Эрберга и его коллег было проведение диспутов на темы, касающиеся театра и искусства в целом. В январе—ноябре 1919 состоялись следующие доклады: Б.В.Асафьев «Народная опера»; Иванов-Разумник «"Мистерия" или "буфф"»; В.А.Пяст «Театр слова и театр движения»; Н.Э.Радлов «Пролетарское искусство и искусство для пролетариев»; А.Штейнберг «Театр как народное собрание» и «Развитие и разложение в области искусства»; Б.М.Эйхенбаум «Трагедия Шиллера в свете его теории трагического»; Вл.В.Гиппиус «Театр и народ»; Э.З.Гурлянд-Эльяшева «Идея творческого сознания у Ибсена»; К.Эрберг «Воздействие театра на народ» и «О догматах и ересь в искусстве»⁷⁷.

На основе текстов этих докладов Эрберг составил «Сборник по теории художественного творчества»⁷⁸, однако Издательское бюро Петроградского ТЕО из-за нехватки средств не смогло выпустить его в свет⁷⁹. Книга вышла лишь в 1921 в издательстве «Алконост» под названием «Искусство старое и новое»⁸⁰.

Трудности, с которыми Эрберг столкнулся в своей работе, во многом были связаны с негативным отношением руководства Театрального отдела к Петроградскому отделению ТЕО. «Петроград» подвергался критике со стороны «Москвы» за абстрактность, теоретичность, оторванность от жизни⁸¹.

Недовольство московского руководства, в частности, сказывалось на финансовом положении Петроградского ТЕО, отличавшемся крайней нестабильностью⁸². В отчете о деятельности

⁷⁷ См.: Эрберг К. Отчет о деятельности научно-теоретической секции Петроградского отделения ТЕО... — ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.2318. Л.12. Ср.: письмо Иванова-Разумника А.Блоку от 19 июля 1919 // Литературное наследство. Т.92. Кн.2. Указ. изд. С.410.

⁷⁸ См.: официальное письмо А.Штейнберга в издательское бюро Петроградского ТЕО от 21 января 1919 — ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1491. Л.97. Ср. сообщения о подготовке сборника в газетах: Вестник театра. 1919. 25-27 февраля. №9. С.5; Жизнь искусства. 1919. 4 апреля. №111. С.3.

⁷⁹ Ср. воспоминания С.М.Алянского, стоявшего в то время во главе Издательского бюро Петроградского ТЕО: Алянский С. Встречи с Александром Блоком. М., 1969. С.65-66.

⁸⁰ Искусство старое и новое: Сборник / Под ред. Конст. Эрберга. Пб.: Алконост, 1921.

⁸¹ Ср.: протокол 5-го организационного собрания представителей секций Театрального Отдела от 3 ноября 1918 — Блок в Театрально-литературной комиссии и ТЕО Наркомпроса. Указ. изд. С.170-172; протоколы заседаний Особого совещания по театральному вопросу (10, 12 декабря 1918) — Советский театр: Документы и материалы. Т.1: Русский советский театр: 1917-1921. Л., 1968. С.48-57.

⁸² Ср. мнение В.Н.Всеволодского-Гернгросса о том, что «неорганизованность /.../ финансовой части» Петроградского ТЕО «объясняется /.../ исключительным

секции К.Эрберг писал: «оплата всех счетов, представляемых Секцией, затягивается на месяцы /.../ особенно разительно вся финансовая неустойчивость /.../ обнаружилась в факте задержки оплаты на целых полгода /.../ сведущим лицам, приглашенным на заседания Бюро»⁸³. По данным Эрберга, штат секции постоянно оставался неуккомплектованным: вместо 20 научных сотрудников в ней, как правило, состояли 4-5⁸⁴.

Осуществлению замыслов Эрберга также препятствовала неблагоприятная обстановка в стране — развал типографского дела, бумажный кризис, разруха на книжном рынке. Помешал работе и арест по делу левых эсеров нескольких участников проводимых мероприятий — Иванова-Разумника, А.Штейнберга, А.Блока, М.К.Лемке, К.С.Петрова-Водкина — в феврале 1919⁸⁵.

Существовали и трудности внутреннего порядка — разногласия между Б.А.Кушнером и другими сотрудниками. Будучи сторонником классового подхода к искусству, Кушнер пытался внести соответствующие коррективы в концепцию деятельности секции. Так, в марте 1919 он выступил с резким осуждением общекультурной направленности предпринятых начинаний и предложил построить работу в соответствии с классово-идеологическими принципами, переименовав секцию в «научно-идеологическую»⁸⁶. Составленный Кушнером проект «Положения о научно-идеологической секции», был, однако, принят лишь после существенной переработки⁸⁷.

невниманием Москвы к Петроградской кассе»: Всеволодский В.Н. Отчет Наркому, Заведывающему ТЕО о деятельности Петроградского отделения ТЕО Наркомпроса за время с 1-го января по 15-ое августа 1919 года и проект преобразования такового (9 сентября 1919) — ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.2358. Л.49.

⁸³ Эрберг К. Отчет о деятельности научно-теоретической секции Петроградского отделения ТЕО... — Там же. Ед.хр.2318. Л.14.

⁸⁴ См.: Там же. Л.8.

⁸⁵ Ср.: Там же. Л.13. Об арестах, произведенных по делу левых эсеров 13-15 февраля 1919, см.: Штейнберг А. 1) [Речь на LXXXIII открытом заседании Вольфилы 28 августа 1921] // А.Белый, Иванов-Разумник, А.З.Штейнберг. Памяти Александра Блока. Пб., 1922. С.35-53; 2) Друзья моих ранних лет. Указ. изд. С.35-42; Иванов-Разумник Р.В. Тюрьмы и ссылки: «По тюрьмам на родине» // Публ. В.Г.Белоуса, прим. В.Г.Белоуса и Я.В.Леонтьева // Мера. 1994. №1. С.165-187; Иванова Е.В. Об аресте Александра Блока в 1919 году // Филологические науки. 1992. №4. С.108-112.

⁸⁶ См.: [Кушнер Б.] Докладная записка: К проекту положения о Научно-Теоретической Секции Театрального Отдела, предложенному Бюро Секции Борисом Кушнером // Искусство коммуны. 1919. №17. 30 марта. С.2-3. Ср. свидетельство Блока о несогласии Кушнера с членами-учредителями Вольфилы по поводу принципов ее организации: Блок А. Записные книжки. Указ. изд. С.447.

⁸⁷ См.: Дневники заседаний научно-теоретической секции от 27 марта и 8 апреля 1919 — ГА РФ. Ф.2306. Оп.24. Ед.хр.139. Л.38-39, 44-47.

В августе 1919 из Москвы пришло известие о готовящейся реорганизации Петроградского ТЕО. В.Н.Всеволодский-Гернгросс (которому было поручено составление итогового отчета)⁸⁸ разработал план преобразования отделения в Институт театральные знания — учреждение академического типа, призванное продолжить реализацию культурных начинаний ТЕО⁸⁹. Однако в сентябре А.В.Луначарский решил ликвидировать Петроградское ТЕО⁹⁰. 20 ноября 1919 Театральный отдел в Петрограде был упразднен, а его дела (в том числе материалы научно-теоретической секции) сданы в архив Петроградского Театрального отделения⁹¹.

Итак, в 1918-1919 годах Эрберг, по существу, предпринял попытку организации своего рода культурно-научного центра по исследованию и популяризации искусства. Большинство возникших в связи с этим проектом замыслов так и не было реализовано. Несмотря на это, деятельность научно-теоретической группы/секции Петроградского ТЕО представляет безусловный интерес — не только для понимания творческого пути К.Эрберга, но и для изучения культурной жизни Петрограда первых послереволюционных лет.

⁸⁸ Ср.: Протокол заседания коллегии по управлению делами Петроградского ТЕО от 12 августа 1919 — ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. Ед.хр.1496. Л.19.

⁸⁹ См.: Всеволодский В.Н. Отчет Наркомю, Заведывающему ТЕО... — Там же. Ед.хр.2358. Л.48-51об. Ср.: проект положения об Институте театральные знания; план деятельности Института театральные знания (октябрь 1919) — Там же. Ед.хр.1473. Л.58, 61; проект сметы Института театральные знания на последнюю четверть 1919 — Там же. Ед.хр.1548. Л.9-10об.

⁹⁰ Ср.: Протокол заседания Коллегии по управлению делами Петроградского ТЕО от 18 сентября 1919 — Там же. Ед.хр.1496. Л.28; письмо П.О.Морозова (председателя коллегии по управлению делами Петроградского ТЕО) А.В.Луначарскому от 19 сентября 1919 — Там же. Ед.хр.1511. Л.134.

⁹¹ См. переписку по ликвидации Петроградского ТЕО: Там же. Ед.хр.1498. Л.1, 3-3об. В начале 1920 разрешение на открытие Института театральные знания все же было получено (ср.: Жизнь искусства. 1920. 24 февраля. №380. С.1). Летом 1920 состоялось несколько организационных заседаний Теоретического отдела этого института, на которых присутствовали А.Белый, К.Эрберг, А.Штейнберг, Иванов-Разумник, М.А.Жирмунский, С.Г.Елисеев, С.К.Боянус, принявшие решение о продолжении работ по Театральной энциклопедии и картотеке (см.: Лавров А.В. Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.57-59). Дальше этих заседаний, однако, дело не пошло. Осенью 1920 В.Э.Мейерхольд, став главой ТЕО, пытался «воскресить Инст[итут] Театр[альных] Знаний» (см. запись Иванова-Разумника К.Эрбергу [ноябрь 1920] — ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.145. Л.24. Ср. письмо Эрберга Мейерхольду от 1 декабря 1920 — РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2662. Л.6об.), однако уже в начале 1921 он отошел от руководства ТЕО (см.: Fitzpatrick Sh. The Commissariat of Enlightenment. Soviet organization of education and the arts under Lunacharsky: October 1917-1921. Cambridge, 1970. P.313). Об Институте Театральные знания см. также: Примечания мемуарного характера... Л.12.

«ЗА РЕВОЛЮЦИОННЫМ ФРОНТОМ Я ПЛЕТУСЬ В ОБОЗЕ 2-го РАЗРЯДА...»

Из писем К.М.Миклашевского к деятелям театра (1914-1941)

Вступительная статья, публикация и примечания
Рашита Янгирова

Творческое наследие актера, режиссера, театроведа и кинематографиста Константина Михайловича Миклашевского (1886-1944) изучено недостаточно, а его влияние на творчество крупнейших мастеров экспериментального театра начала века — от Мейерхольда до Вахтангова и далее — на советский киноавангард 1920-х годов — явно недооценено¹.

Между тем профессиональные дебюты Миклашевского (сценические опыты и исследования) Мейерхольд признавал «революционными»², а Евреинов называл его «настоящим авторитетом» и «выдающимся театральным мэтром»³, не было недостатка и в похвалах других, не менее именитых современников. Казалось, все обещало начинающему мастеру блестящую карьеру и заслуженную славу, но «линии судьбы» сложились иначе. Война, революционная разруха, эмиграция, многолетние поиски минимального материального достатка, наконец, специфические нравы художественной среды — совокупность всех этих личных и творческих обстоятельств вывела Миклашевского на обочину художественной жизни сначала на родине, а впоследствии — и в полудобровольной эмиграции. Сложилась его судьба менее драматично, нам, вероятно, не пришлось бы здесь пересказывать дела и дни этого мастера. Но случилось так, что биография Миклашевского и его наследие ныне позабыты и требуют обстоятельной реконструкции, которая, надо надеяться, — не за горами.

¹ См.: Золотницкий Д. Октябрь и опыты агиткомедии // Театр и драматургия: Труды Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Вып. 4. Л., 1974; Ходасевич В. Портреты словами. М., 1987.

² Мейерхольд В. Статьи; Письма; Речи; Беседы. Ч.2: 1917-1939. М., 1968. С. 40-522.

³ Евреинов Н. Памятник мимолетному: Из истории эмигрантского театра в Париже. Париж, 1953. С. 10.

Мы же ограничимся здесь эскизной справкой, основываясь преимущественно на автобиографических сведениях⁴.

Киевлянин по происхождению, юный Миклашевский продолжил образование в самом элитарном учебном заведении российской столицы — Императорском лицее и закончил его курс в 1904. Открывшаяся казенная служба его, впрочем, не влекла, а, напротив, подтолкнула к поиску иных форм самовыражения. Как и многие современники, он увлекается новыми формами искусства, сближается с театральными кругами и пытается найти в них свое место. В декабре 1907 имя Миклашевского обнаруживается в труппе новообразованного Общества Старинного театра⁵, с которым и будет связан начальный и самый блестящий этап его биографии. В 1911 он успешно завершает учебу в Императорской Драматической школе⁶ и входит в число ведущих сотрудников возобновленного Старинного театра⁷. Его режиссерский дебют состоялся 28 ноября того же года постановкой пьесы Тирсо де Молина «Благочестивая Марта, или Влюбленная святоша», вызвавшей интерес у театралов и прессы⁸. Тогда же выходят первые театроведческие публикации Миклашевского⁹. Отмеченные высокой исследовательской культурой и серьезным знанием предмета (он свободно владел четырьмя языками и читал еще на двух), работы Миклашевского основывались на знакомстве с историческими подлинниками, состоявшемся во время научных командировок и путешествий (Испания — лето 1911, позднее — Италия, Германия, Франция и др.).

С самого начала Миклашевский продемонстрировал глубокий интерес к классическим традициям европейского театра и неординарную способность к синтезу научных штудий с реалиями российской сцены, что не могло не привлечь к нему сочувственного внимания со стороны театральных реформаторов. Задолго до появления тыняновской формулы «архаист-новатор» Миклашевский подтвердил ее универсальность и сохранил пожизненную верность избранным однажды ориентирам. Оттого столь органичными и «стильными» представляются все его разнообразные по форме и жанрам эксперименты — от художественных акций в петербургских кабае¹⁰ до кинотворчества, не исключая и жизненных эпизодов.

⁴ Среди писем Миклашевского к Евреинову хранится его Curriculum Vitae (неавторизованная английская машинопись), охватывающая период до 1926 — РГАЛИ. Ф.982. Оп.1. Ед.хр.219. Л.28-31.

⁵ Театр и искусство. 1907. №45. С.732.

⁶ Ежегодник Императорских театров. Вып. VI: 1910-1911. СПб., 1911. С.154.

⁷ Старк Э. Старинный театр. СПб., 1912; Пг., 1922; Евреинов Н. История русского театра с древнейших времен до 1917 года. Нью-Йорк, 1955; Петровская И., Сомина В. Театральный Петербург: Начало XVIII века — октябрь 1917 года. СПб., 1994. С.310-314.

⁸ Рец.: Петербургская газета. 1911. 29 ноября; Речь. 1911. 30 ноября; Студия. 1911. №11-12; Рампа и жизнь. 1911. №51; Театр и искусство. 1911. №51; Русская художественная летопись. 1912. №4; Аполлон. 1912. №1-4.

⁹ Испанская сцена // Испанский театр XVI-XVII вв.: Введение к спектаклям «Старинного театра» 1911-1912 гг. СПб., 1911.

¹⁰ Один из неформальных лидеров «Бродячей собаки» (ее «хвост»), Миклашевский в декабре 1913 поставил здесь «Вертеп кукольный» М.Кузмина. О его каба-

Широкою известность принес Миклашевскому театроведческий труд, посвященный итальянскому театру масок¹¹. Эта работа, не утратившая своего научного значения и по сей день (составленный им «Опыт библиографии» — едва ли не самый полный из русских указателей на эту тему), произвела сильнейшее впечатление на театральный мир и предугадала направления многих последующих экспериментов в этой области. Заявленная авторская самоаттестация — «дилетант науки»¹² — была единодушно отвергнута учеными: осенью 1915 исследование об итальянском театре было удостоено Почетного отзыва Российской Академии наук¹³. Помимо историко-культурного значения, работа Миклашевского имела неприкрыто прикладной характер. Начиная с весны 1914, он вместе с Н.Евреиновым деятельно готовил постановки нового «итальянского» сезона в Старинном театре. Это был краткий звездный период Миклашевского...

Началась мировая война, в ее первые же дни Миклашевский был призван в действующую армию¹⁴, и антреприза Старинного театра закрылась. Возвращение в Петроград состоялось двумя годами позже, однако к тому времени накал художественной жизни в столице, несомненно, остыл. К тому же серьезно поменялись и общие художественные вкусы, так что творческая специализация Миклашевского оказалась не в моде. Он поступает в труппу театра Музыкальной Драмы и ставит на его сцене вагнеровских «Мейстерзингеров». В том же 1916 выпускает изящно изданный политический лубок «Кровожадный Турка и Волшебник Магги», стилизованный под старинные образцы¹⁵. Кроме того, он пыта-

ретной деятельности см.: Рукописный отдел Государственного театрального музея (далее — РО ГТМ) Санкт-Петербурга. Коллекция Миклашевского. №3433/64 и др.; Парнис А., Тименчик Р. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1983. Л., 1985; Тихвинская Л. Кабаре и театры миниатюр в России: 1907-1917. М., 1995. С.86-134.

¹¹ *Commedia dell'Arte*, или Театр итальянских комедиантов XVI, XVII и XVIII столетий: Книга, содержащая историю и догму этого вида театральных представлений, образцы сценариев, монологов и диалогов, библиогр[афический] указатель и иллюстрации, написанная Константином Миклашевским и изд[анная] Натальей Ильинишной Бутковской. СПб., 1914-1917.

¹² Там же. С.16.

¹³ Составлен на основании отзыва профессора Д.К.Петрова (19 сентября 1915). См.: Речь. 1915. 22 сентября. С.5; Любовь к трем апельсинам. 1915. №4-7. С.217. См. также рец.: Фореггер Н. Театр итальянских комедиантов // Театр и искусство. 1917. №49. С.821.

¹⁴ Театр и искусство. 1914. №31. С.645.

¹⁵ Кровожадный Турка и Волшебник Магги: Сценарий комедии в трех действиях, составленный К.М.Миклашевским. Пг., 1916 [дозв. цензурой 26 апреля 1916; дозв. воен. ценз. 3 августа 1916]. Рец.: Речь. 1916. 26 сентября. С.3; Аполлон. 1916. №9/10. С.645; Театр и искусство. 1917. №31. С.527-528. Перу Миклашевского принадлежит целый ряд пьес-миниатюр: «Четыре сердца», «Агат, обод и пирог» (1919), «Музей старой моды», «Джон Крукс и его любовь» (1920), «Современное венчание», «Последний буржуй» (1921), поставленных в театрах Петрограда, Москвы, Киева, Одессы и других городов. Отзыв о постановке в Киеве пьесы «Четыре сердца» см.: Марджанов К. Воспоминания, заметки // Театральный альма-

ется поддержать предвоенную атмосферу кабаре-мирка, активно участвуя в собраниях «Привала комедиантов»¹⁶.

1917 год преломился в биографии Миклашевского схемой, характерной для многих его соотечественников. Поначалу он активно включается в общественно-политическую жизнь революционной столицы и вместе с другими деятелями культуры участвует в рождении демократических форм организации искусства¹⁷. По свидетельству Ю. Анненкова, он не оставил и режиссуру: в 1918 «весьма изобретательно и остроумно» поставил на сцене театра Зоологического сада пьесу М. Горького «Работяга Словотеков», почти сразу же запрещенную властями¹⁸. Большевикский террор вынудил его покинуть Петроград и проделать почти хрестоматийный маршрут: Петроград—Киев—Одесса, тогда еще не завершившийся отъездом из страны.

Скитания по стране и чехарда провоцировавших их политических режимов не снизили творческой активности Миклашевского. Он по-прежнему в гуще художественно-артистической жизни. В Одессе режиссер входит в число основателей и руководителей кружка «Среда», объединившего И. Бунина, Ал. Толстого, Н. Крандиевскую, М. Волошину, М. Цетлина и других местных и столичных литераторов. На одном из собраний он представляет слушателям свой «псевдоклассический фарс» «Четыре сердцееда»¹⁹. В Одессе же Миклашевский руководит стильным Камерным театром и ставит на его сцене «в масках» «Менехмы» Плавта²⁰, средневековые мистерии, Сервантеса и Каратыгина, сам играет в спектаклях, читает лекции по истории европейского театра в литературных студиях, организует и ведет художественные кружки в воинских частях и т. п.

Калейдоскоп профессиональных наблюдений зарождает в Миклашевском и первые сомнения о роли и месте искусства в революционную эпоху. Мифологизированный впоследствии опыт революционного театра не оставил у него никакого пиетета: «Я и играл, и ставил, и смотрел чужие постановки, иногда очень хорошие, и в театрах, и на воздухе, и на грузовиках, и на платформах, и имел возможность тщательно наблюдать отношение пролетариата к театру. На основании личных наблюдений утверждаю, что толки о новой, особенно отзывчивой аудитории ни на чем не основаны. К театру относились с тепленьким доброжелательством, не более. Ни явно выраженных симпатий, ни ярких антипатий

нах. Кн. 7. М., 1948; рец. на «Последний буржуй» — Вестник театра и искусства. 1921. №11. С. 3; рец. на «Джон Крукс...» — Там же. 1921. №12. С. 3.

¹⁶ Доклад Миклашевского о комедии масок в «Привале комедиантов» состоялся 11 ноября 1916. См.: Зритель. 1916. №52. С. 13. См. также: Конечный А., Мордерер В., Парнис А., Тименчик Р. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1988. Л., 1989.

¹⁷ Миклашевский был избран членом Комиссии по учреждению министерства изящных искусств и входил в ее подкомиссию по театру. См. об этом: Лапшин В. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 330, 333.

¹⁸ Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. Т. 1. [Нью-Йорк], 1966. С. 44.

¹⁹ Одесские новости. 1919. 9 (22) января. С. 2.

²⁰ Театр открылся 10 марта 1919. — Там же. 1919. 20 февр. (5 марта). С. 2.

публика не проявляла, и даже в тех случаях, когда халтурность спектакля была в нос, публика не теряла равнодушия. Несколько больше нравилось то же, что вызывало успех у буржуазной публики».

Обобщая свои художественные впечатления этого периода, он констатировал: «/.../ мы потеряли способность крепко и ярко воспринимать искусство и оно нам быстро надоело. Отсюда эти непрерывные искания, и не только искания, но и очень легкие и безболезненные находения и достижения». Для него стало очевидным еретическое убеждение в том, что русскому искусству «нужны не улицы и площади», а «необходимо гетто и черта оседлости», что в интересах самосохранения художникам следовало бы «удалиться в катакомбы»²¹.

В Одессе произошел и решающий для Миклашевского выбор новых эстетических приоритетов. Комментируя одесские гастроли МХТ, он отметил провал культового спектакля «художественников» «Дядя Ваня» и предрек новую парадигму вкуса: «Публика отдаст предпочтение знаменитому во всем мире киноэксцентрику — Чарли Чаплину, если большое искусство не сумеет найти секрета свежести, непосредственности, секрета техники своего ремесла, которые нашел американский клоун»²².

Кинематографический опыт Миклашевского известен еще менее его театрального творчества. Однако сама степень его влияния на формирование советской киношколы заслуживает упоминания.

В образе мага-«невропаста» он, например, навсегда запечатлелся в памяти С.Эйзенштейна: «Когда-то Миклашевский /.../ читал доклад об игре маски. И, выхватывая из-под пюльта маски, надевая их на себя, заставлял игрой меняться их миньку...

В глубине — стол президиума.

Почтенный. Как мистики в начале "Балаганчика".

Но я помню и вижу из членов его лишь одного.

Другие словно исчезли в прорезах собственных картонных бюстов, провалились в памяти, как те проваливались в "Балаганчике"»²³.

Особую роль Миклашевский сыграл и в формировании эстетики такого радикального течения в советском кинематографе, как ФЭКС. Если первым учителем в искусстве киевлянин Г.Козинцев признавал К.Марджанова, то для одессита Л.Трауберга таковым, несомненно, был Миклашевский — звезда первой величины местных художественных кружков и салонов. Впоследствии Трауберг ни словом не упомянул об этом зна-

²¹ Миклашевский К. Гипертрофия искусства. Пг., 1924. С.69, 40, 76.

²² Мысли режиссера // Одесский листок. 1919. 31 октября (13 ноября). С.4. Признавая Чаплина «самым большим комедиантом нашего времени», Миклашевский не раз публично пропагандировал его искусство, посвятив ему впоследствии свой главный театроведческий труд. См.: Mic. Constantin. La Commedia dell'Arte ou le theatre de comediens italiens XVI, XVII, XVIII siècle. Paris: Ed. J.Schiffrin, 1927.

²³ Эйзенштейн С. Автобиографические записки // Собр. соч.: В 6 тт. Т.1. М., 1964. С.382. Отметим ошибки мемуариста: Миклашевский не имел никакого отношения к профессии невропаста (актера, управляющего куклами-марионетками), а описанное выступление скорее всего происходило на собрании Студии В.Мейерхольда в зале Тенишевского училища 30 марта 1914, либо это был доклад Миклашевского о комедии масок в «Привале комедиантов» 11 ноября 1916.

комстве, декларируя абсолютную независимость своего художественного самоопределения и признавая ученичество лишь у мэтров первого ряда, а не у всеми забытого эмигранта с сомнительной репутацией²⁴. Не исключено, впрочем, что исчезновение Миклашевского из канонической истории этой группы обусловлено серьезным идейным конфликтом учителя и ученика, подоплека которого, возможно, была той же, что и в случае с другим театральным мэтром С.Радловым²⁵. Тем не менее, фигура Миклашевского еще долго присутствовала на периферии сознания обоих знаменитых кинорежиссеров, вызывая у них воспоминания о его характерном актерском типаже²⁶.

Разрыв с одной из групп учеников не прервал практики Миклашевского, продолжавшего вести курсы кинорежиссуры в учебной киностудии фирмы «Киносевер» и в Институте экранных искусств. Кроме того, он публикует ряд дискуссионных статей о кино, всерьез занимается изучением кинотехники и методики съемок²⁷, пробует себя в качестве киноактера (Смитсон в фильме «Сердца и доллары», 1924, реж. Н.Петров) и др. Ему же мы обязаны и одним важным уточнением в кинотерминологии²⁸.

За всем этим не был отставлен и театр. В 1920-1925 Миклашевский состоит профессором театрального отделения («разряда») в Институте Искусств, читая лекции по истории театра Возрождения и *Commedia dell'Arte*²⁹, а также преподает в Институте сценических искусств (1922-1924). Не менее интенсивна и его режиссерская практика: выступив

²⁴ Свидетельство Трауберга о том, что о Чаплине он впервые узнал от Л.Козинцевой в 1921 (Цивьян Ю. Ранние ФЭКСы и культурная тематика 20-х годов // Киноведческие записки. 1990. №7. С.23), следует признать недостоверным. Незаванный, фантом Миклашевского все же присутствует в отдельных мемуарных эскизах кинорежиссера. См.: Трауберг Л. Фильм начинается... М., 1977. С.19. Манифест ФЭКС упоминает Миклашевского в списке ее преподавателей. — Экцентризм. Экцентрополис (бывш. Петроград), 1922. [С.16]. Существуют и другие свидетельства, подтверждающие участие Миклашевского в ФЭКС. См.: К истории эксцентрического театра // Киноведческие записки. 1990. №7.

²⁵ См. об этом: Булгакова О. Бульвардизация авангарда — феномен ФЭКС // Там же. С.35.

²⁶ «Очень важен лысый чиновник, помесь паскудного гнилозубого остроумия и бюрократической машины. /.../ очень хорош был бы К.М.Миклашевский. Хотелось бы дегенеративную форму лысого черепа» — Трилогия о Максиме. М., 1981. С.259.

²⁷ Миклашевский вел раздел «Научное кино» в журнале «Кинонеделя» — Братолобов С. На заре советской кинематографии. Л., 1976. С.79. См. статьи: Чаплин популярен, знаменит, известен всякому! Так ли это? Нет, не так: Панегирик // Кинонеделя. 1924. №13. С.5; Бунт киномаши (рассуждение в 4-х эпизодах) // Там же. 1924. №16. С.3; Зеркальный фонарь: К вопросу об экономии тока // Там же. 1924. №15. С.6; Ртутные лампы для киносьемок // Там же. 1924. №17. С.6. См. также: Гад У. Кино / Под ред. К.Миклашевского. Л., 1924.

²⁸ Не сделать ли попытку вернуть фильму незаслуженно утерянную им мужественность? — Фильма или фильм? // Кинонеделя. 1924. №20. С.3.

²⁹ См.: Краткий отчет о деятельности Российского института истории искусств за 1912-1923 гг.: Разряд Истории Театра // Задачи и методы изучения искусств. Пг., 1924. С.213-219.

сорежиссером Н. Евреина и еще 10 постановщиков в грандиозном массовом действе «Взятие Зимнего дворца» (1920), запечатленном на киноплёнке, он продолжал самостоятельную практику на подмостках Театра музыкальной драмы («Персифаль»; опера Николаи «Виндзорские насмешницы») и Театра Народной комедии («Насильственный брак» Мольера). Миклашевский нередко выступает в печати — то в связи с излюбленной театроведческой темой, то комментируя события сценической жизни³⁰.

Можно думать, что уже к исходу 1923 Миклашевскому стала очевидна бесперспективность и бесплодность его личного культуртрегерства, равно как и окружающего культурного ландшафта. Былой скептицизм по отношению к уровню советской художественной культуры и неприятие идеологизированного творчества лидеров авангарда еще более окрепли у него в нэповские годы³¹, спровоцировав его в конце концов на необычную акцию — публичную дискуссию в театре Мейерхольда 10 декабря 1923³².

Диагноз сложившейся художественной ситуации и претензии Миклашевского оппонентам были сформулированы предельно точно и с немалой прозорливостью: «Есть категория артистов (от кубофутуристов и левой), твердо убежденных, что созданное ими незадолго до революции и созданное чисто лабораторным путем искусство есть подлинное искусство революции и пролетариата. Сказанное мной /.../ не позволяет мне уверовать в пролетарскую сущность этого искусства раньше, чем оно будет фактически принято широкими кругами пролетариата, чего пока наблюдать не пришлось. Сами же артисты со свойственной им априорностью и безапелляционностью утверждают, что это так, во-первых, вследствие их собственной любви к пролетариату (увы, не всякая любовь взаимна!), а, во-вторых, на основании единичных суждений. /.../ Я, интеллигент, совершенно неожиданно захваченный революцией в начале своего четвертого десятка лет. За революционным фронтом я плетусь в обозе 2-го разряда, так как мое мировоззрение и вкусы сложились до 1917 года, но милых сердцу моему кубофутуристов, покинувших меня для более молодой жены, я не согласен уступить без скандала. Они мои. Не одна рюмка вина была выпита за общими столиками в кафе и кабаре Западной Европы и царской России. Не женитесь так легкомысленно вторым бра-

³⁰ Итальянская комедия (Commedia dell'Arte) // Очерки по истории европейского театра. Пг., 1923; То же // Театр (Берлин). 1923. №1. С.12; Что такое импровизация? // Жизнь искусства. 1920. №610/612. С.2; Ограниченный в правах // Театр (Пг.). 1923. №3. С.4-5; Мир как «Турандот» и мир как «Галибук» // Жизнь искусства. 1923. №25. С.5-7; Костюм в театре // Театр (Пг.). 1923. №5. С.1; Твердая рука // Там же. 1923. №9. С.3-4; Арена для пассажиров 1-го класса: Арена. Театральный альманах [рец.] // Там же. 1923. №24. С.32.

³¹ Суд над рампой // Жизнь искусства. 1920. №658/660. С.2-3; Да так както все... // 7 дней Московского Камерного театра. 1923. №6. С.3; Маленький фельетон // Жизнь искусства. 1924. №26. С.7-8.

³² См. объявление о диспуте «Гипертрофия искусства» с участием А.Белого, О.Брика, П.Маркова, В.Маяковского, Вс.Мейерхольда, А.Таирова, Н.Фореггера и других: 7 дней Московского Камерного театра. 1923. №6. С.4. Краткое изложение доклада Миклашевского в записи А.Февральского: РГАЛИ. Ф.2437. Оп.3. Ед.хр.888. Л.16-17.

ком! В решительный момент может явиться первая жена и все расстроит. Да и характерами вы не сойдетесь. Напрасно вы мните свое искусство революционным /.../. Оно развилось по прямой линии от прежних форм искусства и есть их логическое завершение»³³. Миклашевскому было даже дано угадать формы организации жизни в новой социальной реальности: «Да здравствует техника, спорт и пляска!»³⁴

Сомнений в том, кто выйдет победителем из скандальной словесной схватки, не было ни у кого, но до оргвыводов и показательной расправы с еретиком дело не дошло. Миклашевскому даже позволено было печатно изложить свою позицию³⁵, однако его профессиональные и общественные акции резко упали. В этой ситуации вполне логичным выглядело решение эмигрировать из СССР, и в 1925 Миклашевский уезжает.

Подробности зарубежного периода его биографии почти не известны, но нетрудно предстать, что, попав за границу, он очень скоро ощутил свою невостребованность и в культурной Европе. Единственной сферой приложения способностей стало кино, которому он (без внутреннего удовлетворения и видимых достижений) посвятил почти десяток лет жизни. Недолгое время Миклашевский преподавал в парижской киношколе «Артей», но вскоре перешел в кинопроизводство, занимаясь преимущественно техническим обслуживанием съемок. Работа на киностудиях Франции и Германии многому его научила, а приход в кино звука и развернувшаяся вокруг этого дискуссия дали повод выступить в печати. Одним из первых в эмиграции, в 1929 он опубликовал апологию революционной кинематографической технологии, подходя к достаточно болезненной для профессионалов того времени теме с неизменной позиции «архаиста-новатора»: «умер ли немой фильм? Нет, не умер, и даже наоборот... Женился»³⁶. Впрочем, победа звука в кинематографе, вернув Миклашевскому на какое-то время былую известность, одновременно лишила профессии.

Вернувшись из Германии в Париж, Миклашевский вынужден был искать новое применение своим силам и обрел его в достаточно неограниченной области. По воспоминаниям Ю. Анненкова (вероятно, не вполне точным), «Миклашевский открыл очаровательный антикварный магазинчик /.../ прямо напротив президентского дворца Елисейских полей. В этом магазинчике среди других предметов имелись также забавнейшие статуэтки-куколки и маски действующих лиц итальянской комедии XVII и XVIII веков: Арлекины, Пьеро, Коломбины, Пульчинеллы, Доктора из Болоньи, Капитаны, Смеральдины, Бригеллы, Труффалдины, Маскарильи, Скарамуши, Франческины, Паскуэллы и другие, собранные Миклашевским в Венеции, в Болонье, во Флоренции, в Неаполе, в Милане...»³⁷

³³ Миклашевский К. Гипертрофия искусства. Пг., 1924. С.71-72.

³⁴ Там же. С.78.

³⁵ Перспективы будущего театра // Жизнь искусства. 1924. №3. С.3-5; Оттенки агитискусства // Зрелища (М.). 1924. №7. С.2-3.

³⁶ Миклашевский К. Звуковое кино. Берлин, 1929. С.14. Рец.: [Морской А.] — Иллюстрированная Россия (Париж). 1929. №35. С.15; Волконский С. — Русское слово (Харбин). 1930. 12 октября. №1091. С.3 (перепеч. из «Последних новостей»).

³⁷ Анненков Ю. Указ. соч. С.45.

Последние годы жизни Миклашевского совпали с гитлеровской оккупацией Франции. Отчаянно бедствуя, подобно многим русским эмигрантам, он вынужден был вернуться к актерскому ремеслу и с ноября 1943 выступал на сцене парижского театра Русской Драмы в зале Йена, руководимого его «старым-престарым другом» Н.Евреиновым. По свидетельству режиссера, Миклашевский сыграл несколько ролей, одна из которых стала для него роковой. Поздним вечером 25 февраля 1944, после успешной премьеры пьесы «Самое главное» Н.Евреинова, посвященной 65-летию ее автора-постановщика, актер вернулся к себе домой, даже не переменяв театрального маскарадного костюма после товарищеской вечеринки. Согревая комнату газовой горелкой, он уснул и отравился угарным газом. Когда его обнаружили, в комнате продолжала играть музыка из невыключенного радиоприемника³⁸.

Бумаги Миклашевского затерялись, и лишь редкие его автографы сохранились в архивных собраниях. Но даже оставшееся, на наш взгляд, ярко иллюстрирует творческую индивидуальность и темперамент их автора и заслуживает, чтобы с ними познакомился современный читатель.

Письма Миклашевского публикуются по автографам, хранящимся в РГАЛИ: Ф.998 (В.Э.Мейерхольд). Оп.1. Ед.хр.991; Ф.982 (Н.Н.Евреинов). Оп.1. Ед.хр.219, 483. При публикации с небольшими исправлениями сохранены особенности авторской орфографии и стиля. Расстановка дат унифицирована.

Публикатор выражает глубокую признательность З.Световой (Москва) за большую помощь в подготовке публикации к печати.

В.Э.МЕЙЕРХОЛЬДУ

1

29.VI.1914

[Петербург—Чаадаевка]

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич,

я пребуду в Петербурге, должно быть, до конца июля¹. Не знаю, что бы Вам дать для журнала. Я ведь не писатель, пишу случайно; сейчас тем нет. Может быть, из книжки что выцарапать можно будет². Желая Вам хорошо надышаться воздухом деревенским.

Ваш К.Миклашевский

¹ В письме театроведу В.Н.Соловьеву Мейерхольд, между прочим, сообщал: «К.М.Миклашевский говорил мне, что пробудет все лето в Петербурге (выпускает книгу)». — Мейерхольд В. Переписка: 1896-1939. М., 1976. С.165. Комментарий этого издания сообщает, что Мейерхольд

³⁸ Евреинов Н.Н. Памятник мимолетному. Указ. изд. С.60.

в то время собирался через Соловьева привлечь Миклашевского к работе в Студии. — Там же. С.390-391. Об этом же сообщал его журнал зимой того же года: «Миклашевский готовит к изданию большую работу о *Commedia dell'arte*» — Любовь к трем апельсинам. 1914. №1. С.54. По свидетельству Ю.Анненкова, «в то время главным увлечением Мейерхольда была итальянская "*Commedia dell'Arte*". В основанной им студии и журнале Миклашевский читал лекции по данной теме» (Указ. изд. Т.2. С.42).

² К тому времени работа над книгой об итальянском театре была завершена. В журнале был помещен отрывок из нее под заглавием «Основные типы в "*Commedia dell'Arte*"» — Любовь к трем апельсинам. 1914. №3. С.71-76.

2

21.I.1915

Его высокородию
Всеволоду Эмильевичу Мейерхольд
Императорский Александринский театр
Петроград

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич,

Продолжается ли еще выпуск «Апельсины»¹ в этом сезоне, и не пригодилась ли Вам бы статейка «Об акробатическом элементе комиков *dell'arte*»²? Она у меня с собой. Мог бы выслать. Очень благодарен за №4-5.

Ваш К.Миклашевский
Действ[ующая] Арм[ия]
6-я Ополченская бригада
33-я Смоленская дружина³

¹ «Любовь к трем апельсинам: Журнал доктора Дапертутто» — издание Студии Вс.Мейерхольда, редактировавшееся режиссером и издававшееся «без установленной периодичности» (1914-1917). В 1915 вышло два выпуска журнала (№1/3 и 4/7).

² Статья «Об акробатических элементах техники комиков *dell'Arte*» была опубликована в №1/3. С.72-79.

³ На обороте получателем письма записаны телефоны с указанием: «дома», «лазарет».

3

22.II.1915

[Действующая армия — Петроград]

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич,

я теперь нахожусь в обстановке более чем боевой, на расстоянии 1200 шагов от немца, в хороших окопах. Поэтому мне не удастся

развить целую статью, но придется ограничиться, послав в обзор имеющимися у меня бумажками, лишь маленькой исторической справкой¹. Прокорректировать прошу в редакции (в особенности — иностранные тексты). Привет Вам и Вашим друзьям.

Ваш К.Миклашевский
2-я армия
6-й армейский корпус
33-я Смоленская дружина (1-я рота)

¹ Имеется в виду статья, упомянутая в письме 2.

4

21.XII.1915
Его Высочородию
Всеволоду Эмильевичу Мейерхольд
5-я рота, №28
Петроград¹

Шлю привет и поздравления²!

Заходил как-то в редакцию в назначенное время, но никого не застал. Известите, пожалуйста, если будет вечер «Студии»³.

Ваш К.Миклашевский

¹ Открытка с видом Выборга.

² Имеется в виду приближающееся Рождество.

³ Наряду с учебными занятиями и выпуском журнала в Студии Вс.Мейерхольда, просуществовавшей с осени 1913 по 1918, режиссер силами слушателей поставил спектакли «Балаганчик» и «Незнакомка» по А.Блоку (1914). О Студии и ее истории см.: [Программы учебных классов] // Любовь к трем апельсинам. 1914. №1. С.60-62; Зноско-Боровский Е. Русский театр начала XX века. Прага, 1925. С.301-306; Мгебров А. Жизнь в театре. Т.2. М.;Л., 1932. С.240-268; Родина Т. Александр Блок и русский театр начала XX века. М., 1972. Миклашевский был одним из участников Студии. 30 марта 1914 состоялась совместная «Conference» Студии и редакции журнала «Итальянское Возрождение и театр» для обсуждения проблем театра Гоцци — Гольдони — Чиари, Commedia dell'Arte, импровизации, театральной маски, гротеска, театра Гофмана и старинного испанского театра при участии А.Блока, Е.Зноско-Боровского, Вл.Пяста, К.Миклашевского и др. — Любовь к трем апельсинам. 1914. №1. С.54; см. также №3. С.91. Отклик на выступление Миклашевского см.: Ярцев П. Театральные очерки: Театр доктора Дапертутто // Речь. 1914. 5 апреля. С.3.

2. II. 1916

Его Высочайшему Всеволоду Эмильевичу Мейерхольд
(редакция журнала «Люб[овь] к 3-м апельс[инам]»)

Казанская пл[ощадь], д. 1-2, кв. 25

Петроград

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич,

В конце недели привезу уже написанную мной статейку (5 больших рукописных страниц). Заглавие: «Нечто вроде рецензии» (или как-нибудь иначе)¹.

Искренне преданный Вам

Ваш К. Миклашевский

¹ Критический отзыв Миклашевского на раздел книги К. Тиандера «Общий курс истории античной и западноевропейской литературы». Вып. 2. М., 1915, касавшийся Commedia dell'Arte, был напечатан под указанным заглавием в первой (зимней) книге журнала в 1916 (С. 92-96).

21. XII. 1923

[Петроград — Москва]

Глубокоуважаемый Всеволод Эмильевич,

По поводу нашего разговора о моей службе в качестве актера в Москве хотелось бы знать в самых общих чертах следующее: 1. На какой приблизительно оклад я бы мог рассчитывать? 2. Выдается ли фактический оклад полностью или только его процент (как во многих театрах в Петрограде)? 3. С какого приблизительно месяца началась бы работа?

Считаю долгом упомянуть, что, хотя здесь, в «Народной Комедии»¹ я и занимаю первое положение, но это главным образом потому, что, кроме 2-х хороших клоунов и Гибшмана², в театре не было настоящих актеров, так что я понимаю, что рассчитывать на первое положение в хорошем театре в Москве я никак не могу.

Больше меня прельщает «Театр Революции»³ вследствие условий акустики и привлекательности самого здания, но согласен работать, где понадобится.

Привет супруге Вашей и Вам.

Искренне преданный

К. Миклашевский

Моховая, 7, к[в.] 6

Петроград

¹ Петроградский Театр Народной комедии был организован С.Э.Радловым в ноябре 1919 и «имел целью возрождение техники площадного театра в условиях революционной современности» — Мокульский С. Радлов в театре // Радлов С. Десять лет в театре. Л., 1929. С.7. Творческие и финансовые затруднения прекратили его существование в январе 1922. См. о нем также: Пиотровский А. Театр Народной комедии (перепеч. в: Адриан Пиотровский. Театр. Кино. Жизнь. Л., 1969); Радлов С. Воспоминания о Театре Народной комедии / Публ. П.В.Дмитриева // Минувшее: Исторический альманах. Вып.16. М.; СПб., 1994. С.80-101. О вступлении Миклашевского в труппу театра см.: Жизнь искусства. 1921. №681. С.1.

² *Гибишман* Константин Эдуардович (1884-1942) — актер петербургских театров Коммиссаржевской, «Кривое зеркало» и др.

³ Московский Театр Революции был образован в 1922 при преобразовании Театра революционной сатиры (Теревсат). До 1924 его номинальным руководителем был Мейерхольд. Под этим названием театр существовал до 1943, когда получил имя В.Маяковского.

7

14 янв[аря 1924]

Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду
Театр имени Мейерхольда (бывш. Зон),
Триумфальная площадь, Москва

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич,

Получили ли Вы письмо, которое я послал Вам около 4-х недель назад и в котором запрашивал Вас относительно возможных условий работы моей у Вас в качестве актера?

Привет супруге Вашей и Вам.

С искренним уважением

К.Миклашевский
[Петроград]
Моховая, 7, к[в.]6

8

Monsieur Sossine pour Mr.Meyerhold
8 Rue Martin Bernard
(pres du Bockert St.Jacques) [Paris]
вторник 17 ч[асов]
[25.5.1926]¹

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич,

заходил в агентство «United Artists»². «Rue Vers l'or»³ не пойдет до октября. Звонил Фельдману⁴. Завтра (среда) — большая съемка у Ганса⁵. Вас просят захватить часов в 14-16: Studio Abel Gance, 49,

Quai du Pont du Jour à Billancourt (tel. Antanil 50.12 ou 50.13) — 15 минут хода от конечной станции Metro Porte St.Cloud. Там можно взять taxi или вообще taxi туда и обратно возьмет по счетчику + 2 франка за переезд городской черты. На taxi от Вас туда и обратно минут 50. Там следует спросить Михаила Ильича Фельдмана.

Искренно преданный

МІС

¹ Письмо датировано по штемпелю пневматической почты с указанием времени отправления: 18 часов 36 минут.

² Кинокомпания «Юнайтед Артистс» была образована в 1918 (первоначально — как художественный кооператив) Ч. Чаплином, Д. Фербенксом, М. Пикфордом и Д. У. Гриффитом.

³ Фильм «Золотая лихорадка» Ч. Чаплина.

⁴ *Фельдман* Михаил Ильич — продюсер кинокомпания «Альбатрос», после 1924 перешедший на службу в студию «Сине-Франс-Фильм».

⁵ *Ганс* Абель (1889-1981) — французский кинорежиссер. В мае 1926 он проводил большие натурные и павильонные съемки фильма «Наполеон, увиденный Абелем Гансом» на киностудии в Бийанкуре.

Н.И.БУТКОВСКОЙ¹

9

6.IV[1924]²

[Петроград — Париж]

Madame Nathalie Boutkovsky

72, Quai des Orfevres, Paris—Париж

Многоуважаемая Наталья Ильинична, добрался вполне благополучно, хотя в Берлине кривились и не особенно были довольны моим путешествием³. Здесь скучно и очень тихо. Завидую Вам⁴. У нас сегодня еще шел снег. Нева стоит. По ночам морозы. Издательство «Petropolis»⁵ просрочило время, условленное для напечатания моей «Com[media] d[ell'] Arge»⁶, но прибавило задаток и, кажется, окончательно собралось меня набирать. Привет Александру Константиновичу⁷ и Всем Вашим.

Ваш К.Миклашевский

¹ *Наталья Ильинична Бутковская* — актриса и режиссер театра, сотрудница Общества Старинного театра в Санкт-Петербурге, издательница книг Н. Евреинова (Введение в монодраму. 1909; Ропс: Критический очерк. 1910; Бердслей: Очерк. 1912; Театр как таковой. 1912; Собрание

сочинений. Т.2. 1914; Театр для себя. 1915; Представление любви. 1916) и Миклашевского. Впоследствии стала второй женой кн. А.К.Шервашидзе (см. ниже) и уехала с ним в эмиграцию. Историю отношений Миклашевского с Бутковской дополняют материалы, не включенные в нашу публикацию: 5 недатированных писем Бутковской к Миклашевскому 1911-1912 по вопросам постановок Старинного театра (РО ГТМ Санкт-Петербурга. Коллекция Миклашевского. КП №3433/9, 14, 16, 20, 21).

² Почтовая открытка с видом Толедо имеет штамп Петроградского почтамта: 11.IV.1924.

³ Намек на реакцию эмигрантов по поводу возвращения автора письма в СССР.

⁴ О своей заграничной поездке Миклашевский упоминал, например, в статье: Чаплин популярен, знаменит, известен всякому! Так ли это? Нет, не так: Панегирик. Указ. изд. С.5.

⁵ Кооперативное издательство «Петрополис» было основано театральным переводчиком Я.Н.Блохом (1892-1968) и бывшим проректором Петроградской сельскохозяйственной академии А.С.Каганом в январе 1918. Начав с перепродажи книг и организации культурно-просветительных мероприятий, его учредители с конца 1920 перешли к выпуску поэтических сборников и переводов европейской литературной классики для библиофилов. Высланный из России (1922), Каган открыл отделение издательства в Берлине. После эмиграции из СССР Блоха в 1924 деятельность «Петрополиса» до второй половины 1930-х годов переместилась в Германию, где прежняя тематическая ориентация издателей дополнилась книжной серией по истории театра, а также книгами писателей-эмигрантов (И.Бунин, М.Алданов и др.) и советских литераторов (А.Мариенгоф, К.Федин, Е.Замятин, Вс.Иванов, М.Кузмин, И.Эренбург и др.), поступавшими и на советский рынок. Кампания травли Б.Пильняка после выхода в свет его повести «Красное дерево» (1929) стала поводом к полному разрыву метрополии с издателями. Об издателях см.: Любовь к трем апельсинам. 1914. №6/7. С.80-88; Лукницкий П. Встречи с Анной Ахматовой. Т.1: 1924-1925. Париж, 1991. С.23-24; 54-55; Одоевцева И. Баллада об издателе «Петрополиса» Я.Н.Блохе // Сатирикон (Париж). 1931. №11. С.10; Гуль Р. Я унес Россию. Т.1. Н.-Й., 1984. С.117, 118, 128.

⁶ Поездка Миклашевского в Берлин была мотивирована издательскими планами после переезда «Петрополиса» за границу. Однако издание его книги об итальянском театре по каким-то причинам не состоялось.

⁷ Шервашидзе (Чачба) Александр Константинович (1867-1968) — сценограф, живописец, график, художественный критик. В 1900-1910 — художник Императорских театров и Старинного театра. С 1920 — в эмиграции. См.: Евреинов Н. Оригинал о портретистах. М., 1922. С.61-65; Северюхин Д., Лейкинд О. Художники русской эмиграции (1917-1941). СПб., 1994. С.519-522. В нашу публикацию не включены письмо Шервашидзе к Миклашевскому (Петербург, 12 декабря 1911) об оплате его работы над спектаклем «Благочестивая Марта» в антрепризе Старинного театра

(РО ГТМ Санкт-Петербурга. Коллекция Миклашевского, КП №3433/8); письмо Миклашевского к Шервашидзе (Петроград—Лондон, 14 июня 1921) с описанием личной жизни и событий в театральном мире — Bakhmeteff Archive (New York). Aleksandr Shervashidze Collection. Box 3.

Н.Н. и А.А.ЕВРЕИНОВЫМ¹

10

25.II[1926]²

[Париж — Кливленд]

Итак, дорогой Николай Николаевич и Анна Александровна, Вы в том самом Кливленде, в котором я ни разу не был с 1905 года. Сколько с тех пор утекло воды и уплыло твердых знаков! Выглядит ли городишко все так же провинциально? (В мое время едва насчитывалось 415.000 жителей, считая и трезвых и пьяных, а теперь одних трезвых, чай, значительно больше³). Опять же самое высокое здание (New England Building) имело не более 16-ти этажей и то только в яркую солнечную погоду. Кстати, не пострадало ли оно от революции? не разобрали ли на дрова? (находится оно на углу Euclid Avenue и Bond Street, около сквера). Несколько безвкусное Federal Building (где почта) в мое время только строилось. Вообще архитектура — так себе, и хваленая ратуша (City Hall) мне не очень нравится. Впрочем, находящаяся там (в самом здании ратуши) публичная библиотека — не плоха (около 250000 томов) и заслуживает Вашего внимания. Извилистая «Суахога» уже и в мое время была порядком изгажена рельсами, мостами, доками, складами и дымом. Впрочем, с большого виадука — зрелище грандиозное (особенно ночью, когда играют огни поездов, трамваев, вольтовы дуги и горны бесчисленных фабрик и блестят, отполированные прикосновением парочудовищ, стальные нити рельс). Я любил закуривать трубку, облокотясь о перила центральной (раздвижной) части моста и погрузив руку в белокурую гущу волос моей нежной, незабвенной Ruth! Где-то она теперь? Досадно думать, что она, вероятно, уже потеряла красоту, хотя и обзавелась собственным зубоврачебным кабинетом (на Payne Street, N.E.). Досаднее же всего быть уверенным (хотя и не видав ее 21 год), что исчезли под натиском неумолимой моды и под лязг ножиц ее чудные, темно-каштановые⁴ локоны. Да! не одни только твердые знаки подстрижены! Николай Николаевич! Хотя А[нна] А[лександровна] может предоставить в твое распоряжение только значительно уменьшенный Stock⁵ волос (ни одна девушка не может дать больше, чем она имеет), поезжай вечером на Viaduct, полюбуйся на царство Вулкана и вспомни про мою младость!

И Вашу Carnegie Avenue помню. Помню ее деревья и зелень... Из этой части города Вам удобно ездить в Wade Park и Gordon Park. Думаю, впрочем, что с наступлением весны Вы будете совершать и более отдаленные прогулки, посетите Sandursky (ровно 60 миль от Вас) с ее образцовой писцикультурой⁶, Toledo (которое они называют почему-то Толидо) — 113 миль и, наконец, Buffalo с его Ниагарой. Для путешествия вниз по Ниагаре советую брать парную бочку (дешевле и не так душно). Отдавайте также предпочтение бочке, обитой бархатом (дороже на 75 центов с человека). В жаркие дни и при сухом режиме это путешествие очень приятно. Некоторые указывают, впрочем, на один существенный недостаток — невозможность любоваться видом, и советуют совершить путешествие по Ниагаре не вдоль, а поперек, по натянутой проволоке (этот способ был введен знаменитым канатоходцем Блонделем). Однако, я полагаю, что последний способ менее гармонирует с солидным литературным именем Николая Николаевича и советую отдать предпочтение бочке.

У нас все по-прежнему. Мне пришлось за последнее время довольно много работать в кино. Играл рольку, а иногда бывал приглашаем как эксперт по гриму. Несколько дней было очень веселых. Изображалось кабаре на Монмартре, и были приглашены соответственного типа дамы, а мне было вменено в обязанность блюсти, чтобы не только их лица, но и руки, декольте и спины были правильно окрашены. Т[ак] к[ак] костюмы очень вечерние, то в моем распоряжении было несколько квадратных метров тела. Но особенно много духовной пищи я получал от главной актрисы. Танцовщица из Moulin-Rouge — девятнадцатилетняя американская Miss. Я состоял при ней переводчиком (т[ак] к[ак] она по-фряжски не умеет) и *гримером*, т[ак] к[ак] она танцевала в нагом виде. Впрочем, во-первых, девушка она — очаровательно скромная, во-вторых, я не дотрагивался, а только давал советы (Vive les Soviets!). Никогда не видал сблизил Америку, но видал хоть американку.

Позирую Сорину⁷. На картине — две красавицы и один режиссер (я). Я познакомил его также с моей знакомой, inferнального вида чешкой. Он в восторге от ее внешности и тоже пишет. Сорин тоже обещает подействовать моему переплытию через Атлантику⁸.

Желаю дальнейших удач. Прижимаю к сердцу тебя, а ввиду дальности расстояния осмеливаюсь прижать к сердцу и А[нну] А[лександровну].

Constant Mic
Hot[el] Bisson
37 Quai les Augustins Paris (VI)

P.S. Кстати, на указанной съемке давали для натуральности настоящее шампанское, и я убедился, что если «театрализация жизни» вещь хорошая, то «жизнезатягивание театра» не выдерживает критики. Для первых актеров шампанское не диво, и они им пренебрегают, а подонки, сиречь статисты, набрасываются и в результате кроют избытком настроения первых персонажей, что в намерения режиссера не входило.

¹ Письма и телеграмма Евреинова к Миклашевскому, относящиеся к 1911-1912, см.: РО ГТМ Санкт-Петербурга. Коллекция Миклашевского. КП №3433/11, 13, 19, 25.

² Датировано по штемпелю кливлендской почты. Конверт письма с реквизитами: Films Abel Gance Studio).

³ С 1919 по 1933 в США в соответствии с XVIII поправкой к Конституции действовал так называемый «сухой закон».

⁴ Так в тексте.

⁵ Здесь: запас (англ.).

⁶ Так в тексте.

⁷ Сорин Савелий Абрамович (1878-1953) — живописец-портретист. С 1920 — в эмиграции (Франция, США). См. о нем: Евреинов Н. Оригинал о портретистах. М., 1922. С.47-51. О каком портрете Миклашевского идет речь, установить не удалось.

⁸ К письму были приложены справки о существующих театральных школах и студиях в США с программами их учебных курсов и перечислением преподавательского состава, а также справка о театральной школе в Германии со сведениями о театральных библиотеках Бонна, Килья, Кельна и Вены.

11

14.VII [1926]
[Париж — Нью-Йорк]

Благодарю за отличный анекдот и за то, что не забываете старого друга Ирочку, игравшую, как видно на обороте сего, на днях роль старой кокетки¹. Крутим «Les Aventures de Casanova»². Через неделю выезжаем в Венецию. Готовлю сцену карнавала на площади Св.Марка с 2000 исполнителей³. Пробуду там месяца 2. С Соринным говорил по телефону, но не видел еще. Слышал, что Вы в ближайшее время возвращаться не предполагаете. Еще раз благодарю за хлопоты обо мне. Осенью надо будет решить этот вопрос окончательно⁴.

Привет! Привет! Привет!

Mic

¹ В качестве открытки отправителем использована фотокарточка, изображающая Миклашевского в женской костюмной роли.

² «Приключения Казановы» (пр-во «Сине-Альянс» и «Сосьете Синероман»; вып. 13 сентября 1927; реж. А.Волков; гл. роль — И.Мозжухин). Миклашевскому, исполнившему, по-видимому, обязанности второго режиссера, была поручена постановка отдельных массовых эпизодов.

³ В съемках массовых сцен и второстепенных ролях участвовало немало эмигрантов. Например, поэт П.Потемкин сыграл в натуральных сценах эпизодическую роль де Гранди (его дублером в павильонных эпизодах был Д.Святополк-Мирский — Последние новости. 1927. 19 января. С.3). Во время съемок поэт простудился и вскоре умер.

⁴ Подыскивая работу в США для себя, Евреинов пытался устроить там и своего друга. Об этом свидетельствуют два экземпляра машинописной Curriculum Vitae Миклашевского по-английски и коллаж, составленный из его фотографий в жизни и в ролях. См.: прим. 4 к вступ. статье.

12

26.IX.[1926]¹
Генуя — Нью-Йорк

Дорогой Николай Николаевич,

Два месяца крутили «Aventures de Casanova» в Венеции. Был так занят, что только в день отъезда из Италии удастся послать тебе привет. Поездка веселая. Есть новые анекдоты и случаи из жизни, но сейчас некогда все написать. Нежное почтение А[нне] А[лександровне].

Твой Миc

¹ Датировано по почтовому штемпелю на фотокарточке, использованной в качестве открытки. На ней изображен Миклашевский в группе участников съемок на одном из венецианских каналов.

13

9 марта 1881 [9.3.1927]¹
[Париж]

Дорогой Николай Николаевич, рекомендую тебе прежде всего:

L'Electricité } La T.S.F. }	обе брошюры изд[аны] } Nachette l'encyclopedie } par l'image }	все 3 популярны, бо- гато иллюстрирова- ны и по цене доступ- ны даже американ- цам. Найдете всюду.
Berget — La T.S.F. } (Bibliothèque des Merveilles) }		

Затем: *P. Hemardinguier*. Les Montages modernes en radiophonie. Ed. Chiron (подороже и посерьезнее, что видно уже по несколько геморроидальной фамилии автора)².

Из периодических изданий:

Q.S.T. Française Radio
Radio-Electricité
La Science et la Vie
La Science modern

} и многие
другие по
общим на-
учно-попу-
лярным
вопросам.

Вообще изданий по T.S.F.³ — если ты зайдешь в техни[ческий] книжн[ый] магазин (напр[имер,] Desforges 29, Quai des Grand Augustins»), то тебе укажут на целую полку.

Твой К. Миклашевский

P.S. Произвела ли во Франции впечатление кончина лорда Биконсфильда⁴? Здесь это прямо-таки национальный траур. Гладстон⁵ произнес в Палате Лордов трогательнейший спич. Виктория⁶ лично возложила на гроб венки. А ведь из жидов был этот лорд. Положительно, нами управляют жида и масоны, уже не говоря о России, где царствуют нигилисты. Впрочем, о моих чувствах по поводу убийства нашего гуманнейшего Монарха⁷, я писал в последнем к тебе письме и не хочется опять расстраиваться и расстраивать тебя. Дорогой друг мой! Прости, что пишу на подержанном листке бумаги⁸, но не хочется звать прислугу, хотя здесь во всех номерах электрические звонки, и даже вследствие сего. Предпочитаю наше старое барское «Гей!», сопровождаемое ударом в ладоши, однако этого здесь не понимают и жалуются, что нарушаю в коридорах тишину. Да что! В гостинице даже некий телефон имеется — трубка, через которую можно переговариваться со всем городом путем электрических проводов.

Передай почтительнейший привет супруге А[нне] А[лександровне] и Наталье Ильиничне⁹. Сообщи им, что здесь тоже начинает входить в моду глупейшая манера ношения турнюров. Казалось бы, уж если кому и увеличивать зады, так скорее уже нам — мужчинам, так как они у нас более поджарые. Ну, да что там... Все равно на Страшный суд с голыми ж... предстанем.

Храни Тебя Господь!

Твой К.М.

¹ Датировано по почтовому штемпелю. Конверт с реквизитами Alliance Cinematographique Européenne и указанием адресата: Monsieur Nicolas Evreinof (cher madame Boutkovsky).

² *Эмардингер* Пьер — известный во Франции популяризатор науки, автор множества книг об основах радио, кинематографа и пр.

³ Французская аббревиатура (*Telegraphie ou Telephonie sans fil*), обозначающая радиотелефонию и беспроводные коммуникации.

⁴ Дизраэли Бенджамен (1804-1881) — английский политический деятель, лидер партии тори; в 1876 получил титул лорда *Биконсфилда*.

⁵ *Гладстон* Уильям Юарт (1809-1898) — английский политический деятель, лидер партии вигов, политический оппонент Дизраэли.

⁶ *Виктория* Александрина (1819-1901) — королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, Императрица Индии.

⁷ Имеется в виду убийство императора Александра II 1 марта 1881.

⁸ Письмо написано на использованном бланке лондонского «Мидлэнд Гранд-отеля», прошлого века. Используя его вторично, автор зачеркнул фрагмент оригинального текста на французском языке.

⁹ Н.И.Бутковская. См. письмо 9.

14

[Париж, б.д.]

Африканский анекдот, вероятно, импортированный из Европы так же, как и сия открытка¹:

К врачу приходит молодой гнусавый еврейчик:

— Скажите, доктор, это у меня насморк?

— Нет, батенька, это сифилис!..

Еврейчик задумчиво-лирически:

— Ну да, с чего бы у меня быть насморку?..

Дружеский привет.

Mic

¹ Французская почтовая открытка с изображением *Belle Moursque* (Прекрасная мавританка) с огромным обнаженным бюстом.

15

22.V.[1929]¹

[Ницца — Париж]

Дорогой Николай Николаевич, надеюсь тебя видеть недели через две. Плохая погода очень нас задерживает. Надеюсь, ты будешь еще в Париже. Почтительно-нежный привет А[нне] А[лександровне] и нежнопочтительный — Ирине Александровне².

Целую

Твой Mic

¹ Датировано по почтовому штемпелю. В качестве открытки использована фотография Миклашевского в группе участников съемок.

² Кашина И.А. — сестра А.А.Кашиной-Евреиновой.

16

[Шарлоттенбург — Париж, весна 1929]¹

Дорогой Николай в квадрате!

Книга моя выходит пока по-русски (здесь в Берлине), а там видно будет². Нет ли у тебя фотографии твоей в «Melovox»³ для помещения в книгу? Необходимо, чтобы была видна тонфильмовая обстановка (аппараты вроде микрофонов и пр.). Если есть, пришли до 15 мая⁴. Женскому полу (обеим половинам) почтительнейший и нежнейший безмен⁵.

Твой Мис

¹ Открытка с видом кинопавильона концерна «УФА» в Нейбабельсберге.

² Речь идет о книге «Звуковое кино», готовившейся к выпуску издательством «Петрополис».

³ Компания, разработавшая систему записи звука для кино. Евреинов режиссировал первые французские звуковые короткометражные фильмы «Искры мюзик-холла», «Пьеретта и кувшин молока» и «В стране Рамона» — Последние новости. 1929. 15 октября. С.6.

⁴ Фотографии тон-студии «Меловокс» были включены в книгу Миклашевского.

⁵ Так в тексте.

17

6.VII.[1929]¹
[Берлин — Париж]

Дорогой Н.Евреинов,

ты, верно, знаешь, что все издатели — свиньи, и книга моя, обещанная по контракту к выходу на 15.VI, еще не вышла.

Я буду около 15.VII один день в Париже проездом в Ниццу. Не знаю, удастся ли забежать, но во всяком случае, позвоню. Не знаю, успеет ли книга к моему отъезду отсюда.

Всем-всем привет!

Твой Мис

Книга отпечатана почти целиком. Задержка в обложке и пр.

¹ Датировано по почтовому штемпелю. В качестве открытки использован оборот фотографии оператора, стоящего за кинокамерой и снятого в отражении рефлектора студийного юпитера таким образом, что изображение как бы разложено на множество сегментов.

18

[Ницца — Милан? 1929]¹

Дорогой Николай Николаевич.

Шлю привет и анекдот.

Вдовец, выдавая замуж дочку и горюя, что нет матери, чтобы дочку приготовить и успокоить, держал ей такую речь: «Дитя мое, жених твой — человек решительный и может обойтись с тобой несколько грубо. Я буду неподалеку, и, если тебе будет очень уж страшно, то позови меня. Я постучу в дверь. Ну, а чтобы и мне зря не волноваться, ты, если все обойдется благополучно, дай мне знак... спой что-нибудь, ну, хоть "Марсельезу"».

Ночью отец прислушивается и слышит:

— Ра-ра! Ра-раа!!!.. Ра-раа!»

(далее на мотив «Марсельезы»):

написать сие трудно, но в рассказе при соответственных переживаемому моменту интонациях анекдот имеет неизменный успех. Впрочем, ты, кажется, знаешь все анекдоты.

Поздравляю, радуюсь твоему успеху². Шлю привет А[нне] А[лександровне]. В Париже весны не было. Приехал по делам в Ниццу, надеялся вылечить насморк. Куда там! Дождь и холод — холод и дождь!

Твой Мис

¹ Почтовая открытка с изображением карнавального шествия в Ницце.

² Адресат Миклашевского в то время ставил свою пьесу «Театр вечной войны» на сцене Миланского музыкального театра под управлением

Т.Павловой. Тогда же там был выпущен перевод его книги «Театр в жизни». См. об этом: Кашина-Евреинова А. Н.Н.Евреинов в мировом театре XX века. Париж, 1964. С.57.

19

7.XII.1929
[Берлин — Париж]

С новым Годом, дорогие Евреиновы!
Как живется-можется? Как Ирина в своей новой конъюнктуре? Буду в Париже, вероятно, в конце января. Мое «Звуковое кино» вышло уже по-чешски¹ и, кажется, выйдет в обновленном виде и со многими иллюстрациями в издании «Cinemagazine», т[о] е[сть] по-французски². Здесь в этой области большие успехи.

Привет

Mic
Steinstrasse, 15, Neibabelsb[erg]

¹ Чешское издание книги нами не установлено.

² Французское издание книги не состоялось.

20

[Берлин — Париж,
29 марта 1930]¹

Благодарю за книгу. Тронут. Радуюсь всемирному ее успеху²!
Надеюсь быть в Париже к 1-му маяю, а *plein gris*³.
Привет супруге!
(подпись на обороте сего)⁴.

¹ Датировано по штемпелю почтовой открытки.

² Речь идет о французском издании книги Евреинова «Театр в жизни» — *Le theatre dans la vie*. Paris, 1930.

³ Здесь: буду очень занят (*φр.*).

⁴ Фотография на обороте: К.Миклашевский за монтажным столом. Подписана: фото Mic (см. иллюстрации).

6.IX.1930
[Берлин — Париж]¹

Двое едут на автомобиле. Дама правит. Он ухаживает все настойчивее. Она говорит: «На автомобиле неудобно. Заметно. А давайте остановим машину, якобы для починки. Там ваша настойчивость будет менее заметна и более уместна». Сделали. Забрались под автомобиль. Через несколько времени слышат над собой голос. Это *Garde champetre*² говорит им: «Помимо того, что на вас смотрит 200 человек, у вас полчаса назад украли автомобиль!»

Анекдотически преданный Мис

¹ Почтовая открытка с видом Берлина.

² Сельский полицейский (*фр.*).

7.VII.[1931?]
[Карлсбад — Париж]¹

Привет! Между работой и, хотя пробуду здесь недолго, пью (воду). Впрочем, врач меня разочаровал и лишил некой надежды на увеличенную печень, артериосклероз, пузыри в моче и прочие культурные достижения. Адрес в Берлине: Мис, Produktion Abteilung der UFA, Kochstrasse 7, Berlin S.W.68.

Всем привет и поклон.

Мис

¹ Сувенирная почтовая открытка «Привет из Карлсбада», изображающая группу старых евреев.

[Берлин — Париж, б/д]
Ник[олаю] Ник[олаевичу]

Со вложением анекдота, слышанного в «UFA cantene»¹.

Богатый американец взял девочку и так с ней сговорился: за 1-й удар — 15 фр[анков], за второй — в десять раз больше, за 3-й — в 100 раз и т.д. — сколько за ночь выйдет. Вышло 4 раза. Американец сделал подсчет:

15
150
1500
15000

16665 fr[анс]: на какую сумму и написал чек.

Но девушка, сомневаясь, не обсчитали ли ее, просила подругу проверить счет. Подруга была человеком малограмотным и сама не отрицала, что в математике слаба.

Однако она взялась проверить это по-своему.

— Четыре, говоришь, раза? Значит, у него четыре раза стоял...

И отметила она сие графически: 6666.

— ... и четыре раза не стоял...

И также отметила графически: 9999.

И сложила:

получилось 16665.

— Верно! — говорит. — Спи спокойно, тебя не надули.

¹ Столовая «УФА» (нем.). Кинокомпания UFA (Universum Film A.G.) была образована в ноябре 1918. Созданное при поддержке государства для ведения военной пропаганды, это предприятие в 1920-е превратилось в лидера национальной кинопромышленности и просуществовало до конца Второй мировой войны.

24

[Париж, 20.? 1932?]¹

Дорогой Н[иколай] Н[иколаевич], уезжаю в пятницу. Зайти не успею. Группу Стар[инного] театра передал в дирекцию Osso (Av[enue] Des Champs Elysees) aux bons de Mme Germaine Franet (секретарша)². Когда будешь там, возьми³. Прости за почерк особенно плохой, т[ак] к[ак] пишу в метро. Привет А[нне] А[лександровне].

Твой Мис

¹ Датировано по не вполне разборчивому почтовому штампу. Почтовая открытка с репродукцией картины П.Рубенса «La Kermesse. Flemish Festival».

² Для мадам Жермен Франет (фр.).

³ По-видимому, речь идет о режиссерских разработках пьес из репертуара Старинного театра.

[Берлин — Париж]
[1935]¹

Дорогой Ник. Ник.!

Не мог сразу вторично аукнуть на твой отклик, т[ак] к[ак] был завален двойной работой. Одна в «УФЕ», другая в суде. Вел процесс против общест[ва] «Tobis», т[ак] к[ак], написанная якобы Spaak'ом и скрученная Фейдером «Kermess Negrois» (примечание: Grand prix du cinema français)² сделан по первоначальному сценарию, представленному мною в 1926 году еще в «Albatros» и там показанная Фейдеру и Spaak'у³. Ты представляешь себе, как трудно такие вещи доказывать. Тем не менее, суд стал на мою сторону и произвел давление на «Tobis» для *поллюбовного соглашения*. Пришлось согласиться на довольно мизерную сумму в 1500 марок. Но откупившись от меня, «Tobis» оставил за мной право дальше нападать на Фейдера и Спаака и обязался, если будет соглашение или постановление суда, напечатать его в газетках за свой счет. Однако я вряд ли буду действовать дальше. Не хочу компрометировать отличного режиссера и прекрасный фильм. Подробности лично в конце февраля или начале марта⁴.

Привет А[нне] А[лександровне]

Твой Мис

¹ Почтовая карточка с реквизитами берлинской фирмы «Universum-film» датирована по контексту.

² Исторический фильм «Героическая кермесса» был снят в 1935 компанией «Тобис-фильм», финансово связанной с концерном «УФА», и сразу же стал мировым бестселлером. Помимо указанной Миклашевским награды фильм получил Гран-при Венецианского кинофестиваля, премию «Оскар» в США за лучший иностранный фильм и приз японской кинокритики (1936).

³ Кинофирма «Альбатрос» была открыта И.Ермольевым в парижском предместье Монтре (1920) при участии эвакуированных из Крыма сотрудников его родного предприятия (В.Туржанский, А.Волков, Ф.Бургасов, Н.Топорков, А.Лошаков, Н.Лисенко, Н.Кованько, И.Мозжухин, В.Стрижевский и др.) и молодых французских кинематографистов (Ш.Ванель, Р.Клер, Ж.Эпштейн, А.Кавальканти и др.). Под разными названиями фирма просуществовала до 1930. Режиссер Ж.Фейдер и сценарист Ш.Спаак работали там над фильмами «Грибиш» (1925); «Кармен» (1926) и «Новые господа» (1928).

⁴ Судя по всему, Миклашевский не стал добиваться подтверждения своего авторства, и оно осталось неизвестным киноведам. Ср., например: «Сценарий был написан Спааком еще пятнадцать лет назад, но

до 1935 года Фейдер не мог найти продюсера» — Теплиц Е. История киноискусства: 1934-1939. М., 1973. С.82.

26

31.XII.[1940?]¹
[Париж]

En vous souhaitant vous.

Au de grâce et de graisse meilleure que la précédente ja suis votre serviteur dévoué.

Mic²

P.S. Я сейчас регулярно работаю для одного антикварного дела на Fg.St.Honore³. Пока не знаю ни насчет заработков, но безделье, слава Богу, кончилось.

¹ Почтовая открытка с репродукцией скульптурного барельефа XVI века из коллекции Музея скульптуры в Париже.

² Хотелось бы увидаться. Вверяя себя вашей милости и вашей полноте, еще более обильной, чем прежде, остаюсь вашим покорным слугой. Мик (*фр.*).

³ Можно думать, что речь идет об антикварном деле А.Золотницкого («основано в Киеве в 1851 г.»), располагавшемся по адресу: Paris, 18, Fg.Saint Honore. — Русские во Франции: Справочник / Под ред. В.Ф.Зелера. Париж, 1937.

27

[Париж, 19 февраля 1941]¹
Весьма секретно

Дорогой Николай Николаевич!

Гурвич², купив у тебя кое-что, предложил мне комиссию. Я сообразил сразу, что дарить ему ничего не следует, тем более, что купил он, вероятно, дешево. Я взял 5%. Но... я — старого закала Принцепс и за услуги другу денег не беру. И это взаимно, не так ли?

Деньги в размере 85 фр[анков] пересылаю Тебе, потому что они — твои.

Ваш с А[нной] А[лександровной]

Mic

P.S. 100 фр[анков] получил и передам.

¹ Датировано по почтовому штемпелю. Письмо написано на обороте бланка уведомления о получении почтового отправления.

² Речь идет, по-видимому, об А.Р.Гурвиче — коллекционере и меценате, члене правления Общества друзей русского драматического искусства в предвоенные годы.

***ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
МАРГИНАЛИИ***

Владимир Амфитеатров-Кадашев
СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

Публикация С.В.Шумихина

Автор публикуемого текста родился 26 августа (ст. ст.) 1888 в местечке Смелы Киевской губ. Он был старшим сыном писателя Александра Валентиновича Амфитеатрова от брака с певицей и преподавательницей музыки Александрой Николаевной (рожд. Левицкой). Учился в 8-й московской им. Г.П.Шелапутина гимназии и Императорском Московском университете, на историко-филологическом факультете.

Как литератор Амфитеатров-младший прочно и, вероятно, заслуженно забыт. Хотя отец и аттестовал его в письме к Амфитеатровой-Левицкой из Италии, куда сын приехал к нему: «Разносторонности поразительной, прочитал уйму /.../, историк, филолог...», крупных произведений Амфитеатров-Кадашев не оставил. Его литературный дебют состоялся в 1906 в журнале «Киевский театрал», но постоянно заниматься литературною работою он начал лишь шесть лет спустя, с 1912 в сытинском «Русском слове», сначала в Москве, а затем, с ноября 1914 по май 1916, в Риме, где был помощником своего отца, в то время состоявшего корреспондентом этой газеты «для всего Средиземноморского района». Среди попыток крупных литературных работ этого периода стоит отметить перевод романа Петрония «Сатирикон», сделанный совместно с К.А.Лигским, но оставшийся в рукописи. Вернувшись в 1916 в Россию, Амфитеатров-Кадашев сотрудничал в Петербурге в отцовских «Русской воле» и «Биче», «Вольности», «Новом Сатириконе»; в Москве — в «Новостях дня» (был помощником редактора), «Народоправстве», «Накануне» (не смешивать с позднейшим берлинским сменовеховским изданием). После революции оказался на «белом» Юге, где тоже печатался во множестве газет: в Харькове — в «Возрождении»; в Царицыне — в «Волгодонском крае»; в Ростове-на-Дону — в «Донской волне», «Приазовском крае», «Жизни»; в Симферополе — в «Таврическом голосе»; в Ялте — в «Ялтинском курьере»; в Новочеркасске — в «Донских ведомостях» (в течение ноября 1918 — января 1919 был фактическим редактором газеты); в Екатеринославе — в «Екатеринославском вестнике». В 1920 ре-

дактировал газету «Южный курьер» в Ялте. Увлеченный кинематографом, он возглавил киноотдел Отдела пропаганды (бывшего Освага, т.е. Осведомительного агентства при председателе Особого совещания, сочтавшего пропагандистскую деятельность против большевиков с функциями контрразведки), принял участие в создании нескольких фильмов. Отдельной книгой выпустил в Ростове под псевдонимом Роман Макошин брошюру «Что сделала Добармия?» Затем — обычный путь русских беженцев — эвакуация из Крыма в ноябре 1920, Константинополь, Прага, Берлин, в конце жизни — снова Италия.

За границей Амфитеатров-Кадашев сотрудничал в «Руле» (Берлин), «Новой русской жизни» (Гельсингфорс), «Сегодня» (Рига), «Эхо» (Ковно) и др. газетах, печатался в альманахах. В Праге в 1922 в Славянском издательстве вышли его «Очерки истории русской литературы», в Берлине в том же году в издательстве Е.А.Гутнова две крошечные книжки рассказов «Зум-зум» и «Фрачник с хвостом».

По крайней мере до декабря 1930 Амфитеатров-Кадашев, циркулируя между Прагой и Берлином, участвовал в деятельности эмигрантских литературных объединений в Чехословакии («Круг», «Далиборка»). В дальнейшем он окончательно переехал в Германию. Сблизился с русскими нацистами, объединившимися вокруг газеты «Новое слово»¹. Приветствовал на ее страницах тоталитарные режимы Европы: Франко, Салазара; успел откликнуться добрым словом на нападение Германии на СССР. Бедствовал. Есть сведения, что в конце жизни страдал психическим расстройством. Умер 23 февраля 1942 в Леванто (Италия), где за четыре года до этого скончался его отец.

Такова сухая биографическая справка, за которой изломанная жизнь и путь от фронды правительству Николая II, обличения «заразы антисемитизма» до полного принятия фашизма — в начале как *движения*, а позже и как *режима*.

Обеспеченная, безбедная молодость Амфитеатрова-Кадашева (в первую очередь благодаря крупным гонорарам отца, плодовитого и популярного писателя), проведенная в прекраснейшей стране Европы, близкое знакомство с писательской элитой — Горьким, Буниным, Леонидом Андреевым, с теми политэмигрантами из России, которые гостили то у Горького на Капри, то у Амфитеатрова в Кави де Лаванья, близ Генуи (среди них такие знаменитости, как Герман Лопатин и Владимир Бурцев), дружба с Зиновием Пешковым, женившимся в конце 1910 на Л.П.Бураго (машинистке А.В.Амфитеатрова), приемным сыном (точнее, крестником) М.Горького и братом будущего председателя ВЦИК Я.М.Свердлова, — все это слилось в некую «демократическую идиллию». Спустя несколько дней после столь чаемого Амфитеатровыми падения самодержавия эти «демократические» настроения без остатка смысла волна яростной ненависти к «русской свободе» в том выражении, какое она приняла

¹ Издавалась на деньги германского правительства; во главе ее стоял журналист В.М.Деспотули, сын преподавателя русского языка и истории Керченской гимназии. После Второй мировой войны Д. был арестован в Германии, отбыл срок в советском лагере и умер в ссылке в 1950-е.

после Февраля. Амфитеатров-рèге, впрочем, держался несколько дольше — в своем журнале «Бич» в номере, вышедшем после июльского выступления большевиков 1917, он писал, в свойственном ему стиле Тартарена из Тараскона:

Я, по крайней мере, покупаю револьвер — на случай обратно-го въезда Николая II или Михаила II в Петроград. Потому что этого позорного дня я пережить не намерен, а вы, продажные поддеды немецкой службы, и вы, бездарные слюнтяи у растерянной власти, делаете — одни активно, другие пассивно — все, чтобы дева свободы умерла изнасилованною, а потаскуха монархия вновь открыла в Зимнем дворце свой веселый дом.

Впрочем, говорить о синхронности дневниковых записей с внутренним самоощущением Амфитеатрова-fils'a 1917 года приходится с большой осторожностью — о чем чуть ниже.

В 1924 в Праге Амфитеатров-Кадашев собрал вместе свои дневники и записные книжки, расположил их в хронологической последовательности и переписал в 11 одинаковых тетрадок. Опытный газетчик, он подсчитал количество букв в каждой тетрадке, выставил на последней странице их число, после чего продал их незадолго до того образовавшемуся (в рамках так называемой «русской акции» чехословацкого правительства) Русскому заграничному историческому архиву. В 1945 архив был вывезен Советской Армией из Праги (это называлось «добровольным возвращением культурных ценностей СССР») и лег в архивный спецхран, большей частью ЦГАОРА, частью в другие «специальные» хранилища. Несколько десятилетий к отдельным из этих документов могли обращаться только единичные, проверенные историки, вроде автора книги «Агония белой эмиграции» Л.К.Шкаренкова. Нельзя утверждать с уверенностью, но возможно, что материалы РЗИА в какой-то степени использовались для оперативной разработки попавших в поле зрения МГБ—МВД русских эмигрантов Восточной Европы. В 1964 в результате малопонятных движений в структуре тогдашнего Главного архивного управления «Коллекция ЦГАОР СССР» (во имя секретности так назывался теперь РЗИА) подверглась дальнейшему дроблению — кстати, вопреки одному из важнейших принципов архивного дела, который в данном случае был нарушен с удивительной легкостью. При этом «политические» фонды остались в ЦГАОРе, а архивные фонды литераторов поступили в ЦГАЛИ СССР, пополнив его спецхран. В 1991 фонд 2279 (В.А.Амфитеатрова-Кадашева) в РГАЛИ был рассекречен.

Поскольку мы имеем дело со списком дневника (пусть и авторским), а отнюдь не с копией, возникает вопрос, насколько аутентичны записи Амфитеатрова-Кадашева оригиналу, скорее всего, безвозвратно утраченному. Психологически трудно предположить, чтобы человек литературы, каким был Амфитеатров-Кадашев, избежал искушения «подправить» свой текст при переписывании. Редактирование, впрочем, и не скрывается: часть текста вычеркнута (такой текст мы восстанавливаем в косых скобках); из одной тетради вырезано около 10 листов (судя по зачеркну-

тому заголовку — посвященных поездке в Москву на Государственное совещание в августе 1917), — то есть правился уже отпрепарированный, переписанный текст. Записи кое-где снабжены Амфитеатровым-Кадашевым лаконичными подстрочными примечаниями и указаниями на сделанные купюры типа: «Далее выпущено столько-то строк личного характера». Естественно предположить, что автор мог задним числом изменить свои оценки тех или иных событий, сделать себя более «проницательным» и «всеведущим», чем это было в действительности. Однако ни подтвердить, ни опровергнуть такое подозрение, при отсутствии оригиналов дневников и записных книжек, уже, по-видимому, никогда не станет возможным.

Отдельные фрагменты дневников Амфитеатрова-Кадашева публиковались в периодической печати: в газете «Сегодня» (1994. 22 марта); «Литературной газете» (в составе подборки «Рассекреченный спецхран: История в подробностях» — 1994. 20 июля); в «Независимой газете» (1995. 31 октября) и в «Общей газете» (1995. 9-15 ноября. №45). Все газетные публикации были подготовлены автором этих строк.

В настоящем издании записи Амфитеатрова-Кадашева печатаются с сокращениями приблизительно одной трети авторского текста. Исключены, кроме целого ряда мелких записей, большие фрагменты, в основном те, где Амфитеатров-Кадашев передавал с чужих слов рассказы о событиях, очевидцем которых не был (например, рассказ композитора В.В.Щербачева о неудачном наступлении Краснова и Керенского на Петроград после Октябрьского переворота); а также ряд менее исторически значимых эпизодов, вроде лекции Амфитеатрова-Кадашева о положении литературы в Совдепии «Запечатленные уста», прочитанной в октябре 1918 в Харькове, где доклад вызвал побоище среди расколовшейся по политическим симпатиям публики, описания жизни гостиницы «Золотой Якорь» в Ростове и характеристики ее постояльцев и др. Возможно, со временем будет осуществлено полное издание этих «записок контрреволюционера».

Текст передается в основном в соответствии с правилами современной орфографии, за исключением тех случаев, когда речь идет о сохранении индивидуальных авторских особенностей. Подстрочные примечания — авторские, там же приведены переводы иноязычных выражений, выполненные публикатором.

28 февраля 1917

События налетели так неожиданно, грозно и радостно, что дух захватило и ничего понять нельзя. Еще вчера, услышав от М.А.Ашкинази* о том, что в Питере казаки стреляли в полицию,

* Московский корреспондент «Русской воли».

я подумал: «А ведь, пожалуй, придется убрать Протопопова!» А сегодня вопрос поставлен уже чуть ли не о уходе династии. Узнал я об этом так. Вернувшись из воинского присутствия, я часа в три вышел на Тверскую. На углу Камергерского Юрий Константинович Арцебушев*. «Как в Питере?» — «Плохо. Форменная революция. Бунтуют преобразенцы, волынцы, семеновцы». Иду дальше. Около «Бома»¹ встретил Савельева из «Русского слова». «Поздравляю!» — «С чем?» — «Разве не знаете: в Петербурге объявлено Временное правительство: Милюков, Маклаков, Родзянко. Идите в редакцию! Все узнаете». Мне показалось: снежная улица полезла куда-то горбом вверх, на мгновение потемнело в глазах. Стремглав кинулся в редакцию, — и странным был обычный вид Тверской: накрашенные дамы, важные господа в бобрах, офицеры, мальчишки-разносчики. Еще никто не знает о том, что случилось землетрясение, гибель Атлантиды. /.../ В «Русском слове» смятение. «Правда? Правда?» — «Правда!» — орет Костя Новицкий, кидаясь мне на шею. — «Войска подошли к Государственной Думе, к ним вышли Керенский и Чхеидзе. Войска взяли "на караул". Чхеидзе командует петроградским гарнизоном». — «А у нас, в Москве?» — «У нас, я думаю, Мрозовский будет лить кровь!» На это Борис Брио** довольно скептически заметил: «Ну, какая там кровь! Ясно, что все кончено». Поднялся наверх, к Авреху***. Еще хочется проверить. «Кажется, превращаемся в ситуайенов?» — «Определенно...» Выйдя из редакции, помчался на извозчике домой. По дороге говорил с извозчиком о чем-то очень обыкновенном, а в горле пересыхало от неодолимого волнения. Когда ворвался, именно ворвался в квартиру, тетя Леля, сидящая в столовой, испуганно спросила: «Что случилось?» — такой взбаламученный был у меня вид. Задыхаясь, я еле выговорил: «Конец монархии! В Петербурге — Временное правительство!» Тетя ахнула, побежала к маме, дававшей уроки. Все были донельзя взволнованы. От волнения я не мог сидеть на месте, поминутно бегал к телефону /.../. Вечером отправился на балетный концерт /.../. По дороге в театр нас атаковали мальчишки: «Важные события в Петрограде!» Но в телеграммах не было ничего, кроме Высочайшего указа об отсрочке заседаний Государственной Думы. В театре царило волнение: все устремлялось к только что приехавшему из Питера Дранкову, но он ничего путного не знал: видел беспорядки на улицах, но уехал ранее того, как Дума решила

* Сотрудник «Времени» и художник.

** Заведующий московским отделением «Русского слова».

*** Заведующий иностранным отделом «Русского слова».

взять власть в свои руки. /.../ После концерта отправились к Кате*, где пили чай, и от Кати пошли в редакцию узнавать новости. Узнали только о взятии Багдада и что завтра газеты не выйдут — забастовка. Аврех сказал: «По-моему, газетной забастовки на должно быть даже в день Страшного суда». Совершенно верно! Ужинали в [Литературно-художественном. — С.Ш.] Кружке: Катя и я. Нового здесь тоже ничего не было. Говорили только, что император покинул Могилев. В.А.Гиляровский долго и подробно расспрашивал о событиях и, чтобы не уронить престижа «короля репортеров», делал вид, будто знает гораздо больше меня, да не хочет сказать. Когда я упомянул о нежелании казаков стрелять в народ, он сказал многозначительно: «Я в этом был уверен». Мне невольно вспомнилась папина острота, что бывают казаки донские, кубанские, уральские, а В.А.Гиляровский — тот самый *le vrai cosaque russe*, о которых пишут в заграничных романах.

1 марта

День небывалой волны впечатлений, переживаний... Встал ни свет ни заря /.../ — торопился на освидетельствование к воинскому [начальнику. — С.Ш.]. По дороге все обычно: утреннее безлюдье, редкие прохожие. У воинского тоже по-старому; собрали нас и отправили на Таганку — осматриваться. Но уже на Таганке обозначились первые признаки смятения: часов в 9 прибыл какой-то молодой человек, восторженно рассказывавший о забастовке. «Я сейчас шел мимо Добровых и Набгольц, и вдруг из ворот вырвались ребята, прямо к Бахрушину, оттуда к Михайлову, к Тиде и на Дербеневку² — как волна, прямо как волна». Часам к 10 заметили странное скопление трамваев на площади: громко звеня, они тянулись целыми поездами. Кто-то догадался: «Забастовали! Идут в парк!» Наконец, около 12-ти, площадь вдруг покрылась народом — шли рабочие от Катыка, Эрманса и других фабрик Спасского района. Тут произошло нечто неопишемое: мгновенно все, ожидавшие осмотра, ринулись на улицу, причем помчались и двое уже разоблачившихся, совершенно забыв о своем голом образе. Едва остановил их писарь криком: «Куда вы? Простудитесь!» Толпа окружила двух бородачей-крестonosцев³ и отняла у них винтовки. Но бородачи так слезно просили вернуть им винтовки, что толпа сжалилась. Часа в 2, после осмотра, я вышел на улицу и поразился: никогда я не видел *такой* Москвы, она кипела, даже в самых тихих переулках, народом, словно черные муравьи, сну-

* Е.Н.Веревкина, урожденная Телижинская, жена самого близкого моего друга.

ющим по тротуарам. Но движение по мостовой было довольно слабое: редко проезжал извозчик, почти не было видно автомобилей. Мне все-таки удалось найти извозчика, который рассказал, что к Городской думе стекается огромная толпа. Действительно, когда мы переехали Воскресенскую площадь, она была залита народом. Над толпою веяли и реяли алые знамена; как-то странно было видеть эти революционные символы.

Вечером отправился к Сергею Алексеевичу Смирнову*. Там были Зильберберг и Раецкий**. Нового: переход одного полка на сторону народа и исчезновение царя. Он выехал из Могилева, но поезд его, по телеграмме Бубликова, не подпустили к Питеру. В Бологом он свернул на Псковскую ветку и пропал неизвестно куда. Мрозовский объявил Москву на военном положении, но едва ли из этого что выйдет. Хотя гарнизон, в большинстве, еще не восстал, сидит запертый в казармах, но фактически у Мрозовского ни солдата. Часов в 11 поехали в «Утро России». Улица была совершенно пуста. Наши автомобили вихрем пронеслись мимо Градоначальства, боялись, что нас задержат. Но в Градоначальстве все было тихо и апатично.

В «Утре России» узнали, что арестован Щегловитов и что московские газеты решили было выйти без цензуры, но «Русское слово» отказалось присоединиться к этому решению и завтра газеты опять не выйдут. /.../

2 марта

Проснулся поздно и поспешил на Тверскую. На углу Чернышевского — ободранный плакат: объявление Мрозовского об осадном положении. Подходя к Тверской, издали услышал легкий хлопок аплодисментов и «ура!». Когда вышел на Тверскую, увидел следующее: тротуары полны народом, а посреди улицы медленно едет конный патруль; молодой казак, с круглым лицом, размахивая шашкой, взволнованно кричит: «Не бойтесь! Стрелять не будем!» В ответ «ура!» и аплодисменты. У «Бома» — столпотворение. Говорят об ответах Рузского и Брусилова на телеграмму Родзянки: Рузской ответил: «Долг свой перед Родиной исполнил», Брусилов: «Долг свой перед Царем и Родиной исполнил». Царя видели на станции Дно. Неизвестно, получил ли он телеграмму Родзянки, в которой М.В. умоляет его согласиться, во имя спасения династии, на уступки. Но, по-моему, с династией — слабо.

* Впоследствии государственный контролер последнего кабинета Временного правительства.

** С.С.Раецкий, редактор «Утра России».

О царе никто не хочет слышать, отовсюду — республиканские возгласы. За конституционную монархию стоит одна Лидочка*. Все время мимо окон проходят войска: интендантцы, артиллерия, все стремится к Городской думе. Лидочка говорит, задумчиво глядя на них: «А ведь это — война до полной победы...» Но, в общем, в Москве положение неопределенное: Челноков ведет переговоры с Мрозовским, совершенно растерянным. В Кремле еще сидят солдаты, верные царю, на них направлены пушки перешедшей на сторону народа артиллерии. Но, конечно, бомбардировать Кремль никто не решится: правильно сказал Койранский: «Нельзя начинать новую эпоху со святотатства». Не ясна позиция военных училищ и войск, сидящих в Покровских казармах.

Иду в «Утро России»: заседание редакторов решило — завтра выйти без цензуры, а сегодня вечером выпустить *бесплатно* информационный листок. Когда выхожу из редакции, на площади смятение. Какой-то конник отчаянно вопиет: «Ура! Кремль взят!» Ответное: «Ура!» Слышу итальянскую речь. Несколько итальянцев не понимают, в чем дело? Подхожу, объясняю. Благодарят: «Ah! Che bella rivoluzione!» У «Бома» ораторствует Бонч-Томашевский. Последние известия: арестованы кн. Голицын, премьер Горемыкин, Барк, Кулицкий, митрополит Питирим; к императору посланы делегаты с требованием отречения от престола. Первое известие встречается аплодисментами, второе — тоже, но какими-то сдержанно-растерянными. Не верится еще как-то. Требовать отречения императора — смелость, от которой захватывает дух?

Возвращаю домой — у Манежа огромная толпа. В чем дело? Встречаю Устра**. Объясняет: только что «взяли» Манеж. «Взял» его самолично Николай Александрович Бердяев. Вошел внутрь и так грозно закричал на солдат: «Чего вы не сдаетесь?», что те мгновенно положили оружие. Военные училища тоже перешли на сторону народа — у Мрозовского не осталось ни одного человека, и ему остается только ждать ареста. Его посетил Челноков с требованием послать государю телеграмму о необходимости уступок. Мрозовский отказался. Уходя, Челноков сказал: «Тогда сообщите государю, что народ захватил Кремль, где находятся гробы его предков»***. Вообще, дела монархии совсем плохи: Устр говорил мне, что он встретил А.Л.Байкова, который *в восторге* от происходящего. Пуришкевич, находящийся сейчас

* В данном случае — Лидочка — не лицо женского пола, а В.Г.Лидин, советский писатель, ныне сотрудник «Известий».

** Н.В.Устрялов, мой университетский товарищ, впоследствии профессор Пермского университета и основатель «сменовеховства».

*** Впоследствии выяснилось, что М.В.Челноков никогда этих слов не говорил.

в Городской думе, тоже, оказывается, признает необходимость и законность движения, оговариваясь, однако, что, по его мнению, не следует ставить династического вопроса на очередь. Уж ежели Байков и Пуришкевич...

Среди дня распространились тревожные слухи: будто бы на Петербург двинуты крупные силы из Финляндии, а на Москву идет Эверт. К вечеру — успокоение: войска, направленные на Питер, перешли на сторону народа, а Эверт вообще, кажется, не двигался с места. /.../

3 марта

Не день, а сплошной карнавал, красный променад, праздник веселья неистощимого и восторга. Утром — Тверская, полная радостного народа, стремительность автомобилей, и всюду — алое, алое, алое. Нет человека, который не нацепил бы себе красного банта: единственные исключения — я и Лидин. Я не надел вполне сознательно: во-первых, есть что-то противное в том, что делают все, а во-вторых, все-таки красный цвет — цвет социализма, а я, несмотря на всю мою нелюбовь к погибшему режиму, по-прежнему продолжаю глубоко ненавидеть социалов.

В газетах — сплошной вопль восторга и торжества. Отречение императора, видимо, совершившийся факт. К вечеру о нем говорили вполне определенно: на углу Театральной площади какой-то господин громко провозглашал об «низложении» государя и провозглашении Михаила регентом. Интересно, что публика отнеслась к этому как-то равнодушно: словно все ждали чего-то большего, — и смена императора как будто никого не удовлетворила. Раздражение против Николая вообще огромно: даже такие умеренные люди, как М.В.Веревкина, волнуясь, спрашивают: — Отрекся? Отрекся?

Сожаление к царю я встретил лишь у Розочки Гольденблум, которая заявила, без всяких оговорок, что ей жалко наследника — очаровательного мальчика, и что солдаты, шатающиеся сейчас по улицам, ей совсем не нравятся. Ходят слухи, будто бы Протопопов скрывается в Москве и его усиленно ищут, но пока не нашли. Зато проводили массами арестованных полицейских. На Тверской толпа на них глазела с любопытством, но не оскорбляла. На окраинах, говорят, были безобразнейшие сцены издевательства. Арестованы также градоначальник и Мрозовский. Юнкер Саблин рассказывал мне, что александровцы так блестяще исполнили операцию окружения и захвата здания штаба, что даже арестованный Мрозовский выразил им свое восхищение.

Часа в 4 я пошел к Городской думе. По Тверской поперек улицы стояли цепи гимназистов и каких-то девчонок, норовивших никого не пропускать. Требовали каких-то «билетов». Впрочем, когда я называл себя представителем печати — пропускали беспрекословно. У Думы было совсем неинтересно: зачем-то раздавали кому попало винтовки и револьверы, без толку сновали солдаты и среди них крайне взволнованный кинорежиссер Гарри. Встретившийся мне Жорж Якулов сообщил последнюю новость: в Москве образовался Совет рабочих депутатов, заседающий в доме генерал-губернатора. В это время раздалось: «Ура!» Я увидел медленно двигавшийся к Театральной площади автомобиль, в котором стоял что-то говоривший человек с приятным лицом. Я услышал только: «И свобода будет! И победа будет!» Это оказался член Государственной Думы М.М.Новиков, специально прибывший из Петербурга для информации Москвы. А завтра ждут нового министра юстиции Керенского.

Пройдя опять через кордоны неизвестно кем расставленных поперек Тверской «малых сих», я отправился домой, несколько утомленный этим гамом и гвалтом. Вечером с Лелей* был в «Летучей мыши». После спектакля мы пошли в Алатр⁴. По дороге купили экстренное прибавление — последний Высочайший манифест Николая II. Никогда не любил я царствовавшего императора; но, должен признаться: стиль и тон манифеста весьма благороден. В «Алатре» к нам подошел М.М.Кринский, репортер «Утра России», и сообщил, что и Михаил отрекся в пользу народа. Будет республика! Утомили ли меня дневные события или разговоры с Лелей были слишком интересны, но я принял это исключительное сообщение как-то равнодушно и спокойно.

4 марта

«Утро России» перешибло все газеты: сегодня вся первая полоса занята описанием романтических приключений «вашего корреспондента», пробравшегося в царский поезд, следовавшего (переодевшись солдатом) в нем во время метания между Дном и Псковом, видевшего, как Шульгин и Гучков прошли в царский вагон и т.д. Все это — чистейшее арапство, конечно: «Ваш собственный корреспондент» — Александр Тамарин; одно имя гарантирует полное отсутствие правды в сем удивительном сообщении. У «Бома» спорят: где этот самый Тамерлан-Тамарин пропывал данные ему под отчет деньги, во время предполагаемой погони за царским поездом? Один уверяет, что у него хватило совести

* Сестра моей жены.

все-таки доехать до Твери и пьянствовать там. Другие же считают нелепой самую мысль о присутствии у Тамарина хоть какой-нибудь совести и предполагают, что пропой подотчетных сумм просходил в какой-нибудь московской трущобе. Раецкий, конечно, знает, что все, написанное Тамариным, — брехня, не мальчик же он в самом деле. Но тираж со 100 000 скакнул до 350 000! Победителей не судят. Впечатление в публике от тамаринского вранья — огромное: кроме нас, журналистов, все поверили этим несообразностям, и фраза государя о том, что он поедет в Ливадию разводить цветы, всеми повторяется со смехом, а заявление Нилова о необходимости открыть фронт — с негодованием*. Другая сенсация — приказ по войскам Петроградского гарнизона, коим обезоруживаются офицеры, отменяется честь и т.д. Приказ издан Советом. Мне он очень не понравился, а военные, которых я видел, определенно говорят: «Это конец!» Вообще, многое мне начинает не нравиться: 1) сегодня вышла газета с.-д. большевиков, открыто призывающая к пораженчеству; 2) слишком много безобразия на улицах — эти летящие автомобили, в коих «людно и оружно» ошестинившись винтовками сидят солдаты, хотя никакой враг им не угрожает, эти увешанные алыми лентами мальчишки, вооруженные винтовками, которые они держат так, что при встрече с ними у меня невольно шевелится мысль: «Вот она, моя смерть идет!»; этот никчемущный народ, без всякого дела слоняющийся по улицам, — все это беспокоит и возмущает. Самое плачевное, что этот променад и бессмысленная трата бензина донелзя всем нравится. Сегодня встретил Котю Трубецкого**, который рассказал мне о любопытном разговоре, подслушанном им на улице.

— Я хочу, чтобы была республика, — ораторствовал какой-то мастеровой, — но чтобы царем вместо Николая Александровича сидел бы Николай Николаевич.

Из дальнейшего выяснилось, что под республикой сей гражданин разумел не политическую форму правления, а некий бытовой уклад, сводящийся к *dolce far niente****, непрерывному променаду и хорошему за сие жалованию. Третья причина, почему мне перестает нравиться революционный карнавал, — это то, что уже получило иностранное прозвище «эксцессы»: какие-то человеки

* Любопытно, до чего эта дикая ложь врзалась в память общества; еще до сих пор я встречаю людей, твердо уверенных, что Николай II действительно сказал фразу о цветочках. Боюсь, что эти цветочки, измышленные пьяным репортером, — «войдут в историю».

** Кн. Н.С.Трубецкой, мой университетский товарищ, ныне профессор в Вене и «евразиец».

*** Сладкое безделье (*итал.*).

ворвались в «Русские ведомости», захватили машины, отпечатали воззвание Совета. Другие человеки расположились как дома в типографии «Русского слова» и печатают там свои «Известия», третьи человеки, наконец, реквизировали помещение одного шантанчика, слопали весь балык в буфете и не хотят уходить, ибо помещение им нравится. Все это до крайности тревожно. Нехорошо тоже, что опять поднялся вой насчет буржуазии, тот самый вой, который погубил 1905 год! И слишком свободно допускается агитация против войны; правда, она не имеет никакого успеха, но все-таки, — вчера, например, в Обществе деятелей периодической печати два большевика, Фриче и Подбельский, провели антивоенную резолюцию. Правда, сегодня Общество собирается вновь, чтобы бить отбой, но нехорошо все это...

Из других новостей: Временное правительство распорядилось созвать избранную на последних выборах Государственную Думу, выборы коей были кассированы Протопоповым. Кстати, Протопопов оказался в Петербурге и явился в Государственную Думу. Подобно другим арестованным, он направлен в Петропавловку. Известие об аресте митрополита Питирима — неверно. Питирима, правда, привезли в Думу, но здесь объявили свободным. В Москве арестован протоиерей Восторгов, а также кинорежиссер Гарри, выпустивший совершенно идиотское воззвание с подписью: «За начальника штаба Гарри». По этому поводу Вера Зайцева сказала: «А наш-то Гарри! Оказывается не просто, но "за начальника штаба"!»

Сегодня на Красной площади новый командующий войсками подполковник Грузинов, бывший член Земской управы, октябрист, устроил парад. Говорят, что было до крайности эффектно, хотя в задних рядах замечалось безобразие: солдаты в строю курили и т.д. Я не пошел: толпа мне определенно начинает надоеть.

5 марта

Большие торжества по случаю приезда Керенского. /.../ судя по газетам, Керенский — молодец! Мне кажется, он именно тот человек, который сейчас может утихомирить страсти и довести страну до победы.

Вечером был на собрании литераторов в Художественном театре, под председательством Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Перед открытием собрания Вл.Ив. сообщил о постановлении московских старообрядцев, признавших необходимость конституционной монархии. За республику не высказался никто.

Это, кажется, последнее антиреспубликанское выступление последних дней. Затем разговор коснулся постановления, уже аннулированного, Общества деятелей периодической печати. Фриче весьма подробно объяснял, что ничего тут страшного нет, что резолюцию, им предложенную, — не поняли, и когда князь Евгений Николаевич крайне резко сказал о невозможности допускать выпады против войны, Фриче возразил с какой-то немного пугливой досадой: «Да никто и не желает мира! Все считают неизбежным продолжение войны!» Дальше говорил Брюсов. Он подчеркнул, что теперь мы не можем выполнить своего долга перед союзниками, что необходимо отказаться от гордых мечтаний 1917 года, поставить крест на свободе Армении, Бельгии, Чехии, Польши и других мелких народностей. Но, вместе с тем, он решительно высказался за продолжение войны, — ибо, в противном случае, молодой русской свободе грозит опасность быть задавленной немцами. Макс Волошин горячо протестовал против слов Брюсова. Настаивал на необходимости прежде всего сдержать данное слово верности, подчеркивая, что ни одно нарушение морали не остается безнаказанным. Затем приняли какую-то довольно бесцветную и общую резолюцию и разошлись. Я с Койранским, Ликиардопуло и Арцебушевым пошел обедать в Трехгорный; за обедом все трое высказывались очень резко. Вообще в интеллигенции заметен весьма критический дух к событиям, известный правый уклон. Мое чувство глухого раздражения против того, что слишком уж много «товарищей» шляется по улицам и что всюду на первое место лезут какие-то хайлы, — испытывают многие. Но неудовольствие это соединено с какой-то робостью. Смелой критики не слышишь нигде.

Николай Николаевич удален с поста Верховного главнокомандующего. Конечно, нахождение династа во главе армии сейчас недопустимо и слишком опасно для революции. Но, с другой стороны, кто может справиться с охватившим солдат растерянным настроением? У него будет, хоть приблизительно, та популярность, какую пользуется великий князь? /.../

Вечером был у Е.В. Застал там брата ее мужа, офицера: тревожные разговоры о фронте; подлый приказ №1-й уже сделал свое дело. То же самое говорил мне сегодня Костя Иванов. Уже совсем ночью, когда вернулся домой, около Никитских ворот возникла стрельба: кто в кого стрелял, никто толком не знает /.../

6 марта

Совет рабочих депутатов начинает вызывать во мне тошноту: Господи, какая болтовня, пошлая и несносная! Нисколько они не

изменились с тех пор, как мы с ними сражались на университетских сходках. Петербургские газеты вышли наконец. «Русская воля» с огромным заголовком: «Да здравствует Республика!» Это, если не ошибаюсь, первое, яркое декларирование республиканизма со стороны буржуазной печати. Аня⁹ пишет, что в Питере — огромное ликование. /.../ Сегодня Временное правительство распорядилось заточить императора и царскую семью в Царском Селе. Конечно, эта мера — предусмотрительна, но, все-таки, на каком основании? Ведь государь не низложен, он свободно отрекся от трона, и Временное правительство — его законный преемник. Опять уступка à ces Messieurs de Soviet! Вообще, Messieurs de Soviet начинают во мне возбуждать тошноту и ненависть! И вообще, вся эта канитель изрядно надоела: красные флаги и блудословие, блудословие и красные флаги. Блудословят даже умные люди: А.А.Яблоновский, вообще-то глядящий довольно трезво (умно высмеян им Бонч-Бруевич с его проектом Красной гвардии), — сегодня разразился восторженным фельетоном по поводу какой-то девушки в автомобильном шлеме, с горящими глазами мчавшейся на грузовике, как «Дева Свободы». Эта «Дева Свободы» — Талька Гольденфарб, стерва. И глаза у нее горели не от революции, а совсем по иным причинам: под покровам алого знамени сидела же она тоже по-революционному...

Нестерпимы совершенно две вещи: грязь, которую бульварная печать выливает на императрицу, раскапывая всякие мерзости про Распутина, и уличные мистики у памятника Пушкину, где часами, с утра до вечера, толпа слушает нескладные речи доморощенных Катилин. Боже, что они несут. Что они несут! Вообще, все это невольно заставляет припоминать стихи Мережковского: «Но дурак никогда и нигде не умрет, но бессмертна лишь глупость людская». Сегодня распространились слухи о большой победе на фронте (дай-то Бог!) и о революции в Германии (ну, это чистейшее арапство!)

7 марта

Общее собрание литераторов в Юридическом собрании. Вопрос о захвате «Русского слова» и «Русских ведомостей». Два сотрудника последних *приняли участие в захвате* и помогали захватчикам печатать их воззвание. Собрание крайне бурное. Сотрудники «Русских ведомостей» оправдывались тем, что захватчики были вооружены, что сейчас — революция и что редактор Максимов — эксплуататор и буржуа. Им не дали договорить. Алеша Толстой барским баском рывкнул: «Что за хамство!», поднялся шум и иеремиады социалистов прекратились. Кто-то попытал-

ся заикнуться о «заслугах пролетариата», но Бальмонт живо его срезал, сказав: «То, что случилось, — было единым в своей красоте порывом всех, — и никто, никто не смеет приписывать *это* только себе!»

Настоящая буря началась при обсуждении вопроса о «Русском слове». Крайне резкую речь произнес Раецкий, донельзя недружелюбно встреченный социалами. Его, не менее резко, поддержала Кускова. Затем выскочил Костя Новицкий, которого прогнали, едва он заикнулся о классовом составе аудитории. Вид у Кости был лохматый и дикий, глаза горели, как у безумного. Удивил меня Осоргин. Говорил очень уклончиво, чуть ли не оправдывая захват. Резолюцию приняли крайне резкую и назначили комиссию, которой поручили заняться «выставкой» захватчиков. Социалы ужасно хотели провести в комиссию Фриче, но мы его дружно провалили. Избраны — Кускова, Мельгунов, Раецкий. /.../ Вечером пошел к Наташе Мануйловой*, на мануйловскую квартиру; застал там Нину Александровну, жену Александра Аполлоновича⁶, только что приехавшую из Петербурга и уезжающую обратно. По ее словам, жизнь в Питере входит в свою колею. Не нахвалит Керенского: большая умница, единственный, кто может сдерживать крайних. Затем явилась Н.Н.Волохова, сводная сестра Н.А. Эта меня разочаровала: она — интересная, но, как я ни вглядывался в нее, никак не мог почувствовать то, что таким гениальным порывом вырвалось у Блока:

Взор мой — факел — в выси кинут,
Словно в небо опрокинут
Кубок темного вина!

Был там еще присяжный поверенный Луи, очень остроумно говоривший очень пессимистические вещи. В армии, действительно, деется нехорошее: убийство Непенина в Гельсингфорсе, кронштадтские своевольства и все растущая грубость солдат в отношении офицеров не предвещают ничего хорошего.

Театры на этой неделе закрыты: соблюдают Крестопоклонную. Это подчинение еще не отмененному закону, за нарушение коего никто не стал бы взыскивать, мне очень нравится. /.../

10 марта

Прочитал в «Известиях» телячий восторг по поводу того, что, когда Николай здоровается с солдатами, они ему отвечают:

* Н.С.Мануйлова, жена сына А.А.Мануйлова, сестра моего друга И.С.Вервкина.

«Здравия желаем, господин полковник!» Не люблю я Николая, но такое отношение к нему и, в особенности, радость по этому поводу — хамство. Николай — не низверженный монарх, а отрекшийся, и сохраняет все права на внешний почет. Тяжко и неприятно это русское неуважай-корытство! Вообще поразительно моментальное исчезновение русского монархизма: у Николая не оказалось ни кавалеров Карла I, ни швейцарцев Людовика XVI. /.../ За последнюю неделю я слышал монархические речи лишь от молодых женщин, более или менее легкомысленных /.../ Но они, конечно, не в счет. Что это значит? Действительно ли монархия так прогнила, что от нее отвернулись даже самые ей близкие люди, всем ей обязанные? Или это просто слабость душевная заставляет людей бежать за успехом? Я еще могу понять Кирилла Владимировича, нацепившего красный бант и приведшего флотский экипаж в Думу. Здесь могли быть «орлеанские мечты». Но как квалифицировать поведение конвоя, пальцем не шевельнувшего для защиты Николая?

Гучков издал приказ о допущении евреев к производству в офицерские чины, а также в военные училища. Это, конечно, правильно и справедливо, но едва ли можно отрицать, что «генерал-фельдмаршал Канторович» или «генерал от кавалерии Цибельзон» как-то... не звучит...

Вечером был на первой «революционной, бесцензурной» программе «Летучей мыши». Довольно слабо. «Сон статского советника Попова» — не смешно (хотя стихи и очень смешные); «Переплетчик» — не трогательно, хотя Борисов и старался. Удачны лишь «частушки» — в исполнении Салами и Дейкархановой. Последний куплет, по-моему, пророческий:

Николая превратили
В гражданина в два часа...
Пропадай, моя телега,
Все четыре колеса!

Никиша несколько сконфужен (мы с ним потом ужинали в Кружке). Обстановка спектакля торжественная: Никиша говорил речь, Сажин говорил речь, оба весьма патриотические: Никиша в стиле мужественном, Сажин — в стиле мармеладном. Хор пел кантату на слова Балтрушайтиса, сочиненную Арганшиным. Публика — старая. Новых хозяев не было видно. Я пришел во фраке и не раскаялся: было много фрачников и дамских туалетов, — вообще, — не революционно.

11 марта

Крайне любопытные слова Гучкова о форме правления: «Конечно, республика. К английской монархии Россия еще не готова, ибо английская монархия более сложная и совершенная форма правления, чем республика». К князю Львову явилась Вера Фигнер и осведомилась: «Неужели в свободной России будет бесправна женщина?» Князю было неловко отказать даме, и он обещал «равноправие». /.../

Был днем на киносеансе современных событий⁷. Донельза торжественно: Бонч-Томашевский говорил крайне революционную речь о новой эре, по окончании коей оркестр грянул «Марсельезу»: у Бонча — алый бант был приблизительно в 1/2 груди, а его Кира вырядилась в красное платье. Выступал еще какой-то член Совета — курносый и плюгавый. Народ — по особым приглашениям, избранный; представителям союзников устроили грандиозную овацию. Сама картина — любопытный документ; снята больше всего в Москве (в Питере, конечно, было не до съемок — при пулеметной стрельбе). Фотография скверная и слишком много виражей, но вообще недурно.

В Балтийском флоте появился какой-то «красный адмирал» Максимов. Любопытно было бы узнать, откуда взялось такое огромное количество лиц радикально настроенных среди особ первых трех классов? Вот никогда не думал, что социализм так популярен у высших сановников Российской империи. /.../

12 марта

День величайшего променада — единения Армии с Народом. Для символического выявления сего Messieurs de Soviet решили: солдаты пойдут на демонстрацию не в строю, но под ручку с рабочими, шеренгами: рабочий-солдат, рабочий-солдат. По штатскому моему незнанию, я на эту затею было не обратил внимания, но Жорж Якулов разъяснил мне, что здесь — большое ехидство, огромный расчет — разбить строй, растворить воинский элемент в массе. Несомненно, Messieurs de Soviet это устраивают не зря: за последнее время они очень озабочены разрывом между солдатами и рабочими. Брошен лозунг: «Не натравляйте солдат на рабочих!» Конечно, поведение Messieurs de Soviet понятно: им не могут быть приятными такие факты, как, например, явление Преображенского полка на Путиловский завод с приказом прекратить забастовку. Но совершенно непонятно поведение Messieurs de bourgeois. Почему-то они подчиняются призыву «не натравлять»: «Русская воля»⁸, например, сняла свой очень вы-

игрышный плакат: «Рабочие, к станкам, солдаты уже в окопах!» Зачем эта уступчивость? Ведь *нам* только выгоден раздор между армией и пролетариатом, и следовало бы всячески раздвигать сие кадилло, пока и солдат не окончательно завертели Messieurs de Soviet. Любопытно: наши Робеспьеры хотели разрешить поднятие на сегодняшней демонстрации антивоенных лозунгов, но гарнизон заявил, что в таком случае он не выйдет на улицу. Пришлось свернуть знамена с «Долой войну!»

От демонстрации у меня осталось лишь одно реальное последствие: бронхит. /.../ Шествия меня совсем не захватили: что, собственно, хорошего в том, что двигается масса «черного народу», затаптывая грязью трамвайные пути так, что завтра, наверное, движения не будет? Единственное утешение: отсутствие антивоенных лозунгов и наличие знамен с надписью «Война до победы!» Такую надпись я видел на знамени *одного завода*, и такой плакат (колоссальный, от тротуара до тротуара) несли офицеры-республиканцы (среди них я заметил Халтурина — из Алексеевского училища — и Е.В., она, правда, не офицер, а только жена офицера и к тому же очень слабая республиканка, но почему-то шла в процессии). Знамена уже не просто куски красной материи, а со всячинкой: разрисованные, с эмблемами, вышитые золотом, но все это очень грубо, аляповато, по-базарному, по-пролетарски. Но как *они* поют «Марсельезу»! Обратили Руже де Лиль в частушку; сначала запевало затянет:

«Э-э-х, да, э-эх, да отречемся
От старого мира!» —

а затем толпа подхватит: «Вперед! Вперед! Вперед!» Должно быть, Руже де Лиль на том свете так же негодует, как негодовал на этом, когда марсельцы, штурмуя Тюильри, пели его песню. Ведь создатель величайшего революционного гимна был, как известно, монархист и контрреволюционер. Но какая несосветимая глупость слов русской «Марсельезы»! Более идиотского стихотворения, должно быть, никто никогда не писал. Вообще, не скажу, чтобы я остался доволен сегодняшним зрелищем. Лишь один момент меня позабыл: *на ступеньках Иверской* стоял человек черного образа и несвежего вида и вопил:

— Граждане свободной России! И что же это такое, они нас жмали, жмали, — уж барановый рог.

А из толпы откликнулась душа созвучная: «Верно! Я сам заплатил приставу Сретенской части пятьсот рублей!» Совсем из нового, великолепного стихотворения Макса Волошина, которое мне вчера прочел Лидин:

На Рву, у места Лобного,
У церкви Покрова,
Возносят неподобные,
Нерусские слова.

/.../

9 апреля. Петербург

Почти месяц не делал записей, и теперь надо записать так много, что ужас! В Москве записям помешал сначала госпиталь /.../ В госпитале меня продержали, слава Богу, только три дня и отпустили вчистую, как, положим, и можно было ожидать. Изменение *настроения* в госпитале весьма приметное. Расцвел фельдшер Пчелкин. Он уже не просто сукин сын, а председатель комитета; взятки поэтому берет вдвое. У докторов вид сконфуженный, никаких признаков неуважения к ним пока не заметно: машина еще действует. Но вот-вот сорвется! Это чувствуется по какой-то внутренней хмурости, какому-то враждебному закрытию душевному, ощущаемому в каждом солдате. Кажется, у солдат есть своя мысль — одна, и к тому же глупая, но мысль эта всецело их захватывает, и тут стена, которую не прошибешь. Внешне они иногда как будто еще льнут к *нам*, спрашивают объяснений и советов, но это — лицемерие, игра какая-то: они уже *все* объяснили по-своему, придумали какой-то выход, где есть и «замирение» и «земля»... Я пробовал говорить с ними (по их инициативе, конечно: лезли, спрашивали, — сам бы я никогда к ним не пошел) и ощутил — мои слова падают в пустоту. Ибо они одержимы двумя страстями: «Скорей бы кончилась война» и резкою похотью к земле, к материальному благу. Когда я говорил им, ссылаясь на воззвание 15 марта, в котором Messieurs de Soviet призвали весь мир поцеловаться на радости, что в России — республика (документ, который займет на календаре место в истории русского идиотизма) — что войну нельзя кончить с бухты-барухты, ибо немцы не желают слушать наши мирные предложения, они сочувственно кивали головами, но — *думали свое*. И я чувствовал, что 1) не знаю языка, на коем следует с ними говорить; 2) что они — люди иной породы, не из *моей* России; 3) меня *очень* не любят. А еще чувствовал, что и я их *совсем не люблю*. Но все это еще пока под спудом, хотя иногда бывают срывчики. Так, когда нашу партию уже отпускали из госпиталя после осмотра, выступил какой-то член какого-то комитета и заявил: «Товарищи! Здесь, в госпитале, доктора нехорошие, *слишком много солдат признали годными*. Поэтому, когда придете в части, жалуйтесь своим комитетам,

чтобы этих докторов отсюда убрали на фронт, а сюда прислали бы других». Такое заявление привело в полную ярость моего соседа-интеллигента. Говорил он вообще так благородно и в таком правом стиле, что я его счел за кадета. Оказался, к моему удивлению, с.-р. Впрочем, надо признаться, сейчас таких с.-р. немало. Другой срывчик: уже заметно некоторое расстройство, перебой организации. Например, солдат, долженствующий сопровождать нашу партию к воинскому начальнику, видя, что дело слишком затягивается, просто ушел, бросив толпу растерянных, в большинстве случаев не знающих Москвы солдат, посреди площади (сверх того — полою водою затопило все прилегающие к госпиталю переулки, и эти несчастные, которых я и с.-р. тщетно пытались привести в порядок, так и остались в недоумении посреди лужи). Мы же с с.-ром направились к воинскому самостоятельно, через Дворцовый сад, в котором встретили спокойно прогуливавшегося провожатого нашего. На наше негодование: «Что же ты, черт тебя заberi, не ведешь партию?» — он равнодушно ответил: «А ну ее к дьяволу! Не велико золото. Если и пропадут, никто не заплачет».

К началу Страстной все московские дела были закончены, и следовало ехать в Питер. Но тут-то и начались мучения. Когда в понедельник я пришел на Николаевский вокзал, носильщик мне заявил: «Вряд ли, барин, уедете» — «А что, публики много?» — «Да нет. Публики — вы первый, а вот товарищей — видимо-невидимо». Действительно, 5 дней я пытался уехать и должен был отказаться от этих попыток из-за солдат, куда-то прущих в неимоверном количестве. Один весьма примечательный момент: в среду, на Страстной, я хотел уехать с Ярославского вокзала, взял билет *via* Рыбинск и вышел на платформу. То, что я увидел, — было потрясающе: все три перрона, длинными лапами протянутые от вокзала чуть ли не на 1/2 версты, серели и кишели сплошной массой шинелей. Когда я вышел на платформу, почему-то это скопище все глядело в мою сторону (поезд, что ли, подходил), и я вдруг увидел множество глаз, стеклянных и лишенных присутствия какой бы то ни было мысли. Это было поразительно: мгновенное острое пронзило меня впечатление — кишашей каши скаластных рож, вздернутых носов, низких лбов, и неопровержимо я почувствовал бесконечную, всецелую отчужденность от этого темного, бессмысленного множества, ощутил: «Вот они, варвары, грядущие разрушать мой дом, все, что я люблю», — мне вообще трудно определить мои ощущения, но это, несомненно, был какой-то поворотный пункт; я понял, что ненавижу и презираю *то, что случилось* и чему я сам так радовался доселе, несмотря

на некоторые неудовольствия. Я догадался, что не случайные отступления портят революцию, но что для меня революция порочна в самой своей основе, и то, что мне не нравится, — ее естественное, неизбежное состояние. /.../

Революционный анекдот: оказывается, в день променада 12 марта Владимир Дуров⁹ не только возил по улицам куклы Распутина и Протопопова, что запечатлено даже в «Искре», но и водил слона. Причем на слоне была алая попона с золотой вышитой надписью: «В борьбе обрешь ты право свое». Господи! Даже слоны вступают в партию социалистов-революционеров.

Уехал я из Москвы лишь благодаря счастливой случайности: встретил Ивана Алексеевича Бунина, у которого оказалось двухместное купе в «международном», и он любезно мне предложил 2-е место (международные пока забронированы от солдатки). Дорога была в высшей степени приятная: Иван Алексеевич говорил очень интересно, выпукло, красочно, умно. Блестящая характеристика Андреева: «Почти гениальный гимназист». Очень интересные наблюдения над крестьянским отношением к войне: «С первого дня они у нас, в Орловской, смотрели на войну с нескрываемым отвращением и мечтали лишь о мире». На будущее И.А. смотрит страшно мрачно: зная превосходно мужика, он говорит, что теперешнее подхалимство перед ним приведет к самым пагубным последствиям: голова закружится, если уже не закружилась, — и пронсуются все басы жадности, зависти, ненависти, коих в нашем боносце — легион. Очень недоволен И.А. Горьким — вообще, и в частности тем, что он помянул имя И.А. в списках сотрудников «Новой жизни»¹⁰ (она должна выйти через несколько дней): «При чем я в этой архаровской синагоге?»

12 апреля

Присматриваясь к Петербургу, я нахожу в нем значительную разницу с Москвою: в Москве тоже много робости, нерешительности перед революцией, тоже люди смеют лишь наполовину высказываться и даже наполовину думать. Но в Питере эта робость доведена до крайних пределов. В Москве все-таки чувствуется критический дух в отношении революции, в Питере — столько оговорок, что его совсем не заметно: все настойчиво твердят, что счастливы, как бы стараясь позабыть о чем-то главном — что есть *несчастье*; господствует дух умиления перед революцией — по существу уже неверный, фальшивый (хотя недавно еще был он — истинной правдой). Это очень заметно по папе: по существу, он вполне согласен с тем неприятием революции, какое есть у

меня, по существу, его глубокое патриотическое чувство угнетено безмерно безобразием происходящего, но как часто его, если не пугает, то кажется [ему] слишком смелым безоговорочность моего отрицания революции. Он понимает, что я отнюдь не реакционер, желающий возврата к старому, что я лишь не приемлю нового, ибо оно — нестерпимо погано, — и все-таки ему не по себе, когда я атакую фетиши революции. Это понятно: слишком долго жила в нем мечта о революции, как светлом сне возрождения — и вдруг, вместо светлого сна — нечестие и развал. Не хочет верить, хочет спорить, в душе какое-то *quand même**. В «Русской воле» неурядицы. Очень обострены отношения папы с Андреевым и с Гаккебушем. Почти ежедневно у нас проходят совещания «папиной партии» — Тан, Ашешов, Адрианов. Сегодня Тан, между прочим, произнес недурное *mot***. Говорили что-то о запрещении газет. Я заметил: «Ну, это дела недалекого прошлого!» — «Или близкого будущего», — ответил Тан. /.../

14 апреля

У меня большая радость — я нашел полное созвучие в человеке, который мне сразу, при первой встрече, страшно понравился. Это — Виктор Севский. Сегодня он у нас завтракал, и мы все время осторожно друг друга щупали, испытывая... И вдруг какая-то незначительная фраза, и мгновенно сделалось ясно: он — единомышленник, друг, свой... Он так же, как я, *не приемлет* революции... Часа три просидели мы, изливаясь в горьких жалобах. За обедом был Герман Александрович Лопатин. С глубоким комизмом рассказывал, как его, в числе других шлиссельбуржцев, чествовали на вечере волынцев. — «Я полагал, нас посадят куда-нибудь в уголок, а они — вдруг ведут в царскую ложу. Публика заметила нас: — у-у! — вопит от восторга. Срам один! Терпеть я этого не могу! А тут еще посетители с поздравлениями: иностранные послы, Милюков во фраке, министры. Хуже всего — Керенский. Речь начал, и вдруг как схватит за руки Веру Фигнер и меня, и этакою тройкой — сам коренник, мы пристяжные — вскачь к барьеру! Я испугался, думал — так и перемахнем вниз, а он орет: "Вот они — творцы нашей свободы!" А публика: — у-у!» /.../

* хоть что-нибудь (*фр.*).

** словцо (*фр.*).

15 апреля

Был на журфиксе у барона Н.В.Дризена. Довольно скучно. Профессор Рейснер читал доклад о том, что революция принесет расцвет искусству. Доклад, словно кулебяка рисом, начинен цитатами, от Платона до «Известий рабочих и солдатских депутатов». Очень противный сладкий тон. Прений я не слушал; первым говорил Сологуб, но мы с Аней торопились не опоздать к концу заседания Республиканского союза¹¹, не потому, что Союз нам был любопытен, но потому, что хотели вместе с нашими попасть в автомобиль и не тащиться на извозчике. Единственное, что было любопытно — Ларисса Рейснер. Она хорошенькая, изящные ноги, прекрасные ресницы, но чересчур ломается — «режется на что-то», как говорят в добром городе Одессе.

Из армии поступают известия самые тревожные: комитеты захватывают все больше и больше власти, солдаты распускаются. В Петербурге это распутство заметно все больше и больше: трамвай почти исключительно переполнен солдатней, которая без цели и без смысла катается взад и вперед, притом бесплатно, не давая возможности ездить публике. Невский невероятно загрязнен, всюду толкуются продавцы с лотками и бездельные солдаты. Вообще, зрелище препоганое. Шибздики, заменявшие городских, не в состоянии справиться с порядком. В результате — «самая свободная страна в мире» обогатилась новым замечательным явлением: «судом Линча». Вчера толпа разорвала двух воров; сегодня опять случай самосуда. Приятное известие одно: Америка вступила в войну. Быть может, это поможет скорее разорвать запутавшийся узел. Наши социалы, конечно, приписывают вступление Америки факту русской революции. Впрочем, они скоро и прохождение Венеры через диск Солнца объяснят радостью по поводу падения монархии. /.../

17 апреля

Все с большим и большим вниманием присматриваюсь к Герману Александровичу. Замечательный человек. Вот в ком нет ни капли той робости перед революцией, которая так явственна почти во всех. Резка, непреклонна его критика, и тем смелее, что он, конечно, в основе не может революции не сочувствовать: ведь всю жизнь отдал ей. Сейчас умеренность его взглядов поразительна: он высказывается за две палаты и решительно протестует против отчуждения земли без выкупа. Говорит: «Нужна аграрная реформа, а не аграрный грабеж». Лозунг «Без аннексий и кон-

трибуций!» называет бессмысленную фразу, уничтожающей всякое оправдание войны. /.../

18 апреля

Первомайские торжества. Я, конечно, не пошел: довольно с меня чепухи, красных флагов, звонких лозунгов и т.д. Вышел на улицу лишь под вечер, видел великолепный «делоне-бельвилль»¹², некогда принадлежавший императору, полный каких-то аховых физиономий из «торжествующего народа», а также группу людей, переполнившую меня чувством бескрайнего омерзения: это была толпа человек в 30 рабочих, самых обыкновенных мастеровых, но впереди шел типичный интеллигент «из народников»: косоворотка, соломенная шляпа, оловянные глаза, печально повисшие усы, узкий, высокий лоб, мочальная бородка — ходячее «Сейте разумное, доброе, вечное!» Он нес знамя и унылым голосом тянул: «Отречемся от старого мира», — тупо, с озлоблением, без малейшего подъема. Это был настоящий символ нашей пресловутой революции — такое яркое выражение ее всецелой мелкотравчатости, что меня затоснило и я снова почувствовал ненависть к «великой, бескровной, святой...» И почему она так нестерпимо бездарна? Вот 1 мая, ее праздник, почему же она, победительница, несущая свет миру, превращает свой праздник в гнетущую, несветимую скуку? Все заперто, словно на город напала чума, — кино, рестораны, театры, — нигде не то что повеселиться, — перекусить... Трамвы не ходят, так что ходи пешком по необъятному Питеру. Единственное развлечение — шляться в процессиях потных, грязных людей, уныло тянуть глупые песни на ворованные мотивы и слушать пошлые слова, блудливую ложь демагогов. Каким болваном надо быть, чтобы *это* считать праздником?

19 апреля

Вместе с Севским зашел к Илье Василевскому в «Журнал журналов». Илья находится в состоянии дикого транса, мечется по комнате (чуть по ошибке вместо чая из стакана не глотнул гуммиарабика из пузырька), вопит, что так дальше нельзя, интеллигенция должна сплотиться, чтобы дать отпор улице. Сплотиться, конечно, хорошо, но все-таки сплочение, рекомендуемое Ильей, какое-то странное: насколько я понял, его идеал газеты (он возобновляет «Свободные мысли») — полосатая зебра: чтоб рядом печатались статьи совершенно противоположного характера и, по возможности, друг друга облаивающие. Наглядный пример нали-

цо: Илья с восторгом ухватился за мою статью «Боги жаждут» и, одновременно, взял статью Я.Окунева, при обсуждении которой мы резко поругались (Севский потом смеялся, что я «ножницами едва не раскроил жиду брюхо»), так как статья эта — оправдание, если не призыв к дезертирству. Возвращаясь от Ильи, встретил наших, ехавших на заседание Республиканско-демократического Союза. Это учреждение, узнав о конфликте между отцом и «Русской волей», горячо стало на папину сторону, постановило отколоться от «Русской воли» и принять имя Республиканско-демократического Союза «Свободная Россия». Наши считают это большою победою, но я думаю, «Русская воля» даже не почешется. Велика важность, в самом деле, — какая-то кучка растерянных обывателей, не знающих, что им делать. Мало ли сейчас расплодилось совершенно нелепых союзов! Вчера я видел воззвание к «Осударям Новгородцам», в коем рекомендовали уроженцам Новгорода Великого, «меньшого брата» Пскова и Нового Торга объединиться с целью получения автономии для новгородских «пятин» и возвращения из Москвы вечевого колокола. Не знаю, что это — шутка или глупость? Пока единственный результат тот, что все эти союзы испакостили город своими плакатами: все стены облеплены прокламациями, желтыми бумажками, причем клеят совершенно не стесняясь, не обращая внимания на то, что этим портится архитектурная краса Питера; на великолепные колонны Конногвардейского бульвара жалко смотреть, так густо их мрамор заклеен революционным блудословием. Это, конечно, деталь, но именно в таких деталях — полное выявление «бескровной, великой, святой». Кстати, «великая» преподнесла новый сюрприз. Временное правительство с негодованием отвергло мысль, что оно не пустит в Россию пораженцев, и сейчас к нам жалуют Ленин со своею командою. *Они едут через Германию*, так как им союзники не дали визы. Всякое другое правительство мгновенно препроводило бы таких путешественников в места теплые. Но наши «бескровные», конечно, сие спокойно скушают, ибо такова воля Messieurs de Soviet. Больше: сегодня мне говорили, будто Милюков обратился с резкою нотою к Англии, требуя освобождения Троцкого, арестованного в Галифаксе, ибо его пораженческая деятельность ни с какой стороны не нравилась англичанам. Если дошли до этакой глупости, то... /.../

22 апреля

Господа, которых следовало бы, едва они появились в Турнео, как государственных изменников прямоком направить в Пет-

ропавловку, вместо достойной их дел каторги встречены почетным караулом и ослиным табуном «победоносного пролетариата», долго и подробно надрывавшего свои глотки в честь Ленина, завопившего: «Да здравствует гражданская война!» Вчера, возвращаясь с концерта, мы видели перед домом Кшесинской огромную толпу, на которую откуда-то кто-то навел яркий голубой луч прожектора, очевидно, чтоб этот позор был лучше виден. К счастью, Василий* шел полным ходом, и эта мерзость мелькнула перед нами, как скверный сон, мимолетно. Концерт, на котором мы были, устраивался Обществом оркестрантов и музыкально был великолепен — соединенные оркестры Мариинской, Народного дома и Музыкальной Драмы, под управлением Малько и Глазунова, великолепно исполнили «Воскресную увертюру», «Дубинушку», божественно пел Ершов — «Трепак» и арию из прокофьевского «Игрока». К сожалению, в большинстве, помимо вышесказанного, программа состояла из «песен свободы» разных народов. А.Мейчик своим бегемотьим голосом пропела что-то на еврейском жаргоне, Боссэ, за отсутствием у англичан «песен свободы» исполнил «It's a long, long way to Tipperary»**, причем аккомпанирующий Коутс громыхал так, словно не на рояли, а на целом оркестре... Какая-то девица пропищала сначала по-итальянски, затем по-русски «Si scorpon le tombe»***. В русском переводе «Va fuori d'Italia, va fuori, stranièr»****: «Пошел, иностранец, пошел же ты вон!» (потрясающе!). Петренко, вышедшая в венке, пестрой плахте и красных сапогах, спела: «Гой, не дивуйтесь, добрые люди!» Горький читал две сказки — одну явно пораженческую, вызвавшую даже протесты, другую — лукавую, двусмысленную, с чуть заметной издевкой над революцией; эта мне понравилась. Но самое плачевное было — речи, революционное блудословие, которое мешало слушать музыку. Вообще, по-моему, теперешнее обыкновение устраивать концерты «с участием артистов государственных театров, а также Совета министров» ниже другого дела, как между «Умиравшим лебедем» и «Куда, куда вы удалились?..» докладывать случайной публике «взгляд и нечто» насчет политических пертурбаций. Речи говорили Родичев, Милюков, которому устроили грандиозную овацию, вынесли из залы на руках, и Скобелев. Родичев и Милюков говорили умно, но чересчур содержательно, не без проклятой робости. Что же касается Скобелева — это просто

* Наш шофер.

** «Путь далек до Типперери» (*англ.*) — ирландская солдатская песня.

*** «И вот вскрываются могилы» (*итал.*) — первая строка итальянского гимна.

**** «Вон из Италии, вон, чужеземец» (*итал.*).

болван. Решил, что на концерте музыкантов надо говорить о музыке, и понес околесицу. Заявил, во-первых, что «гнет царского режима до сих пор не позволял русской музыке развиваться» (при этом сидевший за первым пультом Вальтер уронил голову на пюпитр, чтобы скрыть смех — перед таким вопиющим невежеством). Но «теперь, в свободной России, — пообещал Скобелев, — музыка расцветет, ибо почерпнет новые силы в единении с народом». Дальше пошла аллегория: эта лошадь с длинными ушами сравнил Россию с огромным оркестром, над которым властвовала палка ничтожного дирижера, но ныне мы низвергли дирижера и без палки грянем свободную симфонию. «Кто в лес, кто по дрова», — язвительно добавил сидевший рядом со мною В.В.Щербачев. И такую балду наша левая почитала лидером своим в Государственной Думе! Единственная речь, которую я ждал с интересом, была речь Керенского. До сих пор я никогда не видал его, но чувствовал к нему большую симпатию; казалось, именно тот человек, который сможет утишить всех, направить мятущуюся волю народную в русло свободно-гармонических форм. Должен признаться: полное разочарование. Конечно, он оратор Божьей милостью, несмотря на неприятный лающий тон речи. Но под техникою слова — пустота, мыльный пузырь. Говорил 15 минут и не сказал ничего. А уж совсем разочаровал меня его ответ на приветствие секретаря Союза музыкантов Чернявского. Чернявский с болью и негодованием говорил о все растущей изменнической агитации, о людях, которые пятнают светлый праздник освобождения призывами к братоубийству, и просил ответить — прекратит ли облеченная всей полнотою возможностей революционная власть это безобразие? В зале во время речи Чернявского поднялся шум: большевики протестовали. Но мы их живо уняли. Ответ Керенского был таков, что я мгновенно потерял к нему всякое уважение: «Стоя на страже свободы, мы никому не можем и не желаем мешать высказывать их взгляды». Двусмысленность этого ответа, однако, не помешала публике разразиться дикой овацией (Керенского тоже вынесли из зала на руках). Вид у публики огорчительный: серо, неряшливо, грязно, одеты кое-как; толпа, а не публика. В январе на «Севильском цирюльнике», устроенном светлейшей княгиней Голицыной, было куда красивее. Вообще, почему революция так уродлива, неэстетична, страдает такой водобоязнью?

23 апреля

Сидел сегодня в столовой и, трепеща от негодования, читал «Новую жизнь» — самое склизкое, поганое, что существовало

когда-либо в русской печати. Вдруг входит взволнованный папа: «Знаешь, Финляндский полк и рабочие сейчас окружили Мариинский дворец, требуют отставки Милюкова. Привел их этот сумасшедший Линде. Причина — нота о верности союзникам»¹³. Кинулся к телефону, соединился с Севским: действительно, в городе — безобразие, огромные толпы стремятся к дворцу, и ничто им не противопоставлено. В это время позвонил Владим. Влад. Щербачев. Спросил его — неужели в Петербурге нет ни одной воинской части, которая могла бы разогнать эту сволочь? Со свойственным ему политическим легкомыслием В.В. ответил: «Ишь, чего захотели! Конечно, нет». Позднее узнали: если бы и были — то ни к чему. Временное правительство, узнав, что идет толпа его свергать, *единогласно* постановило: ни в коем случае не прибегать к оружию. Находится немало идиотов, которые восхваляют эту глупость. Да что у нас в Мариинском дворце — власть, или толстовская колония, или общество методистов? Вообще, всеобщая робость перед улицей ужасна: юнкера не послушали Корнилова, приказавшего вывезти пушки на защиту правительства. И это сделали юнкера! Чего же ждать от солдатни!

Вечером, когда поехали в Союз, встретили на Литейном огромную толпу с плакатами: «Долой Милюкова!», «Долой империалистов!» Едва не задохся от гнева и отвращения. К счастью, позднее пришли более радостные известия: кто-то, придя в Союз, сообщил, что к Мариинскому дворцу сейчас подошло огромное множество народу, демонстрирующего за Милюкова. Это утешительно! Левые встречают отпор.

24 апреля

Вчерашние вечерние демонстрации несколько подбодрили правительство. Сегодня уже говорят: никакой отставки Милюкова и Гучкова не будет. Но большевики не сдаются: по слухам, будоражит Преображенский полк. В 6 вечера поехал с Аней в город. По дороге, на Марсовом поле видел группу людей, волочивших большое и, должно быть, тяжелое знамя с надписью «Вся власть Советам!» На Невском сновало множество народу. Но толпы, шествия не было. Везде кучки, оживленно спорящие. Вдруг какое-то движение: от Николаевского вокзала показалось шествие — впереди медленно плыл по воздуху огромный плакат с надписью: «Доверие Милюкову». Одновременно со стороны Адмиралтейства выехало несколько грузовиков, полных солдат, кричавших: «Да здравствует Временное правительство!» Их встретили с восторгом. Какой-то господин, седой и толстый, взволнованно

кричал: «Спасайте во второй раз!» Это были преображенцы и вольницы во главе с прапорщиком Кирпичниковым, первым поднявшим восстание в Волынском полку в феврале¹⁴. Они присоединились к шествию. В это время с Конюшенной вывернулась группа со знаменем «Вся власть Советам!» Вела она себя скромно, шла вдоль тротуара, так что сначала ее как будто не заметили. Но вдруг какой-то студент крикнул: «Господа! Как можно пускать сюда этих субъектов?» Мгновенно образовалась изрядная толпа, которая накинулась на группу. Сторонники Советов, видя свою малочисленность, предпочли ретироваться: свернули знамя и исчезли, яко были. Наше шествие, влившись в многотысячную толпу, спокойно прошло по Невскому, свернуло на Морскую и залило площадь перед Мариинским дворцом сплошной черной массой; впереди шествия в автомобиле ехал М.М.Винавер. На крики толпы из дворца вышел товарищ министра юстиции А.С.Зарудный, объявивший, что правительство сейчас заседает в Военном министерстве, и пригласивший шествие последовать туда, «так как, граждане, ваша поддержка сейчас очень необходима Временному правительству». Мы двинулись на Мойку. Подошли к министерству как раз в ту минуту, когда к подъезду подъехал на автомобиле Керенский. Его окружили с просьбою высказаться «по моменту». Он наотрез отказался, сослался на отсутствие голоса и болезнь. Это очень типично для его поведения в эти дни: он, всегда бывший впереди, теперь куда-то спрятался. Говорят, что его подпись на ноте союзникам сделана как-то сбоку, чтобы было незаметно... Нельзя сказать, чтоб это очень поднимало его в моих глазах. Демонстрация ожидала появления кого-нибудь из министров, но нам надо было торопиться домой, и мы ушли.

На Невском встретили Севского, который рассказал о «подвиге» ростовского репортера Балиева. Балиев, заметив толпу с красным флагом, так воспламенился, что ринулся на нее с кулаками, вырвал у знаменосца флаг и растоптал его ногами. Толпа ошалела на минутку, но потом опомнилась, и, вероятно, Балиеву пришлось бы плохо, если бы на выручку к нему не бросилось несколько студентов, за которыми последовала большая толпа гимназистов и офицеров. Произошла легкая свалка, «буржуи» разбились и обратили в бегство пролетариев. Драка была несерьезная, но совсем поздно на Невском разыгрались события более плачевные. Столкнувшиеся толпы обменялись выстрелами, есть убитые и раненые.

25 апреля

/.../ Вечером сегодня сидел у Н.Г.Смирнова с Севским и неким поручиком Масленниковым. Обсуждали необходимость создания боевой организации, которая бы активно, на западный манер, с барабанным боем, а при случае и со стрельбой, выступила бы против интернационализма, против Циммервальда, которым сейчас прожужжали все уши (кстати, «трудящиеся массы» убеждены, что Циммервальд — какой-то великий борец за «свободу народов»; в одном городке на демонстрации даже несли его изображение — приятного мужчину с черной бородой), — на защиту национализма. Но все это мечты. Что мы можем сделать, три молодых человека, без денег, без влияния? А «старшие» — дрейфят. Папа, когда я рассказал о нашем проекте, вполне его одобрил... и предложил «влиться в Республиканско-демократический Союз». Как будто это никчемное сборище старых дев и перепуганных обывателей может быть боевым! А ведь папа — гораздо смелее других! Воображаю, что запело [бы] большинство лидеров к.-д., если бы им предложили подобную организацию. А без такой организации — сломают нас социалы! Грызня «умеренных» с большевиками не должна обманывать: при всех «постольку-поскольку» «умеренные» столь же расположены съесть нас, как и большевики. Здесь спор «не о вере, а о мере» — под каким союзом мы окажемся вкуснее.

26 апреля

Сегодня уехал на два месяца в Ростов Севский. Очень жалко было с ним расставаться: мы так подружились. Днем — явление знатных иностранцев: за завтраком был князь Сципион Боргезе, славный своим знаменитым автомобильным пробегом Пекин—Париж. Так как этот пробег пересекал Россию, то итальянское правительство решило, что князь — лучший эксперт по русским делам, и послало его в Россию со специальной миссией. Князь, по натуре, — чудак и довольно взбалмошный барин (некогда, в 1912 году, его политическая деятельность в Риме наделала много шума тем, что никто в ней ничего не понимал: князь умудрился сразу связаться с клерикалами, масонами, крайними правыми и радикалами, к тому же объявив себя социалистом, что не помешало ему в парламенте сидеть на правом центре, среди либералов Саландра; его выступления в палате, очень частые, пока парламент ему не надоел, всегда вызывали невероятный шум своею неожиданностью; ни с партийной дисциплиной, ни с политическим обы-

чаем этот *enfant terrible* считаться не хотел, полагая единым критерием своего поведения свою собственную сеньерскую волю). Нашей революцией князь очень недоволен, полагает, что она — определенно пораженческая, бунт против войны. Мы его разуверили, но он не поддается: слишком убедительным был вчерашний и третьеводнишний гвалт. К Милюкову он, впрочем, относится без восторга: «Этот человек до того упоен, что он — министр, что, вероятно, даже не заметит, как у него стащат портфель». Единственным разумным выходом князь полагает *присылку на русский фронт крупных союзнических сил*. Говорит, что это необходимо для поддержки наших усталых войск, но сам, кажется, думает о другом: об унятии *Messieurs de Soviet*. (Кстати, этой опасности эсдурье побаивается, вчера «День» что-то пролепетал о том, что надо делать революцию умно, а иначе — «придут английские штыки»). Сознаюсь откровенно, ничего не имел бы против. Но, конечно, — и Боргезе сие подтверждает, — все это «воздушные замки». Посылка союзнических войск невозможна ни фактически, ни политически. Между прочим, как раздражает иностранцев лозунг «Без аннексий и контрибуций!» Боргезе с пеною у рта говорит об этой глупости.

Вечером состоялось первое собрание редакционного коллектива «Бича» — мне очень понравился поэт Д'Актиль, который, когда обсуждали, в каком виде представить Совдеп, сказал: «Помоему, в образе маскированного хама». И очень не понравился Василий Князев, заявивший, что он желал бы «бичевать Милюкова и Гучкова», но, ввиду настроения редакционного коллектива, вынужден отказаться. Не понимаю, почему папе так нравится этот самовлюбленный плебей, надутый неврастеник, чуть ли не большевик и явный пораженец. Он, конечно, очень талантлив, но я уверен, что он — большой руки прохвост. Номер решили посвятить Временному правительству.

27 апреля

Посещения знатных иностранцев продолжают: сегодня влетела, впорхнула, внеслась княжна Сашка*. Шик — видимо-невидимо: шелка шуршат, ботинки высотой до носу и такого лака, что в них можно глядеться, как в зеркало, надушена так, что у меня после поцелуя руки весь день на губах было ощущение чего-то душистого... Разговор высоко-политический: вращается в сферах. Только и слышно: «Керенский сказал...», «Я сказала...», «Милю-

* А.П.Лебедева, дочь князя П.А.Кропоткина, известного анархиста.

ков заметил...», «Я отметила...» Причина приезда княжны Сашки следующая: князь Петр, несмотря на свой анархизм, весьма доволен оборотом, который принимает революция, и решил образовать некоторое содружество для ее спасения; приглашает в содружество папу. Любопытно одно замечание Александры Петровны. Говорили о гибели П.В.Карповича, утонувшего при переезде в Россию при катастрофе парохода, потопленного германской субмариной. А.П. сказала: «Особенно жалеть нечего. Одним пораженцем меньше!» Оказывается, Карпович, хотя открыто не выступал ни в печати, ни на собраниях, — занимал в военном вопросе позицию, близкую к Ленину. Впрочем, позиции теперь меняются довольно быстро: Е.Е.Колосов говорил, что Маруся Спиридонова, пока ехала из Сибири, была ярою оборонкою, и в Красноярске вместе с ним, Колосовым, здорово сражалась против большевиков на митинге железнодорожников. А сейчас видевшие ее говорят, она — совсем полоумная от излишней левизны и орет: долой войну! Впрочем, она — вообще глупая, и вся ее слава, в сущности, основана на том, что ее в жандармском выпороли и изнасиловали (несколько странный предлог для славы!). Причем никто уже не помнит, что она, собственно, сделала и за что ее постигла такая печальная участь. Один из тысячи еще скажет: «За убийство Луженовского». Но кто такой Луженовский и почему его надо было убить — этого не помнит ни одна живая душа. Другой пример перевертня — Розенфельд-Каменев, который в Иркутске сейчас же после освобождения провозглашал «ура!» Михаилу, а теперь ходит в большевиках¹⁵. /.../

28 апреля

/.../ Вчера на Лиговке я видел следующую сцену: шел солдат, крепкий, молодой парень, в изрядном подпитии; рядом с ним шла женщина, тоже молодая, по виду — или мешаночка, или проститутка из дешевеньких, но не баба; они как будто ссорились. И вдруг молодая женщина совершенно спокойно сняла с солдата ремень, сложила вдвое и со всей силы наотмашь принялась стегать. Солдат сопротивления не оказывал, а только ускорял шаги, что ему плохо удавалось, благодаря подпитию. Замечательное зрелище солдата, избиваемого женщиной, привлекло огромную толпу, которая, зубоскаля и издеваясь, образовала некоторую процессию, следовавшую за солдатом. Никто, решительно никто не стал на сторону солдата: наоборот, раздавались поощрительные возгласы: «Так его, девушка, шпарь! Пусть не шляется зря! Житья от них, окаянных, нету!» Вдохновленная поощрением,

девушка порола все с большим усердием, солдат только рукою отмахивался, пока они не дошли до какой-то подворотни, куда и скрылись. Черт знает что! И эдакое происходит среди бела дня, в столице — с представителем армии! /.../

30 апреля

Сборище у Ильи Василевского насчет телеграммы Родзянке. Ничего не вышло. Принцип «полосатой зебры», проводимый Ильєю, привел к тому, что все дело ограничилось тремя часами спора. «Правых» было большинство: сам Илья, Венский, Мирский, Д'Актиль, Пильский, какой-то бородатый еврей, мне не знакомый, и я. Левых: Бухов, Зозуля, Эм. Герман, Волин. Но так как такой вопрос, конечно, нельзя было решать по большинству голосов — то решили от посылки телеграммы отказаться. Бухов был крайне корректен, изысканно со мною любезен (я, таким образом, «лидерствовал» среди правой, заявив, что пора поднять голос против того разврата, который сейчас торжествует в политике, в быте, во всем; при этом Венский буркнул: «Да, хмят достаточно!»), но не шел ни на какие компромиссы. Эта левизна Бухова является причиной довольно странного явления — «полосатости» «Сатирикона»: они с Аверченко (который настроен твердо и непреклонно) редактируют номера по очереди, и вот появляется один номер правый, другой — левый, потом опять правый, и так ad infinitum*. /.../

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

(в период 1 мая — 17 июня 1917 года я прекратил ведение правильного дневника и делал лишь отрывочные записи)

Вышел 1-й номер «Бича». Успех бешеный. Непреклонный, резкий тон выгодно отличает нас от вялости «полосатого» «Сатирикона» (кстати, Аверченко, коему, видимо, надоела его «коалиция» в журнале, совместно с Линским организовал небольшой журналчик «Барабан», тона определенного¹⁶). Острота Д'Актиля, напечатанная в «Биче», что Николай II возбудил перед Временным правительством ходатайство о переименовании его в «Романкеса», вызывает всеобщий смех. Вообще, история с ходатайством Нахамкеса на Высочайшее имя о переименовании в Стеклова, погубила эту гадину (как ни старались социалы всех оттенков затушить дело)¹⁷. Быть может, если бы фамилия этого господина

* До бесконечности (лат.).

не была так гнусна, это не произвело бы такого впечатления. Но Нахамкес, разрушающий приказом №1 русскую армию, — это слышком. «Тут что-то и от нахала, и от хама», — сказал недавно бывший у нас Бальмонт. /.../

Характерная особенность петербургских улиц сейчас — митинги, длящиеся иногда круглые сутки, благо — тепло и стоят белые ночи. Вчера я бродил до 3 ч. утра у нас, по Каменноостровскому и Большому. Впечатление ужасное: во-первых, большинство агитаторов до крайности подозрительны, почти несомненно они — германские шпионы; у многих заметен странный акцент, и то, что они говорят, столь явно идет на пользу неприятелю, что трудно увидеть здесь простую случайность. Построение их речи очень просто: они, подлаживаясь к толпе демагогическим обличением буржуазии, очень ловко переводят вопрос на то, что войны не надо, война, дескать, нужна лишь «образованным и господам», чтобы отвлечь народ от земли. Один из агитаторов, высокий, черный, мрачный, стоя на трибуне, все время повторял, тупо долбил одну фразу: «Нам не надо образованных — (и ударение на втором а) — нам не надо образованных, мы сами будем образованные...» Другой, когда я спросил его: «Вы русский?», вдруг страшно заволновался и полез за паспортом, тревожно повторяя: «Я самый настоящий русский, я самый настоящий русский!» Паспорта я смотреть, конечно, не стал. Мирский, бывший со мною, утешается, что успех этих господ весьма проблематичен: толпа, в большинстве, не оказывает им особого сочувствия, очень часто из нее выскакивают оппоненты, и не только из интеллигенции, но и рабочие, солдаты, приказчики... Однако я не столь оптимистичен. Во-первых, заметно и внешнее агитаторам сочувствие, правда, не всеобщее: я сам слышал, как один мастеровой сказал: «Что вы мне толкуете про заем свободы¹⁸, это заем не свободы, а победы!» — причем слово «победа» он произнес с таким отвращением, словно победа несет ему немедленную гибель. Во-вторых: постепенно, медленно, в темной массе накопляется злобное чувство недоверия и растерянности, еще не забыты старые навыки, еще *страшно* всецело поддаться на дьявольскую лесть, но агитаторы сулят столько приятного, а их противники говорят вещи, отнюдь не сулящие веселого житья, — и темный мозг, еще не окончательно соблазненный, уже тронут сомнениями. Это явственно ощущается, когда говорит интеллигент, барин. Протестов, правда, почти не слышно — разве единичные. Но слушают-то хмуро, между ним и толпою — стена. В-третьих: эта праздность, это бесцельное шатание по улицам и постоянность блудсловия, вливаемого в уши, сама по себе величайший разврат,

создающий благоприятную почву для всякой мерзости. В массе ослаблены задерживающие центры; разболтанная, упоенная бестыдно демагогией социалистов всех оттенков, твердящих, что она — Хозяин, она находится в состоянии скрытой истерики и готова в бешеном припадке ринуться стадом за тем, кто посулит больше. Над большевиками недавно еще смеялись, но, кажется, этот смех прежде времени. «Умеренные» надеются на отрезвление народа, но, по-моему, это — категория «нетовая» /.../

Первый номер «Красного знамени» почти готов¹⁹. Вышло очень интересно. Но только странно заглавие, поставленное, чтобы сохранить традицию любимого папиного детища, оно — внутренне совершенно не соответствует содержанию. Журнал, конечно, не «красный», а патриотический. В одном я только не согласен с папою: он в восторге от пьесы Арефина, до сих пор бывшей под цензурным запретом²⁰. А по-моему — это тоска в чтении и будет невероятно тускло на театре. Пьеса, где все действующие лица — попы! Это же умереть, когда они появятся на подмостках и заговорят о камилавках! Великолепна папина статья — отклик на замечательную статью Изгоева. Папа почти всецело присоединяется к Александру Соломоновичу, хотя и оговаривается, что ему лично неприятен скептический в отношении революции тон Изгоева. Но общие выводы одинаковы (хотя Изгоев делает их сильнее): сейчас нет никакой контрреволюции, никакого монархизма, никто не желает возвращения бесславно павшего режима, но — нелепая политика левых, их потворство крайним лозунгам, их «laissez faire, laissez passer»* в отношении большевизма — создают почву, благоприятную для возникновения отрицательного отношения к революции. Оскорблено национальное чувство, и революция начинает отождествляться с позором России. Бальмонт позволил перепечатать несколько своих стихов из старого «Красного знамени». Но любопытно, что он убрал самые резкие: «Это не соответствует моему теперешнему настроению. Тогда я жаждал крови!» Сняты: «Есть такой болван...» и стихи, направленные против императора: Бальмонт не хочет, считает благородным нападать на низверженного. /.../

* попустительство (фр.).

Рене Маршан* повез меня и папу к Альберу Тома²¹. В приемной посольства встретили Мг. Плено, который о «Mg. le ministre» отзывался довольно кисло: вероятно, его крупно-капиталистическому сердцу этот социалист совсем не приятен. Тома пролил на меня впечатление смутное: очень выдержан, ловок, дипломат, с той европейской гладкостью, которая очаровывает, ничего не давая. Социалист в нем заметен так же, как в китайском императоре. О событиях он говорил в духе вежливого оптимизма, по-видимому, они его тревожат. Но, конечно, эта тревога всецело относится к тому, что вдруг мы перестанем сражаться и покинем *la belle France* на произвол судьбы. Насчет Совдепа Тома отозвался скорее сочувственно, говоря, что там «теория» начинает уступать место «сознанию действительности». Но, вместе с тем, не без беспокойства отметил «увлечение, иногда чрезмерное, западноевропейскими течениями». «Я, — прибавил Тома, — большой поклонник нашей западной культуры, но не знаю, возможно ли ее всецело применять к такой оригинальной стране, как ваше отечество». О Милюкове Тома отзывался с большим сожалением, что противоречит упорным слухам, что Тома, как социалист, изрядно руку приложил к интриге против «ставленника буржуазии». Впрочем, быть может, это была только дипломатия — ведь перед ним сидели противники социализма.

Все явственнее и явственнее сказываются плоды сентиментальной умиленности нашего «тишайшего князя»²². Уничтожив полицию в нелепо-интеллигентской уверенности, что «население само организует порядок», «тишайший князь-шляпа», с одной стороны, дал простор «полезной деятельности» мазуриков, а с другой — вынудил не верящее власти население прибегать к суду Линча. Изю всех концов страны несутся сведения об ужасающих самосудах, сопровождаемых нередко дикими зверствами. Особенно свирепа толпа в Петербурге, зачастую губящая невинных. Третьего дня едва не погиб Воля, сын г-жи Ал., живущей в нашем доме, мальчик лет 13-ти. Он, посланный матерью к одним знакомым, почему-то пошел в их дом по черной лестнице. Едва он успел подняться на несколько ступеней, как сверху стремглав сбегал какой-то человек, бросивший в угол что-то. Мальчик не обратил внимания и продолжал подниматься. Но через минуту на пло-

* Французский журналист, ныне коммунист, а в то время весьма право настроенный человек.

щадку из кухни выскочила какая-то кухарка, накинувшаяся на Волю с криком: «Стой! Стой!.. Ты украл поросенка?» Мгновенно из всех кухонь высыпали бабы, с угрозами накинувшиеся на мальчика. Тщетно он отнекивался, клялся, что никакого поросенка он не крал. Ему не верили, а когда к тому же в темном углу лестницы нашли криминального поросенка, то подняли нечеловеческий крик: «Подбросил! Подбросил!» На свое несчастье, Воля был очень просто одет — в солдатских высоких сапогах и простой рубашке, поэтому ему не поверили, когда он сказал, что пришел в гости к знакомым. «Врет! — кричали бабы. — Это совсем не господский мальчишка!» В довершение беды знакомых не оказалось дома, а прислуга, не зная Волю в лицо (он пришел к этим знакомым впервые), заявила, что никаких таких мальчишек у ее господ отродясь не бывало. Разъяренные бабы уже собирались волочить несчастного мальчика на улицу и «скликать народ», каковое действие, вероятно, кончилось бы зверским убийством. К счастью, одной горничной сделалось жалко насмерть перепуганного мальчика, и она стала уговаривать подруг отпустить его, только «поучив немножко». Бабы, поупрямившись, согласились, сердобольная горничная принесла плетку, Волю растянули на ступенях и жестоко выдрали. Это безобразие все-таки не кончилось, слава Богу, смертью. Но вчера же на Апраксином рынке вышел случай еще ужаснее. Какая-то баба подняла крик, что у нее вытащили деньги, обвиняя в этом стоявшего рядом с нею паренька — продавца папирос. Тот, струсив, кинулся наутек, но толпа его догнала, долго терзала и наконец швырнула в Фонтанку. Не прошло и получаса, как на рынок прибежала совершенно обезумевшая баба, крича, что зря загубили человеческую душу: деньги, которые она считала украденными, оказались забытыми ею на столе дома. Толпа пришла в великое негодование и, очевидно, для восстановления попранной справедливости, утопила в Фонтанке и бабу. Наша знаменитая милиция, конечно, ничего не делала. Да и что могут делать эти слабосильные уроды, которыми командуют жиденята из неустраившихся помощников присяжных поверенных?

Шофер автомобиля, в который хотел сесть Керенский, нагрубил и послал к черту министра. Керенский был весьма возмущен, но кто же посеял эти милые ягодки? Не надо было совать руку для пожатия сенатским курьерам, выявляя тем свой сугубый демократизм, не надо было подчеркивать плембу, что «я, дескать, — ваш брат, Исакий!»²³ Ведь, в сущности, ничего глупее и пош-

лее нельзя придумать, как это нарочитое популярничанье — вроде пространного объяснения прислуге Царскосельского дворца, что теперешние министры совсем не «высокопревосходительства», а просто «гг. министры» (Любопытно, что прислуга, выслушав керенские разъяснения, ответила: «Слушаем, Ваше высокопревосходительство»). Власть должна быть на пьедестале. А как только она смешивается с толпою, толпа начинает хамить. Нужно быть русским социалистом, чтобы не понять этого!

В провинции делается черт знает что! Мужички полегоньку начинают поपालивать усадьбы, но пока еще не без осторожности, хотя если Министерство земледелия, возглавляемое красавцем Витей²⁴, прекратит своей демагогии — «иллюминация» пойдет широкая. Гораздо хуже в городах. То там, то сям Совдепы пытаются захватить власть. В Кирсанове, Тамбовской губ., объявили... независимую республику во главе с каким-то лавочником. Эта дикая затея уже ликвидирована, не без пальбы, что дало повод «Новой жизни» патетически звонить о злодейских замыслах «буржуазии»: «В Кирсанове уже стреляли!» По-моему, однако, что только в Кирсанове! Вообще, всецело и всемерно присоединюсь к Д'Актилю, написавшему стихотворение, оканчивающееся:

Экстренно требуется молодой человек
На амплу Кавеньяка.

Папа не принял этого стихотворения, заявив, что это значит желать расстрела рабочим. Не понимаю этой робости перед «трудящимися массами»! Я давно ощущаю совершенно ясно и определенно четко: главный враг наш, хуже немцев, — именно эта разнузданная сволочь, проклятая мастеровщина.

Гораздо труднее ликвидировать дело в Царицыне, который всецело терроризирован босяками и совершенно разложившимся гарнизоном, руководимым двумя отвратительными демагогами — Ермаком и Мининым. Царицынские безобразия превышают все возможное: достаточно сказать, что солдаты там катаются на трамвае, выставив в окно задние лапы, а в парке нередко прогуливаются совершенно голые: «Таперя слобода!» Но самое ужасное — Кронштадт. Здесь, с первых дней революции, после зверского избиения офицерства, власть всецело захвачена матросней во главе с полусумасшедшим лейтенантом Ильиным, паршивым декадентом, которого лучше всего характеризует претенциозность его псевдонима: Раскольников, и жидом Рошалем. Ими арестова-

ны многие офицеры, безо всякого права и основания²⁵. Наше правительство совершенно бессильно против своеволия, конечно. Но бессилён также и Совдеп. Его послов — Чхеидзе, Гоца и Скобелева — в Кронштадте приняли, что называется, «в ножницы». И в результате, вместо усмирения бунтующей сволочи — нелепые компромиссы: дескать, ими арестованные будут судимы, но их надо сначала перевести в Петербург. Матросня сначала поверила, но так как арестованных по прибытии в Питер немедля освободили, то следующую партию они уже не выпустили — и снова началась сказка про белого бычка. Кстати, мотивировка одного ареста: «Арестован за то, что дурак»... Странно, почему же до сих пор ходят на свободе Центральный Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, редакция «Дела народа» и слишком многие прославленные ораторы современности?

Приехала из Москвы Наташа Мануйлова. Был у нее в министерстве. Она настроена печально и тревожно: «Кто знает, быть может, нам придется пережить захват власти чернью?» По ее рассказам, Александр Аполлонович* совершенно отчаялся в возможности что-либо сделать и как-то пассивно отдается течению вещей: он почти бессильно предпринять что-либо в своем ведомстве, его окончательно допекли разные Чарнолусские, под давлением коих сделана идиотская замена орфографии²⁶. Александр Аполлонович считает самым правильным уход в отставку, но Исполнительный комитет против разрыва коалиции, несмотря на явную ее бесполезность.

С.С.Прокофьев выступил с открытым письмом в газетах, в котором протестует против новой орфографии. Кто-то из ученых мужей иронически заметил: «Что-то до сих пор не протестовал ни один филолог, — а вот музыкант, личность некомпетентная, недоволен». Ответ Прокофьева блестящий: «Филологи не протестуют, потому что у них нет уха! Они не слышат, что "Ъ" звучит по-другому, чем "е". А я, как музыкант, это слышу». /.../

По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим —

* А.А.Мануйлов, министр народного просвещения.

Сим исчадьем Сатаны.
Широка натура русская,
Нашей прессы идеал,
Не влезает в формы узкие
Юридических начал.

Сегодня — блестящее доказательство справедливости этих язвительных алмазовских стихов. Некая почтенная дама принесла нам листки и бюллетени для выборов в районные думы. Всем, кроме, конечно, Лаурины²⁷. И вот, увидев, что Лаурина осталась без бюллетеня, дама очень заволновалась и решила куда-то бежать, чтобы раздобыть бумаги, позволяющие Лауре «выполнить гражданский долг». Мы успокаивали даму, говоря, что никаких тут недоразумений нет: Лаурина, как итальянская подданная, конечно, не имеет избирательских прав. Но дама упорно твердила: «Здесь какая-то ошибка! Ведь право-то теперь — всеобщее». Что же касается Лауры, последняя никак не могла взять в толк, чего от нее хотят. Я объяснил ей, что это — выборы в *municipiо*, к которым в России допускаются и женщины. Но увы! оказалось: Лаурина в первый раз в жизни слышит о том, что в *municipiо* избирают кого-то. И это после 50 лет народоправства и парламентского строя! Наши девушки тоже мало поняли насчет выборов, категорически заявив, что голосовать не пойдут! «Пусть уж товарищи *такими* делами занимаются». /.../

Два дня провел с Ваней Веревкиным, возвращавшимся из Финляндии в Москву: очень приятные дни. Ваня настроен оптимистичнее меня, надеется на Керенского, что тот в конце концов разгонит Совдепы. Думает также, что ему удастся подвинуть армию на наступление, а тогда, в случае победы, которая неизбежна, ибо положение сейчас такое, что окажи наша армия усилие — и немцы лопнут, — фью! как полетят социалистишки! Что касается «Декларации прав солдата» и комитетов, то Ваня полагает: сейчас без этого, к сожалению, нельзя, хотя, конечно, *это* — неслыханное нарушение самого понятия Армии. Но придет победа — и *это* отойдет естественным порядком. (Между прочим, когда мы ехали с Ваней на вокзал, на Литейном какой-то солдат отдал ему честь; по этому поводу Ваня сказал: «Вот вопрос, меня несколько не волнующий, быть может, потому, что мне самому гораздо больше приходилось отдавать честь, чем принимать ее»). На вокзале к нам присоединился Шура Мануйлов, которого я не видел с 1914 года. Он сообщил новость об уходе Коновалова из

кабинета, прибавив, что в министерских сферах, к коим Шура, конечно, приближен, сим ни капли не огорчены. Коновалов всех разочаровал: сначала левил, голосовал почти всегда с социалистами, а потом вдруг перепугался, растерялся, ринулся вправо. Сам Шура настроен сердито: «Кто как, а я — диктатурист!» Когда поезд отходил, Ваня не мог не сошкосьничать: высунувшись из окна, завопил ко мне:

— Вова, Вова, иди через Циммервальд к Третьему Интернационалу!

Разложение невоющего воинства вызвало новое явление: ударников — образуются отряды добровольцев, которые среди всеобщего отупения, братания и подлости хотят продолжать борьбу с немцами. Это, конечно, высокий героизм, но не думаю, чтобы очень полезный: добровольческими отрядами нельзя сражаться с могущественной армией — только зря погибнут лучшие силы, самые честные, энергичные люди, которые очень могли бы пригодиться внутри страны. Демократия весьма поощряет это движение, полагаю, не без задней мысли: хочется отвлечь внимание настоящих патриотов на внешний фронт от внутреннего безобразия... Единственное, что в этом движении полезно — это образование женского батальона. Не потому, чтобы сия армада могла принести какую-либо пользу на фронте, но как демонстрация, живой укор: вот, до чего дошла Россия, если бабам приходится браться за оружие! Впрочем, боюсь, что распутство нашей нации достигло уже таких пределов, когда никакие укоры не смутят ее бесстыжих глаз. Но пока с ударницами возятся. Ольга Львовна Керенская носится с Бочкаревой. Последняя, между прочим, выступала и в папином Союзе: видом она — настоящий фельдфебель, говорит басом, ко своим воительницам обращается на «ты», вне всяких «деклараций». Светланов как меньшевик счел своим долгом подрезбездать и в перерыве осведомился у нее, правда ли, что она таскает своих солдаток за косы? «Нет, не таскаю, — отрезала Бочкарева, — потому что они стриженные». Думаю, эта причина — единственная, и отнюдь не уверен, что в этом женском батальоне отсутствуют мордасы. Вид такой у Бочкаревой — мордасистый. Однако увлечение женскими батальонами огромное: из Москвы я получил 5 писем с вопросом: поступать или нет? Ответил: «Не поступайте, все равно ни Суворова, ни Юлия Цезаря из вас не получится». /.../

18 июня 1917 года

Отвратительный день: Messieurs de Soviet опять устроили променад, по несколько странной причине: открыт большевицкий заговор — произвести переворот и наградить нас великим счастьем в лице правительства Ленина—Зиновьева. Messieurs очень перепугались такой веселой перспективы, ринулись к казармам и заводам, забарабанили в 350 языков и уговорили «массы» не воставать. Чтобы массы не плакали и не скучали, решили сегодня пошляться по улицам с целью выявления единения пролетариата (хотя странное единение, если вчера чуть не подрались!). Я, конечно, на это игрище не пошел, только прогулялся по Каменно-островскому, видел, как какая-то сволочь тащила красную тряпку с надписью «Долой войну!» и еще какого-то черномазого жида на балконе дома Кшесинской (справедливость требует отметить, что жиду здорово свистели и кричали: «Немецкие деньги!»). Впечатление ужасное: что может быть гаже улицы, полной разнузданною, наглою, вонючею чернью! Под впечатлением дня написал стихи для «Бича»:

Ветер с моря воздух резко режет, —
В клочья рвет зеленый первый лист, —
Будоражит городскую нежить...
Вихри, гул, смятенье, шорох, свист...

Вот ползут, ползут змеєю гибкой
Сонмы нечисти, отравленной и злой,
И взлетает к небу — злостью липкой
Крик надорванный: «Долой! долой! долой!»

И, как будто дьявольское пламя,
Проструив по ветру красный шелк,
Там и тут о древко бьется знамя,
Смут грядущих осеняя полк.

Ни устоя нету, ни преграды
Для разнузданных, для немощных когорт.
Нынче пир: на стогах Петрограда
Правит бал болотный старый черт!

Рота черная сменяет с воплем роту,
Рота черная за ротою спешит, —
Сбросить хочет в древнее болото,
Волей Гения наложенный гранит.

Старый дьявол нынче торжествует,
Старый дьявол нынче тем и рад,
Над толпою пляшет и ликует,
Цепкой лапою схватил он Петроград.

И зовет на битву злое племя, —
Всех обиженных тяготами времен,
И в толпу бросает мщенья семя, —
Страстный вопль алеющих знамен.

Без конца ползет людская лава,
Но забыл Нечистый об одном:
Что на площади там Всадник величавый,
Весь исполненный и гневом, и стыдом.

Будет час. Воспрянет, вечно молод,
Грянет молнией рассчитанный удар, —
И спасет Он созданный Им Город
От злодейства дьяволовых чар.

Папа стихотворение одобрил, хотя и нашел в нем монархический привкус. К сожалению, не согласился на самую, по-моему, яркую и удачную строфу: «И как будто дьявольское пламя», сказав, что: «Не надо трогать красного знамени». Зато Д'Актиль и Мирский пришли в восторг именно от этой строфы.

19 июня

Неужели же счастье? Неужели же победа? Сегодня утром Володька, явившись из города, сообщил, что на Невском стоит огромная толпа народа, кричит «ура!» — будто бы разбиты немцы. Я немедленно после завтрака отправился в город. Сойдя с машины, повезшей Илларию Владимировну дальше, на углу Невского и Садовой я подошел к «Вечернему времени», где стояла общая возбужденная толпа. Как раз в момент, когда я подошел, в окне выставили новый плакат с известием о занятии нами г. Галича. Раздался взрыв аплодисментов. Какой-то офицер, широко расставя руки, иступленно закричал: «Ура! Да здравствует Россия!» Его дружно поддержали. В это время со стороны Николаевского вокзала показалась небольшая группа людей, кричавшая: «Граждане! Присоединяйтесь к нам!» Это шли алексеевцы. Скоро Невский наполнился оживленной, радостною толпою, которая двинулась к Мариинскому дворцу. Откуда-то появились оркестры. При повороте на Морскую с нами столкнулась другая толпа, над которой, рядом с красными тряпками, веяло трехцветное знамя. У меня даже сердце екнуло, радостно и тревожно, когда я увидел наш милый, забытый за пошлостью красных знамен, tricolor! В толпе весело говорили: «Смотрите, смотрите — национальный флаг!» К сожалению, так же, как и в апреле, правительство не сумело воспользоваться демонстрацией: к нам выслали какого-то товарища министра, который пролепетал нечто не-

вразумительное. Мы, впрочем, ему поаплодировали. О, бездарная эрвачка! [?]

21 июня

Messieurs de Soviets делают вид, что они очень обрадованы победой: послали армии привет, однако, не забыв промямлить насчет «демократического мира». Конечно, это лицемерие. Они прекрасно понимают, что победа — их конец, и в глубине души все разделяют чувства «Новой жизни», истерически вопящей: «Смотрите! Смотрите! На Невском появился трехцветный флаг!» Одним словом — совсем по остроте Женьки Венского: «Но как обнаглела буржуазия! Она смеет кричать: ”Да здравствует Россия!“»

Успех наш развивается: сегодня вечером получены новые телеграммы о захвате орудий и пленных. В «Би-ба-бо», где я был с Д’Актилем и Мирским, эту телеграмму читали со сцены под бешеные рукоплескания, оркестр грянул «Марсельезу», и было что-то глупое в том, что весть о *русской* победе мы слушали, стоя под чужой гимн. Снова (в который раз?) выявилась безнадежная бездарность революции, даже не создавшей своего гимна (впрочем, и французской революции гимн был дан роялистом и контрреволюционером). «Би-ба-бо» — театр приятный, хотя до «Летучей мыши» ему далеко, но много смешного (грузинская песенка «Вот идут из-за угла три взъерошенных козла...» и др). Смелы номера политические: «Домашний Совдеп», «Фауст по-революционному» и т.д. Зло, и бьет революции прямо в ее пьяную, поганую морду!

Были у Немировича на обеде. Гр. Е.С.Тизенгаузен рассказала смешной случай: ее швейцар после революции стал при встречах лезть к ней с лапою для рукопожатия. Графиня пожимала «честную трудовую руку», но одновременно перестала давать швейцару на чай. Одно из двух: или «честная рука», или «рупь-целковый»... Сие оказалось достаточным, чтоб швейцар мгновенно сократил демократичность и даже вспомнил о «Вашем сиятельстве». Василий Иванович²⁸ мотует*: уверяет, что в своем докладе, который он намерен читать в папином Союзе, будет призывать «схватиться за ножи и идти на улицу».

* Острит (от *фр.* le mot — острота, слово).

Приезд Зины Пешкова

Несколько дней тому назад Аня видела на Невском Зинку, но не поверила глазам своим: невозможно, чтоб он был в Петербурге и не дал знать нам. Но оказалось, Зинка действительно был в Питере, только проездом, прямо проскочив с французской миссией на фронт. Ныне же, вернувшись с фронта, первым делом примчался к нам, нагруженный подарками для дам — духами — и для детей. Для него как (хотя и недавнего, но всецело уже проникнутого воинским духом) офицера — Россия кажется нестерпимой: то, что сейчас существует на фронте, — не армия; солдаты разнузданны, офицеры запуганы настолько, что не решаются даже пользоваться последними остатками своего по инерции действующего авторитета. Например, следующий случай: Зина с одним полковником наблюдал проходившую часть: шли черт знает как, развалины, не солдаты. «Видите, видите!» — сокрушался полковник. «А вы бы попробовали им скомандовать», — посоветовал Зина. И что же, едва развалины услышали командный окрик, как моментально долгая привычка взяла свое: подтянулись, дали ногу, пошли весело. И если бы наверху поддержали бы офицерство, быть может, оно сумело бы овладеть положением. Но, к несчастью, верхи только способствуют разложению. Верховный — умный, хитрый эгоист, делающий карьеру на подхалимстве к Совдепу, так же, как некогда делал ее в дни своего знаменитого, бессильного и зря разрекламированного «прорыва», на подхалимстве к государю²⁹. Керенский — дребезжащий болтун, втайне боящийся офицерства, самовлюбленный, уверенный чуть ли не в том, что ему предстоит карьера Александра IV. Он очень популярен, но популярности этой грош цена: солдаты привыкли отождествлять его с той «слободой», которая губит армию. Керенский для солдата — знамя разложения, мира, унижения офицерства. И стоит солдату уразуметь, что Керенский все-таки хочет дисциплины и войны, — конец его популярности! Комиссары при армии — черт знает что: достаточно сказать, что в 12-й таковым состоит большевик Нахимсон. Для характеристики их любопытен следующий случай: один из них, встретясь на вокзале в Смоленске с Зиной, язвительно сказал, указывая на Владимира с мечами, пожалованного Зине Брусиловым: «Орден получили? Не понимаю, как вы, еще так недавно бывший близким к социалистам, можете носить эти империалистические побрякушки?» — «И, заметьте, гордиться ими», — ответил Зина. И это говорил представитель правительства! Ну в какой стране возможен такой чиновник, кроме нашего Дуракова царства, где сейчас цензом для

занятия видного поста считается пребывание на каторжных работах?

Восторженно отзывается Зина о Корнилове и, особенно, о командующем Юго-Западным фронтом генерале Деникине: это человек совершенно исключительный, как по широте политического кругозора, культурности, так и по военным дарованиям. Петербург удручает Зину до крайности. Особенно удручителен милый Зинин папаша (несмотря на все подлости и мерзости Алексея Максимовича, Зина продолжает питать к нему страстную любовь). Помимо «Новой Жизни», совершенно невыносимое окружение Горького — все эти Десницкие, Гиммеры и *tutti quanti** сволочи. На Зину они шипели змеями. Достаточно сказать, что Иван Вольнов даже не захотел с ним поздороваться, сказав: «Вы предались империализму, и я с вами больше не знаком». (В своих детских воспоминаниях Вольнов когда-то описывал, приблизительно на каждой странице по два раза, как его мальчишкою поролли; оказывается — мало, ума все равно не набрался). Да и «сам» хорош! Не угодно ли эдакий афоризм: «Я понимаю еще сражаться за Реймс: там собор есть. Но сражаться за Вятку? Что есть в Вятке?» — «Да хотя бы тоже собор, замечательнейшая постройка Витберга!» — ответил Зина. «Буревестник» несколько скис тогда.

Столкновение на редакционном заседании «Бича» с Князевым. Он вдруг поднял вопрос о возможности одновременного сотрудничества в «Биче» и «Маленькой газете», которая-де издается на монархические деньги. Метил, конечно, в Венского. Мы встретили заявление смехом. Венский заявил, что в «Маленькой газете» не только что монархических, но и вообще-то никаких денег нету: «Разве во сне их видим». Я не сдержался — очень уж возмутила меня эта выходка Князева — и сказал: «Вообще, я не вижу ничего особенно зазорного для лица, не отличающегося глубоким республиканизмом, — а наш милый Женя вряд ли очень добрый республиканец, — сотрудничать в газете, издающейся на монархические деньги. А вот писать в газете, издаваемой на немецкие деньги, — это действительно зазор!» Васька Князев вскочил с искаженным лицом: «Какая газета, по-вашему, издается на немецкие деньги?» — «"Правда", в которой вы сотрудничаете!» — «Это оскорбление! — завизжал он. — Я не могу оставаться здесь, в контрреволюционном гнезде! Я уйду!» Тут прорвало и папу: «Идите, Василий Васильевич, — сказал он, — но помните, что вы от честных людей уходите к предателям и негодьям!» Васька хлопнул дверью и вышел, ко всеобщему удовольствию; но, ко-

* Все до одного (*итал.*).

нечно, это все — одни штуки; сегодня он уже звонил, извинялся: еще бы, разве эта продажная тварь может лишиться сотни-другой рублей в неделю, набегающих ему в «Биче»?*

Страшное крушение на линии Елец — Валуйки. Причина — совершенно исключительная, неслыханная: солдаты, переполнявшие поезд, потребовали, чтобы их пустили на занятую шедшим навстречу поездом линию, крича: «Перед солдатом все должно сворачивать!» Результат: столкновение двух поездов и гибель многих людей. /.../

Звезда закатившаяся — это пресловутый матрос Баткин. Еще месяц назад гремел: очень уже поразительна была «черноморская делегация» по сравнению с гнусностью балтийцев. Но с тех пор большевики пробрались и на Черноморье, в две недели разложили флот, разыгралась знаменитая сцена с Колчаком, когда адмирал, в ответ на требование сдать оружие, выбросил кортик в море, — «делегация» потеряла всякое значение, а тут еще обнаружилось, что Баткин такой же матрос, как я — японский император, что он, в сущности, из «еврейского анекдота»: «Ми — партия Поалей Цион, ми — рабочие завода "Новый Кадухес", ми — сознательные боевые матросы...» Тип он, конечно, арапский: шляется по клубам, бросая на стол огромные деньги, едва ли не казенные. Но ни в уме, ни в ораторском даровании ему отказать нельзя: Керенский его сильно побаивается как соперника-демагога. Рассказывают про следующую историю: однажды на вокзале, перед отъездом на фронт, Керенский заявил ему, что «государственные интересы требуют-де, чтоб Баткин остался в Петербурге». Баткин понял и снагличал: «Господин министр! Мы ведь можем выступать *на разных* митингах!» Но Керенский тоже понял и категорически воспретил Баткину ехать на фронт, что не помешало сему красавцу все-таки забраться в поезд и выступить,

* Впоследствии, в большевицкий период, Василий Князев описал этот эпизод в «Красной газете», наврав с три короба, будто бы я запустил в него графном, а мой отец кричал и топал ногами: «Вон отсюда, мерзкий большевик!» Мне, заблаговременно выбравшемуся из советского рая, эта брехня была глубоко безразлична, но на моем отце, тогда находившемся в Петербурге, такой донос мог отразиться плачевно. Думаю, Князев именно и добивался (к счастью, неудачно) исхода плачевного. Что можно ожидать от человека, который на митингах вопиал:

— Товарищи! Мой сыночек, — (спекуляция своим ребенком — одна из отвратительнейших черт Князева), — мерзнет без одеяла, тогда как у буржуя такого-то (следовал точный адрес) одеяло есть! Товарищи, помогите вашему поэту, отберите у буржуя одеяло и отдайте мне!

очевидно назло премьеру, на одном митинге с последним, стяжав успех — большой³⁰.

/Господи, когда наконец российский интеллигент перестанет питать «левый страх»? Ну что, например, В.В.Щербачеву — социализм? А однако никак нельзя было уговорить его голосовать [за] к.-д. Сунул список №3. Маня пишет, что на городских выборах тоже почему-то голосовала за плехановцев. У нас папа не пошел на выборы; убежден, что лишь потому, что голосовать за социалистов не может, а за к.-д. не хочет. Думаю, эта трусость сильно способствовала головокружительной победе с.-ров на муниципальных выборах. Шутка ли сказать — в Москве 100 с лишним гласных, абсолютное большинство! И так всюду, кроме, почему-то, Рязани, где к.-д. очутились на первом месте. В общем, выборы достойны Дуракова царства. Достаточно сказать, что, благодаря солдатским голосам, во многих мелких городах в Думу не прошло ни одного местного человека. Вчера видел одного господина из Ельни Смоленской губ. На крик вопиет: «У нас теперь и городской голова — солдат, и управа — сплошь солдатня местного запасного батальона, в пять раз превышающего население крохотного городка. А что эти пришлые люди понимают в ельнинских делах?» (Я лично думаю, что они не только ельнинских дел, а вообще ничего не понимают). Протекли выборы безобразно — с насилиями, мерзостью (в Москве сильно помяли милейшего Л.В.Успенского, в Егорьевске — зверски убили к.-д. кандидата); никогда при старом режиме «среди царившего среди нас царизма», как говорит Венский, ничего подобного не случалось. Но социалисты сейчас как воды в рот набрали. Еще бы, ведь эти мерзости дали им возможность победить!/

Сегодня смешной случай: по улицам производился сбор в пользу Крестьянского Союза (эту манеру ходить с рукою — весьма приемлемую для благотворительных обществ, но пренебрежительно для политических организаций, завели с.-ры). Сборщики почему-то приглашали: «Жертвуйте в пользу *вашего* Крестьянского Союза!» На углу Большого и Каменноостровского какой-то красномордый солдатище разлетелся к молоденькой, изящно одетой барышне, и вдруг получил раздраженный и смелый ответ: «Почему ваш Союз *мой*, если я — потомственная дворянка?» Красная морда опешила, а я, восхитившись смелостью барышни,

подошел к ней и, извинившись, попросил разрешения поцеловать ручку. Она засмеялась и позволила. Затем мы с нею прошли два квартала, очень весело болтая. /.../

4 июля

Началось! Сволочь выступила. Вчерашний день был днем огромной тревоги, хотя, как кажется, пока «пролетариат» еще не победоносен. До вечера все было спокойно: разговаривали о сенсации дня — уходе к.-д. из министерства, не выдержавших глупой щедрости, с которой социалы пожаловали хохлам автономию или даже «хведерацию». Я всецело, конечно, на стороне ушедших, хотя вполне согласен с папой, что здесь есть элемент «ничтожества». Когда вчера утром папа мне сказал об этом «ничтожестве», я было взъерепенился, но когда папа объяснил, что, по его мнению, к.-д. надо было не уходить, а подготовить государственный переворот, — вполне с ним согласился. Часов в семь мы выехали из дому четвером: папа, Иллария Владимировна, я и Данилка. Они — в Музыкальную Дрaму на Бетховенский концерт, я — на Николаевский вокзал, отправлять в Ростов с кондуктором наши статьи. Доехали до Музыкальной Дрaмы совершенно благополучно, всю дорогу хохотали над сочиненной папой новой «Крокодилкой»:

По улицам ходила
Большая крокодила, —
Увидела Чернова
И взывала, как корова,
Она, она — догадлива была!
Увидев Нахамкеса,
Крестилась, как от беса,
Она, она — православная была!

На вокзале я, отправив пакет, остановился на подъезде, купил вечернюю «Биржевку» и только что хотел погрузиться в Пропперову мудрость, как ко мне подскочил перепуганный насмерть Николай с воплем:

— Владимир Александрович! Скорее, большевики отбирают автомобили!

Я оглянулся и тут только заметил невероятную сумятицу на площади. Машины, стоявшие у вокзала, с тревожными гудками улепетывали, кто на Лиговку, кто на Старый Невский. Большой «мерседес» у самого подъезда не успел удрать, и в него усаживалась, не обращая внимания на растерянные вопли шофера: «Да что же это, товарищи? Рабочего человека обижают — за что?» —

невеличке, але тепле компаньїца: два солдата с винтовками, типичные русские болваны с красными мордами и бессмысленно вытаращенными глазами (они сели в самый экипаж), тип в кожаной куртке, усевшийся за шофера, и поместившееся рядом с ним отвратительнейшее существо — худое, со вздернутым носом и мочальными патлами вместо волос, с глазами стеклянными и пьяными жуткой ненавистью, в черной широкополой шляпе — настоящий представитель той клоаки, что называлась русской эмиграцией, словно только что вырвавшийся из Cafe d'Harcourt или с женевской «Каружки». Наше счастье, что мы приехали на «Абрашке»*, а не на «оппеле»: из-за гнусного Абрашкиного вида большевики его не заметили, и мы могли улизнуть, конечно, не по Невскому, а в обход. Когда мы переехали Фонтанку около Летнего сада, Николай обернулся ко мне и с лицом, перекошенным от ужаса (в противность Василию, который не боится ни Бога, ни черта, а боится одну Лаурину, Николай почти лишен психологической категории, именуемой храбростью). Причина ужаса была ясна: по Марсову полю неся ошетилившийся штыками грузовик с красным знаменем «Долой 10 министров-капиталистов!» (Кстати, о десяти министрах: после ухода Коновалова «капиталистов» осталось девять, но не перешивать же знамена: компетентные в сем вопросе личности разъяснили: Керенский — тоже «капиталист»). Когда выехали на Троицкий мост, сердце мое екнуло: перед домом Кшесинской стояла огромная толпа. Ну, думаю, пропал «Абрашка»! К счастью, толпа занимала лишь сад и левую половину улицы, правая была свободна. Николай вихрем пронесся мимо, так что нас даже не заметили. На углу Большого и Каменноостровского встретили Аню и Лелю, садящихся на извозчика. Остановив Николая, я посоветовал им не ездить в театр. Они отнесли к моим советам крайне легкомысленно. Аня даже потребовала, чтобы Николай их отвез, на что тот, совсем перепуганный, ответил: «Что вы, барыня, да разве можно? Машину отберут, самого поколотят. И вы куда поедете? Лучше оставайтесь дома!» — «Ну, вот еще, пропускать Бетховена из-за каких-то глупостей! — ответила Аня. — Извозчик, поезжай!»

Дома у нас я застал полную суматоху: какие-то личности (очень преступные личности) явились «реквизировать» автомобили**. Но шофера, «хитрые, как мухи», вовремя что-то вынули из

* «Абрашкою» почему-то у нас в семье именовался маленький, но очень паршивый автомобиль, который подавался в случаях, если большой «оппель» бывал употребляем нашим шофером для других целей.

** При доме, в котором мы жили, на Песочной ул., был большой гараж, так как почти все жильцы обладали машинами.

машин и сделали их негодными. Зазевался лишь Азбелевский — и личности немедленно в оную машину уселись и с гуком выехали на Песочную, но уже на углу Аптекарского «погибоша, аки обри», наехав на фонарный столб — столб погнулся, автомобиль разбился (что печально), личности искровянили морды (что радостно).

Из-за суматохи было очень сложно уложить детей спать: при- бег к педагогическому приему, совершенно недопустимому, но безошибочному — дал им взятку шоколадом. Легли. Начал затем звонить по редакциям. В «Новом времени» мне сказали, что в городе неспокойно, происходят выступления; в «Речи» случайно подслушал доклад репортера Спиро: со страшным акцентом репортер сообщал, что в Гренадерском полку распространился слух, будто бы на фронте расстреляли двух дезертиров, гренадеры схватились за оружие и вышли на улицу. Часов в 10 вдруг поднялась страшная пулеметная трескотня; у нас по дому пошли зловещие слухи, будто бы рабочие с Петербургской и Выборгской двинулись в город и на мостах встретили правительственные войска. Страшно беспокоясь за наших, начал телефонировать в Музыкальную Драмму, прося предупредить их, что автомобиля не будет и в городе неспокойно. Очень любезно обещали, на всякий случай попросили описать наружность: седой господин в черном, пожилая дама, две молодые дамы в белом и мальчик в солдатской гимнастерке и высокие сапогах. Но не исполнили. Наши пришли только к часу, никем не предупрежденные о моих звонках прошли пешком через весь город. Никаких мятежников, никаких правительственных войск не видели: только толпы растерянных обывателей, испуганно шарахающихся от непонятных выстрелов.

Сегодня утром продолжается та же чепуха: пальба такая, что, можно подумать, во всем городе идет кровопролитная резня, а на деле никаких боев нет. «Куда же стреляют?» — спросил я позвонившего во время завтрака Вл. Вл. [Щербачева] — «В планетную систему!» Правительство, усеченное и растерянное, сидит в Зимнем дворце, его никто не защищает, но никто на него и не нападает. Керенского нет — еще вчера укатил на фронт: по-моему, эти исчезновения в самые трудные минуты в высшей степени странны. За ним гнались большевики с плакатом «Долой Александра Кровавого!» (с какой стороны эта божья коровка кровава — сие есть тайна нашей крайней левой), но он успел улепетнуть. Совдеп, не менее растерянный, окружен толпой, которая сама не знает, чего хочет, и орет, как полоумная. Чернов произнес демагогическую речь самого гнусного содержания, заявив по поводу ухода к.-д.: «Скатертью дорога!»

Неприятное известие: сейчас звонил Смирнов. Он из окна своего министерства видел, как высадились кронштадтцы. Это плохо: эти ребята, пожалуй, внесут некий порядок в восстание.

5 июля

Нелепость продолжается: улицы полны бунтующими толпами, но, к счастью, напуганными, робкими, которые кидаются врассыпную от первого выстрела. Причем выстрелы производят обычно они сами. Сейчас явился с Невского репортер Поливанов, «раненый»: когда началась непонятная стрельба, публика в ужасе пала на мостовую и какая-то барышня заехала французским каблуком Поливанову прямо в переносицу. К несчастью, далеко не все раны так невинны: Поливанов видел, как везли нескольких несчастных, истекавших кровью. Говорят, есть и убитые. Трусость толпы поразительна. Сейчас звонил Д'Актиль и рассказывал, что вчера целая рота, шедшая по Невскому, от случайного выстрела кинулась, как баранье стадо, в подворотню дома, где помещается редакция «Свободных мыслей», причем кто-то случайно ткнул штыком стоявшую во дворе лошадь Ильи Василевского. Лошадь заклеили пластырем, и, к великому возмущению Д'Актиля, эта толстая свинья Василевский все-таки поехал на несчастном животном к себе на Новую Деревню, хотя кучер и протестовал. В общем, если бы нашелся настоящий человек, Петербург можно было бы успокоить в один час, одною ротою. Но беда, что нет человека. Половцев — шляпа, слушающаяся Временного правительства, а Временное правительство, или, вернее, вьон Некрасов, занимается телефонными разговорами с Совдепом, который совершенно потерял голову — ни туды Микита, ни сюды Микита. Его сегодня едва не разогнали кронштадтцы, ворвавшиеся в Таврический и разодравшие ризы на Чернове. Красавца Витю спас Троцкий, возопивший: «Матросы! Краса и гордость русской революции! Кто здесь за насилие?» А жаль все-таки, что в суматохе Витю не прикокнули.

6 июля

Слава Богу, позор кончается! Спас дело Переверзев. В ночь на сегодня он представил представителям гарнизона *документальные данные о подкупе большевиков немцами*, и возмущенные солдаты решили выступить против большевиков. Уже вчера казаки без труда (хотя, к сожалению, с ранеными и убитыми) рассеяли нестройную толпу на Миллионной и на Невском, а сейчас идет

быстрое усмирение восстания. Юнкера без боя заняли дом Кшесинской. Петропавловка, которой так боялись, что бабахнет по городу, сдалась без выстрела. Внушает опасение лишь Кронштадт. Молодец Переверзев. За это ему можно простить и дачу Дурново, и дом Кшесинской³¹.

7 июля

Кронштадт сдался и выдал Рошаля, Раскольников. Арестованы Троцкий, Луначарский. В Торнео, говорят, зацапали Коллонтайку. Но вместе с тем правительство не может и, главное, не хочет воспользоваться своей победой. Под давлением Совдепа, который сейчас занят одним: как бы спасти большевиков. В противовес правительственному следствию избрана какая-то совдепская следственная комиссия — все больше жида и один даже с именем *Крохмаль*. Левые газеты возмущаются «нарушением неприкосновенности членов Совета», выразившимся в аресте большевиков (это уже сухая нелепица — вообразили, что они и в самом деле «парламент»!). Ленин и Зиновьев скрылись, найти их не могут и, боюсь, *не хотят*. Керенский страшно популярен. Его зовут «единственным человеком» и уповают, как на Бонапарта после Маренго. Но он ведет себя странно: зачем-то спас от ареста эту гадину Нахамкеса, по слухам, накинулся на Переверзева за разглашение документа, хотя именно Переверзев спас положение. В этом Керенскому усиленно помогает Некрасов, с озлобленностью ренегата выявляющий «левое лицо». /.../

/О, несчастнейшая из стран земных! Только что спаслись от измены в Петербурге — новое злодейство, новая измена: победоносное наступление превратилось в паническое бегство совершенно распущенной солдатни, которая позорно улепетывает от немецких разездов и «доблестно» грабит, насилует, убивает мирных жителей (ужасы еврейских погромов в Калише и Галиче превышают Кишинев). Положение так грозно и страшно, что даже Временное правительство услыхало отчаянный вопль Корнилова и Савинкова: вводится на фронте смертная казнь, убран лиса Брусилов, замененный непреклонным Корниловым. Боже, спаси Россию!/

А внутри России идет другой погром: демагогия Чернова и разжигание с.-ров сделали свое дело — вся страна пылает аграрными беспорядками, беспощадными, такими, каких не знали в 1905-1906 гг. В Рязанской губ. мужичье двигается целыми табо-

рами, словно татарская орда, оставляя за собой пепел помещичьих усадеб. В Симбирске зверски убит кн. Вяземский, один из культурнейших помещиков. Ужасны беспорядки в Тамбовской губ., этой «вотчине» красавца Вити, где он почему-то окружен почти божеским уважением. А в Питере эс-эришки уверяют, будто бы «революционная демократия» сдерживает эксцессы. А старая дура бабушка Брешко-Брешковская наивно говорит: «Не понимаю, почему все так возмущаются разгромами. Ведь помещиков же предупреждали, чтоб они уезжали из усадеб».

Оправдание красавца Вити Советом министров — сплошной позор. Что этот нахал не понимает, что нельзя оставаться в правительстве, когда тебя обвиняют в издании журнала, направленного против твоей Родины («На чужбине») и в прикосновенности к вооруженному грабежу, — это естественно: на то он и В.М.Чернов, самый наглый из наших, с позволения сказать, «деятелей». Но не может Кабинет считать достаточною «реабилитацией» постановление, сделанное в тесном кругу «своих людей», объявленное без разъяснений, даже без опровержений: просто: «наветы», «травля» и... перед всеми стоит гражданин, чище снега альпийских вершин!

Похороны казаков, павших 3—6 июля

Зрелище величественное и трогательное. Совдепу очень этого не хотелось. Возникла идея, по пошлости и мерзости вполне достойная социалистических голов, — устроить общие похороны «жертв 3—6 июля», то есть смешать павших за Родину с гнусною большевицкою падалью. Но казаки так дружно встали против этой профанации, что социалистам пришлось поджать хвосты. Шествие растянулось бесконечное: венков видимо-невидимо, части на этот раз подтянулись и шли великолепно. Мы смотрели из окон Союза. Первоначально предполагалось, что Союз в полном составе примет участие в процессии, со знаменем. Но от этого отказались, так как казаки решили не допускать знамен в шествие (и правильно: довольно этих красных лоскутьев!). Поэтому только Василий Иванович, как почетный председатель, украшенный Георгием³², поехал к Исакию на отпевание, и там отличился, (если не врет!), заявив во всеуслышание: «Ну уж и министры у нас. Один порядочный человек — Керенский, да и тот, по правде говоря, никуда не годится!» Поведение Керенского на похоронах было довольно странно: все время хотел показать, что главный тут — он, а не мертвецы. На углу Садовой устроил импровизированный смотр: пропустил мимо себя войска, здороваясь с ними (все это

не очень прилично). Красавец Витя кривлялся так, что это было противно. В соборе все время разыгрывал горе, а за гробом шел с таким трагическим видом, будто и впрямь убийство казаков его очень опечалило.

Новая жертва Совдепу. Каринского за его смелый доклад убрали³³. Не привлекай к суду за государственную измену «товарищей слева»! Мотивировка по обыкновению идиотская: «За разглашение данных предварительного следствия», хотя даже дураку понятно, что эти данные не имеет права разглашать лицо частное, а следователь может, если считает нужным, их опубликовать. Вообще, большевиков выгораживают: новый министр А.С.Зарудный, как говорят, «сторонник освобождения». Любопытно сравнить эту мягкость в отношении государственных изменников со строгостями по отношению к бывшим министрам, коих держат в Петропавловке без предъявления обвинений, в условиях таких, какие не снились никакому царскому режиму. А между тем еще недавно у нас один из членов следственной комиссии говорил, хватаясь за голову: «Но ведь они ни в чем не виноваты, кроме превышения власти, а превышение власти можно найти у любого должностного лица!» И тем не менее, ни в чем не повинных людей держат в крепости. Самая свободная страна, черт бы ее побрал!

Исключительные полномочия, возникшие после 3—6 июля, правительство с энергией, достойной лучшей участи, направляет исключительно на подавление «реакции». Перед Совдепом, перед Финляндией, перед хохлами — Керенский, как овца, но перед генералом Гурко или Вырубовой — молодец! герой! Закон о заграничной высылке пока применил: 1) к Гурко, придравшись к его частному письму к императору, в котором Гурко выражал свою личную преданность³⁴. На деле тут другое: Керенский сводит с Гурко личные счеты; 2) к Вырубовой, Манасевичу-Мануйлову и еще несколькими столь же опасным для государства личностям. Гурко удалось выехать. Но Вырубову и К^о в Гельсингфорсе или в Вихимяке задержала толпа матросни, которая потребовала, чтобы их вернули обратно, и правительство, столь властное в отношении к хромой женщине, позорно струсил перед пьяной бандой пиратов.

Императора увезли в Тобольск. Говорят, что это дело рук красавца Вити. Я не очень люблю царя, но поступок с ним, конечно, безобразие. Революция не сдержала своего честного слова — отпустить государя за границу³⁵. Впрочем, ведь «революция есть право на бесчестие». /.../

ДНЕВНИК. ПЕТЕРБУРГ
Октябрь 1917 — январь 1918

20 октября

Сегодня состоялось редакционное совещание «Вольности»³⁶, обсуждавшее конфликт папы с издательством. Говорили долго, все без толку, ибо устранить главную, хотя и потаенную причину конфликта мы не в силах: вся беда в том, что сейчас для казаков папа слишком дорог — понадеялись они на деньги Ярошинского, не взяли, когда давал, а теперь — не дает, и первоклассный редактор им сейчас не под силу: поэтому-то интриги Львова-Абашидзе, этого Янкеля при Тарасах Бульбах, имели успех. А все-таки жаль, что нет Севского: он сумел бы уладить это дело. Обсуждение наше прервалось внезапным появлением Леви, взволнованно сообщившего, что Совдеп постановил взять власть в свои руки и что образован Военно-революционный комитет. Конечно, редакционные дела сразу были забыты: все вскочили, заговорили. Познанский и Ашешов высказывались оптимистически: по их мнению, не исключена возможность, что повторится июль — восстание будет усмирено. Пильский смотрит мрачнее: слишком непопулярен Керенский среди тех, кто мог бы его защитить; даже люди, отнюдь не считающие, что захват власти Совдепом будет полезен как толчок к реакции, полагающие, что это слишком дорогая цена, не пойдут защищать эту бесстыдную политическую б...

21 октября

Пока все спокойно. Interview Троцкого немного напоминает щедринского волка: «Может быть, я тебя съем, а может быть, и — ха-ха! — и помилую!» Но все-таки, видимо, в Смольном не решаются жечь все мосты. Ах, если бы сейчас нашелся *настоящий* человек! Но, увы, *настоящий* сидит в Быхове, в тюрьме³⁷, а на истерическую дрянь из Зимнего никаких надежд. К тому же социалы крутят хвостом, Гоцлибердан «ведет переговоры»: слишком хочется этой сволочи «кабинета из 12-ти Пешехоновых»³⁸, слишком они ненавидят нас. А тем временем в Смольном наглекот: желания торговаться все меньше и меньше; зачем торговля, если

можно скушать и так? Однако выступление все еще под знаком вопроса. Многие надеются, что это — один шум, вроде как в опере: «Мы пойдем, мы убьем», а сами ни с места. В таком тоне, по крайней мере, высказался Миша Орлов, которого я встретил сегодня на Невском: он приехал с фронта и завтра уезжает в Москву.

23 октября

Отличилась наша революционная демократия! О, паршивые импотенты! О, квинтэссенция пошлости и мерзости! Болтуны, сволочь! Институтка из Зимнего прибежала в Предпарламент в полной истерике, граничащей с безумием. Вопила, что в городе готовится вооруженное восстание, и умоляла поддержать. Как ни гадок наш собственный Александр Македонский, но в данном случае его нельзя было не поддержать. И, тем не менее, поддержка пришла только с правой стороны, забывшей все гадости, все измены и предложившей резолюцию о полной поддержке Кабинета. Левые же предали свой же собственный Кабинет, приняв двусмысленную, уклончивую резолюцию. Правда, сейчас это вообще маловажно: по-моему, настали времена, когда вопрос решается пулеметной стрельбой, а не резолюциями, но в нашем блудсловном Отечестве всякая брань на ворота висит, и, натурально, отказ Предпарламента хорошенько обложить большевиков может способствовать намерению Троцкого нас скушать. О настроении институтки говорят разное: кто уверяет, что она в боевом пылу — «Voici le sabre! voici le sabre! voici le sabre de mon pe-e-ere!»*, — а кто — что совсем раскисла и, будто бы, уезжая из Маринского дворца, изрекла, приглашая кого-то в Зимний: «Поедем ко мне, в последний раз пообедаем с шампанским». Пока власть приняла единственное решение: развести мосты, чтобы мастеровщина и всякая сволочь Выборгской и Петербургской сторон не пробралась в город. Вследствие сего папа вынужден был остаться ночевать у нас.

25 октября

Не знаю, чем кончится все это. Верю и надеюсь — не надолго, через неделю — конец! Но в Питере — они победили! Зимний, осажденный ими, долго не продержится, тем более, что, как сейчас рассказал Греков, Совет Союза казачьих войск распорядился убрать донцев, защищавших дворец. По слухам, ушли также юнкера 1-й школы и павлоны³⁹. Трудно осуждать их за это: ведь

* «Вот шпага! вот шпага! вот шпага отца моего!» (*фр.*).

им пришлось бы сражаться за правительство, сделавшее все возможное для унижения, оплевания армии и казачества (всего несколько дней ведь, [как] казаков глупо оскорбили, запрета крестный ход), за власть фактически социалистическую, левую, лишь количественно, а не качественно отличную от большевиков. Но, вероятно, если бы в правительстве было наличие воли к борьбе, и юнкера, и казаки остались бы и дрались храбро. Однако правительство мгновенно впало в паралич: вчера оно пальцем не пошевелило, когда большевики занимали Государственный банк, почтамт, вокзалы, телефонную станцию; сегодня, правда, утром юнкера отбили телефон и даже взяли в плен броневик, но очень скоро станция была отбита большевиками обратно. Сейчас получено известие, что безо всякого труда мгновенно захвачен Главный штаб. Правительство без боя очистило все позиции и дало запереть себя в Зимнем, в надежде, что откуда-то придет помощь. Институтка, по слухам, улепетнула: то ли труса празднует, то ли помчалась в Ставку за подмогой. Но вряд ли подмога подоспеет. А между тем оказать решительное сопротивление большевикам вовсе не так трудно; как ни малы правительственные силы, но, собранные в кулак, они могли бы без труда рассеять неприятеля. Ведь у большевиков в полном смысле слова ничего нет; гарнизон в большинстве держит нейтралитет и сидит в казармах. Большевицкие отряды — банды всякой рвани. Правда, на помощь им приползла из Кронштадта «Аврора». Но велика ли ценность этой розовоперстой богини? Без офицеров, с плохо действующими машинами, она едва поворачивается и ее легко было бы мгновенно привести в христианскую веру несколькими удачными выстрелами береговой батареи. Вся беда в том, что некому собирать кулак. Те, кто может командовать в Зимнем, — Багратуни, Полковников, кн. Туманов — растеряны, бездеятельны. Те, кто хочет, — совсем не импонируют и ничего не понимают. Ну какой же полководец назначенный чем-то вроде диктатора Николай Михайлович Кишкин! Со шприцем для впрыскивания мышьяка я его очень представляю, но с пушкой???! Или — «военный генерал-губернатор Пальчинский»? Или, наконец, тоже получивший какую-то воинскую должность милейший Петр Моисеевич Рутенберг, который боится даже незаряженного пистолета? Ведь это же курам на смех, а тут хотят, чтобы за ними шли на смерть люди, ими непрерывно в течение 8-ми месяцев оскорбляемые в угоду как раз тем, кто сейчас осаждает Зимний. А насколько растеряны большевики и как, в сущности, нетрудно было бы с ними справиться, показывает то, что они до сих пор не арестовали ни одного из своих противников; захватили было, как пишут в газетах, «одно значитель-

ное лицо» — Прокоповича — и выпустили; захватили Грекова — и выпустили моментально, найдя на нем приказ казакам очистить площадь. Даже при разгоне Предпарламента (эта говорильня-блудильник смежила свои далеко не орлиные очи, не вызвав ни в ком сожаления), большевики преспокойно выпустили Милюкова, Алексева, Савинкова. Алексева матросня даже титуловала «Вашим Высокопревосходительством»!

26 октября

Кончено: власти в России больше нет; прервана историческая традиция трехсот лет, тянувшаяся с 1613 года: вчера ночью большевики захватили Зимний, министры арестованы. Этого следовало ожидать, но как тяжело, как грустно! Оплеванная, изгаженная — погибла мечта. О падении Зимнего я узнал лишь сегодня утром. Вчера вечером мы, с ночевавшим у нас папой, отправились в «Вольность», сидели там до выпуска. За это время шел непрерывный телефонный звон: звонил Рутенберг, что не может выбраться из дворца и приехать к нам ночевать, как условились утром; звонила Иллария Владимировна, говоря, что на Песочной у них слышна сильная пальба и артиллерийские выстрелы (это палила «Аврора», свалившая решетку дворца). У нас в типографии на Лиговке пальбы не было слышно. Часов в 12 ворвалась в редакцию «борода»* и Михаил Шрейдер, сообщившие, что Городская дума постановила «умереть с Временным правительством»⁴⁰ и в полном составе двинулась к дворцу. (Сегодня выяснилось, что это торжественное шествие, затеянное, конечно, с.-рами, дойдя до арки Главного штаба, встретило обещание дать ему по шее и повернуло вспять, убоявшись пулемета). Около 2-х часов, когда номер был готов, мы с папой ушли из типографии. Перед уходом телефонировал в «Речь» и узнал, что *Зимний не отвечает*, хотя известий о падении его еще не было. На улицах было совершенно тихо — выстрелов не слышно, зловещий мокрый туман, проклятая петербургская мжичка висела в воздухе, и было как-то странно, жутко, неприятно. Изредка проносились автомобили, быть может, самые обыкновенные, мирные, но казались они злыми, враждебными.

Сегодняшний день убил меня своей обыкновенностью. Придя в 11 ч. в редакцию, узнал о большом и страшном: о пленении правительства, о ночной резне в коридорах Зимнего, о неистовствах

* Некто г.Бреннер, прозванный так в нашей семье за необыкновенно длинную рыжую бороду.

над пленными (юнкеров почему-то пощадили и дали им возможность разбежаться, но, как говорят, над девушками женского батальона проделали невероятные мерзости и подлости). А на улицах все было *каждодневное, как будто ничего не случилось*: позвонившая бегал трамвай, увешанный, как всегда, «гроздьями висельников», по тротуарной слякоти Невского, как всегда, высокими сапожками и ботинками выступали подкрашенные дамы, дела встречным мужчинам «глаз» — томно и ласково. Над Думою болтался большой плакат: «Вся власть Учредительному Собранию!», да у Полицейского моста виднелись остатки уже разобранной, уже ненужной баррикады — вот и все новое. А в остальном — как всегда. Я прошел весь Невский, дошел до Дворцовой площади, видел здание Зимнего, истыканное пулями, словно в оспе, поваленную решетку, пули, застрявшие в чугунном узоре ограды Александрийского столпа. На площади стояла большая толпа. Настроение у нее было смелое, отнюдь не подавленное. Издевались над неумением большевиков стрелять, открыто говорили, что «это ненадолго». Когда появился газетчик с вечерними газетами, в которых были глухие известия о каких-то столкновениях в Москве, вспыхнула настоящая радость: «Москва не позволит! Да и провинция тоже вряд ли одобрит такое безобразие! Фронт! Казаки!» И было ясно: переворот не испугал никого, контрреволюционная энергия, накопленная бесстыдно политикою Керенского, по-прежнему ищет форм, чтобы отлиться в протест, в движение, в акт. И вчерашние победители прекрасно сие сознают: несмотря на легкость своего успеха, они ему как будто не верят, как будто сконфужены. По крайней мере, бродя по городу, я не заметил ни малейшего их признака. Даже дворец как будто никем не охраняется. Но кто сможет оформить эту антиреволюционную энергию? /Нужен Человек, а наш Человек заточен в Быхове. О, гнусь и подлость проклятой девчонки во френче, социал-кокаиниста!/

28 октября

Сегодня утром папа уехал от нас: мосты наконец навели. Два последних дня у нас была форменная ночлежка: помимо папы, приюта попросил поручик Верцинский, один из адъютантов Верховского, явившийся к нам с рекомендательным письмом Наташи Мануйловой (она успела заблаговременно выехать из Зимнего, прямо на вокзал и в Москву). Поручик — очень сдержанный, вежливый и приятный человек, производит, как все, близкие к Верховскому, впечатление двойственное: по взглядам, по всему —

совсем наш, а вместе с тем горячо защищает «Александра Ивановича», который-де патриот и совсем не социалист. Здорово, должно быть, этот демагог умел втирать очки! Только кому — своему офицерскому окружению или «товарищам»? Или, быть может, и тем, и другим? Сочный мерзавец!

Во время взятия Зимнего поручик находился вне дворца, явился туда уже на другой день и застал полный разгром (который продолжается до сих пор — огромные толпы шныряют по дворцу, волокут что попало, гадят; по счастью, столь присущий «трудящимся массам» идиотизм является своеобразною защитой: накидываются, главным образом, на вещи малоценные, например, вывинтили все дверные бронзовые ручки, в твердом убеждении, что «у царя дверные ручки должны быть из чистого золота»). Так как у нас места из-за того, что в запасной комнате ночевал папа, не было, мы устроили поручика внизу, у Сережи*. Сегодня утром он ушел; мне его было очень жалко — при разгроме дворца он потерял все свое достоинство. Сегодня явилась к нам с письмом от Васильевой еще одна потерпевшая от переворота — молодая девушка из провинции, солдат женского батальона, ищущая женского платья, так как ходить в форме ей сейчас опасно. С нею у меня вышел конфуз: Ани не было дома, когда она пришла, но уходя, Аня, предупрежденная Васильевой по телефону, сказала мне: «Дашь ей синее платье, что висит в углу шкафа, налево». Я так и сделал. Барышня удивленно посмотрела на платье, сказала: «Но ведь это же вечерний туалет!» Я ей ответил, что, к сожалению, у нас нет ничего другого. Она переделалась и, надо отдать справедливость, получился довольно смешной контраст между шелком еще парижского бального платья и солдатскими высокими сапогами барышни. На счастье, я ее оставил пить чай, и пока она мне за чаем рассказывала об ужасах взятия Зимнего, подошла Аня, которая разъяснила, что мы взяли платье хотя и синее, но не то, которое надо, после чего барышня опять переделалась и приняла вид более человеческий, тем более, что Аня нашла для нее и туфли, правда, чересчур легкие по нынешней погоде, теннисные, но все-таки не так выдающие занятие девушки, как солдатские сапоги. На меня она произвела впечатление ужасно тяжелое: нестерпимый страх в огромных голубых глазах. Про битву рассказывает мало: лежали за штабелями дров, стреляли в темноту, пока неприятель не обошел, и тогда попали в плен. Но о Павловских казармах рассказывает подробно, с нажимом и ужа-

* С.С.Беляев, молодой композитор, владелец дома №44 по Николаевской, где мы жили.

сом. К сожалению, слухи о мерзостях солдатни подтверждаются: это зверье выкидывало гнусности невыносимые — несчастных девушек терзали, пороли нагайками, гасили папиросы о тело, насиловали. Насчет расстрелов, о которых упорно говорят в городе, моя собеседница ничего сказать не могла. Она слышала какие-то залпы, которые солдаты объясняли так: «А это, ежели которая стерва больна, заразить может, ту расстреливаем!» Но, возможно, что это были лишь гнусные, подлые шутки двуногого зверя, наслаждавшегося страхом жертв и хотевшего еще оскорбить, унижить пленниц. По крайней мере, из партии, к которой принадлежала моя собеседница, ни одна женщина не была расстреляна. Зато мучения и насилия моя собеседница видела своими глазами, отчасти испытала. Видела она — *очередь* солдат, становившихся в затылок, — *насилловать* несчастных пленниц (две из них умерли), слышала подлые возгласы, одобрявшие одну из жертв, которая «двадцать третьего выдерживает», слышала грязные восторги этих скотов... Сама она каким-то чудом избежала этой участи, но не спаслась от другой муки: ее, в числе 18-ти других женщин, подвергли порке нагайками — гнусно и зверски, привязывали к скамейке и, заголив, секли беспощадно, под дикий гогот и рев совершенно обезумевшей толпы. О, Богоносец от Крафт-Эбинга! Непрощающим гневом горит сердце: яснее, чем когда-либо, ощущаю, что ненавижу — четко и холодно — этот проклятый, злобный, сатанинский народ, эту толпу бесстыжего зверя, извращенно-развратного, жестокого, подлого в самой субстанции своей. Им не «старый режим» нужен, а Навуходносор какой-нибудь — только Великий Зверь может привести их в человеческий облик! И неужели они победили окончательно? Не верю, не верю! Это только Питер, изолгавшийся, проболтавший себя и Россию Питер! Страна не примет этого позора: в Москве действительно происходят крупные события: Родзянко, по слухам, образовал правительство, на улицах — бой. А главное — Он свободен! При первом известии о перевороте не то Духонин, не то Следственная комиссия осободила Его из Быхова, и сейчас Он на пути к Дону. Известие об этом я получил, когда у нас в столовой сидел поручик Верцинский (мне протелефонировал Мирский). Верцинский, услышав, перекрестился и сказал: «Я не могу ждать от Корнилова ничего хорошего. Людей, близких к Верховскому, он, конечно, не примет. Но дай Бог ему всяческого счастья. Он один может спасти Россию!»

Большая запись без числа,
сделанная, вероятно, 31.X или 1.XI.17 (примечание 1924 г.)

В волне событий не успеваешь опомниться. Кажется, разгром юнкерских училищ, подлый и гнусный, был последнею удачею большевиков. О нем я узнал, сидя дома (два дня не выходил, ибо улица противна, а по делу идти некуда: «Вольность закрыли — ночью на 30-е ворвались какие-то молодцы, разбросали шрифт и исчезли; закрыты также «Речь», «День», «Новое время»); целый день звонил мне Мирский, сообщал подробности — ужасные — о прыгавших из окон владимирцах, прямо под обстрел большевических пулеметов, и т.д. Главная вина здесь падает, конечно, на «Комитет спасения» — то есть все на того же зловещего Гоцлибердана, который засел там и, по обычаю, глупит и бездарит. Данные для движения были благоприятные: юнкера могли явиться тем кулаком, который с размаха треснул бы по ничего не подозревающей большевицкой башке. Но разве социалисты могут что-либо путное сделать? Повинуясь распоряжению Комитета, юнкера лихо захватили Михайловский манеж... и остановились, ибо дальше не было ни плана, ни приказаний. А тем временем большевики захватили Гоца, у которого нашли подробно расписанную дислокацию. Результат: зря погибшие молодые жизни. Но — хочется верить! — это последняя победа большевиков: Керенский с крупными силами подходит к столице, войсками его — Уссурийской казачьей дивизией — командует ген. Краснов, тот самый, что был в Абиссинии и написал несколько детских путешествий. Большевики очень дрейфят: /.../ войска Керенского исчисляют в 10 000, а с такою силою не справиться, а тут еще в резерве армия Чернова, организованная Главным армейским комитетом. /.../ Зато наше настроение сильно повысилось, оживилось: только бы умный подход, умелый руководитель — и Петербург бы воспрял. К сожалению, у нас вместо руководителей — социалистическая чепуха Комитета спасения. Повесили, идиоты, плакат «Вся власть Учредительному Собранию!» и радуются: победихом! Ничтожество этих господ угнетает: я два раза был в Городской Думе, где сейчас сосредоточена вся политическая жизнь города: невероятное *va et vient** всякого народа. Растерянность с.-ров неопишима: с одной стороны — дикая досада, что лакомый кусок, восемь месяцев таявший во рту, так глупо выскользнул, с другой — страх перед «реакцией». Результат: два шага вперед, два назад. Хорошо еще, что от растерянности слушаются к.-д.:

* Сутолока (букв.: взад-вперед; *фр.*).

Шингарев говорит в Думе, как власть имущий, и кажется среди ничтожества социалов каким-то Гладстоном. /.../ Но все-таки иногда с.-ры спохватываются и вносят предложения, в корне нарушающие общую линию противодействия большевикам. Так, при обсуждении вопроса о созыве Совещания городских и земских деятелей, один из эс-эров предложил пополнить состав Совещания представителями Советов рабочих и солдатских депутатов. Несмотря на всю абсурдность этого дурацкого предложения (приглашать на Совещание тех, против кого Совещание направлено, — чисто социалистическая мысль!), — оно проходит. В другой раз какой-то с.-р. вдруг обеспокоился, что, в случае взятия Петербурга Керенским возможны репрессии... над большевиками, и предложил принять меры к «предотвращению пролития крови». Этому сентиментальному болвану (как это типично для русского интеллигента — пуще всего бояться, как бы не сделать больно разбойнику, залезшему в ваш дом и насилующему вашу дочь!) прекрасно ответил Винавер: «Я считаю, что победившая законная власть не только имеет право, но и обязана проявить неколебимую строгость».

Вообще, вид у Думы самый безнадежный — эта сплошная плюгавость второсортных «партийников» на скамьях «отцов города» (о котором они не имеют ни малейшего представления), — какое-то *Cafe Pantheon* в ухудшенном издании, ибо без девочек. Этот «господин городской голова», похожий на Меламеда «уф серебряному чепу»* (и что за извращенная мысль возглавить русскую столицу жидами!) — все это ужасно⁴¹. Добра от таких «вождей» не жди! А между тем настроение для борьбы есть. Чувствую лично по себе: с той минуты, когда в редакцию ворвался Греков и с таинственно-радостным лицом, бросив нам: «Хорошие вести!» — вбежал в папин кабинет, я непрерывно ощущал тревожную радость ожидания и готов каждую минуту претворить это чувство в действие. Но скажите же, господа водители, как? Куда идти, кого бить? Ведь нельзя же ограничиваться нелепыми, в сущности, разоружениями отдельных красногвардейцев на Невском, как это случилось сегодня в 4 ч., когда толпа, возбужденная известием о взятии Царского Села, вдруг ринулась на каких-то двух парней, отобрала у них винтовки и набила им морды? Интересно, что подобные чувства ощущают и люди, стоящие гораздо левее меня. В кулуарах Думы встретил Федора Августовича Степуна. Возобновили московское знакомство. Так вот, Федор Августович, демократ, чуть ли не с.-р., заявил мне: «Я всецело примыкаю сейчас

* «в серебряной цепи» — (искаж. украинск.).

ко взглядам партии Народной свободы. Теперь надо действовать решительно, спасти государство, а не зудеть о кровопролитии!»

В Москве и провинции дела большевиков тоже неважны; на Дону — Каледин объявил себя носителем верховной власти и диктатором; в Киеве Украинская Рада не допустила переворота, и на всей Украине большевики владеют лишь Харьковом; в Саратове и Иркутске идет бой; сведения о большевицкой победе в Москве оказались брехней: битва продолжается, причем наши завладели Кремлем, но известие о правительстве Родзянко — неверно.

В кулуарах Думы Петр Яковлевич Рысс, услышав о том, что в Симбирске какой-то поручик Иванов провозгласил себя диктатором, заметил не без язвы:

— Ну, теперь, того и гляди, что объявит себя диктатором или мой дворник Вавило, или Рихтер, председатель Василеостровского отдела партии социалистов-революционеров.

Какой-то эс-эрик, здесь присутствовавший, так и взвился:

— Что за сравнения!

— Если обидные, так только для Вавилы, — ответил Рысс, — ибо, по моему твердому убеждению, Вавило есть личность гораздо более почтенная, чем не только Рихтер, но и все с.-ры вместе взятые. И диктатором он будет лучшим, чем Керенский.

Опять рухнувшие надежды, целый склад обломков. Красновский поход — неудача. Москва — неудача. В сущности, и выборы — неудача. Правда, большевики в меньшинстве, но с.-рское большинство, при ничтожной фракции к.-д. — это конец, это безнадежность! А сначала казалось, по Петербургу, что дело пойдет так хорошо: четыре кадетских депутата на 5 большевиков и 1 эс-эра! Папа не только голосовал за к.-д. вместе со всем домом, но и выступил с горячею статьею в «Вольности», призывая всех голосовать за к.-д. «Вольность», совсем было позабывшая, что у нее ведь имеется свой собственный список — казачий, напечатала. Но выборы в деревне погубили все: скотское стадо проклятого мужичья идиотским скопом двинулось голосовать за эс-дурье и, в результате — не Учредительное Собрание, а с.-ровский съезд, который, конечно, или поплетется в хвосте большевиков, или бесславно даст себя разогнать (ибо речам, что большевики не посмеют поднять руку на «избранников народа», верю плохо!). Любопытно, что я никак не мог уговорить Ольгу Иванову* пойти на

* Наша кухарка.

выборы и положить бюллетень за к.-д. «Если нет такой партии, которая по-настоящему за царя, не хочу я голосовать!» Твердая женщина, молодец! И почему это наш народ хорош только тогда, когда он консервативен и предан хозяину. Ведь все «сознательные» — такая сволочь!

Вчера любопытное знакомство — Мамонт Дальский. Знакомство, конечно, в пьяном виде. Из редакции втроем, Пильский, Ашешов и я, отправились в погребок «Альказар» на Владимирском. Там встретили некоего авиатора Григоровича с женою, оказавшейся при близком рассмотрении Надей Любошиц, сестрой покойного Аркашки*. Поехали к ним «допивать», вышли от них в четвертом часу, и вдруг Пильский воспламенился — спать еще рано! идем к Дальскому, он живет здесь рядом! Ашешов, бывший уже на изрядном взводе, отстал, а мы вломились к Дальскому, где застали целую свору каких-то пьяных личностей: оказались анархисты. Сам Дальский меня очень заинтересовал — эдакий русский Кин, только без Киновского благородства, а с русской подлинною, которая иногда, ни с того, ни с чего, выльется в благороднейший порыв, в яркий жест. Его анархизм — форменная чепуха, конечно, от подлинного его невежества. Но, надо отдать справедливость, он до крайности терпим, спокойно слушал, как мы с Пильским его громили. Зато анархисты лезли на стенку. Они совсем неинтересны, так, шпана (не в смысле острожников, это было бы, может быть, любопытно), а просто — дурьи головы эстетствующих курсят и заверченных студентиков. В общем, пьяно, нелепо, по-русски и со скверным привкусом. Между прочим, анархизм анархизмом, а *les affaires sont les affaires*** . Пильский рассказывает, что Дальский, через анархиста Ге, конечно, близко к Смольному, сумел скупить почти все игральные карты (только что национализированные) и сейчас здорово ими расторговался. Компаньонами его по такой афере были Шаляпин и Коллонгай. Невеличка, але тепла компания! Два прохвоста (из них — один почти гениален, а другой просто гениален) и б...!

«Вольность» лопнула. Союз казачьих войск распался, большинство его денег бежало, денег нету. Положение было бы совсем

* А.С.Любошиц, один из моих товарищей по Шелапутинской гимназии.

** дела делами (*фр.*).

пиковое, если бы не А.С.Эрманс, ставший во главе вечернего издания «Петербургского листка», пригласивший меня заведовать театральным отделом. «Листок» сейчас вообще пристанище всех погибающих⁴².

Большевики объявили к.-д. «вне закона». По этому поводу Горький в «Новой жизни» дико ругает то, к победе чего сам приложил руку, разразился филиппикой, назвав к.-д. «партией, сосредоточившей 80% мозга страны». Это так же справедливо, как и то, что социалисты сосредоточили 100% «безмозгля» страны.

Попытка собраться избранных членов Учредительного Собрания кончилась арестом Шингарева и Кокошкина, которые присоединены к министрам в Петропавловке. Какая неосторожность! Как можно было доверять «неприкосновенности»! Всецело правы казаки, не пускающие в Питер Каледина, тоже избранного в Учредительное Собрание. /.../

В Бресте начались мирные переговоры. Какой ужас, какой позор, какое низкое предательство! Немцы относятся к большевикам с нескрываемым презрением. Любопытно, что в «Известиях» приветственная речь Иоффе Леопольду Баварскому начата словами: «Господин Главнокомандующий!» А на деле не так: немцы пригрозили семь шкур содрать с делегации, если она посмеет хамить, и Иоффе преспокойно начал речь: «Ваше Королевское Высочество!» Об этом открыто рассказывает Е.А.Беренс, который, к моему великому удивлению, согласился войти в большевицкую делегацию в качестве эксперта по морским делам. Что совершенно нестерпимо — это наглость, с которой большевики обставили свою делегацию: эта бутафория якобы представителей от крестьян, рабочих и солдат (для крестьян нарочно выбрали этакого «пейзана» с длинной бородою, «седого, как лунь, и глупого, как бревно»), эта растрепанная дура Биценко, которая, когда какой-то немецкий офицер хотел ей поцеловать руку, вырвала свою лапу (думаю, к удовольствию офицера). Какая жалость, что старое правительство помиловало ее после убийства Сахарова, вместо того, чтобы вздернуть. Было бы одной стервой меньше на Руси! /.../

Сегодня папа под великим секретом сообщил мне о некоем заговоре, который организует Еллинский. План такой: несколько летчиков, поднявшись с Невы на гидропланах, засыпят Смольный бомбами, а на другой день утром Питер проснется под новым, заранее составленным правительством (папа предполагает: премьер — А.Ф.Кони, министр торговли — В.И.Ковалевский, министр внутренних дел — В.Л.Бурцев, министр иностранных дел — Б.В.Савинков, военный министр — кто-нибудь из генералов, до прибытия Корнилова, который будет провозглашен президентом республики и назначит на этот пост кого-нибудь из своих друзей, статс-секретарь по казачьим делам — Б.Д.Самсонов, юстиции — И.С.Маргулис, народного просвещения — сам папа, земледелия — Еллинский, финансов — Н.Н.Кутлер или кто-нибудь из москвичей и т.д.). Еллинский сам хочет лететь и метать бомбы (воображаю!). Все это, конечно, совершенно детские игрушки: *так* перевороты не производятся. Но папа очень увлечен этой идеей, и я ему не противоречил. Скажем только, что, по-моему, хотя я и не знаток, подняться на гидроплане с замерзшей Невы нельзя.

Погиб, как герой, и казак М.А.Караулов, растерзанный солдатню на ст. Прохладная. Защищался до последней пули. Жалко безумно: красочная была фигура — этакий Тарас Бульба, мог бы очень пригодиться России. И вот — несчастная гибель; уходят люди крепкие, патриоты. Недавно убили в Питере прапорщика Волка, того самого офицера со стальными глазами, про которого я, познакомившись с ним летом, сказал, что у него из глаз «Бонапартик смотрит, пока маленький. Но — он подрастет!» Увы, не подрост! /.../

Конец Учредительного Собрания

6 января 1918

Вспоминая вчерашний день, резюмирую одним словом: *не жалко!* А чтение газет о том, что было внутри Таврического, еще усиливает это чувство. Какая мерзость! Воистину, эти ничтожества, во главе с красавцем Витей, стоили лишь хорошего пинка матросского копыта! (Интересно, что фамилия *Железняк* уже однажды воспрославилась — при Уманской резне^{43!}) Эта позорная

трусость с.-р., это из кожи вон старание показать, что мы, мол, тоже революционеры (ведь они, сукины дети, *стоя пели* «Интернационал»!! Какая гадость!!)... Но подлее всего, конечно, отношение к демонстрации: уже когда «партия бомбы и револьвера» во внезапном припадке «непротивления злу» решила организовать *безоружную* демонстрацию, — стало ясным, что толка не выйдет. Но все-таки нельзя было ожидать такой гнусности, такой мерзости, какую выкинули с.-р.: послав несчастную толпу под расстрел, гг. лидеры и «избранники народа» во главе с Витей обошли опасное место стороной, *в демонстрации не участвовали* и явились в Таврический дворец *другим путем*. Я имел сомнительное счастье зреть сию замечательную картину. Получив поручение от «Петроградского голоса» дать фельетон об «улице», я с вечера забрался к Горовцам на Таврическую и переночевал у них. Утром мы с А.М. отправились ко дворцу. Перед ним стояла небольшая куча народу, человек в 200. Во дворе многозначительно поглядывали дула двух трехдюймовок. Толпа была сумрачная, злая. Серdito спорили с какой-то жидовкой, хорошо одетой, в плюшевой шубке и высоких сапожках, взобравшейся на сугроб и оттуда провозглашавшей что-то большевицкое. Было ветрено, скучно и безнадежно. В 11 часов началось шествие: рядами шли довольно сконфуженные «избранники народа», «единственные хозяева земли Русской». Только Чернов почему-то сиял, как солнце... В толпе жидко выкрикнули: «Ура!» Какой-то господин, видом как черный жук, столь заросший волосами, что они у него из ушей и ноздрей перли, уныло провозгласил: «Клянемся умереть за Учредительное Собрание!» Когда «избранники» входили за решетку, — по морозному воздуху точно орехи рассыпались: на Бассейной затрещали пулеметы по демонстрации. Чернов остановился, поднял руку и вскричал: «Что они делают! Что они делают!» «Избранники» скрылись во дворце. Нам тоже не дали долго прохладиться: откуда-то вылетели красномордые, страшные матросы, у их поясов болтались ручные гранаты. Они орали: «Расходись! Расходись!», — и мы, натурально, разошлись. Самое смешное: на лентах их шапок была золотая надпись «Заря Свободы». Хорошенькая «заря».

Вторично я явился к Таврическому, когда уже совсем смерклось: опять жидкая толпа, глазеющая на колоссальную, видную сквозь высокие окна люстру и гадающая, что *там*. А *там* в это время свершался позор: хулиганили пьяные большевики (особенно старалась эта стерва Розмирович, жидовка, жена стервеца Крыленко), матросы наводили винтовки на председателя, а «российский Баррас» (по меткому выражению Тана, хотя не совсем пра-

вильному: Баррас был прохвост, но с тою эффектностью, какая свойственна французу вообще и французскому дворянину в особенности; Чернов же — прохвост серый, как раз для русской провинции, для курсисток из Моршанска, «погибающих за великое дело любви», для акушерки Сарры Пироксилинчик, для самоучек из телеграфистов) притворялся, что все идет к вящей славе демократии, и торопливо проводил «основные законы». Стояли мы и глядели на люстру довольно долго. Я уже хотел было вернуться к Горовцам, ибо электрических люстр на своем веку перевидал достаточно, как вдруг в толпу шмыгнул какой-то тип, произнесший шепотом: «Иверскую привезли! Маруся Спиридонова приехала!» Кто-то ответил: «Ах, чтоб ей, стерве...» Тип обиделся, отбежал в сторонку и вдруг вынул свисток, свистнул пронзительно. Мгновенно откуда-то снова выскочила «Заря Свободы». Трахнул выстрел, кто-то метнулся в сторону, кто-то упал, — не знаю, раненый или просто поскользнулся. Я решил: с меня достаточно и «Зари», и «Свободы», — и отступил на заранее подготовленные позиции — поплелся в редакцию писать. Пробыл там часа два, сдал материал и отправился домой.

А через полчаса после моего ухода в редакции разыгралось черт знает что! Ворвались какие-то матросы с ордером Екатеринбургского районного совдепа, объявили газету закрытой и учинили форменный погром: к счастью, удалось сберечь машины — отстояли рабочие, — но редакция и контора разгромлены совершенно: стулья, кресла, зеркала, столы — все погружено на автомобили и увезено неизвестно куда; мало того — деревянная перегородка изрублена топорами в мелкую щепу, сорваны телефонные аппараты. Наибольшее внимание почтенных гостей, конечно, привлекли несгораемые кассы. Долго возились они с ними, пытаясь пробить ломами, но ничего не добились. Сорвали злость на рукописях: изорвали в клочки весь архив, весь запас, весь загон и даже — метрическое свидетельство редактора... Уничтожили почти половину книг библиотеки... Самое главное, между прочим, что это не были большевики: когда позвонили в Смольный, оттуда ответили, что никакого распоряжения о закрытии и тем более разгроме «Петроградского голоса» не было отдано. Пильский уверяет, что это дело рук анархистов и что тут не без Мамонта Дальского. Недурными шутками занялся Мамонт Викторович!

Когда я вышел на Невский, там все было по-обыкновенному. Но на Знаменской площади увидел я зрелище совсем макаберное: толпа красногвардейцев, матросов, всякой рвани *плясала* вокруг большого костра, распевая:

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй!

(вот он, подлинный гимн нашей революции! О, «великая, бескровная, святая!»). В стороне стоял какой-то старик и горько плакал. Его окружили участливые люди. Оказалось — Красная гвардия и латыши отбирают у газетчиков газеты: только что вышел декрет Смольного конфисковать всю прессу. Костер на Знаменской — это горят конфискованные листки. Старик, сам газетчик, рыдал, однако, не о потере заработка, а из беспокойства о внуке, тоже газетчике, мальчике, которого красногвардейцы поймали и увели куда-то вместе с другими мальчишками. Беднягу утешали, но он все плакал, повторяя: «да что же это такое? Рабочему человеку житья не стало от товарищей проклятых!»

Сегодня я убедился, что беспокойство бедного старика о внуке было небезосновательным. Перед тем, как ехать обедать к папе, я вышел на Невский купить газет. Вдруг выстрелы, и по тротуарам в панике бегут газетчики, за ними — красногвардейцы. Суетня, суматоха. Один мальчик быстро юркнул в подворотню. Я за ним: «Продай газету! Не увидят!» Но он, в полной растерянности и иступлении, засовывая трубкою свернутые газеты за голенище сапога, завопил истошным голосом: «Нет, барин, простите, боюсь! Выпорют!» — «Что за глупости, — засмеялся я, — кто тебя выпорет?» — «Вчера уже пороли!» — продолжал возбужденно мальчик. «Да что ты врешь? Кого пороли?» — «Кого? Меня пороли, в комиссариате, обыкновенно как, разложили на скамье и выдрали. Привели в комиссариат нас много, газеты отняли, а потом драть: не торгуйте буржуйскими газетами! Кому двадцать розог дали, кому тридцать, кому пятьдесят. Я целых пятьдесят получил, сидеть теперь не могу!» — закончил мальчишка.

Вот это называется «Заря Свободы»!

БЕЛЫЙ ЮГ

Гетманская Украина

6 сентября 1918 г. Корюковка

/.../ Выехали мы из Москвы 1 сентября. Ночь перед отъездом была ужасна: не спал, волновался, вскочил в 6 часов утра и побежал на вокзал по запустелым и скучным улицам московским. На вокзале еще была Сахара, но это мне было на руку — легко нашел носильщика, обещавшего посадить в вагон, и записался в оче-

редь на делегатские билеты. Последние могли нам достаться лишь чудом. Я уповал: эти билеты, к счастью, раздает не большевик, но обыкновенный помощник начальника станции, коего можно улестить моим членским билетом Московского профсоюза журналистов. Показать же эту штуку большевику отнюдь не рекомендовалось: все равно, что зайти в охранное отделение и, предъявив партийное эс-эрское удостоверение, требовать на этом основании льгот и преимуществ.

Вид вокзала поверг меня в грусть: новый Брянский вокзал, здание не очень высокого вкуса, но с типично вокзальным шиком (стеклянная платформа, мрамор, фонтан) был обращен черт знает во что: мусор, фонтан завален окурками. В буфете — бурда под псевдонимом кофе и горькие лепешки из миндальной шелухи.

Когда возвращался с вокзала домой, встретил газетчиков с «Известиями», густо черневшими колоссальными заголовками первой полосы: очевидно, случилось что-то важное. Купил: оказалось, какая-то молодая женщина стреляла в Ленина, тяжело его ранив, а в Петербурге молодой человек убил Урицкого. Огромная радость. Жаль только, что Ленин лишь ранен. Но рана, видимо, тяжелая — авось, подохнет! (Перед нашим отъездом на вокзале распространился слух, что уже подох, но, к несчастью, здесь «Киевская Мысль» этот слух не подтверждает).

В два часа дня, простившись с мамою, отправились на вокзал. Здесь уже был ад — толпа солдатни, всякого народа, грязного, вшивого, от которого делалось страшно и тошно. Я встал в очередь на делегатский вагон. Полагаю, ничего бы тут у меня не вышло, если бы не г-жа Филипповская, весьма эффектная дама, актриса, которая тем временем, пока я стоял в очереди, познакомилась с Аней. Она обратила внимание на мой несчастный вид и сказала Ане, которую почему-то сразу возлюбила: «Смотрите, какой несчастный молодой человек! Совсем зеленый» (я уезжал из Москвы совсем больным). Узнав же, что я Анин муж, проявила энергию, ринулась к начальнику станции и в пять минут раздобыла нам два места в делегатском вагоне, причем, по счастью, у окна, на маленьком кресле, так что можно было спать.

Лишь выйдя на платформу, я понял, какое счастье ехать в делегатском вагоне. Вавилонское столпотворение на вокзале было раем в сравнении с тем, что творилось на платформе. У решетки, отделявшей дебаркадер от главной платформы, стояла густая толпа баб и девок — мужчин я почти не заметил, — которые с визгом напирали на решетку. А стоявший за решеткой красноармеец с размаха стегал нагайкой как-то прямо в эту ворчащую, вопиющую человеческую массу. Наши носильщики, приведя в ко-

лебательное движение чемоданы, обрушились на толпу с диким воплем: «Делегатский вагон!» Бабы мгновенно расступились (как оказалось впоследствии — не без задней мысли), красноармеец приоткрыл решетку, и мы были как бы вынесены на дебаркадер могучим напором сразу ринувшейся вперед массы. Красноармеец отчаянно завопил, нагайка с жирным чмоканьем зашлепала по бабьим спинам, но все-таки, пока грозному стражу удалось запереть решетку, несколько десятков счастливиц прорвались на перрон и, сразу повеселевшие, уже зубоскаля над стражем, ринулись к еще пустым вагонам. Мои опасения, что в делегатском вагоне надо будет очень осторожничать, дабы не попасться впросак с большевиками, оказались напрасными — в вагоне (старом, грязноватом вагоне II класса, с недействующим электричеством) не было ни одного большевика, ни одного «делегата» — все такие же ловчицы, как мы, грешные. Подозрительна была лишь одна барышня, очень хорошенькая, которая, стоя в очереди у кассы, чересчур громко жалела Ленина, причем стоявший рядом жид, препархатого образа и подобия, всячески старался возбудить в ней сочувствие и к Урицкому — «замечательному деятелю». Барышня отвечала: «Урицкого не знаю, а Ленина мне очень, очень жаль». Но после границы оказалось, что и эта барышня высказывала столь верноподданнические к рабоче-крестьянской власти чувства лишь по причинам процентных бумаг. Выяснилось, что будучи дочерью крупного полтавского помещика, она никакого вкуса к пролетариату не питает, но так как была начинена процентными бумагами, защитыми и в кофточке, и в голенищах бывших на ней высоких сапог, то считала благоразумным всячески подчеркивать свою лояльность.

Помимо этого милого пирожка с процентными бумагами, в вагоне ехало несколько спекулянтов, М.А. и Ю.К.Арцебушевы со всем балетным выводком — Ленни Воронцовой, Марьей Михайловной*, двумя дочерьми, Зиной Кариссо и двумя неизвестными молодыми людьми педерастического вида. /.../

Когда мы отъезжали от Москвы, я, глядя на золотой купол храма Христа, уплывавший в синь небесную, вдруг ощутил непреложно, что я очень не скоро вернусь в Москву. Странно, такое же чувство было у меня в 1914 г. — и что же? Три года прожил тогда вне России.

Путешествие наше текло благополучно. Я часто слышал, что в провинции, в глубине России, большевизм гораздо страшнее, чем в столицах. Вероятно, это так и есть, но из окна вагона все

* Довольно известная танцовщица М.М.Юрьева.

как будто по-старому: те же голубоватые, бедные просторы русские, «с красой заплаканной и древней». И диким кажется в этой мирной стране кровожадный плакат на стенке нашего вагона, призывающий к мести «за кровь тов. Ленина». Лишь на станциях бросалось в глаза какое-то унылое запустение: неметеная платформа, босоногие ребятишки, донельзя оборванные; они продавали лесные орехи — единственную снедь, которую можно достать на станциях (слава Богу, что у нас была курица и бутерброды!) Никаких осмотров в дороге не было. Только в Тихоновой Пустыни, ночью, в темный вагон вломилась какая-то орава. Сквозь сон я слышал торжествующий вопль: «Ага, мануфактура!» — и чей-то спокойный, с еврейским акцентом, ответ: «Оставьте, это мои ноги, а не мануфактура!»

Разговоры о границе были самые панические, но нам, по счастью, повезло. В Зернове госпожа Филипповская и я направились к комиссару тов. Когану, указанному г-же Филипповской в Москве в качестве отца и благодетеля. Г-жа Филипповская мгновенно и стремительно обрушилась на комиссара, загнала его в угол и, быстро говоря что-то (потом она призналась, что почти не понимала слов своих), тыкая комиссару в нос какими-то бумажками (боюсь, что это было свидетельство об оспопрививании), доказывала ему полнейшую необходимость пропустить нас без осмотра. Тов. Коган был весьма великолепен, черен, как жук-рогач, то, что называется в Одессе «красавец», — в желтых крагах, декольтированный, с расстегнутым, по матросскому обычаю, воротом. Был ли он польщен тем, что к нему обратилась «прекрасная дама», или просто ошарашила его г-жа Филипповская, только он без труда отдал распоряжение пропустить нас без осмотра. Торжествующе вернулись мы к нашим вещам и начали их грузить на подводу: вдоль насыпи уже стоял ряд подвод с возницами-мальчишками; погрузили мы быстро, паренек у нас попался юркий, разбитной, и в таких высоченных сапогах, что г-жа Ф. спросила его, смеясь: «А кто из вас выше — ты сам или твои сапоги?»

/.../ Наконец мы выбрались в поле и медленно поехали по проселку, слушая, как наши юные возницы восхваляют преимуществу переезда через границу на их пунктах Зернов — хутор Михайловский. В то время, когда в других местах нейтральная зона — то есть пространство, где нет никакой власти и только разбитые параличом не занимаются разбоем, — достигает 30—70 верст, здесь ее ширина лишь 4 версты. Притом дорога идет все время открытым полем, так что немцам видно все как на ладони, и в случае нападения они могут подать мгновенную помощь. В таких разговорах мы переехали через какую-то канаву, оказавшуюся *границей*

цей. Несказанно чувство, охватившее меня в эту минуту, — подлинный восторг освобождения. Оглянувшись в сторону Совдепии, я погрозил ей кулаком и крикнул: «Чтоб ты лопнула!» Через несколько минут, у околицы, к нам приблизились два немецких солдата. Странно было видеть иностранных, да еще вражеских солдат здесь, в такой коренной, глубокой Руси, «откуда три года скачи, никуда не доскачешь». Весьма вежливо спросили паспорта, одна минута на просмотр — «Bitte, meine Damen und Herren!» — и мы вкатили в хутор Михайловский, типичное село при сахарном заводе, очень похожее на Корюковку. /.../

Переночевав у одного железнодорожника, на другой день выехали — до Конотопа — теплушками. Путь был очарователен, несмотря на неудобства. Радостным покоем веяло в сердце от знакомого хохляцкого пейзажа — белых хаток и пирамидальных тополей, от веселого ласковости сытого народа, так непохожего на хмурую, несчастную толпу Совдепии. Занимались мы по преимуществу едой: на каждой станции покупали что-нибудь съестное, и тут я впервые понял, почему люди с давних лет обоготворяют хлеб: чувство, с которым я вкушал его, было очень близко к благоговению. В Конотопе пришлось ждать целый день, протекий в блаженной лени, затем последовала довольно трудная ночь пути (хотя немцы пустили нас в свой вагон, и мы ехали довольно спокойно). Я совсем не спал, только впал на мгновение в какое-то полуобморочное состояние, из-за которого не заметил, как мы переехали через Десну и, очнувшись, до смерти перепугался — не миновали ли мы Низковку. Но оказалось, что мы стоим в Макошине, которого я не узнал из-за темноты. По дороге беседовал с двумя солдатами-саксонцами. Было радостно слышать от них выражения бесконечной ненависти и презрения к большевикам: «O, diese verflukte Bande!»* На рассвете прибыли в Низковку и, после двухчасового ожидания, наконец попали на Корюковский поезд. В 10-м часу были в Корюковке. Радость приезда омрачилась печальным известием: Шура** арестован по какому-то дурацкому доносу. Главная причина ареста то, что Шура, в бытность его уездным комиссаром Временного правительства в Соснице, велел арестовать участников съезда землевладельцев. Но сделал это он лишь затем, чтоб спасти их от расправы с ними разъяренного мужичья, собиравшегося разгромить земельную управу, где происходило заседание, и не-

* О, эта проклятая шайка! (нем.).

** А.А.Семенов, мой двоюродный брат, директор сахаро-песочного завода в Мериневке.

медленно, как только буяны разошлись, арестованные по приказу Шуры были освобождены.

7 сентября

В газетах сообщение о том, что большевики объявили в России «красный террор» и что в Петрограде расстреляны, в отместку за смерть жидовской гадины Урицкого, 500 человек ни в чем не повинных. О, проклятые, проклятые! А в Киеве с ними разговаривают, и Шелухин выражает от имени гетмана сочувствие раненому Ленину (этот изверг, к сожалению, еще не подох!) Для освобождения Шуры следовало бы обратиться к Демченко, бывшему члену Государственной Думы, с которым Аня познакомилась в Риме, когда, при посещении Рима парламентской русской делегацией, он был с визитом у нас в Palazzo Massimo* (я тогда уже был в Париже). Демченко скоро должен приехать в Корюковку, но для ускорения дела Аня решила ехать в Киев, предварительно заглянув в Макошино к тете Леле.

8 сентября. Корюковка

Аня уехала. В газетах ужасы: расстреляны тысячи. В числе их Мухин (в Петербурге), с женой которого Аня в Петербурге всего несколько недель назад сговаривалась о совместной поездке на Украину. Не менее печальны известия с Волги: по-видимому, большевики действительно взяли Казань. Все это очень волнует. Здесь же — тишь да гладь, да Божья благодать. Ласковая осень, совсем похожая на лето, людское сочувствие, тишина.

10 сентября. Корюковка

Известие о расстреле А. А. Виленкина. Жалость и негодование; бедный! Вот уж не ожидал, что этот англизированный, блестящий человек, с изрядным налетом снобизма, кончит жизнь мучеником! Я с ним сравнительно мало встречался (познакомился в 1913 году на одном из воскресений Грифа⁴⁴ — в этом Ноевом ковчеге, где можно было встретить губернского предводителя дворянства и рядом... Маяковского; потом мы очень весело кутили в «Аквариуме», за несколько дней до нашего отъезда за границу, затем, по возвращении, я его встречал в Москве, уже георгиевским кавалером и гусаром; в Петербурге он был у нас на новоселье, когда мы переехали на Николаевскую), но каждая встреча сохранялась

* Palazzo Massimi alle colonne — старинный дворец в Риме, в котором в 1915-1916 гг. жила наша семья.

в памяти, как блестящий фейерверк острых словечек, любопытного разговора, не без некоторой внешней эффектности выпуклого, красочного «рассказа». Causeur* он был удивительный. Смерть его для меня неожиданна, но я не скажу, чтобы она была неестественна: несомненно, в нем, под налетом сноба и скептика, жил какой-то героизм, какое-то *рвение душевное*, в страшный час революции не могшее не привести к смертной катастрофе. Еврей по религии и национальности, он был подлинным русским патриотом — и не мог вытерпеть позора Родины. Такие евреи, как он и Каннегисер, лучше всех воплей о правах человека доказывают неправоту антисемитизма — и возможность дружественного соединения России с еврейством, — если даже при старом угнетении среди евреев могли появляться настоящие патриоты, значит, дело небезнадёжно. Вспоминаю: в Петербурге, когда я высказал мысль — не было бы полезно, чтобы большевики низвергли Керенского и довели революцию до абсурда, Александр Абрамович ответил: «Вероятно, это было бы полезно, но мне здесь один момент не нравится: это когда меня будут вешать»... Словно напророчил, бедный! Вместе с ним расстреляли В.С.Лопухина, брата Петра Сергеевича.

11 сентября

Расстрелян П.И.Пальчинский**. Интересный был человек, живой. Помню его в Cavi di Lavagne, еще эмигрантом, но уже завязавшим крупные связи с торговым миром России, бывшим комиссаром Русской плавучей выставки (по восточным морям). Производил тогда великолепное впечатление — бодрым восприятием жизни, крепким американизмом каким-то. /.../

14 сентября

Аня вернулась. В Киев она не попала, все время пробыла в Макошине у тети Лели, которая почему-то решила, что лучше дождаться приезда Демченки в Корюковку.

В Корюковке произведены новые аресты: на этот раз немцами, а не державной вартой⁴⁶. Кажется, попали в цель: арестовано несколько рабочих и гимназистка, которую все здесь зовут просто Варка. Эта компания, действительно, большевички. Любопытно, что Варка во время большевиков принадлежала к числу их противников, и они однажды чуть ее не убили, когда она на каком-то

* Собеседник (фр.).

** Известие, к счастью, оказавшееся ложным⁴⁵.

торжестве выступила с речью против Советской власти. Но стоило придти немцам, и Варка, сдуру, мгновенно перешла налево. Арест ее вызывает большой восторг среди корюковского общества. Интересна вообще здесь эволюция взглядов. В прежнее время корюковская интеллигенция здорово левила (это понятно, так как на 2/3 она состоит из евреев). Теперь же, в особенности у доктора, слышишь такие речи, что ой-ой-ой! Впору казачьему есаулу! А между тем, никаких особенных зверств большевики здесь не вытворяли. Вообще, большевизм был лимонадный: ни одного расстрела, ни одной конфискации «излишков»... Но достаточно было этим хамам влезть в квартиры, грубо, издеваячись, помужички, чтобы интеллигенты поняли, какая такая штука «народопрямство» и благословили саксонского солдата, их от народопрямства избавившего. Кстати, о саксонцах: главная улица Корюковки (на ней можно утонуть в грязи, и количество свиней, ее обитающих, — несколько преувеличенное) теперь называется *Wettin-Strasse*. Улица саксонской династии в Черниговской губернии! Довольно дико!

В Киеве опять сорвали флаг с большевистской миссии. Шелухин извинялся. Какая глупость эти извинения! Вести себя, «как в хорошем доме», с разбойниками и сволочью! Доведет это миндальничанье до веселых дел! /.../

23 сентября. Харьков

Наконец, найдя приют, возобновляю прерванную запись. Из Корюковки мы выехали 20 сентября и два дня — 20 и 21-го — провели в Макошине у тети Лели /.../ Поезд пришел в Харьков с опозданием, и мы великолепно выспались. Странно было ехать в чистом, прекрасном вагоне I класса, залитом электрическим светом, с постельным бельем, водою в умывальниках и чистою уборною (особенно — последнее; иногда мне кажется, что главным завоеванием революции является загрязнение общественных уборных). В коридоре, пока не освободилось место, я проторчал часа два, но не жалею, так как попутчики попались любопытные. Впервые, помешик, имени коего расположено в пограничной полосе. Настроен пессимистически. Приходится жить на военном положении, ибо не проходит дня, чтобы не переходили границу. Равным образом и наша варта, и немецкий лейтенант частенько совершают набеги на Совдепию; вообще, пограничная война не прекращается. Но это цветочки, ягодки будут впереди. Стоит немцам уйти, и большевики в три недели дойдут до Киева; у них скоплены достаточные силы и, кроме того, блестяще подготовле-

но восстание в кажущихся мирными и тихими пограничных уездах. Конечно, пока немцы (ими помещик не нахвалится) остаются на Украине — безопасность полная, но... можно ли так безоглядно надеяться на немцев? «Unsere Lage ist glänzend, aber Hoffnungslos»*, сказал недавно Мумм⁴⁷. И на Балканах, говорят, начались неудачи. Время еще есть — подготовиться к отпору, и сейчас немцы уже не противились бы, а содействовали организации сопротивления большевикам, так как немцам *очень бы хотелось снять часть своих войск с Украины*. Но — киевское правительство словно ослепло: ничего не делает, украинофильством отталкивает от себя те круги, на которые могло бы опереться, и только умеет кланяться у немцев новые и новые кредиты.

Другой разговор с прокурором, высланным румынами из Кишинева, хотя он и бессарабский уроженец. Негодуя, рассказывал о гадостях, творимых этою знаменитою нацией над русскими: вся огромная культурная работа, производившаяся за сто лет Россией, пошла насмарку, закрываются русские школы, запрещается русский язык, чиновников безжалостно гонят со службы, и — самое гнусное — воображают себя «европейцами», а нас варварами. До чего мы дожили! Какая-то Румыния, не страна, а публичный дом, где «все женщины дают, а все мужчины берут», смеет издеваться над нами!

В Харькове мы устроились фантастически. Целый день метались по отелям, от самых шикарных до трущоб: ни одной комнаты. Наконец Аню приютила семья швейцара одних мебелирашек в своем помещении — огромном подвале, где может разместиться целый полк. А я случайно встретил Сережу Михнева из «Сатирикона» и переночевал в каких-то ни с чем не сравнимых трущобе и клоаке. Но, так как ночь была ужасной: на грязной постели, под охи и ахи Михнева, почти умирающего (перенюхался кокаину), то сегодня я тоже пристроился у швейцара.

В редакциях меня встретили приветливо: в «Южном крае» — любезно, а в «Возрождении» даже с восторгом. Вручил в «Возрождении» статьи, написанные в Корюковке.

24 сентября. Харьков

Не знаю, верны ли мои наблюдения над Украиной — слишком мало я прожил в деревне, но кажется мне, что положение тревожное. Правительство таково, что, не будь немцев, его давно бы опрокинула «la révolution de mépris»**... Что же касается до наро-

* Наше положение блестяще, но безнадежно (нем.).

** Революция презрения (фр.).

да — то *большевизм, безусловно, на пути к изживанию, но еще не изжит*. Двумя соблазнами страшна революция: соблазном материальных благ и соблазном вольности. Мужики увидели почти в своих руках землю — раз, и почувствовали себя не только равными панам, а выше их — два. Это и стало психологиєю революции. Немцы круто оборвали обе мечты, и мужики успокоились. Многие говорят, что только внешне. Не думаю, — насколько я могу судить, успокоение малороссийского крестьянина есть глубокое психологическое явление, но успокоение это вытекло не из удовлетворения достигнутыми результатами, а из ихней бесплодности. Еще в Москве Анна Яковлевна Селицкая рассказывала мне, как крестьянка, приехавшая из их имения, говорила: «Ох, барыня, тихо теперь стало, при немцах, хорошо. Но и *жутко* же». Если немецкая оккупация продлится долго (на ясненьельможного, как такового, я не возлагаю решительно никаких надежд), — безусловно, это ощущение жути, это сознание бесплодности побежденных претворится в привычку; мечта о полноте материальных благ удовлетворится вместо *всей* земли тем «куском аграрной реформы», которую гетман бросит мужикам, а сознание «наша взяла!» уступит место прежнему ощущению пана как существа высшего. Но горе, если немецкая оккупация прервется скоро! Тогда снова воспрянут злые мечты племса — и беспощадным пожаром запыляет Малороссия, ибо теперь будет месть, будет форменный поход гуннов на культуру.

26 сентября

Приехал Д'Актиль: радостная встреча. Мгновенно перезнакомил меня с харьковской богемой: нечто вроде шпаны. Собираются в кафе «Ренессанс». Но денежно здесь, видимо, можно устроиться: предлагают читать лекцию, Д'Актиль затевает журнал «Анчар», а один журналист (увы! фамилия его — Ландышев!) предлагает мне редакторство новой газеты... /.../

ХАРЬКОВСКАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА Мелкие записи (сентябрь—октябрь 1918 г.)

Прибывшие из Москвы (Равич, Бураковский) передают о последних минутах Ройд-Каплан. Оказывается, она все время в камере молчала, лежала на койке, повернувшись носом к стенке и не произносила ни одного слова. Расстрел ее был обставлен с великой торжественностью: вдруг распахнулись двери и на пороге появились латыши, волочившие за собой громыхавший пулемет.

Зачем был этот пулемет, неясно, так как убили они Каплан из револьвера. На их возглас Каплан встала и молча, не глядя на сидевших вместе с нею женщин, закуталась в большую черную шаль и пошла вслед за латышами. Едва она переступила порог, как раздался громкий выстрел из револьвера: ее убили тут же, в коридоре⁴⁸. Еще ужасней была обставлена казнь молодой m-lle Фриде, артистки. Бедная девушка страстно хотела жить и вырывалась из рук палачей. Тогда озверевшие латыши принялись рубить ее саблями и выволокли, истекающую кровью, на двор, где и прикончили. Надзиратели не позволили вымыть ее кровь с пола камеры, говоря, что это — «в назидание прочим». /.../

Видел высокопримечательную личность — расстрелянного человека, артиста Камерного театра Глубоковского. Это одна из жертв идиотского заговора Локкарта. Пьяница, кокаинист Глубоковский запутался в эту историю и, получая от осла Локкарта большие суммы, кутил напропалую в сообществе других заговорщиков: длинного фон Мекка из Дикой дивизии и пр. О конспирации эта веселая компания не имела ни малейшего представления; не знала даже, что это за зверь и чем его кормят: они шлялись в «Стрельну», где, кроме самой распрекрасной матросни, никто не бывал, и, нализываясь, вопияли на весь ресторан, что скоро это б...ство кончится, и никто другой, как они, будут вешать Леву Троцкого. Конечно, в результате все попались и были приговорены к расстрелу. Их увезли в парк, дали по ним залп и ушли, не закопавши. Глубоковский был только ранен, очнулся, дополз до сторожки сторожа, который оказался сострадательным человеком и укрыл его. Оправившись немного от ран, Глубоковский бежал в Харьков, куда и прибыл без особых приключений. Здесь он возбуждает всеобщее внимание. /.../

В газетах сообщение немецкого командования о том, что в Новозыбкове по приговору военно-полевого суда повешена Рая Хавкина, 22-х лет, — за шпионство. Погибла личность примечательная; сожаления, однако, ее смерть не вызывает, так как висилица, несомненно, наилучшая награда ее талантам. Хавкина занимала пост пограничного комиссара Чрезвычайки в Унече и отличалась 1) свирепостью, 2) честностью: она не присваивала себе ограбленных с проезжающих вещей, но, собрав достаточную их толику, отвезла в Москву и повергла к стопам Ленина (это было незадолго до покушения Каплан). В Москве были так удивлены, что долго не хотели верить: еще бы, нашлась честная чекистка! Свирепость Хавкиной при допросах лиц подозрительных достигла неимоверных размеров: она, например, делала бритвой надрезы на теле допрашиваемых и поливала эти царапины одеколоном.

В Харькове сейчас живет одна дама, сын которой, 13-летний мальчик, до сих пор, хотя уже более месяца прошло с тех пор, как она в Харькове, не может оправиться от последствий хавкинского обращения. Перед отъездом из Москвы на вокзал кто-то из провожающих привез этому мальчику небольшую французскую записку от его старой гувернантки. В записке не было ничего, кроме нескольких ласковых слов. Мальчик прочел записку и спрятал в сапог, забыв даже о ней. На границе в Унече им сначала повезло: Хавкина была в добром настроении и выпустила их почти без осмотра. Но, к несчастью, в последний момент она заметила листок, торчащий из голенища у мальчика. Заинтересовавшись, Хавкина извлекла листок и, так как по-французски не разумела, потребовала перевода. Мать мальчика перевела. Но так как никто из большевиков, по незнанию языка, не мог подтвердить перевода, то Хавкина велела арестовать и даму и мальчика, а вечером на допросе потребовала *настоящего* перевода. Дама клялась и божилась, что перевод верный, Хавкина не верила и грозила «своими мерами», то есть пыткой. Так как дама, при всем желании, не могла убедить злодейку, то в результате началась пытка, утонченная и гнусная. Понимая, что мучение сына для матери будет тяжелее, чем самые горшие страдания, Хавкина, приказав крепко держать несчастную женщину, велела растянуть мальчика на скамье и пороть. Тщетно билась и умоляла о пощаде несчастная мать — мальчика беспощадно секли розгами, а потом сама Хавкина, в садистическом безумии, хрипло выкрикивая какие-то слова, с горящими глазами схватила тяжелую плетль и принялась стегать окровавленное тело мальчика. Насколько безжалостна была порка, показывает то, что после ее окончания голенища сапог несчастного мальчика были полны кровью. На другой день повторилось то же самое: мальчика секли на глазах матери, пока он не лишился чувств (между прочим, мальчик был крепкий, здоровый, сильный). На третий день Хавкина, призвав несчастных страдальцев, объявила, что, если они не дадут «настоящего перевода», она прикажет сечь мальчика шомполами, пока его не заперют на смерть, а потом велит расстрелять мать. Нервы матери не выдержали, она упала в обморок. Это и спасло их. Пока ее выводили в чувство, в комнату, где происходила расправа, явилась другая чекистка, подруга Хавкиной, до сих пор отсутствовавшая. Случайно оказалось, что она знает французский. Хавкина дала ей записку, она подтвердила правильность перевода — и Хавкина, не без раздражения, распорядилась освободить страдальцев. Но положение несчастной дамы было все-таки невыносимо: у нее отобрали *все* вещи и *все* деньги, и она осталась на ули-

це Унечи с сыном, который после истязания не мог сделать ни шагу. К тому же тревожила, мучила мысль: а вдруг Хавкина опять переменит милость на гнев и снова велит арестовать, для новых мук. Необходимо было бежать, а как убежишь? По счастью, нашелся добрый человек, еврей, который, сжалившись над несчастными, украдкой на подводе перевез их на немецкую сторону. Этот случай мне рассказала молоденькая актрисочка, сама побывавшая в лапах Хавкиной всего недели полторы назад. Хотя актрисочка (не знаю ее фамилии, зовут Наташей) отделалась легче и по натуре, видимо, существо кроткое, тем не менее, узнав о смерти Хавкиной, она перекрестилась и сказала: «Нехорошо радоваться чужой смерти, но слава Богу, что этого зверя больше нет в живых!» История актрисочки тоже прелюбопытная. Она ехала с компанией миниатюрных актеров, в числе коих имелся «угадыватель мыслей». В Унече они успели сунуть взятку, и их хотели было пропустить с багажом, мгновенно. Но вдруг, рассказывает Наташа, на платформу, где мы стояли, вышла молодая женщина, хорошенькая, высокая, со странными зелеными, какими-то пустыми глазами, очень ярко выраженная еврейка, одетая в солдатскую гимнастерку, короткую юбку, высокие сапоги. На поясе револьвер, в руках плетка. Это была Хавкина. Почему-то она заподозрила в нас контрреволюционеров, и все наши труды и взятки пропали даром. Нас арестовали и повели в Чрезвычайку. Здесь мы долго убеждали Хавкину в своей аполитичности. Она не верила. В разговоре мы упомянули о присутствии среди нас угадывателя мыслей. Хавкина улыбнулась и сказала: «Хорошо, вот если он угадает мои мысли, я вас отпущу. А если нет — всех к стенке!» Вероятно, мы погибли бы, если бы, к счастью, нас, ввиду переполнения арестных помещений, не разместили на селе, где мы успели собрать некоторые сведения и сплетни о Хавкиной. Оказывается, что у нее был любовник совершенно противоположных взглядов, ныне сражающийся в Добрармии. Угадыватель решил идти *va banque*. Да, я забыла сказать, что для пушего удобства угадыватель все время притворялся французом, не понимающим по-русски (на деле он был одесский еврей и говорил по-русски не хуже нас с вами). И вот на другой день разыгралось следующее. Мы пришли к Хавкиной. Угадыватель взял ее за левую руку и, с сосредоточенным видом, медленно выдавливая слова, начал говорить. Я переводила, тоже, по возможности, медленнее, все время его переспрашивая, чтоб дать ему время старательнее обдумывать слова. Сначала он нес какую-то ерунду. А потом вдруг сразу, быстро: «Вы думаете о вашем любовнике! Он в Белой армии! Вы думаете о нем день и ночь!» Хавкина вздрогнула, словно ее вытя-

нули хлыстом, покачнулась, побледнела, крикнула: «Дальше!» Но наш угадыватель, не будь дурак, отбросил ее руку и с криком «не могу больше!» повалился на землю в совершенном изнеможении. Хавкина круто повернулась, крикнула: «Дать им пропуск!» и ушла. Тут мы обнаглели; решили: надо выручать багаж. Делегаткою к Хавкиной послали меня. Она сидела за столом, злая, сумрачная, расстроенная. Я ей объяснила, в чем дело; она посмотрела на меня пустыми глазами, спросила резко, на «ты»: «Ты жива?» Я растерялась. «Ну, и благодари судьбу, а не лезь ко мне с глупостями. Пошла вон!» Так мы багажа и не получили.

Брусиловский, издатель «Анчара», знакомый с немцами, рассказывает со слов какого-то лейтенанта, что конец Хавкиной был подстроен. Немецкие пограничные офицеры, возмущенные ее зверствами, решили положить им конец, и, выследив однажды, когда она с небольшим конвоем объезжала нейтральную полосу, перешли границу и взяли ее в плен, предъявив ей обвинение в том, что она поймана на украинской территории как шпионка. Это было неверно, но не в том заключалось дело. Ее отвезли в Ново-зыбков (протест большевиков, присланный из Унечи, остался без последствий), военно-полевой суд мгновенно вынес смертный приговор, и Хавкину повесили на путях ст. Ново-зыбков, причем вместо виселицы на сенных весах. Перед смертью эта жестокая женщина безумно струсилась, отбивалась от солдат, пыталась бежать, так что ее пришлось на руках поднять до петли. /.../

Записи

/.../ Был у только что приехавшего А.А.Мануйлова. Постарел он, осунулся, очень печален. На Украину смотрит мрачно. О Шуре⁴⁹ не имеет никаких сведений. Насчет большой газеты говорит уклончиво: по-видимому, поста редактора не примет.

Ведов привел к нам Э.А.Дубоссарского, петербургского присяжного поверенного, к.-дета, которого встретил у министра торговли Гутника /.../. Э.А. когда-то, в 1917 г., в дни «уличных митингов», славился умением сбивать с толку агитаторов левой, избретших некий преехидный прием: перебивать неприятного им оратора совершенно нелепыми вопросами, например: «Это все хорошо, а вот как ультиматум?» Оратор обычно терялся, и толпа сразу проникалась к нему презрением: «Ультиматума не знает, а туда же лезет!» Но Дубоссарский обычно на такую чушь отвечал не меньшею чушью, вроде: «Ультиматум — это что, а вот как вы

насчет статукво?» Не ожидавший отпора агитатор терялся в свою очередь, и, конечно, толпа мгновенно переходила на сторону его противника: «Тоже выискался умник! Суется с неумытым рылом! Небось, про статукво не знаешь? Эй, кто поближе, дайте ему по шее!» Мне Дубоссарский очень понравился: умен, воспитан и интересен в разговоре. Рассказывал много любопытного про Крым, где живет постоянно, и про Добрармию. Крым сейчас учреждение опереточное: правительство гр. Татищева — тень власти, даже по сравнению с министрами ясновельможного пана гетмана, ген. Сулькевич — просто немецкий губернатор. Всем заправляют германцы, которые *весьма популярны*, ибо держат себя выше похвал, корректно и сдержанно. Ихнее командование издало прелюбопытный приказ, который был прочтен в частях, — не иметя победоносного вида, чтобы не раздражать население. Но местная общественность, тем не менее, настроена антантофильски и крепко связана с Добрармией. С с.-рами, к.-детьми удалось достигнуть некоего единения; вообще, крымские с.-р. изрядно поправили, с ними можно разговаривать, не то что с.-д., безнадежно погрязшие в доктринерстве. О Добрармии Дубоссарский отзывается восторженно: пламенный порыв патриотизма, геройство, жертвенность. Но, к сожалению, эти чувства свойственны далеко не всему населению занятой добровольцами территории: в то время, как казаки настроены резко антибольшевистски, мужики, иногородние, в тайниках души вздыхают по красным и очень не любят «кадет» — так называют на Кубани добровольцев. Дубоссарский толком не мог добиться, откуда произошло это название — от партии или от кадетских корпусов? /.../

Какая ужасная случилась глупость! Ночью арестовали Д'Актиля, неизвестно за что. Арестовали его немцы, украинская власть здесь ни при чем. Наоборот, староста поспешил сообщить немецкому командованию самые лучшие сведения о Д'Актиле. Я навестил его (он не в тюрьме, а в верхнем этаже общества «Россия», обращенного немцами в арестный дом). Очень бодр, весел, надеется, что через несколько дней недоразумение рассеется. Проводит время в спорах с коммунистами — соседями по камере и жалуется, что очень надоели своей тупостью. Просит, не покладая рук, работать над «Анчаром», чтоб №1 не замедлил выйти. /.../

Контрабандисты

Вчера прочел в газете известие о расстреле, при попытке перейти границу, Евгения Венского, а сегодня встретил его на Сум-

ской — живого, конечно. Известие о расстреле сфабриковано Фаюткиным. Сей последний — личность высокопримечательная. Горький пьяница, с рожею разбойника из Брынских лесов, бывший сотрудник курской чернософенной газеты и член Союза Русского народа, он почему-то в Харькове сделался источником чуть ли не всей информации о Совдепии для всех харьковских газет. В редакциях превосходно осведомлены, что фаюткинские «собственные корреспонденции» сочиняются в кавказских погребках Харькова и что их сенсационность прямо пропорциональна количеству спиртных напитков, Фаюткиным поглощенных, но они всегда «бумисты» — и их печатают. Специальность Фаюткина — расстрелы; еще недавно он напугал весь Харьков новостью о расстреле патриарха, ныне опровергнутой. Увидев Венского, я был очень обрадован, что он оказался жертвой лишь фаюткинских зверств, а не рабоче-крестьянского правительства, и на радостях мы отправились в какой-то мрачный погреб, где нашли «убийцу» Венского Фаюткина в компании с молодой женщиной, довольно красивой, по-моему, еврейкой (хотя в разговоре она, не стесняясь, за каждым словом садила «жида»), одетой странно — в очень хороший каракулевый сак, в щегольские сапоги, со складками на палевых голенищах, но почему-то вместо шляпы — в пестрой, красной с желтыми разводами, шелковой шали. При даме находился мальчишка лет 15-ти, в солдатской гимнастерке, в сапогах, которым она, называя его на «ты», хотя он ей «выкал», весьма командовала. Время от времени в погребок спускались какие-то личности, довольно подозрительного образа, которые отводили даму в угол и что-то шепотом ей докладывали с очень почтительным видом: тут были — молодой офицер, два юнца с томными, кокаинными глазами, старая жидовка, намазанная девица и две неопределенных рожи, судя по выражениям, лишь случайно не сидящие в арестантских ротах. Дама выслушивала их, затем отдавала какое-то быстрое приказание, и они мгновенно исчезали. Наблюдая эти странности, я полушутя пропел из «Кармен»: «Здесь, кажется, притон для всех контрабандистов?» — «Совершенно верно! — осклабился Фаюткин. — Это наша хозяйюшка, Кармен наша! Не бойтесь, голубка, Владимир Александрович — свой человек, при нем — можно!»

Все это было так любопытно, что я оставил без протеста не очень-то лестное причисление меня к «своим» для Фаюткина и контрабандистов людям и постарался добиться от харьковской Кармен откровенности. Она, очевидно, убежденная рекомендацией Фаюткина, оказала мне большое доверие и подробно рассказала историю своей жизни. Еще год назад она была самой обыкновен-

ной дамой, мужниной женой, без малейшего признака авантюризма. После большевистского переворота она с мужем, банковским служащим, лишившимся места, решили пробираться на юг, к тетке, жившей в Сумах. Доехав до Харькова, узнали, что тетка умерла, а небольшое поместье дотла разорено и сожжено крестьянами. Они остались в Харькове, еще занятом большевиками. Муж пытался устроиться на службу, но неудачно. Бегая по делам, он схватил испанку и, промучившись с недельку, отдал Богу душу. Жена осталась одна, без копейки, в незнакомом городе. В довершение бед, накануне занятия города немцами, на нее в темном переулке напали раклы и буквально раздели догола, оставив на ней только чулки, и то потому, что убежали, слышав чьи-то шаги. Казалось, пришла полная погибель. Но в это время ей встретился человек, предложивший стать его агентом по перевозке всяческой контрабанды в Совдепию и обратно. Выбора не было — и скромная дама превратилась в Кармен. Сначала она работала в качестве агентки, затем стала компаньонкой, и теперь наконец хозяйкой собственного «предприятия». Сейчас она уже не переходит границу, предоставляя это агентам, но с мая по сентябрь она совершила не менее 15-ти поездок в разные места Совдепии. Обычно ей сопутствовало счастье — попалась она всего два раза, причем в первый дело обошлось сравнительно благополучно: наскочила на сластолюбивого комиссара и, как это ни было неприятно, расплатилась с ним за освобождение своим телом; во второй — вышло хуже; на этот раз она везла из Москвы не товар, а изрядное количество защитных в пояс бриллиантов, за перевоз коих брала с находившихся уже на Украине владельцев 25% — сумму огромную. Чека как-то проведала об этом, и на границе, в Курске, ее задержали — на этот раз для отвращения подозрений она ехала в поезде, как обыкновенная пассажирка. Но в момент ареста бриллиантов у ней уже не было: словно предчувствуя беду, она передала их следовавшей в том же вагоне другой контрабандистке, имевшей фальшивые документы члена большевистской партии. В Курске quasi-коммунистку пропустили свободно, а нашу даму, Елену Евгеньевну З., арестовали.

— Вначале я отнеслась очень спокойно к аресту, — рассказывала Елена Евгеньевна, — бриллиантов при мне не было, и, как меня ни обыскивали, ничего подозрительного найти не могли. Я возмущенно отвякивалась, скандалила, требовала освобождения. Но, очевидно, у них были слишком точные сведения; меня не отпустили, а посадили в одиночку, куда на другой день явилась для допроса латышка ужасного вида, которая, безрезультатно побившись со мною часа два, начала меня пытаться. Если бы вы

знали, как она меня мучила: жгла пятки на огне, хлестала стеклом, тушила о грудь папиросу, выворачивала суставы, вкладывала пальцы в дверную щель, колола иглою плечи — еще теперь все мое тело в шрамах. Боль была нестерпимая, и часто мне хотелось сознаться, все равно теперь они не могли догнать мою ложную коммунистку. Но меня удерживала мысль, что, признайся я, они со злости меня непременно расстреляют. Поэтому я продолжала, несмотря на мучительство, отрицать даже само существование бриллиантов. Наконец латышка оставила меня в покое и ушла. Вероятно, на другой день она возобновила бы пытку, но, на мое счастье, Фаюткин, узнавший о моем аресте, пустил в ход все, чтобы добиться моего освобождения. Сам он многого сделать не мог, так как жил конспиративно, собираясь задать лататы. Но в его руках были нити нашей организации, и он нажал на некоего коммуниста, коему мы платили изрядное жалование за содействие нашей контрабанде. Этот коммунист, сфабриковав подложную телеграмму из Брянска об аресте там женщины с бриллиантами, убедил начальника Чека в полной моей невинности и освободил меня в ту же ночь. Самое ужасное было то, что после перенесенных мук я не могла двигаться и осталась в Курске. Правда, наш коммунист нашел для меня пристанище, по его уверениям, совершенно безопасное, но все-таки три дня, пока я отлеживалась в этом «безопасном» месте, были для меня хуже пытки. А затем я нашла способ перебежать через границу. После этого я прекратила поездки, действую через агентов.

Контрабандное предприятие поставлено в высшей степени широко: есть агенты, перевозящие продукты (это, между прочим, самое безопасное — риск только в том, что продукты могут отобрать, да слегка при этом двинуть в зубы прикладом); есть специалисты по доставке оставленных в Совдепии бежавшими владельцами ценностей (это — опасно); есть, наконец, агенты особые, о которых Елена Евгеньевна говорила неохотно, вскользь, — как мне кажется, работающие в немецкой контрразведке (эти, конечно, рискуют головой). Мальчик в солдатском наряде оказался, например, специалистом по перевозке писем. Судьба его сходна с судьбой самой Елены Евгеньевны. Он хорошей, интеллигентной семьи, учился в Пятигорске, когда грянул октябрьский переворот, в то время как его семья — мачеха и две сводные сестры — жили постоянно в Москве. Будучи отрезан от своих, мальчик решил с ними соединиться и, с большими трудностями, добрался до Москвы, но здесь оказалось: мачеха и сестры выехали неизвестно куда. В Москве у него не было знакомых, он очутился на улице, без денег и, вероятно, погиб бы, если бы на него не на-

ткнулась Елена Евгеньевна и не «приспособила его к делу». Теперь он каждый месяц не менее трех раз переходит границу, переноса, за хорошую плату, корреспонденцию на Украину и обратно. Ему удалось найти почти безопасный путь, а именно: он доезжает до ст. Полтенская, откуда идет пешком до Десны (это недалеко, верст 11) и затем на лодке спускается вниз по течению до Украины. Берега никем не охраняются и ловить сего своеобразного почтальона некому. Только однажды его захватил разъезд, как раз тогда, когда он собирался отчалить от берега. Но так как он успел спрятать письма на дне лодки, то дело обошлось пустяками: его выпустили, правда, наградив несколькими ударами нагайки (но на такие «пустяки» кто же обращает внимание?).

Записи

/.../ В Киеве совсем ополоумели. В такой трудный момент не нашли ничего лучше, как нажать в украинomanскую сторону. Гетман отверг предложение большинства кабинета проводить политику федерального объединения с Россией и резко противобольшевистскую линию, предложение, за которое высказались все, кроме Лизогуба и Кистяковского. Кабинет подал в отставку, и новое министерство будет составлено, вероятно, из «ширых». От широты закокетничали даже с Винниченко, которого принял гетман. Любопытно, о чем пан Павло разговаривал с этой продажной тварью, политической б... на содержании Вены. Одновременно хотели велико создать автокефалию. Святые морщатся, но, вероятно, создадут: ведь «нести власти...», даже в том случае, если власть эта — гетман Скоропадский.

Из совдеповского быта: председатель исполкома говорит меланхолически: «Вот, товарищи, когда выставляли у нас угощение, всегда бывал пленум, а как перестали — никогда кворума не соберешь».

Прибежал ко мне перепуганный Ведов. Брусиловский отказался издавать журнал наподобие «Синего». Ведов обиженно заметил, что он уже собрал материал для первого номера. Брусиловский весьма благородно сообщил, что он считает своим долгом оный материал оплатить. Ведов тогда впал в транс: ведь на деле у него нет ни строчки, а тут — живые деньги. Умолял меня помочь ему сочинить до завтра №. Я сначала отказался от эдакой арапской штуки, но Ведов так приставал, что я согласился, написал первую главу романа «Любовница Дракона» (второй главы, ко-

нечно, не будет), Ведов выкопал какой-то свой рассказ. Затем достали несколько стихов и, наконец, сочинили «разные разности» — невероятную чушь о тыкке «Президент Вильсон», о голубых бегемотах, будто бы открытых в Африке, изображение особого колокола, автоматически возвещающего о восходе солнца (действительно, необходимое изображение!) и т.п. чепуха. Хохот при сочинении был великий. /.../

Приехал в Харьков Милюков. Я присутствовал на его докладе на закрытом заседании к.-д. партии. Сущность доклада: необходимость объединения всех антибольшевистских фронтов. Невозможно дальше терпеть, чтоб гетман сепаратно сговаривался с Красновым (в Скороходове), чтобы каждый генерал образовывал особую армию, чтобы на востоке не знали, что делается на юге. О союзниках Милюков отзывается сдержанно: «В 1917 году все их представители настаивали, чтобы мы объединились с большевиками на предмет сокрушения немцев». Интересны сведения об Уфе. Оказывается, план издания Директории был выработан еще летом в Москве, совместно правыми и левыми. Но успехи чехословаков так вскружили голову с.-рам, что они, забыв о Директории, начали мечтать опять всецело захватить власть в свои руки, что и случилось на Волге и что было главной причиной поражения «Народной армии». По счастью, Сибирское правительство, состоящее в большинстве из к.-д., сумело сделать оппозицию волжским социалам, — и, в результате, в Уфе удалось достичь компромисса: наконец осуществилась давняя мысль о Директории и, самое главное, отпала ответственность вновь избранного правительства перед Учредилкой первого созыва. Но все-таки, социалисты и здесь не могли обойтись без надувательства: вместо предполагаемой тройцы — одного правого, одного левого, одного военного, — выбрана пятерка с подавляющим социалистическим большинством: два с.-р. (Аргунов и Авксентьев), один беспартийный социалист (Вологодский) и военный, ген. Болдырев, коего тоже надлежит причислить к левым, ибо в 1917 году «он усиленно махал красным флагом». К.-д. же представлены В.А.Виноградовым, человеком без авторитета и не крупным деятелем. Единственное, что несколько смягчает левизну Директории, это то, что Вологодский сильно поправел и сейчас социалист лишь по имени. Но, как бы то ни было, Н.И.Астров, намечавшийся в Директорию как представитель к.-д., ввиду таких результатов уфимского компромисса, решил, с полного согласия Центрального комитета, в Сибирь не ехать и остаться в Екатеринодаре.

Почти две недели ничего не записывал: погибал; лопнули, рухнули все надежды на кабаре, журналы, газеты. Одно за другим не выходили намеченные предприятия: большая же газета промышленников, которая могла бы все спасти, по-прежнему стоит на мертвой точке. В поисках редактора уцепились было за Чирикова, но Евгений Николаевич почему-то отказался. А тут подошли, настигли великие события: германская революция. Пока в ней нет ничего страшного. Немцы понимают, что если рассовдепятся, то погибнут, и совдеп их умеренный (хотя все-таки тяжело: неужели же надо было создавать такую великую культуру, науку, искусство, породить Гете, Канта, Бетховена, Вагнера — только затем, чтобы в Берлине сидел Совет рабочих и солдатских депутатов?). Внешне революция заметна лишь в трагическом виде офицеров и в некоторой небрежности, с какою солдаты ходят по улицам. Но внутренне — очень тревожно: теперь немцы нас защищать не станут, гетман — совершенно бессилён... Правда, все верят в скорый приход союзников: *промежутка* не будет — так твердят все. Ну, а если будет? Недаром сволочь подняла голову: рабочие забавляются забастовками — день сидим без воды и света, но завтра забастовка прекратится, что[бы] послезавтра возобновиться вновь; на юге — форменная Жагерия. Надо бежать, чувствую всем существом, а как убежишь? Денег нет совсем: Музикус тянет с лекциями и еще неизвестно, смогут ли они состояться? Больно тревожно!

Спасен. Слава Богу! Телеграмма от Севского: «Войсковое правительство предлагает пост редактора "Донских Ведомостей"». Выезжаю немедленно (денег удалось достать, продав Сене Покрассу несколько стихотворений для романсов. И комичен же был Сеня, когда, закрывая глаза от восторга, пел трогательным голосом: «Вас увижу вновь, любви больной, усталой, изысканно-ненужная мечта!»). Уф! Кончил муки. Между прочим, вчера, перед получением телеграммы, я нашел на Павловской площади подкову. Вот и не верьте после этого приметам! /.../

«КРАСНОВСКИЙ» ДОН (ноябрь—декабрь 1918 г.)

I. Записная книжка

Дорога до Никитовки — пренеприятная. /.../ По дороге давка, к счастью, лишь до ближайшей станции, дальше свободно (от Бахмута возможно было прилечь и заснуть), всеобщее антиболь-

шеви́стское настро́ение (быть может, потому, что вагон II класса, — то есть, фактически, он IV-классный, но на нем плакат: «Се лев, а не собака» — «Только для гг. пассажиров I и II кл.»), много офицеров, едущих на призыв по гетманской мобилизации к своим участкам. Наклон мысли у них смутный: с одной стороны — надо организовываться, чтобы не пустить большевиков, с другой — *гетмана никто не понимает*; без немцев — гетман бессмыслица... Краснова понимают, Деникина *очень* понимают и сочувствуют вполне и всецело, но пан Павло, увы! как-то никак не приемлется по-настоящему...

Кстати: *pot фон Менгельбера*⁵⁰: «Excellenz, как вы относитесь к гайдамакам?» — «Да как можно относиться к людям, у которых из головы растет хвост?»⁵¹

Дорога вообще в порядке, но чувствуется некоторое запустение: явно, что наводившая порядок рука ослабла... Большие станции — Изюм, Бахмут, Никитовка — недурны: светится электричество, чисто, в буфетах еда; полустанки и даже средние станции, вроде Змиева, — отврат! тьма, грязь, керосиновая копилка в единственном числе на весь «вокзал». Ехали густыми лесами; по этому поводу веселенький разговор: о разбойниках. Шалят здорово — отчасти дезертиры, отчасти — молодые парни окружных деревень. Открытого восстания здесь не было во все время германской оккупации, но разбойная гверилья процветала, благодаря густым лесам по Осколу, даже в дни наибольшей германской неприятели. Один из сопутников, молодой офицер, мелкопоместный из-под Славянска, говорил, что все лето они у себя в усадьбе несли форменную караульную службу, спали не раздеваясь, с оружием, — веселая жизнь! У нас, в Черниговщине, — *этого*, слава Богу, — нету!

Еще любопытный разговор, со всей полнотой выявляющий неизреченную бездну гениальности и здравого смысла у правитель Державной Украины... После Бахмута к нам подсел старичок-кондуктор, принявшийся слезно жаловаться на то, что, прослужив 30 лет на Южной дороге, теперь никак не может привыкнуть к Северо-Донецкой: и жалованье меньше, и там он был обером, а здесь — младшим и т.д. Мне старичок понравился — настоящий трудящийся человек, не из «пролетариата», не смотрит на труд лишь как на средство шантажа хозяина. Во время большой забастовки (в мае) он был вполне сознательным «штрейкбрехером». И Управление Южной дороги отблагодарило старика тем, что при сокращении штатов уволило его в первую очередь.

Ехавший с нами инженер (кажется, важная шишка), внимательно расспросивший старика и обещавший ему помочь, говорил

не без горечи: этот случай не единичен, сплошь и рядом выгоняют служащих, которые в дни большой забастовки исполняли свой долг, а на их место сажают чуть ли не большевистских агитаторов... Когда слышишь эдакое, начинаешь сомневаться насчет возможности появления у нас столь чаемого мною Суллы...

Никитовка: толчея в зале, сконфуженные немцы: у офицеров — вид подлинно трагический, солдатня — растеряна и не знает, что делать — то ли сохранять «*Deutsche Tapferkeit und Biederkeit*»*, некогда столь восхищавшие Карлейля, то ли следовать примеру русских товарищей и мгновенно «окерензониться»... Насчет *Tapferkeit* уповаю слабо: думаю, без Вильгельма — никакие *Tapferkeit*'ы немеслимы, но и «*Declaration des droits de l'homme et du soldat*»** (столь же идиотская, сколь и ее прототип, сочиненный в 1789 году), вероятно, не пройдет, просто потому, что с «декларационными» ни один немец живым с Украины не выйдет.

Вообще же декларацион, к несчастью, делает большие успехи: говорят о «выступлении большевиков» в Юзовке и в Мушкетове, а в Никитовке я читал газетку, издающуюся в Енакиеве (сверхбольшевистское гнездо!) — декларацион на 70%! Газета лево-меньшевистская, пишут там те же харьковские Сацы и Коны, но тон — куда харьковскому «Пути»! Казалось, воскресла, недоброй памяти, не к ночи будь помянута, горьковская «Новая Жизнь»: особенно ненавидят добровольцев, такие слова загнуты по адресу Деникина, что меня охватило полное бешенство...

Коллекция *mots* в Никитовке обогатилась новым анекдотом (рассказывал какой-то поручик соседке):

«— Дед, а дед, что теперь твой внук делает?

— Служит, батюшка, служит, хорошая служба!

— Да где служит?

— А в бандах, батюшка, в бандах...»

Чем не декларацион?

Одна попугачица уверяла меня, будто Никитовский вокзал замечателен тем, что на нем арестовали Бочкареву, когда она пыталась перейти большевистский фронт, направляясь к Корнилову. Не знаю, так ли это? Про Бочкареву писали, будто она расстреляна. Если правда — жалко.

Конечно, ее затея с женским батальоном была чепуха, освященная лишь трагедией конца, ужасом октябрьской ночи на Дворцовой площади, — но, вместе с тем, были у Бочкаревой и пафос, и подлинное страдание за Россию, и большая любовь к ней, и,

* Немечкая отвага и честность (нем.).

** «Декларация прав человека и солдата» (фр.).

главное, — презрительная храбрость души: когда большевички, провокационно проникшие в батальон, попытались устроить там непотребство, она, недолго думая, приказала их разложить и всыпать каждой по 50 розог (а это было в *июне 1917!*); когда, при отправке ее батальона на фронт, рабочие начали забрасывать девушек-солдат камнями, Бочкарева выхватила шашку и одна ринулась на толпу. «Трудящиеся массы» бежали мгновенно и с излишней поспешностью.

Харьцызск: идиотское впечатление — таможня и просмотр паспортов посреди России. Визы для въезда на Дон у меня не было (да и получить ее в Харькове невозможно, так как нет никакого учреждения, которое ее выдавало бы), но после разговора с казачьим офицером, предъявления документов — телеграммы от Войскового правительства, приглашающего редактировать «Донские Ведомости» и редакционного билета «Вольности», он стал любезен, повторял: «Милости просим на широкий Дон!», долго тряс руку. Сообщил: в Новороссийске уже высадились дикие новозеландцы (он почему-то полагает, что они черного цвета). Если так — мои надежды на Суллу опять повысились.

В буфете за завтраком (буфет весьма обилён — балыки, икра, и все недорого), разговор с тремя инженерами из Макеевки. Инженеры — мелкие, но настроены антибольшевистски до предела. /.../

О Макеевке (иначе, город Дмитриевск) говорят с сокрушением: шахтеры и рабочие спят и видят красные флаги, власть Советов и т.п. декларацион. Усиленно приглашали меня приехать туда с лекцией...

Дорога: отраднейшее впечатление настоящего порядка. Во всем сразу чувствуется, что здесь — не бутафория «неньки Украинны», не «Веселая вдова», существующая милостью оккупантов, а некоторый, органически налаженный, *свой* собственный, от коренной почвы выросший строй. Впрочем, поезд идет скверно. В вагоне — антибольшевистские разговоры, — единодушные ровное: дама с перигидролевыми волосами, тихий спекулянт в рыжих гетрах, полька неизвестного звания и совсем молоденькая девушка, у которой убили жениха в Ледяном походе. Барышня произвела на меня впечатление огромное: когда рассказывала о гибели жениха, о бегстве из Тульской губ., где у них была разгромлена взбесившимся «богоносцем» усадьба, — сердце мое нестерпимо горело жалостью и гневом. О, Господи, «что они сделали с *моею* Россией!», как сказала Савинкову одна молодая девушка*.

* На этом восклицании был построен фельетон Б.В.Савинкова в «Русских Ведомостях» незадолго до гибели газеты (в мае или июне 1918 г.).

Поражала бедная барышня каким-то светлым приятием тяжелого пути своего: даже в рассказе о смерти жениха не слышалось ропота, а только пламенный порыв к жертвенности, к спасению Родины...

Да, пожалуй, именно такие праведные мальчики и девочки спасут нашу несчастную Блудодейницу — получше диких новозеландцев...

Декларация в вагоне почти не приметно: только когда тихий спекулянт, прочитав в газете список новых расстрелянных «в порядке красного террора», начал возмущаться казнью нескольких женщин (в числе их погибла в Москве Л.Кастальская. Бедная Би-ба-бо!* Что могло совершить это существо, столь далекое от политики? За что ей выпал венец мученицы?).

II. Дневник

14 ноября

Сегодня утром приехали в Новочеркасск с Севским. Немедленно отправились в редакцию, где я познакомился с редактором Н.А.Казминым — рыжебородым Сахаром Медовичем, который принял нас сверхлюбезно, мгновенно согласился на мои условия, выдал аванс, принял предложенные мною кандидатуры Ведова и Венского и долго извинялся, что редактор — он, а не я, объясняя мне исключительно своим казацким происхождением. Он обещал быстро найти мне комнату, пока же предложил приют у себя на квартире.

После редакции мы втроем направились на прием к Краснову. На площади перед атаманским дворцом к Севскому подошел какой-то необычайно уверенный господин в английской форме, говоривший громко и решительно. Физиономия его показалась мне знакомой. Услыхав, что Севский зовет его Алексеем Федоровичем, я догадался, что это — знаменитый Аладьин⁵² — первый тенор российской левизны в 1906 году, а ныне губернатор той самой Саратовской губернии, которая некогда посылала его брать сверхреволюционные «до» в Первой Думе. Губернаторство его, впрочем, того же типа, что и гетманство Скоропадского: «Веселая вдова»...

* Л.В.Кастальская — молодая артистка *кинематографа*, хорошо ведомая всей московской «богеме», известная под прозвищем Би-ба-бо (хотя несколько не походила на эту уродливую куклу и отличалась привлекательной внешностью). Расстреляна большевиками безо всякой вины, по какому-то доносу 4 ноября 1918 г. в Петровском парке.

На приеме у Краснова пришлось долго ждать. Севский познакомил меня с И.А.Родионовым, автором «Нашего преступления», ныне редактирующим в Новочеркасске мрачно-черносотенную газету «Часовой», в сотрудники коей следовало бы пригласить с того света Амана, Навуходоносора, Тита, Торквемаду — столь она антисемитична⁵¹! Несмотря на свою правизну, Родионов весьма тепло вспоминал моего отца, у которого когда-то начинал работу в «России». Мое сообщение о значительном поправении отца, а особенно о том, что отец сделался антисемитом, привело Родионова в полный восторг. Дальше разговор перешел на донские события. Родионов долго восхвалял организаторский талант Краснова, спел панегирик начальнику Донской армии ген. С.В.Денисову, на коем сосредоточена вся ненависть и проклятия «донской оппозиции», и ожесточенно ругал Добрармию и Деникина за республиканизм. Уверял, будто бы своими ушами слышал, как Деникин однажды сказал: «Что бы ни случилось, — а династию Романовых восстанавливать я не охотник. Эта игра сыграна». Озлобленность Родионова против Добрармии, общая для всех правонастроенных казаков, огорчила меня донельзя: какое безумие подобная распря, раздор, политиканствующие дискуссии в столь тяжкий период, когда с красными далеко не окончено, когда опасности растут. Но в одном пункте я совершенно с Родионовым согласен: это вопрос о нашем фырканье на Краснова за «измену союзникам». Доктринерское непонимание обстановки. Стовор с немцами спас Дон. Это поняли те простые казаки Гундоровской станицы, которые, подняв восстание против большевиков, по постановлению станичного схода послали делегатов к приближающимся немцам с просьбою поспешить на помощь, но этого почему-то не хотят понимать очень умные люди в Екатеринодаре. А вместе с тем, патриотизм гундоровцев, нынче образующих один из лучших полков Донской армии — Гундоровский георгиевский, — конечно, вне всякого сомнения. Между прочим, Родионов рассказал о довольно злом mot Денисова. Однажды Драгомиров в припадке раздражения назвал Донскую армию «немецкой содержанкою» за то, что она получает снаряды от немцев. «Позвольте, — ответил Денисов, — но ведь половину снарядов мы отдали вам. А скажите, как называются люди, с которыми содержанки делятся тем, что заработали?» Это очень нехорошо и зло сказано: мне определенно сделалось тошно и неприятно от этакого анекдота. Но, конечно, факт остается фактом: наличие немцев на Юге России не только спасло так или иначе связавшиеся с ними Дон, Крым и Украину, но в значительной мере способствовало и августовским успехам Добрармии. И поли-

тически, конечно, непримиримый антигерманизм Главного командования был ошибкой; Милуков в летней своей ориентации стоял на вполне земной, здоровой почве, тогда как «верность союзникам» всегда оставалась беспочвенною мечтою. Тем более, что весьма проблематична величина ответная — «верность союзников»; я лично не могу забыть ни петербургских разговоров во французском посольстве в ноябре 1917 года, когда нам рекомендовалось забыть все разногласия и, под руководством большевиков, идти в бой за «belle France», так как сия красавица есть ценность столь великая, что ради нее следует погибать, о себе не заботясь: одним словом — «dulcius et decorandum est pro Gallia mori»*, — ни того, что летом 1918 года в Москве говорили военные представители союзников. Ведь даже Иван Николаевич Эрмеш, при всей его пламенной ненависти к большевизму, помню, никак не мог понять нашей непримиримости и находил, что если бы большевики разорвали с немцами, они мгновенно превратились бы в национальное русское правительство. А дурацкое восстание левых эс-эров привело милейшего Ивана Николаевича в превыспренный раж, и он искренне недоумевал, почему мы не хотим стать рядом с Кацом-Камковым, Юрой Саблиным и Маруськой Спиридоновой (ведь они кричат «Долой Германию!» и убили Мирбаха). О совершенно таком же отношении к большевикам представителей союзников в период до Бреста говорил и Милуков на заседании к.-д. партии в Харькове, незадолго до моего отъезда. Любопытно, что, по словам Севского, ген. Алексеев, незадолго до смерти, подумывал о переговорах с немцами.

Беседа моя с Красновым продолжалась недолго и никаких особых политических вопросов не затрагивала. Впечатление он на меня произвел прекрасное: в нем есть что-то нерусское (даже внешним видом, грубоватой речью, лоском манер он похож на иностранного генерала), и эта нерусскость составляет именно те качества, какие, по-моему, необходимы для Суллы: способность к эффекту (и любовь к нему), заостренность воли, желание практически пользоваться выкинутыми на соблазн отвлеченностями (чего, например, совсем не было у «Керензона», хотя никто не извергал столько соблазняющих отвлеченностей), вообще, полное отсутствие каратаевской «круглости», этого расплывчатого хаоса, хляби. Краснов — весь «линеен», весь подчеркнут, и в этом главное его достоинство, ибо из Каратаевых — Сулл не получится — никак.

* Нет ничего более сладостного и достойного славы, чем умереть за Галлию! (лат.).

На Севского Краснов тоже произвел огромное впечатление. «Это человек!» — сказал он, выйдя из кабинета атамана.

15 ноября

Первый день работы в редакции. Положение черт знает какое: никакой организации и никаких сил, информация поставлена из рук вон плохо, — киевские, одесские газеты получаем только случайно, пробавляемся Ростовом и Екатеринодаром. Сводки Добрармии и Донармии, конечно, поступают аккуратно, но о фронтах Директории — сведения вроде как бы о Пелопонесской войне. Репортажа — никакого. Казмин ничего не смыслит. Вообще, хорошо еще, что сознает свое ничтожество. Слава Богу, что типография приличная: есть ротационка (реквизированная у ростовских с.-д.; этим трюком Краснов в свое время погубил газету Васильева и Петренко, «не нарушив свободы слова»), довольно калошистая, но действует все-таки, хороший штат, прекрасный метранпаж. В общем, работы уйма: придется сидеть в редакции от 12 до 3, от 5 до 8 и потом ночью, на выпуске. К счастью, выпуск заканчивается рано, часам к 12-ти. Сегодня две сенсации:

1) манифест Скоропадского о федерации с Россией; если ясно-вельможному удастся провести это — да простится ему «Веселая вдова»;

2) приказ ген. Денисова о том, что мятежные села в Таганрогском округе будут — в случае, если что не так, — отравлены газами. Впечатление от приказа, надо сказать, отвратительное... Совсем этого не нужно, усмирить мятежное село можно и менее «культурными» способами, а большевикам новый предлог для воплей о белом варварстве. Тем более, что все это — одна словесность: никогда никаких газов ни на какое мятежное село не пустят.

Познакомился с генеральшей Болдыревой, женой сибирского главнокомандующего. Рассказывает про Сибирь идиллически: полное единение всех сил для борьбы с большевиками, уфимский компромисс вполне выяснил положение, Директория сильна, и с.-р. слушаются правых (в последнем сильно сомневаюсь!). Приятно одно ее сообщение: оказывается, сведение о крупной роли на Сибирском фронте ген. Черемисова — утка газетная. Г-жа Болдырева с великим негодованием отвергает даже самую мысль о возможности для ее мужа сотрудничать с этим предателем, погубившим ноябрьское наступление Краснова на Петербург в 1917 году. Бывший вместе с г-жой Болдыревой поручик Пешехонов рассказал любопытные вещи про Савинкова и Лебедева. Оба, ока-

зывается, отнюдь не в фаворе. Первому не прощают Ярославля, — и правильно поступают, ибо более нелепой авантюры, более преступной затеи — поднять восстание в городе, к которому *ниоткуда* не могло прийти помощи, нельзя придумать. Защита Ярославля, конечно, одна из самых героических страниц белого движения, но безумие этого предприятия от сего не уменьшается. Что же касается Савинкова, то он и в героизме-то не участвовал: испарился, аки дым, едва сделалось ясным, что дело проиграно. И исчез поганю: подделав телеграмму, которой будто бы Нуланс вызывал его в Вологду. Лебедеву же не прощают Казани. Правда, казанская операция привела к захвату золота. Но общий план был столь неудачен, что в результате, кроме потери города, ничего получиться не могло. Вообще, с.-рский мореплаватель выплыл «из-за острова на стрежень» в достаточной мере бездарно.

По рассказам Пешехонова выходит, как будто, что с.-ры, по крайней мере, правые, — поумнели. Символ поумнения — трехцветная кокарда, принятая в армии. Любопытно: и тут с.-рам хотелось побаловаться красненьким, и первоначально они предполагали опрокинуть наш *tricolor*, то есть, чтобы белая полоса была внизу. Однако это вызвало столь резкий протест, что пришлось не только оставить сии реформы, но Лебедев даже издал грозный приказ по поводу опрокидывания национальных цветов на мачтах волжских пароходов. В приказе Лебедев писал: «Чтобы это безобразие прекратилось».

Пешехонов — очень милый молодой человек, сын Алексея Васильевича. Но ничего от «Русского Богатства», от нашей радикальной «честности», от всей этой нестерпимой пошлости «стояния воплощенной укоризной», которая заставляла В.В.Розанова так остро ненавидеть (и по заслугам!) «Короленок и Пешехоновых». /.../

18 ноября

С Украины тревожные вести: восстание в Харькове и Конотопе, слухи о взятии Киева и даже Одессы украинцами. В Харькове выступил какой-то атаман с примечательной фамилией Балбоган. /.../

Газета налаживается понемногу: нашли прекрасного военного обозревателя, полк. Добрынина, появились в редакции местные к.-д.: Б.А.Бартошевич (Бошич), бывший член II Думы А.И.Петровский, человек растерянно-испуганный, и М.М.Казмичев, председатель Совета присяжных поверенных, провинциальный beau

parleur*, неглупый, но одержимый страстью к беллетристике, — пишет видимо-невидимо стихов. Нашли репортеров — москвича Кубанского и некоего Успенского. Последний почему-то, войдя в редакцию, приветствовал меня столь радостно, что Казмин решил — это мой старый друг, и, так как мои желания сейчас в редакции — категорический императив, сразу дал Успенскому жалованье. А я хорошенько даже не помню, где видел этого самого Успенского — то ли в Москве, у «Бома», то ли в Харькове, в «Ренессансе». Тон газете даю боевой, резко антисоциалистический и, вместе, настолько либеральный, что довольна и «оппозиция» (хотя, вообще, «либерализм» этой оппозиции довольно сомнителен). Кроме вышеуказанных, есть еще один сотрудник — Филиппенков, молодой офицер, веселый малый, сочиняющий довольно милые эпиграммы. Вот одна:

Будет ли Петлюра или Ленин,
Самостийность или Совнарком,
Результат событий неизменен:
В Кишиневе предстоит погром.

В настоящее время Филиппенков, как военный юрист, состоит следователем по большевистским делам. Рассказывает много курьезов из первых времен донской военной юстиции, когда во главе ее стояли ничего не ведавшие есаулы и хорунжие. Например: на ст. Евстратовке был задержан мальчишка-газетчик, у которого в голенище сапога нашли номер московских «Известий». Производивший допрос хорунжий из простых казаков тщательно заполнил все графы опросного листа: имя, лета, место рождения и т.д., но в графу «мера пресечения» занес нечто совсем неожиданное: «80 розог». Когда же принимавший у него дело Филиппенков, расхохотавшись, объяснил ему, что в данном случае «пресечение» ничего общего с розгами не имеет и является лишь указанием на способ, препятствующий преступнику избежать наказания, хорунжий философски заметил:

— Ну, положим, после восьмидесяти розог он далеко не убежит. /.../

III. Из записной книжки

Роман Лазарев

Едва ли не главная прелесть жизни на «белом» Юге (оставляя в стороне булку, вино и копченую рыбу) — это ее романтичность:

* красной (фр.).

не то Тридцатилетняя война, не то Смутное время — вообще, декоративно, красочно. Например, такая фигура, как «народный герой» Роман Лазарев, «беспутный, но милый», как его *официально*, в приказе по армии, назвал Краснов. Из простых казаков, кажется, даже не бывший офицером, в момент весеннего восстания 1918 года, Лазарев собрал небольшой отряд, с которым лихо партизанил, истребляя красных в районе Усть-Медведицы и Хопра. Отряд состоял из отчаяннейших головорезов, людей не столько даже храбрых, сколько лишенных малейшего представления об опасности. Любопытно, что среди этих головорезов находилась и одна «головорезка», совсем молоденькая гимназистка-казачка, которая, одетая по-мужски, в высоких сапогах, гарцевала рядом с Лазаревым и принимала участие в боях. Наличие ее в отряде Лазарев объяснял крайне романтично:

— Она меня вдохновляет. Перед боем я посмотрю ей в глаза, а потом уже кидаюсь!

Красные трепетали перед Лазаревым так, что достаточно было его имени, чтобы обратить их в бегство. Неудача он не знал, с кучкою своих архаровцев рассеивая даже крупные единицы большевиков. Войну вел на свой страх и риск, не желая считаться ни с какими штабами и планами и оставляя военную добычу «на дуван» своим молодцам. Однажды им удалось захватить в плен обоз, в котором находилась коляска комиссара, и в ней кипы денег, общему суммою миллиона на два. Из денег этих до Усть-Медведицы доехало лишь несколько тысяч. Ибо Лазарев, усевшись в коляску, приказал гнать лошадей во всю прыть и начал метать деньги по ветру летевшему за ним во весь опор отряду. Причем громко вопиял: «Всё — моим орлам! всё — моим орлам!»

В первый период восстания, когда все делалось партизански, Лазарев был и полезен, и уместен. Но когда начала организовываться правильная армия, наличие подобного сокровища сделалось весьма неудобным, и ген. Фицлаурову было поручено ликвидировать лазаревский романтизм. Дело было деликатное, не только потому, что лазаревцы отнюдь не желали прекращать свою вольную жизнь, но и потому, что общественное мнение Усть-Медведицы было определено за Лазарева. Усть-Медведицкие дамы даже устроили целую демонстрацию: скопом отправились к Фицлаурову просить, чтобы Лазарева оставили в покое, и так надоедали генералу, что он пригрозил облить их водою. Холодною.

Два случая, полно характеризующих Лазарева

1. В его отряде имелся оркестр, постоянно игравший любимую песню Романа «Бабочки, козьячки...» Эта музыкальная этномология надоела офицерам отряда, и однажды за пирушкой в Усть-Медведице между Романом, приказавшим в сотый раз играть «Бабочки», и его адъютантом, хотевшим поразнообразить репертуар, возникла ссора. Дело было в изрядном подпитии, спорщики взбеленились, схватились за оружие, — и в результате Лазарев убил адъютанта. Убивши, долго каялся и устроил торжественные похороны, во время коих произнес следующую надгробную речь:

— Прости, милый Саша, что я убил тебя. Но, сам понимаешь, что если бы я не убил тебя, ты бы меня бабахнул! Так уж лучше я тебя, чем ты меня!

При этом — горько рыдал.

2. Федор Дмитриевич Крюков напечатал в Усть-Медведицкой газете статью с призывом несколько сократить Романовы порывы. Статья была мягкая (ныне Федор Дмитриевич, после потрясений революции, знать не хочет ни о былом радикализме в думской фракции трудовиков, ни об участии в «Русском Богатстве» и эн-эсской партии, и, хотя принадлежит к «донской оппозиции», но к самому правому ее крылу, настолько правому, что в день 25-летия своей литературной деятельности принял от Краснова награду — чин действительного статского советника; принимая во внимание, что 90% этой деятельности падает на революционное народничество, результат получается довольно пикантный; впрочем, Федор Дмитриевич, конечно, прав: раз человек эволюционировал от социализма к определенному монархизму, — почему бы ему не принять награды от монархически настроенного атамана?), — но Лазарев обиделся и на мягкую статью. Осведомился: «Какою рукою он писал эту статью?» — «Конечно, правую». — «Ну так вот, правую руку я ему и отрублю...»

К счастью, явившись к Крюкову со столь смертоносным намерением, Лазарев внезапно раскаялся:

«Увидев светлого старца, — повествовал он впоследствии, — гордость Вольного Дона, я почувствовал себя злодеем и, поклонившись ему в ноги, покинул его дом. Живи, старик, с двумя руками, пиши, старик, правой рукой!»⁵⁴.

Кстати, о другой романтической фигуре Дона — о знаменитом Кузьме Крючкове, первом георгиевском кавалере Великой войны, именем которого называли папиросы и пароход «Ропита», лихую и действительно красивую физиономию которого печатали

на первой странице «Искры» и к которому помчалось на фронт несколько столичных дам, на предмет модного романа (из этого, кажется, ничего не вышло). Здесь — «облетели цветы, догорели огни». Кузьма сейчас ничем не славен: произведенный в офицеры, воюет где-то на Царицынском фронте с большевиками, совершенно не выделяясь из общей массы⁵⁵. /.../

Продолжение дневника

23 ноября

Насчет Киева Агеев соврал, но Одесса, кажется, действительно в руках Петлюры. Вообще дело плохо! Заняты Белая Церковь, Корсунь, Винница, Черкассы, Александровск. Киев не сегодня-завтра очутится в кольце. А с севера вот-вот нагрянут красные. По крайней мере, сегодня есть сообщение о занятии ими Глухова. Хуже всего, что на Украине закипает анархия. Снова выплыли Махно, Маруся Никифорова и другие герои, обладающие «достоинствами великими, но которым на земле одна награда — виселица». В Мелитополе земская управа постановила пригласить Добрармию. Принимая во внимание, что Мелитопольская управа, конечно, эс-эрская (еще от Временного правительства), сие означает: здорово, очевидно, могут залить сала за шкуру. В Крыму низвергают Сулькевича. Ну, этого Махмуда Турецкого не жалко! Низвергают его оригинально: губернская управа уведомила соответствующим отношением за номером, что она больше его не слушается. Сулькевич предлагает «октропровать конституцию», но тщетно: неизбежна его выставка!

В Павлограде — мужицкое восстание. Под красным флагом собрались на площадь, отслужили молебен за здоровье Ленина, разгромили жидов и пошли сражаться под знаменем Интернационала «за землю и волю!» «О, rus! О, Русь!», о, «сознательный гражданин-избиратель»!

25 ноября

На Украине все хуже и хуже. В Киеве студенты устроили демонстрацию против гетмана. Конвой бабахнул залпом — несколько человек убито, судя по фамилиям — исключительно жиденята.

26 ноября

Киевский расстрел студенческой демонстрации вызвал попытку протеста в Ростовском университете /.../ Сегодня ростовский

градоначальник выпустил по поводу университетских событий приказ поистине замечательный: ничего подобного в официальном документе мне никогда не приходилось читать. Начать с того, что приказ облачен в форму... открытого письма к Р.Э.Альбам, студентке, главной агитаторше за забастовку. Так приказ и начинается:

— Ребекка Эльяшевна!

Дальше идет искреннее изумление, почему столько шума из-за киевского убийства — «ведь мы-то в Ростове никого не убили, а если Вы хотите протестовать против всякого убийства, то не забудьте смотаться в Новую Зеландию. Там тоже кого-то убили...» Заканчивается приказ гордым заявлением, что «у нас на Вольном Дону есть своя свобода, свой Атаман и Круг, и никакой другой свободы *мы, таки да, не хотим!*»

Хочот приказ вызвал большой (между прочим, ему нельзя отказать в логичности), но, au fond*, он, конечно, безобразие. Во-первых, со стороны этической: это похоже на издевательство над павшим врагом, особенно неприличное, потому что дело идет о молодой женщине. Ведь эта самая Альбам сейчас сидит в тюрьме, на допросах ее, конечно, дерут, а в близком будущем ей предстоит военный суд — и или расстрел, или виселица (так как вина Альбам не только в забастовке, она оказалась видною большевичкою). А затем, вообще, насколько пристало представителю государственной власти соперничать с Аркадием Тимофеевичем [Аверченко]? Кажется мне: надлежит Сулле и его сподвижникам быть величественными, статуйными, а не фиглярить, как в кабаре.

Между прочим, ростовский градоначальник ген. Греков — вообще какой-то конферансье от полицейского ведомства (что-впрочем, не мешает ему держать Ростов в большом порядке). Его приказы — какие-то фельетоны. Так, однажды он разразился трогательным воззванием к ворам: «Воры, мазурики, мошенники, раклы! Соберитесь ко мне на митинг и покайтесь! Не то худо будет!» В другом приказе, по поводу непорядков в гостинице, Греков возмущался, что «некоторые гостиницы, не довольствуясь клопами, блохами, тараканами, еще мышей завели», недоумевал: «зачем вам эти постояльцы? все равно за комнату они не платят. Одна невыгода» и приказывал: «клопов, мышей, тараканов и прочих бесплатных жильцов извести беспощадно!» Заканчивался приказ многозначительным обещанием: «Буду проверять исполнение приказа лично. Что это значит, сами знаете».

* по существу (*фр.*).

28 ноября

Приехали наши — Аня, Ведов, Венский. Едва выбрались. На Украине — черт знает что!

19 ноября*

Петлюра осаждает Киев, в Одессе высадились союзники, большевики захватили Новгород-Северск[ий]. Но у нас удачи: взят Борисоглебск, Поварино и осада Царицына продвигается успешно. Волнение по поводу Украины все-таки большое: уход немцев обнажает наш правый фланг, вызывая растягивание фронта. Пока на Украине нет большевиков, это еще полбеды. Но вряд ли можно сомневаться, что заваренная Петлюрой каша приведет к большевизму. В Ростове по этому поводу нечто весьма близкое к панике. Вера Александровна, жена Севского, даже воскликнула: «О, Господи! Значит, опять, как в прошлом году, в феврале "они" будут здесь!» Типун ей на язык!

Познакомился с полковником Я.М.Лисовым, бывшим начальником Политического отдела при Алексееве. Человек умный, выдержанный, тип настоящего русского офицера в лучшем смысле этого слова. Он записался седьмым в Добрармию и в дни Ледяного похода оставался в Ростове — главою добровольческой контрразведки. Другое знакомство: Елизавета Дмитриевна Богавская, вдова Митрофана Петровича, дама, пользующаяся на Дону величайшим почтением. Но у меня осталось от нее впечатление самое неприятное: по-моему, кривляется, позирует.

Приезжал в Новочеркасск Венский (он поселился в Ростове). Увидел «Часовой» Родионова и пришел в дикий раж:

— Вот настоящая газета! Готов сотрудничать даром — из сочувствия!

И тут же напечатал два стихотворения против жидов. Родионов, конечно, принял с восторгом. Венский укрылся под псевдонимом «Инна Чеботарева», и теперь его все зовут «Инночкой» (то есть те немногие, кто посвящен в эту смешную тайну, — все, конечно, поклялись хранить сугубое молчание, а не то жидовня слопает бедного Женьку — «хуже Андрюши Ющинского», как сокрушенно говорит Женька). Стихи очень смешны. В одном рефрен:

Тридцать тысяч Циперовичей,
Тридцать тысяч Канторовичей.

* До сих пор записи дневника датировались, по украинской привычке, новым стилем. С 19.XI/1.XII я перешел на стиль старый, принятый на Дону.

Тридцать тысяч Лембич-Бровичей
И семьсот один Гордон!

Воображаю свирепство Лембича, когда прочтет: его благородную шляхетскую фамилию «поляка знатного рода» употребили как жидовскую! /.../

22 ноября

Мы взяли Лиски и теснее сжимаем круг вокруг Царицына. Но на Украине — беда! В Крыму образовалось правительство: Набоков, Никонов и т.д. Все в высшей степени прилично. Но воображаю самодовольствие Винавера, когда его титулуют «Вашим Высокопревосходительством»!

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Юрочка Саблин

В Ростове с Севским вспоминали Юру Саблина — большевистского главковерха, который не расстрелял ни одного человека и ел в неограниченном количестве шоколадные конфеты. Этот мальчишка, действительно, колоритная фигура нашей дурацкой эпохи.

Помню его в Москве в первые дни революции, юнкером. Тогда не было еще никакой левизны, а только слишком рьяное устремление за маленькими актрисочками, вроде Жени Гославской, Шуры Робэн и т.д., и т.д.

Помню, приехав на Московское совещание в августе 1917 г., я как-то у «Бомы» заговорил с Юрочкой как с единомышленником и был весьма потрясен, услышав от него речи не только красивые, но даже багряно-пурпурные.

Потом, уже в Харькове, я слышал от Бураковского, что как раз в это время начала вскрываться Юрочкина левизна, дотоле потаенная. Оказывается, залевил Юрочка еще в мае месяце, но, обращаясь преимущественно в кафе «Бом», где настроение было отнюдь не революционное (девчонки, [тапеты?]⁵⁶, не исключая даже евреек, просто стояли за царя), — таил свои чувства. Настоящею причиною Юрочкина полевения едва ли не была Робэн. Погибал по ней Юрочка (она действительно хорошенькая, и была модна сверх меры: юбка шириной с Царь-Колокол, сапожки высотой чуть ли не до носу и т.д.), а она ему натянула нос. И разочарованный любовник пошел искать утешения в разрушительных теориях.

Уже в сентябре он выступил в Петербурге на демократическом представлении в Александринке с кровавыми речами, а в дни октябрьского восстания оказался московским Катилиной. Помню, тогда кто-то сострил, что октябрьская борьба на улицах Москвы была «кружковской ссорой». Один из завсегдатаев Литературно-художественного Кружка, Юрочка Саблин, выкатил на Тверскую пушку и почал палить в Александра Николаевича Вознесенского и Жоржа Якулова, которые тоже немало вечеров в Кружке просидели.

Подвиги Юрочки в октябрьские дни извергли его из лона московской богемы, которая в те поры пылала контрреволюционным гневом, жаждала реакции и молила о возвращении еще год назад ненавистой монархии. Однажды был случай, когда Юрочка, войдя к «Бому», поклонился знаменитому угловому столу, где всегда заседали писатели, актеры и т.д. — и никто ему не ответил на поклон. А сидели там: Матусевич, Пессимист⁵⁷, Аминадо, Койранский, Зайцев и кто-то из дам.

Извержение из лона богемы окончательно отдалило Юрочку от Робэн и, с горя, он направился на поля битвы — добывать славу. «Иль на щите, иль со щитом!»

Сначала — поход на Дон. Надо отдать справедливость, здесь Юрочка вел себя порядочно; на его совести нет ни одного расстрела, ни одного зверства; он только читал стихи, ел шоколад и норовил не терять личные знакомства с «буржуями», которым нередко помогал. Был настолько «нашим», что Борис Абрамович Гордон не побоялся привести его к скрывававшемуся Севскому: любопытное было свидание большевистского главковерха и спасавшегося от расстрела контрреволюционера! Тон, которым Юрочка отзывался о большевиках, был такой, что Севский почти серьезно предлагал ему:

— Юрий Владимирович, плюньте вы на вашу сволочь, переходите к нам!

Думаю, в те времена только невыгода имущественная и карьерная удержала Юрочку от перехода к белым: ибо отвращение, возбуждаемое в нем красными, действительно было сверхмерно.

После Дона — поход на германцев. Но тут Юрию Владимировичу не повезло. Романтически решив дать немцам бой под Полтавой, Юрочка двинулся навстречу им с огромною толпою всякой сволочи. И, подлинно, «было дело под Полтавой»: после первой же артиллерийской очереди Юрочкина армада брызнула так, что опомнилась только за Белгородом. Сам Юрочка отнесся к такому результату довольно юмористически; помню, встретив его в Москве, я привел его в полный восторг вопросом:

— Что, Бонапарте, вы, кажется, начали прямо с Ватерлоо? В другой раз один журналист осведомился, правда ли, что он в бою под Полтавой потерял двести пятьдесят семь пулеметов? — Клевета буржуазной печати! — ответил Юрочка. — Не двести пятьдесят семь, а двести семьдесят пять!

Находился он в это время в опале у Кремля и весьма фрондировал, нарочно подчеркивая свое милосердие к белогвардейцам, предрекал Коммунии скорую гибель и настойчиво требовал продолжения войны с немцами до победного конца. Особенно ему хотелось нагрянуть на Финляндию. На митингах он уверял, что причиной этой пылкой воли является гр. Маннергейм — «мучитель Красной Финляндии», но в действительности, кажется, больше всего хотелось ему покорить под ноги финнов потому, что Робэн в это время бежала в Гельсингфорс.

Помню, тогда я с ним встретился: войдя к «Бому», я заметил Левушку Никулина, он же Анжелика Сарьянова, сидящего с каким-то человеком во френче, и направился к нему. Узнав во френченосце Саблина, я хотел было на попятный, но было уже поздно. Юрочка встал и с крайне смущенным видом, растерянно улыбаясь и еще словно боясь протянуть руку, сказал:

— Вы меня, кажется, не узнаете? Саблин! А я вам привез привет от человека, которого считают мертвым, от Севского.

Я уже знал, что известие о смерти Севского ложно, но возможность поговорить с человеком, видевшим недавно Вениамина Алексеевича, потрясла меня и заставила как-то примириться с Юрочкой. Я поздоровался с ним, и мы говорили около часа.

В дальнейшем я, впрочем, стремился избегать этих встреч, но от сплетника Равича, шнырявшего везде и всюду, довольно подробно знал, «как живет и работает Юрий Владимирович Капилина».

Жизнь была безобразная, а работа одна: сломя голову носиться на автомобиле, ежедневно сшибая по «дежурной старушке». Ухаживал он тогда за Татьяной Павловой; Таня соответствовала: во-первых, она тогда собиралась бежать на Юг, и ей нужна была заручка, чтобы вывезти драгоценности, а во-вторых, — «*са fait tant de plaisir et coute si peu*»*.

Кроме того, устраивал какие-то афинские вечера, с выпивочным и кокаином, на которые собиралась компания аховая: махровое комиссарье, до знаменитого сотрудника Дзержинского — Деллафара⁵⁸ (этот Деллафар носил космы до плеч, бархатную куртку, писал стихи и уверял, будто бы он — французский маркиз, пото-

* «это приносит столько удовольствия и стоит так дешево» (фр.).

мок крестоносцев; полагаю, что крестоносцем он был наоборот: те — шли в Палестину, а он — вышел из Палестины) включительно — с одной стороны, а с другой — девчонки от «Бома», маленькие артисточки кино и миниатюр, консерватории и т.п., «Мими и Мюзетты» московской богемы. Принимая во внимание тогдашнее настроение Мими и Мюзетт, соединять их с коммунистами было далеко не безопасно. Однажды едва не «кончился пир их бедою»: Делафар, опоздавший на вечер, почему-то отказался от водки. Одна из Мюзетт тогда довольно резко ему бросила:

— Видно, много крови выпил со своим Дзержинским, что не хочешь человеческого питья?

Делафар рассердился, и Саблин, чтобы замять скандал, попросил Мюзетту спеть что-нибудь.

— Спеть? — уже почти обезумевшая от кокаина и гнева, завизжала Мюзетта. — Хорошо, я спою! Я с-п-о-ю!

И, поднявшись, запела... «Боже, Царя храни!..» Мгновенно все остальные Мюзетты вскочили и поддержали певицу. На счастье, комиссары сидели за столом без оружия. Иначе, вероятно, Мюзеттам пришлось бы тут же окончить свой бабочкин, легкомысленный век. Делафар и другие большевики заметались в полной ярости, вопя: «Арестовать! К стенке! Шомполами!» К счастью, Саблину удалось завладеть положением, как-то навести порядок без кровопролития... Но с тех пор вечера прекратились.

Во время дурацкого восстания левых эс-эров Саблин оказался единственным умным человеком среди этого ослиного табуна. А именно, когда повстанцы взяли в плен Дзержинского, он настаивал, чтоб этого мерзавца немедленно повесить, и указывал для сей цели на весьма уютную акацию во дворе Покровских казарм. Болваны его не послушали, посадили Дзержинского в казарму под охраной матросов, а через два часа Дзержинский, распропагандировав своих сторожей, ударил повстанцам в тыл.

После усмирения восстания Саблин бежал на Волгу, где пытался войти в сношения с самарскими учредилловцами. Из этого ничего не вышло. Арестованный в Саратове, он был доставлен в Москву, где просидел в тюрьме недолго.

Дополнение (из записной книжки 1919 г.)

В Харькове нежданно выплыл старый знакомец Юрочка Саблин. Такой же штукарь, как и раньше. Перед приходом добровольцев сидел в тюрьме за то, что на заседании Совдепа, прочитав прокламацию Махно с призывом «різати панів, попів та жидів», заявил буквально следующее:

— Расходясь с товарищем Махно в некоторых частностях, я всецело и всемерно присоединяюсь к его взглядам на разрешение еврейского вопроса.

Когда «красному Харькову» пришлось туго, Юрку освободили и сразу произвели в главковерхи. Юрка ездил на фронт и, вернувшись через несколько дней в Харьков, выступил в Совдепе с отчетом о положении на фронте. Отчет был длинный и тона совершенно спокойного: на Изюмском направлении то-то, а на Купянском — то-то. Начал его Юра в 11 ч. утра. А кончил часа в два пополудни таким ошеломляющим выводом:

— Итак, резюмируя стратегическое положение, мы должны констатировать, что не позже, чем в 4 часа дня сегодня неприятель займет город Харьков.

Можно представить, что произошло в Совдепе! Ошибся Саблин только на два часа: наши вступили в Харьков не в 4 ч., а в 6 ч. вечера.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЗНАМЕНИТОСТИ НА ДОНУ

Керенский

На Дону есть некоторая «историческая загадка», столь же любопытная, как вопрос о происхождении Лжедмитрия: был ли или не был на Дону Керенский в ноябре 1917 года? Полковник Лисовой, в те поры начальник Политического отдела Добрармии, рассказывает:

— Однажды утром мои наблюдатели сообщили мне, что в Новочеркасск приехал Керенский; с вокзала он направился куда-то в город (причем его потеряли из виду), а затем появился в «Центральной гостинице». Я не поверил: очень уж невероятно было, чтоб Керенский осмелился явиться в лагерь злейших своих врагов, но мои наблюдатели, *знавшие его в лицо*, клялись и божились, что это он. Я приказал его не трогать и установить только самое тщательное наблюдение за гостиницей, где он остановился. К сожалению, таинственному лицу, очевидно, приметившему слежку, удалось как-то ускользнуть из гостиницы незамеченным. По крайней мере, я, явившись в «Централь» часа через два, не застал таинственного постояльца, записавшегося каким-то неприятным именем. Затем один из моих наблюдателей видел его на вокзале, но, не имея инструкций, задержать не решился.

А вот рассказ покойного Митрофана Петровича Богаевского:

— Однажды рано утром, когда я еще лежал в постели, прислуга сообщила мне, что меня хочет немедленно, по важнейше-

му делу, видеть какой-то господин. Я велел узнать его фамилию, и прислуга вернулась с карточкой: «Александр Федорович Керенский». Конечно, я вскочил, как ужаленный. Быстро одевшись (на это ушло не более 3-х минут), вышел в гостиную, но незнакомца уже и след простыл. Была ли это чья-нибудь шутка или действительно Керенский являлся ко мне — до сих пор не знаю.

Савинков

Из рассказов Севского: Савинков на Дону был в загоне. Хорошо относился к нему лишь Корнилов, великодушно забывший предательство в августовские дни 1917 года. Для Каледина Савинков был просто чужд — всем своим обликом; Богаевский видел в нем честолюбца и авантюриста; Деникин не доверял ему, помня август. Настроение у Савинкова было самое контрреволюционное; часто он говорил гораздо правее, чем многие генералы. Бездействие (его никуда не пускали), видимо, его мучило, и он покинул Дон с облегчением. Любимым его занятием было играть в шахматы в кафе «Централь».

Любопытно, что Керенского он всегда в разговоре называл «Керензон», тогда как Корнилов всегда именовал Керенского «Александром Федоровичем».

Матрос Баткин

Матрос Баткин держался на Дону лишь авторитетом Корнилова, который почему-то страстно любил этого арапа. Остальные ему не доверяли и, кажется, не без основания: по крайней мере, Севский рассказывает, что дня за два до падения Новочеркасска, когда добровольцы уже ушли за Дон, Баткин, без копейки денег оставшийся в Новочеркасске, говорил Севскому, мечась по номеру «Европейской гостиницы»:

— Как вы думаете, если я поеду навстречу Голубову?

— Зачем?

— Да все-таки, он левый с.-р, я — правый с.-р. Быть может, сговоримся?

— Если вы хотите испробовать, выдержит ли первая осина тяжесть вашего тела, — поезжайте!

Недоумения Баткина разрешились неожиданным явлением посланца от Корнилова с деньгами. Не без цинизма заявив: «Оказывается, быть коммивояжером прогоревшей контрреволюционной фирмы не так невыгодно», Баткин направился в армию, весь Ледяной поход болтался по обозам. После смерти Корнилова

Деникин выставил его из армии в два счета. Он попал в плен к большевикам, которые его пощадили. Говорят, будто за то, что он выдал им место погребения Корнилова и тем дал возможность устроить гнусное надругательство над прахом героя. Это неверно: не потому, что считаю Баткина неспособным на такую подлость, но потому, что хоронившие Корнилова так ненавидели Баткина, что никогда не посвятили бы его в эту тайну. /.../

Мелкие записи конца ноября 1918

Дело генерала Носовича, коменданта большевистского Царицына, взятого в плен при летней осаде этого города, кончилось страшным позором для ген. Денисова, командующего Добрармией. Носович на суде неопровержимо доказал, что он делал все, чтобы сдать Царицын белым и что только полный невежда в военном деле мог не понять этого. «Я подносил вам Царицын на блюде, — заявил Носович, — не моя вина, что вы его не взяли». Суд оправдал Носовича, тем явно осудив бездарность Денисова /.../

Ребекка Альбам, приговоренная военным судом к высылке в Совдепию, убита конвойными на станции Евстратовка. Убийство вызвано тем, что она закричала: «Да здравствует Советская власть!» Полагаю, однако, и без этого казачки ее пристукнули бы.

/.../ Известие о смерти Германа Александровича Лопатина — безумно жалко! Конечно, нет ничего удивительного, но сознание, что больше не увижу этого великолепного старика, очень тяжело. Человек — глубоко трагический: похоронить на 22 года свои могучие дарования в Шлиссельбурге, чтоб на склоне лет понять, что погубил себя из-за мерзости! Большого гнева против революции я не встречал ни в ком: неодолима была эта обида. Написал большую статью его памяти, в которой подчеркнул, что для нас, правых, Герман Александрович всегда останется близок, потому что он был патриот, и что его борьба со старым режимом вдохновлялась не отвлеченной мечтой Революции, но чувством подлинной горячей любви к России, которую, как он верил, императорское правительство ведет к гибели.

Вспомнил некоторые словечки Германа Александровича.

«России необходима аграрная реформа, а не аграрный грабеж по программе Чернова» (Г.А. был сторонником выкупа), «Эсдуры» — слово, обозначающее совокупность с.-р. и с.-д. /.../

Любопытная черта из жизни Германа Александровича: большое, искреннее уважение к Александру II — за личную храбрость и пренебрежение к опасности, выказанные при покушениях на его жизнь.

В 1911 году, в Феццано, Герман Александрович говорил нам по поводу университетской забастовки: «Совершенно не понимаю такого способа борьбы — не учиться».

КОНЕЦ ГЕТМАНА (Из записной книжки)

Конечно: Киев пал. Скоропадский исчез неизвестно куда, московский бухгалтер⁵⁹ на белом коне въехал в город, и Рафес на вокзале приветствовал от имени еврейского народа сего полководителя от гроссбухов, занимающегося по преимуществу погромами, благодаря за освобождение от власти, при которой ни одного погрома не было. Чего можно ждать от петлюровцев, ясно показывают два случая, от каких все сердце горит негодованием: подлое убийство Келлера⁶⁰ и не менее подлая бомба, брошенная в Педагогический музей, где были заточены взятые в плен офицеры, недоуменно защищавшие гетмана. Прощаясь с властью, гетман меланхолически заявил в универсале, что «Бог не дал мне счастья сохранить Украину для порядка и культуры». Думаю, Бог тут ни при чем, виною — собственная дурость; опять на Бога надеялись, а сами плошали в квадрате, в кубе, в 177-й степени... Скоропадскому была дана возможность создать русский Пьемонт, а он создал «Веселую вдову», опереточное представление... Немцы мешали? Чепуха! Среди самих немцев было два течения: одно, с Темферихом, Гоффманном, фон Эйхгорном, настаивало на немедленной ликвидации большевизма, другое (фон Гинус) — считало выгодным их [большевиков] поддерживать. А к Украине, к тем, кто стоял в Киеве у власти, они не могли не питать доверия: ведь германофильство у русских верхов на Украине было общее; да только ли верхов? Все, носящее крахмальные воротнички и умеющее ставить «Ъ», где надо, понимало: *лишь немецкий часовой защищает его от страшной участи Совдепии*, и никогда, ни за какие союзнические журавли в небе, не пошло бы на дурацкий соблазн «восстановления Восточного фронта» — слишком тепло было с немецкой синицей в руках. Конечно, немцы осторожничали и не поощряли укрепление Украины, но если бы Скоропадский и его окружение действовали бы умнее, они все-таки могли бы добиться того, что Малороссия не осталась бы беззащитной.

Вместо этого все время господствовало положение, так блестяще охарактеризованное Красновым после скороходовского свидания⁶¹: «По блеску штабных и адъютантов я предположил, что попал ко двору могущественного монарха. Однако конвоировали нас все время немцы».

Едва ли можно сомневаться, что первоначально Скоропадский действительно мечтал о Пьемонте⁶². Но затем — понравилось быть монархом. «Светлость» (о которой догадались после того, как Фердинанд Болгарский приветствовал Павло как «*Son altesse serenissime*»*), сердюки, барон Мумм в качестве посла, венки от Вильгельма на гроб годовалого ребенка-сына, поездка в Германию с царскими почестями — все это вскружило голову, — и первый план «положить Украину к ногам его величества» (Шульгин довольно язвительно в свое время попросил гетмана «уточнить вопрос, о каком величестве идет речь? ведь император германский и король прусский — тоже величества») заменился намерением, так доподлинно определенном в смешном греческом анекдоте: «Я готовлю рыбу для мы, а Яни скушал ее для я». Нелепая мысль — скушать Малороссию «для я» всецело завладела гетманскими кругами, и вот началась «Веселая вдова». Пан Павло забормотал что-то невразумительное насчет «национального вопроса» (на этот бормот ему прекрасно ответил генерал Залесский: «Эх, Павел Петрович, да что ты смыслишь в национальном вопросе! Твое дело командовать: "К церемониальному маршу!" Это ты знаешь!»), и появилось на свет Божий незаконнорожденное дитя — правое украинофильство, самостийность, построенная даже не на буржуазно-городском, сколько на крупно-землевладельческом укладе. Удивительно, что такую глупость придумал чиновник, коего в Москве, по справедливости, считали умницей, хотя и не без прохвостизма — Игорь Александрович Кистяковский. Московский адвокат, ни слова не говорящий по-хохляцки, он вообразил, что Малороссия может существовать без Севера, сохраняя при этом строй романовской монархии. Большого непонимания придумать себе трудно: подобная идея не могла нравиться даже помещикам, ибо, конечно, среди них «самостийника» днем с огнем не сыщешь, а если какой попадется — то уже форменный идиот. А для низов программа была отвратительна социально и непонятна политически. Ибо украинство имеет некоторые шансы на существование только в качестве двоюродного брата большевизма, радикального течения с социалистическим уклоном, отнимающего у помещиков землю и двусмысленно обещающего грабеж

* его светлость (*фр.*).

буржуев. Да и тут — оно только переходная ступень к Коммунии, Совдепии, которая, перешибив его революционностью, конечно, рано или поздно отправит Петлюру и Винниченко ко всем чертям. Как можно было не понять, что украинство — такая же революция, как и «черный передел», и что для преодоления революции прежде всего необходимо было «пьемонтизировать» Украину. Вместо этого затевали Державную Украинскую Академию, назначали министров, которые возвращали бумаги, написанные по-русски, «на непонятном иностранном языке» (вроде этого идиота и мерзавца Шелухина, который, прослужив несколько лет при царе членом Одесской судебной палаты, вел переговоры с Раковым *через переводчика*); блестящие гвардионцы, Корнбут-Дашкевич, Щербицкий и другие, и русский-то язык знавшие плохо, ибо привыкли к парижскому argot, вдруг «забалакали на державної мові», раздалось требование вернуть из Третьяковской галереи *все картины, написанные на украинский сюжет (!!!)*. Личностей, вроде Петлюры, Винниченко и т.п. каторжан, выпустили на волю и даже начали им делать глазки. Вообще, неисчислима мера глупостей, проделанных этим, извините за выражение, «правительством». Не найдя политического базиса (не фантазмагории, марева, миража) — не нашли и социального. По существу, хлебоборобное движение было весьма умно задумано, расчет — на хозяйственного скопидома — верен. Но расчет так и остался в проекте, на деле же были аресты парней (с обязательной поркою), отцы коих являлись организаторами хлебоборобных союзов, нелепые конфискации (подольский помещик, который, при помощи немцев, буквально ограбил три деревни, отбирая не только свое расхищенное добро, но прихватывая и крестьянскую «худобу») и т.д., и т.д. Конечно, суровое усмирение восстаний в Киевщине и в районе Екатеринослава было неизбежно, но то, что зря проделывали в местностях вполне спокойных, не только возмутительно, но и глупо. Лучший пример — арест Шуры [А.А.Семенова] — лояльнейшего и спокойнейшего человека. Правда, его скоро выпустили и извинились, но, в конце концов, такие случаи были не единичными. И в результате — вместо создания крепкой власти — какой-то веселый пантомим, под охраной померанского гренадера. А ушел гренадер — и кончился пантомим: пожалуйста в пасть красному зверю. Пишу «красному зверю» вполне сознательно: ибо Винниченко и Петлюра лишь мгновенный переход к большевизму, маленькая заминка на торжественном шествии Лейбы Троцкого (кстати, большевиками уже заняты: Конотоп, Путивль, Сумы, Белгород), ибо стихия, поднявшая Петлюру, та же самая, что большевизм: *ненависть к барам*.

НАЧАЛО ДОНСКИХ НЕУДАЧ. АНАРХИЯ НА ЮГЕ (Записи начала декабря 1918 года)

Английского генерала Пуля на Кубани станица Старо-Минская избрала почетным казаком, под фамилией Пуленко. Генерал снялся в казачьей форме и послал свой портрет в Англию сестре. Почтенная леди, увидев своего брата в черкеске, упала в обморок, воскликнув: «Увы! Мой брат стал большевиком!» /.../

На Кавказском фронте выдвигается новая знаменитость, полковник, бар. П.Н.Врангель, блестящий кавалерист, поставивший конницу на первое место в гражданской войне.

Восхищен Красновым: при вручении Зюльгарскому (калмыцкому) полку нового знамени, в день крупного буддистского праздника, атаман издал эффектнейший приказ, в самом что ни на есть далай-ламаистическом стиле; тут и о «великом Будде», и о «поруганных алтарях», и о «священном желтом цвете», и даже что-то насчет лотоса. Конечно, несколько странно видеть Сакья-Муни в качестве «благословителя мечей», но на калмыков приказ произвел огромное впечатление, что и требовалось.

Господи! Какие чудачки водятся на свете: приходил ко мне в редакцию донской историк С[авелов]. Принес статью, в коей доказывается, что казаки суть потомки... Артемиды Эфесской. Доказательство: герб Дона — «олень, пронзен стрелами», и священное животное Артемиды — олень. Правда, Артемида, как известно, была девственница, и потомкам, как будто, неоткуда взяться. Но историк неколебим, лукаво усмехается: «А Эндимион? Согласитесь, что тут дело нечисто». Согласился. Не все ли равно?

Любопытная подробность: у недавно арестованного большевистского шпиона нашли инструкцию, по которой ему вменялось в обязанность «вращаться среди буржуазного общества» (в чемодане его обнаружены модные костюмы, фрак, смокинг, тонкое белье и т.д.) и «сеять в нем тревогу, недовольство, разлад», отнюдь, однако, не восхваляя Совдепию. Причем инструкция под-

черкивала, что он не должен пытаться ни раздобывать военные сведения, ни организовывать местных большевиков. У него одна цель — нагонять уныние и страх на «верхи». Вот это пропаганда! Не то, что у нас!

В сегодняшнем сообщении Штаба Добармии о взятии Одессы (с треском выставили украинскую сволоту!) мне больше всего понравилась фраза «совместно с союзными войсками». Если французы действительно хотят помощью нам расквитаться за Марну — это великолепно! Бои в Одессе были жестокие, но, к счастью, особых потерь нет. /.../

Скверные известия с нашего фронта: украинская армия вынуждает растягивать фронт. Наступление зимы вызвало распад в плохо одетой армии. Вся надежда на союзников, а они ни гу-гу! В Яссах происходит какая-то безлепая болтовня: консул Энно (повидимому, мошенник) распинается, врет, сулит небывалое⁶³. А между тем, казакам так прожужжали уши союзнической помощью, что если эта надежда окажется обманутой — произойдет Бог знает что! /.../

Добармия победоносно идет по Кавказу: взяты Минеральные Воды. Зато у нас средне, даже ниже среднего: оставили Старобельск, Беловодск и как-то незаметно перешли к большевикам недавно захваченные Лиски. Под Царицыным, правда, удачи: блестящий захват Сарепты. Но не исключена возможность, что ввиду общего отступления придется пожертвовать Царицыным и снять осаду. Настроение пакостное: многие уже видят в освобождении Северного Кавказа лишь тот плюс, что таким образом откроется поле для отступления донцев. Есть куда бежать!

Рассказ нашей новой хозяйки (мы переехали из клоаки «Золотого якоря» на частную квартиру — чудную, живем, словно в Петербурге). Во время занятия большевиками Новочеркаска ее сын, четырнадцатилетний мальчик, стоял у ворот их дома. Мимо шло два красноармейца. Вдруг к ним подбегает уличный мальчишка и, указывая на Колю, говорит: «А вот партизан!» Красноармейцы хватают Колю, ведут его в Военное училище расстреливать. По счастью, когда они остались втроем в манеже учили-

ща, у красноармейцев не оказалось патронов. Оставив одного стечерь Колю, другой пошел за патронами. Коля, обладавший огромной силой, воспользовался случаем, с размаху дал по уху оставшемуся красноармейцу, так что тот свалился замертво, и, зная наизусть закоулки огромного сада училища, без труда удрал домой, откуда родители поспешили переправить его на хутор. Недавно Коля встретил на улице выдавшего его мальчишку и расправился с ним своим судом: не пожаловавшись ни властям, ни даже родителям мальчишки, отлупил его самым подробным образом.

Анархия на Украине растет — всюду разгулялись атаманы и батьки, пылают помещицы Малороссии, грабятся города и, конечно, идет чудовишный еврейский погром. (На последнее теперь вообще мода даже в просвещенных Европах: погромы в Варшаве, в Чехии, в Румынии. «Часовой» от этого в диком восторге. Какая злая глупость! /.../). Снова воскресли старые знакомые недоброй памяти 1917 года — Махно, Маруська Никифорова. О последней ходят целые легенды. Уверяют: она генеральская дочь, за что-то мстящая своему «кругу»; или — незаконнорожденная, объявившая войну обществу вообще, — «черная тень Революции». Все это — бредни и чепуха. Биография Маруськи довольно примечательна, но с другой стороны: семнадцатилетней девчонкой это многообещающее существо уже попало на каторгу за полуголовный, полуполитический «экс», каких в то время (1911 г.) бывало много. С каторги она удрала, очутилась во Франции, где ее подвели под политическую, и здесь опять попала уже на французскую каторгу за дела хорошие: опять вооруженный грабеж. (Об этом мне в Риме рассказывала несчастная Гиацинтова, сидевшая в каторжной тюрьме в Марселе вместе с Маруської, с той только разницей, что Гиацинтова была жертвой судебной ошибки, а Маруська сидела поделом). В 1917 году срок Маруськоїной каторги кончился, и она помчалась в Россию, где революция открывала ее талантам новое, весьма широкое поприще. При Керенском она, правда, ничем себя не выявила, но, едва воцарился Совдеп, как в Херсонской губ. (родина Маруськи; между прочим, она вовсе не дочь генерала, конечно, а просто девка из мелкопомещанской семьи) возник «вольный казачий отряд анархистов», предводительствуемый Маруської. Девка красивая, безусловно лихая, она, одетая в полумужской костюм, в короткой юбке, в высоких сапогах, с револьвером за поясом, скакала на лошадях, возбуждая восторг в разных проходимцах, составлявших ее шайку. Первоначально она

основалась в Елисаветграде, с твердым намерением хорошенько обчистить этот богатый город. К счастью, рабочие огромного завода «Эльворт» не позволили сделать этого; в возникшей между ними и Маруськой войнишке победителями оказались рабочие, так что она должна была поспешно удалиться к востоку, по дороге ограбив Александровск, где воспрославилась реквизицией в свою пользу всех шелковых чулок в городе. Затем болталась при большевиках на Дону и Кубани, после взятия Туапсе бежала в горы — и след ее пропал. А теперь опять вынырнула на Украине, опять совершает нечеловеческие жестокости: под Мелитополем, после нападения на поезд, ею собственноручно застрелено 34 офицера! Рядом с нею орудует Махно, тоже каторжанин, бывший народным учителем.

Добавление 1919 года, сделанное в Ялте

В Севастополе повесили Маруську Никифорову. Оказывается, она не успела выскочить из Крыма при его занятии добровольцами и жила, скрываясь, где-то на Корабельной с новым своим мужем. По ее словам, она больше ни в какую политику не мешалась. Однажды ее на улице узнали два паренька, раньше участвовавшие в ее бандах, а ныне — солдаты Добрармии. Желание выслужиться, а также злоба на Маруську за то, что она однажды велела их выпороть, заставили ребят выследить ее и донести по начальству. На суде Маруся держалась великолепно: совершенно спокойно приняла смертный приговор, заявив: «Да что вы можете еще со мною сделать — только вздернуть!» Так же спокойно встретила она и казнь. Прощаясь с мужем (он приговорен к вечной каторге), она, правда, заплакала, но затем сдержалась, бодро стала на скамейку, сама надела себе на шею петлю. /.../

Когда Каледин после ноябрьской победы над большевиками въехал в Ростов, толпа встретила его бурными рукоплесканиями. Он сказал тихо и грустно: «Не надо аплодировать, господа. Ведь пролилась братская кровь». /.../

Любопытнейшее сообщение (у Севского, от ген. Алферова): в период германской оккупации Краснов будто бы хотел открыто занять сепаратистскую позицию и объединить вокруг себя Дон, Кубань, Терек, весь Северный Кавказ с границей по Волгу, провозгласив себя Великим герцогом Юго-Востока. Здесь будто бы кроется главная причина столь раздражающих Добрармию «аннексионистских» поползновений атамана на Балашов, Воронеж,

Царицын, Ставрополь и т.д. Звучит все это крайне фантастично. Но... какой фантастики мы не видели в наше дикое время. /.../

НОВОЧЕРКАССК [конец декабря 1918 — январь 1919]

Новочеркасск гораздо скучнее Ростова, но в нем я чувствую себя приятнее, ибо, в противность безличному Ростову, у коего, если и есть лицо — то хамская харя, Новочеркасск обладает своим собственным лицом, оригинальным и не лишенным благородства. Приятен, прежде всего, внешний его вид: широчайшие улицы, почти все с бульварами посередине, маленькие особняки, утонувшие в садах, огромное пространство Соборной площади с недурным византийским собором (но, к сожалению, внутри — сухая аляповатая роспись какого-то натуралистического немца), с бронзовым Ермаком, протягивающим сибирскую корону, со скромным домом Дворянского собрания. Нравится мне и встопорщенная тополями острая стрела Платовского проспекта, с простым атаманским дворцом, над которым веет ало-сине-золотой флаг, с благородным, белоколонным домиком гауптвахты, с крыльца которой тонко дилинькает колокол, когда мимо проходит генерал, с марциальными эмблемами музея и казенною гладкостью Областного правления. Люблю я и то, что со всех сторон обступают город степные дали, что они синеются в конце каждой прямой улицы, а с возкальной горы открываются взору, подобно бескрайнему морю, сейчас, поздней осенью, — буро-зеленую. Даже в утлых домишках окраин, как-то нелепо, словно стадо обшарпанных козлов, карабкающихся на красные глинистые склоны, есть что-то чарующее, — и любопытен контраст их жалкой скудости и царственно высящимся над ними неоампирным зданием Политехникума. Во всем этом есть стиль, провинциальный, небольшой по внутреннему объему, но свой, выдержанный. Стильна и толпа новочеркасская, если можно назвать толпою редких прохожих на его пустынных улицах: претенциозно одетые дамы, мужчины в фуражках с кокардами, здоровые дети, с лицами круглыми, словно румяные яблоки, казачки пригородных станиц, красивые, ражие, — и военные, военные, военные. Вообще, из каждой щели здесь прет быт, и быт оригинальный — с оттенками той особой выдержки, которую дает только строевая дисциплина. В каждой мелочи здесь чувствуется не расплывчатость русского провинциального житья, а какая-то сжатость, словно все ожидают команды. Человек здесь, как общее правило, красив и здоров (особенно мужчины — рослые молодцы, прекрасно сло-

женные; женщины хуже, ибо в них не чувствуется женственности, они слишком «валькирии»), но в этой красоте чувствуется что-то лошадиное, или нет — *конское*: сразу видно, что вы — среди расы всадников, садящихся в седло чуть ли не на другой день после рождения; здесь ведь на вопрос «Ездите ли вы верхом?», на который в России в 80 случаях из 100 услышите отрицательный ответ (особенно от женщин), отвечают: «Да» с некоторым удивлением, как будто бы вы осведомились: «Пьете ли вы чай?» или: «Едите ли вы хлеб?» От конского этого здоровья уклад здесь сытый, ровный, любят покушать и угостить, благо богатство родной земли позволяет щеголять угощением — каймаками и вином, икрой и копченой рыбою. Вообще живут в свое удовольствие, с удобствами: не думаю, что во многих русских провинциальных городах средней руки (каков, в конце концов, Новочеркасск) было бы столько квартир, снабженных всю техникую последних лет — ваннами, канализацией, электричеством, центральным отоплением, водопроводом и т.д. Причина понятна: чуть не половину города составляют особняки, которые воздвигнуты пенсионерами-чиновниками, войсковыми старшинами в отставке и т.д. Мечтою каждого интеллигентного казака было на старости иметь домик в Новочеркасске, и когда эта мечта осуществлялась, то, конечно, старались строиться со всевозможным комфортом. И интеллектуальная жизнь была здесь не в загоне: библиотека гораздо лучше ростовской, про музей и говорить нечего. (Ростовский музей — это не музей, а какой-то дом Плюшкина. Достаточно сказать, что там в качестве редкостей выставлена моя фотографическая карточка, а карточки Ведова нет лишь потому, что он никак не мог собраться с деньгами, чтобы увековечить в фотографии свою пьяную рожу. Это не шутка: заведующий сим удивительным музеем, невероятный чудак, возымел намерение составить коллекцию «знаменитых иностранцев, посетивших Дон» и был так любезен, что сопричислил Ведова и меня к этой категории). Театр в прежние времена был одной из лучших провинциальных сцен: до сих пор новочеркасцы горделиво подчеркивают, что Коммиссаржевская начинала карьеру у них. Сейчас это, конечно, упало: я был в драме, был в оперетте, — очень любительски, провинциально. Зато маскарад в местном клубе мне понравился: эти гишпанки и цыганки с бумажными цветами в волосах и в красных, обшитых блестками кофточках, китайки в ситцевых капотах, толстушка в русской рубахе и высоких сапогах, явно позаимствованных у младшего брата, черная «Ночь» с елочною звездой в волосах, эти разговоры: «Маска, я тебя знаю», — все это очень смешно, словно из «Мелкого беса». В прежние времена Новочеркасск, вероятно, был

совсем вне политики. Но теперь политика на первом месте: как же, столица — со «сферами», со «двором»? «Сферы» и «двор» — всецело изобретение Краснова. Насчет его мечтаний о герцогской короне — вероятно, врут. Но что он любит разыгрывать владетельного князя, что у него есть страсть обставлять власть некою декоративною пышностью (*этого* совсем не было у Каледина) — несомненно. Новочеркасцы тянутся за атаманом, и каждая Марья Павловна и Надежда Сидоровна старается завести «салон», где бы решалась «высокая политика». Качественная разница между «высокой политикой» и прежними чаепитиями под аккомпанемент сплетен невелика. Но Марьи Павловны уверены — их «салоны» спасают Дон и Россию. А которые почестолубивее, так убеждены, что от их «салонов» изойдет спасение миру. Конечно, особой важности эта болтовня не имеет, но жалко, что сплетнический элемент часто вызывает недоразумения и трения между теми, кто сейчас отнюдь не должен ссориться. Нельзя отрицать, что салоны сильно способствовали обострению вражды между атаманом и оппозицией. Особенно постарались в этом смысле салоны Е.Д.Богаевской и Л.А.Сидориной.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Разговор с Севским о казачьем монархизме: ошибочно думать, что республиканская идея глубоко проникла в казачьи души и что казаки искренние демократы, в смысле февраля 1917 года. Наоборот, Февраль им ненавистен, ибо Февраль — это суд над Калединым, объявление казачества «подозрительным по контрреволюции», засилье иногородних, обиды Керенского Союзу казачьих войск, посягательство Петербурга на основные права казацкие и, как эпилог, — первое вторжение большевиков. Но не менее глубока другая ошибка: на казачьей ненависти к Февралю строить монархические надежды. Больше: всякая монархическая пропаганда безумно раздражает казачество, пугает его, и тот, кто талдычит о царе, — делает дело опасное и неверное, совершенно не понимает казацкой психологии. Казаки, в массе, твердо уверены, что единственная законная власть — власть династии Романовых. Но не менее тверда уверенность казаков, что *фактически* сейчас восстановление этой власти немислимо. Реалисты и практики, они *болятся* реставрации, ибо в глубине души считают свое поведение в 1917 году преступным, мятежным, подлежащим наказанию. А так как быть наказанным никому не хочется, то у них, естественно, рождается желание: пусть законная власть не приходит,

постараемся как-нибудь устроиться без нее, по-свойски. Севский рассказал интересную иллюстрацию этих чувств. Во время захвата Новочеркаска красными приехал на Дон молодой казак, рассказавший, будто в Киеве на вокзале он встретил Николая II, и Николай сказал ему: «Как приедешь на Дон, передай этим сукиным детям, что я скоро вернусь на царство, и тогда покажу им, где раки зимуют». Рассказ был явно нелеп и, тем не менее, произвел огромное впечатление: на другой день из голубовских красных частей дезертировало не меньше одной трети...

Умение Краснова делать эффектные жесты поразительно. На летнем Круге он победил оппозицию едва ли не исключительно тем, что возмущенно швырнул пернач на стол, как бы отказываясь от власти. Это вышло так непосредственно, естественно, что только через некоторое время ошалевший Круг сообразил, что этот непосредственный жест на деле был тщательно обдуман заранее: ведь атаман не ходит постоянно с перначом, пернач надлежало заранее принести из музея. Но было уже поздно: Краснов добился вотума доверия. Конфликт этот возник из-за И.А.Родионова, в то время ведшего официоз правительства, конечно, в крайне монархическом духе, вызвавшем недовольство казаков на фронте и способствовавшем большевистской агитации. Интересно, что, победив оппозицию, в этом вопросе Краснов фактически уступил: Родионов был удален (в утешение ему создали «Часовой»), и «Донские ведомости» перешли к Казмину.

Успех Добармии на Кавказе удивителен: большевистских сил, этой постоянной угрозы нашему тылу, больше не существует; горские племена, вошедшие в союз с большевиками (ингуши, часть осетин — любопытно, в союз с красными вступали исключительно племена, не имевшие аристократии, тогда как племена аристократические — черкесы, кабардинцы — наоборот, отчаянно сражались против Совдепии), ныне присоединяются к нам. В этом отношении много помог Шкуро, умевший поладить с дикими людьми: *les beaux esprit se rencontrent**. Его трюки действительно великолепны: под Владикавказом один пленный ингуш, конвоируемый двумя казаками, вдруг выхватил у одного из конвойцев шаш-

* Проницательные умы сходятся (фр.).

ку, ранил его и поскакал, но был пойман. Вероятно, казаки его тут бы и прикончили, если бы случайно их не встретил Шкуро. Узнав, в чем дело, он велел выпустить пленника на свободу, сказав: «Иди, джигит, ты — славный воин. Ты знаешь, что *никогда* не подобает мужчине преклоняться перед врагом». Результат: на другой день два аула присоединились к нам, ибо увидели, как сказал мулла, приветствуя Шкуро, что «ты — препоясан мечом».

Тревога растет: красные уже почти под Каменской, а в нашей армии — разложение. Севский говорил, что на днях будут двинуты в бой последние резервы — отборные полки, на которые можно положиться, — Георгиевский Гундоровский, Лейб-атаманский, Калмыцкий Зюльгарский. Но если они лягут ненужной жертвой? Ведь у красных силы очень большие. Краснов на Круге произнес крайне пессимистическую речь: довольно прозрачно сказал, что мы одни, как перст, ибо союзнической помощи не будет. Французы были готовы выслать отряд, но президент Вильсон запротестовал во имя «невмешательства во внутренние дела русского народа». О, американский осел! О, проклятая ложь гуманизма!

Положение Краснова делается все неувереннее. Если до сих пор ему многое прощалось, по принципу: «победителей не судят», то сейчас, когда он почти побежденный, когда созданная им с таким трудом Донская армия разлагается, нападки оппозиции делаются все смелее, и за ним сейчас стоит только Черкасский округ.

Киев взят большевиками. Недолго командовал бухгалтер, ныне в панике удирающий в Винницу, чтобы через неделю бежать куда глаза глядят. Вообще на западе триумфальное шествие большевиков: ими взята Нарва, в Латвии они заняли Ригу, покончив со «свободной Латвией», неудержным потоком стремятся к Вильне. Украина фактически вся в их руках, несмотря на присутствие призрачной власти Петлюры (его «войско» сосредоточено между Белой Церковью и Корсунью). Лишь Одесса и Крым держатся штыками оккупантов; у нас же уже нету сил защищать все фронты. Вчера проследовали первые эшелоны добровольцев для занятия Донецкого бассейна. Даст Бог, выручат! Но дело труд-

ное: большевики уже взяли Бахмут, Славянск, Никитовку, Лозовую, угрожают Мариуполю, стоят почти на западной границе Дона.

О КСЕНИИ ГЕ

При взятии Кисловодска нашими погибли анархист Александр Ге и его жена Ксения, видная комиссарша. Александра Ге я один раз видел в Петербурге, мельком. Тогда им восхищался Петя Пильский, несмотря на свою правизну, вращавшийся почему-то в анархистских кругах — с Борисом Верхоустинским и Мамонтом Дальским. Потом, в Москве, Ге верховодил в Купеческом клубе, пока большевики не усмирили анархистов. Тогда он бежал на Кавказ, где помирился с Советской властью. При приближении добровольцев он остался, уповая на то, что местные буржуи его защитят (он действительно во время красных свирепств спас достаточное количество «наших», среди коих были крупные имена, титулы и т.д.). Весьма возможно, что, попади он на суд, его оправдали бы или, в крайнем случае, приговорили к легкому наказанию. Но его поручили отвезти в Пятигорск двум казакам Кисловодской станицы, а с этой станицей у Ге были давние счеты. В результате — «попытка к бегству» и застреленный Ге. Его многие жалеют. Зато ни одного голоса сожаления по поводу казни его жены. Хорошенькая женщина, русская, из хорошей семьи, дочь генерала, она была подлинным чудовищем жестокости и жадности. По ее ордерам расстреляны десятки людей. Ею ограблены сотни. Самое же ужасное: по ее настоянию исполком решил провести социализацию женщин — а именно: как наркомздрав Ге выработала проект, что для предотвращения распространения среди Красной армии венерических болезней необходимо обязать женщин буржуазного класса трудовой повинностью особого рода: по карточкам делать их любовницами красноармейцев. По счастью, приказ не успели привести в исполнение: Шкуро взял Кисловодск и освободил несколько десятков женщин, уже арестованных по распоряжению Ксении Ге. Но до чего же русские любят зубоскалить! По поводу этого ужасного декрета уже составлен анекдот: будто бы Ксения распорядилась арестовать всех хорошеньких женщин в Кисловодске, и вот одна дама приходит домой заплаканная. «В чем дело?» — «У-у-у, меня не арестова-а-а-ли!»

После взятия Группы нашими, Ксения осталась, не бежала со своими, почему — непонятно, на пощаду ведь она надеяться не могла. Суд приговорил ее к повешению. Одна дама, с которой я вчера познакомился в «молнии», рассказывала мне подробности

казни: Ксения умерла очень мужественно, до последней минуты не теряла самообладания, уже стоя под виселицей, воздвигнутой на базаре (казнили ее публично, при большом скоплении народа), сказала конвоирующему ее офицеру: «Я счастлива умереть за мою правду. Вы ее не знаете, у вас есть своя, другая правда, но верьте, моя победит *вашу*». Дама, рассказавшая мне об этом, на казни не присутствовала, но труп Ксении видела еще висющим. «Лицо ее совсем не было обезображено, только красное очень» (повесили ее попросту, без белого мешка, в своем платье, очень шикарном, синего шелка, в лаковых великолепных ботинках). Когда Ксению сняли с виселицы, разыгралась отвратительная сцена: толпа, как сумасшедшая, ринулась добывать кусок веревки, которая, как веревка от висельницы — штука более редкая, чем веревка от висельника, — вероятно, должна принести особую удачу. И в этом безобразии приняли участие очень интеллигентные люди.

Кроме Ксении вздернули еще несколько пойманных комиссаров, но, в общем, казней было немного. Зато пороли направо и налево всех мало-мальских причастных к павшей власти (учсть число выданных не представляется возможным, так как порка происходила не публично). Перепороли горничных «Гранд-Отеля», которые действительно шпионили за «буржуйками», выпороли даже одну даму, квартирантку рассказчицы, особу довольно легкомысленную, в большевистские дни флиртовавшую с комиссаром. Впрочем, тут главную роль сыграло не столько возмездие за «красный flirt», сколько своеобразное, а la Сологуб и Н.Н.Евреинов, толкование Виктором Леонидовичем Покровским понятия утех любовных. Дама, ничего не имевшая против того, чтобы сменить окраску flirt'a с красного на белый, начала делать глазки его превосходительству, и так успешно, что В.Л. пригласил ее к себе в вагон на ужин. Дама помчалась, чая богатых и обильных милостей, и угодила в героини последнего акта Луисовской «*La femme et le pantin*»*: вместо любовного пантомима — дерка, от которой несчастная три дня лежала в постели спиной вверх.

Любопытно, что рассказ об этом безобразии в нашем вагоне не вызвал никакого возмущения. Вся публика в один голос заявила: «Правильно! Так и надо таких дрянней, что с комиссарами путаются!» Особенно суровы были женщины, выказавшие живейшую радость по поводу жалкой участи легкомысленной кисловодской особы.

* «Дама и клоун» (фр.).

Не везет Краснову: кто-то ткнул кинжалом Агеева. Предполагать здесь участие атамана нелепо: покушение на Агеева сейчас — только невыгодно Краснову. Павел на Круге взял столь высокий тон, что для атамана было бы полезнее сохранить сего противника для внушения ужаса оппозиции, которая об агеевской левизне говорит с неудовольствием. Но, конечно, Агеев, раненный накануне обещанных «разоблачений», бьет по атаману без промаха. Удар так верен, что Севский высказал даже предположение, а не смастерил ли это покушение на себя сам Павел? С него ведь станется!

ПАДЕНИЕ КРАСНОВА

Дневник

4 февраля 1919 г.

Вчера, сорвавшись ни свет ни заря, помчался на вокзал встречать Деникина. Было еще очень рано — вокзал совершенно пустой. При мне приехал Богаевский, которого встретили с таким уважением (караул гаркнул: «Здравия желаю, Ваше *высокопревосходительство!*»), что я невольно подумал: «Чего это Африкану воздают божеские почести?» Узнал, что раньше 12-ти поезда главнокомандующего ждать нельзя, и вернулся домой пить кофе. Дома сияющая Агнесса Михайловна (она принадлежит к оппозиции) сообщила мне потрясающую новость: Краснов больше не атаман. (Этим и объясняются божеские почести Африкану, на основании Конституции принявшему атаманскую должность). Падение Краснова случилось в ночь со 2-го на 3-е. Заседание Круга было до крайности бурное. Оппозиция, не трогая самого атамана, резко нападала на его окружение, главным образом на Денисова, обвиняя его в неумелом ведении войны. У рядовых оппозиционеров это не было тактическим приемом, они действительно не хотели смены атамана в столь трудный момент, и если бы Краснов пожертвовал Денисовым, вероятно, атаманского кризиса не было бы. Но Краснов уперся, заявил, что недоверие Денисову есть недоверие ему, атаману, хотя Круг несколько раз подчеркивал, что *атаману он доверяет* и только требует смены его окружения, его советчиков. В сущности, Краснов повторил, только без театрального жеста, летний трюк с брошенным Кругу перначом. Но — *non bis in idem**. Хотя заявление об отставке произвело боль-

* Не следует повторяться (*лат.*)

шое впечатление, им Краснов не столько улучшил свое положение, сколько помог тем из своих врагов, лидеров оппозиции, которые *отставки хотели*. В закрытом заседании страстная агитация этих врагов, а также (говорят злые языки) и парамоновские деньги сделали свое дело: лишь новочеркасцы и ростовцы остались верны Краснову, отставка была принята большинством 200 против 93. Узнав об этой сенсации, я поспешил на вокзал, где уже собрались всевозможные нотабли. Был здесь и Годаев с киноаппаратом. Нотабли находились в ужасном волнении: Краснов поехал навстречу Деникину с просьбою о вмешательстве; передавали, что Драгомиров, при всей своей ненависти к Краснову, страшно недоволен его отставкою. Никто не сомневался, что, если Деникин прикажет, — Круг должен будет перевыбрать Краснова: сейчас Дон всецело зависит от добровольцев. Только Парамонов ходил веселый, жевал свои вечные яблоки (почему-то он всегда покупает самые скверные, кислятину, от которых мгновенно на зубах оскомина), напевая что-то невозможное: «Тум-тум-тум». Он-то знал наверное, что Деникин *не вмешается*. Сказал мне: «Главное сделано: *убрали!* Теперь осталось только большевиков прогнать!» Часов в 12 лихо подкатил поезд. Годаев закрутил ручку аппарата, на перроне началось смятение, Африкан быстро вошел вместе с Парамоновым в вагон главнокомандующего. Они оставались там минут 20, потом вышли вместе с Деникиным. Краснов шел *третьим*, уступив второе место Африкану. Вид у него был совершенно спокойный, как будто ничего не случилось. Поздоровавшись с караулом, Деникин сел в автомобиль и уехал во дворец на совещание. В два часа началось заседание Круга. Я с Годаевым находились в зале. К сожалению, из-за света нельзя было произвести съемку. Заседание открылось речью Василия Акимовича Харламова, громким голосом провозгласившего: «Ваше высокопревосходительство, дорогой Антон Иванович! Наконец-то мы видим вас в нашей казацкой среде!» Говорил В.А. хорошо, с чувством (его белый шарф-галстук, столь для него типичный, трепетал и развевался, словно огромная бабочка), — о национальных задачах, о необходимости единения всех сил для достижения свободы и порядка, о борьбе до победы. Не менее пылко говорили и остальные ораторы: речи их были сплошным воплем о помощи изнемогающему Дону. Особенно трогателен был простой казак-старик, почти со слезами нескладно пробормотавший: «Всё разорили... Убивают... Невмоготу. Жить нельзя. Помогите, ваше высокопревосходительство!» Говорил еще Бадьма Уланов, как всегда искренне и пламенно; он заявил, что мирный, тихий народ калмыцкий, всегда живший с казачеством, как брат с бра-

том, взялся ныне за оружие и не положит его, пока хоть одна пядь общей родины, донской земли будет занята красной нечистью. Исаак Быкадоров, эффектный со своею черною повязкой, приветствовал конец пагубного раздора и несогласий, столь много вредивших общему делу. Подчеркнул, что казаки не мыслят освобождения Дона вне освобождения России.

Деникиным я невольно залюбовался. Все время, пока к нему обращались с речами, он стоял прямо, навытяжку, как воплощение воинской доблести и дисциплины. Ответ его был прост и благороден. Он говорил как победитель, но без хвастовства. Внушительно заявил, что не будет, не хочет мешаться в казачьи внутренние дела, тем дав понять красновцам, чтобы не надеялись на его поддержку. Подчеркнул, что Россия никогда не забудет доблестнейших сынов своих — детей Вольного Дона, которые скоро вместе с кубанцами добровольцами пойдут освобождать Москву. Закончил речь Деникин сообщением, что им уже отдан приказ значительным силам идти на выручку Дона. Когда смолкла орация, длившаяся несколько минут, Харламов, поднявшись, заявил громким голосом:

— Господа! Главнокомандующий приехал! Все колебания рассеяны! Довольно слов! Приступим к полезной работе на благо России и Дона!

5 февраля

Вчера на Круге выступали представители Кубани и уралец, с величайшими трудностями пробравшийся на Дон. Речь представителя кубанских горцев кн. Девлет-Гирея была разумна, государственна и приятна, но Иван Макаренко развел такую демагогию, что хоть святых вон выноси. Долго плакался на интриги монархистов, которые «хотят причислить к себе и нашего дорогого генерала Деникина, хотя он не с ними, совсем не с ними!», и требовал обязательной федерации: «Да здравствует великая Россия, но с перегородками!» — закончил он. По этому поводу Севский язвительно заметил: «Еще бы Макаренко не заботиться о перегородках. Без перегородок самое большее, на что он может надеяться, — пост исправника в Крапивине, а при перегородках — он государственный контролер!» Кубанский «хведерализм» привел в полное смущение уральца. «Что это, кубанцы, с ума сошли? У нас на востоке ни одного слова от казаков в таком духе не услышишь». Про восток уралец говорит оптимистически. Начавшееся наступление Колчака исправляет все беды, причиненные бездарностью с.-ров, со своею «Народной армией» дурачки потерявших про-

шлым летом Волгу. Путешествие уральца на Дон — целая эпопея в духе Майн Рида. Он проехал верхом от Уральска до самых степей, по безводным пустыням, дважды попадал в буран, по льду перешел Волгу. Уже на правом берегу он заблудился в астраханских степях, потерял коня и едва не погиб. Его подобрал два всадника, коих, по дикому виду, он принял за большевистский разъезд. Каково же было восторженное удивление, когда, приведенный к начальнику, он заметил на последнем погону! Разъезд оказался донским.

Наблюдал кулуары Круга — любопытно: картину эти законодатели, сразу демократичные и консервативные, полные свободного духа и, одновременно, дисциплинированные по-военному, представляют замечательную. Интересен был главный буддийский жрец, маленький калмык, коего калмыки окружали величайшим почетом, — в желтой мантии и высокой шапке-тиаре белого цвета. В буфете он сидел вместе с архиепископом Гермогеном и, мирно беседуя, пил чай. Картина высокой веротерпимости!

8 февраля

Вчера последний акт атаманского кризиса: вступление в должность Африкана. Он избран подавляющим большинством: оппозиция этим не особенно довольна. Парамонов сказал мне даже с досадою: «Вот, на мгновение отлучился из Новочеркасска, и не того атамана выбрали. Надо было Сидорина, а выбрали Африкан Петровича». Но Сидорин получил прекрасную компенсацию: он, на место Денисова, назначен главнокомандующим Донской армии.

Провозглашение Богаевского атаманом прошло довольно скромно, не так, как провозглашение Каледина и Краснова, — не на площади, а в соборе. Но все-таки зрелище красивое. Красиво было колыхание знамен и сероватых, словно ковыль, бунчуков на соборной лестнице, эффектен церемониальный марш, с лихо печатающими шаг, в такт потрясая серебряными кистями, лейб-атаманцами, со стройными рядами гундоровцев, зюльгарцев. Милы были бой- и герл-скауты, особенно последние, маршировавшие с упоением. Но какая великая вещь — воинская выправка! Ведь Африкан Петрович по внешнему виду увалень. А как легко, как грациозно шел он в марше, как изящно отдал честь знаменам своим золотым перначом, который весит до 15-ти фунтов. (Большевики в свое время весь Новочеркасск перерыли, отыскивая эту золотую штуку, но она, конечно, была увезена Поповым в Степной поход). Вчера же покинул Дон Краснов. Он хочет отдохнуть

в Батуме, а затем думает предложить свои услуги на каком-нибудь другом антибольшевистском фронте. У Колчака, говорят, его не особенно желают. По всей вероятности, он поедет в Северо-Западную армию, под Петербург. В Новочеркасске его чествовали адресом и банкетом, на который явились и кое-кто из оппозиции. То же было в Ростове. Итак, донской Бонапарт нашел свое Ватерлоо и свою Святую Елену. Но, в то время как падение Скоропадского не вызвало никаких сожалений, о Краснове не могут не пожалеть даже его враги. Он делал много ошибок, но был человеком недюжинным, прекрасным организатором, тонко понимавшим казачью психологию, и заслуги его перед Доном и перед Россией, конечно, велики. И главная заслуга — отсутствие политического страха, той робости перед «идеологией», которая, к сожалению, так характерна для слишком многих деятелей русских. Краснов не побоялся «нарушить верность союзникам», когда этого требовали интересы Дона, и не побоялся потом сказать, что и «нарушая верность» он «помнил о союзе». Посмотрим, что даст новый атаман? Интересно, что даже такой заядлый красновец, как И.А.Родионов (его «Часовой» прикрылся, конечно, не в порядке «закрытия», а просто отобрали казенную бумагу и выставили из типографии; в «Донских ведомостях» Казмин попытался было подлизаться к победителям, но тем не нужна была шушера; выставка его неизбежна; «Донские ведомости», вероятно, перейдут к Ф.Д.Крюкову), говорит, что «Африкан Петрович — превосходный человек, и в глубине души — наш, монархист».

ОСВАГ

Дневник (январь—февраль 1919 года)

19 января

Новочеркасский период нашей жизни кончен; мы не сразу переедем в Ростов, но я уже принял предложенное мне место заведующего кинематографом в только что учрежденном Отделе пропаганды Добровольческой армии, во главе коего стал Н.Е.Парамонов. Вчера вечером мне принесли письмо В.А.Жарламова, приглашавшее меня пожаловать сегодня к 10 утра к Николаю Елпифидоровичу в Ростов. Хотя мне нездоровилось и не хотелось бросать работы, тем не менее, это было слишком занимательно и любопытно, — и я поехал в Ростов. Здесь предварительно явился к Севскому, который сначала, по своему обыкновению, разыгрывал меня, притворяясь, будто бы ни о чем не ведает. Но затем

разъяснил: Добармия решила образовать Отдел пропаганды, по образцу существовавшего за границей в период войны. Во главе отдела поставлен Н.Е.Парамонов, которому Севский предложил меня в качестве управляющего кинематографическим отделением. Сам Севский вместе с Ф.Д.Крюковым получают посты тов. министра, то есть помощников Парамонова.

Вечером состоялось свидание с Парамоновым: он оставил у меня самое приятное впечатление — энергичен, деловит, не любит даром тратить слов — эдакий русский янки. План его строить Отдел как коммерческое предприятие, а не как бюрократическое учреждение, вполне правилен. Весьма резонно он говорил:

— Даровой пропаганде не поверит ни один дурак. Но когда он заплатит за листовку грош, это всецело преисполнит его уважением и верою в «купленное» слово.

В кинематографе он смыслит мало, вернее, ничего не смыслит, не знает даже разницы между позитивом и негативом. Сказал, что налицо сейчас имеется 5000 метров пленки (какой — негативной или позитивной, или и той и другой, объяснить, по вышесказанной причине, не мог), и был несколько удивлен, когда я ему ответил, что 5000 метров — это все равно что ничего. Кроме того, пленка, как оказывается, принадлежит Донскому правительству. Придется ее «добывать» (хотя это нетрудно). Николай Елпифидорович усиленно настаивает на том, чтобы как можно скорее поставить фильму, изображающую взятие Новочеркаска Голубовым и расстрел Назарова. Сценарий напишет Севский.

Я изложил мой план Николаю Елпифидоровичу в следующих чертах.

Кинематографическая деятельность Отдела должна распаться на три сферы:

1) хроника событий, к которой нужно будет приступить немедленно;

2) большие картины «американского» типа, с определенной антибольшевистской тенденцией (самое существо «великого немого» вполне допускает тенденцию; обладая возможностью выявления лишь наиболее простых чувств, каждая фильма, в сущности, строится на коллизии очень примитивно понятого Добра и Зла. Поэтому в кино может быть сильно и художественно оправдано то, что во всяком другом искусстве — нестерпимо);

3) комедии, для коих наша современность дает богатейший материал. (Например, знаменитый случай с мошенником, выдавшем себя в каком-то медвежьем углу Совдепии за «товарища Либкнехта» и достигшем божеских почестей).

Последние два вида фильм могут быть осуществлены двояким способом: или при помощи собственных сил, что сложнее, так как надо организовать труппу и, самое главное, построить ателье, коего в Ростове, конечно, не имеется (снимать на площадке при широком производстве, а производство — *должно быть широким*, — конечно, немислимо); или же путем сдачи «на подряд» постановок по нашим сценариям крымским фирмам — Ханжонкову, Ермольеву etc. Это выгодно в смысле быстроты, но, конечно, едва ли фирмы станут так заботливо относиться к нашим заказам, как к своим собственным постановкам и поэтому надлежит, начав с «подрядного способа», постепенно готовиться к организации собственной фабрики.

Все положения мои были Николаем Елпифидоровичем одобрены.

21 января

Парамонов прислал ко мне некоего мичмана Семенова, оператора, состоящего при небольшом, имеющемся в Екатеринода-ре, «Осведомительном бюро», то есть начальной ячейке нашего Отдела. Главенствует в этом бюро проф. С.С. Чахотин. Семенов — подхалимистый тип, совсем не похожий на морского офицера, сообщил мне вещи довольно печальные: пленки негативной у них нет совсем, а позитива... одна катушка! Зато есть два оператора; считается, что в Новочеркасске, у Донского правительства, имеется еще оператор Годаев, а сегодня ко мне явился некий шури-нец Белокуров, тоже бывший в мирное время оператором у Ханжонкова, с предложением снимать фронт и военные действия. Всего у нас четыре оператора; на первое время хватит. О лаборатории тоже не приходится особенно хлопотать: в Ростове есть лаборатория при прокатной конторе братьев Петровских, правда, слабосильная, но пока обойдемся (я уже был у них и встретил самое широкое радушие). Но вертеть без пленки нельзя, купить ее тоже; очевидно, помимо командировки в Крым, надо будет когонибудь командировать за границу. Сказал об этом Парамонову. Ответ: «Ну, что же? Вот вы и поедете и в Крым, и за границу». Я едва мог скрыть свою бешеную радость: неужели же давняя исполнится мечта, я опять увижу мою милую, мою любимую Европу, о которой так мучительно тосковал все эти годы, с тех пор, как на свое несчастье вернулся в Россию?

Сегодня у Парамонова видел некоторых будущих сотрудников Отдела — уморительно смешного своею важностью Сватикова, М.С. Воронкова и т.д. Парамонов развивал перед нами свою

программу. По его мнению, пропаганда должна быть поставлена так, чтобы незаметно проникла во все области жизни, охватила бы весь быт целиком, пронзила бы все мысли и притом осталась бы неприметной, чтобы люди поддавались ей, ее не примечая. Причем она не должна быть партийной, под нее надо подвести широкий общественный базис, — от умеренных социалистов (их представитель — Сватиков) до монархистов (таковых в Екатеринодаре сколько угодно). Все это совершенно верно. Между прочим, подход к делу у Парамонова довольно циничен. Он смотрит на вещи просто: ничем нельзя, не следует брезговать. Сегодня он высказал, например, мысль о необходимости образования особых секретных агентов, которые должны проникать в Совдепию и вращаться среди коммунистов. Севского, с его строгой нравственною чистотой, это покорило. Но едва ли Парамонов не прав. Заседали мы сегодня на парамоновской квартире, в знаменитом особняке, где когда-то зародилась Добрармия. Ведь Парамонов был некогда ее крестным отцом и почти единственным финансистом. При всей своей скупости, он отдал ей большие средства и нередко бывал ее спасителем. Я.М.Лисовой рассказывает следующий случай: в середине декабря 1917 года положение армии было критическое, в кассе не оставалось ни копейки, и Алексеев заявил, что если до 4-х ч. дня Николай Елпифидорович не привезет денег, то он подпишет приказ о роспуске армии. «И вот, — рассказывает Лисовой, — мы напряженно ждали, стоя у окон атаманского дворца в Новочеркасске, приезда Парамонова. Без десяти четыре он подъехал на скверном извозчике и, словно дразня наше нетерпение, крайне долго расплачивался. Наконец, расплатившись, вошел во дворец, таща огромный мешок. В мешке было полмиллиона рублей, собранных ростовской буржуазией. Армия была спасена». Севский к этому рассказу прибавил любопытные подробности о том, как производился сбор. Парамонов собрал ростовских промышленников и заявил: так, мол, и так, единственная наша защита может погибнуть, если мы ее не поддержим. Многие охотно пошли навстречу: Борис Абрамович Гордон расщедрился на целых 200 000! Но многие, труся перед уже недалекими большевиками, *отказались* дать деньги. Парамонов ничего не сказал, но отметил их в сердце своем. И вот, когда большевики были прогнаны, и началась настоящая жизнь, с купцами, не давшими денег, вдруг стали приключаться несчастья: то вдруг откажут в верном кредите, то опротестуют векселя и т.д. Это мстил Парамонов; при его всевластии на Дону (он, как паутиною, опутал весь торгово-промышленный мир) это большого труда не стоило. Перепуганные буржуи кинулись к нему на по-

клон, и теперь он заставил их пожертвовать в Добармию во много раз больше, чем требовалось в декабре. /.../

28 января. Ростов

Пропаганда уже перебралась в свое помещение, и нам отвели квартиры в реквизированных комнатах /.../ Екатеринодарцы приехали, но держатся гордо, уклончиво, на нас фырчат. С ними явился Лембич, долго и подробно ввавший мне о своих подвигах на всех фронтах, до Пенелопонесской войны включительно. Приехал из Ставрополя Илья Сургучев, а из Крыма Ф.М.Купчинский. Последний добивается поста «наместника пропаганды» в Крыму. Сургучев же вместе с Родичевым должен ехать за границу. План, который он мне развивал, довольно неожиданный. — «Пропагандировать так просто — это глупо! Надо действовать по-иному. Я проеду в Париж, сейчас же вызову свою переводчицу. Она переведет мою новую драму, ее примут в театр, поднимется шум и бум, и вот тогда-то я начну пропаганду: дам interview о большевиках и т.д.» Боюсь, что, пока дело дойдет до interview — или мы возьмем Москву, или нас загонят в Черное море. /.../

Февральские записи (без числа)

Сегодня, по настоянию Парамонова, екатеринодарцы выдали мне, наконец, все делопроизводство моего Отделения. Сплошная чепуха, ни одной бумаги, из которой можно извлечь толк: все больше рапорты гр. Монигетти-Ностиц, упорно желающего быть командированным за границу для покупки пленки. Но сейчас это праздный разговор: ныне граф, находясь в Крыму, на своей «Эгалите», все равно передумал ехать, найдя какое-то другое дело, но выгоднее. Просматривал я бумаги в комнате, где С.Н.Сирин экзаменовал агитаторов, направляемых в Ставрою (наше помещение еще не отремонтировано). Экзамен этот — уныние безнадежное. При мне признали годными совершенно городскую барышню, фитюльку, которую мужики не станут даже слушать, и мальчишку-гимназиста, а забраковали солдата, настоящего, от земли, сына зажиточного крестьянина, у которого большевики вырезали семью и разорили дом, и который свой человек, земляк именно в тех местностях, куда направляются агитаторы. Причина: первые здорово вызубрили сириновский курс, а второй не знал тонкостей с.-р. земельной программы. Какая вечная, неизбывная интеллигентщина! Надо быть русским интеллигентом, чтобы не понять, что для пропаганды вовсе не надобно знать все

программы, а надо быть близким среде, в которой действуешь. Ну что общего между ставропольскими мужиками и фитюлькою-барышней или гимназистом? Их просто не послушают, не поверят им. А провалившемуся парню, горящему ненавистью, лично испытавшему, что такое большевизм, этому своему человеку поверили бы, поняли бы его. Когда подумаешь, что *так* составляется одна из важнейших агитационных экспедиций, — тошно становится.

Разговор с Чахотиным: на вид Чахотин — милый, скромный, воспитанный человек. Но какую чушь он нес! Развернул передо мною колоссальную диаграмму в пять красок, с линиями и шарами. По диаграмме этой кинематограф оказывается где-то на задворках, четвертой ступенью Художественного отдела. Чахотин весьма красноречиво изъяснял мне необходимость и сплошной агитационной цепи: брошюра — плакат — прокламация — кино, а по диаграмме выходило на 11 служащих канцелярии... 3 оператора! Вот и замыкай тут «агитационную цепь»! Кроме того, кинематограф при таком положении дел оказывается в зависимости от трех инстанций: Отдела, товарища министра и самого шефа. Это то дело, которое не может не быть независимым!

Дела на фронте все хуже и хуже. В Донецком бассейне большевики напирают. Нами оставлена Юзовка и, по слухам, Мариуполь. Беспокойно, но настоящей тревоги почему-то нет. Быть может, потому, что большинство военных спокойно. «Деникин разрешает стратегическую задачу, — сказал мне сегодня Иловайский, — и на мелкие неуспехи не стоит обращать внимания».

11 февраля

Умер от тифа Роман Кумов — бедный, бедный! Еще несколько дней назад мы с ним сидели у нас в Новочеркасске. Ужасно жалко его: такой хороший, талантливый, скромный. Севский страшно огорчен. Решил поехать со мною в Новочеркасск, лично возложить венок. На вокзале наша поездка едва не рухнула: у кассы стоял такой хвост, что мы убоялись. К счастью, выходя из подъезда, встретили Е.Д.Богаевскую, Л.А.Сидорину и ген. Алферова, предложившего довезти нас в вагоне Главнокомандующего Донской армией. Путешествие вышло приятнейшее: превосход-

ный вагон, веселая беседа: Л. А. рассказывала о сибирских кушаньях, чисто чеховская «Сирена». На фронте — печально: занята Каменская и Усть-Медведица.

12 февраля. Новочеркасск

Сегодня похоронили Кумова. Похороны были торжественные, на счет правительства, в присутствии атамана и членов Круга, с воинскими почестями, музыкой и т. д., хотя Кумов был не военный казак. Впервые видел я, что русского писателя хоронят с воинскими почестями, и это было очень трогательно. Вечером, повидавшись с Парамоновым, крайне свирепым, ибо у него на рудниках открылись большевистские шашни (лютовал: «А всё бабье! Такое проклятущее!»), выехал в Ростов. Отдал Парамонову написанный в последние дни сценарий «Кольцо Дракона» — довольно ловко сделанную американского типа фильму, только вместо благородных ковбоев — добровольцы и барышня, а вместо злодеев — большевики и другая барышня, влюбленная в добровольца и из ревности переходящая к красным, но в последнюю минуту ценою своей жизни спасающая любимого.

Севский устроил Венского редактором «Народной газеты», издаваемой Пропагандой. Вышел номер 1-й, в котором Венский разошелся во весь свой трепаческий дух. Одни заголовки чего стоят! Например, телеграмма (оказавшаяся, конечно, уткой), будто бы Эльбрус возобновил вулканическую деятельность и задымился, озаглавлена: «Тебя только еще недоставало!» Многие фыркают, но едва ли это не тот тон, который нужен солдату на фронте и уличной городской толпе.

Мой сценарий произвел фурор: Парамонов без разговоров распорядился выдать мне за него 2000 руб., а екатеринодарцы сменили гнев на милость: сегодня был у меня длинный разговор с зав. художественным отделом Воротынцевым и его помощником Загородником. Мы договорились, подружились и выработали общий план действий, при котором кино-отделение получает необходимую независимость. Они признались, что очень меня побаивались: «Помилуйте, входит в кабинет министра без доклада, составляет какие-то особые планы — явный интриган». Ило-

вайский сказал, что мой сценарий необходимо воплотить в первую очередь.

Дружба моя с екатеринодарцами укрепилась настолько, что они предложили мне, помимо киноотделения, взять на себя редактирование юмористического журнала «Кактус», который предполагает издавать Художественный отдел. Я согласился, обусловив свое вступление, во-первых: согласием Севского, так как ни в коем случае я не хочу делать конкуренции «Донской волне»; во-вторых, расширение программы — из чисто юмористического в общелитературный. Севский, конечно, согласился, сказав: «Если Пропаганда хочет издавать журнал, конечно, редактором должны быть вы, а не Голубев-Багрянородный!» Голубев-Багрянородный — молодой футурист, фигура арапо-комическая, осел, который предназначался (увы!) мне в помощники к «Кактусу».

Парамонов уехал в Екатеринодар, вернется — иль на шите, иль со шитом: или утвержденным министром, или в отставку! Интригу против него ведет, главным образом, К.Н.Соколов, подхалим Драгомирова. А последний ненавидит Парамонова за фразу «Я был с армией с первого дня ее, когда она стояла на краю гибели, вы же, Абрам Михайлович, приехали уже после, на готовенькое». Перед отъездом Парамонов утвердил выделение кино в самостоятельное целое, а также программу и смету «Кактуса» /.../

Пропаганда

Наша Пропаганда — это такой *Babel sombre au science, roman, fabliaux, la cendre latiniet, la poussière greque le mêlaient**, что голова закружится. С утра коридоры гудят толпою — всякого зверя, чистого и нечистого, по семи пар. Вихрем носятся барышни, офицеры звенят шпорами, скучают каракулевые головы из разряда тех москвичей, про которых Яшка Южный в Москве когда-то острил: «Менделевич — беженец. Отчего же он беженец? От воинской повинности он беженец!» Толчея такая, особенно в нижнем коридоре, что пока поднимаешься к себе на третий этаж, тебя пере-

* Первобытное столпотворение, роман, сплетни, смесь латинского праха и греческой пыли (*др.*).

хватят семьдесят семь человек и сделают семьдесят семь предложений: один хочет достать пленку, другой пристает со статьей для журнала (сейчас только ленивый не затевает журнала, в надежде на то, что Пропаганда в конце концов отпустит субсидию) и т.д. Впрочем, у себя наверху я не засиживаюсь: нашу комнату еще ремонтируют, штат отделения не определен еще окончательно, и делать нам нечего. Спускаюсь вниз, где к 12-ти часам Содом достигает наивысшего напряжения: около дежурного офицера (им бывает или поручик Бродисский, вежливый, воспитанный, кажущийся настоящим кадровым офицером, хотя он — сын богатого еврея, ростовского к.-д., и погоны заслужил лишь в Ледяном походе; или поручик Федоров, увы! — далеко не блещущий вежливостью, самоуверенный тип «екатеринодарского тыла», главная забота коего, чтоб между ним и фронтом лежало пространство не менее 200 верст) толпятся чающие приема у шефа. Тут и владельцы типографий, облизывающиеся при одной мысли о колоссальности заказов Пропаганды, и разные прожекторы — кинематографические, артистические, художественные: художники с карикатурами и плакатами, писатели с брошюрами и статьями, с планами газет и журналов, «ходоки» с мест, доказывающие, что именно на их город и уезд надо обратить особое внимание, и что никто лучше их самих не организует там пропаганды; наконец, просто чающие мест просители. Здесь околачивается Роковицкий, мелькает Ардов, уповающий, что Пропаганда поддержит его «Журнал женщины» (в этом удивительном издании помещена перепечатка моего фельетона из «Донских ведомостей» о Кастальской под таким заголовком, что я, прочитав, едва со стула не свалился: «Женщина на плахе»! Черт знает что! «Мировой боевик» какой-то, а не статья!), важно потряхивая бороδοю проходит И.И.Митропольский, шеголяет черкескою Ника Туземцев. Большинство этих чающих приема не получит ни сегодня, ни завтра; даст Бог, если добьются в следующую среду. Ибо шеф, конечно, опоздает, придет часа в два, в шубе и в калошах, пожеывая свои вечные кислые яблоки, скроется в кабинете и начнет принимать доклады нас, главных служащих, разговаривая подолгу, так что для посторонних посетителей останется не более часу или 45 мин. Но они явятся завтра, и снова в коридорах будет шум и суета, словно в улье. Толчея усиливается еще тем, что большинству служащих пока нечего делать: не готовы помещения, не окончательно распределены штаты, и, тем не менее, все считают своим долгом посещать министерство, толочься в коридоре, где шумно, весело, можно узнать много новостей и еще больше сплетен. Кроме того — уйма ничем пока не занятых барышень, слоны слоняющихся и

охотно делающих глаз: господа офицеры звякают шпорами вокруг стройной, как тонкий стебель, скромной и изящной Зины Лагуна; Людмила Рудова припадает к встречному и поперечному со своими стихами (это вроде менингита) и томно вздыхает:

Ах, искателя романтики
Мне пошлет меж вами рок?
Кто мои развяжет бантики,
Кто мне снимет башмачок?

Охотников что-то не видно, хотя она совсем недурна, но уж больно поэтична! Зато вокруг сестер Селиховых — Ирины Сергеевны и Ольги Сергеевны Стрельниковой, всегда толкучка. Они действительно интересны: у них решительные лица, дикие, горящие глаза, какая-то лихость в каждом движении. Обе — казачки родом, участвовали в Степном походе (Ольга Сергеевна — георгиевский кавалер) и только недавно покинули армию (Деникин сейчас воздвиг гонение на наших валькирий, но, думаю, ненадолго: как обойдется без валькирий Шкуро или Покровский?) В костюме обе соблюдают некоторый воинственный стиль: *brutailleur**ок*, но *tailleur*** напоминает форму: в сапогах, правда, изящных, городских, но высоких, внатяжку, с голенищами. Все эти дамы и девицы в большинстве предназначены для участи тихой и скромной: стучать на машинках. Но С.Н.Сирин убежден, что подобное занятие невозможно без диссертации. Всех девиц заставили прослушать двухнедельный курс «политических наук» и потом написать сочинение на темы, весьма отдаленные от «ремингтона», как-то: «Сущность понятия исторического процесса», «Психологические факторы народных движений» и т.д. Воображаю, что написала об историческом процессе Людмила Рудова! Хорошо еще, что Сирин всякое сочинение, как бы оно ни было написано, награждал «весьма», а то мы, пожалуй, остались бы без ремингтонисток. /.../

Система Тейлора

С.С.Чахотин — личность в высшем смысле примечательная: новый герцог Лоран из «Маскотты» — необычайность несчастий, с ним приключаящихся, совершенно удивительна. Приехал в Сицилию работать на Мессинской биологической станции — на другой день стряслось Мессинское землетрясение 1908 года, и Сергей Сергеевич сутки пролежал под развалинами. Приехал на Кор-

* От фр.: *brutal* — грубый, зверский.

** костюм (*фр.*).

сику, пошел гулять и попал в плен к последней еще существующей шайке некогда столь славных корсиканских бандитов. Полжизни прожил в Германии, в 1913 году уехал и не нашел для возвращения времени, более удобного, чем... 31 июля 1914 года! Конечно, зацапали. Оправдывался: я-де у вас десять лет прожил. Отвечают: «Знаем и не сомневаемся, что вы шпион. Так долго жить в стране, уехать перед войною и накануне ее объявления опять оказаться на нашей территории! Самое шпионское поведение!» Едва выпутался. Убегая в 1917 году от большевиков на Дон, в Черткове с большим трудом избежал ареста, но выкарабкался и сел в поезд (в те времена, в самом начале казацко-большевистской войны, при Каледине, еще существовало сквозное железнодорожное сообщение между Севером и Югом). Но, когда поезд уже подходил к Миллерову, где стояли казаки, последний вагон, в котором ехал Чахотин, вдруг отцепился и по инерции покатился обратно к красным. Одним словом, не жизнь, а сплошной «жук в молоке», как у Лорана в «Маскотте». Последним «жуком в молоке» Сергея Сергеевича является попытка ввести в Пропаганду систему Тейлора, которую С.С. фанатически обожает. Результат самый «жуковый»: система концентрации рабочей энергии, быстрого использования рабочего времени обратилась в нудную канитель, куда более продлинновенную, чем даже обычное русское бюрократическое колесо. Внешне эта система выражается в следующем:

1). У дверей каждого отделения повешен... семафор. Когда в комнату входит «циркулятор» (то есть, попросту, мальчишка-курьер) с бумагами для подписи, семафор опускается, и больше ни одной бумаги поступить в отделение не может, пока, подписанные, они не будут вручены «циркулятору» для дальнейшего следования. Тогда семафор поднимается: путь для бумаг свободен. «Циркулятор» же во время пребывания бумаг в соответствующем отделении отлучаться не имеет права, но должен сидеть под семафором на особой табуретке, украшенной надписью: «Стул циркулятора». Дать циркулятору рубль и сказать ему: «Петя, сбегай мне пока что за папиросами», — преступление, равное оскорблению величества. В отделениях, которые далеки от Чахотины, эта чушь, конечно, не соблюдается, и применение у семафоров одно: ремингтонные девчонки, когда им скучно, забавляются тем, что поднимают и опускают его. Но поближе к Чахотину все это соблюдается и задерживает бумаги невероятно.

2). Все барышни (во избежание докладов) носят на груди разноцветные билетки, смотря по чину: имеющие право входа к начальнику — синий, к помощнику — красный и т.д. — увы! — до

желтого включительно. Эти нагрудные знаки еще понятны, но вот что составляет тайну более глубокую, чем учение гностиков: каждый, явившийся с докладом к высшему, вручает ему картонный билет соответствующего цвета, в обмен на который начальник выдает из стоящей перед ним коробки со множеством разноцветных билетов другой кусок картона. Все это вносит путаницу и вызывает смех и раздражение против Чахотина: его сильно недолюбливают, хотя он, необычайно вежливый, культурный, скромный и симпатичный своим болезненным и каким-то робким видом, безусловно, не любви не заслуживает. Но хорошие его качества видны лишь самым близким к нему людям, а большинство видит чепуху «тейлоризации» и смеется. Парамонов, как практик и деловик, его просто не выносит. Между ними идет ожесточенная борьба, и, говорят, Чахотин всецело поддерживает екатеринодарский натиск на шефа. Но люди проницательные представляют, что и здесь получится «жук в молоке» — если победит Парамонов — Чахотина «уйдут». Если победит Чахотин — его тоже «уйдут».

XVII. РОСТОВСКАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА (февраль—март—апрель 1919 года)

/.../ Тревожные слухи растут, хотя на фронте несколько лучше: на западе отбили Мариуполь и Юзовку, в центре — попридержали большевиков на Донце, на востоке отбросили их от Великокняжеской. Видел сегодня сестру милосердия, только что вернувшуюся из освобожденной станицы. Рассказывает ужасы — по улицам валяются трупы маленьких калмычек, разрубленные пополам. Тем не менее, тревога растет, нехорошо в Европе: вчера передавали как верное известие, будто бы в Англии вспыхнула революция, Ллойд-Джордж убит, король и парламент арестованы, провозглашена республика. Это, конечно, чепуха. Но все-таки любопытно, что жида, сообщившие мне об этом в «Гротеске», говорили с нескрываемой радостью. Никак не могу понять, почему у этой расы такая приязнь к «республикам»? /.../

Шеф из Екатеринодара явился побежденным. К.Н.Соколов повел против него бешеную атаку, обвинял его в потворстве социалистам (Сватикову), в заполнении министерства евреями, в левизне и т.д. Хотя все это вздор (ну какой Сватиков социалист!

просто толстый болван, — хотя, впрочем, это часто, если не всегда, совпадает), — Драгомиров поддержал Соколова. Особое содействие в большинстве голосовало против Николая Елпифидоровича (Астров воздержался), и Николаю Елпифидоровичу осталось только подать в отставку. С ним вместе уходят Севский и Крюков, протестуя «против оскорбления, нанесенного казаку», как сказал Севский. Уходит, само собой разумеется, и Сватиков. И — самое неожиданное — уходит Чахотин, вдруг возмутившийся «недопустимым отношением к Парамонову». Лембич поспешил возвестить екатеринодарской газете также об уходе моем, и Павловского, и В.А.Знаменского. Действительно, мы подали прошения об отставке (Севский меня от этого сильно отговаривал, находя, что это совсем не нужно), но Парамонов их отклонил. Со мною он был до крайности любезен, видимо, его тронула моя солидарность, и, читая мое прошение, он все время напевал «тум-тум-тум», что у него является знаком наивысшего довольства. Прощения не принял, заявив: «Вы, Владимир Александрович, нужны Отделу, и Константин Николаевич (то есть Соколов) был бы очень недоволен, если бы я вас выпустил».

Мое отделение наконец сформировано: я добился прекрасной комнаты, рядом, за перегородкой, устроили маленький зал для просмотра и некий эмбрион лаборатории, отчего у нас сладко пахнет грушевой эссенцией. Многие говорят: тяжело! Но я люблю этот профессиональный запах, так же, как и другой профессиональный запах — типографской краски. А самое главное, мы, несмотря на суматоху, успели составить первую картину, конечно, типа «Патэ-журнала» (сюда входит — портрет Корнилова и его изречения, похороны жертв в Пятигорске, день 3-го февраля в Новочеркасске). Думаем на следующей неделе начать показывать в «Soleil».

Валькирии

Одной из особенностей южных армий является большое количество женщин, сражающихся в наших рядах. Этого, говорят, нет ни у Колчака, ни на других фронтах.

В Ростове постоянно встречаешь молодых девушек и дам, одетых в солдатскую форму, иногда (даже чаще) с офицерскими погонами (их легко производят). Я имел удовольствие знать многих лично: очень любопытно. Явление это, в сущности, не новое,

наблюдавшееся еще во времена Большой войны, но сейчас страшно учатившееся. Насколько я могу судить, здесь мы имеем дело с тремя типами, с тремя побуждениями.

Во-первых, *казачки* — они, по самой натуре своей, мужественны и воинственны, *дочери военной доли*: с детства умеют ездить верхом, стрелять, закалены и здоровы. И, в сущности, нет ничего неестественного, что, когда их домам, их родной земле начала угрожать погибель, они схватились за оружие, тем более, что настроены казачки гораздо крепче, непримиримее и смелее, чем их мужья и братья. Но казачек-добровольцев почти не видно в тылу, они остаются на фронтах, причем очень часто совмещают роль солдата с ролью сестры милосердия. В бою — с шашкою, с винтовкой, после боя — с бинтом и ватой. Нередко, по миновании опасности, они мирно возвращаются к домашнему очагу. Это безусловно, самый чистый, героический, благородный тип наших Жанн Д'Арк.

2). *Романтические головки из интеллигентных и аристократических семей*. Романтизм здесь бывает самых разнообразных градаций — от беззаветного горения, патриотического порыва, до полубезумной истерики. Возбудители его тоже разнообразны: встречается патриотизм чистого вида, как у Али Д., у которой я впервые в жизни встретил ощущение Родины как *живого существа* (очень интересная, вообще, девушка, с огромным мистическим опытом); но чаще патриотизм бывает смешан с чувством личной любви к определенному человеку — мужу, жениху, любовнику; такова была кн. Черкасская, убитая под Таганрогом, неразлучно следовавшая за своим, тоже впоследствии погибшим, мужем, такова Джульетта Добрармии (как ее называли) — Нина З., не захотевшая расстаться при оставлении Ростова в 1918 г. с женихом (ему было 19, ей 17 лет), мужественно переносившая все тяготы Ледяного похода и трогательно погибшая вместе с женихом в одном бою; такова Золотая Люся, очаровательное существо, в которое был влюблен весь ее отряд, но которая любила только своего жениха, молодого поручика, и пожертвовала за него жизнью: большого тифом он был оставлен в пустой хате и попал в лапы большевиков вместе с не хотевшей его покинуть Люсей. Видя неминуемую гибель, она придумала такой героический выход: выдала больного за мужика, хозяина хаты, намекнув, чтобы замести следы, что офицер спрятан где-то в другом месте. Большевики поверили, оставили больного в покое и подвергли Люсю жестокой пытке, добываясь, где же офицер? Люся все снесла и не выдала. Наш разезд, налетев на хату, истребил большевиков и нашел бессознательного тифозного и истерзанную до полусмерти Люсю.

Они были спасены, но, к несчастью, кроткая девушка не вынесла мучений и умерла через несколько дней. Такова, наконец, М.Н.Т. — скромная, черноволосая дама с печальными глазами, похожая в форме на студента-первокурсника, жена видного адвоката в одном из городов Северного Кавказа. Она влюбилась в офицера, остановившегося у них во дни короткого (прошлым летом) занятия ее родного города Добрармией; влюбилась мгновенно: *coup de force*, бросила семью и с той поры неотлучно следует за новым избранником.

Иногда, впрочем, побуждения бывают далеки от любви. Например, одна барышня, еще совсем девочка, гимназистка шестого класса, ушла в армию, чтобы искупить грех старшего брата, ярого большевика. А зарубленная в схватке под Белой Глиной баронесса Ольга де Бодэ стала солдатом из чувства мести: в 1917 году на ее глазах (институтки предпоследнего класса) мужики вырезали всю ее семью — отца, мать, сестру с мужем и двух маленьких детей сестры; ее спасла старая нянька. Баронесса, воспитанная в военной семье, прекрасная спортсменка, лихо ездящая, стреляющая, владеющая саблей, — наиболее прославленная из «валькирий». Про нее рассказывают много смешного: как Корнилов поймал ее за хорошим делом — носилась на коне по улицам занятого села и на лету шашкой смахивала головы гусям, — и как Верховный чуть не предал ее суду за мародерство. Дело, конечно, обошлось, но все-таки, когда армия вернулась летом 1918 г. на отдых на Дон, Марков вспомнил о гусях и засадил баронессу на две недели на гауптвахту. В другой раз баронесса явилась причиной того, что «татап» Смольного едва не окочилась от ужаса — в самом деле, разве не ужасно: в приемную института в Новочеркасске входит молоденький офицерик, и все институтки с визгом бросаются ему на шею! К счастью, «татап» вовремя разглядела, что офицер-то на деле — де Бодэ. Но рассказывают про нее и страшное: ужас, пережитый при гибели семьи, сделал из этой юной девушки существо неодолимой жестокости, которая смушала даже старых вояк. Де Бодэ хладнокровно и беспощадно расправлялась с пленными, правда, никогда не подвергая их лишним мучениям. Но очевидцы говорили мне, что нестерпимо жутко было видеть, как к толпе испуганных пленников подсакивала молодая девушка и, не слезая с коня, прицеливалась и на выбор убивала одного за другим. И самое страшное в эти минуты было ее лицо: совершенно каменное, спокойное, с холодными, грозными глазами. Погибла де Бодэ тоже «валькирически» (хотя валькирии и «не погибаемы») — в лихой рукопашной схватке с «красными казаками» Миронова.

3) *Авантюристки*. Здесь тоже много градаций, начиная от «гуляющих женок» какого-то «валленштейновского» типа, вроде той рыжей проститутки, что до сих пор по ночам шляется по Садовой в гимнастерке и высоких сапогах, а в армии околачивалась, пока не вздумала однажды нацепить... полковничьи погоны (тогда ее подвергли наказанию розгами и выставили), — до авантюристок, не лишенных некоторой внутренней красоты, какого-то лихого порыва, удалства, легкомыслия (внешняя красота среди наших валькирий — явление тоже частое: большинство — хорошенькие), — этаких героинь кинематографического стиля. Есть среди них и неприятные: война, конечно, грубит, принижает женщину, но есть и сумевшие найти иногда почти очаровательный тон, в котором *военное* странно мешается с женственным. Неприятна, например, довольно известная Женька-наездница, самое прозвище которой указывает на не особо уважительное отношение к ней. Это женщина лет 32-х, рыжая, высокая, полная, со смуглым лицом, к добродетели никакого касательства не имеющая; вообще — «много было у тебя, женщина, мужей, и тот, который у тебя сейчас, — тебе не муж!»⁶³. Она груба, говорит нарочито по-мужски, пьет водку, словно вахмистр, руку тыкает в губы, словно хочет вышибить зубы, подвыпивши может пустить даже матерное слово (а уж «курвы», «стервы», «сволочи» так и сыплются с языка). Ее рассказы про фронт неприятны: по-моему, она садистка. Очень нехороши были у нее глаза, когда недавно она повествовала о том, как по ее распоряжению пороли в Бахмуте молодую жидовку, дочь ее хозяев, за то, что нашли у нее открытку с Карлом Марксом. И рассказ о казни двух коммунистов мне тоже не понравился: какие-то сладострастно-пустые и неприятно-тревожные были у нее глаза в это время, и слишком часто срывался короткий, захлебывающийся смех. Сейчас Женька без дела, из армии ее удалили, живется ей довольно туго (некоторые ее приятели пытались всунуть ее ко мне в Киноотдел, но я благоразумно уклонился), со злости она целыми днями тиранит своего десятилетнего сынишку, архаровца и шалопая (каковое тиранство подтверждает мое предположение о садизме).

Совсем другой тип — Олечка Гэс де Кальвужэй — еще совсем девчонка, замечательно хорошенькая и изящная, фарфоровая какая-то. Биография ее довольно любопытна: в 1916 году она с сестрою, обе гимназистки, выгнанные из всех ростовских гимназий, удрали из дому на фронт, по причине (как рассказывала Ольга), «что мама нас каждый вечер драла ремнем, и хотя за дело, но нам это не нравилось». На фронте обе сначала были сестрами милосердия (Наташа до сих пор таковая, хотя из разряда тех, про коих

говорят: «Сестра-то она сестра, даже больше, чем сестра, но при чем тут милосердие?» и которые, конечно, даже не снились miss Найтингаль), затем вышли замуж. Про мужа, очень кратковременного, Олечка выражается всегда: «Этот мерзавец». В конце 1917 года, уже расставшись с «этим мерзавцем», Олечка увязалась за Кубанской армией в поход, после оставления Екатеринодара достигла почестей высоких: была ординарцем или, как у нас говорят, «адъютантессою» Покровского (в числе многих, слишком многих). Затем, во время иногда возникающего гонения на валькирий, ее выперли из армии. Однако скоро назначили опять — в команду службы связи при Шкуро. Здесь вышел пресмешной анекдот. Рапортует Олечка: «Ваше превосходительство! Явилась для связи!» А Шкуро окинул ее взглядом с ног до головы и отвечал: «Не сомневаюсь!»

Мне лично Олечка доставила массу хлопот. Однажды я сказал Ваське Белокурову, что, вероятно, мы будем организовывать труппу, и нам понадобится актриса хорошенькая, умеющая ездить верхом, лихая, которая бы могла прыгнуть на ходу в мчащийся поезд, переплыть, одетая, реку и т.д. Васька заявил, что ему в-дома одна такая, и немедленно, со шкуринскою поспешностью, дал Олечке в Екатеринодар служебную телеграмму: «По получении сего предписывается Вам отправиться в гор. Ростов-Дон и поступить в распоряжение начальника Киноотделения Отдела пропаганды». Я об этом ничего не знал, и велико было мое удивление, когда однажды, придя на службу, встретил у себя в отделе нечто среднее между опереточной хористкой travesti и мальчишкой, очень изящное, которое, вытянувшись во фронт, отрапортовало:

— Согласно предписания ротмистра Белокурова явилась в распоряжение вашего превосходительства.

Мое превосходительство, услышав сей, неслыханный в стенах Пропаганды титул (у нас ведь даже шефов все звали по имени отчеству: «Николай Елпифидорович», «Константин Николаевич»), несколько смутилось и объяснило Олечке, что мне, собственно говоря, с нею делать нечего, так как вопрос о труппе — это история долгая. Олечка мгновенно слиняла и, чуть не плача, объявила, что Белокуров ее погубил: у ней нет ни квартиры, ни денег, и она не знает, что ей делать. Собственно говоря, мы для нее ничего сделать не могли, но она, растерянная, бедная, была так мила в своем френче и высоких лаковых сапогах, что мы подняли невероятную бучу и легкомысленно устроили ей квартиру и занятие в кассе нашего отделения. Воротынцев было заупрямился контрассигнировать мой приказ: как старый кадровый офицер он

терпеть не может всякого баловства, вроде женщин-солдат; но не бывало еще случая, чтобы упрямство милейшего Николая Николаевича не было преодолено. Подписал, сказав со вздохом: «Ну, назначим ей подъемные 25 руб., пока она не начнет зарабатывать поночно». К счастью, дня через три Олечка действительно нашла знакомых офицеров, и финансирование ее существования исчезло из сметных граф Отдела пропаганды. Одновременно с этим она сменила форму на женское платье, главным образом, чтобы не смущать молодых ребят, своих недавних сверстников по гимназическим балам и даже детским играм. А то, действительно, выходило смешно. Сидит какой-нибудь девятнадцатилетний в «Чашке чаю», а Олечка перед ним вытягивается:

— Господин поручик, разрешите остаться!

Еще недавно в вальсе кружились, если не пирожки из песка на бульваре лепили, и вдруг: «господин поручик»!

XVIII. РОСТОВСКАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА (апрель—май 1919 года)

Большое огорчение: покойник Годаев оказался никуда не годным оператором. Все его снимки, как деникинские, так и каменные — никуда, испорченная пленка. И ради этих скверных снимков погиб человек! Несомненно, он заразился тифом во время поездки в Каменскую. Жалко бедного старика!

Вслед за Ллойд-Джорджевскими «островами» и категорическим отказом от реальной помощи живою силою — новый удар: французы оставили Одессу. Этому как-то не верится даже: такая могучая армия, и вдруг — бегство перед рванью... Виною, видимо, какие-то таинственные события в Париже: Клемансо внезапно пал, во главе кабинета стал Вивiani, но на другой день опять что-то случилось: Клемансо вернулся, а Вивiani, как пишет «Приазовский край», предан военному суду. Понять ничего нельзя, но факт остается фактом: Одесса оставлена, и престиж союзников подорван безнадежно. Хорошо нас отблагодарила Франция за спасение Парижа! *Этого* мы ей никогда не забудем. У нас положение на фронте — хуже скверного: большевики, очевидно, отчаявшись перейти Донец, нападают на линию Царицын—Тихорецкая, очевидно, в надежде разрезать наш фронт, оторвать Кавказ от Дона.

Вчера, на Корниловском вечере, распространились слухи о победе. Подтверждения еще нет, но, кажется, какой-то успех действительно достигнут. Дай-то Бог! Вечер был очень интересен. Первую часть — речи Юзефовича, Знаменского, Лисового — я не слушал: мне сейчас скучны *все* речи! Но концерт был приятен: оркестр под управлением Ник. Ник. Кедрова весьма мило сыграл шопеновский марш и финал из «Орлеанской девы», а Н.Н. прекрасно прочитал два стихотворения М.Волошина: «Святая Русь» и «Demetrius Imperator». Стихи — почти гениальны. Юрий Николаевич*, правда, съязвил, что эти стихи могли быть встречены такою же овацией, какою их встретили у нас, и *там*, в Москве — но это, хотя и не лишено совсем известной доли вероятия, все-таки снобистический парадокс, к которым так склонен милейший Ю.Н.

2 апреля

Поездка в Новочеркасск — сплошное очарование: синее море разлива, среди которого изумруды островов, степь, вся в тюльпанах (их казаки любовно называют «цветы лазоревые», хотя они всегда или желтые, или красные, и никогда — не голубые), Новочеркасск, упоенный клейким запахом распускающихся тополей, веселый, радостный... Ездил я к Сидорину за разрешением музыки на предстоящем сеансе нашем в «Soleil». Семенов разрешил сеанс, но разрешение музыки зависит от командующего. Вообще, какая чепуха этот траур, закрытие всех театров, декретированный Кругом! Конечно, следовало покончить с пьяным безобразием кабаков и кафе-шантанов, которых расплодилось видимо-невидимо, но какая нелепость закрывать драматический театр, запрещать концерты и кино! Главное, что фронт этого вовсе не хотел: офицеры, приезжающие в отпуск, дико ругаются, что они не могут культурно, приятно провести вечер, отдохнуть, побывав в театре или посетив один из тех очень недурных концертов, которые устраивала филармония. В результате этого запрещения приехавшим на побывку вечером некуда деваться, кроме «погребков», где, окромя зеленого змия, ничего путного не достигнешь. Севский приложил много стараний, чтобы добиться отмены этого дурацкого распоряжения; к сожалению, эта мера, придуманная Ф.Д.Крюковым (как не стыдно! литератор!), так понравилась серому большинству Круга, что атаман не решился воспользоваться правом veto. Ф.Д.

* Ю.Н.Семенов, редактор газеты «Жизнь», издаваемой Отделом пропаганды.

оправдывается тем, что закрытие театров ему рекомендовал какой-то старик, явившийся прямо из станицы, олицетворение «vox populi». Хорошенькое оправдание! Культурный человек слушается какого-то мужика, ничего, конечно, в театре не смыслящего.

С Сидориным поладил быстро: принял он меня с очаровательной любезностью, мгновенно подписал обе бумажки — и о музыке, и о выдаче нам спирта. Тогда меня вдруг осенило внезапное вдохновение, и я обратился к нему с ходатайством вообще разрешить нам сеансы в двух кино (одно — в Ростове, одно — в Новочеркасске), причем показывать не только нашу хронику, но и обыкновенные картины художественного характера. Он согласился безо всякого труда, прибавив, что вообще он противник закрытия театров, но ничего не может поделать с Кругом. Радость моя омрачилась известием, полученным от Карташева. Бело-Калитвенская победа не принесла никакой пользы: дело донельзя лихое, — конный отряд в 300 человек, даже не казаков, мальчиков — партизан-гимназистов, студентов, реалистов, рассеял во много раз сильнее силы большевиков и завладел Морозовской, но, не поддержанный никем, за отсутствием сил, был вынужден отступить. А самое скверное — большевики перешли Маныч и заняли Богаевскую, стало быть, находятся в 16-ти верстах от Новочеркаска, достичь коего не могут только потому, что, на наше счастье, эти 16 верст сейчас — озеро полной воды: спасает старик Дон свою землю! Когда я спускался с горы к вокзалу, признаки близости большевиков ощущались очень ясно. Стоял нежный голубой вечер, тонкою дымкой окутывавший город и необъятную ширь разлива; в церкви звонили, и по улицам двигались редкие прохожие со свечками — такими яркими, такими прозрачными в безветрии тихого вечера. Все было полно миром, благодатью, — и вдруг, в это умиление, в эту тишь, Karfreitagzauberei* гулко донеслось по воде раскатистое рычание пушки. Больно сжалось сердце, и стало не страшно, а как-то бесконечно-грустно: неужели же дикое варварство революции ворвется сюда, в эту благодать? На вокзале Карташев разъяснил мне, что пушки — приятные: наша флотилия из двух пароходов и четырех блиндеров подошла к Богаевской по разливу и обстреливает большевиков.

Обратный путь в «молнии» был очень интересным из-за рассказов Бориса Александровича**, который очень подробно повествовал о первых днях революции. Интересны его замечания

* Канун Страстной Пятницы (нем.).

** Б.А.Энгельгардт, назначенный в то время помощником управляющего Отделом пропаганды.

об образовании Временного комитета Государственной Думы. Оказывается, в минуту создания этого учреждения, *никто* из депутатов, уговаривавших Родзянко взять власть, не мотивировал этого необходимостью революционно противопоставить царскому правительству некий эмбрион грядущего Временного правительства. Все, не исключая Керенского, требовали от Родзянки возглавления Комитета не для разжигания, но для умиротворения революции. «Мне лично, — говорил Б.А., — самым страшным казалась возможность грабежа винных погребов и складов. Если бы толпа, и так полубезумная, перепилась бы, произошло бы нечто ужасное, полный разгром города, резня». Родзянко долго упирался и согласился только, когда ему сообщили о переходе на сторону восставших Преображенского полка. Причем ошибочно видеть здесь часто высказывавшееся предположение, будто бы Родзянко открыто стал на сторону революции, когда увидел, что у нее имеется военная сила. У Родзянки по-прежнему была лишь одна мысль — об успокоении революции, но, узнав, что революционный дух перенесся в армию, он понял, что если безвластие продолжится, бунт примет такие размеры, что с ним не справиться. И тогда он решился на революционный шаг: образование Комитета Государственной Думы. Согласившись, Родзянко заявил всем присутствующим: «Господа, помните, что вы должны мне обещать полное свое повиновение! В особенности это относится к вам, Александр Федорович!» Керенский ответил: «Что касается до меня, то за себя лично я даю обещание и сдержу его. Но, Михаил Владимирович, что мы будем делать с тем, что сейчас бурлит *там*», — и Керенский указал в сторону зала, где уже заседал наскоро сформировавшийся Совдеп. Любопытны рассказы Бориса Александровича о настроении делегатов, ездивших к государю. Шульгин был по-настоящему глубоко потрясен и угнетен случившимся, Гучков же, хотя ему, как монархисту, свержение монархии не могло быть приятным, почти сиял: во-первых, он еще надеялся, что жертва государя может остановить революцию, а во-вторых, он так глубоко лично ненавидел государя, что не мог почти скрыть своего удовольствия при виде несчастья врага. О знаменитом «Приказе №1» — этом гнуснейшем произведении Нахамкеса и Соколова, Б.А. рассказывает следующее: все разговоры о том, будто бы Гучков одобрил этот приказ, — сплошное и злонамеренное вранье. Дело обстояло так: в Комитет Государственной Думы явился представитель даже не Совдепа, а только военной комиссии одного, который, показав проект приказа, спросил: «Что вы об этом скажете?» (любопытно, что этот *monsieur* вовсе не был видным членом левых организаций: это был просто-напросто

какой-то рядовой тип из «сознательных»; вообще, помимо Нахамкеса и Соколова, в военной комиссии вообще, в составлении «Приказа №1» в частности, не принимал участия ни один видный социалист. Эту мерзость сочинили «знакомые незнакомцы», в суматохе и попытках завладевшие настроением толпы. В Комитете Государственной Думы пришли, конечно, в ужас, и Борис Александрович заявил, что подписаться *под этим* Комитет Государственной Думы не может, хотя и не отрицает необходимости реформы военного быта. Вообще же он просит, чтобы без предварительного сговора с ними ничего не выпускать, касающееся армии. Тип хмуро выслушал, буркнул: «Обойдемся и без вас. *Тем лучше!*» и исчез. Потом, когда приказ появился, Комитет Государственной Думы пытался его аннулировать, но ничего из этого не вышло. В то время как «Приказ №1» беспрепятственно было опубликован, распоряжение Комитета о его неподтверждении *не было даже напечатано*, ввиду *отказа* наборщиков, вызванного постановлением военной комиссии Совдепа.

Чуть-чуть вместо красного яичка на Пасху не получили Красной армии: большевистскому разъезду удалось проскочить с разведкою до самой линии Ростов—Тихорецкая и повредить путь, так что сообщения не было около двух часов. Разъезд, конечно, чушь: повертелся и исчез, но в Батайске известие о нем вызвало дела прескверные: в этом большевистском гнезде всерьез вообразили «Наша взяла!» и подняли восстание. Так как в данную минуту ростовский гарнизон есть величина, стремящаяся к нулю, то батайское выступление было очень опасно: батайцам, будь у них хоть капля организации, ничего не стоило бы захватить город. Конечно, их бы вышибли, но скандалиссимус и резню они могли бы устроить изрядную. К счастью, в это время случайно через Ростов следовал на запад эшелон Покровского. Бросились к нему. Покровский с обычной лихостью налетел на Батайск и в полчаса привел его в покорность. Значительно слабее было то, что произошло потом: Покровский так же лихо начал производить суд и расправу — вздернул одиннадцать человек, около восьмидесяти отправил в Новороссийск на работы, а баб и подростков, в количестве нескольких десятков, торжественно выпорол на главной площади. В общем, конечно, строгие меры были необходимы, но вот беда: со своею лихостью Покровский *повесил не тех, кого следовало*. В числе казненных имелось два агента нашей контрразведки, на которых Покровскому донесли (очевидно, тайные

большевики) как на «красных». Попытка спасти этих несчастных, предпринятая местным священником, не удалась: разошедшийся Покровский едва не повесил и попа. Сейчас по этому делу наряжено следствие, и вряд ли Виктор Леонидович отвернется от суда, вполне, впрочем, заслуженного.

После Одессы — Крым: все разговоры о том, что будто бы французы укрепили Перекопский перешеек, — оказались bluff* — большевики без труда проникли на полуостров, союзники драпанули столь же стремительно, как и из Одессы, наши укрылись за Акманай. Перед уходом англичане взорвали 2/3 нашего флота. Правительство почему-то отвезли прямо в Константинополь; кто говорит, что Деникин не хотел их принять, кто уверяет, что почему-то союзникам были бы *неприятны* такие свидетели на территории Добармии.

Наконец первый сеанс — очень удачно, картина пятигорских жертв потрясающа. Публика, наголодавшаяся без зрелищ, валом валит в «Soleil». Завтра хотим начать сеансы в Нахичевани, а на следующей неделе откроем «сезон» теми картинами, что прислал из Юзовки Белокуров. Вообще, мы смогли бы прекрасно развернуться, если бы сейчас не были «обезглавлены». Новый шеф, К.Н.Соколов — самый странный министр в мире; был в своем ведомстве только один раз, а затем уехал в Екатеринодар, где и будет проживать постоянно. Помощник его, Энгельгардт, к нашему художественному отделу не имеет никакого отношения, мы отнесены в ведение второго товарища министра, на пост коего, вероятно, будет назначен проф. Grimm (Эрвин Давидович или Давид Давидович — до сих пор уяснить не могу: все говорят — ректор Петербургского университета, но ведь оба были ректорами), который только что бежал из Крыма и сейчас находится еще в Геленджике. Самое печальное в этих переменах и неурядицах то, что как-то незаметно сошла на нет предполагаемая полная независимость Киноотделения. То, что было главным залогом нашего успеха, — самокупаемость, — сейчас объявлено «невозможным». И мы должны валить в общую кассу огромные доходы, которые, как видно по первым сеансам, будем получать, и, будучи *единственным* доходным предприятием Освага, тем не менее,

* обман, блеф (англ.).

клянчить о каждой копейке, добиваться увеличения очень скупом нам отпускаемых кредитов etc., etc... Но, все-таки, я доволен кино: штат у меня подобрался прекрасный — делопроизводитель Петров, братья Минервины, обе барышни — так называемые Кино-Катя и Кино-Женя, до мальчика Вани (а devant* «циркулятор») включительно — народ работающий и милый. Лодырей только двое — Семенов и горе-футурист Голубев-Багрянородный. Гораздо хуже обстоит дело с «Радугой». Первый номер вышел очень красив, но какой-то пустой, а главное, я никак не могу разобрать, чего хотят от журнала наверху. То ли это должна быть агитационная листовка, только на веленовой бумаге, то ли культурный, художественный журнал?

В наши печальные дни единственное утешение — успехи Колчака: взяты Пермь, Бугульма, Бугуруслан, — войска адмирала подходят к самой Волге, так глупо потерянной из-за глупости с.-ров в прошлом году. Лисовой мне говорил, что не исключена возможность некоторой стратегической кадрили, а именно, что Колчаку удастся выбить красных из Москвы, они, отступая, собьют нас, и получится этакое «changez vos places!»** — вместо «Красного Севера» и «Белого Юга» — «Красный Юг» и «Белый Север». Люди предусмотрительные уже начали перебираться к Колчаку. Уехал Семенчуков, уезжает с Гришиным-Алмазовым Лембич.

Рассказы одесских и крымских беженцев

Встретил Н.С.Великатову, которая, при близком рассмотрении, оказалась Наташей Розенберг, той самой черноволосой шалуньей, с которой мы некогда в Одессе детьми вместе учились танцевать у М-те Медведевой. Она едва выбралась из одесской эвакуации, рассказывает ужасы. Никто не ожидал, что французы уйдут, еще за два дня до начала эвакуации их командование уверяло в полной неприступности города — и вдруг! — объявление, что, ввиду перемены правительства во Франции и невозможности кормить город, французы покидают Одессу. Паника, начавшаяся в городе, была неопишима, толпы людей в отчаянье стремились к гавани, на пароходы, где их третировали, как скот, черные сен-

* Прежде (*фр.*).

** Поменяйтесь местами! (*фр.*).

галеццы били прикладами рвущуюся к судам толпу, никто ничего не понимал... В городе уже начались грабежи, на окраинах мгновенно образовались ревкомы, еврейская самооборона, организованная будто бы для предотвращения погрома и насилия, начала нападать на отдельных добровольцев. Н.С. долго и тщетно пыталась добиться посадки на пароход; когда же это не удалось, присоединилась к отряду Тимановского, который вместе с польскими легионерами был, в сущности, брошен французами на произвол судьбы. Отряд начал отступление на Маяки. В дороге, в предместье, его обстреляла еврейская самооборона, которая, при отступлении поляков, обнаглела настолько, что не только попукивала из-за угла, но даже попыталась «начать наступление». К счастью, «гонимые паны», увидев такую неожиданную отвагу со стороны «пшеклентых жидув», пришли в неистовство, опрокинули самооборону и задали здоровую трепку жидам на улицах, по которым проходили. Дорога до Маяков под проливным дождем, по размякшему чернозему, была ужасна, но самое ужасное ждало в Маяках: сволочи румыны отказались впустить отряды (сначала требовали разоружения, что было в высшей степени странно со стороны «союзников», а затем просто заявили, что не впустят). Положение было аховое: отряды скопились на узкой косе, поливаемые с двух сторон — проливным [дождем] с неба и волнами с моря; каждую минуту могли нагрянуть преследователи-большевики, а возможности обороняться не было. К утру румыны смиловались и разрешили пустить поляков. К счастью, «гонимые паны» оказались хорошими товарищами и заявили, что без русских они не пойдут. Это, а вернее, приказ французского военного атташе, подействовало: румыны открыли свою территорию для отступающих: сняли пулеметы, *выставленные против бегущих*. О причинах падения Одессы, по словам Н.С., общий голос таков: французы продали Одессу большевикам. Фриденберг и окружавшая его жидовская компания через посредство Веры Холодной (которую потом отравили, как неудобную свидетельницу) снюхались с тайным Совдепом и получили огромные суммы из Москвы. Для того, чтобы надуть Ансельма, который был честный солдат, но разумом не быстр и, кроме устава строевой службы, во всех остальных науках и политиках «несведущ и глуп», — Фриденберг *сфабриковал* подложную телеграмму о падении Клемансо. Не знаю, можно ли верить этим рассказам вполне, но несомненно, что в падении Одессы есть что-то нечистое. Недаром Д'Ансельм сейчас отставлен от командования, а Фриденберг предан суду. /.../

Новая «одесситская» встреча: В.Луи. Ну, этот мальчик не пропадет! Выбрался из Одессы на шхуне, через две недели после занятия ее большевиками, у которых даже послужил малую толику, но не понравилось: «не люблю, — говорит, — когда меня ставят к стенке». Рассказ его о первом свидании с «батюшкой Григорьевым» уморителен. «Учреждение, в котором я служил, — Ликвидационная комиссия грунтовых путей Румфронта, — послало меня, как самого ловкого арапа, "информироваться" у новой власти, — рассказывал Луи. — Поехал с интересом: любопытно было взглянуть, что это за непобедимая пришла сила, перед которой в панике улепетывала союзная 60 000-я соединенная армия с тяжелой артиллерией и танками (ведь как бежали! как драпали!) Приехал на Одессу-Заставу, увидел человек пятьсот оборванцев, сброда такого, что и представить трудно. Батюшка оказался в вагоне, стоявшем на путях. Пошел туда, встретила меня сестра милосердия, очень мало похожая на того ангела доброты и кротости, каким, в принципе, должна быть "сестрица". Не скрою, что она была в кожаной куртке и высоченных сапогах, на поясе у нее висел револьвер, а в руках она держала нагайку. Голос ее был отнюдь не сладкозвучен, но хрипел явно с большого перепоя. Она провела меня в купе, где сидел ражий детина в туфлях на босу ногу и в расстегнутой рубашке, так что была видна волосатая грудь. Узрев меня, он икнул и осведомился: "Чего тебе?" Я лично не мог припомнить, когда мы сошлись с сим почтенным синьором "на ты", и из благоразумия ответил ему "на вы", объяснив, что являюсь представителем учреждения внепартийного, делающего общегосударственное дело и обладающего крупным имуществом, которое надо охранить. С этими словами я подал батюшке длиннейшую опись казенного добра, находящегося на нашем попечении. "Ну, да мне до этих глупостей вообще дела нет! — отрезал Григорьев, — а вот тут у вас (он ткнул пальцем в опись) — две бочки бензина есть. Так пришли!" Этим аудиенция окончилась, и батюшка вышел на площадку произносить речь своим архаровцам. Должен признаться, я ничего не понял, ибо она состояла из различных, крайне виртуозных вариаций матерной брани. Но доблестное войско, столь устранившее 60 000-ю соединенную армию ген. Д'Ансельма, видимо, прекрасно понимало, что хотел сказать их предводитель, и всецело одобряло его глубокие мысли».

На мой вопрос, правда ли, что *французы продали Одессу*, Луи выпучил глаза: «Да неужели об этом *еще можно спрашивать?* Какая другая причина могла заставить 60 000 в панике убежать

перед толпою всякого сброда, для которого было достаточно роты солдат и одного орудия?» Но вину Верочки Холодной Луи отрицает: «Послушайте, мы с вами знали покойную лично, и вам, конечно, неизвестно, что ее мыслительные способности были недостаточны не только для шпионского предприятия, а даже для уяснения четырех правил арифметики. Тут дело было проще. В ее салоне — подлинном Ноевом ковчеге, где толклись *все*, Фрайденбергу было очень удобно встречаться с тайными агентами большевиков, а когда сделка была заключена, то высокие договаривающиеся стороны решили убрать хозяйку дома, где они договаривались. Не потому, что она была им очень уж опасна, но просто *на всякий случай*. Зная моральный уровень высоких договаривающихся сторон, вы не найдете *этого*, конечно, невероятным. Ну, и отправили бедную Верочку *ad patres*».

Думаю, Луи прав, и очень рад, что бедная Верочка не оказалась изменницей Родине.

АПРЕЛЬСКИЕ ЗАПИСИ (без числа)

Счастье опять, кажется, начало улыбаться нам: успехи на Западном фронте, восстание в северных округах, прибытие эшелонов, образованных из частей, находившихся во Франции.

Отряды эти имеют вид блестящий: давно не видали мы такой выправки, такого четкого шага — прямо старорежимные солдаты. Но про внутреннее их настроение отзываются неважно — они в Новороссийске ответили приветствовавшему их Деникину: «Здравия желаем, *господин генерал!*» — и эта керенская реминисценция произвела весьма неприятное впечатление.

Крым полетел. Непрístupность Перекопа оказалась пуфом, а союзники сдрейфили хуже, чем в Одессе. Неудивительно: французы совершенно, как говорят, разложились. 18-го числа (то есть 1 мая) их матросы шлялись по Севастополю с красными флагами, греки по ним стреляли. /.../

Восстание в северных округах области — не утешительная выдумка, а действительный факт. Летчики, посланные на развед-

ку, долетели до Филоновской и Уриженской и сообщают, что весь север охвачен огнем восстания. Это очень важно. Большевики вынуждены оттягивать туда крупные силы и, вместе с тем, не могут быстрым ударом покончить с центром, взяв Родов и Новочеркасск, так как наступлению мешают разлившиеся воды (вот когда сказались обещанные Красновым «бурные воды Дона, Медведицы, Хопра, Маныча и Сала»). Восстание очень широко: за оружие схватилось поголовно все казачье население и, что особенно важно, — половина иногородних. Красные, конечно, свирепствуют, повстанцы отвечают им тем же. Не будучи в состоянии уловить восставших, большевики обрушиваются на их семьи: так, в одном хуторе, откуда ушло в повстанцы решительно все мужское население, большевики вырезали их семьи, в Верхне-Донецком округе советская власть объявила, что за действия повстанцев отвечают *все* члены их семей — *мужского пола старше 11-ти лет, а женского — старше 16-ти*. И это не пустая угроза: в Мало-Калитвенской расстреляно 50 казачек, в Буряевском хуторе повешено более 40 человек, в том числе несколько девушек и четыре мальчика в возрасте 12—13-ти лет, в Нижне-Курмоярской станице большевики выгнали впереди фронта почти все женское население, прикрываясь от наступающих повстанцев их женами, сестрами, невестами. Но все эти зверства не спасают красных: воодушевление и ненависть повстанцев растет. Летчики передают случаи, как десятилетний мальчик с опасностью для жизни пробрался через большевистские форпосты, чтоб доставить сведения инсургентам, как молодая казачка была поймана большевиками (и, конечно, тотчас же убита) в то время как перерезывала проволоку полевого телефона; в вышеописанном ужасном Курмоярском случае женщины, стоявшие между двух огней, кричали повстанцам: «Не бойтесь, стреляйте, — лучше от вашей пули за Дон умереть, чем погибать от жидов!»

Приехал наконец Гримм. Оказалось: Эрвин Давидович. В разговоре со мною заявил, что он «в кинематографии не понимает ни уха, ни рыла». Это меня окрылило сильно: быть может, дадут нам ту необходимую самостоятельность, без которой наше отделение зачахнет.

Господи, какое счастье! Наконец-то настоящая большая победа: под Торговой мы вдребезги разнесли большевиков. Бой был

упорен и труден. Говорят, Деникин взял винтовку и пошел в рядах, как простой солдат. По мнению Лисового, битва эта еще не решает участи кампании — это не генеральное сражение, но, во всяком случае, спасен Ростов, спасен Новочеркасск, спасена Кубань. На западе тоже хорошо: успехи в Донецком бассейне. Чеченцы кн. Мурада, взяв Юзовку, повольничали насчет жида, и в таком масштабе, что сего героя из повестей Марлинского предали суду. И правильно!

Слухи о падении Керчи — чепуха. Держится крепко, хотя Дыбенко бросает на Акманайские позиции огромные силы, но позиции хорошо укреплены, и все напрасно. Кроме того, сильно помогают англичане: «Empregor of India» стоит в Черном, а «Karados» в Азовском море и кроют красных по квадратам. Единственная опасность для Керчи — каменоломни, в которых: 1) укрываются разные сволочи, тревожащие наш тыл (еще недавно им удалось захватить на прогулке нескольких офицеров и дам из семейств гарнизонного начальства, которые затем были выменены на нескольких пленных большевиков); 2) по ним возможно зайти в тыл к нашим. Конечно, вряд ли главные силы Дыбенки решатся на подземное путешествие по этому тысячелетнему, еще от скифов, лабиринту, но небольшие отряды, вероятно, смогут проникнуть в Керчь.

XIX. ПЕРИОД ПОБЕДЫ (Май—июнь 1919 года)

Освобождена Константиновская молодецким ударом Донской флотилии. Для характеристики, насколько обрыдли большевики населению, примечателен такой факт: в Константиновской имелся урядник, которого в станице ненавидели, — мерзавец и взяточник. Так вот, этого-то мерзавца население на руках пронесло по улицам городка, восклицая: «Ура!» Севский, мать которого все большевистское время оставалась в Константиновской, рассказывает много любопытного о времени владычества красных в станице. Взял ее, оказывается, константиновский уроженец, из иногородних, хулиган-мальчишка, выгнанный из реального училища, Костька Пулаткин. Вступив в станицу во главе непобедимой армады рабоче-крестьянского войска, сей воевода (от роду 23 года) первым делом послал некоей константиновской барышне, за которой прежде ухаживал и был отвергнут, следующую цидулу амурного характера: «Дорогая Леля! Предлагаю Вам руку и сердце. В случае отказа — расстрел!» Барышня ответила согласием (довольно естественным), но поставила непременно условием вен-

чание в церкви. Костька условие принял, заявив, что и он сам «собачьего обычая не хочет и не терпит». Обстоятельства свадьбы — нечто гомерическое: Костька прибыл в церковь в фазтоне директора того самого реального училища, из коего его некогда выставляли, запряженном тройкою белых коней и покрытом коврами. Причем рядом с Костькой стоял граммофон, который, все время, заводимый Костькой, гремел: «Славься ты, славься, наш русский царь!» После свадьбы состоялось грандиозное пьянство, окончившееся скандалом. Молодой произнес тост за революцию, закончив его патетическим возгласом: «Бей жидов!» и немедленным выявлением сего принципа в действии — заушением сидевшего рядом с ним еврея-комиссарчика. Возникла перестрелка, во время которой было двое раненых тяжело и изрядно поцарапана новоиспеченная Madame Пулаткина. Неудивительно поэтому то чувство сожаления о муже, которое теперь выказывает эта дама:

— Ах, зачем Костьку не поймали белые! Теперь бы его вздернули, я была бы вдова, — а то так неудобно: замужем за большевиком и развестись с ним, проклятым, не могу! /.../

Новая победа! Блестящей кавалерийской атакой корпус Врангеля расколошматил большевиков под Великокняжеской (сам Врангель, со стеклом в руке, скакал на левом фланге). Событие это, по словам авторитетов, крупнее Торговой: это полный разгром всего левого большевистского фланга, открывающий нам путь на Царицын. Успешны наши действия в Донбассе. А в Крыму большевики напрасно пытаются взять Керчь. Не помогла им даже хитро задуманная операция с каменоломнями: они проникли в город неожиданно, из-под земли появившись в самом центре его (выходы из каменоломен в Керчи имеются чуть ли не в каждом дворе), но наши спохватились вовремя и живо ликвидировали безобразие. Жаль только, что все-таки большевикам удалось убить кое-кого из офицеров. В числе других погиб представитель нашего Освага — капитан 2-го ранга Белли. Его убили, очевидно, с заранее обдуманым намерением, ибо во время нападения он не был дома, но убийцы, несомненно, звавшие обстоятельства его жизни, бросились к одной даме, у которой должен был находиться Белли. Даме этой едва не удалось спасти его, уверив убийц, что при первых же выстрелах он выбежал на улицу. Но, к сожалению, Белли, будучи человеком очень храбрым, вместо того, чтобы спокойно сидеть в шкафу, куда его спрятала дама, выскочил из

своей засады и с криком: «Вот вам, мерзавцы!» ухлопал одного из красных. Конечно, остальные его убили. /.../

Вчера — великое торжество: освящение первого агито-поезда. Поезд обставлен прекрасно с внешней стороны, но сомневаюсь, чтоб внутренняя соответствовала. Гримм ничего умнее придумать не мог, как этим агито-поездом дать взятку «Вечернему времени», ожесточенно травившему Пропаганду (*entre nous soit dit**, не без оснований): начальником поезда назначен Ксюнин, и сегодня «Вечернее время» сразу сбавило тон. Сам Ксюнин, пожалуй, еще не большая беда: он из сословия *de prokhvosti*, но умен, хороший организатор, талантливый журналист. Ужасно его окружение: Ведов, Казмин и т.п. арапы. Торжество освящения с молебном и последующим пышным завтраком (с шампанским etc.) мне не понравилось (конечно, *sauf salnirauf***, как всегда на пропагандных веселостях — великолепный). На торжество пожаловал и наш знаменитый министр-невидимка К.Н.Соколов, произнесший за шампанским страстную апологию деятельности нашего министерства. Речь была в высшей степени неубедительна: все упреки Отделу, увы! — слишком часто справедливые, К.Н. изволил объявить «недоброжелательством, злопыхательством» и т.д., — и так восхвалял нас, что можно было подумать, что только Освагу мы сейчас обязаны победою: не конница Врангеля, дескать, главная удаче причина, а наши брошюры и плакаты. Еще хуже была речь Казмина, который, нализавшись, вдруг выскочил, когда его никто не просил, и понес что-то сладко-медовое, гнусное донельзя и малопонятное.

За молебном меня насмешили две вещи. Во-первых, поведение гг. начальства: все стояли идиотами, никто, решительно никто не догадался лба перекрестить, даже когда на панихиде запели «вечную память», опустились на колени не крестясь — замечательное зрелище! Второй смех: включение в торжественный язык службы безобразных неологизмов нашего времени. Когда дьякон возгласил: «Отделу пропаганды при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России и агито-поезду сему — многая лета!» — это было ужасно неуклюже и безвкусно.

* между нами говоря (*фр.*).

** Возможно: *sauf salvenauf* — пей залпом (*груб., нем.*).

Сегодня был в большой злости и ругался: и так у нас мало пленки, а дурак Белокуров тратит ее на совершенно непроизводительные вещи; не разнес его только потому, что, одновременно с глупейшим, он снял вещь замечательную: Шкуро в бою. Глупость же заключается в следующем: он снял картину военного суда над двумя комиссарами — русским и китайцем, и комиссаршей. Суд — это еще полбеды, но, увлекшись, Васька запечатлел на пленке и исполнение приговора — повешение китайца и порку комиссара с комиссаршей. Этого, конечно, показывать нельзя, так что только зря пропала сотня, кажется, метров! Зрелище довольно отвратительное: еще смертная казнь производит не такое страшное впечатление: от беззвучного экрана и азиатского хладнокровия казнимого китайца как-то не верится, что это по-настоящему лишают жизни человека. Только волнение офицера, распоряджающегося повешением и все время нервно теребящего какой-то сверток, который он держит в руках, указывает, что тут не инсценировка. Порка комиссара тоже сносна: лежит парень на земле, и его настегивают. Но совершенно невыносимо зрелище порки комиссарши: она, ражая девка, в кожаной куртке и высоких сапогах, бьется в руках казаков, они волнуются, валят на землю, задирают юбки и шпартят нагайками по голой заднице, на которой выступают длинные полосы. Черт знает что! Гримм, сегодня смотревший сие произведение во время посещения отделения генералом Май-Маевским, даже отвернулся от экрана, а потом говорит: «Это черт знает что вы там наснимали!» Что же касается до толстого дяди Мая, то он был, по обычаю, пьян и, кажется, плохо соображал: где? что? и как? К нам он отнесся в высшей степени любезно. Я ему подсунил бумажку с приказом об оставлении у меня в отделении всех служащих офицеров как незаменимых специалистов (сейчас идет весьма строгий просмотр «embusquers»^{*}). Посопел, подписал и затем, почтительно приложившись к ручкам всех моих девчонок, пробормотал что-то вроде благодарности «за интересное зрелище» и отбыл восвояси со своим маленьким по росту, но великим по арапству Макаровым.

Радость великая: Харьков пал. Еще утром наш посыльный мальчишка Ваня принес это счастливое известие. Но мы не поверили и шутя стали дразнить мальчишку: «Смотри, как бы с тебя за ложные известия не спустили бы штанцев к голенищам и не

^{*} тыловики (фр.).

всыпали бы сотни две горячих!» Однако оказалось, мальчишка прав. В 12 ч. в окне Освага появилась официальная телеграмма о взятии Харькова. Обедая в «Гротеске», я высказал мысль, что, если бы Осваг был настоящим учреждением, а не собранием шляп, он бы сейчас устроил большую радостную манифестацию. Владимир Ленский, обедавший с нами, мгновенно вдохновился и помчался в министерство организовывать шествие. Я думал, что Гримм и Энгельгардт поколеблются. Но, против ожидания, они оказались на высоте. Дали согласие. Манифестация все-таки не состоялась. Когда явились к П.Г.Семенову за разрешением, тот выпучил глаза: «Вы с ума сошли! Что вы хотите, чтобы к шести часам вечера начался жидовский погром?»

Кому суждено быть повешенным, тот не утонет: это выражение весьма, по-моему, подходит к Федору Баткину. Когда, после падения Одессы, он явился в Ростов, то являл образ сконфуженный, особенно после нелегального доклада в «Гротеске», когда от него ждали подробного отчета о падении Одессы, а он, вместо фактов, растекся мыслью по древу насчет необходимости соблюдать верность союзникам и пагубности германофильства. Все знали, как к нему относится Деникин, некогда, немедленно после смерти Корнилова, выставивший из армии и приказавший арестовать, едва покажется в районе Добрармии. И вот вчера прихожу в кассу Пропаганды и вижу: стоит Федор перед кассой, а кассир отслюнивает ему несметные суммы. В чем дело? Оказывается, сей успел уже пробраться к Деникину, в короткое время ошармировал его и добился ассигновки на организацию какого-то странного учреждения — нечто среднее между народным университетом и частною контрразведкою. Польза от сего для армии — проблематична, но для Баткина — несомненна.

Нет теперь в Ростове человека, который не устраивал бы собственного Освага и собственной контрразведки. Помимо Баткина, который будет орудовать в Новороссийске, имеется еще такое заведение полк. Резанова, учреждение хитрое и небезопасное. Вчера я смотрел в «Пассаже» агитационный спектакль, организованный сим заведением, и вполне согласился с Энгельгардтом, который от имени нашего министерства возбудил перед властями ходатайство о запрещении сего зрелища. Бог знает что такое!

Упокойники в гробах говорили спасибо, что умерли и не видят эдакого! На сцене Чека, звероподобная большевичка пытается героиню, порет ее нагайками (судя по естественно-раздирательным крикам, ее, должно быть, вдохновившись, настегивали по-настоящему), затем врывается белый отряд, предводимый добровольцами, освобождает героиню (она, очевидно, символизирует Россию) и *на сцене* вешает большевиков! Замечательное зрелище! Публика покидает театр в настроении таком, что, пожалуй, крикни кто-нибудь: «Бей жидов!» — и от Бол. Садовой ни синь-пороху не останется. Другое предприятие Резанова более хитроумно и, вероятно, полезно: он издает... «Известия Совета рабочих депутатов» — то есть печатает в Ростове по новой орфографии, соблюдая точно внешний вид, большевистские газеты, которые потом отправляются на фронт для распространения в рядах противника. Внешне это совсем красные газеты, и статьи все самого большевистского тона, но, внимательно вчитавшись, вы сразу почувствуете ненависть к большевикам. Затея хитрая и неглупая, но, боюсь, слишком тонкая для красноармейских мозгов. Недавно на эту удочку попался не красноармеец, а писатель и интеллигент Ф. Д. Крюков. В резановских «Известиях» появилась статья о роли евреев в революции, составленная ловко: будто бы некий М. Коган доказывал, что упреки евреям в том, что они не участвуют в революции, часто раздающиеся из уст красноармейцев, ни на чем не основаны. «Правда, — признавался Коган, — евреи действительно совсем не участвуют в непосредственной защите революции, их не встретите в рядах войск, но русский рабочий и крестьянин не должен забывать, что вообще-то святое дело революции направляется евреями, что они занимают самые ответственные посты начальников, что они ведут мир к революции и т. д., и т. д.» Так вот, Федор Дмитриевич принял эту провокацию за подлинную статью большевика и разразился статьей в «Донских ведомостях» такого содержания: «Я, конечно, не антисемит, но, все-таки, нельзя терпеть такого жидовского нахальства и т. д.»

Вчера повесили в Ростове Лидию Зевкину. Это была прехидная большевистская агитаторша. Во время большевистского восстания в Ростове в 1918 г. она сумела, притворившись агентшей Добрармии, проникнуть в тайные белые организации и вести там провокационную работу. Будучи очень хорошенькой, она легко увлекала мальчиков, из коих почти сплошь состояла тогда добровольческая разведка; притворяясь единомышленницей, выпыты-

вала, где у них спрятаны документы и погоны, а потом выдала их на смерть. Так погибло не менее пятнадцати офицеров. Несколько недель назад ее арестовали на Темернике и, конечно, не помиловали. На суде она держалась нагло, бросила суду: «Ну, что ж, вы меня повесите, а ваших мальчишек не воскресить!» Говорят, что ее казнили способом очень жестоким: перед повешением по-роли так беспощадно, что на виселицу пришлось ее, уже полу-мертвую, нести на руках. Это, может быть, враки, положим.

Новая радость: взят Царицын. Дважды тщетно осаждавший-ся «красный Верден», гнездо революции и всякой мерзости, нако-нец-то пал. Наши войска, ведомые Врангелем, проявили неодоли-мое геройство. Большую роль сыграли танки, уничтожившие сильно укрепленные позиции красных и вызвавшие огромную па-нику. Сопротивлялись красные отчаянно, и недаром, как говорят, за Царицын Врангель получил английский орден Бани: это было трудное и лихое дело.

Население встретило наших восторженно, хотя не так стра-стно, как в Харькове, где был полный триумф. Гусенко, въехав-ший [в Харьков] вместе с генералом Май-Маевским, рассказывает, что его автомобиль почти доверху был засыпан цветами, так что трудно было дышать, и голова разболелась отпряного запаха. Люди кидались целовать копыта лошадей, многие рыдали. Этот энтузиазм не удивителен, если вспомнить, что выделяли в Харькове большевики. Чрезвычайка тамошняя, руководимая без-умным Саенко, — это верх непревосходимого злодейства. Во дни взятия Харькова погиб полковник Рябцев (Киров), некогда помощ-ник Верховского, с.-р. и неудачный предводитель защиты Москвы от большевиков в 1917 г. Убили его таким образом: к нему яви-лось несколько офицеров, объявили его арестованным и повели будто бы в тюрьму, а по дороге пристрелили. Это, конечно, само-вольный акт некоей организации бывших защитников Кремля в октябрьские дни, и, как всякое самовольство, заслуживает вся-ческого осуждения. Но, вместе с тем, нельзя не признать, что Рябцев заслуживает пули — его нерешительность, граничащая с изменой, в свое время была главной причиной московского пора-жения. В Ростове говорят открыто, что если где-нибудь нам попа-дется Верховский, то его тоже убьют (и поделом!). Но, кажется, этот господин преспокойно ныне служит у большевиков в тылу, а на фронте встретить его вероятно мало. Другой изменник, Бер-зовский-Оленин, как-то вывернулся. Кажется, ему удалось при-

твориться, будто бы он фактически не способствовал, но мешал обороне Харькова красными.

Взятие Харькова принесло еще одну смерть — Н.Н.Синельникова, убитого на дуэли братом актрисы Валерской. Валерская — жена Глаголина, державшегося при большевиках ниже всякой критики, устраивавшего какие-то похабные и кощунственные зрелища, дружившего с Чекою и т.д. В день вступления добровольцев Валерская (ранее во всем соответствовавшая мужу) с цветами вышла встречать наших. Н.Н.Синельников подошел к ней и резко потребовал, чтобы она ушла, так как ей здесь не место. Брат Валерской, служивший офицером в наших войсках, тогда вызвал Синельникова на дуэль и убил его. Это возбудило большое негодование в офицерстве — из-за полубольшевички погиб замечательный человек, — и обратило внимание властей на всю эту историю. Глаголин сейчас арестован, идет следствие, но, вероятно, его оправдают*.

Кстати о театрах: самый унылый трофей харьковской победы — труппа Художественного театра с Книппер и Качаловым, игравшая на гастролях в Харьковском театре и не эвакуировавшаяся с большевиками.

Дурацкая барановская история: ротмистр Баранов, сын знаменитого нижегородского губернатора, крайний монархист, не принимающий сейчас производства, потому что «чин имеет право жаловать лишь Государь Император, а не генерал-лейтенант Деникин», вызвал на дуэль Энгельгардта. Причина та, что, по мнению Баранова, Энгельгардт — автор «Приказа №1». Это совершенно дурацкая сплетня, конечно, но Баранов человек отчаянный, крепко стоит на своем и ничего не желает слушать. На днях Энгельгардт подписал так называемый «Приказ №2» — попытка (впрочем, довольно слабая и жалкая) хоть немного отвратить гибельные последствия подлого сочинения Нахамкеса и Соколова. Но Баранов ничего не желает слышать, вопиет на весь Ростов: «Энгельгардт — убийца тысяч русских офицеров!» и т.д. Положение бедного Бориса Александровича самое пиковое: с одной стороны, он, как офицер, не может отказаться от дуэли, а с другой, конечно, немислима дуэль человека, занимающего столь ответственный и высокий пост, с обалделым безумцем. Деникин, говорят, распорядился арестовать Баранова, но приказ был потом отменен, отчасти по просьбе Энгельгардта, отчасти по настоянию не-

* Это сбылось: военный суд оправдал Глаголина.

которых сочувствующих Баранову офицерских кругов. В общем — глупо и нелужно.

Первый выезд агно-поезда — сплошной позор. Приехали в Великокняжескую, только что освобожденную от большевиков, голодную, — и ничего лучшего не придумали, как пригласить находившихся в это время в станице двух английских летчиков на пиршество и перепиться *на глазах у собравшегося около поезда народа* до положения риз. А напившись, устроить уже совершеннейшее неприличие: выпустить Ведова и сволочь Казмина с речами. Оба пьяные несли какую-то околесицу. Ведов читал стихи совершенно нецензурного содержания, а Казмин, забравшись на крышу вагона, вдруг заорал: «Да здравствует советская власть!» Тем не менее, вместо того, чтобы репрессировать этот безобразный состав, они получили высочайшее одобрение Шлее и Гримма и теперь поговаривают об образовании второго агно-поезда, во главе коего станет такой «шейх арапского племени», как Владимир Ленский. Кроме того, будет еще агно-пароход по Дону, а у многих слюнки текут при мысли о морском агно-пароходе. Это затея совершенно арапская. Предполагается взять один из пароходов «Ропита» и, соответственно украсив его агитационными картинками, плавать за границу, на предмет обработки европейского общественного мнения. Но сила тут не в общественном мнении, конечно, а в том, чтобы заняться контрабандой: вывозить за границу зерно, табак, получать заграничные товары и вообще спекулировать... /.../

Убийство Рябовола — событие глубоко печальное, хотя этого спекулянта, политического и настоящего, отнюдь не жалко. Но это убийство (быть может, вовсе не политическое, а «на дамской почве», — по крайней мере, многие уверяют, что тут виновата не столько кубанская самостийность, сколько г-жа Хотинская, как известно, бывшая вместе с Рябоволом в момент убийства; я в это не очень верю: ну кто станет убивать человека из-за эдакой стервы и б...?) — необычайно обострило рознь между казаками и добровольцами, рознь нелепую, раздуваемую зря с обеих сторон типами вроде Баранова, вопящими, что казакам надо прислать «наказного атамана», и кубанскими леваками, которые действительно вообразили, что «я — республика, я — Америка». Конечно, кубанским нотаблям очень лестно быть министрами и брать взят-

ки совершенно гомерических размеров, но, с другой стороны, нельзя же забывать, что Кубань все-таки пока еще Россия. А наши тоже хороши! Забывая все, сделанное казачеством для победы над большевиками, они чего-то «задаются», не всегда тактично тыкают казакам в нос «единую, неделимую etc.». Естественная реакция: раздражение против «наброда», который ест казачий хлеб etc. Все это очень печально, и нелепое убийство Рябовола, ныне приписываемое казаками газетной травле Кубанской Рады пресой Освага, еще усугубляет эти печальные обстоятельства. /.../

Володька Чеботарев, вернувшийся из агитационной поездки в Св. Крест, рассказывает, что было довольно затруднительно уверять население, что мы несем правовой порядок, когда на каждом фонаре болтался висельник. Правда, висельники эти были мерзавцы и ничего, кроме петли, не заслужили, но все-таки положение получалось препикантное.

Юбилей «Донской Волны»

Очень хорошее торжество: я так рад за милого Севского, большая работа коего наконец получила признание. Целый год, начав почти без средств, он, не покладая рук, работал и создал журнал, действительно являющийся энциклопедией борьбы с большевизмом, принесший белому движению пользы куда больше, чем весь Осваг со всеми его Гриммами и Шлее. Конечно, «Волна» недостаточно осведомлена о фронтах Восточной Сибири и т.д., но для Юга она незаменимый источник, ясно выявляющий всю ту безграничную доблесть, которую проявили и проявляют «последние русские», не побоявшие[ся] ринуться [в бой] с принявшей знак Антихриста Родиной. Чествовали Севского очень торжественно. Сначала был банкет в «Астории» — там я не присутствовал, — организованный различными организациями. На обеде были и «осважные», несмотря на их тайную неприязнь к Севскому. Гримм даже произнес неожиданно теплую речь. После банкета в «Астории» состоялся банкет у Данилы Белова, данный «Донской Волной» поздравителям. Было все честь-честью: отслужили молебен (во время коего Сургучев, к ужасу стоявшего рядом с ним Шлее, подпевал хору низким басом: «Победе благоверному Императору нашему» и т.д., хотя служили, конечно, по-новому, с «христоробивым воинством»), затем было вкусно, пьяно и ре-

чисто. Семилетов преподнес Севскому «самую большую награду, какую он вправе дать» — возвел его в чин урядника. Это было очень трогательно: Севскому, взволнованному, счастливому, прикрепили погоны (выглядевшие довольно странно на черном штатском жакете), оркестр грянул «Всколыхнулся, взволновался...» С этими погонами в конце ужина едва не вышел печальный инцидент: нализовавшийся Венский вдруг обиделся: «Почему на русского писателя и человеку "самостийные" погоны?» и начал ругаться. К счастью, казаки, хоть и изрядно выпившие, поняли, что это спьяна, сдуру, и никаких грустных последствий это не имело. Вообще же тон был совершенно примирительный, как с казачьей, так и с русской стороны. Знак к этому подал я, произнеши речь на тему, что главная заслуга Севского и «Донской Волны» — это слияние общегосударственного патриотизма. «Я не верю, — говорил я, — и никогда не поверю, что те печальные недоразумения, которые сейчас возникли между казаками и людьми общегосударственного направления, были серьезны. Они — лишь досадная тень, которая сокроется и развеется, как дым. Ибо — верю я — ни один казак не забудет, что столетиями был он носителем славного русского имени, и ни один русский не посмеет посягнуть на вольности казачьи после того, как казачество так блестяще, так самозабвенно и доблестно показало свою верность Родине». Семилетов ответил мне очень пылко и благодарно, закончив речь восклицанием: «Да помнят все, что мы — *русские казаки!*» А после вдохновенной речи Г.В.Петтера, вспомнившего 1613 год, когда донское ополчение шло освобождать Москву, и призвавшего к тому новому единению, которое 300 лет назад спасло Русь, — генерал Поляков ответил кратко и резко: «То, что называют самостийностью, существует лишь в нескольких головах, и все казачество называет головы эти — головами безумцев!»

Разошлись очень поздно — около четырех часов утра, в состоянии свехвеселом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кафе «Бом», владельцем которого был один из участников знаменитого дуэта клоунов «Бим-Бом» М.А.Станевский, помещалось на Тверской, д.37. После эмиграции хозяина и национализации кафе, с ноября 1919 в помещении «Бом» открылось оформленное Г.Б.Якуловым знаменитое «Стойло Пегаса», совладельцем которого стала «Ассоциация вольнодумцев» (московских имажинистов) в лице С.А.Есенина, А.Б.Мариненгофа, В.Г.Шершеневича. Здание не сохранилось.

² Здесь и ниже названы московские промышленные и торговые предприятия: «Т-во чугунолитейного и машиностроительного производства Доброва и Набгольц», «Т-во кожевенного производства Ал. Бахрушина и сыновей», торговый дом «Михайлов Федор и сын», шоколадная фабрика и торговый дом «Л.Ф. и Э.Тиде и К°», папиросная фабрика А.Катыка, «Московское акционерное о-во производства аптекарских и химических товаров К.Эрманса и К°».

³ Имеются в виду воины-ополченцы, на шапках у которых нашивались кресты.

⁴ Московский артистический кабачок, по типу «Бродячей собаки» и «Привала комедиантов», председателем которого состоял Л.В.Собинов. См., напр., описание встречи в «Алатре» нового 1918-го года: Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991. С.193-194.

⁵ Жена Амфитеатрова-Кадашева — Анна Николаевна (рожд. Смирнова). А.В.Амфитеатров писал Горькому 11 июня 1913: «А старший сын у меня женился — на ком, собственно говоря, не знаю. Что-то, говорят, высоко декадентское... Ну, что ж, каждому времени свой круг...» (Литературное наследство. Т.95: Горький и русская журналистика XX века. Незданная переписка. М., 1988. С.430). В Праге она покинула мужа, уйдя от него к писателю Осипу Дымову, много старше его, что вызвало изумление и пересуды в эмигрантской среде.

⁶ Речь идет о семье министра народного просвещения в первых двух составах Временного Правительства *Александра Аполлоновича* Мануйлова (1861-1929). Его сын Александр (Шура) — товарищ Амфитеатрова-Кадашева по Московскому университету.

⁷ Имеется в виду, вероятно, фильм «Великие дни Российской революции», снятый коллективом операторов и изображающий события 28 февраля — 4 марта 1917 (см. о нем: Росоловская Ванда. 1917 год в документах кино-хроники // Новый мир. 1937. №11. С.300-303).

⁸ «Русская воля» — ежедневная политическая, общественная и литературная газета, выходившая в Петрограде в 1916-1917. Ведущим публицистом и фактическим редактором газеты был А.В.Амфитеатров. Л.Н.Андреев с августа 1916 заведовал в газете отделами беллетристики, критики и театра (см. его письмо к брату, полное восторгов от «финансового великоления» сделанных ему предложений: Литературное наследство. Т.2. М., 1932. С.181), а с 13 апреля 1917, когда в результате конфликта в редакции, описываемого далее в публикуемом дневнике, Амфитеатров-отец вышел из газеты, — стал ее главным редактором. Существуют доказательства, что «Русская воля» тайно финансировалась правительством и департаментом полиции (тайный агент полиции журналист И.Ф.Манасевич-Мануйлов принимал участие в создании газеты, судя по опубликованным его допросам. См.: Падение царского режима. Л., 1924-1926. Т.I. С.42; Т.IV. С.152-157). Кроме того, деньги на издание дали несколько крупнейших российских банков. Имелось в виду под видом либерального издания, с привлечением ведущих литературных сил (кро-

ме Л.Андреева и А.Амфитеатрова — И.Бунин, А.Куприн, Ф.Сологуб, А.Н.Толстой и др.), выражать интересы руководителей русской тяжелой промышленности. По формулировке Ленина, была «одной из наиболее гнусных» буржуазных газет, «основанной на заведомо темные деньги» и «служашей худшим из капиталистов». Ю.Г.Оксман констатировал: «Февральская революция помешала превращению в петлю провокационного узла, завязанного в "Русской воле"» (Оксман Ю. «Русская воля», банки и буржуазная литература // Литературное наследство. Т.2. М., 1932. С.165-186).

⁹ Речь идет о знаменитом клоуне и дрессировщике *Владимире* Леонидовиче *Дурове* (1863-1934), который в цирковых номерах «нападал на бюрократизм, произвол, взяточничество царской России» (Театральная энциклопедия. Т.2. М., 1963) и, как видно, увлекался злободневной тематикой и после падения самодержавия.

¹⁰ «*Новая жизнь*» — газета «левых меньшевиков» (социал-демократов «интернационалистов»). Выходила в Петрограде с апреля 1917 по июль 1918 под ред. Горького, который опубликовал в ней цикл своих статей «Несвоевременные мысли».

¹¹ Демократический республиканский Союз — эфемерная партия, созданная в первые дни революции при газете «Русская воля» стараниями Амфитеатрова-отца. После выхода А.В.Амфитеатрова из редакции «Русской воли» существовал при редакции журнала «Красное знамя». Его программа сформулирована в приложении к 1-му номеру журнала (см.: Красное знамя. 1917. №1. С.110-111).

¹² Отметим любопытное историческое сближение: марка автомобиля была названа по фамилии конструктора, на дочери которого — графине Комбетт де Комон — женился вторым браком в феврале 1933 Зиновий Пешков (см.: Пархомовский М.А. Сын России, генерал Франции. М., 1989. С.237).

¹³ Имеется в виду нота П.Н.Милюкова державам Антанты, в которой декларировалось, что Россия будет участвовать в мировой войне до полной победы.

¹⁴ Тимофей Иванович *Кирпичников*, унтер-офицер Запасного батальона Лейб-гвардии Волынского полка. «Принято считать, что именно с его выстрела, которым был убит начальник Учебной команды батальона капитан Лашкевич, и начались события 27 февраля 1917 года — первого дня революции, — пишет В.Дуров. — За это Кирпичников был награжден самим генералом Л.Г.Корниловым, тогдашним командующим Петроградским Военным округом, Георгиевским крестом 4-й степени...» — Военная быль. 1994. №5(134). С.19. Далее автор упоминает другую версию (со слов внука Корнилова Л.А.Шапрон-дю-Ларрэ), что убийцей якобы был один из вольноопределяющихся батальона, а Т.И.Кирпичников к революционным событиям отношения не имел, став жертвой «рекламной шумихи» прессы того времени. Это предположение не убедительно, учитывая размах «рекламной шумихи» — цветной портрет на облож-

ке «Солнца России» (1917. №19) с подписью: «Первым поднял знамя восстания, за что и награжден Георгиевским крестом», портрет работы знаменитого фотохудожника М.С.Наппельбаума (поместившего, кстати, на страницах «Солнца России» целую галерею портретов виднейших деятелей Февраля — от Керенского до командирши женского батальона смерти Бочкаревой). В 1918 Кирпичников явился к командиру Корниловского полка А.П.Кутепову, изъявив желание служить в Белой армии, — и по приказу Кутепова был расстрелян.

¹⁵ В своих мемуарных заметках Лидия Осиповна Дан упоминает об этом ныне прочно забытом эпизоде: «Сталин тоже был на Ангаре, но в другом, более глухом месте. В Ачинск он попал или перед самой революцией, а вернее, уже после "амнистии", возвращаясь в Россию, и в Ачинске встретился с Каменевым, и они вместе оттуда посылали телеграмму великому князю Михаилу Александровичу» (Из архива Л.О.Дан. Амстердам, 1987. С.104). Телеграмма в печати не появилась (по мнению Д.И.Зубарева, сообщившего мне процитированную выдержку, ее мог задержать работавший в редакции «Известий» В.Д.Бонч-Бруевич). Сам факт ее подачи отрекшемуся «в пользу народа» Михаилу Александровичу от ссыльных большевиков получил в то время широкую огласку (см., напр.: С.А.Есенин: Материалы к биографии. М., 1992. С.251-252, 412). Авторы биографии Есенина, отец и сын Куняевы, делают на основании этого фантастическое допущение, что Есенин был убит в «Англетере» по приказу Л.Б.Каменева, которому А.И.Тарасов-Родионов, дескать, доложил содержание своего разговора с Есениным, в том числе и о якобы имеющемся у Есенина «компромате» на Каменева — подлиннике упомянутой телеграммы (Куняев Сергей, Куняев Станислав. Сергей Есенин / Серия «Жизнь замечательных людей». М., 1995. С.535-536).

¹⁶ «*Барабан*» — еженедельный сатирический журнал, выходивший в 1917 — начале 1918 под редакцией М.С.Линского. В журнале печатались ведущие сотрудники «Нового Сатирикона»: Арк. Аверченко (под своей фамилией и множеством псевдонимов), художник А.Радаков, а также Амфитеатров-Кадашев, Виктор Севский, Бор. Мирский, Бор. Флит.

¹⁷ Перед Февральской революцией Ю.М.Нахамкис подал прошение на высочайшее имя о изменении фамилии, ввиду ее неблагозвучности, на Стеклов. Сведения об этом стали достоянием газет, и дооктябрьские сатирические журналы всячески обыгрывали этот эпизод с «Нахамкесом-припадающим» (по принятому началу прошения: «Припадая к стопам Вашего Величества...»).

¹⁸ «*Заем свободы*» был выпущен Временным Правительством постановлением от 27 марта 1917 для финансирования участия России в мировой войне. Заем был рассчитан на 54 года из 5% годовых, при начальной цене облигации 85 р. Из политических партий против «Заема свободы» агитировали только большевики, но, несмотря на санкционированную властями кампанию в его поддержку (см., напр.: Лукоморье. 1917. №19/20 — где весь номер был наполнен материалами в поддержку займа, лозунга-

ми типа «Бей штыком, но бей и рублем»), в народе «заем» не пользовался ни малейшим успехом.

¹⁹ «Красное знамя» — журнал, продолжавший тот, что издавался А.В.Амфитеатовым в эмиграции в Париже в 1906-1907. Возобновленный в мае 1917 в Петрограде как двухнедельный «орган республиканской мысли», журнал вышел тремя номерами (последний №3/4 — сдвоенный). Позицию Амфитеатрова-старшего в то время характеризует набор откровенно эсеровских лозунгов на последней странице 1-го номера.

²⁰ *Арефин* Сергей Яковлевич — писатель, публицист, собиратель песен донских казаков. Имеется в виду его комедия «Митра (Сцены из жизни захолустья)», помещенная в №1 «Красного знамени». О полной нецензурности пьесы для театра и просьбе к Арефину переделать ее в повесть (что не было исполнено) писал Горькому В.А.Тихонов 29 сентября 1912 (см.: Литературное наследство. Т.95: Горький и русская журналистика начала XX века. М., 1988. С.751).

²¹ Французский министр вооружений и промышленности *А. Тома* прибыл в Петроград со специальной миссией 10 апреля 1917. См. подробнее в воспоминаниях французского посла (Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991).

²² Имеется в виду кн. Львов Георгий Евгеньевич (1861-1925), премьер-министр первого состава Временного Правительства (до 8 июля 1917). П.Н.Милоков писал о нем в своих воспоминаниях: «Надо признать, что выбор князя Львова главой революционного правительства был столь же неудачен, сколько он был в свое время неизбежен. Гамлетовская нерешительность, прикрытая толстовским непротивленчеством и облеченная в слащаво-елейный, официально-оптимистический стиль, — это было прямо противоположно тому, что требовалось от революционного премьера».

²³ Ср. в письме Амфитеатрова-старшего к М.Горькому от 8 июня 1908, после прочтения «Матвея Кожемякина»: «Если позволите несколько мелких отметок, то вот: 1) Не Исаию, но Исакия. Это из Печерского патерика. "Наш еси, брате Исакие, воспляши с нами!" Отсюда — "Наш брат Исакий"» (Литературное наследство. Т.95. М., 1988. С.204). Имеется в виду пустынный Исакий, которого черти заставляли играть и плясать под музыку (Киевско-Печерский патерик по древним рукописям. Киев, 1870. С.14-15).

²⁴ То есть Виктором Михайловичем Черновым.

²⁵ Подробностей о кронштадтских событиях после падения монархии сохранилось немного. В основном, кроме прессы тех лет, сведения черпаются из воспоминаний Ф.Ф.Раскольникова «Кронштадт и Питер в 1917 году», написанных с большевистской точки зрения («Матросы, солдаты и рабочие, вырвавшись на простор, мстили за свои вековые унижения и обиды»). Приведем еще одно свидетельство — отрывок из неопубликованных воспоминаний флотского врача М.М.Мелентьева «Мой час и мое время» (хранятся в РГАЛИ):

«Предгрозовое состояние Февральской революции в Кронштадте почувствовалось числа 25-26 февраля. Ползли из Петрограда тревожные, расплывчатые слухи, никому не ясные, никому не понятные. Жизнь продолжала идти своим чередом. 26 февраля встречали нового командира Кронштадтского порта. Был большой парад, были разговоры об этом новом назначении и не было ясного сознания надвигающихся событий. Как ни близок был Петроград, в Кронштадте, по-видимому, даже самые высокие власти не отдавали себе отчета в петроградских событиях. Числа 27 февраля адмирал Вирен прислал доктору Вержбицкой манную крупу для раздачи больным детям рабочих. В этот же день вечером в Кронштадтском Морском собрании на какой-то скучной лекции я видел предстательного красавца, начальника штаба адмирала Бутакова и подумалось мне еще: ну как это в такое беспокоеное время адмирала может тратить свои часы на такие пустяки? А на следующий день стало известно, что на 1 марта адмирал Вирен назначил на Якорной площади города собрание рабочих со своим участием. Вечером 28 я был зван в гости к главному санитарному инспектору порта доктору М.М.Обезьянинову. Были званы человек 6-7, часть из них играла в карты, часть сидела в гостиной у камина, но на душе у всех было беспокойно, было тревожно. Говорилось как-то вполголоса, никто ничего не знал верного, но приехавший из Петрограда в этот день полковник Юркшусов, управляющий делами госпиталя, привез уже ясно звучащие слова: "Тревога и революция". Их не повторяли, но их уже знали. За ужином в прекрасной большой столовой матросы в белых перчатках и белых куртках подавали на громадных блюдах сибирскую рыбу нельму и жареных фазанов. Пили вино. Пытались развлечься, но развлечение не приходило. Я, между прочим, сказал, что с утра собираюсь пойти на Якорную площадь на собрание рабочих, созываемое Виреном. Присутствовавший доктор А.С.Иванов, человек мне крайне далекий и неприятный, попросил меня по дороге зайти за ним. Вернулся я домой в начале второго ночи. Все было тихо. А утром, когда я встал в восьмом часу и выглянул на улицу, улица была полна народу, и не обычного, кронштадтского, а совсем нового. Я подождал немного своего вестового — он не шел. Мне не терпелось, я оделся и вышел. Толпы народа заполняли все улицы и шли к центру. Дальше я встретил колонну армейцев, затем матросов, разнобойно одетых, идущих не в ногу, но добродушных и веселых. Они мне кричали: "Идем с нами!" Я в тон отвечал: "Поворачиваю". Чести никто не отдавал, да о ней уже не могло быть и речи.

У Иванова я застал "смятение и ужас". "Ночью, часа в три, восставшие матросы вошли во дворец Вирена, вывели его раздетым и разутым в ров у Морского собора и, надругавшись жестоко над ним, убили. Там же убит и начальник штаба Бутаков. А сейчас на судах и экипажах идет расправа с офицерами. Многих из них уже спустили под лед, других арестовали".

Новости были потрясающие. Дальше идти было некуда, ни в прямом, ни в переносном смысле. Я переждал несколько минут и пошел в госпиталь. Там события шли также с головокружительной быстротой.

Докторская комната шумела встревоженными голосами. Каждую минуту входил новый глашатай происходящих событий. Всем стало ясным, что старое кончилось и началось новое. Но зачем только так страшно началось? Наспех выбрали нового главного доктора госпиталя Иванова, ни почему иному, как за быстроту восприятия происходящего. А он — это олицетворение новой жизни, истерик и морфинист, непрерывно пил стаканами эфирно-валерьяновые капли и своими безумными глазами наводил еще больший страх и большее смятение.

Не успел я вернуться домой, как увидел идущих ко мне двух матросов из санитарной роты с винтовками за плечами. Я открыл им дверь и спросил, чего они хотят. "Мы пришли за оружием", — ответили они мне. Оба были уже навеселе, оба держались и сконфуженно, и развязно вместе с тем. Один из них, играя револьвером, сказал мне: "Ничего ведь не стоит сейчас пристрелить вас. И ответа за это не будет никакого. Да мы вас уважаем и не тронем". Другой одел мои белые перчатки, лежавшие на столике в передней, и, любуясь собою в зеркало, попросил подарить их ему. Оба же закончили просьбой дать им выпить. У меня ничего не было, но они увидели денатурированный спирт на полке в кухне и выпили по стакану. На этом мы и расстались.

Весь этот день в городе и на судах продолжалась расправа, главным образом, с флотским командным составом. Сухопутные офицеры пострадали значительно меньше. Врачей не тронули ни одного, только сняли с работы двух стариков, бурбонов и взяточников, да отстранили главного доктора Обезьянинова. /.../ Кто был вдохновителем и руководителем событий этого дня в Кронштадте — не знаю. Несомненно, здесь было много стихийного, слепого и страшного мщения. Роковую роль в жестокостях играли женщины, работницы порта. Эта слабая часть человеческого рода оказалась неумолимой и жестокой, и своими истерическими и иступленными воплями: "Бей его, бей!" побуждала мужчин к убийствам и расправе там, где они этого и не предполагали делать. Я сам был свидетелем, как группа матросов вела капитана первого ранга Степанова в тюрьму. Ничего плохого за этим человеком не числилось, и вели его добродушно и мирно, выполняя задачу этого дня. И вдруг навстречу куча разъяренных баб, угорелых от крови и массового убийства: "Бей его, бей! Куда ведете? Одним меньше будет". И бросились, и начали бить человека, совсем им незнакомого, не сделавшего им ни малейшего зла. Через минуту бесформенная масса валялась на снегу.

К вечеру во внутреннем дворе госпиталя высилась громадная куча обезображенных людских тел с офицерскими погонами. Шел снежок и тихо засыпал этот трофей революции, а женщины лезли через заборы, стояли у всех шелей, любопытствовали, смеялись и оскверняли своими нечистыми побуждениями самое важное в жизни каждого человека — смерть. /.../

Минувший день совершенно изменил не только вид города, внешний вид людей и все формы человеческих отношений, но изменил всего человека в целом. Вернее, не "изменил", а "проявил" человека, выявив его скрытое, таящееся в глубине, забитое положением и всякого рода

соображениями. И вдруг все это спало, и человек предстал без надстроек. Зрелище это было пугающим».

²⁶ Реформа правописания была проведена уже при большевиках, в начале 1918.

²⁷ *Лаурина* — итальянская горничная Амфитеатровых, мать внебрачной дочери А.В.Амфитеатрова — Сабины, сошедшая после 1917 с одним из амфитеатровских шоферов. О ней и о Сабине см. подробнее: Даманская А. На экране моей памяти / Публ. О.Р.Демидовой // Лица. Биографический альманах. Вып.7. М.,; СПб., 1996. По указателю.

²⁸ Речь идет о писателе *Василии Ивановиче* Немировиче-Данченко (1845-1936), которому А.В.Амфитеатров посвятил свой роман «Жарцвет», старшем брате режиссера МХТ Вл.И.Немировича-Данченко. Осенью 1922 Вас.И.Немирович-Данченко добился от Наркомпроса командировки за границу для работы в зарубежных архивах над трудом «Народные вожди, трибуны и мученики Революции» и в СССР не возвратился. *Тизенгаузен* Елена Самсоновна (1880-?), графиня, которую он представлял своей племянницей, фактически — жена, сопровождала его в эмиграции.

²⁹ Речь идет об Алексее Алексеевиче Брусилове (1853-1926), главнокомандующем армиями Юго-Западного фронта, осуществившем в мае—августе 1916 наступление, известное как «Брусиловский прорыв». Был назначен Верховным главнокомандующим 22 мая 1917.

³⁰ Федор Исаакович *Баткин* — матрос 2-й статьи, политический авантюрист. Сведения об этой яркой фигуре периода революции и гражданской войны пришлось собирать буквально по крупицам: до сих пор нам остаются неизвестны точные даты его рождения и смерти. Его упомянул М.А.Волошин в стихотворении «Матрос», и из записной книжки Волошина В.Купченко извлек его отчество, больше нигде в литературе не упоминаемое (см.: Новое литературное обозрение. 1996. №17. С.273-274). А.И.Деникин вспоминал о Баткине: «Довольно интересный тип людей, рожденных революцией и только на ее фоне находящих почву для своей индивидуальности. По происхождению — еврей, по партийной принадлежности — эсер, по ремеслу — агитатор. В первые дни революции поступил добровольцем в Черноморский флот, через два-три дня был избран в комитет, а еще через несколько дней ехал в Петроград в составе так называемой черноморской делегации» (Деникин А.И. Очерки русской смуты // Белое дело. Кн.1. М., 1993. С.117).

Ф.Раскольников, называя Баткина «фиктивным моряком», писал: «Фактически никогда не служивший во флоте, Федор Баткин, кокетничая новой, только что выданной из цейхгауза форменкой и голландкой, бия себя в грудь, пытался разыгрывать роль старого "морского волка", бесстыдно выступая от имени моряков Черноморского флота, патетически восклицал "Мы, матросы... Мы, черноморцы..."», сопровождая эти самозванные возгласы обычным барабанно-патриотическим пафосом социал-оборонческих речей» (предисловие к кн.: Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917-1918 гг. 2-е, доп. изд. М., 1932. С.4).

В заметке «За что был расстрелян Баткин?» за подписью «Иностранец», в неатрибутированной газетной вырезке, вклеенной в альбом М.А.Сувориным, Баткин назван «провокатором». Сведения о раннем периоде биографии Баткина явно измышлены «Иностранцем». Ни студентом-эмигрантом в Швейцарии, ни пассажиром «запломбированного вагона», привезшего в Россию Ленина и других эмигрантов, Баткин быть никак не мог. Он действительно был студентом-техником, но жил в Севастополе; его дружеские отношения с адмиралом Колчаком восходят к митингу в городской управе Севастополя 5 марта 1917, то есть задолго до прибытия в Петроград поезда с эмигрантами. Однако сведения о конце Баткина весьма любопытны:

«...полностью выполнивши свою первую задачу сначала революционной, потом патриотической пропаганды, Баткин вместе с остатками русской армии попал в изгнание, раскаялся, признал советскую республику и начал службу рабоче-крестьянской власти.

После сманивания в Совдепию генерала Слашова-Крымского Баткин вошел в доверие к уполномоченному ВЧК тов. Виленскому и предложил ему при содействии группы левантинских импортеров-спекулянтов провести вторую рискованную операцию: привезти пленниками в советскую Россию видных лиц из группы командования Добровольческой армии.

/.../ Баткину был выдан крупный аванс в иностранной валюте, а его посредникам, левантинским купцам-импортерам, обещана от Крымского Внешторга лицензия на два парохода с мукою, сахаром и разными колониальными товарами, необходимыми голодавшему Крыму. /.../ все это было оговорено, принято и закреплено при участии заведовавших Крымским отделом Внешторга лже-коммунистов Долженко и Меметова.

Спекулянты-левантинцы согласились провести часть плана заговора, оплатить часть расходов и организовать возможность увоза пойманных добровольческих вождей на зафрахтованном ими пароходе.

Опьяненные головокружительным успехом и крупными средствами, попавшими им в руки, Баткин и ближайший его сподвижник, артист-куpletист Богданов, стали вести широкую жизнь, слишком заметную на фоне пришибленного и голодного в те дни Крыма. Баткин часто ездил по курортам Крыма с молодой красивой дамой в бриллиантах и дорогих мехах. Заметно подвинулись и коммерческие дела его брата, лавочника-самогонщика.

Эта неосторожность Баткина сгубила все дело, т. Виленского и его участников. Председатель Крымчека Ротенберг, заклятый враг конкурировавшего с ним Виленского, на основании донесений своих агентов, арестовал всю компанию за два дня до отъезда Баткина в Константинополь на пароходе "Альбатрос".

Баткину не помог особый мандат о его неприкосновенности /.../. Обыски установили факт растраты авансов и связи со спекулянтами. Вся организация закордонного заговора села в подвалы Севастопольского Чека. Из группы спекулянтов-левантинцев, однако, попался лишь чешско-подданный Чех, осужденный позднее коллегией Крымчека к семи годам

тюремного заключения и умерший впоследствии от тифа в симферопольской тюрьме.

Баткин и Богданов по приговору Крымчека были расстреляны в ее подвалах, а Виленский отправлен в распоряжение ВЧК в Москву» (РГАЛИ. Ф.459. Оп.3. Ед.хр.366. Л.84).

³¹ Амфитеатров-Кадашев имеет в виду нерешительные действия П.Н.Переверзева по отношению к анархистам-коммунистам, захватившим летний особняк П.Н.Дурново, и большевикам, занявшим под штаб Военной организации дворец балерины Кшесинской (здания были очищены только в качестве ответной меры на неудавшееся большевистское выступление 4-5 июля 1917).

³² Вас.И.Немирович-Данченко принимал участие в военных действиях во время русско-турецкой войны 1877-1878, в сражениях на Шипке, под Плевною, при зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест.

³³ Ср. в работе американского историка свидетельство, опирающееся на воспоминания В.Д.Бонч-Бруевича: «Днем 4 июля работник министерства юстиции Н.С.Каринский конфиденциально сообщил об этом [о разоблачениях П.Н.Переверзева. — С.Ш.] В.Д.Бонч-Бруевичу, который незамедлительно поставил в известность Ленина. Однако тот, по свидетельству Бонч-Бруевича, уже об этом знал» (Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992. С.218).

³⁴ Речь идет о *Гурко* Василии Иосифовиче (1864-1937) — генерал-майоре Генерального штаба, командующем Западным фронтом, сыне генерал-фельдмаршала И.В.Ромейко-Гурко, героя русско-турецкой войны 1877-1878. Б.А.Энгельгардт писал в своих воспоминаниях: «Гурко ни одной минуты не мирился с революцией, он был вынужден считаться с нею как с неизбежным злом, и это ясно сказалось в его письме к царю, в котором он сокрушался о перевороте, перевернувшем вверх дном все былые отношения в России. Письмо это попало в руки Временного правительства, и Гурко был снят с командования».

³⁵ 6 марта 1917 Временное Правительство в лице П.Н.Милюкова запросило через английского посла Дж.Бьюкенена мнение Лондона о возможности выезда Николая II с семьей в Великобританию. Согласие было получено, но вскоре английское правительство уклонилось от дальнейших шагов.

³⁶ Газета «*Вольность*», орган Совета Союза казачьих войск в Петрограде, издавалась под ред. А.В.Амфитеатрова в конце 1917 года. Амфитеатров-сын занимал в ней пост зав. иностранным отделом, а также ведал театральной хроникой.

³⁷ Имеется в виду Л.Г.Корнилов, вместе с другими участниками ликвидированного выступления заключенный в монастырь в гор. Быхове.

³⁸ А.Р.Гоц, Ф.И.Дан и М.И.Либера на газетном сленге того времени именовались «Гоцлибердан». Алексей Васильевич *Пешехонов* (1867-1933),

бывший сотрудник журнала «Русское богатство» и один из основателей партии народных социалистов, после Февральской революции состоял членом исполкома Петроградского Совета и участвовал в разработке условий, на которых представители Совета соглашались войти в правительство, — вероятно, отсюда упоминание о «кабинете из 12-ти Пешехоновых».

³⁹ То есть юнкера Павловского военного училища.

⁴⁰ Впрочем, кн. В.А.Оболенский, свидетель событий, в своих воспоминаниях отвергает, что Городская дума голосовала вопрос — умереть или не умереть за Временное Правительство и постановила — умереть: «такого пошлого постановления мы не сделали. Забыть этого я не мог бы» (Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С.555).

⁴¹ Имеется в виду Шрейдер Григорий Ильич (1860-1940) — публицист, земец, эсер. С 30 июля 1917 — петроградский городской голова.

⁴² Амфитеатров-старший в своих неопубликованных воспоминаниях «Дом Литераторов в Петрограде 1919-1921 гг.» писал об этой газете: «Уцелевший дольше всех соседей, благодаря своей черносотенной публике, этот ничтожный и презираемый "Петроградский листок" торчал над всеобщим потоком журналистики, как одинокий крошечный островок. И, подобно зверям, бегущим от наводнения, собрались и столпились на нем всевозможные живые обложки распущенных редакций, исчезнувших изданий. Во главе газеты стал видный литератор, популярный и заслуженный критик А.А.Измайлов. В газете начали появляться статьи Ф.К.Сологуба, Д.С.Мережковского, Вас. Ив. Немировича-Данченко, А.И.Куприна, П.П.Гнедича, В.Ф.Боцяновского, модных поэтов, профессоров университета, публицистов из закрытых больших газет "Речи", "Дня" и др. /.../ Как бы ни странно показалось, но мы, писатели с именами, не только не подняли тираж "Листка", но, напротив, уронили его. Наша привычная публика не успела прийти к нам под старую сомнительную вывеску, а для бывлой публики "Листка", уличной, мы оказались мудрены, и она отхлынула от газеты» (Встречи с прошлым: Сборник материалов РГАЛИ: Вып.8. В печати).

⁴³ Имеется в виду *Железняк* (или *Зализняк*) Максим, гайдамак, поднявший восстание в Малороссии в апреле 1768 и, после взятия Умани, учинивший там кровавую резню поляков и евреев (по некоторым польским источникам, было убито до 20000 чел.).

⁴⁴ Имеются в виду литературные вечера у Сергея Алексеевича Соколова-Кречетова (1878-1936) — поэта и владельца издательства «Гриф».

⁴⁵ Арестованный ВЧК в июне 1918 П.И.Пальчинский был объявлен при начале «красного террора» (в сентябре того же года) заложником, но не был тогда расстрелян, а в феврале 1919 освобожден. Расстреляли его десять лет спустя, в 1929.

⁴⁶ Так называлась полиция гетманской Украины.

⁴⁷ Посол Германии в Киеве в 1918.

⁴⁸ Сведения о смерти Ф.Каплан, передаваемые Амфитеатровым-Кадашевым, легендарны; на самом деле она была расстреляна в кремлевском дворе комендантом Кремля П.Мальковым.

⁴⁹ Речь идет о сыне министра народного просвещения Временного Правительства, университетском товарище Амфитеатрова-Кадашева.

⁵⁰ Командир 1-го германского корпуса, занимавшего Харьков.

⁵¹ Намек на головные уборы гайдамаков.

⁵² *Аладьин Алексей Федорович* (1873-?) — член Государственной думы 1-го созыва, лидер Трудовой группы, где выступал как крайний левый и громил с трибуны царское правительство. В.Розанов писал: «Аладьин с криками в 1-й Думе неужели очень старался о народе. /.../ Конечно, "Я", и "Человек", и "походил бы мне Горемыкин в лавочку". Больше ничего и вся "государственная идея"» (Литературная учеба. 1989. №2. С.89-90). После роспуска 1-й Думы на время исчез с политического горизонта. Незадолго перед войной появились его корреспонденции из Лондона — причем, к общему удивлению, в такой правой газете, как «Новое время». Вскоре после революции Аладьин появился в Петрограде, а затем переехал в Могилев, где находилась Ставка верховного главнокомандующего и где он бывал часто принят Л.Г.Корниловым. Вместе с другими участниками корниловского выступления был арестован (см.: Минувшее. Т.12. С.22) и некоторое время находился под арестом в Быхове. Существовали серьезные подозрения, что еще до войны Аладьин был завербован англичанами и выполнял секретные задания английской разведки.

⁵³ *Родионов Иван Александрович* (1886-1940) — писатель. По происхождению из донских казаков. В свое время (1909) Амфитеатров-старший крайне критически отозвался не только о его документальной книге «Наше преступление. (Не бред, а быль)», назвав ее «одной из самых гнусных и бесчеловечных книг», но и о личности автора (подробнее см.: Литературное наследство. Т.95. Указ. изд. По указателю). Содержание книги — документальный рассказ об убийстве пьяными крестьянами своего односельчанина и о чрезмерно мягком наказании циничных убийц, получивших по 6 месяцев условного тюремного заключения. Повесть по инициативе А.Ф.Кони выдвигалась на соискание Пушкинской премии АН, хотя и не была премирована. В декабре 1911 Родионов примкнул к заговору против Г.Е.Распутина, организованному иеромонахом Илиодором. Писатель отличался стойким антисемитизмом, считая, что Россия гибнет от двух главных причин: евреев и алкоголя (см. его доклады в Русском Собрании, изд. отдельной книгой: Родионов И.А. Два доклада: Неужели гибель? Что же делать? СПб.: тип. т-ва «Новое время», 1912). После разгрома врангелевской армии эмигрировал; умер в Германии в полной нищете. Предпринятые в последнее время попытки привлечь кандидатуру Родинова в качестве «истинного» автора «Тихого Дона» (у Родинова в 1914 вышла одноименная книга очерков, что, возможно, подтолкнуло журналистов к скоропалительным выводам) — совершенно неосновательны (см., напр.: Час пик (СПб.). 1989. №4; Огонек. 1993. №17).

⁵⁴ О конце *Р.Лазарева* писал возвратившийся в СССР военный прокурор Донской армии И.М.Калинин: «В Крыму Лазарев попался наконец в руки правосудия, будучи схвачен в Симферополе с поличным. Этот милый мальчик, приятный красновскому сердцу шалун, продавал на базаре дрожжи и лошадей только что убитого и ограбленного им за городом извозчика! Таково было последнее художество видного донского партизана. Умер он по приговору военно-морского суда, мужественно, насвистывая перед вырытой могилой любимую песню» (Калинин И.М. Под знаменем Врангеля: Заметки бывшего военного прокурора. Ростов-на-Дону, 1991. С.127).

⁵⁵ «*Ропит*» — Российское общество пароходства и торговли. Подвиг казака *Кузьмы Крючкова* заключался в том, что сторожевой дозор из 4-х рядовых казаков во главе с ним наткнулся на немецкий разъезд из 22-х кавалеристов; в бою Крючков лично убил офицера и 10 всадников, получив 16 ранений. К концу войны Крючков имел 2 Георгиевских креста, 2 медали и чин подхорунжего. Во время гражданской войны возвратился на Дон, где за боевые отличия в восстании против большевиков был произведен в чин хорунжего; погиб в бою под дер. Лопуховка Саратовской губ.

⁵⁶ Читается предположительно. Возможно, имеется в виду французское слово *tapette* — жаргонное обозначение педерастов.

⁵⁷ *Пессимист* (а также упоминаемая ниже Анжелика Сарьянова) — псевдонимы писателя Льва Вениаминовича Никулина (Ольконицкого; 1891-1967).

⁵⁸ Делафар (собственно, De la Fare) (1890-1919) — потомок французского аристократического рода (по А.Дюма, к этому роду принадлежал Атос в «Трех мушкетерах»), чьи предки эмигрировали в Россию во время французской революции 1789 года. Анархист-коммунист, с января 1918 служил в ВЧК: комиссаром ВЧК при Государственном банке в Петрограде, секретарем отдела по борьбе с преступлениями по должности. С марта 1918 — член коллегии ВЧК. Тогда же отправлен на подпольную работу в Одессу. В столкновении с французскими интервенционными властями был ранен, захвачен в плен и в мае 1919 расстрелян. См. упоминание о нем: Равич Н.А. Революционер должен мечтать... // Рыцарь революции: Воспоминания современников о Ф.Э.Дзержинском. М., 1967. (Сообщено А.С.Велидовым).

⁵⁹ С.В.Петлюра (1879-1926), подвергаясь политическим преследованиям на Украине за принадлежность к Революционной Украинской партии, в начале 1900-х переехал в Москву, где служил бухгалтером в страховом о-ве «Россия», причем снимал квартиру в доме о-ва на Лубянке — в том самом комплексе зданий, который после революции заняли и занимают по сей день органы ВЧК—ГПУ—НКВД—КГБ—ФСБ.

⁶⁰ Имеется в виду граф Федор Артурович *Келлер* (1858-1918) — командир 3-го конного гусарского корпуса, который — отказавшись присягать Временному Правительству — был отстранен от командования. Переехал

в Харьков, где жил при германской оккупации. Последовательный монархист, он отверг предложения принять высокий командный пост в прогерманской Южной армии и республиканской Добровольческой армии. По предложению ряда правых членов 6. Государственной Думы, образовавших «Совет обороны Северо-Западной области», он согласился возглавить Северную армию, независимую от германского командования и монархическую. Осенью 1918 Келлер, по предложению гетмана Скоропадского, возглавил «все вооруженные силы, действующие на территории Украины», но уже 14 ноября был отстранен от командования за свой «антифедерализм» и открытое противодействие «самостийности». Вскоре в Киев вошли войска Директории, а Скоропадский бежал, переодевшись в немецкую форму. Келлер был арестован и содержался в Михайловском монастыре. В 4 часа утра 8 декабря 1918, при переводе из монастыря в Лукьяновскую тюрьму, на Софийской площади в центре Киева, у памятника Богдану Хмельницкому Келлер вместе с двумя своими адъютантами выстрелами в спину были убиты конвоировавшими их петлюровцами.

Донской атаман П.Н.Краснов служил под командованием графа Келлера.

⁶¹ «Скороходовское свидание» П.П.Скоропадского и П.Н.Краснова на небольшой станции между Полтавой и Харьковом в середине октября 1918 описано Скоропадским в его воспоминаниях (см.: Минувшее. Вып.17. С.105).

⁶² Амфитеатров-Кадашев имеет в виду, что Украина могла бы сыграть во время гражданской войны главную роль в деле воссоединения «единой и неделимой» России, подобно тому, как в середине XIX в. центром движения Рисорджименто в Италии был Пьемонт, — но не сделала этого, увлекшись «самостийностью».

⁶³ Совещание в Яссах проходило с 16 по 23 ноября 1918, а затем было перенесено в Одессу, где завершилось 6 января 1919. В нем принимали участие делегаты «Союза государственного объединения России», «Национального центра», «Союза возрождения России» и представители держав Антанты — дипломаты и военные. Русская делегация призвала союзников немедленно ввести свои вооруженные силы на Юг России (в Одессу и Николаев), заявила о необходимости восстановления единой и неделимой России (без Польши и Финляндии) в границах до 1914, признании созданных под влиянием Германии «независимых» государственных образований, необходимости единого командования белых войск и признании приоритета в борьбе против советской власти за Добрармией. Однако преодолеть противоречия между участниками совещания, а также убедить державы Антанты отказаться от переориентации с Деникина на «верховного правителя России» Колчака не удалось.

⁶³ Неточная евангельская цитата («...ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе...» — Иоанн 4, 18).

СЛОВАРЬ ИМЕН*

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881-1925) — писатель.

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878-1943) — эсер, был на Уфимском государственном совещании, в сентябре 1918 избран председателем Временного Всероссийского правительства (Директории).

Аврех Александр Федорович (ум. 27 марта 1937 в Париже) — журналист, заведующий военным и иностранным отделами газеты «Русское слово».

Агеев Павел Михайлович — кадетский деятель, представитель «левой оппозиции» на Дону, носивший в правых кругах кличку «красный попугай», министр земледелия в Южно-русском правительстве. Его младший брат Александр (1897-1922), бывший адъютант ген. В.И.Сидорина, ставший в эмиграции в Болгарии членом «Союза возвращения на Родину», был убит по приказанию В.Л.Покровского черкесами его личной охраны за то, что разоблачил в эмигрантской прессе планы последнего о десанте его отряда из Варны на Кубань.

Адрианов Сергей Александрович (1871-1942) — литературный критик, публицист, переводчик.

Алексеев Михаил Васильевич (1857-1918) — генерал, Верховный главнокомандующий в период 11 марта — 22 мая 1917, организатор Добровольческой армии (ноябрь 1917).

Алмазов Борис Николаевич (1827-1876) — поэт, переводчик, литературный критик.

Альбам Ревекка Эльяшевна — в нояб. 1917 служила в санитарном отряде в Ростове-на-Дону. См.: Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917-1922 гг. М.; Л., 1925. С.11.

Аминадо (Дон-Аминадо) — псевд. писателя Аминада Петровича Шполянского (1888-1957).

Амфитеатров Даниил Александрович (1901-1983) — средний сын А.В.Амфитеатрова. «С 1922 состоял в личной охране Муссолини (отряд "Мушкетеров вождя"), одновременно в 1923 закончил римскую консерваторию "Santa Cecilia" по классу О.Респиги, затем — композитор и дирижер, с 1938 — в США, после Второй мировой войны вернулся в Италию» (Минувшее. Вып.13. С.95).

Амфитеатрова (рожд. Левицкая) Александра Николаевна (1858-1947) — певица, учительница пения, артистка Большого театра. Первая жена А.В.Амфитеатрова.

Аргунов Андрей Александрович — член Комуча (Комитета членов Учредительного собрания) в Самаре.

* В «Словарь имен» не вошли: а) лица, упомянутые в комментариях; б) персонажи, о которых никакой информации, кроме содержащейся в публикуемых записях, найти не удалось; в) исторические личности, по причине их известности не комментируемые (напр.: Блок, Бальмонт, Бунин, Ленин, Керенский, Клемансо, Деникин, Качалов, Книппер-Чехова и др.).

Ардов Виктор Ефимович (1900-1976) — писатель-сатирик. Литературную деятельность начал в журнале «Новый Сатирикон» около 1917 (в КЛЭ его литературный дебют сдвинут к началу 1920-х, когда Ардов поселился в Москве, и упоминаются только советские издания).

Арцебушев Юрий Константинович (1877-1952) — художник, издатель журнала «Зритель», автор альбома «Лики семнадцатого» (1917-й год в портретах Ю.К.Арцебушева). М., 1991.

Астров Николай Иванович (1868-1934) — один из лидеров партии кадетов, бывший московский городской голова, один из организаторов и руководителей «Национального центра» (антибольшевистской кадетской организации). Летом 1918 выехал из Москвы на Юг для переговоров с ген. М.В.Алексеевым о координации действий московского подполья и Добровольческой армии.

Ашешов Николай Петрович (1866-1923) — журналист, писатель.

Ашкинази Михаил Александрович (1863-1936) — прозаик, поэт, журналист. В 1917 — московский корреспондент газеты «Русская воля».

Багратуни Яков Германович — начальник штаба Петроградского военного округа.

Байков Александр Львович — статский советник, проф. Московского университета и преподаватель университетского курса в лицее Цесаревича Николая. Придерживался крайне правых политических взглядов.

Балбоган (Балбочан?) — вероятно, имеется в виду полковник петлюровской армии, погибший в 1918.

Балиев Никита Федорович (1877-1936) — режиссер и актер, основатель театра миниатюр «Летучая мышь».

Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873-1944) — поэт.

Баранов Николай Михайлович (1837-1901) — нижегородский генерал-губернатор в 1883-1897, затем сенатор.

Барк Петр Львович (1869-1937) — последний министр финансов царского правительства. В эмиграции принял в 1935 подданство Великобритании.

Баррас Поль (1755-1829) — один из организаторов термидорианского переворота во Франции в 1794.

Бердяев Николай Александрович (1874-1948) — философ.

Биценко Анастасия Алексеевна (1875-1938) — член партии эсеров, убийца генерал-адъютанта В.В.Сахарова, усмирявшего аграрные беспорядки в Саратовской губ. Была приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Освобождена после Февральской революции; член советской делегации на Брест-Литовских мирных переговорах. Репрессирована, расстреляна.

Богаевский Африкан Петрович (1872-1934) — Донской атаман, последний из выбранных на этот пост в пределах Донского края. Был женат на вдове

графа Келлера — Надежде Васильевне (рожд. Перрет), погибшей в Белграде при бомбардировке города авиацией союзников во время Второй мировой войны. Автор «Воспоминаний» о 1918 году (Нью-Йорк, 1963).

Богаевский Митрофан Петрович (1881-1918) — брат А.П.Богаевского, тов. Войскового атамана А.М.Каледина, по чьей инициативе Казачий Круг провозгласил 20 октября 1917 независимость Области Войска Донского (до образования в России правительства, приемлемого для казаков), после смерти Каледина — председатель Войскового правительства донского казачества. Пользовался огромным уважением и почетом среди казаков, в своих речах и статьях не раз излагал историю и проблемы донского казачества, почему А.И.Деникин в своих мемуарах «Очерки русской смуты» и называл его «Баяном Донского казачьего войска». Арестованный 6 марта 1918 большевиками в станице Великокняжеской, был затем расстрелян в Ростове-на-Дону. В его честь была названа станица Богаевская.

Бонч-Томашевский Михаил Михайлович (1883-?) — театральный, а с 1915 кинематографический режиссер. Принимал участие в постановках футуристического «Союза молодежи»; снял в 1916 несколько фильмов с участием А.Вертинского. По сведениям В.Мыльниковой: «В 1918 после установления на Украине Советской власти основал в Киеве "Студию экранного искусства", в которой преподавали Н.Евреинов, А.Вознесенский, М.Кольцов и В.Юренева. В 1919 поставил 6 агитфильмов. После 1922 пропал без вести» (Минувшее. Вып.10. С.428).

Боссе Гуальтер Антонович (1877-1953) — певец (бас), режиссер и педагог. С 1910 — в Мариинском театре.

Бочкарева Мария Леонтьевна (1889-1920) — унтер-офицер, организатор в 1917 Петроградского женского батальона смерти. Расстреляна ВЧК. Протоколы ее допросов опубликованы (Отечественные архивы. 1994. №1).

Бубликов Александр Александрович (1875-1941) — инженер-железнодорожник, с начала Февральской революции — комиссар в Министерстве путей сообщения, контролировавший всю сеть железных дорог России. После Октябрьской революции эмигрировал, умер в США.

Бухов Аркадий Сергеевич (1889-1937) — писатель-сатириконец. В 1918 оказался на польской территории, жил в Каунасе, редактировал газету «Эхо»; в 1927 возвратился в СССР, сотрудничал в советских сатирических журналах. В 1937 арестован, расстрелян.

Быкадоров Исаак Федорович (1882-1957) — генерал-майор, историк, тов. председателя Донского Круга, член Верховного Круга Дона, Кубани и Терека. Странник независимости Кубани, изменивший свое мнение во время эмиграции.

Валерская (наст. фам. Мельницкая) Елена Константиновна (1888-1966) — актриса, жена Б.С.Глаголина.

Василевский (псевд. Не-Буква) Илья Маркович (1882-1938) — журналист, фельетонист, литературный критик. В 1907-1911 издавал в Петербурге понедельничную общественно-политическую и литературную газету «Свободные мысли», в 1915-1917 редактировал «Журнал журналов». Был женат первым браком на Л.Е.Белосельской-Белозерской, впоследствии ставшей женой М.А.Булгакова; вместе с ней эвакуировался с войсками Врангеля из Крыма в Константинополь, потом переехал в Париж, позднее в Берлин. Пытался возобновить в Париже, а затем в Берлине издание «Свободных мыслей» (вышло около десяти номеров в 1920 во Франции и всего два номера в 1921 в Германии). В конце августа 1923 вместе с женой возвратился в РСФСР. Активно работал в советской печати. Репрессирован, расстрелян.

Ведов Борис Ефимович, писатель. После 1920 — в эмиграции.

Венский (Фролов) Евгений (наст. фам. Пяткин Евгений Осипович, 1884-1943, умер в лагере) — поэт-сатирик, пародист, фельетонист. Сотрудник «Сатирикона» и «Нового Сатирикона» и множества других изданий. Первый псевдоним — по имени известного петербургского ресторана «Вена», излюбленного места предреволюционной литературно-художественной богемы. После окончания гражданской войны широко сотрудничал в советских изданиях, несмотря на то, что его сотрудничество в белой печати вызвало публичное негодование Демьяна Бедного, — почему-де Венский, подобно Гумилеву, не расстрелян? Уже 1 мая 1922 в качестве репортера газеты «Красное знамя» (по иронии судьбы одноименной с журналом А.В.Амфитеатрова) Венский присутствовал на параде в Москве. Публиковался в сатирических журналах «Смехач», «Бегемот», «Крокодил». В соавторстве с В.П.Катаевым, Ф.Ф.Эккертом и К.Д.Грековым написал первую советскую «политоперетту» «Атлантида» (пародия на роман П.Бенуа и язвительное высмеивание белой эмиграции). В 1926 издал два сборника рассказов («Опиум» и «Реальный метод»). В последние годы жизни работал над не сохранившимся романом о Фаддее Булгарине. Арестован 17 октября 1942 в Москве, осужден на 5 лет лагерей. По официальным данным, 4 ноября 1943 умер, разбитый параличом, от дистрофии в Красноярской краевой больнице (см.: Вечерняя Москва. 1989. 3 января).

Верховский Александр Иванович (1886-1938) — военный министр Временного Правительства. Первым поставил вопрос о сепаратном мире с Германией. По политическим предпочтениям — эсер. С 1919 в Красной армии. С 1931 неоднократно репрессировался, освобождался, вновь арестовывался и был расстрелян по обвинению в антисоветской деятельности.

Вивиани Рене — в 1915-1917 министр юстиции Франции.

Виленкин Александр Абрамович (1883-1918) — народный социалист, до Октябрьского переворота — член ЦИК Советов и председатель армейского комитета 5-й армии Северо-Западного фронта, офицер-кавалерист, затем работал в «Московском союзе евреев-воинов». О его храбрости

(«Виленкин был лишен чувства опасности») писал встретившийся с ним на фронте поэт В.Шершеневич в своих воспоминаниях «Великолепный очевидец». Был своим человеком в кругах московской литературной и артистической богемы. Сын А.В.Тырковой-Вильямс, участник «Союза защиты родины и свободы», за принадлежность к которому был расстрелян Виленкин, вспоминал: «Среди самых ярых противников Советской власти можно было встретить почти джентльменское отношение к большевикам. Так например, известно, что у Виленкина /.../ во время личного допроса его Дзержинским был револьвер. Виленкин знал, что он обречен. Держал себя на допросах с большим достоинством, сказал Дзержинскому, что большевики мерзавцы, но почему-то не нашел возможности пустить пулю в лоб главному вдохновителю Чека» (Борман А.А. Москва — 1918: Из записок секретного агента в Кремле / Публ. В.Г.Бортневского и Е.Л.Варустиной // Русское прошлое. Кн.1. [Л.,] 1991. С.136).

Винавер Максим Моисеевич (1862 или 1863-1926) — один из лидеров партии кадетов, гласный Петроградской городской думы. Весной 1919 вошел в Крымское правительство в качестве министра внешних сношений, вел переговоры с союзным командованием о защите Севастополя от наступающей Красной армии. Вместе с Крымским правительством был эвакуирован союзниками при захвате Крыма большевиками в 1919.

Винниченко Владимир Кириллович (1880-1951) — украинский писатель и политический деятель. Зам. председателя Украинской Центральной Рады и автор почти всех ее законодательных актов и деклараций, в том числе трех Универсалов. 10 июня 1917 возглавил первое украинское правительство, не признавшее СНК РСФСР. Гетманства не признал, 28 июня 1918 был арестован, но на другой день по распоряжению П.П.Скоропадского освобожден. Ведя переговоры с гетманом о вхождении в правительство, на деле с Н.Е.Шаповалом и С.В.Петлюрой стал вдохновителем его вооруженного свержения. Стал во главе Директории, руководившей повстанческим антигетманским и антигерманским движением на Украине. Вынужденный Петлюрой и его окружением уйти с этого поста, эмигрировал в Австрию.

Витберг Александр Лаврентьевич (1787-1855) — архитектор.

Вознесенский Александр Николаевич (1879-?) — актер театра «Летучая мышь», театральный журналист и рецензент, драматург, редактор-издатель журнала «Маски».

Волин Юрий Самойлович — писатель, в годы революции сотрудник ряда сатирических изданий.

Волохова (рожд. Анцыферова, по сцене Волохова, в замужестве Волохова-Крамова) Наталья Николаевна (1878-1966) — драматическая актриса, автор воспоминаний о Блоке (1961), адресат циклов стихотворений Блока «Снежная маска» и «Фаина».

Вольнов (наст. фам. Владимиров) Иван Егорович (1885-1931) — писатель.

Гаккебуш (после начала Первой мировой войны сменил фамилию на Горелов) Михаил Михайлович (1874-1929) — журналист, фактический главный редактор «Биржевых ведомостей» в 1906-1916.

Ге (наст. фам. Голберг) Александр Юльевич (?-1919) — анархист-коммунист, журналист. Родился в Германии. После Октябрьской революции — в России, член ВЦИК 3-го и 4-го созывов. С мая 1918 — председатель ЧК Кисловодска, с июня — член правительства Северо-Кавказской советской республики. Убит 21 января 1919.

Герман Эммануил Яковлевич (псевд. Эмиль Кроткий; 1892-1963) — поэт-сатирик, эпиграммист. Судя по опубликованным в период между Февральской и Октябрьской революциями стихотворениям, занимал в те годы антибольшевистские позиции.

Гиляровский Владимир Александрович (1853-1935) — писатель, журналист.

Гиммер — см. Суханов Н.Н.

Глаголин (наст. фам. Гусев) Борис Сергеевич (1879-1948) — драматург, актер, режиссер. В статье о нем в биографическом словаре «Русские писатели. 1800-1917» Д.М.Магомедова, со ссылкой на «Вестник театра» (1919. №36), упоминает, что в 1919 при занятии Добрармией Харькова Глаголин был предан военно-полевому суду по обвинению в «красной агитации». В 1928 эмигрировал.

Глубоковский Борис Александрович (псевд. Борис Веев; 1894-1934) — актер Камерного театра, режиссер, критик, писатель. После взятия Красной армией Харькова вернулся в Москву; был близок к имажинистам, печатался в журнале «Гостиница для путешественников в прекрасном». В 1925 осужден на 10 лет по делу «Ордена русских фашистов», отбывал наказание на Соловках, где руководил лагерным театром ХЛАМ, за что срок ему был сокращен с 10 до 8 лет. Подробнее см.: Резникова И. Православие на Соловках. СПб., 1994. С.95; Театр ГУЛАГа. М., 1995. По указ. Умер в Москве, похоронен на Ваганьковском кладбище.

Голицын, кн. Николай Дмитриевич (1850-1925) — сенатор, член Государственного совета, перед Февральской революцией председатель Совета министров.

Голубов Николай Матвеевич (1881-1918) — «войсковой старшина, артиллерист, мятежная душа; в эпоху борьбы за Казачий Присуд сыграл гнусную роль предателя» (Казачий словарь-справочник. Т.2. М., 1992; репринт. издание: Кливленд; Сан-Ансельмо, 1966-1970, сост. А.И.Скрыловым и Г.В.Губаревым). Отличавшийся исключительной храбростью, участник русско-японской, Балканской и Первой мировой войн, Голубов перешел к большевикам. «Трудно предполагать в нем искреннего сторонника большевиков, — пишут историки казачества. — Что он хотел, не выяснилось до конца его дней. Вернее всего, в его действиях нашла отражение основная установка его хаотической природы: оппозиция ради самой

оппозиции. /.../ Неизвестно, стал ли он членом какой-либо партии, себя называл "старым социалистом-революционером"» (Там же. С.129).

Горемыкин Иван Логгинович (1839-1917) — министр внутренних дел в 1895-1899, председатель Совета министров в 1906, 1914-1916.

Гордон Борис Абрамович — инженер-технолог, директор-распорядитель и директор правления крупных табачных фабрик («Лаферм» и Т-ва на паях «Колобов и Бобров»), перед революцией — член правления Петроградского экспортно-импортного акционерного общества.

Гримм Давид Давидович (1864-1941) — правовед, юрист. В эмиграции в Праге в 1920-1927 был профессором Русского юридического факультета.

Гримм Эрвин (Александр) Давидович (1870-1940?) — историк. Возвратился в 1925 из эмиграции. См. подробную справку о нем (но без указания на службу в Отделе пропаганды) в кн.: Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992. С.473-474.

Гришин-Алмазов Алексей Николаевич (1887?-1919) — командующий войсками Добровольческой армии в районе Одессы и губернатор Одессы. См. о нем подробнее в воспоминаниях В.В.Шульгина (Лица: Биографический альманах. Вып.5. По указателю).

Грузинов — подполковник, земский деятель, октябрист, командующий войсками Московского военного округа после отстранения Мрозовского.

Гусенко — возможно, имеется в виду Владимир Владимирович Гусенко, перед революцией исполнявший должность адъютанта Московского комендантского управления.

Д'Актиль — псевдоним Анатолия (Носона-Нахима) Адольфовича (Абрамовича) Френкеля (1890-1942) — поэта, переводчика. Как сообщает статья в словаре «Русские писатели. 1800-1917»: «В кон. 1917 переехал в Ростов-на-Дону, где печатал заметки в поддержку большевиков в местной газ. РСДРП "Наше знамя" и работал в эстрадном т-ре "Кривой Джимми" вместе с Д.Я.Покрасом, с к-рым после освобождения города 1-й Конной армией (1919) перешел на службу в ее Политотдел. В сов. время написал тексты "Марша конницы Буденного" и "Марша энтузиастов", мн. песен Л.О.Утесова, либретто оперы И.О.Дунаевского "Дороги к счастью", выпускал сб-ки полит. и антирелиг. сатир. Умер в блокадном Ленинграде».

Дальский (наст. фам. Неелов) Мамонт Викторович (1865-1918) — актер.

Данилка см. Амфитеатров Д.А.

Д'Ансельм Филипп — командующий войсками Антанты на Юге России. Подробнее о нем см. в воспоминаниях В.В.Шульгина (Лица: Биографический альманах. Вып.5. По указателю).

Демченко Всеволод Яковлевич, депутат Государственной Думы нескольких созывов от Киева.

Денисов Святослав Варламович (1878-1957) — с мая 1918 по февраль 1919 управляющий Военным и Морским отделами Всевеликого Войска Донского и командующий Донской армией.

Десницкий (Строев) Василий Александрович (1878-1958) — литературовед, советский и партийный деятель.

Драгомиров Абрам Михайлович (1868-1956) — генерал от кавалерии. См. о нем подробнее в прим. 90 Б.И. Колоницкого к воспоминаниям В.В. Шульгина (Лица: Биографический альманах. Вып.5. С.306).

Дранков Александр Осипович (1880 - после 1945) — основатель первого в России киноателье, где в 1908 был снят первый русский игровой фильм «Стенька Разин» («Понизовая вольница») — по мотивам народной песни «Из-за острова на стрежень...» Эмигрировал в 1920, в последние годы жизни работал фотографом в Сан-Франциско.

Дризен (Остен-Дризен), барон Николай Васильевич (1868-1935) — театральный деятель.

Дубоссарский (прав. — Дубосарский) Эммануил Абрамович — присяжный поверенный, кадет.

Евгений Николаевич, кн. — см. Трубецкой Е.Н.

Еллинский — предположительно, Андрей Семенович, полковник, военный инженер.

Железняк (Железняков) Анатолий Григорьевич (1895-1919) — матрос, участник Первой мировой войны, анархист.

Зайцева (рожд. Орешникова) Вера Алексеевна (1879-1965) — жена писателя Б.К.Зайцева.

Залесский — возможно, имеется в виду генерал-майор Андрей Иванович Залесский.

Зарудный Александр Сергеевич (1869-1934) — адвокат, сын сенатора С.И.Зарудного. При Временном Правительстве — сенатор, товарищ министра юстиции.

Зозуля Ефим Давыдович (1891-1941) — писатель.

Иоффе Адольф Абрамович (1883-1927) — советский государственный и партийный деятель, глава делегации на переговорах о мире с Германией в Бресте.

Казмичев Михаил Матвеевич (1897-1960) — кадет, председатель Совета присяжных поверенных. Поэт, переводчик. После окончания гражданской войны переехал в Ленинград, занимался художественным переводом. Его стихотворение включено в антологию «Строфы века» (М., 1995). Упомянут уже в качестве ленинградского поэта в «Записях для себя» И.М.Басалаева (Минувшее. Вып.19. С.426).

Камков (наст. фам. Кац) Борис Давидович (1885-1938) — один из лидеров партии левых эсеров.

Каннегисер Леонид Иоакимович (1896-1918) — поэт. Совершил убийство председателя Петроградской ЧК М.Урицкого, мстя за расстрел своего близкого друга, офицера В.Б.Перельцевейга.

Каплан Фаня (Фанни) — см. Ройтблат Ф.Х.

Караулов Михаил Александрович (1878-1917) — казак, есаул, выпускник филологического факультета Петербургского университета, автор книг по истории терского казачества, депутат 2-й и 4-й Государственных Дум (в последней примыкал к блоку «прогрессистов»). После Февральской революции — комиссар Временного Правительства; 13 марта 1917 избран атаманом Терского казачьего войска и возглавил Войсковое правление, отказавшись от поста комиссара Временного Правительства. Убит 13 декабря 1917 на станции Прохладная при попытке повернуть эшелон дезертиров, бегущих с Кавказского фронта.

Каринский Н.С. — в 1917 прокурор Петроградской судебной палаты.

Карпович Петр Владимирович (1874-1917) — эсер, член боевой организации.

Керенская Ольга Львовна (1886-1975) — первая жена А.Ф.Керенского, мать его двух сыновей. После развода жила в Лондоне под фамилией Барановской.

Кистяковский Игорь Александрович (1876-1940) — юрист, доцент Московского и Киевского университетов, кадет, член украинского правительства при П.П.Скоропадском, где сменил Ф.А.Лизогуба на посту министра иностранных дел Украины. Умер в эмиграции.

Кишкин Николай Михайлович (1864-1930) — один из лидеров партии кадетов, по профессии врач-физиотерапевт.

Князев Василий Васильевич (1887-1937) — поэт-сатирик. Постоянный автор журнала «Сатирикон» в 1908-1913. Репрессирован, расстрелян.

Койранский Александр Арнольдович (1881-1968) — поэт, художник. После Октябрьской революции эмигрировал; в США редактировал английский перевод книги К.С.Станиславского «Моя жизнь в искусстве»

Колосов Евгений Евгеньевич (1879-1937) — журналист, историк, сотрудник «Русского богатства». Несколько раз арестовывался при царском правительстве. Гостил в Италии у А.В.Амфитеатрова в Кави ди Лаванья. Был избран членом Учредительного собрания. В 1920-1930-е как бывший эсер неоднократно арестовывался ГПУ—НКВД, а в 1937 в омской ссылке, по свидетельству Ю.Г.Оксмана, был расстрелян в местной тюрьме.

Коновалов Александр Иванович (1875-1948) — промышленник, министр Временного Правительства.

Коутс Алберт (1882-1953) — дирижер. Англичанин по происхождению, родился и вырос в Петербурге, в 1910-1919 служил дирижером Мариинского театра.

Кропоткина (в браке — Лебедева) Александра Петровна (1885-1966) — дочь П.А.Кропоткина. Исследователь биографии Кропоткина пишет о ней: «После смерти отца развелась с Б.Ф.Лебедевым и уехала сначала во Францию, а затем в Англию. Вскоре вышла замуж за американского журналиста Лоримера Хаммонда. С начала 30-х гг. постоянно жила в Нью-Йорке. Занималась переводами на английский язык сочинений Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого...» (Старостин Е.В. П.А.Кропоткин (1842-1921): Библиографический указатель печатных трудов / [Рота-принт]. М., 1980. Т.2. С.225).

Крохмаль Виктор Николаевич (1883-1933) — меньшевик, публицист.

Крюков Федор Дмитриевич (1870-1920) — писатель.

Крючков Кузьма Фирсович (1890-1919) — казак, приказной (ефрейтор) 3-го Донского казачьего Ермака Тимофеевича полка, первый по времени заслуживший Георгиевский крест 4-й степени во время Первой мировой войны.

Ксюнин Алексей Иванович (1880-1938) — журналист, сотрудник «Нового времени», а затем издававшегося М.А.Сувориным «Вечернего времени». Покончил с собой в эмиграции в Париже, когда узнал о том, что генерал Н.В.Скоблин (муж певицы Н.В.Плевицкой) — агент НКВД, сыгравший главную роль в организованном НКВД похищении в Париже главы Русского общевоинского союза ген. Е.К.Миллера.

Кулицкий — предположительно, Евгений Феофанович, начальник Петроградской таможни.

Кускова Екатерина Дмитриевна (1869-1958) — экономист, публицист.

Кутлер Николай Николаевич (1859-1924) — общественный деятель, кадет, член ЦК партии, автор аграрной программы кадетов, один из руководителей Общества экономического возрождения России. Впоследствии «сменил вехи», сотрудничал с Советской властью, участвовал в подготовке и реализации денежной реформы 1922-1924.

Лебедев Дмитрий Антонович (1883-1921) — генерал-майор (1918), откомандированный в 1918 А.И.Деникиным личным представителем к штабу А.В.Колчака. В мае—августе 1919 — начальник штаба и военный министр правительства Колчака. Убит на Дальнем Востоке.

Леопольд Баварский, принц — генерал-фельдмаршал, главнокомандующий немецкими войсками Восточного фронта в 1917-1918.

Лизогуб Федор Андреевич (1851-1928) — член правительства гетмана П.П.Скоропадского, министр иностранных дел.

Ликуардопуло Михаил Федорович (1883-1925) — переводчик Оскара Уайльда, секретарь журнала В.Я.Брюсова «Весы». После Октябрьской революции эмигрировал.

Лисовой Я.М. — полковник Генерального штаба, входил в редакцию журнала «Донская волна». В эмиграции редактировал «Белый архив».

Локкарт Роберт Гамильтон Брюс (1887-1970) — с января 1918 глава специальной английской миссии при Советском правительстве сначала в Петрограде, затем в Москве. Один из главных участников т.н. «заговора послов» (август 1918). Был выслан в Англию в обмен на арестованного там М.М.Литвинова, в 1932 издал в Лондоне воспоминания «Мемуары британского агента», впоследствии написал еще несколько книг (подробнее о нем см. в книге Н.Берберовой «Железная женщина»).

Лопатин Герман Александрович (1845-1918) — революционер-народник.

Луженовский Гавриил Николаевич (1870-1906) — старший советник Тамбовского губернского правления, лидер правой монархической тамбовской организации «Группа русских людей», начальник отряда по подавлению крестьянских волнений. 16 января 1906 на платформе железнодорожной станции в Борисоглебе ранен М.Спиридоновой четырьмя выстрелами и через месяц скончался. Покушение было сделано по решению Тамбовского губернского комитета партии социалистов-революционеров.

Май-Маевский Владимир Зенонович (1867-1920) — генерал-лейтенант (1917), командующий 3-й добровольческой армией (с дек. 1918), преобразованной весной 1919 в Донецкую группу войск. Командовал Добраньей в мае—ноябре 1919; отстранен от должности и заменен П.Н.Врангелем в дек. 1919. Умер в Севастополе 30 окт. 1919.

Макаренко Иван Леонтьевич (Жорж; 1882-1945) — кубанский политический деятель, сторонник независимости Кубани. Погиб в эмиграции в Праге, во время антифашистского восстания, 6 мая 1945 от шальной пули.

Максимов Андрей Семенович (1866-1951) — вице-адмирал в 1914, после Февральской революции матросами и солдатами Гельсингфорса избран командующим Балтийским флотом и, как писал А.И.Деникин в «Очерках русской смуты», находился «всцело в руках мятежного исполнительного комитета Балтийского флота» (Вопросы истории. 1990. №7. С.110).

Малько Николай Андреевич (1883-1961) — дирижер, в 1920 — нач. 1930-х — директор Ленинградской филармонии и профессор консерватории. Позднее эмигрировал.

Матусевич Иосиф Александрович (1879-?) — сотрудник журнала «Рампа и жизнь», драматург.

Мейчик Анна (Александра Давыдовна; 1875-1934) — певица Мариинского театра; в 1922 эмигрировала.

Мельгунов Сергей Петрович (1879/80-1956) — историк, публицист.

Мирский Борис — псевд. журналиста Миркина-Гецевича Бориса Сергеевича (1892-1955), сотрудника ряда сатирических журналов той поры. Умер в эмиграции.

Мрозовский Иосиф Иванович (1857-?) — генерал от артиллерии, командующий войсками Московского военного округа в 1917. После революции его сменил подполковник Грузинов, затем эту должность занял полковник К.И.Рябцев.

Набоков Владимир Дмитриевич (1869-1922) — государственный деятель, член «Союза Освобождения» и ЦК кадетской партии, единственный из кадетов, избранный в Учредительное собрание по Петроградской губ., с 15 ноября 1918 по 15 апреля 1919 — министр юстиции Крымского краевого правительства Соломона Крыма. Затем — в эмиграции, где был убит в Берлине при покушении на П.Н.Милюкова.

Нахимсон Семен Михайлович (1885-1918) — партийный деятель, председатель Ярославского губисполкома, расстрелянный восставшими во время мятежа в Ярославле 6 июля 1918.

Некрасов Николай Виссарионович (1879-1940) — инженер-путеец, член ЦК кадетской партии, лидер ее левого крыла. В период июльского кризиса 1917 вышел из партии кадетов и 8 июля занял пост заместителя министра-председателя Временного Правительства (т.е. А.Ф.Керенского).

Непенин Адриан Иванович (1871-1917) — вице-адмирал, командующий Балтийским флотом с 1915. Растерзан толпой солдат и матросов. Это убийство вызвало протест даже в немецких газетах, что было отмечено Лениным в «Письмах издалека» как симптом единения буржуазии воюющих сторон против «революционных масс».

Никифорова Мария Григорьевна (1890-1919) — из крестьян, бывшая политкаторжанка, анархистка; в 1918 работала в Пролеткульте. Возглавила повстанческий «1-й вольно-боевой отряд по борьбе с контрреволюцией».

Никиша — см. Балиев Н.Ф.

Никонов Сергей Андреевич — по партийной принадлежности эсер, министр просвещения в Краевом правительстве Крыма.

Нилов Константин Дмитриевич (1856-?) — генерал-адъютант, флаг-капитан Гвардейского экипажа, член Высочайше учрежденного Комитета по устройству военного флота, командир речного Яхт-клуба. Близкий приятель царя.

Новиков Михаил Михайлович — депутат 4-й Государственной думы от Москвы, кадет, доктор зоологии.

Новицкий Константин — журналист.

Нуланс Жозеф (1864-1939) — посол Франции в России.

Окунев (наст. фам. Окунь) Яков Маркович (1882-1932) — писатель.

Осоргин (наст. фам. Ильин) Михаил Андреевич (1878-1942) — писатель.

Пальчинский Петр Иоакимович (1878-1929) — товарищ министра торговли и промышленности, председатель Особого совещания по обороне государства.

Парамонов Николай Елпифидорович (1876-1952) — крупный промышленник, меценат, издатель. По происхождению из казаков. С 1896 учился на юридическом факультете Московского университета, основал в Ростове-на-Дону издательство «Донская речь» при одноименной газете, издавал книги культурно-просветительного содержания — в 1903 выпустил свыше 60-ти названий книг и брошюр, причем «Что делать?» Чернышевского и сочинения Лассаля цензура запретила. В 1906-1907 он был официальным издателем журнала «Былое». Удачными финансовыми операциями сколотил совместно с братом к 1917 капитал в 10 млн. руб. На Кубани принял на короткое время от П.Н.Краснова пост управляющего Отделом торговли и промышленности. В эмиграции жил и умер в Германии, в Байрейте. «Свое участие в подготовке революции на склоне лет признавал ошибкой, говорил откровенно: "Лучше бы этого не было"» (Казахий словарь-справочник. Т.2. С.259).

Переверзев Павел Николаевич (1871-1944) — адвокат, общественный и государственный деятель. Во время Первой мировой войны был начальником санитарного отряда петербургской адвокатуры. В описываемый период — министр юстиции во Временном Правительстве, после Октября в эмиграции во Франции.

Петренко Елизавета Федоровна (1880-1951) — певица, солистка Мариинского театра в 1905-1915.

Петренко — ростовский журналист (издатель газеты вместе с Васильевым), социал-демократ.

Петровский Андрей Иванович (1867-?) — присяжный поверенный, депутат 2-й Государственной думы от Области Войска Донского.

Пешков (наст. фам. Свердлов) Зиновий Михайлович (1884-1966) — приемный сын М.Горького, одно время исполнял секретарские обязанности у А.В.Амфитеатрова; впоследствии — офицер французской армии, дослужившийся до генеральского чина; в 1920 — уполномоченный французской военной миссии при штабе П.Н.Врангеля.

Пильский Петр Моисеевич (1876-1942) — критик, эмигрант с 1920.

Плено Павел Иванович — фабрикант, председатель правления и директор-распорядитель московского т-ва Ралле и К° (ныне — парфюмерная фабрика «Свобода»), близкий знакомый Амфитеатрова-Кадашева.

Подбельский Вадим Николаевич (1887-1920) — советский государственный и партийный деятель, член партии большевиков с 1905.

Покрасс Сеня (Самуил Яковлевич; 1897-1939) — композитор, старший брат известных советских композиторов Даниила и Дмитрия Покрассов. Написав песню «Красная армия всех сильнее» (1920), эмигрировал; в США получил известность своей музыкой к кинофильмам, особенно к диснеевской «Белоснежке и семи гномам».

Покровский Виктор Леонидович (1889-1922) — генерал-лейтенант, по происхождению отношения к казачеству не имел, но стал видной фигурой гражданской войны на Кубани благодаря стечению обстоятельств и собственным качествам. Во время Первой мировой войны служил в 10-м Малороссийском гренадерском полку, а также в качестве летчика-наблюдателя в военной авиации; есть сведения, что именно Покровский, а не П.Нестеров, первым в истории авиации применил в воздушном бою таран. После Октябрьского переворота бежал на Кубань, формировал там партизанские отряды. В январе 1918 после боя под Энемом произведен из капитанов в полковники. Через 2 месяца Покровский уже генерал-майор, а позднее, уже в Добровольческой армии, командовал дивизией, а затем был поставлен во главе Кубанского корпуса. С декабря 1919 по февраль 1920 — командующий Кавказской армией Вооруженных сил Юга России. Последовательно выступал противником казачьего сепаратизма (разгром Кубанской Краевой Рады и казнь священника Алексея Кулабухова). См. о нем: Казачий словарь-справочник. Т.2. М., 1992; Калинин И.М. Под знаменем Врангеля: Заметки бывшего военного прокурора. Ростов-на-Дону, 1991. С.67-68. Эмигрировал в Болгарию. Там в ноябре 1922 готовил десант для высадки на Кубани (см. справку об Агееве П.М. в наст. указателе). Застигнутый со своим отрядом болгарской полицией на границе Македонии, Покровский погиб в перестрелке.

Половцев Петр Александрович (1874-?) — генерал, командующий войсками Петроградского военного округа летом 1917. Умер в эмиграции.

Попов Петр Харитонович (1868-1960) — сын донского историка, генерал от кавалерии, Донской походный атаман (назначен на этот пост после самоубийства А.М.Каледина 12 февраля 1918). При атамане А.П.Богаевском состоял премьером Донской республики, но, как пишет «Казачий словарь-справочник», «из-за расхождения с атаманом в кардинальных вопросах: по конфликту Кубань—Деникин и по возглавлению Добрармии, вышел в отставку, с пожизненным титулом Походного атамана». 13 марта 1920 назначен представителем Донского атамана в Константинополе. В эмиграции (в Болгарии, Франции, США) бедствовал; в Америке, где в конце 1930-х провел несколько месяцев в тюрьме по подозрению в том, что он германский агент, в конце жизни работал поваром.

Проппер Станислав Максимилианович (1855-1931, в эмиграции) — статский советник, коммерции советник; редактор-издатель ряда изданий, в том числе и газеты «Биржевые ведомости» (с 1880), выходившей дважды в день: утренним и вечерним выпуском.

Протопопов Александр Дмитриевич (1866-1918) — последний министр внутренних дел царского правительства (со 2 дек. 1916). Расстрелян ЧК 27 окт. 1918 «по административному усмотрению», без суда.

Пуль Фредерик — генерал-майор, командовал в 1918 британскими экспедиционными войсками в Архангельске.

Раецкий Савелий Семенович — заведующий московским отделением газеты «Утро России», тов. председателя правления Общества деятелей пе-

риодической печати и литературы, редактор «Известий Московского Военно-промышленного комитета».

Раковский Христиан Георгиевич (1873-1941) — председатель СНК УССР в 1918-1923.

Резанов, полк. — вероятно, имеется в виду полковник Александр Семенович Резанов, до революции — сотрудник «Нового времени» по военному отделу. Эмигрировал.

Рейснер Лариса Михайловна (1895-1926) — писательница. Член партии большевиков с 1918.

Рейснер Михаил Андреевич (1868-1928) — социолог, историк, правовед, профессор. Отец Л.М.Рейснер.

Робэн Александра Абрамовна — московская актриса, танцовщица.

Розмирович Елена Федоровна (1886-1956) — советский партийный и государственный деятель, в марте 1918 — председатель следственной комиссии Ревтрибунала при ВЦИК. В конце жизни — директор Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина.

Ройтблат Фейга Хаимовна (Фаня Каплан; 1887-1918) — эсерка. Официальная версия говорит, что она покушалась на жизнь Ленина 30 августа 1918 и была по приказу Я.М.Свердлова расстреляна 3 сентября 1918 в Кремле. Скорее всего, Ройтблат-Каплан не совершала и, по состоянию зрения, не могла совершить покушения; вопрос об организаторах, мотивах и исполнителях этого террористического акта остается пока открытым и нуждается в серьезном исследовании.

Рошаль Семен Григорьевич (1896-1917) — член партии большевиков с 1914, революционер.

Рузский Николай Владимирович (1854-1918) — генерал.

Рутенберг Петр (Пинхус) Моисеевич (1878-1942) — инженер, сын купца, окончил Петербургский Технологический ин-т, по политической принадлежности — эсер. Организовал казнь Г.А.Гапона в Озерках в 1906, после которой, спасаясь от ареста, в 1907 эмигрировал (под видом брата М.Ф.Андреевой с конспиративной кличкой «Василий Федоров») на Капри; встречался с Горьким и Л.Н.Андреевым, которому подсказал тему рассказа «Тьма», гостил и у Амфитеатровых в Кави ди Лаванья. Опубликовал за границей свои воспоминания «Убийство Гапона». В авг. 1915 создал в Нью-Йорке «Еврейский социалистический комитет» для агитации в пользу созыва еврейского конгресса для решения вопроса о Палестине и о национальных правах русских, австрийских и румынских евреев. До Февральской революции жил в Генуе; вернувшись в Россию, стал в октябре 1917 помощником Н.М.Кишкина — уполномоченного по дворянству порядка в Петрограде, одним из организаторов защиты Зимнего дворца. После Октября уехал в Палестину, отошел от политической деятельности, разрабатывал планы обводнения и электрификации юга Палестины.

Рысс Петр Яковлевич (?-1948) — журналист, по партийной принадлежности народный социалист. Умер в эмиграции в Париже.

Рябовол Николай Степанович (1883-1919) — до революции председатель правления Черноморско-Кубанской ж. д., с декабря 1917 — председатель Кубанской краевой Рады. Автономист и «самостийник», выступавший за вхождение Кубани в «освобожденную от большевиков» Россию на федеративных началах. 13 июня 1919 был убит в ростовской гостинице «Палас-Отель» неизвестными в военной форме у дверей своего номера. Убийцы найдены не были; С.В.Карпенко в своих примечаниях к переизданию записок бывшего военного прокурора Калинина пишет, что, по косвенным данным, убийство совершили члены Отряда особого назначения специального боевого террористического подразделения генерала П.Н.Врангеля (см.: Калинин И.М. Указ. соч. С.334).

Рябцев (Киров) К.И. (1879-1919) — начальник штаба Московского военного округа (с июля 1917), в сентябре—октябре 1917 — командующий Московским военным округом. В октябре 1917 вел переговоры одновременно и с большевистским 56-м полком, и с юнкерами в Манеже, руководил штурмом Кремля. После занятия Кремля юнкерами в Кремль не вернулся.

Саблин Юрий Владимирович (1897-1937, расстрелян) — левый эсер, затем коммунист, военный деятель, командарм.

Севский Виктор (лит. псевдоним Вениамина Алексеевича Краснушкина; 1890?-1920) — публицист. По происхождению из донских казаков. Сын художника А.З.Краснушкина. Редактор-издатель выходившего на территории Всевеликого Войска Донского при атамане П.Н.Краснове в 1918-1919 журнала «Донская волна», автор брошюры «Генерал Корнилов» (Ростов, 1919). По всей видимости, арестован и погиб после взятия красными Ростова в 1920. О его расстреле упоминает писатель Глеб Алексеев в письме к издателю берлинского журнала «Новая русская книга» А.С.Ященко от 21 марта 1921 (см.: Русский Берлин. Париж, 1983. С.97).

Скобелев Матвей Иванович (1885-1938) — один из организаторов Петроградского Совета.

Смирнов Николай Григорьевич (1890-1933) — писатель. После Октябрьской революции организовал в Калуге театр революционной сатиры, был его режиссером, писал для него пьесы и скетчи. Получила известность экранизация его романа 1930 года «Джек Восьмеркин — американец».

Смирнов Сергей Алексеевич (1883-?) — до революции один из совладельцев Т-ва Ликинской хлопчатобумажной мануфактуры, крупный банкир и предприниматель. 26 октября 1917 был арестован в Зимнем дворце вместе с другими министрами Временного Правительства и заключен в Петропавловскую крепость. Освобожден в нач. 1918, эмигрировал во Францию.

Соколов Константин Николаевич (1883-1927) — журналист (до революции заведовал иностранным отделом в «Речи», писал под псевд. К.Двер-

ницкий), юрист (читал лекции по государственному праву в С.-Петербургском университете). Сменил Н.Е.Парамонова в должности начальника Отдела пропаганды. Автор книги «Правление генерала Деникина» (София, 1921), публикаций «Кубанское действо» и «Попытка освобождения царской семьи» в «Архиве русской революции». Умер в Софии 24 марта 1927.

Степун Федор Августович (1884-1965) — публицист, философ, автор мемуаров.

Сулькевич Матвей Александрович — русско-татарский генерал, глава правительства Крыма при германской оккупации, ставленник немцев. По воспоминаниям Розы Георгиевны Винавер: «Сулькевич /.../ старался возбудить сепаратизм в татарском населении и даже мечтал присоединить Крым к Турции» (Винавер Р.Г. Воспоминания жены члена 1-й Государственной Думы М.М.Винавера. Нью-Йорк, 1944; отпечатано на ротаторе).

Суханов (наст. фам. Гиммер) *Николай Николаевич* (1882-1940) — меньшевик, публицист, историк.

Тан (наст. фам. Богораз) *Владимир Германович* (1865-1936) — прозаик, этнограф.

Татищев, граф *Борис Алексеевич* (1876-?) — статский советник, камергер, директор канцелярии МИД, в 1918 глава Краевого правительства Крыма.

Тома Альбер (1878-1932) — французский политический деятель.

Трубецкой, кн. *Евгений Николаевич* (1863-1920) — философ, правовед.

Трубецкой, кн. *Николай Сергеевич* (1890-1938) — языковед, славист.

Туманов, кн. *Георгий Николаевич* — полковник Генерального штаба.

Успенский Леонтий Васильевич — помощник присяжного поверенного, ассистент Московского коммерческого института, кадет.

Устрялов Николай Васильевич (1890-1938) — приват-доцент Московского университета по кафедре государственного права. В период Февральской революции — активный член кадетской партии. Впоследствии в Омске возглавлял Отдел пропаганды при правительстве Колчака. В 1921 принял участие в сборнике «Смена вех», где большевизм объявлялся национальной судьбой России. В 1922 Устрялов заведовал библиотекой на КВЖД, в 1925 посетил СССР и публиковал свои путевые заметки в журнале «Новая Россия», в 1935 в связи с продажей КВЖД Японии вернулся из Маньчжурии в СССР. Не был, подобно другим сотрудникам КВЖД, немедленно арестован как «японский шпион», а получил пост профессора в МГУ, публиковался в советской печати (статья, посвященная новой советской конституции). Арестован в 1937, вероятно, погиб в заключении.

Фердинанд I Кобург (1861-1908) — болгарский царь с 1908. Отрекся от трона в пользу сына Бориса. Амфитеатров-отец был знаком с Фердинан-

дом, тогда еще принцем Кобургским, написал о нем очерк «Князь Фердинанд Болгарский» (Амфитеатров А.В. В моих скитаниях: Болгарские впечатления. СПб., 1903).

Филлиппенков Максимилиан Филиппович (1897-1920) — подьесаул, служил по военно-судебной части при Штабе Донской армии, принимал участие в военных действиях при взятии Новочеркасска (апрель 1918). Постоянный сотрудник «Донской волны», где помещал фельетоны в стихах и прозе. При отступлении Донской армии в 1920 умер на Кубани от сыпняка.

Фриденберг — французский полковник, начальник штаба у ген. Д'Ансельма. Подробнее о нем см. в воспоминаниях В.В.Шульгина (Лица: Биографический альманах. Вып.5. По указателю).

Фриче Владимир Максимович (1870-1929) — литературовед, член партии большевиков с 1917.

Харламов Василий Акимович (1875-1957) — историк, археолог, казачий общественный деятель, член Гослударственной думы всех созывов, по партийной принадлежности кадет. В октябре 1917 был избран членом Учредительного собрания. При П.Н.Краснове — председатель Донского Круга. В эмиграции в Праге — член Ученого совета при Русском заграничном историческом архиве, редактор журнала «Казачий путь», председатель казачьей Исторической комиссии, издавшей 3 тома «Донской летописи». Впоследствии переехал в Германию, в 1944 — в Аргентину, где участвовал в образовании Казачьего союза и Антикоммунистического центра. Умер в Буэнос-Айресе от последствий несчастного случая.

Чарнолуцкий Владимир Иванович (1865-1941) — педагог, при Временном Правительстве председатель Государственного комитета по народному образованию. После Октябрьской революции работал в Наркомпросе РСФСР.

Чахотин Сергей Степанович (1883-1974) — литератор, профессор, сменовеховец. В эмиграции пропагандировал принципы научной организации труда (см. его книгу «Организация. Принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике». 2-е изд. Берлин, 1923). Возвратившись в СССР в 1946 репрессиям не подвергался. Умер в Москве.

Челноков Михаил Васильевич (1863-1935) — земец, член 2-й и 3-й Государственных дум, кадет, в 1914-1917 — московский городской голова. Умер в эмиграции.

Черемисов Владимир Андреевич — генерал-майор Генерального штаба.

Шелухин Сергей — юрист, историк, поэт, член Украинской Центральной Рады. Подробнее о нем см. в воспоминаниях гетмана П.П.Скоропадского (Минувшее. Вып.17. По указателю).

Шингарев Андрей Иванович (1869-1918) — член ЦК партии кадетов, депутат от этой партии в Учредительное собрание.

Шкуро Андрей Григорьевич (1887-1947) — один из командиров Белого движения. Повешен в СССР.

Щегловитов Иван Григорьевич (1861-1918) — перед Февральской революцией председатель Государственного Совета. Арестован после падения монархии, в начале «красного террора», в сентябре 1918 расстрелян.

Щербачев Владимир Владимирович (1889-1952) — композитор. Первым написал музыкальное сочинение на слова Маяковского — романс «Четыре тяжелых, как удар» (1916).

Энгельгардт Борис Александрович (1877-1962) — член 4-й Государственной думы, после Февральской революции — член Военной комиссии Временного комитета Государственной думы, военный комендант Петрограда; в гражданскую войну руководил Освагом, в ноябре 1920 эвакуировался из Крыма. В эмиграции в Париже работал шофером такси, затем переехал в Латвию, где был арестован в 1940 после советской аннексии Латвии и сослан в Хорезмскую обл. В 1943 подал заявление о призыве его в Красную армию; после отбытия ссылки жил в Риге, подрабатывал переводами. Оставил обширные воспоминания, копии которых находятся в нескольких архивах; частично опубликованы: Военно-исторический журнал. 1964. №1, 5, 8-10; 1993. №12; 1994. №1-9.

Энно Эмиль — французский вице-консул, представитель держав Антанты на Украине. См. о нем подробнее прим. 127 Б.И.Колоницкого к воспоминаниям В.В.Шульгина (Лица. Биографический альманах. Вып.5. С.311).

Эрманс Александр Соломонович — врач, журналист.

Юрьева Мария Михайловна — танцовщица.

Яблоновский (наст. фам. Яблоновский-Снадзский) Александр Александрович (1870-1934, в эмиграции) — писатель, публицист. Накануне революции был приглашен И.Д.Сытиным в газету «Русское слово», редактировавшуюся В.М.Дорошевичем, где Яблоновский успешно конкурировал с «королем фельетона».

Якулов Георгий (Жорж) Богданович (1884-1926) — художник, разработал собственную теорию света и цвета в живописи, после революции призывал к группе московских имажинистов (Есенин, Мариенгоф, Шершеневич, бр. Эрдманы, Кусиков). Во время Первой мировой войны командовал ротой, был тяжело ранен, награжден за храбрость несколькими Георгиевскими крестами.

Ярошинский Карл Иосифович — сахарозаводчик, миллионер. Подробнее о нем см.: Минувшее. Вып.1. С.75-76.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Аввакум Петрович 262, 268
Аверинцев С.С. 173
Аверченко А.Т. 467, 538, 606, 617
Авксентьев Н.Д. 524, 617
Авраамов А.М. 397
Аврех А.Ф. 439, 440, 617
Агапит, еп. 270
Агеев А.М. 617
Агеев П.М. 537, 561, 617, 630
*Адалис А.Е. 212, 214, 329
Адельгейм Г.Я. 376
Адрианов С.А. 456, 617
Айвазовский И.К. 317
Айхенвальд А. 277, 282, 331
Аладьин А.Ф. 529, 614
*Алданов М.А. 418
Александр II, имп. 423, 424, 547
Александр Македонский 226, 491
Александр Михайлович, вел.кн. 179
Александра Федоровна, имп. 91, 92, 448
Алексеев Г.В. 632
Алексеев М.В. 493, 531, 539, 568, 617, 618
Алексей Николаевич, вел.кн. 443
Алмазов Б.Н. 474, 617
Алперс Б.В. 376
Алферов, ген. 553, 570
Альбам Р.Э. 538, 546, 617
Альбов П.А. 365
Альтшулер И.Г. см. Лежнев
Алянский С.М. 397, 401
Амфитеатров А.В. 435-437, 440, 456, 459, 462, 464-466, 469, 470, 472, 475, 477, 478, 480-483, 490, 493-495, 498, 499, 502, 510, 530, 604, 605, 607, 610, 612-614, 617, 620, 625, 629, 631, 633, 634
Амфитеатров Д.А. 483, 617, 623
Амфитеатров-Кадашев В.А. 435-438, 439-603, 604, 606, 612, 614, 616, 629
Амфитеатрова Ал.Н. 435, 439, 482, 506, 617
Амфитеатрова Ан.Н. 444, 448, 457, 462, 479, 484, 495, 506, 511, 513, 539, 604
Амфитеатрова И.В. 477, 483, 493
Амфитеатрова С.А. 610
Ангельская, певица 237
Андерсен Г.Х. 242
Андерсон Д. 253
Андреев Л.Н. 164, 183, 184, 186-189, 231, 232, 350, 351, 436, 455, 456, 604, 605, 631
Андреев Н.И. 187
Андреев С.Л. 186
Андреева А.И. 187
Андреева Л.К. 398
Андреева М.Ф. 232, 631
Анисфельд Б.И. 347
Анненков Ю.П. 407, 411, 413
Анненские, семья 303
Анненский В.И. см. *Кривич В.И.
Анциферов Н.П. 623
Апухтина К. 176
Арганшин, композитор 450
Аргунов А.А. 524, 617
Ардов В.Е. 573, 618

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Аренский А.С. 202-204
 Аренский П.А. 202
 Арефин С.Я. 469, 607
 Аристотель 226
 Арманд И.Ф. 97
 Артишев, пред. райисполкома 47-49
 Архангельский, скрипач 237
 Арцебушев Ю.К. 439, 447, 507, 618
 Арцебушева М.А. 507
 Асафьев Б.В. 393, 398, 399, 401
 Асеев Н.Н. 172, 181
 Астров Н.И. 524, 577, 618
 Ауслендер С.А. 349, 350
 Афанасьев А.Ф. 247
 *Ахматова А.А. 178, 299, 418
 Ашешов Н.П. 456, 490, 500, 618
 Ашкинази М.А. 438, 618
 Ашукина М.Г. см. Зенгер М.Г.
- Бабель И.Э. 231, 234
 Багратуни Я.Г. 492, 618
 Байер Й. 344
 Байков А.Л. 442, 443, 618
 Байрон Дж.Н.Г. 369
 Бакст Л.С. 326, 343, 344, 346, 351
 Бакунин М.А. 156
 Бакунина Т.А. 180
 Балашев (Балашов) А.А. 312, 327
 Балбоган, полковник 533, 618
 Балиев, репортер 463
 Балиев Н.Ф. 450, 618, 628
 Балсуновский К.В. 215, 220, 279
 Балтрушайтис Ю.К. 450, 618
 Бальмонт К.Д. 237, 253, 309, 312, 325, 449, 468, 469, 617
 Барабанов, сотр. лагеря 59
 Баранов, ротмистр 600, 601
 Баранов Н.М. 600, 618
 Барановская О.Л. см. Керенская
 Баратынский Е.А. 319, 331, 332
 Барер С. 223, 229
 Барк П.Л. 442, 618
 Баррас П. 503, 504, 618
- Бартольд В.В. 161
 Бартошевич Б.А. 533
 Басалаев И.М. 624
 Баткин Ф.И. 481, 545, 546, 597, 610-612
 Бах И.С. 230
 Бахрушин А. 440, 604
 Бахтин М.М. 169, 173, 175, 178, 180, 182, 183, 196, 207
 Бахтин Н.Н. 390, 391
 Башенко Р.Д. 330
 *Бедный Д. 13, 16, 186, 190, 194, 270, 620
 Бейлис М.-М.В. 238
 Белкин В.П. 303
 Белли, офицер 594, 595'
 Белов Д. 602
 Белокуров В. 567, 581, 587, 596
 Белосельская-Белозерская Л.Е. 620
 Белоус В.Г. 389, 395, 402
 Белоусов И.А. 186, 188
 *Белый А. 208, 218, 307, 324, 326, 328, 359, 395, 397, 402, 403, 410
 Беляев С.С. 495
 Беляев Ю.Д. 360, 364
 Бенвенуто Л. 474, 610
 Бенуа А.Н. 310, 311, 325, 350, 351
 Бенуа П. 620
 Берберова Н.Н. 627
 Бердслей О. 417
 Бердяев Н.А. 178, 301, 442, 618
 Бережной Т.И. 381, 383
 Березовский-Оленин, офицер 599, 600
 Беренс Е.А. 501
 *Берзин Я.А. 103
 *Берзин Я.К. 70
 Бернштейн Э. 97
 Бестужев Н.А. 218
 *Бестужев-Марлинский А.А. 593
 Бетховен Л. ван 189, 229, 231, 484, 525
 Биценко А.А. 501, 618
 Благой Д.Д. 321
 Блок А.А. 191, 196, 218, 249, 337, 339-342, 345, 346, 348, 357, 389,

- 391, 393, 395-397, 399, 401, 402,
414, 449, 617, 621
- Блондель, канатоходец 420
- Блос В. 149, 163
- Блох Я.Н. 418
- Блюмбаум А.Б. 301
- Бобянский А.Ф. 131
- Богаевская Е.Д. 539, 556, 570
- Богаевский А.П. 561, 562, 564,
565, 618, 619, 630
- Богаевский К.Ф. 311, 316, 330
- Богаевский М.П. 539, 544, 545,
619
- Богданов, куплетист 611, 612
- Богомоллов Н.А. 337, 338, 340,
342, 348, 353, 358
- Богораз В.Г. см. *Тан В.Г.
- Бодэ О. де 579
- Болдырев В.Г. 524, 532
- Болдырева, жена В.Г. Болдырева
532
- Бонди Ю.М. 391
- Бонч-Бруевич В.Д. 331, 606, 612
- Бонч-Бруевич М.Д. 448
- Бонч-Томашевская К. 451
- Бонч-Томашевский М.М. 361,
362, 442, 451, 619
- Богезе С. 464, 465
- Борзаковский В.С. 215, 228
- Борис III, болгарский царь 633
- Борисов, актер 450
- Борисов-Мусатов В.Э. 311
- Борман А.А. 621
- Бортневский В.Г. 621
- Боссе Г.А. 460, 619
- Боцяновский В.Ф. 613
- Бочаров С.Г. 175
- Бочкарева М.Л. 475, 527, 528,
606, 619
- Бошич Б.А. см. Бартошевич Б.А.
- Боянус С.К. 403
- Брамсон Л.М. 152, 163, 164
- Братолюбов С. 409
- Бреннер, знакомый Амфитеат-
ровых 493
- Брешко-Брешковская Е.К. 488
- Брик О.М. 410
- Брио Б. 439
- Бровкин В. 113
- Бродисский, поручик 573
- Бродский И.И. 276
- Бродский Н.Л. 189, 190, 194
- Брусилов А.А. 441, 479, 487,
610
- Брусиловский, издатель 518,
523
- Брюнелли Е.А. 345, 346
- Брюсов В.Я. 175, 183, 186, 191,
193, 208, 212, 214, 215, 219, 220,
222, 226, 232, 239, 241, 249, 307,
312, 316, 323, 324, 327, 329, 348,
356, 359, 360, 447, 627
- Бубликов А.А. 441, 619
- Будберг М.И. 172
- Буденный С.М. 623
- Булгаков М.А. 206, 224, 304, 620
- Булгакова О. 409
- Булгарин Ф.В. 620
- Бунин И.А. 407, 418, 436, 455,
605, 617
- Бураго Л.П. 436
- Бураковский, журналист 514,
540
- Бургасов Ф. 430
- Бурлюк Д.Д. 327
- Бурцев В.Л. 436, 502
- Бутаков А.Г. 608
- Бутковская Н.И. 406, 417, 418,
423, 424
- Бухарин Н.И. 115
- Бухов А.С. 467, 619
- Буш А. 229
- Быкадоров И.Ф. 563, 619
- Бьюкенен Дж. 612
- Вагнер Р. 287, 406, 525
- *Валерская Е.К. 600, 619
- *Вальтер Б. 461
- Ван Гог В. 311
- Ванель Ш. 430
- Варустина Е.Л. 621
- Василевский И.М. 458, 459, 467,
486, 620
- Васильев, журналист 532, 629

- Васильев Н. 175
 Васильева, знакомая Амфитеатровых 495
 Васильева З. 36-41
 Вахтангов Е.Б. 404
 Ведехинд Ф. 354, 356
 Ведов Б.Е. 523, 524, 529, 539, 555, 595, 601, 620
 Ведринская М.А. 350
 *Веев Б. см. Глубоковский Б.А.
 Вейнингер О. 130
 Велидов А.С. 615
 Великатова Н.С. 588, 589
 Вельдбрехт Е.И. 398
 Венгеров С.А. 369, 394
 Вениус О. 326
 *Венский Е. 467, 478, 480, 482, 519, 520, 529, 539, 571, 603, 620
 Веревкин И.С. 440, 449, 474, 475
 Веревкина Е.Н. 440, 447, 452
 Веревкина М.В. 443
 Веревкина Н.С. см. Мануйлова Н.С.
 *Вересаев В.В. 241, 255
 Вержбицкая, врач 608
 Веригина В.П. 342, 353
 Вернадский В.И. 247
 Вертинский А.Н. 619
 Верховский А.И. 494-496, 599, 620
 Верхоустинский Б.А. 183, 184, 559
 Верцинский А.Н. 494, 496
 Вивиани Р. 582, 620
 Виктория Александрина, королева 423, 424
 Виленкин А.А. 510, 511, 620, 621
 Виленский, сотр. ВЧК 611, 612
 Вилле-Бранд, писатель 253, 258
 Вильбушевич Е.Б. 381, 382
 Вильгельм II Гогенцоллерн 527, 548
 Вильде Н. 304
 Вилье де Лиль-Адан Ф.О.М. 310
 Винавер Р.Г. 633
 Винавер М.М. 463, 498, 540, 621, 633
 Винниченко В.К. 523, 549, 621
 Виноградов А.К. 173
 Виноградов В.А. 524
 Виноградов В.К. 325
 Виноградов И. 18
 Винокуров А.Н. 17, 18, 69
 Вирен Р.Н. 608
 Витберг А.Л. 480, 621
 Владимиров И.Е. см. *Вольнов
 Вовенарг Л. де К. 217, 228
 Вознесенский А.Н. 541, 619, 621
 Войков П.Л. 281
 Волжина Е.П. см. Пешкова Е.П.
 Волин Ю.С. 467, 621
 Волк, прапорщик 502
 Волков А. 422, 430
 Волков Н. 340, 375
 Волконский С.М. 411
 Волохова Н.Н. 353, 449, 621
 Вологодский П.В. 524
 Волошин М.А. 299-333, 343, 344, 407, 447, 452, 583, 610
 Волошина Е.О. 309
 Волошина М.С. 305, 307, 318, 323, 324, 332, 333
 Волошинов В.Н. 175, 176, 182, 196, 256, 261
 *Вольнский А.Л. 398
 *Вольнов И.Е. 480, 621
 *Вольтер 217
 Вольф А.И. 368
 Вольф М.О. 377
 Вороницын И.П. 132
 Воронков М.С. 567
 Воронова О.П. 330
 Воронцова Е. 507
 Воротников А. 325
 Воротынцева Н.Н. 571, 582
 Восторгов И.И. 446
 Врангель П.Н. 550, 594, 595, 599, 615, 620, 627, 629, 630, 632
 Врубель М.А. 286, 311
 Всеволодский-Гернгросс В.Н. 390, 391, 401-403
 Вульф Г. 58

- Вырубова А.А. 489
 Вяземский, кн. 488
- Габричевский А.Г. 319, 325, 327, 329-332, 337
 Гаген-Торн Г.Ю. 395
 Гаген-Торн Н.И. 395
 Гад У. 409
 Газенкамф М.А. 131, 132
 Гайдебуров П.П. 329
 Гайдн Й. 230, 231
 Гаккебуш М.М. 456, 622
 Галабутский Ю.А. 325
 Гамсун К. 207, 212, 214, 224, 230-232, 234, 253
 Ганзен А.В. 347
 Ганзен П.Г. 347
 Ганс А. 416, 417
 Гапон Г.А. 631
 Гардин В.Р. 354
 Гарри, кинорежиссер 444, 446
 Гатшупитсу, царица 224, 226
 Гауптман Г. 224, 309, 325
- *Ге А.Ю. 500, 559, 622
 Ге К. 559, 560
 Гейне Г. 224
 Гемп К.П. 173
 Герасимова Н.К. 129-165
 Герман Э.Я. 467, 622
 Гермоген, архиеп. (Максимов Г.И.) 564
 Гернет М.Н. 132, 133
 Герцен А.И. 156
 Гершензон М.О. 276
 Гершов В.А. см. *Оранский В.А.
 Гессен А.И. 321
 Гете И.В. 132, 160, 205, 224, 287, 315, 319, 331, 332, 337, 525
 Гиацинтова, знакомая Амфитеатровых 552
 Гишман К.Э. 362, 415, 416
 Гизетти К.Г. 399
 Гиляровский В.А. 440, 622
 Гиммер Н.Н. см. *Суханов Н.Н.
 Гинденбург П. фон 226, 229
 Гинус фон, нем. ген. 547
 Гиппиус В.В. 391, 393, 401
- Гиппиус З.Н. 164, 301, 312, 328, 349, 350
 Гирландайо Д. 342
- *Гитлер А. 98
 Глаголин Б.С. 366, 600, 619, 622
- *Глаголь С. 310
 Гладстон У.Ю. 423, 424, 498
 Глазенап С.П. 215, 228
 Глазунов А.К. 367, 460
 Глан, оппозиционер 26, 27, 30, 31, 69
- *Глебов И. см. Асафьев Б.В.
 Глинка М.И. 286
 Глубоковский Б.А. 515, 622
 Глюк К.-В. 324
 Гнедич Н.И. 230
 Гнедич П.П. 613
 Гоген П. 311
 Гоголь Н.В. 69, 189, 224, 225, 237, 238, 249, 251, 272
 Годаев, кинооператор 562, 567, 582
 Годунов Б.Ф. 187, 331, 372
 Голберг А.Ю. см. *Ге А.Ю.
 Голицын Н.Д. 442, 622
 Голицына, кн. 461
 Голлербах Е.А. 299-333
 Голлербах Е.В. 303
 Голлербах Л.А. 303
 Голлербах Э.Ф. 299-305, 305-320, 321-333
 Головин А.Я. 324, 359, 361, 363, 364, 367-373, 376
 Головин Н.Н. 96
 Голоушев С.С. см. *Глаголь С.
 Голубев А.А. 362, 363, 365
- *Голубев-Багрянородный Л.Н. 572, 588
 Голубкина А.С. 311
 Голубов Н.М. 545, 566, 622, 623
 Гольденблум Р. 443
 Гольденфарб Н. 448
 Гольдони К. 414
 Гольштейн А.В. 328
 Гомер 224, 230, 273
 Гонкур Ж. 310

- Гонкур Э. 310
 Гораций 182, 204
 Гордон Б.А. 541, 568, 623
 *Горелов М.М. см. Гаккебуш М.М.
 Горемыкин И.Л. 442, 614, 623
 Горовец А.М. 503
 Горовцы, знакомые Амфитеатровых 503, 504
 Городецкий С.М. 183, 184, 193, 261, 343, 354
 *Горький А.М. 154, 172-183, 183-298, 407, 436, 455, 460, 480, 501, 527, 604, 605, 607, 629, 631
 Гославская А. 540
 Готье Т. 310
 Гофман М. 547
 Гофман Э.Т.А. 414
 Гофмансталь Г. фон 347
 Гоц А.Р. 473, 490, 497, 612
 Гоци К. 414
 Грабарь И.Э. 311
 Градский В. 132
 Греков, знакомый В.А. Амфитеатрова-Кадашева 491, 493, 498
 Греков, ростовск. градоначальник 538
 Греков К.Д. 620
 Гремисшева, пианистка 237
 Гречишкин С.С. 328, 389
 Гржебин З.И. 186, 188, 218, 354-356
 Григ Э. 347
 Григорович Д.П. 500
 Григорович Н.С. см. Любошиц Н.С.
 Григорьев Н.А. 590
 Гриковская О.А. 398, 399
 Grimm Д.Д. 587, 623
 Grimm Э.Д. 587, 592, 595-597, 601, 602, 623
 *Гриф см. Соколов С.А.
 Гриффит Д.У. 417
 Гришин-Алмазов А.Н. 588, 623
 Гроссман см. Лихтенштадт М.Л.
 Груздев И.А. 245
 Грузинов, подполк. 446, 623, 628
 Грушка А.А. 202, 204
 Губарев Г.В. 622
 Гуль Р.Б. 418
 Гумбольдт А. 226, 229
 Гумбольдт В. 229
 Гумилев Н.С. 620
 Гумудрун, литератор 253
 Гурвич А.Р. 431
 Гуревич Л.Я. 144, 162, 163
 Гурко В.И. 489, 612
 Гурлянд-Эльяшева Э.З. 170, 171, 398-401
 Гусев Н.Н. 322
 Гусенко В.В. 623
 Гусин В.П. см. Полонский В.П.
 Гуссерль Э. 171
 Гутник С. 518
 Гутнов Е.А. 436
 Гучков А.И. 137, 444, 451, 462, 465, 585
 Гэс де Кальвузэй Н. 580
 Гэс де Кальвузэй О. 580-582
 Давыдов З.Д. 301, 325, 328
 *Д'Актиль 465, 467, 472, 477, 478, 486, 514, 519, 623
 *Дальский М.В. 500, 504, 559, 623
 Даманская А.Ф. 610
 Дан Л.О. 606
 Дан Ф.И. 490, 497, 612
 Данилова Е. 58
 Д'Ансельм Ф. 589, 590, 623, 634
 Данте А. 193, 195, 219, 235
 Д'Арк Ж. 578
 *Дверницкий К. см. Соколов К.Н.
 Девинь, историк 215
 Девлет-Гирей, кн. 563
 Дейкарханова Т.Х. 450
 Деллафар, сотр. ВЧК 542, 543, 615
 Делиб Л. 361, 388
 Делоне-Бельвилль, конструктор 605
 Демидова О.Р. 610
 Демченко В.Я. 510, 511, 623
 Дени М. 311

- Деникин А.И. 161, 480, 526, 527, 530, 545, 546, 561-563, 570, 574, 591, 593, 597, 600, 610, 616, 617, 619, 626, 627, 633
- Денисов В. 326
- Денисов В.И. 347
- Денисов С.В. 530, 532, 546, 561, 564, 624
- Державин Г.Р. 217, 224, 226
- Дерюгина Л.В. 182
- Десницкий В.А. 232, 480, 624
- Деспотули В.М. 436
- Деспотули М. 436
- Джунковский В.Ф. 179
- Дзержинский Ф.Э. 100, 542, 543, 615, 621
- Дизраэли Б. 423, 424
- Дмитриев П.В. 337-388, 416
- Дмитрисва Е.И. см. *Черубина де Габриак
- Добровы, фабриканты 440, 604
- Добрынин, полк. 533
- Добужинский М.В. 343, 344, 352
- Дойчер И. 125
- Долженко, сотр. Внешторга 611
- Домициан, имп. 207
- *Дон Аминадо 541, 604, 617
- Доронина С.П. 13
- Дорошевич В.М. 635
- Достоевский Ф.М. 69, 156, 169, 181, 224, 225, 243, 261, 360, 395, 626
- Драгомиров А.М. 530, 562, 572, 577, 624
- Дранков А.О. 439, 624
- Дризен Н.В. 359, 360, 457, 624
- Дрожжин С.Д. 213-215
- Дубосарский Э.А. 518, 519, 624
- Дунаевский И.О. 623
- Дункан А. 190, 194
- Дурново П.Н. 487, 612
- Дуров В. 605
- Дуров В.Л. 200, 204, 455, 605
- Духонин Н.Н. 496
- Дыбенко П.Е. 593
- *Дымов О. 604
- Дьякова Е.А. 390
- Дьяконов А.А. 341, 345
- Дюма А., сын 375, 376, 383, 384
- Дюма А., отец 615
- Евреинов Н.Н. 404-406, 410, 412, 417-431, 560, 619
- Евреинова А.А. 321, 419-431
- Евтушенко Е.А. 173, 179
- Ежов Н.И. 64
- Елесин Д.В. 340
- Елисеев С.Г. 403
- Елисеевы, семья 321
- Еллинский А.С. 502, 624
- Ельцин Б.Н. 99
- Есенин К.С. 193, 382
- Есенин С.А. 186, 190-194, 221, 226, 247, 249, 270, 313, 603, 606, 635
- Есенина Е.А. 192
- Есенина-Толстая С.А. 193, 321
- Ермак, комиссар 472
- Ермак Тимофеевич 554
- Ермаков И.Д. 19-24, 69
- Ермолев И. 430, 567
- Ершов И.В. 303, 460
- Ефрон А.Е. см. *Адалис А.Е.
- Железняк (Железняков) А.Г. 502, 624
- Железняк М. 502, 613
- Жирмунский М.А. 403
- Жуков В.К. 610
- Жуковский В.А. 333
- Заблоцкая А.Е. 389-403
- Заболоцкая см. Волошина М.С.
- Загаров А.Л. 372
- Загородник, сотр. Отд. пропаганды 571
- Зайцев Б.К. 541
- Зайцева В.А. 446, 624
- Залесский А.И. 548, 624
- Зализняк М. см. Железняк М.
- Залкинд А.Б. 19
- Замятин Е.И. 418
- Зарудный А.С. 463, 489, 624
- Зарудный С.И. 624

- Зворыкин Ф.А. 398
 Звягина Е.П. 163
 Звягина М.М. см. Гушин-
 ская М.М., мать
 Зевкина Л. 598, 599
 Зеелер В.Ф. 431
 Зелинский Ф.Ф. 393
 Зенгер Г.Э. 236, 238
 Зенгер М.Г. 236-238
 Зильберберг К.К. 441
 *Зиновьев Г.Е. 31, 104, 108, 125,
 127, 133, 476, 487
 Зиновьева-Аннибал Л.Д. 352
 Знаменский В.А. 577, 583
 Зноско-Боровский Е.А. 359-362,
 364, 366, 388, 414
 Зозуля Е.Д. 467, 624
 Золотницкий А. 431
 Золотницкий Д. 404
 Золя Э. 204
 Зонов А.Н. 344
 Зорге Р. 70
 Зубакин А.-Э.Б. 175, 195, 198,
 209, 219, 251, 258, 291-294
 Зубакин Б.М. 172-183, 183-298
 Зубакин М. 174, 223, 224, 249
 Зубакина (ур.Эдвардс) 174, 235,
 249
 Зубакина-Ильинская Е.С. см.
 Ильинская Е.С.
 Зубакина-Полякова Р.-Н.М. 174,
 196, 251, 268
 Зубарев Д.И. 164, 606

 Ибсен Г. 347, 401
 Иванишин Г.А. 129-131
 Иванов, поручик 499
 Иванов А.С. 608, 609
 Иванов Вс. Вяч. 231, 418
 Иванов Вяч. И. 202, 208, 212,
 222, 224, 226, 243, 249, 305, 310,
 312, 321, 322, 327, 337, 339, 343,
 344, 348, 352, 355, 366, 399
 Иванов К. 447
 *Иванов-Разумник Р.В. 303, 328,
 391-393, 395-397, 399-403
 Иванова Е.В. 389, 395, 402

 Иванова О. 499, 500
 *Изгоев А.С. 469
 Измайлов А.А. 613
 Иловайский М.В. 570-572
 Илиодор, иеромон. (Труфа-
 нов С.М.) 614
 Ильин В. 255, 261
 Ильин Ф.Ф. см. *Раскольников
 Ильинская Е.С. 176, 196, 209,
 222, 236, 247, 248, 278, 295, 298
 Ильинский С.Н. 295-298
 Ильмер К. 13
 Иоанн IV Грозный 312, 327
 Иоанн Иоаннович, царевич 327
 Ионин Ю.Л. см. *Ракитин Ю.Л.
 Иоффе А.А. 501, 624

 Каблуков И.А. 282, 283
 Кавальканти А. 430
 Кавеньяк Л.Э. 472
 Каган А.С. 418
 Каган М.И. 169-171, 177-179,
 182
 Каган С.И. 172
 Каган Ю.И. (Л.З.) 170, 171
 Каган Ю.М. 169-298
 Казмин Н.А. 529, 532, 534, 557,
 565, 595, 601
 Казмичев М.М. 533, 534, 624
 Казотт Ж. 377, 378
 Какачио Дж. 263, 265
 Каледин А.М. 499, 501, 545, 553,
 556, 564, 575, 619, 630
 Калинин И.М. 615, 630, 632
 Калямов, следователь 8
 *Каменев Л.Б. 31, 33, 108, 125,
 127, 383, 466, 606
 Каменева О.Д. 394
 *Камков Б.Д. 531, 625
 Канкарович А.И. 381-383
 Каннегисер Л.И. 506, 511, 625
 Кант И. 525
 *Каплан Ф. 79, 506, 514, 515, 614,
 625, 631
 Каратыгин В.Г. 400
 Каратыгин П.А. 407
 Караулов М.А. 502, 625

- Каринский Н.С. 162, 489, 612, 625
 Кариссо З. 507
 Карл I, король Англии 450
 Карлейль Т. 527
 Карпенко С.В. 632
 Карпович П.В. 466, 625
 Карсавин Л.П. 176, 217, 228
 Карташев, знакомый В.А. Амфи-
 театрова-Кадашева 584
 Карьер Э. 311
 Кастальская Л.В. 529, 573
 Катаев В.П. 620
 Катрухин, сотр. райснаба 49, 50
 Катых А. 440, 604
 Кац Б.Д. см. *Камков Б.Д.
 *Качалов В.И. 600, 617
 Кашина А.А. см. Евреинова А.А.
 Кашина И.А. 424, 425, 427
 Кедров Н.Н. 583
 Келлер Н.В. 619
 Келлер Ф.А. 547, 615, 616, 619
 Керенская О.Л. 475, 625
 Керенский А.Ф. 90, 104-106, 109,
 111, 138, 141, 162, 438, 439, 444,
 446, 449, 456, 461, 463, 465, 471,
 472, 474, 479, 481, 482, 484, 485,
 487-492, 494, 497-499, 511, 531,
 544, 545, 552, 556, 585, 606, 617,
 625, 628
 Керзон Дж.Н. 118
 Кибальчич В.Л. 133
 Кин Э. 500
 Кириенко-Волошин А.М. 309
 Кирилл Владимирович, вел.кн.
 450
 Киров К.И. см. Рябцев К.И.
 Кирпичников Т.И. 463, 605, 606
 Кистяковский И.А. 523, 548, 625
 Кишкин Н.М. 492, 625, 631
 Клемансо Ж. 582, 589, 617
 Клер Р. 430
 Клименко И.Е. 317, 330
 Клинтон Б. 88
 *Клычков С.А. 184
 Клюев Н.А. 184, 313
 Книппер-Чехова О.Л. 600, 617
 Князев В.В. 465, 480, 481, 625
 Князева Н.Г. 340
 Ковалевский В.И. 502
 Кованько Н. 430
 Коган, комиссар 508
 Коган М. 598
 Коган П.С. 241, 243, 282
 Коган-Бернштейн Л.М., дед 13, 69
 Коган-Бернштейн Л.М., внук
 13-15
 Коган-Бернштейн М.Л. 11, 14,
 69
 Коган-Бернштейн, жена М.Л. Ко-
 гана-Бернштейна 11-15
 Кожебаткин А.М. 359, 360
 Кожинев В.В. 180
 Козинцев Г.М. 408
 Козинцева Л.Г. 409
 Козлов П.К. 220, 228
 Койранский А.А. 442, 447, 541,
 625
 Кокошкин Ф.Ф. 501
 Колесова Е.В. см. Голлербах Е.В.
 Коллонтай А.М. 487, 500
 Колоницкий Б.И. 624, 635
 Колосов Е.Е. 466, 625
 Колумб Х. 262
 Колчак А.В. 9, 42, 481, 563, 565,
 577, 588, 611, 616, 626, 633
 *Кольцов М.Е. 28, 29, 619
 Комбетт де Комон, гр. 605
 Коммиссаржевская В.Ф. 337,
 338, 341-344, 346, 347, 349-351,
 354-356, 416, 555
 Коммиссаржевский Ф.Ф. 344,
 347, 350
 Кондурушкин И. 321
 Конечный А.М. 377, 378, 407
 Кони А.Ф. 502, 614
 Коновалов А.И. 474, 475, 484,
 625
 Коновалова Ю.А. 399
 *Конрад Дж. 251, 252
 Константиновский М. 237, 238
 Копельман С.Ю. 354
 Коперник Н. 146
 Кораблев Ю.И. 133

- Кордиг А.К. фон 175, 215, 216,
 219, 220, 228
 Коренев М.М. 386
 Корнбут-Дашкевич, офицер 549
 Корнилов Л.Г. 105, 106, 162, 462,
 480, 487, 490, 494, 496, 502, 527,
 545, 546, 577, 579, 583, 597, 605,
 614, 632
 Коровин К.А. 372
 Короленко В.Г. 533
 Коротков Н. 302
 Корш Ф.А. 376
 Коршунова В.П. 340
 Косенко И.М. 325
 Коутс А.К. 372-374, 460, 626
 Крандиевская Н.В. 407
 Краснов П.Н. 438, 497, 499, 524,
 526, 529-532, 535, 536, 548, 550,
 556-558, 561, 562, 564, 565, 592,
 615, 616, 629, 632, 634
 Краснушкин А.З. 632
 Краснушкин В.А. см. *Севский В.
 Краснушкина В.А. 539
 Крафт-Эбинг Р. 496
 Крачковский И.Е. 317, 330
 *Кречетов С. см. Соколов С.А.
 *Кривич В.И. 303
 Кринский М.М. 444
 Кропоткин П.А. 465, 466, 626
 Кропоткина А.П. см. Лебедева
 *Кроткий Э. см. Герман Э.Я.
 Крохмаль В.Н. 487, 626
 Кругликова Е.С. 261
 Кручковская В.М. 163
 Крыленко Н.В. 503
 Крылов И.А. 361, 387
 Крым С.С. 628
 Крюков Ф.Д. 536, 565, 566, 577,
 583, 584, 598, 626
 Крючков К.Ф. 536, 537, 615, 626
 Крючков П.П. 284, 285
 Ксения Александровна, вел.кн.
 179
 Ксюнин А.И. 595, 626
 Кубанский, репортер 534
 Кузмин М.А. 235, 238, 327, 333,
 337-340, 341-388, 405, 418
 Кузнецов Н.Д. 339, 359, 360, 365,
 372, 387
 Кузьмина М.Т. 299
 Кулабухов А.И. 630
 Кулицкий Е.Ф. 442, 626
 Кумов Р.П. 570, 571
 Куняев С.С. 606
 Куняев С.Ю. 606
 Куприн А.И. 605, 613
 Купченко В.П. 299-333, 610
 Купчинский Ф.М. 569
 Курбатов В.Я. 393
 Кусиков А.Б. 635
 Кускова Е.Д. 449, 626
 Кустодиев Б.М. 323, 328
 Кутепов А.П. 606
 Кутлер Н.Н. 502, 626
 Куусинен А. 67, 68, 70
 Куусинен О. 67, 70
 Кушелевы, семья 321
 Кушнер Б.А. 391, 393, 397-399, 402
 Кшесинская М.Ф. 460, 476, 484,
 487, 612
 Лабрюйер Ж. де 317
 Лавров А.В. 322, 326, 328, 389,
 395, 397, 403
 Лагуна З. 574
 Лазарев П.П. 218, 228
 Лазарев Р. 534-536, 615
 Ландовска В. 263, 264
 Ландцерт Ф.П. 312, 327
 Ландышев, журналист 514
 Лапшин В. 407
 Ларошфуко Ф. 317
 Ласвиц К. 246, 247
 Лассаль Ф. 629
 Лашкевич, капитан 605
 Лебедев Б.Ф. 626
 Лебедев Д.А. 532, 533, 626
 Лебедев Н.А. 391
 Лебедева А.П. 465, 466, 626
 Леви, репортер 490
 Левин Б. 82
 Левитан И.И. 209
 Левицкая А.Н. см. Амфитеат-
 рова Ал.Н.

- Левицкая Е.Н. 439, 510-512
 *Лежнев И.Г. 301, 302, 321
 Лейкинд О.Л. 418
 Лейнер, ресторатор 378
 Лейстиков И.И. 384
 Лекко Ш. 387
 *Лелевич Г. 302
 Лембич М.С. 540, 569, 577, 588
 Лемке М.К. 392, 399, 402
 *Ленин В.И. 19, 25, 29, 74, 75, 77, 79, 80, 92, 94, 96-104, 106-108, 110, 111, 113-128, 134, 136, 137, 141, 142, 147, 148, 161, 162, 173, 205, 214, 459, 460, 466, 476, 487, 506-508, 510, 515, 534, 537, 605, 611, 612, 617, 628, 631
 Ленский В. 597, 601
 Леонардо да Винчи 273
 Леонов Л.М. 231, 234, 261
 Леонтьев Я.В. 395, 402
 Леопольд Баварский, принц 501, 626
 Лермонтов М.Ю. 331, 367, 373, 374
 Лернер Н.О. 321
 Лесков Н.С. 217, 224, 250, 251
 Лесман М.С. 301, 355
 Либер М.И. 490, 497, 612
 Либкнехт К. 566
 Лившиц Я.Б. 321
 Лигский К.А. 435
 Лидин В.Г. 442, 443, 452
 Лизогуб Ф.А. 523, 625, 626
 Ликиардопуло М.Ф. 359, 447, 627
 Линде, комиссар 462
 Линский М.С. 467, 606
 Лисенко Н. 430
 Лисовой Я.М. 539, 544, 568, 583, 588, 593, 627
 Литвинов М.М. 627
 Лихтенштадт В.О. 129-134, 134-161, 161-165
 Лихтенштадт М.Л. 130, 132, 134, 143, 161
 Лихтенштадт М.М. см. Тушинская М.М., мать
 Ллойд-Джордж Д. 576, 582
 Лодий З.П. 223, 229, 234, 241, 244
 Локкарт Р.Г.Б. 515, 627
 Ломоносов М.В. 205, 212, 217, 224, 226, 296
 Ломоносова Р.Н. 277, 278
 Лопатин Г.А. 436, 456, 457, 546, 547, 627
 *Лопе де Вега 219
 Лопухин В.С. 511
 Лопухин П.С. 511
 Лосский Н.О. 393
 Лохвицкая Н.А. см. *Тэффи Н.А.
 Лошаков А. 430
 Луженовский Г.Н. 466, 627
 Луи В. 449, 590, 591
 Лукницкий П.Н. 418
 Лукьянов С.С. 393
 Луначарский А.В. 16, 396, 397, 403, 487
 Лундберг Е.Г. 392, 395, 397
 Лунц Л.Н. 398, 399
 Лурье А.С. 377, 378, 393, 397
 Лутугин Л.И. 162
 Луценко А.М. 327
 Львов Г.Е. 451, 470, 607
 Львов-Абашидзе, журналист 490
 *Львов-Рогачевский В.Л. 193, 194, 241
 Любошиц А.С. 500
 Любошиц Н.С. 500
 Людовик XV, король 306
 Людовик XVI, король 450
 Магомедова Д.М. 622
 Мазин А.М. 129
 *Мазин В.О. см. Лихтенштадт В.О.
 Май-Маевский В.З. 596, 599, 627
 Майкапар Н.Л. 8
 Майоркин, сотр. райснаба 49, 50
 Макаренко И.Л. 563, 627
 Макаров, адъютант 596
 Маклаков В.А. 439
 Маковицкий Д.П. 322
 Маковский С.К. 310
 *Макошин Р. см. Амфитеатров-Кадашев В.А.

- Макре Ш.Ф.А. 319, 333
 Максимов А.Н. 448
 Максимов А.С. 451, 627
 *Малиновский Р.В. 99
 Малапарте К. 113
 Мальгин, следователь 69
 Малько Н.А. 460, 627
 Мальков П.Д. 614
 Мальмберг В.К. 179
 Мальмстад Дж. 382
 Мамонтов В.А. 323
 Манасевич-Мануйлов И.Ф. 489, 604
 Мандельбаум Вир. В. 9, 44, 51, 52, 54, 55, 63, 70
 Мандельбаум Вл. 29, 30, 32, 35, 37, 38, 41, 70
 Мандельбаум Л.В. 9, 29, 42, 44, 51, 52, 54, 55, 63, 70
 Мандельштам О.Э. 321
 Мане Э. 384
 Маннергейм К.Г. 542
 Мануйлов Ал. Ал. 449, 474, 475, 518, 604, 614
 Мануйлов Ал. Ап. 162, 449, 473, 518, 604, 614
 Мануйлов В.А. 325
 Мануйлова Н.А. 449
 Мануйлова Н.С. 449, 473, 494
 Марголис А.Д. 129-165
 Маргулис И.С. 502
 Марджанов К.А. 406, 408
 Мариенгоф А.Б. 418, 603, 635
 Марков В.Ф. 382
 Марков П. 410
 Марков С.Л. 579
 Маркс К. 86, 97, 580
 *Мартов Ю.О. 134, 135, 152
 Маршан Р. 470
 Масалина Н. 247
 Масленников, поручик 464
 Массне Ж. 361, 371
 Матусевич И.А. 541, 627
 Матэ, естествоиспытатель 218
 Махно Н.И. 537, 543, 544, 552, 553
 Маяковский В.В. 226, 278, 410, 416, 510, 635
 Мгебров А.А. 414
 Медведев Ю.П. 175
 Медведева, содержательница танцкласса 588
 Мейерхольд В.Э. 186, 188, 195, 249, 251, 337-340, 341-388, 391, 393, 397, 399, 400, 403, 404, 408, 410, 412-417
 Мейерхольд О.М. 348, 349, 352, 357, 359, 367, 370, 416
 Мейчик, мать А.Д. Мейчик 208, 213, 627
 Мейчик, семья 208
 Мейчик А.Д. 208, 214, 460
 Мекк фон, офицер 515
 Мелентьев М.М. 607-610
 Мельгунов С.П. 449, 627
 Мелье, книгопродавец 377
 Мельницкая Е.К. см. *Валерская
 Мельтцер Е.Л. 7-11, 11-68, 69, 70
 Мельтцер Л. 9
 Мельтцер М.Л. 10, 54, 55
 Мельтцер О.Л. 11-13, 68
 Мельтцер Ц.К. 9, 48, 49, 51, 54, 55, 68
 Меметов, сотр. Внешторга 611
 Менгельбер фон, нем. ген. 526
 Менделевич Р.А. 304
 Менделеев Д.И. 321
 Менделеева А.И. 321
 Мендес К. 361
 Мережковский Д.С. 349, 350, 448, 613
 Метерлинк М. 224, 231, 343, 344, 356
 *Меч Р. см. Менделевич Р.А.
 Мещерская Н.А. 196, 252
 Миклашевский К.М. 378, 404-412, 412-431
 Милиотти В.Д. 285-288
 Миллер Е.К. 626
 Милосердов Т. 275
 Милюков П.Н. 137, 439, 456, 459, 460, 462, 465, 466, 470, 493, 524, 531, 605, 607, 612, 628
 Минин, комиссар 472

- Минервины, сотр. Освага 588
 Мирбах В. 531
 Миркин-Геневич Б.С. см. *Мирский Б.
 Миронов Ф.К. 579
 Мироносицкий П.П. 391
 *Мирский Б. 467, 468, 477, 478, 496, 497, 606, 628
 Митропольский И.И. 573
 Михаил Александрович, вел.кн. 437, 443, 444, 466, 606
 Михайлов, знакомый В.О.Лихтенштадта 149, 154, 163
 Михайлов Ф. 440, 604
 Михнев С. 513
 Мовшенсон А.Г. 369
 Можухин И.И. 422, 430
 Мокульский С.С. 416
 *Молотов В.М. 126
 Молчанов И.Н. 245
 *Мольер 410
 Моне К. 311
 Монигетти-Ностиц, гр. 569
 Монтень М. де 317
 Мордерер В.Я. 377, 407
 Мордовцев Д.Л. 249, 251
 Морев Г.А. 301
 Моро Г. 311
 Моро Ж.М. 319, 333
 Морозов П.О. 393, 399, 403
 Морской А. 411
 Моску Г. 94
 Мосолов Б.С. 371, 372
 Моцарт В.А. 231
 Мошкова В.А. 342, 348
 Мрозовский И.И. 439, 441-443, 623, 628
 *Мстиславский С.Д. 397
 Музикус, знакомый Амфитеатровых 525
 Мумм фон Шварценштайн А. 513, 548, 613
 Мунт Е.М. 353
 Мунт О.М. см. Мейерхольд О.М.
 Мурад, кн. 593
 Мусоргский М.П. 249, 372
 Муссолини Б. 97-99, 113, 617
 Мухин, знакомый Амфитеатровых 510
 Мыльникова В. 619
 Мясковский Н.Я. 249, 251
 Набгольц, фабрикант 440, 604
 Набоков В.Д. 163, 540, 628
 Назаров В.М. 566
 Найтингейл Ф. 581
 Наполеон I, имп. 279, 417, 487, 542, 565
 Напельбаум М.С. 606
 Науом А.В. 321
 Нахамкис Ю.М. см. Стеклов
 Нахимсон С.М. 479, 628
 *Не-Буква см. Василевский И.М.
 *Невельская К. см. Каган Ю.М.
 Неелов М.В. см. *Дальский М.В.
 Некрасов Н.В. 138, 162, 486, 487, 628
 Немирович-Данченко Вас. И. 478, 488, 610, 612, 613
 Немирович-Данченко Вл. И. 446, 610
 Немировский А.И. 172, 179, 182, 184
 Непенин А.И. 449, 628
 Нестеров П.Н. 630
 Нива Ж. 391
 Никифорова М.Г. 537, 552, 553, 628
 Николай О. 410
 Николай II, имп. 91-93, 103, 111, 179, 436, 437, 440-445, 448-450, 458, 467, 469, 489, 490, 500, 557, 585, 600, 612, 628
 Николай Николаевич, вел.кн. 445, 447
 Никонов С.А. 540, 628
 Никулин Л.В. 541, 542, 615
 Нилос К.Д. 445, 628
 Ницше Ф. 160, 211
 *Невский В.И. 110
 Незлобин К.Н. 195
 Новиков И.А. 255, 261
 Новиков М.М. 444, 628
 Новицкий К. 439, 449, 628

- Носков Н.Д. 400
 Носов В.В. 360
 Носова Е.П. 360
 Носович, ген. 546
 Нувель В.Ф. 337, 343, 344, 352, 353
 Нуланс Ж. 533, 628

 Обезьянинов М.М. 608, 609
 Оболенская Ю.Л. 325
 Оболенский В.А. 613
 Овидий 182, 294-296
 *Одоевцева И.В. 418
 Озеров И.Х. 223, 229
 Озеров Л.А. 323
 Оксман Ю.Г. 605, 625
 Октавиан Август, имп. 206, 207
 *Окунев (Окунь) Я.М. 459, 628
 Окутюрье М. 299
 Ольконицкий Л.В. см. Никулин
 *Оранский В.А. 277, 278
 Орешникова В.А. см. Зайцева В.А.
 Орлов М. 491
 *Осоргин М.А. 449, 628
 Островский А.Н. 249
 *Оффенбах Ж. 384

 Павлов А.П. 223, 229
 Павлова К.К. 333
 Павлова М.М. 164, 327
 Павлова Т. 427, 542
 Павловский, журналист 577
 Паганини Н. 222
 Пазухина М.А. 323
 Пазухины, семья 323
 Пайпс Р. 73-128
 Палеолог М. 607
 Пальчинский П.И. 492, 511, 613, 629
 Панов С.И. 340
 Панцов А.В. 164
 Панюшкин В.Л. 164
 Парамонов Н.Е. 562, 564-569, 571-573, 576, 577, 581, 629, 633
 Парето В. 94
 Парнах В.Я. 321
 Парнис А.Е. 377, 406, 407

 Пархомовский М.А. 605
 Паскаль Б. 230
 Пастернак Б.Л. 178, 181, 191, 192, 194, 208, 223, 255, 261, 277, 278
 Пельцер С.М. 362, 363
 Переверзев П.Н. 104, 486, 487, 612, 629
 Перельман, сотр. Коминтерна 42, 70
 Перельман О.И. см. *Дымов О.
 Перельцевейг В.Б. 625
 Перрет Н.В. см. Келлер Н.В.
 *Пессимист см. Никулин Л.В.
 Пестель П.И. 296
 Петерс, литератор 250
 Петлюра С.В. 117, 534, 537, 539, 547, 549, 558, 615, 621
 Петренко, журналист 532, 629
 Петренко Е.Ф. 460, 629
 Петри Ф. 215, 228
 Петров, сотр. Освага 588
 Петров В.Н. 327
 Петров Д.К. 406
 Петров Н. 409
 Петров-Водкин К.С. 303, 397, 402
 Петровская И.Ф. 405
 Петровские, владельцы прокатной кинофирмы 567
 Петровский А.И. 533, 629
 Петроний 435
 Петтер Г.В. 603
 Пешехонов, поручик 532, 533
 Пешехонов А.В. 490, 533, 612, 613
 Пешков З.М. 436, 479, 480, 629
 Пешков М.А. 214, 227, 228, 263, 268, 276, 277, 284
 Пешкова Е.А. 214, 227
 Пешкова Е.П. 209, 213, 214, 264, 265, 276-278, 287
 Пешкова М.М. 262, 268, 273
 Пиксанов Н.К. 273
 Пикфорд М. 417
 Пилсудский Ю. 117
 *Пильняк Б.А. 208, 214, 223, 255, 418

- Пильский П.М. 467, 490, 500, 504, 559, 629
 Пиотровский А.И. 400, 416
 Питирим, митр. (Окнов П.) 442, 446
 Плавт 407
 Платон 239, 319, 323, 457
 Платонов С.Ф. 215, 228
 Плевицкая Н.В. 626
 Плено П.И. 470, 629
 Плеханов Г.В. 136, 279
 Плутарх 319
 По Э. 196
 Подбельский В.Н. 446, 629
 Подвойский Н.И. 110
 Подгаецкий М.Г. 380
 Подкопаева Ю.Н. 378
 Пожарская М. 373
 Поздняков Н.С. 359, 360
 Поздняков С.С. 358
 Познанский, журналист 490
 Покионе, крестьянин 206, 225
 Покрасс Дан. Я. 623, 629
 Покрасс Дм. Я. 629
 Покрасс С.Я. 525, 629
 Покровский В.Л. 560, 574, 581, 586, 587, 617, 630
 Поленова Н.В. 321
 Поливанов, репортер 486
 Поливанов М.К. 178
 Полковников Г.П. 492
 Поллиус Феликс 206, 207
 Половцев П.А. 486, 630
 Полонская Е.Г. 321
 *Полонский В.П. 255, 261, 327
 Поляков И.А. 603
 Поляков С.А. 359
 Полякова Н. 269
 Попов П.Х. 564, 630
 Попова Р.И. 326
 Потемкин П.П. 361-363, 371, 422
 Потемкин-Таврический Г.А. 164
 Поти П. 273
 Преображенская О.И. 223, 229
 Пресняков В.И. 350
 Придворов Е.А. см. *Бедный Д.
 Пришвин М.М. 206-208, 224, 231
 Прокопович С.Н. 493
 Прокофьев С.С. 460, 473
 Пронин Б.К. 342, 362, 363
 Проппер С.М. 483, 630
 Протасевич, астроном 215, 216, 218
 Протопопов А.Д. 439, 443, 446, 455, 630
 Пугачев Е.И. 113
 Пул Б. 169
 Пулаткин К. 593, 594
 Пуль Ф. 550, 630
 Пумпянский Л.В. 178, 395
 Пуришкевич В.М. 442, 443
 Пушкин А.С. 69, 182, 186-188, 197, 218, 222, 224, 226, 231, 232, 237, 249, 253, 279, 281, 282, 288, 295, 310, 320, 331
 Пчелкин, фельдшер 453
 Пшибышевский С. 342
 Пяткин Е.О. см. *Венский Е.
 *Пяст В.А. 195, 196, 212, 219, 235, 236, 238, 249, 401, 414
 Рабинович А. 612
 Равич Н.А. 514, 542, 615
 Радаков А.А. 606
 *Радек К.Б. 16
 Радлов Н.Э. 311, 393, 394, 398, 399, 401
 Радлов С.Э. 399, 409, 416
 Радлов Э.Л. 393
 Раецкий С.С. 441, 445, 449, 630, 631
 Разин С.Т. 113, 234, 624
 Разумовский А.К. 229
 Райх З.Н. 192, 381, 382
 *Ракитин Ю.Л. 359, 360, 373
 Раковский Х.Г. 549, 631
 Рамша Ф. 275-277
 *Раскольников Ф.Ф. 472, 487, 607, 610
 *Распутин Г.Е. 448, 455, 614
 Рафес М.Г. 547
 Резанов А.С. 597, 598, 631
 Резникова И.А. 622
 Рейган Р. 86

- Рейснер Л.М. 457, 631
 Рейснер М.А. 457, 631
 Ремизов А.М. 343, 344, 354
 Ренье А.Ф.Ж. де 310
 Репин И.Е. 312, 327
 Рерих Н.К. 299
 Респиги О. 617
 Рид Т.М. 564
 Ридер, композитор 231
 Рильке Р.-М. 214
 Рихтер В.Н. 499
 Рише Ш. 255, 261
 Робеспьер М. 452
 Робэн А.А. 540-542, 631
 Родзянко М.В. 439, 441, 467, 496, 499, 585
 Родина Т. 414
 Родионов И.А. 530, 539, 557, 565, 614
 Родиславский Б.И. 376
 Родичев Ф.И. 460, 569
 Родов С.А. 302
 Рождественский В.А. 303
 Рожков Н.А. 123
 Розанов В.В. 234, 238, 252, 255, 299, 301, 315, 329, 533, 614
 Розанова Е. 175, 219, 294
 Розенберг Н.С. см. Великатова
 Розенблат С.В. 398
 Розмирович Е.Ф. 503, 631
 Ройтблат Ф.Х. см. *Каплан Ф.
 Роковицкий, литератор 573
 Романов П.С. 208, 214, 223
 Романовы, династия 530, 556
 Романовская Т.С. 172, 173, 176, 181, 182
 Ромейко-Гурко И.В. 612
 Ропс Ф. 417
 Росоловская В. 604
 Россолово Г.И. 14, 19
 Ростан Э. 224
 Ротенберг, пред. Крымчека 611
 Рошаль С.Г. 472, 487, 631
 Рубенс П.П. 328, 429
 Рубинштейн А.Г. 347
 Рудова Л. 574
 Руже де Лиль К.Ж. 452
 Рузский Н.В. 441, 631
 Рукавишников И.С. 218, 223, 228, 279
 Рунова О.П. 196, 251, 252
 Руслон В.В. 337
 Руссо Ж.-Ж. 319
 Рутенберг П.М. 492, 493, 631
 Рыкова Н.Я. 325
 Рысс П.Я. 499, 632
 Рябовол Н.С. 601, 602, 632
 Рябушинский Н.П. 359
 Рябушкин А.П. 247
 Рябцев К.И. 599, 628, 632
 Сабашникова М.В. 322, 352
 Саблин Ю.В. 443, 531, 540-544, 632
 Савелов, историк 550
 Савельев, сотр. «Русского слова» 439
 Савинков Б.В. 487, 493, 502, 528, 532, 533, 545
 Савонаролла Дж. 259
 Садовской Б.А. 222, 224, 229
 Саенко, сотр. ВЧК 599
 Сажин М.П. 450
 Салазар А. ди О. 436
 *Салами, актриса 450
 Саландра А. 464
 Самсонов Б.Д. 502
 Сапунов Н.Н. 311, 325, 333, 338, 339, 341, 343, 345, 351, 361-365, 371, 372, 375
 Сараджев К.К. 231, 232
 Сараджев Н.К. 232
 Саркизов-Серазини И.М. 322
 Сарьян М.С. 311
 *Сарьянова А. см. Никулин Л.В.
 Сафонова А. 25, 27, 28, 31, 35-38, 44, 52, 69
 Сахаров В.В. 501, 618
 Сватиков С.Г. 567, 568, 576, 577
 Свердлов З.М. см. Пешков З.М.
 Свердлов Я.М. 436, 631
 Светланов, меньшевик 475
 Светова З. 412
 Свешникова А.Н. 378

- Святополк-Мирский Д.П. 422
Северцова Н.А. 325
Северюхин Д.Я. 418
*Севский В. 456, 458, 459, 462-464, 490, 525, 529-532, 540-542, 545, 553, 556-558, 561, 563, 565, 566, 568, 570-572, 577, 583, 593, 602, 606, 632
Сезанн П. 311
Сейфулина Л.Р. 9
Селихова И.С. 574
Селихова О.С. см. Стрельникова
Селицкая А.Я. 514
Семенов, мичман 567, 588
Семенов А.А. 509, 510, 549
Семенов П.Г. 583, 597
Семенов Ю.Н. 583
Семенчуков, литератор 588
Семилетов, войск. старшина 603
Сервантес С.М. де 243, 407
Сергеев М.А. 323
*Сергеев-Ценский С.Н. 231
*Серебров А. см. Тихонов А.Н.
Серра-Каприола, герцог 206, 263
Сидорин В.И. 564, 583, 584, 617
Сидорина Л.А. 556, 570, 571
Сидоров, конвоир 43
Сильверсван Б.П. 398
Симонов И.С. 394, 399
Синельников Н.Н. 600
Синицын В.А. 194, 195
Сирин С.Н. 569, 574
Ситковецкая М.М. 340
Скалдин А.Д. 303
Скарская Н.Ф. 329
Скобелев М.И. 460, 461, 473, 632
Скоблин Н.В. 626
Сковорода Г.С. 318, 331
Скоропадский П.П. 510, 514, 519, 523-526, 529, 532, 547, 548, 565, 616, 621, 625, 626, 634
Скрылов А.И. 622
Скрябин А.Н. 190, 198, 202-204, 225
Скрябина Л.А. 190, 202, 204
Скуратов Б. 302
Слащев-Крымский Я.А. 611
Смирнов И.Н. 52, 69
Смирнов Н.Г. 464, 632
Смирнов С.А. 441, 486, 632
Смирнова А.Н. см. Амфитеатрова Ан.Н.
Смирнова А.О. 331
Смирнова Е.Н. 444, 484
Собельсон Р. 16
Собельсон С.К. 16
Собинов Л.В. 604
*Соболь А. 183, 184, 321
Сойкин П.П. 331
Соколов К.Н. 572, 576, 577, 581, 587, 595, 632, 633
Соколов Н.Д. 585, 586, 600
Соколов С.А. 510, 613
Сократ 319
Соловьев В.Н. 412, 413
Соловьев В.С. 237
*Сологуб Ф.К. 303, 312, 327, 343, 353, 457, 560, 605, 613
Соломонова Т. 54, 56-60
Сомина В. 405
Сомов К.А. 343, 344, 346, 348, 352, 355, 378
Сорин С.А. 420, 421
Сосновская О. 12, 16, 17, 19, 28, 29, 38, 44, 69
Сосновский В.Л. 18
Сосновский Л.С. 11, 12, 16-19, 28, 29, 37, 38, 41, 42, 44, 69, 302
Софронов В.Я. 375, 376
Софья Алексеевна, царевна 226
Спаак Ш. 430
Спасовский М.М. 299
Спиридонова М.А. 466, 504, 531, 627
Спиро, репортер 485
*Сталин И.В. 7, 25, 29, 64, 69, 73, 74, 78, 94, 95, 114, 115, 117, 119-128, 606
Станевский М.А. 603
*Станиславский К.С. 249, 625
Старк Э.А. 405
Старостин Е.В. 626

- Стеклов Ю.М. 467, 468, 483, 487, 585, 586, 600, 606
 *Стендаль 230
 Степанов, офицер 609
 Степун Ф.А. 498, 633
 Стефан Баторий 225
 Столовский Л. 32, 39, 42
 Столыпин П.А. 88, 129
 Стратонович, оппозиционер 30, 37, 38
 Стрельникова О.С. 574
 Стрижевский В. 430
 Стриндберг А. 196
 Суворин А.С. 376
 Суворин М.А. 611, 626
 Суворина А.А. 375, 376
 Суворов А.В. 475
 Судейкин С.Ю. 342, 344, 346, 347, 359, 377, 378
 Сулла, консул 527, 528, 531
 Сулькевич М.А. 519, 537, 633
 Сургучев И.Д. 569, 602
 Суриков В.И. 311, 326, 327
 *Суханов Н.Н. 480, 622, 633
 Сухотина-Толстая Т.Л. 235, 238, 239
 Сытин И.Д. 163, 325, 635
 Сюннерберг К.А. см. *Эрберг К.
- Тагор Р. 212, 231
 Таиров А.Я. 410
 Таль Б.М. 302
 Тамарин А. 444, 445
 *Тан В.Г. 456, 503, 633
 Тарасевич Л.А. 281, 282
 Тарасов-Родионов А.И. 606
 Гартаков И.В. 223, 229
 Татищев Б.А. 519, 633
 Тверитин В. 9, 11-13, 15, 17, 21
 Тверитин Ю.В. 9, 11, 13-15, 17, 18, 21
 Тейлор Ф.У. 574, 575
 Телешов Н.Д. 182
 Телижинская см. Веревкина Е.Н.
 Теляковский В.А. 367-370, 372, 373
 Темферих, нем. генерал 547
- Теплиц Е. 431
 Тиандер К. 415
 Тиде Л.Ф. 440, 604
 Тиде Э. 440, 604
 Тизенгаузен Е.С. 478, 610
 Тимановский, командир отряда 589
 Тименчик Р.Д. 377, 406, 407
 Тимофеев А.Г. 337, 378, 380
 Тиняков А.И. 299
 *Тирсо де Молина 405
 Тихвинская Л. 406
 Тихон, патр. (Белавин В.В.) 179, 220, 520
 Тихонов А.Н. 254, 257
 Тихонов В.А. 607
 Толстая О. 321
 Толстой А.Н. 303, 407, 448, 605
 Толстой Л.Н. 156, 173, 183, 205, 214, 224, 229, 235, 238, 239, 241, 243, 244, 275, 304, 305, 339, 372, 626
 Толстой Ф.П. 230
 Тома А. 470, 607, 633
 Томашевская А.И. 387
 Тони, ресторатор 378
 Топорков Н. 430
 Топоров В.Л. 73-128
 Трауберг Л.З. 408, 409
 Тредьяковский В.К. 217, 228
 Тренев К.А. 321
 *Троцкий Л.Д. 16, 31, 33, 39-41, 44, 94, 104, 110, 115, 118-120, 123-127, 147, 148, 164, 459, 486, 487, 490, 491, 515, 549
 Трубецкой Е.Н. 447, 624, 633
 Трубецкой Н.С. 445, 633
 Тугенхольд Я.А. 310
 Туземцев Н. 573
 Тулуз-Лотрек А. де 311
 Туманов Г.Н. 492, 633
 Туржанский В. 430
 Туртиайнен А. см. Куусинен А.
 Тухачевский М.Н. 119
 Тушинская М.М., дочь 129-134, 143, 162
 Тушинская М.М., мать 129-163

- Тушинский М.Д. 132, 143, 162
 Тынянов Ю.Н. 405
 Тыркова-Вильямс А.В. 621
 *Тэффи Н.А. 211, 214
 Тюрин Г.В. 180
 Тютчев Ф.И. 333
- Уайльд О. 310, 627
 Уколова В.И. 172, 179, 182, 184
 Уланов Б. 562
 Урицкий М.С. 506, 507, 510, 625
 Усамов, следователь 8
 Успенский, репортер 534
 Успенский А.И. 179, 180, 217,
 220, 229
 Успенский Л.В. 482, 633
 Успенский Ф.И. 179
 Устрялов Н.В. 442, 633
 Утесов Л.О. 623
- Файн С. 42, 70
 Фальковский Ф.Н. 186-188
 Фатов Н.Н. 231, 232
 Фаюткин, журналист 520, 522
 Февральский А. 410
 Федин К.А. 418
 Федорец Г. 9
 Федоров, поручик 573
 Федосова О. 230, 232
 Фейдер Ж. 430, 431
 Фельдман М.И. 416, 417
 Фербенкс Д. 417
 Фердинанд I Кобург 548, 633,
 634
 Фет А.А. 333
 Фигнер В.Н. 451, 456
 Фидлер Ф.Ф. 310, 325
 Филиппенков М.Ф. 534, 634
 Филипповская, актриса 506, 508
 Филипповский В.М. 163
 Философов Д.В. 349, 350
 Фицлауров, генерал 535
 Флит Б. 606
 Флобер Г. 230, 232
 Фореггер Н. 406, 410
 Форш О.Д. 172, 181, 197, 198,
 203, 313, 321, 328
- Франко Баамонде Ф. 436
 *Франс А. 230, 240, 306, 322, 387
 Фрейд З. 23
 Френкель А.А. см. *Д'Актиль
 Фриде, актриса 515
 Фриденберг, полк. 589, 591
 Фриче В.М. 446, 447, 449, 634
 *Фролов Е. см. *Венский Е.
- Хавкина Р. 515-518
 Халтурин, офицер 452
 Хаммонд Л. 626
 Ханжонков А.А. 567
 Хардт Э. 371
 Харламов В.А. 562, 563, 565,
 634
 Хлебников В.В. 328, 329
 Хованская Е.А. 362, 363, 365
 Ходасевич В.М. 244, 404
 Ходасевич В.Ф. 231, 232
 Ходотов Н.Н. 381, 382
 Холодная В.В. 589, 591
 Хомяковский, сотр. Союза крест.
 писателей 213
 Хотеев О. 13
- Цвейг С. 263
 Цвелев, библиотекарь 27
 Цветаев И.В. 227
 Цветаева А.И. 172, 173, 175, 177-
 183, 196, 214, 223, 227-229, 231,
 232, 234, 238, 250, 253, 258-266,
 268, 274, 277, 278, 281, 282, 284,
 286, 298
 Цветаева М.И. 228, 231, 234,
 238, 261, 304, 324
 Церетели И.Г. 101, 134-136
 Цеткин К. 119
 Цетлин М.О. 407
 Цивьян Ю. 409
 Цинговатов А.Я. 232
 Цявловская Т.Г. 238
 Цявловский М.А. 321
- Чайковский П.И. 253
 Чан-Кайши 120
 Чаплин Ч.С. 408, 409, 417, 418

- Чапыгин А.П. 231, 232
 Чарнолуцкий В.И. 473, 634
 Чахотин С.С. 567, 570, 574-577, 634
 Чеботарев В. 602
 Челноков М.В. 442, 634
 Черемисов В.А. 532, 634
 Черкасская, кн. 578
 Чернов В.М. 135, 138, 472, 483, 485-490, 497, 502-504, 546, 607
 Черномазов М.Е. 99
 Чернышевский Н.Г. 629
 Чернявский, музыкант 461
 Чертков В.Г. 322
 *Черубина де Габриак 325
 Чех, спекулянт 611
 Чехов А.П. 229
 Чиари, итал. драматург 414
 Чириков Е.Н. 525
 Чичагов К.Д. 393
 Чичерин Г.В. 121, 337, 358
 *Чуковский К.И. 189, 193, 194
 Чулков Г.И. 352
 Чхеидзе Н.С. 136, 439, 473
 Чюмина О.Н. 347
- Шаляпин Ф.И. 500
 Шанявский А.Л. 9, 70
 Шаповал Н.Е. 621
 Шапорин В.Я. 384
 Шапрон дю Ларрэ Л.А. 605
 Шаховской Д.И. 162
 Шварц Г.В. 376
 Шебалин В.Я. 384
 Шевелев Л.Ф. 196
 Шекспир У. 219, 243, 244, 249, 259, 260, 266, 287, 339
 Шеллапутин Г.П. 435, 500
 Шелли П.Б. 231, 253
 Шелухин С. 510, 512, 549, 634
 Шенгели Г.А. 194, 195, 218, 223, 261, 271, 321
 Шепеленко Д.И. 218, 228, 251
 Шервашидзе А.К. 417-419
 Шервинский С.В. 295, 316, 321, 330
 Шереметев А.Д. 133
- Шерон Ж. 337, 353
 Шершеневич В.Г. 603, 621, 635
 *Шестов Л.И. 276, 397
 Шиллер И.Ф. 267, 401
 Шингарев А.И. 149, 162, 498, 501, 634
 *Ширяевец А.В. 245, 247
 Шишков В.Я. 303
 Шишорин М. 215
 Шкапская М.М. 321
 Шкаренков Л.К. 437
 Шкловский В.Б. 276
 Шкуро А.Г. 557-559, 574, 581, 596, 635
 Шлее, сотр. Освага 601, 602
 Шлифен А. фон 102
 Шлуглейт М.М. 385
 Шляпников А.Г. 123, 124
 Шмаков Г.Г. 337, 340, 341, 346, 357
 Шопен Ф. 197
 Шопенгауэр А. 239
 Шпет Г.Г. 170, 171, 178
 Шпис фон Эшенбрук В.А. 362
 Шполянский А.П. см. *Дон Ами-
 надо
 Шрейдер Г.И. 498, 613
 Шрейдер М. 493
 Штарк Е. 221
 Штейнберг А.З. 169-171, 391, 393-403
 Штерн Н. 31, 38, 57, 58, 61, 63, 64
 Штирнер М. 130
 Шторм Г.П. 331
 Штюрмер Б.В. 91
 Шуберт Ф. 231
 Шульгин В.В. 444, 548, 585, 623, 634, 635
 Шумихин С.В. 7-70, 340, 383, 435-635
 Шумская И. 57, 61, 64
- Щегловитов И.Г. 441, 635
 Щербачев В.В. 438, 461, 462, 482, 485, 635
 Щербицкий, офицер 549

Эверт А.Е. 443
Эдвардс А. 174
Эдвардсы, род 181
Эйзенштейн С.М. 111, 408
Эйхгорн Г. фон 547
Эйхенбаум Б.М. 401
Эккерман И.П. 322, 331
Эккерт Ф.Ф. 620
Эльзон М.Д. 327
Элькин В. 58
Эмардингер П. 423, 424
Энгельгардт Б.А. 584-587, 597,
600, 612, 635
Энгельс Ф. 23, 69
Энно Э. 551, 635
Эпштейн Ж. 430
*Эрберг К. 310, 389-403
Эрдман Б.Р. 635
Эрдман Н.Р. 635
Эредиа Ж.М. де 310
Эренбург И.Г. 276, 380, 418
Эрманс А.С. 501, 635
Эрманс К. 440, 604
Эрмеш И.Н. 531
Эрнст С. 325

Юнге Ф.Э. 332
Юнги, семья 255
Юденич Н.Н. 129
Юдина М.В. 178
Южный Я. 572
Юзефович Я.Д. 583
Юлий Цезарь 475
Юренева В.Л. 619
Юрьев Ю.М. 391

Юрьева М.М. 507, 635
Юркевич П.Д. 171
*Юркун Ю.И. 379-381
Юршусов, полковник 608
Юстиниан, имп. 323
Юшкевич С.С. 356
Юшинский А. 539

Яблоновский А.А. 448, 635
*Яворская Л.Б. 343, 344
Яковенко Б.В. 247
Якулов Г.Б. 444, 451, 541, 603,
635
Якунчикова М.В. 311
Янгиров Р.М. 404-431
Яремич С.П. 311
Ярошинский К.И. 490, 635
Ярцев П.М. 356, 414
Ященко А.С. 632

Cheron G. см. Шерон Ж.
Chiron, издатель 423
De la Fare см. Делафар
Fitzpatrick Sh. 403
Franet G. 429
Gessen V. 171
Hemardinger P. см. Эмардингер
Hoffman S. 390
Rabinovitz S.J. 353
Richet Ch. см. Рише Ш.
Schiffrin J. 408
Tchimichkian S. 337

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

Е.Л.Мельтцер. КОММЕНТАРИИ К ЖИЗНИ. Публикация С.В.Шумихина.

Активная троцкистка повествует о первых послереволюционных годах в Москве, участии в оппозиционной деятельности, о последующих лагерях и ссылках. Среди тем: педагогические воззрения и сексуальная мораль в большевистской среде, быт левого подполья, портреты лидеров оппозиции, самосознание ссыльного троцкиста на государственной службе в 1930-е и т.п. 4 + 58 + 2 с.

К и с т о р и и п о л и т и ч е с к и х п а р т и й

Ричард Пайпс. ТРИ «ПОЧЕМУ» РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.
Перевод с английского В.Топорова.

Известный американский историк на основе новых архивных материалов, ставших доступными в последние годы, развивает представления о причинах падения царизма, триумфа большевиков и прихода к власти Сталина, сформулированные им ранее в монографиях «Русская революция» и «Россия под властью большевиков». 56 с.

«К ТЕБЕ И О ТЕБЕ МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО...» Письма В.О.Лихтенштадта к М.М.Тушинской. Публикация Н.К.Герасимовой и А.Д.Марголиса.

«Техник» Боевой организации эсеров-максималистов, бессрочный узник Шлиссельбурга весной 1917 выходит на свободу. Его письма (1917-1919) содержат острые характеристики происходящего в стране. Личная драма и размышления о своем месте в новой реальности приводят автора незадолго перед гибелью в стан большевиков. 5 + 28 + 4 с.

И з и с т о р и и л и т е р а т у р н о й ж и з н и

ПИСЬМО А.З.ШТЕЙНБЕРГА М.И.КАГАНУ. Публикация Ю.М.Каган.

Скептический взгляд из холодного Петрограда осенью 1920 на возможности интеллектуальных начинаний: упоминаются Вольная философская ассоциация и Еврейский университет. 1 + 1 + 1 с.

«А Я? — Я НЕ ХОЧУ НА ПАМЯТЬ ОСТАТЬСЯ СКАЗКОЙ САМ СЕБЕ...» Корреспондент М.Горького Б.М.Зубакин. Публикация Ю.М.Каган.

Обширный материал к биографии поэта, импровизатора, мыслителя, скульптора, одного из последних русских розенкрейцеров: московская интеллектуальная жизнь 1920-х, философские и творческие искания, эстетические и нравственные споры с Горьким, детали каприйского быта. В комментариях — дополнительные сведения об А.И. и М.И.Цветаевых, московском окружении Зубакина. 11 + 116 с.

Эрих Голлербах. ПАМЯТИ М.А.ВОЛОШИНА. Предисловие, публикация и примечания Е.А.Голлербаха и В.П.Купченко.

Изысканный литературный портрет поэта, принадлежащий перу одного из тонких критиков и искусствоведов XX в. В предисловии и примечаниях на архивном материале подробно освещена история отношений двух литераторов. 5 + 16 + 13 с.

И з и с т о р и и т е а т р а

ПЕРЕПИСКА М.А.КУЗМИНА И В.Э.МЕЙЕРХОЛЬДА 1906-1933. Публикация и примечания П.В.Дмитриева.

Четвертьвековые отношения поэта и режиссера впервые прослежены с исчерпывающей полнотой: творческое сотрудничество, эстетические притяжения и отталкивания, новое о работе Кузмина для театра и о литературной деятельности Мейерхольда. В примечаниях — обширные справки об упоминаемых лицах и событиях. 4 + 48 с.

А.Е.Заблоцкая. КОНСТ. ЭРБЕРГ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ ТЕО НАРКОМПРОСА (1918-1919)

Документированный рассказ о попытках культурных начинаний литераторов «скифской» ориентации в рамках большевистских государственных структур: энциклопедия искусств, «картотека... статей и книг по эстетике», Вольная философская ассоциация. 15 с.

«ЗА РЕВОЛЮЦИОННЫМ ФРОНТОМ Я ПЛЕТУСЬ В ОБОЗЕ 2-го РАЗРЯДА...» Из писем К.М.Миклашевского к деятелям театра. Вступительная статья, публикация и примечания Р.Янгирова.

Материалы о жизни и творчестве актера, режиссера, театроведа и кинематографиста, одного из родоначальников отечественного киноавангарда 1920-х, оказавшего влияние на Мейерхольда и Вахтангова. 9 + 19 с.

Дневники, записные книжки, маргиналии

Владимир Амфитеатров-Кадашев. СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА. Публикация С.В.Шумихина.

События революции и гражданской войны в Москве, Петрограде, на Украине и на Дону глазами профессионального газетчика. Среди сюжетов: уличный и литературный быт, женщины в революции, жестокости белых и красных, работа автора в пропагандистских органах на «белом» Юге и др. В комментариях и аннотированном указателе имен — справки о малоизвестных деятелях и событиях. 4 + 165 + 13 + 19 с.

ABSTRACTS

Memoirs

E.L.Meltser. COMMENTARIES ON LIFE. Published by S.V.Shumikhin.

A Trotskyist woman recalls her first years in Moscow after the revolution, her involvement in the opposition of the government, her experience in concentration camps and her exile. Subjects this book covers include the pedagogical, sexual and moral ideas of the Bolsheviks, the everyday life of the left underground, the profile of the leaders of the opposition and the thoughts and feelings of a Trotskyist in exile working for the state in the 1930's. 4 + 58 + 2 p.

From the History of Political Parties

Richard Pipes. THE THREE «WHYS» OF THE RUSSIAN REVOLUTION. Translated from English by V.Toporov.

The famous American historian develops his ideas about the reasons for the downfall of Czarism, the Bolshevik triumph and Stalin's uprising to power. His theories described in his earlier monographs, «Russian Revolution» and «Russia Under the Bolshevik Power» are now validated by documentation only recently available in archives. 56 p.

«MY LAST WORD IS FOR YOU AND ABOUT YOU...»

V.O.Lichtenstadt's Letters to M.M.Tushinskaya. Published by N.K.Gerasimova and A.D.Margolis.

«The Technical Specialist» of the Fighting Organization of the S.R. Maximalist party, imprisoned for life in the Shlisselburg fortress is freed in the spring of

1917. His letters (1917-1919) contain his strong opinions of what is occurring in the country. Lichtenstadt's personal drama and his innerthoughts on his place in the new world lead him, not long before his death, to the Bolsheviks. 5 + 28 + 4 p.

From the History of Literary Life

A.Z.STEINBERG'S LETTER TO M.I.KAGAN. Published by J.M.Kagan.

A skeptical view from cold Petrograd, in autumn of 1920 towards the possibility of the intellectual beginnings of the organization of the new societies: The Free Association of Philosophy (Volnaya Filosofskaya Associaciya) and The Jewish University. 1 + 1 + 1 p.

«AND ME? I DON'T WANT TO BE REMEMBERED AS A FAIRY TAIL MADE FOR ME...» M.Gorky's correspondence with B.M.Zubakin. Published by J.M.Kagan.

Voluminous material for the biography of a poet, thinker, sculptor and one of the last of the Russian Rosenkreuzers. Topics include intellectual life in Moscow in 1920's, striving towards greater heights in philosophy and creativity, aesthetic and moral discussions with Gorky and details of everyday life in Capri. These commentaries contain new information about A.I. and M.I.Tsvetaeva and Zubakin's friends and acquaintances in Moscow. 11 + 116 p.

Erich Gollerbach. IN THE MEMORY OF M.A.VOLOSHIN.
Published by E.A.Gollerbach and V.P.Kupchenko. Introduction and commentary by E.A.Gollerbach and V.P.Kupchenko.

Refined literary profile of the poet, written by one the finest critics of the 20th century. In the introduction and in the notes, the connection between the writers is described in great detail, based on archival documentation. 5 + 16 + 13 p.

From the History of Theatre

M.A.KUZMIN AND V.A.MEYERHOLD'S CORRESPONDENCE 1906-1933. Published and notes by P.V.Dmitriev.

The relationship between the poet and the stage-manager which span a quarter of a century, has been fully reviewed for the first time. Components of the relationship include their creative cooperation, Kuzmin's new works for the theatre and Meyerhold's literary activity. 4 + 48 p.

**A.E.Zablotskaya. KONST. ERBERG IN THE SCIENTIFIC-
THEORETICAL SECTION OF TEO OF NARCOMPROS (1918-
1919).**

The documentary account of «scyth» oriented intelligentsia seeking to develop new cultural life without being oppositional to the Bolshevik power: «Card File... of the Articles and Books on Aesthetics», The Free Association of Philosophy (Volfila). 15 p.

**«DRAGGING MYSELF TO THE REVOLUTIONARY FRONT
WITH THE SECOND LEVEL OF SUPPLIES...»** From the
letters of K.M.Miklashevsky to individuals involved in theatre.
Published by R.Yangirov. Introduction and notes by R.Yangirov.

Details on the life and creative activity of K.M.Miklashevsky, the actor, director, theatrical critic and film producer, who was one of the founders of Russian avant garde film in the 1920's. His influence upon Meyerhold and Vachtangov was great. 9 + 19 p.

D i a r i e s , N o t e b o o k s , M a r g i n a l i a

Vladimir Amfiteatrov-Kadashev. PAGES FROM THE DIARY.
Published by S.V.Shumikhin.

The Revolution and Civil War in Moscow, Petrograd, Ukraine and on the Don river, as seen by a professional journalist. Subjects include everyday life, women in revolution, the violence of the White and Red, the author's work in the White propaganda in the south of Russia, etc... Commentaries and annotated index contain information about little known personalities and events. 4 + 165 + 13 + 19 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

Е.Л.Мельтцер. КОММЕНТАРИИ К ЖИЗНИ 7

К истории политических партий

Ричард Пайпс. ТРИ «ПОЧЕМУ» РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ . . . 73
«К ТЕБЕ И О ТЕБЕ МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО»

Письма В.О.Лихтенштадта к М.М.Тушинской.
Публикация Н.К.Герасимовой и А.Д.Марголиса. 129

Из истории литературной жизни

ПИСЬМО А.З.ШТЕЙНБЕРГА М.И.КАГАНУ
Публикация Ю.М.Каган. 169

«А Я? — Я НЕ ХОЧУ НА ПАМЯТЬ ОСТАТЬСЯ
СКАЗКОЙ САМ СЕБЕ...» (Корреспондент М.Горького
Б.М.Зубакин). Публикация Ю.М.Каган 172

Эрих Голлербах. ПАМЯТИ М.А.ВОЛОШИНА
Предисловие, публикация и примечания
Е.А.Голлербаха и В.П.Купченко. 299

Из истории театра

ПЕРЕПИСКА М.А.КУЗМИНА И В.Э.МЕЙЕРХОЛЬДА
1906-1933. Публикация и примечания
П.В.Дмитриева. 337

А.Е.Заблоцкая. КОНСТ. ЭРБЕРГ В НАУЧНО-
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ ТЕО НАРКОМПРОСА. . . . 389

«ЗА РЕВОЛЮЦИОННЫМ ФРОНТОМ Я ПЛЕТУСЬ
В ОБОЗЕ 2-го РАЗРЯДА...» Из писем
К.М.Миклашевского к деятелям театра. Вступительная
статья, публикация и примечания Р.Янгирова. 404

Дневники, записные книжки, маргиналии

Владимир Амфитеатров-Кадашев. СТРАНИЦЫ
ИЗ ДНЕВНИКА. Публикация С.В.Шумихина. 435

Annex 637

Учредители АО «Издательство "Феникс"»

Издательство «Atheneum», Париж;
Российский институт искусствознания;
Школа-студия (вуз) им. Вл.И. Немировича-Данченко
при МХАТ им. А.П. Чехова;
Союз театральных деятелей России;
Международная конфедерация театральных союзов

МИНУВШЕЕ
Исторический альманах
20

ATHENEUM • ФЕНИКС

Редактор Т.Б.Притыкина
Корректор Е.В.Русакова
Наборщик И.М. Курдина

ЛР №090022 от 10.X.1991

Подписано в печать 9.10.1996. Формат 60 x 88 ¹/₁₆. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Объем 42 п.л.
Тираж 2000 экз. Заказ №3270-I
Издательство «Феникс»: 103009, Москва, Тверская ул., 6, стр. 7.

Санкт-Петербургская типография №1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12.